THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XI-й. № 10-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

AP5
.M67
v.12,n
Oct.
1903

SCA/EXCH

Дозволено цензурою 28-го сентября 1903 года. С.-Петербургъ.

227383

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКАГО МАТЕРІАЛИЗМА. **Николая Бердяева.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ: ИСКІЯ. **Сергѣя Маковскаго.** 31
3. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть II. (Продолженіе). **И. Потапенка.** 32
4. ПОЛИТИКА И РЕЛИГІОЗНАЯ МЫСЛЬ НА ЗАПАДѢ. (Историческій очеркъ). (Окончаніе). **Евг. Тарле.** 70
5. ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ. **А. Рыкачева.** 91
6. ПОЛУЖИВОТНОЕ. Романъ **Елены Белау.** Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.** 110
7. ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ. (Критическій очеркъ). **Евгенія Аничкова.** 149
8. СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ВЕРЛЭНА: I) ART POÉTIQUE. **Ив. Тхоржевскаго.** II и III) ***. **Ив. Тхоржевскаго.** IV) МОЯ ОБЫЧНАЯ МЕЧТА, V) ЖИЗНЬ МОЯ СМЕЖИЛА ВѢЖДЫ **С. Рафаловичъ.** 174
9. ЧЕЛОВѢКЪ. Повѣсть. (Продолженіе). **Семена Юшкевича.** 177
10. ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПЛОБЛЕМА. **Г. Маркелова.** 197
11. ВЫКРЕСТКА ИЗЪ ЧЕГО-ЧЕГА. Разсказъ **А. Кагана.** Переводъ съ англійскнго **Анны Бронштейнъ.** 214
12. ВЪ ИГОРНОИ ЗАЛѢ. Разсказъ **Мультатули.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** 231
13. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА О «НЕВРОНАХЪ». Проф. **А. С. Догеля.** 244
14. СТИХОТВОРЕНІЕ: ГОРОДЪ. (Сонетъ). **Сергѣя Маковскаго.** 256

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. НОВЫЕ ПОБѢГИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. **Ѳ. Батюшкова.** . 1
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Юбилей Л. Н. Толстого.— Л. Н. Толстой на судѣ.— 40-лѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей».—Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ Пол-

стр.

тавѣ.—Культурный уголокъ.—Описаніе тюрьмы.—«Случай съ г. Меньщиковымъ».—Любопытная статистика.—За мѣсяцъ . 22

17. ВТОРОЙ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ. Врача **В. И. Бинштока.** 39

18. ВЪ ДЕРЕВНѢ. Современное положеніе русской деревни (санитарно-экономическое описаніе с. Малышева, Воронежскаго уѣзда). С. В. Мартынова. **Ник. Іорданскаго.** 44

19. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Историческій Вѣстникъ»—сентябрь. «Вѣстникъ Европы»—сентябрь. «Русская Мысль»—августъ) 49

20. **За границей.** На Балканахъ. — Македонскій герой. — Отставка Чэмберлена.—Англійскіе статистическіе отчеты.—Дѣловой духъ въ англійскомъ обществѣ. — Парламентъ ученыхъ.— Общественные и политическіе вопросы въ Германіи: борьба партій, конгрессы.—Австралійскіе выборы.—Народные университеты въ Швеціи. 60

21. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Болѣзни народовъ.—Таинственныя исчезновенія людей въ Лондонѣ. — Англійскіе журналы о македонскомъ вопросѣ 75

22. «ПАЛАТА ТРУДА» ВЪ МИЛАНѢ. **С. К.** 79

23. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. **В. Агафонова.** 85

24. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Публицистика. — Исторія всеобщая и русская.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 101

25. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 132

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

26. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** (Продолженіе). Перев. съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 33

27. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ.** 57

КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКАГО МАТЕРІАЛИЗМА.

I.

Критическій пересмотръ доктрины историческаго матеріализма представляется мнѣ теперь особенно важнымъ и своевременнымъ, такъ какъ именно съ этой доктриной неразрывно связана большая часть споровъ и разногласій, какъ теретическихъ, такъ и практическихъ, выдвинутыхъ марксизмомъ на поверхность умственной и общественной жизни. Теорія историческаго матеріализма, очень интересная и значительная по своей роли въ исторіи общественныхъ идей, поддерживаетъ цѣлый рядъ ложныхъ соціологическихъ и историко-философскихъ предпосылокъ и прямо даже суевѣрій, которыя стоятъ на дорогѣ развитія соціальной и философской мысли и препятствуютъ разъясненію самыхъ насущныхъ вопросовъ, мѣшаютъ сговориться и сойтись на какой-нибудь общей задачѣ, одинаково близкой и священной для каждой изъ спорящихъ сторонъ.

Матеріалистическую догматику, которою заражены еще слишкомъ многіе, нужно вырвать съ корнемъ, а корнемъ являются принимаемые большинствомъ на вѣру догматы историческаго матеріализма и въ особенности такъ называемая «классовая» точка зрѣнія, которая въ рукахъ большей части ея сторонниковъ оказывается орудіемъ противъ общечеловѣческой логики и общечеловѣческой этики и потому исключаетъ возможность какой-либо логически или нравственно обязательной аргументаціи. А между тѣмъ, еще слишкомъ мало сдѣлано для критики самой сути историческаго матеріализма, почти такъ же мало, какъ и для его обоснованія. Въ спорахъ «критиковъ» и «ортодоксовъ» *) одними также само собой подразумѣвается ложность нѣкоторыхъ догмъ марксистской соціологіи, какъ другими ихъ непререкаемая истинность, и потому спорящіе слишкомъ часто говорятъ на

*) Употребляю эту принятую условную терминологію, хотя она не характеризуетъ направленій по ихъ идейному содержанію и скоро вѣроятно совершенно устарѣетъ и будетъ замѣнена болѣе выразительной. „Критики“ не только критикуютъ, но строятъ также положительное міросозерцаніе.

разныхъ языкахъ и оказываются «варварами» другъ для друга *). «Буржуазные», въ истинномъ смыслѣ этого слова, критики марксизма и историческаго матеріализма только усиливали позицію «классовой теоріи». Ихъ грубое непониманіе и некрасивыя инсинуаціи питали то суевѣрное чувство, которое до сихъ поръ мѣшаетъ свободному умственному творчеству и догматически дѣлитъ науку на буржуазную и небуржуазную, при чемъ подъ буржуазной наукой подразумѣвается не завѣдомая защита буржуазіи, буржуазнаго общества и буржуазныхъ идеаловъ, что было бы совершенно справедливо и понятно, а огульно всякая научная и философская работа, которая не признаетъ всѣхъ классовыхъ догматовъ ортодоксіи. Производится своеобразный сыскъ для открытія «буржуазной» матеріальной субстанціи въ самомъ искреннемъ правдоискательствѣ, въ самой страстной жаждѣ справедливости. Такимъ образомъ, однимъ взмахомъ пера упраздняется всякая свободная и прогрессивная работа мысли, всякое идеалистическое исканіе новыхъ путей, упраздняется не путемъ доказательствъ и аргументовъ, а старымъ, унаслѣдованнымъ отъ католичества, путемъ «отлученія»: представляется достаточнымъ показать, что такой-то отклоняется отъ «классовой» точки зрѣнія и вступаетъ въ явныя противорѣчія съ Марксомъ, — несчастный еретикъ осуждается, какъ «буржуа».

Я отношусь съ большимъ хладнокровіемъ и даже пренебреженіемъ къ такого рода полемикѣ, поскольку она направлена противъ меня, и не вижу въ ней рѣшительно никакой теоретической цѣнности, это въ идейномъ отношеніи quantité negligeable, и тутъ не можетъ быть возраженій по существу, такъ какъ само существо замѣняется «полемическими красотами» **). Но дѣло обстоитъ не такъ просто, коренная причина тутъ не въ склонности тѣхъ или другихъ лицъ къ не совсѣмъ корректнымъ полемическимъ пріемамъ, къ передержкамъ и инсинуаціямъ, а въ основномъ характерѣ ихъ міросозерцанія, ихъ догмѣ, въ которую многіе вѣрятъ такъ свято, такъ безкорыстно и беззавѣтно, что невольно забываешь ихъ некрасивыя полемическія выходки и преклоняешься передъ тѣмъ чистымъ идеалистическимъ источникомъ, изъ котораго исходитъ жажда справедливости, хотя и соединенная съ ложными теоретическими идеями. Идеалистъ по природѣ не размѣняетъ своей цѣльной «вѣры» на мелкіе кусочки добра, на всякія маленькія улучшенія, не объединенныя какой-нибудь великой общей идеей, онъ можетъ перейти только къ новой «вѣрѣ», еще высшей и тоже цѣльной и широкой, но это процессъ мучительный и, во всякомъ случаѣ,

*) Правовѣрные экономическіе матеріалисты считаютъ „варварами“ всѣхъ несогласно мыслящихъ, всѣхъ недостаточно проникнутыхъ извѣстной „классовой“ психологіей.

**) Я имѣю въ виду ту полемику противъ меня со стороны „ортодоксовъ“, на которую я лишенъ возможности отвѣчать прямо.

дительный. Въ «ортодоксахъ», моихъ противникахъ, мнѣ всегда было дорого ихъ страстное желаніе отстоять цѣльность и чистоту своего идеала, такъ какъ въ этомъ я вижу неискоренимый идеализмъ человѣческой души, который прорывается черезъ матеріалистическую оболочку. Но эта идеалистическая потребность, просвѣтленная и расширенная, можетъ найти себѣ настоящее удовлетвореніе только въ новой «вѣрѣ», надъ созданіемъ которой мы должны теперь работать. Чтобы расчистить почву для новаго міропониманія и настроенія, необходимо пролить критическій свѣтъ на основныя положенія историческаго матеріализма, которыя все еще кажутся несомнѣнными. «Небуржуазные» критики марксизма до сихъ поръ дѣлали это относительно ряда частныхъ соціологическихъ вопросовъ, но недостаточно обращали вниманія на тѣ основныя предпосылки, на которыхъ покоится *классовая* точка зрѣнія и матеріалистическое истолкованіе *идеологіи* *).

Въ журнальной статьѣ я, конечно, даже приблизительно не могу исчерпать всѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ критикой историческаго матеріализма. Но я ограничу свою задачу и подвергну разсмотрѣнію только слѣдующіе вопросы, представляющіеся мнѣ особенно важными. Прежде всего я начну съ критики той методологической путаницы, которая сразу же поражаетъ у экономическихъ матеріалистовъ и мѣшаетъ опредѣлить, съ какой собственно научной дисциплиной мы имѣемъ дѣло. На ряду съ этимъ я буду критиковать соціологическій и вообще научный монизмъ, который радикально отвергаю. Затѣмъ перейду къ критикѣ количественнаго, механическаго эволюціонизма и его примѣненія къ соціологіи и укажу на необходимость новой теоріи развитія. Распутавъ тѣ предпосылки, которыя даются для матеріалистической соціологіи монизмомъ и эволюціонизмомъ (количественнымъ), я могу перейти къ критикѣ центральной проблемы, проблемы отношенія между «экономикой» и «идеологіей», ,между матеріальной и духовной культурой и постараюсь показать всю несостоятельность попытокъ матеріалистически объяснить идеологію. Наконецъ, я перейду къ теоріи классовой борьбы и въ частности къ теоріи «классовой идеологіи». Въ заключеніе буду говорить о сверхклассовомъ характерѣ политической идеологіи и о роли интеллигенціи. Этотъ пунктъ, относительно классовой матеріальной подкладки идеологіи, я считаю самымъ важнымъ, въ немъ корень разногласій, и важность его усугубляется тѣмъ, что именно въ этомъ вопросѣ перекрещиваются теоретическіе и практическіе интересы. По-

*) Въ русской литературѣ не могу не отмѣтить очень цѣнной статьи В. Кистяковскаго „Категорія необходимости и категорія справедливости въ изслѣдованіи соціальныхъ явленій“. Въ критикѣ историческаго матеріализма я стою на той же принципіальной почвѣ, что и Кистяковскій.

этому критическое преодолѣніе фикціи «классовой идеологіи» предполагаетъ устраненіе всѣхъ ложныхъ теоретическихъ посылокъ историческаго матеріализма и ведетъ къ болѣе свободному и широкому рѣшенію насущныхъ соціально-политическихъ задачъ. Само собою разумѣется, что я могу только намѣтить въ общихъ чертахъ рѣшеніе всѣхъ вышепоставленныхъ вопросовъ.

II.

Приступая къ критикѣ историческаго матеріализма, мы прежде всего должны отмѣтить его полнѣйшую методологическую и гносеологическую наивность. У сторонниковъ этого ученія существуютъ крайне путанные взгляды на характеръ той дисциплины, къ которой примѣняется ихъ «матеріализмъ». Есть ли это дисциплина историческая, соціологическая или историко-философская? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ важный методологическій вопросъ нельзя получить отъ экономическихъ матеріалистовъ. Марксистскій «матеріализмъ» есть гносеологически-наивное смѣшеніе конкретныхъ положеній исторіи, абстрактно-научныхъ положеній соціологіи и метафизическихъ идей философіи исторіи. Поскольку историческій матеріализмъ проповѣдуетъ монизмъ, строитъ теорію прогресса и примѣняетъ къ соціальному процессу предпосылки общефилософскаго матеріализма, онъ выступаетъ въ качествѣ философіи исторіи, которая есть чисто метафизическая дисциплина. Матеріалистическую философію исторіи защищаютъ тѣ, которые наиболѣе дорожатъ цѣльностью своего міросозерцанія, и они охотнѣе всего прибѣгаютъ къ термину «діалектическій матеріализмъ». Такимъ сторонникомъ матеріалистическаго пониманія исторіи, какъ философскаго міропониманія, является прежде всего самъ Энгельсъ, затѣмъ популяризировавшій Энгельса Н. Бельтовъ. Но историческій матеріализмъ стремится также построить науку объ обществѣ, онъ ставитъ себѣ болѣе спеціальную цѣль найти абстрактные соціологическіе законы, обладающіе такою же научною цѣнностью, какъ законы естествознанія. Полной методологической ясности эта чисто соціологическая задача не достигаетъ почти ни у одного изъ представителей историческаго матеріализма, методологическая путаница есть одинъ изъ догматовъ ортодоксіи, но во всякомъ случаѣ историческій матеріализмъ претендуетъ сдѣлаться соціологическою теоріей и двинуть впередъ науку объ обществѣ. Таковы всѣ попытки установить постоянныя соотношенія между различными сторонами общественнаго процесса, которыя методологически изолируются и выдѣляются изъ эмпирическаго хаоса конкретной исторіи, такова чисто соціологическая теорія борьбы общественныхъ группъ и общественной дифференціаціи. Наконецъ, самое распространенное и самое простое это—пониманіе историческаго матеріализма, какъ чисто *исторической* теоріи, какъ

замѣчательной попытки оріентироваться въ конкретной исторіи, главнымъ образомъ въ исторіи буржуазно-капиталистической эпохи. Такой преимущественно историческій характеръ носитъ большая часть работъ самого Маркса. Также Каутскій склоненъ придавать «матеріализму» болѣе тѣсное историческое истолкованіе, для него историческій матеріализмъ не столько философское міровоззрѣніе или абстрактное ученіе объ обществѣ, сколько методъ истолкованія конкретной исторіи.

Постоянное смѣшеніе принципіально различныхъ задачъ, философской, соціологической и исторической, приводитъ къ очень неопредѣленному ученію, которое называется «историческимъ», «экономическимъ» или «діалектическимъ» матеріализмомъ. Это смѣшеніе препятствуетъ противникамъ разглядѣть важныя истины, скрывающіяся въ этомъ ученіи, а ортодоксальныхъ сторонниковъ заставляетъ защищать положенія завѣдомо нелѣпыя. Критикуя основы историческаго матеріализма, я все время буду указывать на смѣшеніе этихъ различныхъ задачъ и различныхъ дисциплинъ. Выводъ изъ моей критики будетъ тотъ, что все-таки наибольшее значеніе остается за историческимъ матеріализмомъ, какъ за чисто исторической теоріей, сознавшей свои границы, что для соціологіи онъ даетъ важные матеріалы, хотя не можетъ быть и рѣчи о матеріалистической соціологіи, наконецъ, что историческій матеріализмъ менѣе всего можетъ быть философіей исторіи, такъ какъ послѣдняя возможна лишь на почвѣ идеалистической метафизики. Начну съ критики *монизма*, который лежитъ въ основаніи матеріалистическаго пониманія исторіи и составляетъ изначальный грѣхъ этого пониманія, такъ какъ монизмъ во всѣхъ его видахъ недопустимъ не только въ соціологіи, но и вообще ни въ какой наукѣ.

III.

Вся эмпирическая дѣйствительность, всѣ объекты научнаго познанія, данные намъ въ опытѣ, природа органическая и неорганическая, человѣческая душа и исторія человѣчества прежде всего поражаютъ насъ своимъ необыкновеннымъ многообразіемъ, въ мірѣ такое обиліе красокъ, все такъ индивидуально и такъ трудно оріентироваться въ этой пестротѣ, въ этомъ множествѣ качествъ. Наука прежде всего расчленяетъ и разлагаетъ этотъ эмпирическій хаосъ, она цѣликомъ покоится на принципѣ изоляціи извѣстной группы явленій изъ даннаго въ опытѣ хаотическаго многообразія. Строго научное познаніе начинается лишь тогда, когда анализъ выдѣлилъ изъ того «всего», того «цѣлаго», которое мы называемъ природой, міромъ и т. п., рядъ явленій болѣе или менѣе однороднаго качества, напр. явленій физическихъ или химическихъ, біологическихъ или психическихъ и т. д. Только такимъ путемъ познающій умъ оріентируется въ эмпирическомъ мірѣ и приходитъ къ научнымъ обобщеніямъ, устанавливаетъ сходства

и различія, открываетъ типическія соотношенія, которыя, пріобрѣтая характеръ обязательный для всякаго времени и пространства, называются законами.

Въ мою задачу не входитъ углубляться въ чисто гносеологическіе вопросы и для меня только важно установить слѣдующее основное гносеологическое положеніе: наука, всякая наука, по самой своей сущности и задачѣ, по характеру своихъ объектовъ и по своимъ методамъ познаванія—*плюралистична*, въ ней не можетъ быть и рѣчи о монизмѣ, все равно матеріалистическомъ или какимъ-нибудь иномъ, монистическія попытки всегда являются результатомъ некритическаго смѣшенія задачъ положительной науки съ задачами философіи и метафизики. Не разъ уже указывалось на то, что науки вообще, науки о мірѣ, о «цѣломъ» не существуетъ, такой научной дисциплины не только фактически нѣтъ, но и логически быть не можетъ, такъ какъ она противорѣчила бы исходному пункту всякаго положительнаго научнаго познанія—выдѣленію изъ цѣлаго, изъ этого многообразія типическаго ряда, въ которомъ можно найти абстрактныя соотношенія. Наука начинается лишь тогда, когда она опредѣлила свои границы, свой особый объектъ и свои особые методы, это подтверждается всей исторіей наукъ. Поэтому существуютъ только отдѣльныя науки съ ихъ спеціальными задачами, поэтому мы знаемъ только законы физическіе и химическія, біологическіе и психологическіе, мы стремимся найти законы соціологическіе, но ничего не знаемъ о законахъ какой-то несуществующей универсальной науки о цѣломъ. Характерно, что о монизмѣ много говорятъ только въ примѣненіи къ неразвитымъ наукамъ, не отдѣлившимъ еще своей задачи отъ задачъ метафизики. О монистической астрономіи и монистической физикѣ ничего не слышно, сравнительно мало говорятъ о монистической біологіи, уже больше о монистической психологіи и до чрезвычайности много о монистической соціологіи, тутъ вопросъ о монизмѣ сдѣлался чуть не основнымъ вопросомъ соціологической науки и въ его торжествѣ многіе видятъ залогъ будущаго этой злополучной науки.

И дѣйствительно вопросъ о монизмѣ является самымъ жгучимъ вопросомъ для современной соціологіи, но только въ одномъ смыслѣ: соціологія сдѣлается научной лишь тогда, когда соціологи поймутъ, что въ наукѣ не можетъ быть монизма, что задача соціологіи открывать законы своеобразныхъ соціологическихъ явленій, а отнюдь не объяснять историческій процессъ изъ одного принципа, одного начала. Словомъ соціологи должны сдѣлаться настолько философами, чтобы понять все различіе между научной соціологіей и философіей исторіи, различіе между позитивной наукой и метафизической философіей. Первый признакъ отсутствія философскаго духа у соціологовъ—это ихъ упорное желаніе давать научно соціологическіе отвѣты на чисто философскіе, метафизическіе вопросы. На этомъ недоразу-

мѣніи основана мечта о монистической соціологіи. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ изъ себя представить монизмъ въ соціологіи?

Монизмъ стремится объяснить все, весь міръ изъ одного начала, одного принципа, всѣ самыя разнообразныя качества онъ выводитъ изъ какого-нибудь одного изначальнаго качества, онъ не можетъ успокоиться ни на какомъ множествѣ, онъ послѣдовательно идетъ къ *единому* и стираетъ по дорогѣ все индивидуальное, все многообразіе опыта. Монистическое стремленіе къ единству въ познаніи есть глубочайшая, неискоренимая потребность человѣческаго разума, всѣ величайшіе философы были въ извѣстномъ смыслѣ монистами. Но какимъ образомъ возможно соціологическое удовлетвореніе этой монистической потребности? Соціологія, подобно всякой наукѣ, начинается съ выдѣленія соціологическихъ явленій, явленій общественности, изъ всей природы, изъ всего многообразія эмпирическаго міра. «Соціальное» признается особымъ качествомъ, эмпирически неразложимымъ, и въ этихъ предѣлахъ оказывается возможнымъ найти необходимыя соотношенія. Выдѣливъ общественность, «соціальное», изъ всей совокупности мірового цѣлаго, соціологія начинаетъ внутреннее расчлененіе, методологическую изоляцію различныхъ рядовъ въ общественномъ процессѣ, какъ, напр., экономическаго, правового и т. д., и такимъ путемъ устанавливаетъ абстрактныя соотношенія, которыя, если не сейчасъ, то хотя современемъ получатъ тотъ общеобязательный характеръ, который позволитъ ихъ назвать соціологическими законами.

Если соціологія начнетъ искать единаго, изначальнаго и конечнаго въ общественномъ процессѣ, то только по непослѣдовательности и половинчатости она можетъ остановиться внутри явленій общественности и успокоиться на признаніи такимъ единымъ, изначальнымъ и конечнымъ чего-то «соціальнаго» же. Послѣдовательный монизмъ требуетъ перехода черезъ грань, отдѣляющую общество отъ остальной природы, онъ ведетъ соціолога къ міровой совокупности и погружаетъ ученаго, задавшагося цѣлью построить науку объ обществѣ, въ волны безконечности. Тутъ начинается цѣлый рядъ въ высшей степени увлекательныхъ и важныхъ философскихъ проблемъ, но соціологія, съ ея болѣе скромными и спеціальными научными задачами, забывается совершенно. Какъ примѣнить матеріалистическій монизмъ, который есть хоть и плохая, но во всякомъ случаѣ чисто метафизическая теорія, къ соціологіи, къ соціальному процессу? Такъ какъ матеріалистическій монизмъ учитъ, что единое, изначальное и конечное есть матерія и изъ нея исходитъ все многообразіе міра, то послѣдовательное проведеніе этой точки зрѣнія въ примѣненіи къ соціальному процессу должно разорвать грань, отдѣляющую общество отъ природы и должно открыть во всемъ многообразіи общества ту же единую матерію, которая открывается въ многообразіи природы. Н. Бельтовъ совершенно послѣдовательно и говоритъ, что въ невозможности чисто *механиче-*

скаго объясненія исторіи заключается слабость діалектическаго матеріализма и ссылается на несовершенство другихъ наукъ въ этомъ отношеніи. Но сила историческаго матеріализма цѣликомъ покоится на этой его слабости, сила его въ томъ, что, гоняясь за рѣшеніемъ чисто метафизической проблемы посредствомъ матеріалистическаго монизма, онъ все-таки по дорогѣ высказываетъ цѣнныя соціологическія и историческія мысли. Все, что есть вѣрнаго и жизненнаго въ историческомъ матеріализмѣ, прямо противорѣчитъ монистической тенденціи утопить всѣ соціальныя краски въ безкрасочномъ морѣ единой міровой матеріи.

Но можетъ быть еще непослѣдовательнѣе примѣненіе матеріалистическаго монизма къ соціальному процессу, таковы всѣ попытки найти единую, изначальную *соціальную матерію* внутри соціальнаго процесса. Такой соціальной матеріей признается экономика, производительныя силы. Именно въ этой формѣ проявляется монизмъ у большей части экономическихъ матеріалистовъ. Но перенесеніе монизма въ спеціальную науку, въ частную сферу эмпирическихъ явленій—это очевидный гносеологическій абсурдъ, это ни то, ни се, ни наука, ни философія. Наука не доходитъ до единаго и изначальнаго въ той группѣ явленій, съ которой она имѣетъ дѣло, она не задается конечными вопросами и не даетъ того пониманія и объясненія, которое можетъ дать только философія, философія же идетъ гораздо дальше и ищетъ единаго и изначальнаго не въ такой частной области, какъ общественность, а въ сущности міра, раскрывающейся во всей дѣйствительности вообще и въ соціальномъ процессѣ въ частности.

Само понятіе матеріи соціальной жизни (экономики, производительныхъ силъ) устанавливается соціологіей путемъ изоляціи, выдѣленія извѣстнаго ряда изъ совокупности соціальныхъ явленій, это дѣтище «плюралистическаго» метода *) въ соціологіи, а не «монистическаго». Все, что есть цѣннаго въ историческомъ матеріализмѣ, носитъ на себѣ печать научнаго плюрализма и съ монизмомъ ничего общаго не имѣетъ. Это цѣнное заключается въ томъ, что методологически выдѣляется матеріальная сторона общественной жизни, устанавливаются необходимыя соотношенія въ этой сферѣ (законы экономическіе) и соотношенія между этой стороной и другими сторонами общественности, развитіемъ человѣческой культуры (законы соціологическіе). Монизма нѣтъ ни въ исходномъ, ни въ заключительномъ пунктѣ соціологическаго изслѣдованія, такъ какъ соціологическое изслѣдованіе беретъ выдѣленную изъ всей природы общественность во всемъ ея многообразіи, путемъ методологической изоляціи устанавливаетъ различные

*) Такого спеціальнаго метода, конечно, не существуетъ и я употребляю это условное выраженіе, чтобы оттѣнить несостоятельность „монистическаго метода“.

ряды въ общественномъ процессѣ и открываетъ въ нихъ и между ними необходимыя абстрактныя соотношенія, т.-е. соціологическіе законы. Нѣкоторые еще понимаютъ подъ монизмомъ примѣненіе принципа причинности ко всѣмъ явленіямъ, т.-е. послѣдовательное проведеніе научнаго детерминизма, но это злоупотребленіе терминомъ, такъ какъ монизмъ есть онтологическое ученіе. Что принципъ причинности обязателенъ при научномъ изслѣдованіи всѣхъ явленій міра, это истина, которую въ настоящее время не станетъ отрицать ни одинъ сторонникъ философскаго дуализма. Извѣстно также, что для психологіи такіе детерминисты, какъ, напр., Вундтъ, устанавливаютъ принципъ внутренной психической причинности, отличной отъ внѣшней физической. Къ соціальнымъ явленіямъ физическая причинность тоже оказывается непримѣнимой, такъ что детерминизмъ отнюдь не ведетъ еще къ монизму.

Монизмъ отвѣчаетъ метафизической жаждѣ человѣческаго духа, которая и удовлетворена можетъ быть только на почвѣ метафизики. Монистическая тенденція нашего познанія по отношенію къ историческому процессу удовлетворяется только философіей исторіей, которая есть часть метафизики, а не научной соціологіи. И тутъ громко заявляетъ свои права идеализмъ. Если Марксъ много далъ для соціологіи, то для философіи исторіи гораздо больше можетъ дать Гегель. Только на почвѣ метафизическаго идеализма можно преодолѣть эмпирическое многообразіе, можно понять его, какъ видимое проявленіе единой духовной реальности *). Но соціологія должна быть позитивна и реалистична, какъ и всякая наука, и потому историческій матеріализмъ долженъ отбросить свои монистическія претензіи, только тогда изъ этого ученія можно извлечь цѣнныя данныя для соціологической науки.

IV.

Теперь перехожу къ критикѣ другой не менѣе важной основы историческаго матеріализма. Сторонники историческаго матеріализма считаютъ свое ученіе не только самой совершенной формой монизма, но также и самой совершенной формой эволюціонизма. Вотъ противъ этого соціологическаго эволюціонизма, доводящаго до крайности всѣ ошибки количественной, механической теоріи развитія, я и думаю направить свою критику. Количественный, механическій эволюціонизмъ такъ же несостоятеленъ и такъ же ненаученъ, какъ и монизмъ, ему должна быть противопоставлена другая, новая теорія развитія. Эволюціонная теорія второй половины XIX вѣка, столь для него характерная, предметъ гор-

*) Даже въ метафизикѣ частный монизмъ недостаточенъ и неудовлетворителенъ, такъ какъ не рѣшаетъ проблемы „индивидуальнаго“. Будущее скорѣе принадлежитъ метафизическому *моно-плюрализму*.

дости позитивно настроенныхъ умовъ, покоится на совершенно ложныхъ философскихъ основаніяхъ, и пора наконецъ признать, что мы не имѣемъ еще удовлетворительной теоріи развитія, что у насъ есть только отдѣльные кусочки, сами по себѣ цѣнные, но объединенные ложной гипотетической теоріей. А между тѣмъ фактъ развитія есть самый крупный, самый великій фактъ и человѣческой жизни, и жизни всего міра. Въ настоящее время не можетъ быть споровъ между сторонниками и противниками теоріи развитія, не быть эволюціонистомъ невозможно, защищать эволюціонизмъ вообще противъ анти-эволюціониста есть анахронизмъ. Споръ можетъ быть только о томъ или другомъ пониманіи эволюціи, такъ какъ могутъ быть разныя теоріи развитія.

Шаблонный эволюціонизмъ, принимаемый на вѣру всѣми экономическими матеріалистами въ качествѣ непререкаемаго догмата, хочетъ монополизировать отрицаніе чудесъ, но въ сущности онъ допускаетъ «чудо», какъ свое основное предположеніе. Вѣра въ переходъ простого количества въ сложное качество,—эта основная вѣра количественнаго механическаго и по существу матеріалистическаго эволюціонизма, есть вѣра въ чудо изъ чудесъ, въ чудо рожденія качественнаго духа изъ безкачественной матеріи, жизни изъ безжизненнаго, общественности изъ природы, въ которой нѣтъ ея задатковъ, познанія и нравственности изъ чего-то абсолютно отъ нихъ отличнаго, не заключающаго въ себѣ даже намека на познаніе и нравственность. Тайну рожденія всѣхъ качествъ въ мірѣ не дано разгадать эволюціонизму, оперирующему лишь съ простыми количествами. Та лабораторія эволюціонизма, въ которой приготовляются всѣ высшія качества, всѣ сложнѣйшія проявленія духа изъ простыхъ количественныхъ комбинацій, есть лабораторія алхимическая и позитивные алхимики творятъ въ ней чудеса.

Говорятъ очень много о развитіи, о приспособленіи и т. п., но при этомъ забываютъ объ одной маленькой бездѣлицѣ, забываютъ о *томъ*, *кто* развивается и приспособляется, о *субъектѣ* эволюціи. И рѣшили, что субъектъ развитія есть тоже продуктъ развитія. Такъ, напр., приспособленіе признается не только факторомъ развитія жизни, для Спенсера и другихъ біологовъ-эволюціонистовъ сама жизнь, та жизнь, которая развивается, есть не что иное, какъ приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, она продуктъ развитія. Но всякое «приспособленіе» съ логическою неизбѣжностью предполагаетъ то, что приспособляется, въ данномъ случаѣ—жизнь, какъ субъектъ развитія, и то, къ чему происходитъ приспособленіе, въ данномъ случаѣ качественно отличную отъ жизни природу. Но у эволюціонистовъ понятіе «приспособленія» поглощаетъ всѣ остальные моменты, особенно моментъ внутренній, и потому развитіе оказывается висящимъ въ воздухѣ, оно не имѣетъ субстрата. Для того, чтобы поставить теорію раз-

витія на правильный и единственный возможный путь, нужно прежде всего признать слѣдующее основное для всякой эволюціи положеніе: во всякомъ развитіи предполагается то, что развивается, субъектъ развитія, какъ нѣчто изначальное и внутренее, теорія можетъ показать какъ развиваются въ мірѣ всѣ его качественныя проявленія, но она не можетъ разсматривать внутреннія качества, какъ механическій продуктъ развитія; такъ напр. теорія развитія открываетъ факторы развитія жизни, но сама жизнь въ ея качественной своеобразности предполагается, какъ нѣчто изначальное, неразложимое и невыводимое изъ отсутствія жизни, изъ физико-химическихъ процессовъ неорганической природы; она открываетъ факторы развитія общественной жизни людей, но сама общественность, т.-е. извѣстнаго качества взаимодѣйствіе людей, опирающееся на свойства человѣческаго духа, предполагается и не выводится изъ ея отсутствія, изъ неорганической и органической природы и т. д. Словомъ *количественному* міровоззрѣнію мы рѣшительно противопоставляемъ *качественное* міровоззрѣніе, вѣрѣ въ эволюціонныя чудеса, въ алхимію, посредствомъ которой изъ элементарныхъ количественныхъ комбинацій матеріи и единой энергіи происходитъ все на свѣтѣ, всѣ высшія и сложныя качества человѣческой культуры, мы противополагаемъ точку зрѣнія, по которой качества, раскрывающіяся лишь на высшихъ ступеняхъ человѣческой культуры, изначально заложены въ духовной, внутренней природѣ міра и невыводимы изъ количествъ. Это тѣ субъекты или субстраты развитія, которые раскрываются и разворачиваются взаимодѣйствующими рядами. Но только основныя качества человѣческаго духа изначальны и устойчивы, вокругъ нихъ образуются текучія психологическія наслоенія, всѣ соціальныя формы, все содержаніе культуры измѣнчиво и является лишь способомъ обнаруженія первичныхъ качествъ. Развитіе и есть именно раскрытіе, разворачиваніе, въ немъ что-то изначальное и внутреннее становится внѣшнимъ, получаетъ свое наибольшее выраженіе. И мы должны признать, что то, что получаетъ свое наиболѣе богатое выраженіе и обнаруженіе въ духовной культурѣ человѣчества, его наивысшее познаніе, наивысшая нравственность, наивысшая религія и искусство, все это заложено въ міровой жизни, какъ сѣмя, какъ качественно неразложимый субстратъ развитія *).

Такимъ образомъ возникаетъ очень интересная и важная философская проблема, которая требуетъ того или иного метафизическаго разрѣшенія. Но ни одна наука со своими спеціальными задачами не доходитъ до рѣшенія этой философской проблемы, она должна сознать свои границы, которыя эволюціонисты слишкомъ часто переступаютъ. Въ задачу біологіи такъ же мало входитъ вопросъ о сущности жизни

*) Эта теорія развитія предполагаетъ метафизическій плюрализмъ (спиритуалистическую монодологію) и восходитъ къ Платоновскому ученію объ идеяхъ.

о ея изначальномъ рожденіи отъ чего-либо, какъ въ задачу физики и химіи не входитъ вопросъ о происхожденіи матеріи и энергіи и о природѣ міра. Въ задачу соціологіи, которая насъ сейчасъ особенно интересуетъ, не входитъ вопросъ о конечномъ происхожденіи общества и его отношеніи къ міровому цѣлому. Объединить различные ряды явленій, изслѣдуемые соціальными науками, и понять ихъ, какъ единое цѣлое, это задача метафизики, а не науки. Соціологія также предполагаетъ психическое взмоимодѣйствіе людей, направленное на совмѣстное поддержаніе жизни и развитіе культуры, какъ и всѣ изначальныя качества человѣческаго духа, познающій умъ съ его апріорными формами и его стремленіемъ къ истинѣ, нравственную волю съ ея стремленіемъ къ добру и правдѣ, чувство съ его потребностью въ красотѣ, религіозное сознаніе, объединяющее всѣ душевныя функціи въ одномъ стремленіи къ Божеству, и т. д. При поверхностномъ эмпирическомъ взглядѣ бросается, напр., въ глаза, что сначала было невѣжество, а потомъ наступило просвѣщеніе, что этому способствовалъ рядъ соціальныхъ факторовъ. Но просвѣщеніе сдѣлалось возможно только потому, что для этого были внутреніе задатки въ человѣческомъ духѣ, была потребность въ знаніи и свѣтѣ, оно не могло развиться изъ невѣжества внѣшнимъ механическимъ путемъ. Соціологія не имѣетъ никакого права считать продуктомъ соціальнаго развитія высшія функціи человѣческой души и соотвѣтствующія имъ высшія блага духовной культуры, это внѣ ея компетенціи. Количественный эволюціонизмъ въ соціологіи такъ же недопустимъ и нелѣпъ, какъ и во всѣхъ сферахъ знанія, это переживаніе метафизическаго матеріализма.

Что такое метафизическій эволюціонизмъ въ соціологіи? Это попытка вывести всѣ качества человѣческаго общества и человѣческой культуры, такія ея цѣнныя блага, какъ познаніе и нравственность, религію и право и т. д., изъ безкачественной соціальной матеріи—экономики. Все оказывается продуктомъ соціальнаго развитія, и нѣтъ никакого субъекта развитія, кромѣ того или другого количества соціальной матеріи. Понятіе причинности примѣняется къ отношенію между экономикой и другими сторонами соціальнаго развитія въ самомъ произвольномъ смыслѣ этого слова. Механическое пониманіе причинности совершенно непримѣнимо къ соціологіи, это уже достаточно часто выяснялось. Всѣ качественно самостоятельные ряды міровой и соціальной жизни можно было бы свести къ единству только въ метафизическомъ понятіи міровой субстанціи, которое для науки не имѣетъ значенія. Матеріалистическій монизмъ и эволюціонизмъ въ соціологіи оказывается недостаточно позитивенъ и эмпиричень. Присмотримся внимательнѣе, какіе выводы можно сдѣлать по отношенію къ историческому матеріализму и къ его центральной идеѣ—экономическому объясненію идеологіи—изъ нашего пониманія эволюціи вообще.

V.

Соединеніе матеріалистическаго монизма съ матеріалистическимъ эволюціонизмомъ проводитъ въ соціологіи къ тому положенію, что единственною реальностью и конечнымъ источникомъ всей соціальной жизни людей, всей человѣческой культуры является соціальная матерія—экономика, матеріальныя производительныя силы. Цвѣтъ человѣческой жизни, вся идеологія, всѣ духовныя цѣнности культуры—это только отраженіе экономики, «надстройка» надъ матеріальнымъ «базисомъ». Идеальное развитіе человѣчества объясняется изъ матеріальнаго, изъ него выводится. Имманентное развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ создаетъ все многообразіе общественной жизни и культуры, т.-е., по строгому смыслу матеріалистическаго пониманія исторіи, накопленіе и комбинированіе количества соціальной матеріи—экономики—изъ себя творитъ разнообразныя идеальныя качества, наростающія въ развитіи человѣчества. Возьмемъ для примѣра такое идеальное качество, какъ нравственность. Общественная наука констатируетъ фактъ развитія нравственности въ историческомъ процессѣ. Каково должно быть правильное отношеніе соціологіи къ этому факту? Прежде всего соціологія должна брать нравственность, какъ апріорную предпосылку, какъ изначальное качество, невыводимое ни изъ какого другого качества, въ рядѣ нравственнаго развитія она не можетъ допустить перерыва, до котораго не было бы нравственности, какъ особеннаго качества человѣческаго духа, она должна мыслить этотъ рядъ до безконечности, теряющимся въ нѣдрахъ міровой жизни. Этотъ рядъ нравственнаго развитія исходитъ изъ идеальной стороны человѣческой природы, которая изначальна и невыводима ни изъ чего внѣшняго и чуждаго ей, въ этомъ ряду развитіе всякаго нравственнаго качества, порождается нравственнымъ же качествомъ, есть результатъ его наростанія изнутри. Для метафизики причинность есть внутренняя творческая работа духа, но соціологическая наука призвана открыть только ту функціональную зависимость, которая существуетъ между развитіемъ нравственности и развитіемъ всего общества.

Общественное развитіе создаетъ почву для внѣшнихъ проявленій внутренняго нравственнаго начала, это внѣшнее проявленіе нравственности въ общественной жизни людей часто называютъ «нравами», которыя непосредственно входятъ въ объектъ соціологической науки. Тутъ соціологія констатируетъ связь между уровнемъ нравственнаго развитія и уровнемъ общественнаго развитія вообще, она разсматриваетъ общественное развитіе, какъ условіе, при которомъ только и можетъ развиваться въ жизни человѣчества нравственное начало и кристаллизоваться въ правахъ. Такимъ образомъ соціологія можетъ установить цѣлый рядъ необходимыхъ соотношеній и приблизиться къ выработкѣ соціологическихъ законовъ.

Словомъ, имманентное нравственное развитіе, исходящее изъ идеальной природы человѣка, подвергается соціальному тренію, соціальная матерія оказывается благопріятнымъ или неблагопріятнымъ условіемъ для раскрытія нравственнаго момента въ жизни человѣчества, для его воплощенія въ высшей человѣческой культурѣ. Что касается вопроса о конечномъ источникѣ нравственности и ея сущности, то это уже не дѣло соціологіи, это вопросъ философской этики. Но историческій матеріализмъ поступаетъ совершенно иначе, онъ переноситъ плохую матеріалистическую метафизику въ науку и переступающей свои границы наукой замѣняетъ метафизику. Послѣдовательный экономическій матеріализмъ отрицаетъ качественную самостоятельность нравственности, онъ стремится вывести ее изъ чего-то внѣшняго, изъ соціальной матеріи, которая чудеснымъ образомъ порождаетъ всѣ качества: ей только стоитъ увеличить свое количество, комбинировать его такъ или иначе, и получается и право, и нравственность, и познаніе, и религія, и художественное творчество, и все что угодно.

Впрочемъ, такъ будетъ разсуждать только послѣдовательный экономическій матеріалистъ, для котораго эта теорія является цѣльнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, менѣе послѣдовательный, придающій теоріи болѣе ограниченное историческое значеніе, какъ напр., Каутскій, согласится признать основныя свойства человѣческой природы, какъ предпосылки, съ которыми приходится считаться матеріалистическому пониманію исторіи. То, что мы сказали о нравственности, можно примѣнить къ любой другой сторонѣ «идеологіи». По центральному для историческаго матеріализма вопросу объ отношеніи между экономикой и идеологіей, между матеріальной и духовной культурой мы должны установить слѣдующія основныя положенія. Соціальная матерія (экономика, производительныя силы) не дана въ объектѣ соціологической науки, какъ единый субстратъ соціальнаго процесса, она методологически выдѣляется изъ всего многообразія общественной жизни, что является очень плодотворнымъ для соціологіи пріемомъ. Вся идеологія, вся духовная культура исходитъ изъ идеальныхъ сторонъ человѣческаго духа, который и является истиннымъ субъектомъ историческаго развитія; всѣ стороны идеологіи предполагаютъ неразложимыя качества человѣческой души и въ нихъ коренятся. Между соціальной матеріей, экономикой и духовной культурой, идеологіей, существуетъ функціональная зависимость, постоянное соотношеніе, которое можетъ быть формулировано такъ: матеріальное соціальное развитіе создаетъ почву, условіе для идеальнаго развитія человѣческой культуры, есть необходимое соотвѣтствіе между ступенями экономическаго и идеологическаго развитія, но отнюдь не порожденіе идеологическаго ряда экономическимъ рядомъ. Совмѣстная борьба людей за поддержаніе жизни создаетъ матеріальную культуру, тотъ рядъ соціально-экономическихъ явленій, безъ котораго невозможенъ духовный ростъ чело-

вѣчества. Но соціологическая наука должна разсматривать экономическое развитіе, какъ самостоятельный рядъ, невыводимый изъ идеологическаго развитія; этотъ рядъ имѣетъ свои собственные критеріи въ экономической цѣлесообразности и производительности. Нужно признать большой заслугой историческаго матеріализма, что онъ указалъ на огромное самостоятельное значеніе матеріальнаго экономическаго развитія и пересталъ искать причинъ этого развитія въ идеальныхъ порывахъ человѣческой личности, которая не можетъ создать соціальной матеріи и соціологически зависитъ отъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Свободный человѣческій духъ творитъ все высшія и высшія формы культуры, творитъ право и нравственность, науку и философію, искусство и религію, но въ своемъ творчествѣ онъ опирается на матеріальное общественное развитіе, накопленіе соціальной матеріи, которая является такимъ же необходимымъ орудіемъ для совершенствованія человѣчества, какъ вообще внѣшняя природа для духа.

Изъ всего вышесказаннаго мы можемъ сдѣлать заключеніе, что историческій матеріализмъ можетъ имѣть значеніе въ качествѣ ограниченной исторической теоріи, онъ можетъ пролить свѣтъ на конкретную исторію человѣчества, затѣмъ изъ него можно извлечь рядъ цѣнныхъ положеній для соціологіи будущаго, но какъ философія исторіи, какъ система философскаго матеріализма, доводящая до крайности всѣ грѣхи количественнаго эволюціонизма и неизбѣжно переходящая въ отрицаніе качественной самостоятельности и истинной реальности всѣхъ духовныхъ благъ человѣческой жизни, онъ долженъ быть радикально отвергнутъ. Нельзя искать матеріальной подкладки, матеріальнаго субстрата для идеальнаго развитія, для всѣхъ идеальныхъ построеній, потому что «идеальное» эмпирически столь же реально, какъ и «матеріальное», а сведеніе ихъ къ единому субстрату есть уже метафизическая теорія, которая непремѣнно идеалистична и считаетъ субстанціей духъ, а матерію лишь видимостью. Философія исторіи считается съ относительной правдой историческаго матеріализма, но дѣлаетъ отсюда выводы прямо противоположные всякому матеріализму. Философія исторіи, возможная лишь на почвѣ метафизическаго идеализма, должна построить теорію прогресса, такъ какъ вопросъ о прогрессѣ выходитъ изъ сферы соціологической науки, и понять «экономику», какъ *матеріальное средство* для *идеальныхъ цѣлей* человѣческой жизни. Смысла историческаго процесса можно искать только въ *идеологіи*, сколько бы мы ни говорили о значеніи экономики и матеріальнаго развитія; съ философской точки зрѣнія, конечнымъ субстратомъ историческаго процесса, первоисточникомъ всѣхъ цѣнностей, наростающихъ съ прогрессомъ, является живой духъ, онъ субъектъ, творецъ и цѣль историческаго прогресса.

Я рѣшительно отвергаю всякій монизмъ и ходячій механическій эволюціонизмъ въ примѣненіи къ соціологіи, но въ философіи исторіи,

въ метафизическомъ пониманіи историческаго процесса я являюсь сторонникомъ спиритуалистическаго монизма и идеалистической теоріи развитія. Вл. Соловьевъ гораздо больше даетъ для философіи исторіи и метафизической теоріи прогресса, чѣмъ всѣ экономическіе матеріалисты вмѣстѣ взятые *). Возможно только *идеалистическое пониманіе* исторіи, только оно удовлетворяетъ монистической тенденціи нашего познанія и нашей потребности въ теоріи прогресса, которая осмыслила бы нашу жизнь и нашу борьбу за лучшее будущее. Рядъ почти банальныхъ истинъ историческаго матеріализма, въ основаніи которыхъ лежитъ подмѣченный фактъ грубаго жизненнаго матеріализма человѣческой массы, пропитанной мелкими повседневными интересами, нельзя отрицать, ихъ нужно освѣтить философской работой разума. И тогда относительная истинность марксистскаго истолкованія конкретной исторіи и марксистской соціологіи можетъ ужиться съ абсолютною истинностью идеалистической философіи исторіи, идеалистической этики и метафизики. Необходимъ синтезъ реалистической соціологіи Маркса и идеалистической философіи исторіи Фихте и Гегеля. Такимъ образомъ рѣшится поставленная, но не рѣшенная Кантомъ проблема отношенія между идеальными нормами, присущими человѣческому духу, и объективнымъ теченіемъ историческаго процесса, въ которомъ соціальная матерія является такой давящей количественной силой. Послѣ Маркса мы уже не можемъ быть экономическими реакціонерами и утопистами, мы прошли хорошую школу соціологическаго реализма и впитали въ себя нѣкоторыя неумирающія по своему значенію истины. Мы преклоняемся также въ трудѣ Маркса, безпощаднаго матеріалиста и реалиста, передъ его идеалистической жаждой справедливости на землѣ, этимъ отблескомъ вѣчной правды. Поэтому, несмотря на нашу рѣшительную критику и рѣзкое отрицаніе нѣкоторыхъ положеній марксизма, мы отдаемъ дань уваженія и удивленія одному изъ величайшихъ людей всѣхъ временъ. А теперь переходимъ къ соціологической теоріи борьбы группъ и классовъ, этому важнѣйшему выводу матеріалистическаго монизма и эволюціонизма въ соціологіи.

VI.

Марксистская теорія классовой борьбы имѣетъ огромное историческое значеніе. Это, прежде всего, историческая теорія, понятіе *класса* она заимствуетъ изъ конкретной исторической эпохи, эпохи капиталистической, она является отраженіемъ самаго замѣтнаго и крупнаго факта въ соціальной жизни XIX вѣка, факта рѣзкихъ клас-

*) См. „Философскія начала цѣльнаго знанія“. Это мало извѣстный и мало оцѣненный, но глубокій и оригинальный трудъ нашего замѣчательнѣйшаго философа.

совыхъ антагонизмовъ и классовой борьбы, котораго не замѣчаютъ только ослѣпленные предразсудками и предвзятыми идеями. Но въ томъ видѣ, въ какомъ теорія классовой борьбы проповѣдуется марксизмомъ, она еще не можетъ претендовать на соціологическое значеніе; чтобы получить соціологическую теорію, нужно придти къ положеніямъ, имѣющимъ абстрактное, независимое отъ конкретнаго историческаго времени и пространства значеніе; на марксистской теоріи слишкомъ сильна печать современной исторической эпохи съ ея живой борьбой, въ этомъ ея сила съ одной стороны, но съ другой — въ этомъ ея соціологическая слабость. Но историческую теорію борьбы классовъ можно превратить въ соціологическую теорію борьбы группъ.

Историческій матеріализмъ впервые ясно отмѣтилъ ту важную для общественной науки истину, что люди борются за жизнь съ природой и другъ съ другомъ не въ одиночку, а путемъ соединенія и группировки, что въ соціальномъ процессѣ мы всегда находимъ не борьбу людей, а борьбу группъ. Онъ же установилъ, что соціальная группировка происходитъ на основаніи того или иного перераспредѣленія соціальной матеріи, состоянія производительныхъ силъ. Это методологическое выдѣленіе соціологическаго понятія группы въ высшей степени важно для соціологической науки и ему нужно придать абстрактный соціологическій смыслъ. Тогда подъ *группой* мы будемъ понимать не только «классъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово примѣнимо къ обществу XIX вѣка,—классовъ не было на первыхъ стадіяхъ общественнаго развитія и, по справедливому вѣрованію марксизма, не будетъ на его высшихъ стадіяхъ,—группа есть основная, элементарная соціологическая единица. Когда мы мыслимъ общественность, мы уже мыслимъ не отдѣльнаго, изолированнаго человѣка, котораго для соціологіи не существуетъ, а особаго рода взаимодѣйствіе людей, соціальную группировку людей, мы беремъ соціальнаго групповаго человѣка и изслѣдуемъ отношеніе личности къ группѣ и отношеніе группъ между собою. Понятіе соціальной группы, т.-е. внѣшняго взаимодѣйствія людей, прикрѣпленнаго къ матеріальной основѣ соціальной жизни, есть основное соціальное понятіе. Соціологія смотритъ на весь соціальный процессъ, какъ на взаимодѣйствіе и перекрещиваніе различныхъ соціальныхъ группъ.

Для философіи исторіи, для философской этики существуетъ, прежде всего, человѣческая личность, какъ духъ, который творитъ высшія блага человѣческой культуры, какъ цѣль исторіи, но соціологія, принимая идеальныя основы человѣческой природы въ качествѣ неразложимыхъ предпосылокъ, не дѣлаетъ ихъ объектомъ своего изслѣдованія, ее интересуетъ не внутренняя природа человѣческаго духа, не идеальныя цѣнности, а *внѣшнія* отношенія людей, которыя и называются соціальными въ собственномъ смыслѣ этого слова. Она

не задается нелѣпою цѣлью вывести всю духовную культуру изъ матеріальнаго базиса, но она ставитъ себѣ болѣе спеціальную задачу: выдѣлить внѣшнія отношенія людей и установить необходимое соотношеніе между внѣшней соціальной группировкой и соціальной матеріей, и открываетъ ту соціологическую истину, что внѣшнее распредѣленіе и взаимодѣйствіе общественныхъ группъ возникаетъ на почвѣ матеріальнаго экономическаго развитія. Общественное раздѣленіе труда есть самый общій соціологическій фактъ, порождающій все разнообразіе общественныхъ положеній, но онъ же ведетъ къ развитію личности путемъ сближенія группъ. Въ томъ ходячемъ положеніи марксизма, что «экономическій факторъ» является главнымъ и опредѣляющимъ въ развитіи соціальныхъ отношеній, есть значительная доля истины, но нужно это понимать критически. Экономическій факторъ не можетъ играть никакой созидательной роли въ идеальномъ развитіи человѣчества, онъ не создаетъ никакихъ идеаловъ, никакихъ духовныхъ цѣнностей, но играетъ основную роль во внѣшней, соціальной группировкѣ людей, въ развитіи «общественности», которая всегда является лишь необходимымъ условіемъ, необходимымъ орудіемъ для развитія «духовности», для внутренняго идеальнаго развитія человѣчества. Такимъ образомъ, мы еще разъ убѣждаемся, что ученіе о господствѣ «экономическаго фактора» можетъ имѣть первостепенное значеніе для исторіи, очень важное для соціологіи и не имѣетъ никакого значенія для философіи исторіи. Еще разъ подчеркиваю, что соціологія имѣетъ дѣло не съ внутреннимъ, а только съ *внѣшнимъ* человѣкомъ, съ человѣкомъ, поскольку онъ вступаетъ во внѣшнія соціальныя взаимодѣйствія съ другими людьми. Соціологія безсильна вывести внутренняго человѣка съ его идеальнымъ содержаніемъ изъ человѣка внѣшняго съ его взаимодѣйствіемъ съ соціальными группами, подобная попытка есть основная ложь марксистскаго философскаго міропониманія. Но соціологія должна установить соотношенія между внѣшнимъ соціальнымъ человѣкомъ и соціальной группой, брать соціальнаго человѣка въ его многообразныхъ взаимодѣйствіяхъ съ разнородными соціальными группами и открывать тѣ или иныя групповыя вліянія на развитіе личности (въ чисто соціологическомъ смыслѣ). На этой почвѣ мы приходимъ къ очень важнымъ выводамъ.

Личность, индивидуальность, съ соціологической точки зрѣнія, есть результатъ перекрещиванія различныхъ соціальныхъ группъ, въ ней соединяются разнообразныя соціальныя вліянія, и степень ея развитія и богатство ея содержанія прямо пропорціональны степени соціальной дифференціаціи *). Обыкновенно это формулируютъ такъ, что личность

*) Образцомъ такого чисто соціологическаго изслѣдованія можетъ служить работа Зиммеля о „соціальной дифференціаціи“, хотя у него слишкомъ сильна струя философскаго скептицизма.

есть продуктъ «соціальной среды». Но это нужно понимать въ ограниченномъ, спеціально соціологическомъ смыслѣ. Соціологія не властна утверждать, что внутреннія идеальныя качества личности создаются внѣшней соціальной средой, этимъ вопросомъ она и не задается, она беретъ только внѣшнія общественныя наслоенія, наростающія на внутренней природѣ человѣческаго духа и образующія внѣшняго общественнаго человѣка. Соціологія имѣетъ дѣло только съ внѣшнимъ групповымъ человѣкомъ, на которомъ лежитъ печать внѣшнихъ наслоеній соціальнаго процесса. Только философія исторіи, этика и метафизика открываютъ за этимъ групповымъ человѣкомъ *общечеловѣка*. Можно сказать, что соціологія имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а только съ его оболочкой. И потому соціологія не должна, какъ это пытается дѣлать историческій матеріализмъ, смотрѣть на соціальный процессъ, какъ на лабораторію, въ которой приготовляется *человѣкъ*, человѣка не можетъ создать внѣшняя, матеріальная соціальная среда, какъ бы ни было велико ея вліяніе; человѣкъ есть духъ, онъ образъ и подобіе Божества и онъ предполагается соціологіей, какъ данное. Соціологія пытается только открыть, какъ изъ-подъ внѣшней соціальной оболочки показывается человѣкъ, какъ въ борьбѣ группъ подымаетъ голову общечеловѣкъ.

Подъ вліяніемъ извѣстнаго историческаго момента и боевыхъ жизненныхъ соображеній марксизмъ преувеличилъ групповый антагонизмъ, противоположность классовъ, онъ вырылъ между группами непроходимую пропасть. Совокупность всѣхъ общественныхъ группъ въ своемъ взаимодѣйствіи образуетъ данное общество, которое имѣетъ свои общекультурные надгрупповые интересы. Общественное развитіе знаменуетъ собою сближеніе между общественными группами, ослабленіе пропасти, усиленіе общественной цѣлесообразности. Паденіе рабства сдѣлалось возможно только тогда, когда уменьшилась та пропасть между группой рабовъ и группой господъ, которая препятствовала рабу сознать себя тоже человѣкомъ. Настоящая борьба между рабочими и капиталистами возможна только тогда, когда стушевывается непроходимая пропасть между групповымъ человѣкомъ изъ рабочихъ и групповымъ человѣкомъ изъ буржуазіи, когда рабочій имѣетъ возможность сознать, что у него такія же права, какъ у капиталиста. Мы можемъ установить слѣдущее парадоксальное по формѣ положеніе: сама классовая борьба, ростъ ея силы и сознательности возможны только благодаря ослабленію классовыхъ антагонизмовъ, благодаря сближенію между различными общественными группами. Личность рабочаго развивается только постольку, поскольку группа, къ которой онъ принадлежитъ, перекрещивается съ другими группами, сближается съ ними, поскольку ослабляется его групповая ограниченность и онъ получаетъ впечатлѣнія не только отъ своей узкой группы, а отъ всей совокупности общественныхъ отношеній, отъ самыхъ

разнообразныхъ проявленій культуры. То же можно сказать про личность групповаго человѣка третьяго сословія, она развивалась въ прошломъ, поскольку стиралось ея рѣзкое отличіе отъ аристократіи, а въ настоящее время она еще можетъ развиваться только постольку, поскольку будетъ стираться ея отличіе отъ представителей рабочаго класса. Личность не можетъ развиваться, пока ея единственнымъ и опредѣляющимъ жизненнымъ впечатлѣніемъ является отношеніе ея экономической группы къ другой экономической группѣ, съ которой она непосредственно связана. Только широкій кругъ общественной и культурной жизни можетъ дать матеріалъ для развитія личности. Если рабочій будетъ знать только фабрику и капиталистовъ, съ которыми онъ ведетъ повседневную борьбу, онъ еще не можетъ быть развитымъ человѣкомъ, залогъ его развитія въ томъ, чтобы онъ вращался въ какъ можно болѣе разнообразныхъ общественныхъ кругахъ, ему необходимы впечатленія отъ разнообразныхъ культурныхъ начинаніяхъ, нужны союзы, преслѣдующіе чисто идеалистическія цѣли. Личность соціологически питается не непосредственно соціальной матеріей, а общественными отношеніями людей, перекрещиваніемъ и взаимодѣйствіемъ всѣхъ общественныхъ группъ и различныхъ культурныхъ слоевъ, хотя личность прикрѣплена къ своей соціальной группѣ, какъ къ основному впечатлѣнію жизни, и на ней, прежде всего, лежитъ печать групповой ограниченности, какъ первоначальное общественное наслоеніе. Постоянное сближеніе и перекрещиваніе различныхъ общественныхъ группъ въ направленіи преобладанія группъ демократическихъ ослабляетъ групповую ограниченность и ведетъ къ постепенному выдѣленію общечеловѣка изъ-подъ толстыхъ пластовъ, покрывавшихъ его идеальную природу. Въ этомъ залогъ развитія личности и демократизаціи общества.

Теперь перехожу къ самой важной части статьи, къ критикѣ «классовой идеологіи» и марксистской классовой точки зрѣнія вообще, такъ какъ я отвергаю классовую точку зрѣнія даже въ примѣненіи къ политическимъ идеологіямъ и вижу въ ней огромное препятствіе не только для рѣшенія теоретическихъ вопросовъ соціологіи и философіи, но и вопросовъ практическихъ.

VII.

Идея классовой идеологіи, классовой точки зрѣнія на жизнь съ ея борьбой, на историческій процессъ и даже на весь міръ—это пунктъ, въ которомъ марксизмъ перестаетъ быть наукой или философіей и становится религіей. То негодованіе и раздраженіе, которое вызываетъ у экономическихъ матеріалистовъ всякая попытка отнестись критически къ классовой точкѣ зрѣнія, доказываетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло со святыней, вызывающей религіозное къ себѣ отноше-

ніе. Я это не въ насмѣшку говорю, для меня это яркій показатель того, что религіозная потребность неискоренима изъ человѣческой души, и что, если она не удовлетворяется нормально религіей, то— удовлетворяется чѣмъ-нибудь инымъ, принимающимъ религіозную форму, тогда наука и соціальная борьба становятся религіей. Но религія классовая есть переходное состояніе и суррогатъ, она должна перейти въ истинную общечеловѣческую религію.

Историческій матеріализмъ детализируетъ то общее положеніе, что всякая идеологія вытекаетъ изъ экономики, является лишь ея отраженіемъ, онъ считаетъ понятіе соціальнаго класса соединительнымъ звеномъ между моментомъ экономическимъ и идеологическимъ. Получается слѣдующая цѣпь разсужденій: матеріальныя производительныя силы создаютъ опредѣленную классовую структуру общества, соціально-экономическое положеніе каждаго класса создаетъ опредѣленную психологію у его представителей, посредствомъ этой специфически классовой психологіи экономическая дѣйствительность отражается въ идеологіи, внутренній духовный человѣкъ выводится изъ внѣшняго экономическаго человѣка, изъ соціальной матеріи, какъ первоисточника. Это основное для марксизма понятіе классовой психологіи заключаетъ въ себѣ несомнѣнную долю истины, это прежде всего не теорія даже, а констатированіе факта. Во всякомъ обществѣ, представляющемъ собою взаимодѣйствіе соціальныхъ группъ, а въ особенности въ сложномъ классовомъ обществѣ XIX-го вѣка, насъ поражаетъ фактъ групповой ограниченности типическихъ представителей тѣхъ или другихъ группъ. Что представители буржазіи, какъ класса, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ закоренѣлые буржуа съ крайне ограниченнымъ групповымъ кругозоромъ, что иную групповую ограниченность мы встрѣчаемъ у мелкой буржуазіи и опять иную у дворянства, все это истины, которыя нужно признать почти банальными. На человѣческой природѣ пластами лежатъ соціальныя наслоенія и можетъ быть самыми могущественными являются тѣ, которыя коренятся въ групповомъ расчлененіи всякаго общества. Каждый историческій человѣкъ представляетъ изъ себя смѣсь идеальной общечеловѣческой природы съ ея потенціальною возможностью творить правду и групповой общественной психологіи съ ея неизбѣжною ограниченностью, съ узостью соціальныхъ горизонтовъ. Человѣческій духъ по своей природѣ рвется къ свободѣ и свѣту изъ узкихъ рамокъ всякой групповой и вообще эмпирической ограниченности, но на пути встрѣчаетъ накопившіяся вѣками групповыя традиціи, предвзятыя соціальныя мысли, чувства и стремленія *). Каково же отношеніе этой

*) Человѣческая природа, которую мы противополагаемъ соціальнымъ наслоеніямъ, сама по себѣ двойственна и зло лежитъ въ ея духовной глубинѣ, но разсмотрѣніе этой проблемы совершенно уже не входитъ въ нашу задачу.

групповой ограниченности, этой «классовой психологіи» къ идеологіи, къ идеологическому развитію человѣчества, къ творчеству болѣе совершенныхъ формъ культуры?

Тутъ очевидно не можетъ быть причиннаго отношенія. Классовая ограниченность буржуазіи можетъ искажать науку, но не можетъ ее создавать, она можетъ искажать идеалы соціальной справедливости, но опять-таки не создавать ихъ. Классовыя особенности представителей труда могутъ заключать въ себѣ меньшую степень групповой ограниченности по отношенію къ нѣкоторымъ истинамъ соціальной науки и идеалу соціальной справедливости, ихъ групповая соціальная обстановка можетъ быть болѣе благопріятна для истины и правды, чѣмъ таковая у буржуазіи, но и тутъ никакія групповыя особенности не могутъ создавать ни научныхъ истинъ, ни соціальныхъ идеаловъ *). Историческій матеріализмъ съ поразительною некритичностью смѣшиваетъ причину съ условіемъ. Такое отрицательное условіе, какъ групповая ограниченность, которая только можетъ быть болѣе или менѣе благопріятна, не можетъ создать такого положительнаго, какъ истина въ нашемъ познаніи и справедливость въ нашихъ идеалахъ. Очевидно, самое большее, что можно сказать, это то, что исканіе истины и творчество идеаловъ подвергаются соціальному тренію и что потому такъ много лжи въ человѣческихъ теоріяхъ и такъ много несправедливости въ соціальныхъ стремленіяхъ. На счетъ групповой ограниченности, «классовой точки зрѣнія», можно отнести только искаженіе идеологіи, всякая же истинная и справедливая идеологія есть апелляція къ идеальнымъ сторонамъ человѣческой природы противъ групповой ограниченности, всякій шагъ въ идеальномъ развитіи человѣчества есть побѣда общечеловѣка надъ классовымъ человѣкомъ.

Мы уже говорили выше, почему идеологія не можетъ быть выведена изъ экономики, какъ изъ первоисточника, почему идеальное не можетъ быть отраженіемъ матеріальнаго. Отсюда само собой слѣдуетъ, что внѣшній фактъ того или иного классоваго соціальнаго положенія не можетъ объяснить внутренняго процесса человѣческаго творчества. Идеологія имѣетъ своимъ источникомъ не соціальную матерію и соотвѣтствующую ей соціальную группировку, а идеальную природу человѣческаго духа, она всегда есть преодолѣніе групповой

*) Противники, конечно съ удовольствіемъ отмѣтятъ, что я отрекаюсь отъ тѣхъ положеній, которыя самъ развивалъ въ книгѣ «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи». Не отрицаю, что въ этой книгѣ я находился подъ несравненно болѣе сильнымъ вліяніемъ марксизма, чѣмъ теперь, и недостаточно выразилъ свою идеалистическую точку зрѣнія, но и тогда я былъ уже критическимъ идеалистомъ въ теоріи познанія и этикѣ и потому философски отрицалъ «классовую» точку зрѣнія, такъ какъ сводилъ ее къ эмпирически-случайнымъ благопріятнымъ условіямъ нахожденія истины и добра. Теперь я дѣлаю изъ этого болѣе послѣдовательные выводы.

ограниченности, попытка возвысится надъ ней. Словосочетаніе «классовая идеологія» внутренно противорѣчиво и нелѣпо, могутъ существовать классовые интересы, классовые предразсудки и предвзятыя мнѣнія, но классовыхъ идеаловъ, классовой истины, классовой справедливости быть не можетъ. Идеалъ, вдохновляющій марксизмъ, самъ есть не что иное, какъ попытка возвыситься надъ всякою групповою ограниченностью, въ томъ числѣ и ограниченностью рабочаго класса, путемъ окончательнаго устраненія классовъ съ ихъ спеціальными интересами и сдавленнымъ кругозоромъ. Реальнымъ матеріаломъ для всякой идеологіи является вся совокупность соціальной дѣйствительности, взаимодѣйствіе всѣхъ ея соціальныхъ группъ, но живой духъ исходитъ изъ идеальной стороны человѣка, его вноситъ въ жизнь общечеловѣкъ, которымъ и для котораго творится вся культура съ ея идеальными цѣлями.

Классовая точка зрѣнія заключаетъ въ себѣ значительную долю истины, на которую мы уже указывали, она вѣрно подмѣчаетъ фактъ групповой ограниченности, указываетъ на благопріятное или неблагопріятное вліяніе групповыхъ интересовъ и предвзятыхъ мнѣній на искаліе истины и справедливости, но какъ соціально-философское міровоззрѣніе, какъ религія, она должна быть рѣшительно отброшена, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ грубое смѣшеніе общечеловѣка, духовнаго существа, съ внѣшнимъ групповымъ человѣкомъ. Классовая точка зрѣнія на идеологію есть завершительный ложный выводъ изъ цѣлаго ряда ложныхъ посылокъ, изъ ложнаго монизма и эволюціонизма, изъ ложнаго взгляда на отношеніе между экономикой и идеологіей, изъ ложнаго пониманія соціологической теоріи борьбы группъ. На базарной площади валяется нелѣпая идейка, что будто бы критическая философія есть проявленіе буржуазнаго инстинкта самосохраненія, что философскій идеализмъ реакціоненъ и на руку господствующимъ классамъ, что въ каждомъ философскомъ построеніи нужно искать подозрительную матеріально-классовую подкладку. Этой ходячей, никѣмъ никогда недоказанной идеей пользуются люди, неспособные къ самостоятельному мышленію, и пора, наконецъ, прекратить это безобразіе. Нормальная логика никому не даетъ права искать и находить матеріальную классовую подкладку въ философскихъ идеяхъ, когда онѣ по существу не заключаютъ въ себѣ ничего «матеріальнаго» и «классового», когда онѣ являются безкорыстнымъ исканіемъ правды и прямо и сознательно защищаютъ справедливость. Нельзя быть идеологомъ класса; можно или принадлежать къ данному классу, быть проникнутымъ его интересами, отстаивать ихъ, тогда оказывается неумѣстнымъ слово «идеологъ»; или, не принадлежа къ классу и не будучи заинтересованнымъ, защищать справедливость его требованій, но это значитъ быть идеологомъ правды, руководиться сверхклассовомъ идеаломъ и потому тутъ неумѣстно слово «классовой». Чтобы окончательно уяснить

свою точку зрѣнія, перехожу къ анализу правовой и политической идеологіи и въ частности къ выясненію роли интеллигенціи въ творчествѣ соціальныхъ идеаловъ. Эти животрепещущіе вопросы, приближающіе насъ къ практической жизни, будутъ заключительнымъ звеномъ въ нашей критикѣ историческаго матеріализма.

VIII.

Что существуетъ связь и соотношеніе между экономикой даннаго общества и его государственно-правовымъ строемъ, это фактъ, отмѣчаемый даже не экономическими матеріалистами. Все заставляетъ думать, что экономическій моментъ является предпосылкой для момента правового и политическаго. Всякая политическая программа, повидимому, есть реакція на экономическую дѣйствительность и она неизбѣжно считается съ реальнымъ перераспредѣленіемъ силъ, съ соціальной группировкой. Историческій матеріализмъ видитъ въ политической идеологіи не просто отраженіе экономической дѣйствительности, онъ считаетъ ее дѣтищемъ того или другого соціальнаго класса, онъ признаетъ только классовую политическую идеологію и только классовую политику. Въ основаніи этого утвержденія лежитъ та доля истины, что на политической идеологіи несравненно больше, чѣмъ на всякой другой, лежитъ печать групповой ограниченности, она на каждомъ шагу искажается своекорыстными интересами группъ, которыя съ трудомъ способны возвыситься надъ узкими горизонтами своей обыденной жизни съ ея мелкими интересами. Теоретическіе промахи историческаго матеріализма находятъ себѣ объясненіе и оправданіе въ крупномъ, можно сказать основномъ фактѣ соціальной исторіи XIX-го вѣка, въ фактѣ безобразнаго искаженія политическихъ идеаловъ ограниченностью и своекорыстіемъ господствующей въ настоящее время группы, искаженія, доходящаго до полнаго затменія человѣческаго облика. Безстыдное оправданіе угнетенія человѣка человѣкомъ, небывалое еще по своему цинизму увлеченіе исключительно матеріальными интересами, грубый политическій матеріализмъ, подавляющій идеальные запросы человѣка, все это естественно должно было привести къ тому, что угнетенные и жаждущіе справедливости потеряли вѣру въ человѣческую природу, они не видѣли возможности открыть въ безстыдномъ буржуа человѣка, такъ какъ человѣкъ, въ которомъ живетъ нравственный законъ, не можетъ сосать человѣческую кровь и ставить матерію выше духа. И протестантскія силы общества XIX вѣка неизбѣжно облеклись въ классовую одежду, хотя подъ ней и скрывался идеальный порывъ къ правдѣ и справедливости, жажда возстановленія человѣческаго облика, преодолѣнія классоваго человѣка во имя общечеловѣка.

Прекрасно понимая тѣ мотивы, которые привели марксизмъ къ классовой точкѣ зрѣнія, мы все-таки должны признать ее ложной теоріей

и въ настоящее время даже вредной не только въ области философіи, науки, искусства, нравственности, религіи, но и въ области политики. Понятіе классовой политической идеологіи немыслимо прежде всего потому, почему вообще немыслима классовая идеологія, какъ это выше мы старались показать, а теперь постараемся поближе присмотрѣться, какъ создается политическая идеологія. Мы уже говорили, что соціальная группировка происходитъ на экономическомъ основаніи, каждая соціальная группа имѣетъ свои спецефическіе экономическіе интересы, свою ограниченную соціальную задачу, вытекающую изъ ея отношенія къ другимъ группамъ. Такъ, напр., рабочіе борются съ капиталистами за улучшеніе своего матеріальнаго положенія, у нихъ есть рядъ спеціальныхъ групповыхъ интересовъ и задачъ, которые рѣшаются прогрессивной рабочей политикой. Имманентно изъ экономическаго положенія рабочихъ, изъ рабочаго движенія вытекаетъ только чисто профессіональная, узко групповая политика. Рабочее движеніе, поскольку оно остается строго групповымъ, поскольку оно вытекаетъ изъ отношеній рабочихъ къ капиталистамъ, есть, прежде всего, тредъюніонистское движеніе, изъ него имманентно не вытекаетъ еще никакой политической идеологіи, оно не ставитъ себѣ еще идеальной задачи, задачи перехода къ высшимъ формамъ человѣческой культуры. Общій классовой интересъ, единство стремленій въ данномъ классѣ— это не болѣе какъ фикція, что блестяще доказывается англійскимъ рабочимъ движеніемъ. Каждая группа имѣетъ массу частныхъ интересовъ, не можетъ быть общей соціально-экономической «идеи» четвертаго сословія, она распадается на цѣлый рядъ отдѣльныхъ стремленій, различающихся въ предѣлахъ данной группы. Изъ экономическаго положенія какого-нибудь класса и его отношенія къ другому нельзя еще вывести никакой политической идеологіи; всякая политическая программа опирается на анализъ взаимодѣйствія всѣхъ классовъ, на ихъ отношеніе ко всему обществу и культурѣ, т.-е. предполагаетъ преодолѣніе классовой ограниченности. Государство даже съ строго реалистической точки зрѣнія не можетъ быть органомъ какого-нибудь класса, оно есть продуктъ равнодѣйствующей всѣхъ общественныхъ силъ. Соціологически нелѣпо выдѣлять рабочій классъ изъ демократическаго государства и противополагать его исключительно въ качествѣ разрушительной относительно этого государства силы, потому что рабочій классъ является творчески-созидательной общественной силой и органической частью демократическихъ государственныхъ и правовыхъ формъ *).

Соціально-политическій идеалъ, выставляемый марксизмомъ, не вытекаетъ необходимо изъ экономическаго положенія рабочихъ и ихъ

*) Вообще марксистское понятіе „класса“ можетъ быть истолковано только *номиналистически*, а не *реалистически*.

групповой борьбы. Какъ и всякій идеалъ, онъ привносится въ групповое движеніе со стороны, онъ коренится въ идеальныхъ сторонахъ интеллигентной души и стремится возвыситься надъ групповою ограниченностью, поднять профессіональное движеніе до общечеловѣческаго соціальнаго и культурнаго движенія. Въ настоящее время это часто признаютъ сами марксисты, хотя тѣмъ самымъ они отрекаются отъ основъ своей теоріи, по которой всякая соціально-политическая идеологія есть продуктъ имманентнаго экономическаго развитія. И въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ можно вкладывать въ то утвержденіе, что соціально-политическіе идеалы суть продукты имманентнаго экономическаго развитія опредѣленнаго класса? Тутъ возможно двоякое толкованіе. Прежде всего можно сказать, что политическій идеалъ непосредственно исходитъ изъ даннаго класса, имманентно вытекаетъ изъ его экономики. Это самый грубый смыслъ; экономическіе матеріалисты понимаютъ, что соціально-политическіе идеалы никогда не бываютъ непосредственнымъ продуктомъ самого класса, что ихъ привносятъ идеологи класса въ имманентный процессъ развитія. Поэтому предлагаютъ другое толкованіе: классовая идеологія есть отраженіе соціально-экономическаго положенія даннаго класса, идеальное выраженіе его завѣтныхъ мыслей, чувствъ и стремленій. Такъ, напр., «идея четвертаго сословія», созданная не непосредственно самимъ рабочимъ классомъ, а интеллигентной душой Маркса и Лассаля, есть отраженіе соціально-экономическаго положенія четвертаго сословія, идеальное выраженіе его думъ и стремленій. Но тутъ мы встрѣчаемся съ несомнѣннымъ злоупотребленіемъ словами, съ самымъ некритическимъ обращеніемъ съ понятіями.

«Идея» четвертаго сословія, какъ идеалъ общечеловѣческой правды, коренится въ идеальной глубинѣ человѣческаго духа, раскрывающагося въ творчествѣ великихъ идеалистовъ, она по самому существу своему есть попытка преодолѣть групповую ограниченность рабочаго движенія, она превращаетъ интересы въ идеалы, вноситъ въ соціально-экономическое движеніе нравственное начало. Всякая правовая идеологія есть примѣненіе къ данной соціальной дѣйствительности идеальнаго начала *естественнаго права*, котораго нельзя вывести не только изъ экономическаго положенія какой-либо группы, но и вообще изъ эмперической дѣйствительности, такъ какъ оно трансцендентной природы, оно всегда призываетъ къ вѣчной справедливости и абсолютной свободѣ и открываетъ въ данной эмперической дѣйствительности лишь новые способы для осуществленія этой идеальной задачи. Естественное право есть самостоятельное качество, невыводимое изъ экономики, и оно есть настоящая основа всякаго политическаго идеала. Носителемъ этого идеальнаго правового начала, а слѣдовательно и основаннаго на немъ соціально-политическаго идеала является развитая интеллигентная душа, возвы-

сившаяся надъ групповою ограниченностью, т.-е. общечеловѣкъ. Возьмемъ для примѣра либерализмъ, самую крупную политическую и правовую идеологію и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе подозрѣваемую въ чисто классовомъ экономическомъ происхожденіи. Всѣ повторяютъ ту до пошлости шаблонную формулу, что либерализмъ есть доктрина буржуазная ивозникла для матеріальныхъ интересовъ растущаго третьяго сословія, даже противникамъ экономическаго матеріализма это кажется необыкновенно правдоподобнымъ. Все недоразумѣніе основано тутъ на смѣшеніи идеальной сущности либерализма, его поистинѣ вѣчныхъ цѣлей, съ тѣми временными средствами, которыми онъ пользовался въ извѣстную эпоху, съ тѣми искаженіями и тою непослѣдовательностью, которыя проявляютъ реальныя историческія силы. Очень легко показать буржуазность и реакціонность германскихъ «націоналъ-либераловъ», непослѣдовательность и половинчатость «свободомыслящихъ», также какъ можно было бы показать, что соціалъ-демократы являются единственными настоящими, послѣдовательными либералами, такъ какъ несутъ знамя свободы и равенства, «естественныхъ правъ» человѣка. Не трудно также показать буржуазность экомомическаго индивидуализма, возводящаго «историческое» право сбственности въ право «естественное». Но нельзя доказать буржуазность вѣчной нравственной сущности либерализма: идеи личности съ ея неотъемлемыми естественными правами, идеи свободы и равенства, этихъ основныхъ моментовъ въ осуществленіи естественнаго права личности, идеи гарантій всѣхъ неотчуждаемыхъ личныхъ правъ въ государственномъ устройствѣ. Только непозволительное насиліе надъ человѣческой логикой и своеобразное нравственное ослѣпленіе могутъ привести къ дикому утвержденію, что право свободы совѣсти, этотъ духовный источникъ всякой свободы, есть право «буржуазное» и потому не можетъ особенно вдохновлять. Можно искать классовой матеріальной подкладки для объясненія ограниченности *историческаго* либерализма, для тѣхъ искаженій, которымъ онъ подвергается со стороны тѣхъ или другихъ общественныхъ силъ, можно признать буржуазными тѣ *средства*, которыми пользовались въ извѣстную историческую эпоху для осуществленія цѣлей либерализма, но идеальные принципы либерализма исходятъ изъ глубины человѣческаго духа и являются раскрытіемъ вѣчныхъ нравственныхъ цѣнностей. «Идея» четвертаго сословія имѣетъ совершенно тоже идеальное нравственное содержаніе, что и либерализмъ, она только предлагаетъ новые способы *), соотвѣтствующіе современному моменту соціальнаго развитія, для болѣе послѣдовательнаго проведенія въ жизнь все тѣхъ же вѣчныхъ принциповъ возвышающихся надъ всякою соціальною дѣй-

*) Такимъ способомъ, напр., является экономическая коллективизація.

ствительностью и соціальною группировкою, и теперь новыя общественныя силы группируются для рѣшенія этой вѣковѣчной задачи.

Марксистская идеологія есть идеологія эклектическая и половинчатая, это еще середина между интересами группового человѣка и идеалами общечеловѣка. Марксизмъ есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ выраженіе чисто группового, профессіональнаго рабочаго движенія съ его ограниченнымъ реализмомъ, и нѣчто меньшее, чѣмъ тотъ общечеловѣческій идеалъ правды, который долженъ поднять людей на высшую ступень культуры. Поэтому это чисто переходная идеологія, не разграничивающая еще въ достаточной степени реальныхъ задачъ группового движенія и идеальныхъ задачъ движенія общечеловѣческаго. Въ марксизмѣ общечеловѣкъ съ его идеальнымъ обликомъ, отрицающимъ всякую классовую ограниченность, всякое угнетеніе человѣка человѣкомъ, нравственно только просыпается и наша задача въ томъ, чтобы дать ему полное выраженіе. А для этого нужно преодолѣть «классовую» точку зрѣнія, отвести ей ея узкую и ограниченную область, такъ какъ она только часть, а цѣлое видно только съ «общечеловѣческой» точки зрѣнія.

Носителемъ и творцомъ политической идеологіи является междуклассовая, или вѣрнѣе сверхклассовая интеллигенція, т. е. та часть человѣчества, въ которой идеальная сторона человѣческаго духа побѣдила групповую ограниченность. Интеллегентъ не имѣетъ непосредственной связи съ той или иной экономической группой, это человѣкъ съ наибольшей внутренней свободой, онъ живетъ прежде всего интересами разума, интеллекта, духовный голодъ есть его преобладающая страсть. Каждый человѣкъ долженъ быть интеллигентомъ, но групповыя соціальныя вліянія являются крупнымъ препятствіемъ, преодолѣваемымъ вѣками, и тутъ создается цѣлый рядъ градацій. Самъ Марксъ былъ сверхклассовымъ интеллигентомъ, смотрѣвшимъ на рабочее движеніе и его отношеніе къ общественному развитію съ такой высоты, которая очень и очень возвышается надъ ограниченностью групповыхъ стремленій, вдохновлявшими его интересами было познаніе соціальнаго процесса и осуществленіе соціальной справедливости. Человѣческій духъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей свободно творитъ правовые и политическіе идеалы правды и справедливости, но онъ реалистически опирается на взаимодѣйствіе всѣхъ общественныхъ группъ, на всѣ прогрессивныя силы общества, претворяя ограниченныя стремленія профессіональныхъ группъ въ идеальную задачу современности, пробуждая человѣка въ ограниченномъ групповомъ существѣ. Идеалъ справедливости производитъ расцѣнку реальныхъ групповыхъ интересовъ, признавая одни изъ нихъ справедливыми, другіе же несправедливыми. Несправедливость групповыхъ интересовъ буржуазіи и ея крайняя групповая ограниченность дѣлаетъ эту группу въ современ-

номъ европейскомъ обществѣ реакціонной и затрудняетъ всякое обращеніе къ человѣческой природѣ ея представителей. Группа, представляющая трудовое начало современнаго общества, поставлена въ этомъ отношеніи въ несравненно болѣе благопріятныя условія, на ней не лежитъ пятно угнетателя и она не заинтересована въ поддержаніи существующаго зла. Но переходъ къ высшей культурѣ, къ болѣе справедливому соціальному строю можетъ быть результатомъ только сложнаго взаимодѣйствія наиболѣе передовыхъ группъ, а никакъ не дѣятельности только одной группы. Пути къ будущему многообразны и тутъ не можетъ быть сколько нибудь точнаго соціологическаго предвидѣнія, такъ какъ нѣтъ историческихъ законовъ, по которымъ идеалъ лучшаго будущаго рождался бы съ фатальной необходимостью. Всегда еще очень многое остается на долю свободы нашего духа. Наукѣ не дано постигнуть тайну человѣческаго творчества, такъ какъ она невхожа въ царство свободы.

Такимъ образомъ сверхклассовая интеллигенція, исходя изъ безусловной по своему значенію идеи «естественнаго права», изъ вѣчныхъ идеаловъ свободы и справедливости, выдѣляетъ очередную прогрессивную задачу, общую для многихъ реальныхъ группъ, объединяетъ параллельные ряды групповыхъ общественныхъ движеній въ общенаціональномъ дѣлѣ достойнаго человѣческаго существованія. Интеллигенція возвышается надъ узостью каждой изъ общественныхъ группъ, понимая свой либерализмъ въ настоящемъ, идеалистическомъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется всѣми этими группами, какъ реальнымъ базисомъ. Можно напр., придавать огромное значеніе земству, вліять на него и опираться на него въ извѣстный историческій моментъ, не заражаясь групповою ограниченностью среднепомѣстнаго дворянства, которое, главнымъ образомъ, представлено въ нашихъ земствахъ. Классовое движеніе можетъ быть только частью общаго освободительнаго движенія, оно имѣетъ свои ограниченныя профессіональныя цѣли и потому должно быть подчинено общечеловѣческой задачѣ, поставленной идеальными запросами человѣческой личности, которая властно требуетъ своихъ правъ.

Пусть не думаютъ, что мы реабилитируемъ старый утопизмъ и возвращаемся къ «субъективизму», который сами же раньше критиковали, только философское невѣжество можетъ выставлять подобное обвиненіе. Мы слишкомъ хорошо понимаемъ все значеніе матеріальнаго общественнаго развитія, которое не можетъ быть создано порывами интеллигентной души. Принимая развитіе матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующую соціальную группировку, какъ реальный базисъ, мы должны творить соціально-политическую справедливость и духовную культуру, она имманентно сама собой изъ соціальной матеріи не возникнетъ, такъ какъ соціальная матерія не

причина, а условіе, не цѣль, а средство. Наша практическая программа должна считаться и съ реалистической соціологіей и съ идеалистической философіей исторіи, послѣдняя указываетъ на цѣли, которыя насъ дѣлаютъ людьми, первая на средства, которыя не дѣлаютъ насъ безплодными утопистами.

Необходимо выдѣлить зерно истины, заключающееся въ историческомъ матеріализмѣ, и отбросить ложную матеріалистическую метафизику, искажающую все, что есть вѣрнаго въ этомъ ученіи. Тогда мы получимъ цѣнный методъ для исторической оріентировки, рядъ важныхъ положеній для соціологіи и реалистическія указанія для соціальной политики. Но теорія классовой идеологіи, классовой науки и нравственности, классовой политики, заключающая въ себѣ относительную историческую правду, въ качествѣ міропониманія, въ качествѣ религіозной святыни должна быть окончательно отвергнута. Въ той формѣ, которую теперь принимаетъ классовая точка зрѣнія, она дѣлается вреднымъ предразсудкомъ, угашающимъ свободное творчество человѣческаго духа, препятствуетъ обнаруженію идеальной общечеловѣческой природы, которая должна наконецъ развернуться во всей своей красѣ и мощи и создать царство правды. Иллюзія же «классовой» правды создана временнымъ, преходящимъ зломъ жизни, отъ котораго не должно остаться ничего, такъ какъ вселенская правда, единая и вѣчная, должна побѣдить.

Николай Бердяевъ.

ИСКІЯ.

Я влюбленъ въ очертанья прибрежій холмистыхъ,
Оттѣняющихъ синій заливъ,
Я влюбленъ въ отраженья лучей золотистыхъ,
Въ этотъ пышный, могучій разливъ
Ослѣпительныхъ красокъ и зноя, и свѣта,
И прозрачныхъ тѣней. Я влюбленъ
Въ этотъ праздникъ безоблачный южнаго лѣта,
Въ этотъ блескъ, въ этотъ солнечный звонъ.

Что за радуга жизни! Какъ въ воздухѣ чистомъ
Кипарисная зелень темна!
Отливаетъ опаломъ, сквозитъ аметистомъ
На пескѣ серебристомъ волна.
Спятъ дубовыя рощи въ тѣни ароматной;
На холмахъ—молодой виноградъ...
И въ объятьяхъ лазури весь край благодатный
Утопаетъ какъ сказочный садъ.

Даже въ кладбищѣ мирномъ, и тамъ все ликуетъ,
Даже тамъ нѣтъ конца бытію—
Каждый отблескъ горитъ, каждый сумракъ чаруетъ,
Словно манитъ въ прохладу свою,
Каждый отзвукъ звенитъ и умолкнуть не хочетъ...
Даже тамъ лучезарная твердь
О блаженствѣ земного безсмертья пророчетъ,
И въ гробахъ улыбается смерть.

Сергѣй Маковскій.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть II.

(*Продолженіе* *).

IX.

Когда въ передней раздался звонокъ, Людмила была одна. Она насторожилась. Было ли это предчувствіе, или безсознательно сдѣланный выводъ изъ всѣхъ обстоятельствъ послѣдняго времени, а въ особенности этого дня, но Людмила чувствовала, почти знала, что мать вернется съ окончательнымъ рѣшеніемъ. И для нея было ясно, что произойдетъ одно изъ двухъ: она уйдетъ изъ этого дома или съ матерью, или одна.

Она хорошо знала Ирину Васильевну и понимала, что у нея рѣшеніе должно было созрѣть, но, разумѣется, Людмила не могла предвидѣть, въ какой формѣ это произойдетъ. Когда она узнала раздавшіеся въ гостиной шаги матери, она быстро поднялась и стояла съ выраженіемъ ожиданія.

Вошла Ирина Васильевна и, снявъ шляпу, быстрымъ движеніемъ кинула ее на подзеркальникъ. Въ ней кипѣла энергія, это было такъ замѣтно послѣ апатіи, которая давила ее въ послѣднее время.

— Мы можемъ сейчасъ переѣхать,—сказала она и, не теряя ни минуты, стала рыться въ ящикахъ стола.

Людмила широко раскрыла глаза. Она не ожидала отъ матери такого опредѣленнаго практическаго рѣшенія. Значитъ, тамъ произошло что-то необыкновенное.

— Куда, мама?—спросила она.

— Здѣсь около Владимірской я нашла меблированныя комнаты...—отвѣтила Ирина Васильевна, не переставая собирать вещи.—Мы возьмемъ только самое необходимое, безъ чего

---

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь, 1903 г.

нельзя... А остальное какъ захотятъ: пришлютъ или продадутъ татарину...

И вдругъ она остановилась.—Да ты... Ты, кажется, не этого ждала?..—промолвила она и съ безпокойствомъ посмотрѣла на дочь.

Людмила быстро подошла къ ней и обняла ее.—О, мама... Я только разстроилась... Я не знала, что ты умѣешь быть рѣшительной... Но я ничего не хочу брать, ничего... Вотъ такъ, какъ есть и поѣду... А у насъ есть деньги, чтобы купить самое необходимое?..

— Будутъ..—сурово отвѣтила Ирина Васильевна.

— Откуда они возьмутся?

— Отъ твоего отца...

— Но у него у самаго ихъ немного. Значитъ послѣднія?..

— Это его дѣло... Ты знаешь, Людмила, у меня были другіе планы... Благодаря ему, мои планы потерпѣли крушеніе. Онъ и долженъ отвѣчать за это... Сбирайся, сбирайся... Скоро стемнѣетъ. Будетъ неудобно...

— Я готова. Говорю тебѣ: даже зонтика не возьму... Не хочу... не могу.

Шумно растворилась дверь и на порогѣ появился Модестъ Петровичъ. Онъ былъ разстроенъ и блѣденъ. Въ глазахъ его выражалось безпокойство. Антонина Петровна напугала его. Она теперь не упускала ни одной минуты, чтобы слѣдить за тѣмъ сильнымъ движеніемъ, которое въ послѣднее время обнаружилось въ женской половинѣ ихъ дома. Ея постояннымъ мѣстопребываніемъ былъ пунктъ около какой-нибудь двери, гдѣ имѣлась щелка или замочная скважина. И такъ какъ воображеніе ея было настроено правильно, то она понимала все съ полуслова. Достаточно было ей услышать первую фразу Ирины Васильевны: «мы можемъ сейчасъ переѣхать», какъ она уже поняла все и стрѣлой полетѣла въ кабинетъ Модеста Петровича.

Модестъ Петровичъ стоялъ у порога, не двигаясь, слѣдя глазами за движеніями Ирины Васильевны.

— Вы собираетесь... куда-то?—спросилъ онъ неопредѣленно, какъ бы боясь произнести вполнѣ подходящее слово.

Ирина Васильевна взглянула на него и сказала очень твердо:

— Я съ дочерью переѣзжаемъ отсюда...

Модестъ Петровичъ слегка попятился и какъ-то съежился.

— Куда? —спросилъ онъ.

— Я сняла меблированныя комнаты...

— Какъ же... Какъ же такъ?—спросилъ Модестъ Петровичъ, видимо подавленный и растерявшійся передъ дѣйствительнымъ фактомъ.

— Развѣ вы не понимаете, что это единственный разумный шагъ между нами?.. Мы чужіе отъ начала до конца... Больше: мы враги... Зачѣмъ врагамъ жить въ одномъ домѣ?..

Людмила посмотрѣла на него и встрѣтилась съ его взглядомъ. Изъ этого взгляда она поняла, что мѣшаетъ ему въ чемъ-то и тотчасъ же вышла въ свою комнату.

Модестъ Петровичъ нервно теребилъ обоими пальцами края своего пиджака. Но самообладаніе видимо уже начало возвращаться къ нему. Уже на губахъ его явилось выраженіе презрительной ироніи.

— Но вѣдь мы и раньше были чужіе и враги, однако-жъ вы не уѣзжали... Это потому, что вамъ нуженъ былъ мой домъ и мой хлѣбъ... А теперь вамъ кто-то другой далъ домъ и хлѣбъ... И это стало невозможнымъ...—произнесъ онъ, подчеркивая каждое слово.

— Я не буду спорить съ вами, это ни къ чему не поведетъ...—попрежнему безъ волненія замѣтила Ирина Васильевна.

— Какъ не поведетъ?—высокимъ теноромъ вскрикнулъ Модестъ Петровичъ:—должно повести... Вы обязаны оправдать ваше дѣйствіе... Вы всегда дѣйствовали безъ оправданія, отъ самаго начала до этого момента... Но это ужъ меня касается и я требую...

— Чѣмъ это васъ касается? У васъ только будетъ въ домѣ больше мѣста и меньше расходовъ... Это было и ваше желаніе. Вы сами недавно предлагали мнѣ переѣхать, даже говорили, что дадите на извозчика...

— Я былъ въ раздраженіи... Вашъ образъ дѣйствій всегда держитъ меня въ раздраженіи... Вы должны были предупредить меня. Вы здѣсь жили не въ гостинницѣ, чтобы такъ легко раздѣлиться... У васъ есть обязанности.

— Какія? Какія?—уже совершенно прекративъ свое занятіе и даже отойдя отъ стола, воскликнула Ирина Васильевна.

— Обязательства, которыя вы дали, когда вѣнчались со мною въ церкви.

Ирина Васильевна брезгливо усмѣхнулась.

— Вы давно уже возвратили мнѣ это обязательство своимъ отвратительнымъ поведеніемъ,—сказала она.

— Отвратительнымъ. Да... Ха, ха. Это вѣрно,—все болѣе и болѣе взвинчиваясь и принимая свой обычный злобно-циническій тонъ:—оно отвратительно и мнѣ, не только вамъ... Но кто виноватъ въ этомъ? Вы... Вы... Вы сдѣлались моей женой добровольно, не по принужденію же... Ну, да я знаю, у васъ были соображенія: васъ только что бросили и вы хотѣли отомстить... Но все равно: вы стали моей женой. А что я отъ васъ видѣлъ? Пренебреженіе чуть не съ перваго дня... На мое страстное чувство вы

отвѣчали презрительнымъ холодомъ... Да. да... Это такъ было... Что же мнѣ оставалось дѣлать? Сберегать свое цѣломудріе ради вашихъ прекрасныхъ глазъ? Ну, хорошо, вы были лучше меня, признаю... А что вы сдѣлали для того, чтобы я сталъ лучше? Не я былъ вамъ чужой, а вы мнѣ всегда были чужая... Да... И вотъ почему я такой вотъ от-вра-ти-тельный.

— Можетъ быть, можетъ быть...—нетерпѣливо сказала Ирина Васильевна,—но теперь уже это все равно... Ахъ, да скажите пожалуйста, зачѣмъ вамъ я?

— Зачѣмъ? Вы не понимаете... Я занимаю положеніе, которое не допускаетъ скандаловъ... А это скандалъ, который завтра будетъ извѣстенъ всѣмъ... Жена и дочь переѣхали въ меблированныя комнаты... Это очень интересно. Тема. Благодарная тема...

— Людмила вамъ не дочь, это во-первыхъ...

— Дочь и записано, что дочь. Носитъ мое имя...

— О, съ какимъ наслажденіемъ она возвратила бы его вамъ, если бы вы знали...

— И пусть возвратитъ. Пусть. Пусть носитъ имя того, кто отказался отъ нея и 20 лѣтъ не интересовался ею. Пусть...

— Это все потомъ, потомъ. А теперь оставьте насъ, прошу васъ объ этомъ. Мы сейчасъ уѣзжаемъ. Мы ничего не беремъ съ собой, кромѣ самыхъ необходимыхъ вещей...

— Такъ вы значитъ не перерѣшите?—вдругъ взявъ угрожающій тонъ, спросилъ Модестъ Петровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ ни въ какомъ случаѣ ..—рѣшительно отвѣтила Ирина Васильевна.

— Несмотря на то, что въ этомъ домѣ есть вашъ сынъ, о которомъ вы забыли.

Ирина Васильевна отрицательно покачала головой.

— Этотъ сынъ слишкомъ повторяетъ васъ... Онъ во мнѣ не нуждается...

— Такъ заявляю вамъ, заявляю вамъ, что буду дѣлать вамъ всякое зло, всякую мерзость, всякую гадость... Слышите? Ни передъ чѣмъ не остановлюсь... Слышите?—какъ-то скрипѣлъ Баясовъ и на губахъ его шевелилась пѣна.

— Я слышу, слышу... Я и такъ это знаю...—отвѣтила Ирина Васильевна и вдругъ опять принялась перебирать вещи въ ящикѣ.

— Видно, не достаточно знаете... Такъ узнаете хорошо... И вы и вашъ этотъ неудавшійся химикъ... Всѣ, всѣ узнаете... Счастливой дороги... А что, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ на извозчика дать? Ха, ха, ха. Что-жъ, я готовъ... Я готовъ...

— Уходите... — внушительно произнесла Ирина Васильевна, окативъ его глубоко-брезгливымъ взглядомъ.

Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, должно быть самое злобное,

но словно поперхнулся, какъ то безсмысленно крякнулъ и выскочилъ изъ комнаты, бѣшенно хлопнувъ дверью. Людмила быстро открыла дверь изъ своей комнаты. Она слышала все. Много разъ ей хотѣлось выбѣжать къ нимъ и какъ-нибудь смѣло, она не знала какъ, выразить этому человѣку свое негодованіе, но ее удерживало, можетъ быть именно то, что она не знала, какъ это сдѣлать. Да и нужно было желать одного: чтобы онъ поскорѣе ушелъ.

Теперь она убѣдилась, что его больше нѣтъ здѣсь, явилась съ возбужденнымъ лицомъ, подбѣжала къ Иринѣ Васильевнѣ и схватила ее за плечи.

— Мамочка, уйдемъ же... Сію минуту... Неужели ты еще въ состояніи дышать этимъ воздухомъ?

— А я уже достаточно отравлена имъ...—отвѣтила Ирина Васильевна, поспѣшно укладывая кой-какія вещи въ ручной сакъ.—Но идемъ, идемъ... Надѣвай шляпу...

Она сама почти схватила свою шляпу и приколола ее булавкой къ волосамъ. Потомъ она взяла сакъ.

— Ну, я готова.

Людмила отворила дверь и пошла впередъ. Въ столовой и въ гостиной не было ни души. Дверь въ кабинетѣ была плотно притворена. Онѣ прошли въ переднюю. Здѣсь была горничная, а за дверью въ перегородкѣ шевелилась Антонина Петровна. У горничной были взволнованные глаза. Она все уже знала. Модестъ Петровичъ кричалъ такъ громко, что нельзя было не слышать.

— Барыня, а гдѣ искать васъ?—несмѣло тихо спросила горничная.

— Ахъ, да...

Ирина Васильевна раскрыла сакъ, вынула оттуда карандашъ, оторвала отъ какого-то свертка клочокъ бумаги и написала на немъ названіе улицы и номеръ дома.

— Вотъ нашъ адресъ... Мы его не скрываемъ,—сказала она.

Горничная молча подала обѣимъ верхнія платья. Людмила кивнула ей головой, онѣ вышли на улицу и сѣли въ первыя попавшіяся извозчичьи дрожки. Людмила обняла одной рукой Ирину Васильевну и какъ то инстинктивно, неудержимо крѣпко прижалась къ ней. Никогда еще такъ глубоко не чувствовала она единенія съ матерью, какъ въ эти минуты. Всѣ разногласія, казалось, были стерты однимъ этимъ ея шагомъ; разомъ обрушилась до основанія стѣна, которая выростала между ними въ эти послѣдніе годы и вотъ-вотъ готова была окончательно раздавить ихъ.

Людмила видѣла, что Ирина Васильевна сдѣлала это для нея. Ея вражда къ Рокотову, укрѣпленная неизмѣнной двадцатилѣтней давностью, представлялась ей непримиримой и неспособной поддаться никакимъ личнымъ соображеніямъ. А та безконечная

гордость, съ которой она оберегала свое достоинство оскорбленной женщины, не допускала мысли о вліяніи какого-нибудь чувства. Оставалось одно: ради нея. И припоминались ей слова Ирины Васильевны о томъ, что никто другой для нея, Людмилы, ничѣмъ не пожертвуетъ, только она одна сполна отдала ей все, она ея нянька, приставленная къ ней въ этомъ качествѣ самою жизнью...

И вѣрилось, что это произошло. Она поступилась всей своей гордостью и пошла къ нему. Она даже унизилась и согласилась взять отъ него средства—не для себя же, ей ничего не нужно, у нея нѣтъ никакой будущности, а только для нея.

Можно ли было думать еще нѣсколько недѣль тому назадъ, что эта сильная женщина добровольно переломитъ себя и свою гордость передъ нимъ, чье имя одно превращало всѣ ея чувства въ ненависть? Теперь понятно и ея присутствіе на диспутѣ и то молчаливое рукопожатіе и, наконецъ, ея согласіе принять его. Весь этотъ рядъ дѣйствій, завершившійся сегодняшнимъ подвигомъ—все это было для нея, для нея...

Она молчала всю дорогу. Жертва Ирины Васильевны представлялась ей такой колоссальной, что слова, въ которыхъ она могла бы выразить ей свою благодарность, всѣ показались недостаточными, ничтожными. И она только крѣпче прижималась къ своей матери, чувствуя, что теперь между ними установилась неразрывная связь.

Ирина Васильевна отчетливо понимала ея душевное состояніе и не требовала отъ нея словъ. Сама она испытывала внутреннюю бурю и не могла еще спокойно взвѣсить значеніе каждаго своего шага. Съ того момента, какъ на смѣну долгой апатіи въ душѣ ея вдругъ явилось рѣшеніе и она поѣхала къ Рокотову—ее точно носилъ какой-то вихрь. Свирѣпый вѣтеръ сваливалъ одну за другой каменныя преграды, которыми она такъ старательно окружала себя въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ, рвалъ канаты, разбивалъ толстыя, но узенькія стекла, сквозь которыя она смотрѣла на міръ, и вся жизнь, которую она видѣла такою, какою хотѣла видѣть, обнажалась передъ нею. Но что вызвало эту бурю, гдѣ тотъ несокрушимый источникъ, изъ котораго она получила эту силу, подвинувшую ее на шагъ, который, казалось, зачеркивалъ всю ея прежнюю жизнь и работу? Была ли эта въ самомъ дѣлѣ любовь къ дочери, доходившая до посвященія ей всей себя, до послѣдней капли крови, или источникъ этой силы былъ другой, болѣе давній, котораго десятки лѣтъ жизни злобной, мрачной, глухой, не смогли заглушить?.. Теперь она этого не знала и не могла еще узнать. Ближе всѣхъ на свѣтѣ сейчасъ стояла къ ней Людмила; она чувствовала ея душевное движеніе, слышала усиленное біеніе ея сердца и вся ея душа растворилась въ этомъ

новомъ довѣріи, уже казавшемся потерянным и вдругъ вернувшемся съ удвоенной силой. И она искренно принимала это, какъ должное и ни на минуту не заподозрѣвала себя въ другихъ побужденіяхъ.

Онѣ пріѣхали къ своей новой квартирѣ. Людмила бѣгло осмотрѣла ее, подбѣжала къ матери и обняла ее. Потомъ, въ то время, какъ Ирина Васильевна вынимала изъ сака кой-какія вещицы, Людмила присѣла къ маленькому столику и написала нѣсколько словъ карандашомъ на клочкѣ бумаги, положила бумагу въ конвертъ и надписала: «Александру Максимовичу Крученинову» и его адресъ. Она поднялась и подошла къ матери.

— Ты позволишь?—спросила она и показала Иринѣ Васильевнѣ надпись на конвертѣ.

— Ты хочешь сейчасъ?—спросила Ирина Васильевна.

— Но какъ же, мама, высшею радостью не подѣлиться съ другомъ?

— Хорошо... Но погоди, мы сдѣлаемъ экономію. Пусть одинъ посыльный отнесетъ и это. Ирина Васильевна отыскала въ сакѣ почтовую бумагу и написала свой новый адресъ. Она не прибавила ни слова, запечатала бумагу въ конвертъ и надписала: «Сергѣю Николаевичу Рокотову».

— Я обѣщала сдѣлать это,—пояснила она, и письма были тотчасъ же отправлены.

Часа черезъ два, когда уже стемнѣло, позвонили въ передней, кто-то спрашивалъ только что пріѣхавшихъ барынь, а затѣмъ стучался къ нимъ. Ирина Васильевна тотчасъ же вышла во вторую комнату, которую выбрала для себя, и притворила дверь.

— Мама, куда же ты?—спросила ее Людмила.—Это навѣрно Александръ Максимовичъ.

— Мнѣ тутъ хочется кой-что привести въ порядокъ...—отвѣтила Ирина Васильевна:—а ты вели сдѣлать чай...—прибавила она.

— Ты выйдешь?

— Да, я пить хочу.

И дверь притворилась еще плотнѣе.

Людмила подошла къ двери, въ которую стучались и отворила ее. Она, конечно угадала: это былъ Крученинов. Она встрѣтила его веселой, радостной улыбкой.

— Это какъ во снѣ,—сказалъ Крученинов, крѣпко пожимая ея руку.

— Или какъ въ сказкѣ, не правда ли? Вы не ожидали? Снимайте пальто, садитесь... Мы теперь по-студенчески... Сейчасъ будемъ... Послушайте,—сказала она горничной:—приготовьте намъ чай. Какъ хорошо здѣсь. Вѣдь правда?

— Хорошо. Еще бы не хорошо,—говорилъ Крученіновъ, осматривая небольшую комнату, которая была обставлена точь-въ-точь, какъ обставляются всѣ меблированныя комнаты средней руки: все необходимое и ничего лишняго. Но если бы самая комната была втрое меньше, а мебель въ сто разъ хуже, то все-таки было бы хорошо... Я дѣйствительно не ожидалъ,—продолжалъ Крученіновъ,—дома я не засталъ Сергѣя Николаевича, онъ куда-то вышелъ. Потомъ пришелъ всего на минутку, чтобы надѣть сюртукъ. Только и успѣлъ сообщить мнѣ, что былъ у своего пріятеля-профессора, что ему предлагаютъ какое-то хорошо оплачиваемое занятіе гдѣ-то въ химической лабораторіи, и что онъ торопится для переговоровъ. «Теперь, братъ Крученіновъ, я семейнымъ человѣкомъ сталъ, надо зарабатывать хлѣбъ», сказалъ онъ мнѣ и ушелъ. Разумѣется, этимъ онъ повергъ меня въ глубокое недоумѣніе. Я всячески гадалъ, но толкомъ ни до чего не могъ добраться. Дѣлалъ болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія... А тутъ ваша записка. Я вскочилъ и помчался сюда... Какъ это случилось?

— Не знаю. Все это мама сама какъ-то сдѣлала. Для меня это просто сказка. Да и не важно какъ. Важно, что случилось.

— А что же это у васъ ни чемодановъ, ни сундуковъ?—спросилъ Крученіновъ, осматривая комнату.

— Мы ничего не взяли. Такъ просто собрались и поѣхали...

— Безпрепятственно?

— Ахъ объ этомъ не стоитъ вспоминать. Пусть эти стѣны совсѣмъ не будутъ знакомы съ тѣмъ, что осталось тамъ... Вотъ и самоваръ несутъ...

Горничная принесла самоваръ, накрыла скатертью столъ, поставила его, потомъ принесла посуду и ушла.

— А что же нѣтъ ни чаю, ни сахару, ничего?—сказала Людмила.

— Ахъ, у васъ ничего этого нѣтъ?—воскликнулъ, смѣясь, Крученіновъ.—Ну, это вы по неопытности. Въ меблированныхъ комнатахъ надо все имѣть свое. Вотъ я сейчасъ схожу куплю... А вы обѣдали?

— Нѣтъ, мы совсѣмъ забыли объ этомъ,—отвѣтила Людмила.

Крученіновъ накинулъ на плечи пальто и быстро ушелъ. Людмила отворила дверь въ комнату Ирины Васильевны и сообщила ей о сахарѣ и чаѣ.

— Да, мы съ тобой за 20 лѣтъ надѣлали много дурныхъ привычекъ: жить на готовомъ. Теперь будемъ обо всемъ сами промышлять. Ну вотъ я готова,—сказала Ирина Васильевна,—и чаю хочу...

Но Крученіновъ заставилъ ихъ довольно долго ждать. На-

конецъ, онъ явился, нагруженный разными свертками и коробочками.

— Зачѣмъ это такое множество?—спросила его Ирина Васильевна, здороваясь съ нимъ.

— Да вѣдь вы сегодня не обѣдали. А кромѣ того—новоселье. Вотъ хлѣбъ, а вотъ и соль...

Его упрекнули, но принесенные имъ вещи оказались вкусными и ихъ принялись ѣсть съ аппетитомъ. Крученинов самъ заварилъ чай, досталъ у хозяевъ тарелокъ и вилокъ и вообще хозяйничалъ.

Ирина Васильевна принимала отъ него маленькія услуги довольно благосклонно. Обыкновенно въ его присутствіи она хмурилась, точно онъ стѣснялъ ее или былъ ей непріятенъ. Теперь глаза ея смотрѣли ясно. Она какъ бы отдыхала отъ сложныхъ переживаній этого дня, отъ своей необыкновенной рѣшимости, съ которою она сдѣлала такой важный шагъ.

Все время за чаемъ разговоръ вели Людмила и Крученинов, разговоръ совсѣмъ незначительный. Крученинов знакомилъ Людмилу съ обычаями жизни въ меблированныхъ комнатахъ, а Ирина Васильевна, свободно откинувшись на спинку дивана, смотрѣла на нихъ и молчала.

Прошло около часу. Сильно позвонили въ передней. Женскій голосъ спрашивалъ Ирину Васильевну. Всѣ тревожно переглянулись. Никто вѣдь не зналъ ихъ мѣстопребыванія! Людмила подошла къ двери и отворила ее.

— Это Маша...—сказала она.—Это горничная оттуда... Мы здѣсь, Маша,—произнесла она громко.

Но Маша не сразу явилась. Она тащила за собою нѣсколько узловъ, а дворники вслѣдъ за нею несли большой сундукъ и какія-то коробки.

— Прислали вамъ,—сказала горничная.—Здравствуйте, барышня. Здравствуйте, барыня.. Вотъ вы гдѣ помѣстились... Тѣсновато вамъ будетъ...—говорила она въ то время, какъ Крученинов принималъ отъ дворниковъ вещи и расплачивался съ ними.—А у насъ, продолжала Маша, хотя ее никто не разспрашивалъ:—у насъ, съ той минуты, какъ вы уѣхали, просто стонъ стоитъ... Словно нашествіе какое. Сами-то сейчасъ изъ своего кабинета выскочили да на Антонину Петровну какъ напустятся: это ты молъ всему виной; чего, молъ, глядѣла... Не вдругъ, дескать, придумано, а давно разговоры были, а ты что слушала... А она, то-есть Антонина Петровна, такъ, ей-ей, такой я ее еще въ жизнь не видала... Тоже изъ себя вышла и ему отвѣчаетъ: нѣтъ, это ты, говоритъ, виноватъ, потому у тебя такой волчій характеръ, съ тобой и каменный человѣкъ не уживется. И гра-

битель, говоритъ, ты, и скопидомъ... И меня, говоритъ, ограбилъ... И пошла, и пошла. Прямо чуть не въ драку вступили. А потомъ они сами, то-есть баринъ, въ ваши комнаты вошли, на вещи взглянули и начали все срывать да на полъ бросать. Изъ комодовъ вытаскиваютъ, на полъ бросаютъ да ногами топчутъ. Чтобъ этой, говоритъ, гадости у меня въ домѣ больше, какъ четверть часа, не было... Вонъ все это, говорятъ: либо имъ отвезти, либо за окно выбросить, мнѣ, дескать, все равно... То-есть разсвирѣпѣли до послѣдней возможности... Слова это говорятъ, а сами слюной захлебываются. Потомъ выбѣжали, да къ себѣ въ кабинетъ, дверью это хлопнули и замолкли. А черезъ пять минутъ вышли одѣвши и вонъ изъ дому. Антонина Петровна долго еще ругались, а вещи всѣ велѣли собрать въ сундукъ да въ узлы и сюда отвезти и вамъ даже кланяться приказали. Я еще говорю: «А можетъ, баринъ только такъ сказали, въ сердцахъ, насчетъ вещей-то, чтобы отвезти, а потомъ жалѣть будутъ». А она мнѣ: «И пусть жалѣетъ, скареда, пусть ему казнь это будетъ». Вотъ я и привезла...

Такимъ образомъ были описаны всѣ событія въ домѣ Балясова.

X.

Перемѣны, которыя произошли вслѣдствіе переѣзда Ирины Васильевны съ дочерью въ меблированныя комнаты, очень замѣтно коснулись флигеля во дворѣ на Васильевскомъ Острову.

Рокотовъ, какъ только ушла отъ него Ирина Васильевна, сейчасъ же почувствовалъ, что съ этой минуты его собственное положеніе радикально мѣняется. Съ одной стороны, лишившись двадцати тысячъ, на которыя онъ опирался всю жизнь, и которыя давали ему свободу, онъ долженъ былъ немедленно отыскать для себя лично новый источникъ существованія.

Несмотря на скромныя требованія, онъ, однако-жъ, долженъ былъ считаться съ своими привычками, усвоенными впродолженіи цѣлой жизни. Рента съ двадцати тысячъ рублей давала ему возможность нисколько не стѣснять себя, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ потребностяхъ. И теперь отказать себѣ въ чемъ-либо изъ того, чѣмъ онъ прежде пользовался, было бы для него лишеніемъ. Онъ же не видѣлъ никакой надобности въ лишеніяхъ. Себя онъ чувствовалъ здоровымъ, сильнымъ, вполнѣ пригоднымъ къ работѣ, притомъ вооруженнымъ достаточными знаніями.

Съ другой стороны, онъ отлично понималъ, что рента съ двадцати тысячъ недостаточна для того, чтобы удовлетворить хотя бы самыя скромныя потребности двухъ женщинъ, привыкшихъ къ

нѣкоторому комфорту. Какъ ни былъ сдержанъ въ расходахъ Балясовъ, но для него все же былъ обязателенъ извѣстный minimum, обусловливаемый его положеніемъ. Всѣ должны были видѣть его жену и дочь прилично одѣтыми, ѣздящими, по крайней мѣрѣ, на извозчикахъ, хотя онъ по своимъ средствамъ могъ бы предоставить имъ своихъ собственныхъ лошадей.

И Рокотовъ готовился къ тому, чтобы значительно увеличить ренту, на которую будутъ жить его жена и дочь. Это уже становилось вопросомъ его самолюбія, чтобы онѣ не чувствовали для себя никакого ущерба, перейдя къ матеріальной зависимости отъ него.

И онъ теперь пожалѣлъ о томъ, что его кандидатура въ ассистенты потерпѣла неудачу. Тогда онъ отнесся къ этому равнодушно. Въ сущности это было несправедливо и онъ, при нѣкоторой настойчивости, могъ бы добиться своего. Но онъ не добивался. А теперь уже были выдвинуты другіе, и онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ вступать въ состязаніе.

Было у него еще и особаго рода предчувствіе, что жизнь въ меблированныхъ комнатахъ есть только переходная форма, не болѣе и что въ недалекомъ будущемъ Ирина Васильевна сдѣлаетъ и слѣдующій шагъ къ сближенію. Поэтому надо быть готовымъ и къ расходамъ по отдѣлкѣ квартиры и къ покупкѣ мебели. Самъ онъ могъ жить въ пустой квартирѣ (хотя его кабинетъ былъ отдѣланъ уютно), но когда на сцену явились дамы, точка зрѣнія перемѣнялась.

И онъ, не теряя времени, отправился къ своему товарищу-профессору поговорить объ этомъ. Профессоръ зналъ о его семейномъ положеніи и сразу понялъ его. А тутъ кстати у него было одно предложеніе—взять на себя контроль по химическимъ работамъ въ одной частной лабораторіи. Зная, что Рокотовъ не нуждается и никакихъ частныхъ занятій не беретъ, онъ хотѣлъ предложить работы другому. Самъ же онъ не могъ принять предложенія, считая, что занятіе это несовмѣстимо съ званіемъ профессора.

— Ну, вотъ и кстати,—сказалъ онъ Сергѣю Николаевичу,—берите мою карточку съ наилестящей рекомендаціей и спѣшите ковать желѣзо, пока оно горячо.

Рокотовъ забѣжалъ домой переодѣться, отправился въ лабораторію и выговорилъ тамъ превосходныя условія, дававшія ему дохода въ три раза больше, чѣмъ давала ему рента. Съ этимъ результатомъ онъ вернулся домой и нашелъ тамъ записку Ирины Васильевны. Но онъ туда не поѣхалъ, рѣшивъ сдѣлать это завтра, чтобы одновременно передать Иринѣ Васильевнѣ и деньги.

На другой день онъ пріѣхалъ въ меблированныя комнаты въ

11 часовъ. Тамъ уже давно поднялись и комнаты были приведены въ порядокъ. Людмила была въ комнатѣ Ирины Васильевны, гдѣ они обѣ вынимали изъ вчерашнихъ узловъ свои вещи и развѣшивали ихъ въ шкафу. Все было измято и изуродовано. Въ каждой складкѣ проглядывало бѣшенство Модеста Петровича.

Къ Рокотову вышла Людмила и, по какому-то неудержимому движенію, бросилась къ нему на грудь. Это было въ первый разъ такое выраженіе близости. Сергѣй Николаевичъ не ожидалъ этого отъ нея и даже немного растерялся. До сихъ поръ онъ видѣлъ эту близость только въ ея глазахъ и думалъ, что она не умѣетъ иначе выражать ее. Онъ считалъ Людмилу сдержанной и даже холодной.

— Вотъ отецъ, какъ мы устроились,—продолжала Людмила и это обращеніе тоже онъ слышалъ отъ нея первый разъ: какъ будто съ перемѣной обстановки раздвинулись стѣны, въ которыхъ былъ заключенъ ея душевный міръ и она вдругъ начала свободно проявлять его.

— Я сегодня такъ счастлива, что, вѣроятно, самое лучшее чего я достигну въ жизни, будетъ меньше этого...—прибавила Людмила.

— Это такъ, конечно,—возразилъ Рокотовъ:—вѣдь это счастье, не быть тамъ, это отрицательное счастье. А ты, я надѣюсь, достигнешь положительнаго... А мать?

— Она въ своей комнатѣ. Мы раскладываемся. Вѣдь мы уѣхали совсѣмъ вотъ такъ, ни съ чѣмъ. Но вечеромъ оттуда принесли наши вещи—въ ужасномъ видѣ...

Рокотовъ обвелъ взоромъ комнату.

— Ну, вы могли бы найти что-нибудь попросторнѣй. Здѣсь очень ужъ мало воздуху...—замѣтилъ онъ.

— О, это не важно. Съ меня достаточно. Воздухъ не всегда самое главное... Быть у себя, вотъ что важно. Впрочемъ, ты знаешь это лучше, чѣмъ я.

— Да я всегда былъ у себя,—сказалъ Рокотовъ:—это мое преимущество передъ многими. Даже когда въ тюрьмѣ сидѣлъ—со мной и это случалось—все равно былъ у себя, потому что такую привычку сдѣлалъ. Ну, скажи же матери, что я пришелъ. Намъ съ нею надо повидаться.

Ирина Васильевна знала, что пришелъ Рокотовъ, но не хотѣла мѣшать ихъ встрѣчѣ при новыхъ условіяхъ. Свои настоящія чувства она или не хотѣла проявлять, или еще не привела въ ясность и какъ только вошелъ Сергѣй Николаевичъ, сейчасъ же почувствовала себя обязанной выдержать роль «няни, приставленной къ дочери».

Людмила вошла къ ней.

— Это отецъ пришелъ,—сказала она.

Ирина Васильевна посмотрѣла на нее широко раскрытыми глазами. И не то удивило ее, что она называла его отцомъ, вѣдь это такъ и было въ дѣйствительности и никто этого уже и не думалъ скрывать. Но какъ всѣ отношенія разомъ прояснились отъ одного только рѣшительнаго шага! Въ жизни иногда все зависитъ отъ одной только минуты. Въ одну минуту можно сдѣлать непоправимую ошибку, отъ которой гибнетъ вся жизнь, въ одну минуту можно вытащить человѣка изъ пропасти. Все зависитъ отъ правильно разсчитаннаго движенія. Но она не сдѣлала по этому поводу никакого замѣчанія.

— Я сейчасъ выйду туда.

И она въ самомъ дѣлѣ скоро вышла и поздоровалась съ Рокотовымъ просто, какъ съ добрымъ знакомымъ. Очевидно всѣ отношенія измѣнились сами собой отъ одной только вчерашней перестановки.

— Вчера я не могъ пріѣхать къ вамъ,—сказалъ ей Рокотовъ:—вернулся довольно поздно и только прочиталъ вашу записку. Мнѣ вчера очень повезло.

Ирина Васильевна вопросительно посмотрѣла на него. Какъ ему могло повезти? Онъ сейчасъ же объяснилъ.

— Вчера я получилъ хорошо оплачиваемое занятіе и главное по моей спеціальности: главный контроль химическій въ одной частной лабораторіи. Заработокъ больше двухъ тысячъ въ годъ; такимъ образомъ я сталъ сразу богачомъ... Кстати, я хочу передать вамъ вотъ это...

Онъ сталъ рыться въ боковомъ карманѣ. Людмила, какъ бы догадываясь, что это что-то денежное, и не желая присутствовать при ихъ разсчетахъ, поднялась и видимо хотѣла уйти.

— Куда ты Людмила?—остановила ее Ирина Васильевна.— Это тебя касается гораздо больше, чѣмъ меня.

Людмила нерѣшительно остановилась.

— Это касается всѣхъ насъ одинаково, потому что это общее наше достояніе,—сказалъ Сергѣй Николаевичъ и вынулъ изъ кармана бумагу, въ которой лежало нѣсколько кредитокъ.—Вотъ это бумага на 20 тысячъ, я уже перевелъ ихъ на ваше имя...

— Надо было на имя Людмилы...—замѣтила Ирина Васильевна.

— Мама, что ты?—воскликнула Людмила.

— Ну, Людмила для этого еще слишкомъ молода,—промолвилъ Рокотовъ.—Вамъ придется зайти въ банкъ и тамъ еще совершить кой-какія формальности. А это рента за три послѣдніе мѣсяца. Случайно я ихъ не бралъ раньше, а теперь, въ виду моего новаго занятія, онѣ мнѣ не нужны...

И онъ положилъ на столъ бумагу и деньги, а затѣмъ вдругъ поднялся и началъ торопиться.

— Я сейчасъ долженъ ѣхать въ лабораторію,—сказалъ онъ.— Что-жъ теперь мы будемъ видѣться часто... Ахъ, да, безъ сомнѣнія, Балясовъ будетъ дѣлать вамъ всякія затрудненія. Такъ вы просто предоставьте ихъ мнѣ. У меня есть одно знакомство, гдѣ его умѣютъ усмирить.

И онъ, пожавъ руку Иринѣ Васильевнѣ и поцѣловавъ въ лобъ Людмилу, ушелъ. Людмила проводила его до выходной двери. Когда она вернулась, Ирина Васильевна сидѣла въ креслѣ, откинувшись на спинку его и устремивъ неподвижные задумчивые глаза въ пространство. Кажется она не видѣла Людмилу и забыла о ней.

Людмила остановилась и долго глядѣла на нее. Для нея было ясно, что вчерашняя перемѣна заставляетъ Ирину Васильевну переживать какія-то новыя чувства, можетъ быть даже бурныя, которыя она таитъ подъ маской равнодушія. Она боялась, что эти чувства для нея тяжелы.

— Мама,—тихо, осторожно окликнула она ее.

Ирина Васильевна вздрогнула и, перенеся на нее взглядъ, слабо улыбнулась.

— Ты такъ задумалась... Я тебѣ помѣшала?.. Знаешь, мама, мнѣ кажется... Я боюсь, что ты... Ты все это сдѣлала для меня, а тебѣ это тяжело.

— Нѣтъ, это не такъ,—отвѣтила Ирина Васильевна:—не совсѣмъ такъ... Для тебя? Не думаю, чтобы только для тебя,—говорила она, очевидно въ то же время продолжая думать:—часто мы думаемъ, что дѣлаемъ для другого, но это только чтобы оправдать себя. А въ сущности это, можетъ быть, намъ нужнѣе, чѣмъ другому... Если вдуматься, Людмила, то скорѣе тамъ я жила для тебя... Да, какъ это ни странно, а такъ... Но я не объ этомъ думала.

И она замолчала и опять устремила глаза въ пространство.

— О чемъ ты думаешь мама?—нерѣшительно спросила Людмила.

— Я думаю, о томъ мой другъ Людмила, что даже самый сильный человѣкъ никогда не имѣетъ права сказать, что онъ устроитъ свою жизнь такъ, какъ самъ хочетъ. Его желаніе, рѣшеніе, его логика, все это можетъ быть въ одну минуту смыто чѣмъ-нибудь непредвидѣннымъ, о чемъ онъ никогда не думалъ и чего не принималъ въ разсчетъ...

— Но, мама, можетъ быть, это, что онъ не думалъ и не принималъ въ разсчетъ, было ошибкой; можетъ быть по обстоятельствамъ своей жизни онъ долженъ былъ думать и принимать въ разсчетъ.

— Ну, да, да,—нѣсколько нетерпѣливо возразила Ирина Васильевна.—Пусть даже и такъ... но меня именно и возмущаетъ эта зависимость объ обстоятельствъ жизни. Они были потому, что я ихъ допустила, но они кончились и я не хочу, чтобы они имѣли вліяніе на мою жизнь. И вотъ идутъ годы и мнѣ кажется, что это такъ и есть, что я управляю моей жизнью, а не то, что «было и прошло». И вдругъ оказывается, что то, что было, никогда не проходитъ...

Опять въ корридорѣ позвонили, и кто-то спрашивалъ ихъ, потомъ послышались чрезвычайно быстрые приближающіеся шаги и дверь растворилась. Людмила быстро поднялась съ мѣста. Это вошелъ Михаилъ.

Людмила точно только что вспомнила о его существованіи. Раньше, вчера, когда совершилась вся исторія ихъ переѣзда изъ дома Балясова, потомъ вечеромъ, сегодня утромъ—она совсѣмъ не думала о немъ. Приходилъ ей на мысль Балясовъ, какъ что-то тягостное, оставшееся позади, пришлось вспомнить даже объ Антонинѣ Петровнѣ, когда явилась съ вещами горничная, но Михаила какъ бы не существовало.

Въ ея жизни онъ не игралъ никакой роли. Иногда онъ своими неудачными попытками иронизировать надъ нею причинялъ ей досаду. Но никакихъ чувствъ она къ нему не питала: ни хорошихъ, ни дурныхъ. Кромѣ того въ домѣ онъ жилъ какъ-то особнякомъ и являлся въ семьѣ точно случайный посѣтитель. Въ ихъ взглядахъ, въ отношеніяхъ къ жизни и къ людямъ правда, былъ явный антагонизмъ; но Людмила не придавала никакого значенія ни ему самому, ни его взглядамъ и пропускала его разговоры мимо ушей.

Что касается родственнаго влеченія, то его она никогда не испытывала. Въ Михаилѣ не было ни одной черты, которая говорила бы о его происхожденіи отъ Ирины Васильевны. Онъ готовился буквально повторить своего отца. Этого было достаточно, чтобы Людмила въ душѣ отвергла всякое братство съ нимъ; когда же она узнала, что Балясовъ не отецъ ей, она Михаила совсѣмъ перестала принимать въ разсчетъ.

— Это Михаилъ,—сказала Людмила.

Михаилъ былъ видимо взволнованъ. Онъ даже не поздоровался, а какъ-то сразу заговорилъ.

— Я вчера вернулся домой поздно и только сегодня узналъ... Какъ же такъ? Какъ же это? Объясните пожалуйста...

— Развѣ тебѣ отецъ не объяснилъ?—спросила Ирина Васильевна.

— Я не видѣлъ отца... Я поздно всталъ, онъ уже ушелъ...

Мнѣ сказала Антонина... Но развѣ она можетъ что-нибудь объяснить? Это такъ неожиданно и непостижимо...

— А ты развѣ почувствовалъ какое-нибудь лишеніе, Михаилъ? спросила Ирина Васильевна.

— Разумѣется, я еще не успѣлъ ничего почувствовать... Но все-таки, вѣдь это скандалъ...

— Для кого?

— Какъ для кого? Для отца. Вѣдь онъ служитъ. Ему обѣщали очень значительный постъ... А это вѣдь вліяетъ... Но главное я не понимаю, почему—зачѣмъ разрушать семью?

Ирина Васильевна усмѣхнулась.

— А ты находишь, что семья была?—спросила она.

— Но, по крайней мѣрѣ, были всѣ внѣшніе признаки ея. Для общества только это и надо. Обществу нѣтъ никакого дѣла до внутреннихъ отношеній.

— Значитъ, ты самъ признаешь, что по внутреннимъ отношеніямъ семьи никакой не было?

— Ну, да, разумѣется была плохая семья, но все же семья...

— Плохая семья—все же семья, это вѣрно, Михаилъ, говорила Ирина Васильевна какъ-то необыкновенно спокойно и просто, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ поучительности: но тутъ не было и плохой семьи. Напротивъ, было полное отрицаніе семьи. Твой отецъ жилъ особой жизнью, о характерѣ которой я не буду говорить съ тобой... Съ нами онъ не имѣлъ ничего общаго. Онъ на насъ смотрѣлъ, какъ на враговъ. Это были два враждебные лагеря, готовые каждую минуту вступить въ бой...

— Но, однако-жъ, мама, до сихъ поръ такъ было и вы находили возможнымъ жить тамъ... Почему же нельзя было продолжать? Значитъ, что-нибудь случилось.

— Да, случилось, Михаилъ..

— Что же?

— Это объяснитъ тебѣ твой отецъ. Все равно изъ двухъ объясненій — его и моего — ты примешь его, такъ моего ужъ и не нужно.

— Я догадываюсь,—сказалъ Михаилъ и въ голосѣ его звучало что-то слегка вызывающее.—Мнѣ это говорили, но я не вѣрилъ. А теперь, пожалуй, повѣрю... Это изъ-за Людмилы...

Никто не возразилъ ему, хотя онъ видимо ждалъ этого. Молчаніе какъ бы еще больше взвинтило его.

— Людмила ненавидѣла отца... Мнѣ говорили, что она не его дочь.

— Кто говорилъ тебѣ это?—съ живостью спросила Ирина Васильевна.

Но Людмила не дала ему отвѣтить на этотъ вопросъ. Она произнесла отчетливо и выразительно.

— Кто бы ни говорилъ это—онъ сказалъ совершенную правду. Модестъ Петровичъ не отецъ мнѣ...

Михаилъ быстро повернулъ къ ней голову и взглянулъ на нее съ какимъ-то враждебнымъ изумленіемъ.

— Странно! И почему это ты говоришь съ такой гордостью? голосомъ, въ которомъ явно дрожала непріязнь, воскликнулъ Михаилъ, и глаза его въ эту минуту блеснули такъ, какъ блестѣли глаза Модеста Петровича вчера во время бурной сцены.

Лицо Людмилы сдѣлалось суровымъ, строгимъ и замкнутымъ. Видно было, что она съ большимъ усиліемъ задержала въ своей душѣ какое-то движеніе, просившееся наружу.

— Безъ всякой гордости, но и безъ сожалѣнія—промолвила она и быстро ушла въ другую комнату.

Михаилъ проводилъ ее неспокойнымъ враждебнымъ взглядомъ и помолчалъ съ минуту.

— Я не имѣю права вникать въ это...—проговорилъ онъ, наконецъ, обратившись къ Иринѣ Висильевнѣ: — это дѣло ваше... Но если такъ, то, значитъ, изъ-за нея... Но я спрошу: почему же ей отдано такое предпочтеніе передо мной? Если она только ваша дочь, мама, то я сынъ вашъ и его, Балясова Модеста Петровича... Почему же ради нея надо было уйти, а не ради меня остаться?

— А ты очень нуждаешься въ этомъ, Михаилъ? спросила Ирина Васильевна.

— Странный вопросъ, мама, странный вопросъ... Неужели вы считаете меня какимъ-то выродкомъ, лишеннымъ всякаго чувства Я, конечно, не принадлежу къ мямлямъ, показывающимъ чувствительность по всякому поводу, но у меня есть привязанность къ вамъ и даже вотъ къ ней, которая меня такъ ненавидитъ... Наша семья—холодная, нестройная... Въ ней было мало привлекающаго къ дому. Что-жъ удивительнаго, если я жилъ больше на сторонѣ?.. Но если семьи совсѣмъ не будетъ, пусть не удивляются, когда изъ меня выработается черствый сухарь.

— Ты всегда отдавалъ предпочтеніе отцу...—сказала Ирина Васильевна:—теперь онъ принадлежитъ тебѣ всецѣло.

— Да, я уважаю отца за многія качества, но эти качества больше практическаго свойства... Я понимаю разницу... Но вліять смягчающимъ образомъ отецъ не можетъ... Это принадлежитъ матери...

Ирина Васильевна чуть-чуть придвинулась ближе въ его сторону, въ ея глазахъ появилось что-то мягкое.

— Я никогда не слышала отъ тебя такихъ словъ, Михаилъ,—

сказала она:—видишь ли, такъ было нужно и иначе нельзя было. Пойми это, Михаилъ... Въ жизни бываютъ неотразимыя вещи... Иногда человѣкъ, чувствуя даже, что не имѣетъ права поступить вотъ такъ, принужденъ поступить. Вотъ и я, можетъ быть, не имѣла права по отношенію къ тебѣ, а должна была по отношенію къ ней; но если, Михаилъ, у тебя есть влеченіе и потребность въ семьѣ, въ нашей семьѣ, которая вся здѣсь, то приходи къ намъ какъ къ себѣ, ты будешь здѣсь у себя... Конечно, если ты самъ принесешь сюда довѣріе.

— Въ этой семьѣ будутъ посторонніе.

— Ты ошибаешься... Они не войдутъ въ нее.

— А отецъ? Значитъ, я долженъ его оставить? Мнѣ онъ не сдѣлалъ зла...

— Это твое дѣло, Михаилъ!—слегка холодно промолвила Ирина Васильевна и осторожно отодвинулась отъ него.

Михаилъ помолчалъ. Лицо его приняло нервно-сосредоточенное выраженіе и было блѣдно, онъ не походилъ на обычнаго Михаила какимъ привыкла его видѣть Ирина Васильевна.

— Мнѣ тяжело... Мнѣ это очень тяжело...—дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ.—Про насъ, про молодыхъ, теперь очень много дурного говорятъ. Всѣ недовольны нами, называютъ насъ дряблыми, равнодушными, эгоистами. Отъ насъ требуютъ.. А что намъ даютъ? Въ зимнюю стужу насъ изъ теплаго, уютнаго дома выгоняютъ въ холодный сарай, насъ оставляютъ одинокими... Ну, такъ пусть же и не требуютъ... Какіе есть, такими и берите... Прощайте, мама...—глухо прибавилъ онъ и поднялся.

Ирина Васильевна тоже поднялась, подошла къ нему и взяла его за руки.

— Михаилъ, я не могла и не могу иначе... Пойми... Не могла! промолвила она и посмотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ.

— Я ничего не говорю, мама... Я мирюсь...—сказалъ Михаилъ и вдругъ быстро, не поцѣловавъ ее и не пожавъ ей руки, повернулся и вышелъ.

XI.

— Ты что же, почтеннѣйшій, экзаменовъ нынче не держишь?—спросилъ однажды Крученинова Рокотовъ, вернувшись съ своихъ занятій часовъ въ 7 вечера.

— Нѣтъ, не держу!—коротко отвѣтилъ Крученинов.

Онъ, дѣйствительно, не обнаруживалъ никакой усиленной дѣятельности, въ то время какъ его товарищи усердно зубрили.

— Почему же это такое пренебреженіе къ студенческимъ занятіямъ?—продолжалъ спрашивать Рокотовъ.

— Да вѣдь я не для экзаменовъ учусь. Я ихъ достаточно держалъ на одномъ факультетѣ.

— Однако-жъ, прежде у тебя были намѣренія кончить и этотъ и до сихъ поръ ты держалъ экзамены исправно.

— Нечего было больше дѣлать, такъ оттого.

— А теперь, значитъ, есть что дѣлать?

— А теперь есть.

— Любопытно было бы узнать и вникнуть.

— Это еще не готово. Какъ будетъ готово, самъ скажу.

Они теперь рѣдко видѣлись. Утромъ Крученинов уходилъ изъ дому, большею частью на Владимірскую, гдѣ онъ проводилъ бо́льшую часть своего дня; когда же онъ возвращался домой, то уже не заставалъ Рокотова. Онъ уже былъ на своей новой службѣ.

Къ вечеру же Крученинов опять уходилъ. Онъ приглашалъ Людмилу и они отправлялись за городъ. Вечера стали длинные. Поздно провожалъ онъ ее домой, она подымалась наверхъ, а онъ отправлялся на Васильевскій.

Рѣдко ему удавалось застать свѣтъ въ кабинетѣ у Рокотова. Новая служба изрядно утомляла его. Приходилось проводить по нѣсколько часовъ кряду въ атмосферѣ летучихъ, наркотическихъ веществъ; это одуряло и утомляло его голову и онъ рано ложился спать.

Въ ихъ флигелѣ теперь былъ страшный безпорядокъ. Хозяева почти всегда отсутствовали. Между тѣмъ число посѣтителей не только не уменьшилось, какъ предполагалъ Рокотовъ, а увеличилось. Хорошее вознагражденіе на службѣ давало ему возможность выдѣлить больше денегъ для своихъ, какъ онъ называлъ «трапезниковъ» и неимущая молодежь приходила сюда, какъ въ въ столовую. Въ обыденный часъ здѣсь была толкотня, говоръ и шумъ. И такъ какъ всѣмъ этимъ никто не управлялъ, то господствовала полная анархія.

Рокотовъ иногда заставалъ все это, но ни однимъ словомъ не протестовалъ: ему это нравилось, потому что было сампатично и оживляло квартиру. Теперь, когда вопросъ «объ освобожденіи» былъ разрѣшенъ и самъ собою сошелъ съ очереди, предъ Крученинovымъ и Людмилой вдругъ всталъ другой вопросъ, который таился и терпѣливо ожидалъ своей поры. Ихъ сближеніе совершалось въ продолженіи всей зимы, какъ-то между дѣломъ, безъ активнаго участія съ ихъ стороны, безъ контроля.

Поставленное въ силу обстоятельствъ въ положеніе второстепеннаго дѣла, оно тѣмъ не менѣе, свободно развиваясь, выросло въ колоссальную величину, и когда переѣздъ на отдѣльную квартиру совершился, оно потребовало, чтобы имъ занялись серьезно. Имъ не приходилось объясняться и много говорить о чувствѣ,

которое связало ихъ съ первыхъ встрѣчъ; каждый изъ нихъ зналъ, что принадлежитъ другому. И ихъ загородныя прогулки были наполнены разработкой жизненныхъ вопросовъ и плановъ уже прямо примѣнительно для будущаго вдвоемъ.

И тутъ встрѣтилось множество неожиданныхъ подводныхъ камней, которые не такъ-то легко было устранить съ пути. Имъ не разъ приходилось «мирно ссориться», а бывали моменты, когда имъ начинало казаться, что среди препятствій есть непреоборимыя.

— Я зову васъ, Людмила, къ жизни, которая будетъ «нашей». Мы построимъ ее по своему. Тѣ формы, въ которыя построили свою жизнь предшественники, намъ не годятся...

Подъ «предшественниками» надо было разумѣть, конечно, Рокотова и Ирину Васильевну. У Крученинона не было «предшественниковъ», съ которыми ему приходилось бы считаться. Его ближайшіе родственники умерли, онъ ни отъ кого не зависѣлъ.

— Я не могу разойтись съ моей матерью!—заявляла Людмила.—Ея жизнь слишкомъ привязана къ моей...

— Но вы разойдетесь съ нею гораздо глубже, чѣмъ можно думать...—возразилъ Крученинонъ.

— Почему? Почему вы увѣренно утверждаете это?—нѣсколько досадуя на него, говорила Людмила.

— Потому что это законъ необходимости. Вы связаны съ нею не взглядами, не вѣрованіями, которые у васъ разные, а кровью. А эта связь для современнаго человѣка второстепенна. Духъ сдѣлалъ слишкомъ большіе успѣхи и завоевалъ первенство...

— Не только это, а то—и это главное, что она ради меня зарыла въ землю лучшія двадцать лѣтъ своей жизни...

— Съ чего вы это взяли? Съ чего вы взяли, что она сдѣлала это ради васъ? Жизнь сложилась такъ, что она принуждена была сдѣлаться женой человѣка, котораго не любила. Онъ окружилъ ее условіями, которыя она презирала. Ей только и оставалось уединиться. Представьте, что вы умерли въ дѣтствѣ... что же, по вашему, Ирина Васильевна сейчасъ же разошлась бы съ Балясовымъ? Напротивъ, тогда она жила бы при немъ и до сихъ поръ. Ваше существованіе давало ей ежеминутный поводъ разойтись съ нимъ. Вы его ненавидѣли и ваше положеніе въ его домѣ было для васъ оскорбительно. Да и что онъ былъ для васъ? Что давала вамъ совмѣстная жизнь съ нимъ? Изъ-за чего надо было выносить эту тяготу? Изъ-за чего-то другого, но не изъ-за васъ.

— Изъ-за чего же, по вашему?

— Да вѣдь у женщинъ, какъ бы онѣ ни стояли высоко по уму, все вращается вокругъ своего женскаго я... Вѣдь вотъ вашъ отецъ—я разумѣю Рокотова, конечно, воображалъ, что со-

*

шелся съ вашей матерью на почвѣ общихъ идей, которыхъ онъ былъ самоотверженнымъ жрецомъ, а вдругъ оказалось, что для нея въ основѣ отношеній лежало ея «женское я». Балясовъ былъ противоположностью Рокотова во всѣхъ отношеніяхъ, и тѣмъ не менѣе она, не медля ни одного дня, перешла къ нему, взяла его имя и навязала его вамъ. Идеи и вѣрованія нисколько не помѣшали этому. А почему? Потому что было оскорблено ея женское я. Какъ вы думаете, если бы Рокотовъ сдѣлалъ какое-нибудь дурное дѣло, ну, укралъ что-нибудь, растратилъ, предалъ, она питала бы къ нему такую ненависть, какъ послѣ этого?

— Не думаю.

— Ну, и я тоже не думаю, потому что тогда не было бы затронуто ея женское «я». Изъ-за него она оставалась въ домѣ Балясова 20 лѣтъ, когда тотъ уже весь выяснился и сталъ непереносимъ. Ей нужно было показать кому-то, что она не ошиблась, а что такъ и надо. Изъ-за него она толкала васъ на славное поприще продажной жены... А вы приписываете ей подвигъ.

— Странно, что вы хотите во что бы то ни стало разочаровать меня въ моей матери...

— Избави Богъ. Я только хочу, чтобы привязанность къ ней не заключала въ себѣ ничего рокового и не связывала бы васъ по рукамъ и ногамъ... Ваша мама была для васъ деспотомъ, она и останется имъ, если вы разъ навсегда не вырветесь изъ-подъ ея опеки. А вы знаете, что это въ концѣ концовъ неизбѣжно...

И Людмила, въ первые дни послѣ «освобожденія» ликовавшая, теперь постоянно находилась въ какомъ-то удрученномъ состояніи. Ея чувство къ Крученинову, развившееся страннымъ образомъ, незамѣтно для нея самой, безъ порывовъ и бурь, могущественно покорило въ ея душѣ всѣ другія чувства. Ему она могла сопротивляться только въ мысляхъ и словахъ, но всегда знала, что на самомъ дѣлѣ покорится ему.

Теперь предстоялъ шагъ, на который она не дала согласія, противъ котораго всегда возражала, но все равно была увѣрена, что непремѣнно сдѣлаетъ его.

По мѣрѣ того, какъ проходила весна и приближались лѣтніе мѣсяцы, съ востока Россіи приходили все болѣе и болѣе безотрадныя вѣсти. Сама Людмила почти не читала газетъ. Она какъ-то не сдѣлала этой привычки. Но Крученинов слѣдилъ за событіями.

— Вы знаете, по Волгѣ уже форменный голодъ!—говорилъ онъ ей.

И всякій разъ, когда онъ приносилъ подобныя вѣсти, онъ былъ видимо взволнованъ. Людмила никакъ не могла понять этого. Когда онъ рисовалъ предъ нею грандіозную картину неурожая и наступившаго, вслѣдствіе этого, голода въ нѣсколькихъ губерніяхъ и

при этомъ прибавлялъ: «Вѣдь нельзя же, Людмила, въ такое время сидѣть, сложа руки...»

Ей, ни на минуту не сомнѣвавшейся въ его искренности, казалось, что онъ впадаетъ въ ребячество. Что можетъ сдѣлать онъ, она, десятокъ, сотни такихъ, какъ они, въ бѣдствіи, охватившемъ милліоны людей? Способность смотрѣть на себя со стороны была развита въ ней въ высшей степени и она живо представляла себѣ смѣшное положеніе ничтожной кучки людей, явившихся съ своими крохотными запасами кормить эти милліоны.

Она возражала ему на это.

— Вѣдь и мы съ вами и другіе, такіе, какъ мы, можемъ понести туда буквально по куску хлѣба... Кому это поможетъ?

— Очень немногимъ, можетъ быть, почти никому!—отвѣчалъ Крученинов —Но мы не для нихъ это сдѣлаемъ, а для себя.

— Я этого не понимаю...

— Вы многаго не понимаете, Людмила, но въ головѣ и въ сердцѣ у васъ есть способности, чтобы понимать все... Ваша мама нарочно старалась, чтобы эти способности у вась не развивались. Она хотѣла сдѣлать васъ счастливой и только счастливой и была права. Съ этими способностями въ Россіи счастливымъ быть нельзя .. Тутъ, чтобы быть счастливымъ, надобно не понимать девять десятыхъ изъ того, что видишь. Мы мало поможемъ, пусть даже ничего. Но мы не будемъ чувствовать себя въ числѣ самодовольныхъ свиней, которыя объѣдаются и опиваются въ то время, какъ другіе принуждены ѣсть камни... Понимаете ли, первая обязанность мыслящаго человѣка—поддерживать человѣческое достоинство. И мы должны это сдѣлать...

Людмила ни разу еще не говорила объ этомъ съ матерью, но она напередъ знала, что та отнесется къ этому отрицательно, потому и не заводила рѣчи.

Но Крученинов ей настойчивѣе напоминалъ объ этомъ и ей пришлось заговорить.

— Мама, мнѣ нужно знать твое мнѣніе объ одной вещи!— однажды обратилась она къ матери.

Ирина Васильевна съ живѣйшимъ вниманіемъ приготовилась слушать ее. Подобное обращеніе со стороны Людмилы приходилось цѣнить. Она теперь обходилась безъ ея указаній и разъясненій. Всѣ вопросы разрѣшались помимо ея и Ирина Васильевна знала, что Людмила, жадно спѣшившая наверстать пробѣлы въ своемъ міросозерцаніи, опиралась на Крученинова.

— Ты, вѣроятно, читала, что въ приволжскихъ губерніяхъ голодъ...

— Да, я читала это...—отвѣтила Ирина Васильевна и посмотрѣла на нее съ любопытствомъ.

Людмила говоритъ о голодѣ. Это было ново.

— Думаешь ли ты,—продолжала Людмила,—думаешь ли ты, что такіе люди, какъ мы, то-есть обезпеченные, имѣютъ право въ это время жить попрежнему, или они должны сократить свои удовольствія до степени самаго необходимаго и идти туда на помощь?..

Ирина Васильевна усмѣхнулась.

— Это отголоски ученія Крученинова? Я думала, что онъ мыслитъ оригинальное!..—промолвила она.

— Да, это его мысли!—просто признала Людмила.

— А ты съ нимъ согласна?

— Еще нѣтъ.

— Но согласишься, навѣрное согласишься.

— Почему ты думаешь, что я соглашаюсь со всѣми его мыслями? Напротивъ, я всегда спорю противъ нихъ.

— Да, противъ нихъ ты споришь. Я и не говорю, что ты всегда согласна съ его мыслями. Но ты всегда согласна съ нимъ... Это въ порядкѣ вещей.

— Ты не отвѣчаешь на мой вопросъ.

— Я отвѣчу такъ, какъ я думаю. Я думаю, что всѣ должны быть сыты. И если оказывается, что часть людей голодаетъ, то это ненормально. Но если тѣ, которые голодаютъ, сдѣлаются сытыми, а тѣ, что были сыты, отдавъ имъ свой хлѣбъ, станутъ голодать, то положеніе не измѣнится. Оттого, что вы съ Крученинымъ отдадите голоднымъ вашъ хлѣбъ, количество хлѣба не увеличится...

— Мама, это софизмъ. Мы ѣдимъ не только хлѣбъ, но и мясо. Если мы отдадимъ хлѣбъ, у насъ останется мясо...

— Но каждый имѣетъ право на хлѣбъ и на мясо, на то, чѣмъ онъ предпочитаетъ насыщаться. Мы вовсе не позволяемъ себѣ никакихъ излишествъ. Идеалъ заключается не въ томъ, чтобы сытые отказались отъ пищи, а въ томъ, чтобы голодные пріобрѣли ее... Я вижу, что мой отвѣтъ тебя не удовлетворяетъ. Но, милая Людмила, если бы я тебѣ дала тысячу самыхъ разумныхъ и справедливыхъ отвѣтовъ, ни одинъ изъ нихъ не удовлетворилъ бы тебя. Легкое замѣчаніе со стороны Крученинова для тебя вразумительнѣе мудрости всѣхъ мудрецовъ всего свѣта.

— Почему это?

— Потому что ты его любишь...

— О, развѣ любовь лишаетъ насъ разума и воли?

— Не надо такихъ сильныхъ словъ... Но пора перестать намъ храбриться. Сколько бы мы ни учились, какихъ бы правъ ни достигли, все равно—какъ только находимъ своего героя, наша личность блѣднѣетъ. Она становится зеркаломъ, годнымъ только на

то, чтобы больше или меньше отражать его личность. Я встрѣчала сильныхъ женщинъ, которыя оставались самостоятельными во всю жизнь. Но онѣ никого не любили... А скажи, Рокотовъ думаетъ такъ же, какъ Крученинovъ?

— Я не знаю, какъ онъ думаетъ. Съ нимъ я объ этомъ не говорила.

— Я думаю, что онъ не согласится съ нимъ...

— Ты знаешь его мнѣніе?

— По этому вопросу—нѣтъ. Но я знаю... знала его мнѣнія по другимъ вопросамъ. Я сопоставляю... А скажи: вы женитесь съ Крученинovымъ?—вдругъ, неожиданно для Людмилы, перескочила она на совсѣмъ новую тему.

— Да, это у насъ рѣшено!..—отвѣтила Людмила.

— Конечно... И вы—будете вѣнчаться?

— Я думаю!.. А ты развѣ противъ этого?

— О, нѣтъ, я давно уже за все, рѣшительно за все... Но я хочу сказать: какая разница между временемъ вашимъ и нашимъ, такъ еще недавнимъ—какихъ-нибудь двадцать лѣтъ... Въ наше время сходились просто—по искреннему влеченію и никогда не думали о женитьбѣ и вѣнчаніи. Это являлось уже послѣ, когда старѣлись... А вы съ этого начинаете...

— Развѣ это худо?

— Я не говорю этого. Ни худо, ни хорошо. Въ практическомъ отношеніи и въ общественномъ, пожалуй, даже больше хорошо, чѣмъ худо. Я только указываю на разницу.

Разговоръ этотъ не былъ оконченъ. Раздался звонокъ, пришелъ Рокотовъ. Онъ не часто появлялся здѣсь, и надо было считать, что визиты эти относились къ Иринѣ Васильевнѣ, потому что Людмила, если хотѣла видѣть его, отправлялась на Васильевскій Островъ.

Онъ не имѣлъ основанія думать, что Иринѣ Васильевнѣ будутъ пріятны его частыя посѣщенія, поэтому пріѣзжалъ только тогда, когда надо было сказать что-нибудь дѣловое. Дѣловая сторона, впрочемъ, исчерпывалась ежемѣсячными разсчетами.

Дѣло въ томъ, что Иринѣ Васильевнѣ съ Людмилой могло бы хватить ренты съ двадцати тысячъ, положенныхъ въ банкъ. Но тогда пришлось бы урѣзывать свои потребности и отказывать себѣ во многомъ.

Рокотовъ не хотѣлъ допустить этого. Онъ зарабатывалъ гораздо больше, чѣмъ ему было нужно, а копить вовсе не умѣлъ. И онъ настоялъ на томъ, чтобы Ирина Васильевна каждый мѣсяцъ брала отъ него добавленіе.

Ирина Васильевна, послѣ переѣзда съ квартиры Балясова, какъ-то вдругъ усмирилась. Она легко соглашалась на все, отъ

нея не слышали прежняго желѣзнаго протеста. Ее легко было уговорить сдѣлать то, съ чѣмъ она не согласна.

Она какъ бы отдыхала отъ многолѣтняго негодованія и злобы. Теперь не на что было негодовать: Балясовъ не приводилъ въ исполненіе своихъ угрозъ. Онъ ничѣмъ не заявлялъ о себѣ. Михаилъ приходилъ къ ней изрѣдка и оставался недолго. Онъ былъ холоденъ и сухъ и, повидимому, на свои визиты смотрѣлъ, какъ на выполненіе долга.

И она жила теперь съ странной миной посторонняго зрителя. Все совершалось вокругъ нея само собою и совершенно иначе, чѣмъ надлежало по ея планамъ, надъ которыми она работала двадцать лѣтъ. Вѣрила ли она и теперь въ свои планы? Была ли способна настаивать на нихъ, если бы обстоятельства измѣнились? Едва ли. Но въ теченіе двадцати лѣтъ она свыклась съ ними, какъ свыкаемся мы съ сосѣдомъ, хотя бы и чуждымъ намъ, и чувствуемъ неловкость, когда онъ разобралъ и унесъ свой домъ и самъ удалился.

Рокотовъ посидѣлъ у нихъ минутъ пять, не успѣвъ еще ни о чемъ поговорить. Въ это время пришелъ Крученинов и увезъ за городъ Людмилу. Они остались вдвоемъ.

— Мы съ нимъ почти не видимся,—сказалъ Рокотовъ Иринѣ Васильевнѣ,—и я замѣчаю, что онъ охладѣлъ ко мнѣ...

— Они собираются вить свое гнѣздо. Это всегда такъ бываетъ...

— Да, объ этомъ можно догадываться. Но онъ не говорилъ мнѣ ни слова. Я какъ-то спросилъ, но это было деликатно отклонено. Что-жъ, они имѣютъ на это право...

— Какъ всѣ... Я не думала, что Людмила будетъ, какъ всѣ...

— Иначе ей нельзя. Время теперь такое, что можно только жить, какъ всѣ. Иначе нѣтъ разумнаго разсчета. Рискъ не оправдывается возможными результатами. Оттого-то кругомъ все такъ умѣренно. Даже неумѣренное сводится къ грошовымъ претензіямъ... Что-жъ, бракъ Людмилы съ Крученинымъ полонъ шансовъ къ благополучію.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь. А вы знаете что-нибудь объ ихъ намѣреніи пуститься въ Приволжье подкармливать голодныхъ мужиковъ?

Рокотовъ иронически усмѣхнулся.—Это я знаю. Они не одиноки. Такихъ множество.

— Можно узнать вашъ взглядъ на это?

— Я думаю, что вы его знаете. Но можно поговорить объ этомъ подробнѣй. Какъ разъ теперь этотъ вопросъ обострился, о немъ толкуютъ въ нашемъ флигелѣ во время обѣдовъ. Они всѣ хотятъ знать мое мнѣніе, и такъ какъ завтра воскресенье, я

свободенъ, то у насъ соберутся послѣ обѣда. Вы пріѣзжайте съ Людмилой. Я ожидаю, что разговоръ будетъ занимательный и поучительный. Выяснится различіе эпохъ...

— Оно и такъ ясно, но я пріѣду.

— Часовъ въ шесть будетъ въ самый разъ. Можете и пообѣдать съ нами. У насъ по праздникамъ дѣлаютъ вкусный пирогъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой и всталъ.

Онъ уѣхалъ, не дождавшись возвращенія Людмилы.

XII.

— Мы сегодня не обѣдаемъ дома,—сказала Ирина Васильевна Людмилѣ на другой день утромъ.

— Какъ? Развѣ и ты?—съ удивленіемъ спросила Людмила.

— А, значитъ, ты на это не разсчитывала... Можетъ быть, тебѣ непріятно?

— О, мама, какъ ты можешь это думать? Напротивъ, я очень рада, что ты тамъ будешь. Но я не знала, что отецъ пригласилъ тебя.

— А почему ты рада?

— Потому что это очень важное собраніе.

— Да, мнѣ говорилъ Рокотовъ, что должно выясниться «различіе эпохъ»,—съ усмѣшкой сказала Ирина Васильевна.—Ну, эпоху прежнюю представляетъ онъ самъ, а кто же современную?

— Многіе, почти всѣ... Но главнымъ образомъ Крученинов.

— Мнѣ жаль его...

— Почему, мама?

— У него слишкомъ сильный противникъ. Твой отецъ умѣетъ говорить сильно и властно. Онъ всегда побѣждалъ. Онъ прошелъ строгую школу.

— Ты не знаешь Крученинова. Онъ умѣетъ говорить убѣдительно...

— Для тебя?

— Я думаю, и для другихъ. Ты это увидишь. Притомъ же онъ будетъ защищать свое горячее убѣжденіе.

— Словомъ, ты въ него вѣришь больше, чѣмъ въ Рокотова...

— Мама, я не сопоставляю ихъ. Ты поѣдешь одна или со мной?

— Это какъ тебѣ нравится. За тобой, вѣроятно, зайдетъ Крученинов. Такъ ужъ мнѣ мѣста не будетъ.

— Нѣтъ, онъ сегодня очень занятъ Онъ долженъ организовать собраніе... Но я обѣщала взять съ собой Любочку.

— О! Да вѣдь Любочка все равно голодающихъ кормить не поѣдетъ. Она теперь болѣе склонна къ изученію Индіи...

— Ну, она просто изъ любопытства.

— А кстати, какъ ея романъ съ Лихаревымъ?

— Вчера это должно было рѣшиться. Я еще не знаю.

— Ну, вотъ, значитъ, и это узнаемъ. Очевидно, я поѣду одна, а ты съ Любочкой.

Людмила послѣ завтрака отправилась къ Любочкѣ и нашла ее въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Она была необыкновенно весела.

— Что это значитъ?—спросила Людмила.

— То, что я свободна... О, ты не можешь даже представить, что это за дивное ощущеніе!—воскликнула Любочка...

— Свободна... Отъ чего? Развѣ ты была въ плѣну?

— О, да, да! Въ плѣну, въ цѣпяхъ, въ кандалахъ въ каменномъ мѣшкѣ...—нервно смѣясь, говорила Любочка.—Мы, дѣвушки, пока свободны, не сознаемъ всѣхъ прелестей своей свободы и ищемъ рабства... Но мнѣ повезло. Я освободилась и ужъ больше не попаду въ сѣти...

— Что ни слово, то загадка. Я догадываюсь, что ты разошлась съ Лихаревымъ.

— Разошлась? Нисколько. Напротивъ, мы теперь съ нимъ закадычные друзья. Вотъ видишь ли, мы съ нимъ вообразили, что влюблены другъ въ друга. Но такъ какъ мы оба умны, то не пошли сразу на удочку, а подвергли себя испытанію...

— Это я знаю. Но я принимала это почти за шутку.

— Я тоже. Но вышло очень серьезно. Мы съ нимъ объяснились, т.-е. онъ со мной: женщина не должна унижаться до объясненія своихъ чувствъ. Она можетъ только благосклонно выслушивать... Потомъ мы довольно долго старались не попадаться другъ другу на глаза. И вотъ въ это-то время мы и познали истину. И представь, когда мы, наконецъ, встрѣтились, то оба одновременно разсмѣялись другъ другу въ глаза...

— Почему же это такъ случилось?

— Да ужъ, право, не знаю почему. Все это время мы усиленно думали другъ о другѣ, разбирали другъ друга по косточкамъ, ну, и убѣдились—каждый про другого,—что мы представляемъ собой слишкомъ обыкновенныхъ смертныхъ, ради которыхъ не стоитъ строить алтарь и кадить ѳиміамъ... Ахъ, Людмилочка, когда я теперь вспоминаю, такъ мнѣ даже страшно становится. Вообрази, было цѣлыхъ двѣ недѣли, когда я считала, что принадлежу ему. Каково? Принадлежу ему! Этому человѣку съ длиннымъ носомъ и съ такими большими и острыми зубами, которыми онъ можетъ въ одно мгновеніе перекусить мнѣ горло... И

отчего это женщина, когда влюбится, спѣшитъ отказаться отъ своихъ правъ на себя и сейчасъ же мысленно принадлежитъ ему. И вотъ, когда это разъяснилось, я вдругъ почувствовала, что опять принадлежу себѣ, единственно себѣ. И это было такое же ощущеніе, какое испыталъ отецъ блуднаго сына, когда сей послѣдній (это я у Лихарева научилась такъ выражаться!) вернулся къ нему. Моя блудная личность вернулась ко мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, больше никогда ни въ кого не влюблюсь. Это такъ глупо, что глупѣе нельзя придумать. Мой безнадежный поклонникъ Ахвердовъ (кстати сказать: онъ, узнавъ о моей склонности къ индійскому профессору, началъ было уже дѣлать мнѣ разныя театральныя гадости), воспрянулъ духомъ. Я ему сегодня же на репетиціи объявила, что мой романъ остался недоконченнымъ, какъ нѣкое посмертное произведеніе... Ахъ, да! Лихаревъ, который поклялся мнѣ въ вѣчной дружбѣ, рѣшилъ написать пьесу изъ индійской жизни и дать мнѣ главную роль.

— Развѣ онъ драматургъ?

— До сихъ поръ не былъ имъ. Но вѣдь драматурги не родятся, а дѣлаются, когда влюбляются въ актрисъ. Ну, а ты— безповоротно рѣшила «принадлежать ему»?

— Ты знаешь, я на это смотрю серьезнѣй, чѣмъ ты!..

— О, да! Твоя серьезность пріобрѣла въ послѣднее время прескучную форму. Охъ, и я была такъ же скучна, когда воображала себя влюбленной! На всѣ вопросы отвѣчала междометіями: Охъ! Ахъ! О! Что-жъ, ѣдемъ на собраніе?

— Я за тобой пришла.

— А я поспѣю ко второму дѣйствію? Я вѣдь сегодня играю. Но въ первомъ меня нѣтъ.

— Уйдешь, когда захочешь.

Людмила еще часа два слушала безъ умолку болтавшую Любочку. Въ самомъ дѣлѣ, къ ней какъ-то вдругъ явилась эта способность. Еще недѣлю тому назадъ Людмила видѣлась съ ней, и Любочка была молчалива и скучна. Она совсѣмъ перестала интересоваться театромъ и относилась къ своему дѣлу формально. За это время даже замѣтно уменьшился ея успѣхъ у публики. Ея веселость на сценѣ была ненатуральная, насильственная.

Теперь она разомъ приняла къ свѣдѣнію всѣ совершившіяся безъ нея событія театральной жизни и обо всемъ разсказывала Людмилѣ.

— Ну, ѣдемъ!—наконецъ, сказала она и стала одѣваться.

Черезъ полчаса онѣ уже ѣхали на Васильевскій Островъ. На Дворцовомъ мосту онѣ встрѣтились съ Ириной Васильевной, которая ѣхала впереди ихъ. Вмѣстѣ онѣ подъѣхали къ дому, гдѣ жили Рокотовъ и Крученинов.

Въ ворота входили студенты и скрывались во дворѣ. Были также молодые люди безъ мундировъ. Попадались дамы.

— Я васъ очень давно не видала! привѣтливо сказала Любочкѣ Ирина Васильевна. Любочка была ея фавориткой. Ей нравился своеобразный складъ души этой дѣвушки. Поэтому она и выбрала ее въ подруги Людмилѣ. Вѣдь это было въ то время, когда она еще выбирала.

— А еслибъ вы знали, какъ много за это время со мной случилось! смѣясь,—воскликнула Любочка.

— А что? Влюбились и выходите замужъ? Я слышала.

— О, это меня оклеветали передъ вами! То, о чемъ вы говорите прошло, чтобы больше никогда не повторяться...

— Какъ? Значитъ, вы не выходите за Лихарева?

— Избави меня Богъ отъ этого ложнаго шага!—сказала Любочка и звонко разсмѣялась, такъ какъ въ этотъ моментъ у воротъ появился самъ Лихаревъ. Онъ уже былъ около нея и цѣловалъ ея руку, потомъ сталъ здороваться съ Ириной Васильевной и Людмилой.

— Позвольте вамъ представить, комически сказала Любочка:— мой закадычный другъ. Онъ отказался жениться на мнѣ и за это я его сдѣлала своимъ другомъ.

Лихаревъ улыбался на шутки, показывая свои огромные бѣлые зубы. Для Ирины Васильевны загадка казалась неразъясненной. Они вошли во дворъ, потомъ во флигель.

Въ первой, самой большой комнатѣ стояли два длинныхъ стола. За ними еще обѣдали, хотя немногіе. Большинство уже кончили обѣдъ и шумѣли въ сосѣднихъ комнатахъ. Значительная часть собравшихся не обѣдали здѣсь и пришли уже послѣ обѣда.

Рокотовъ увидѣлъ ихъ въ окно и вышелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Пройдемте въ мой кабинетъ, сказалъ онъ,—тамъ для васъ приготовлено пиршество... А, и Любочка пришла! Я вамъ радъ!— прибавилъ онъ, здороваясь съ Любочкой. Вы съ какой же съ театральной точки зрѣнія?

— У меня хватаетъ любопытства на все!..—отвѣтила Любочка.

Когда они проходили черезъ большую комнату, обѣдавшіе вставали и кланялись имъ. Въ слѣдующей комнатѣ курили и спорили; было дымно и шумно. Здѣсь не обратили на нихъ вниманія. Крученіновъ промелькнулъ мимо нихъ, наскоро поздоровался и исчезъ.

Въ кабинетѣ Рокотова дѣйствительно былъ накрытъ небольшой столъ; они усѣлись; подали пирогъ, которымъ такъ хвастался Рокотовъ. Пирогъ оказался вкуснымъ. Потомъ дали еще что-то. Порядка не было, видна была торопливость. Многіе изъ собравшихся выражали нетерпѣніе. Пришлось обѣдать наскоро.

— А что же дѣлаетъ Крученинов? Я его не вижу!—сказалъ Лихаревъ, который не принималъ участія въ обѣдѣ.

— О, онъ агитируетъ! Онъ, такъ сказать, сплачиваетъ свою партію!

— Вотъ какъ! Я не зналъ за нимъ этихъ способностей! И развѣ рѣшенія собранія для кого-нибудь обязательны?

— Нѣтъ, но онъ боится силы нравственнаго вліянія. Я почему-то пользуюсь такимъ вліяніемъ. А между тѣмъ мы вѣдь съ нимъ совершенно расходились во взглядахъ.

— На голодовку?

— На обращеніе съ нею. Впрочемъ, вы это увидите. А, вотъ и онъ. Готовъ поклясться, что онъ сейчасъ будетъ и васъ совращать...

Крученинов появился и подошелъ къ Лихареву.—Мнѣ нужно сказать вамъ два слова! промолвилъ онъ и взялъ его за рукавъ.

Лихаревъ поднялся и, увлекаемый Крученинов, ушелъ въ сосѣднюю комнату.

— Слушайте, намъ нуженъ вашъ голосъ...—конфиденціально заговорилъ Крученинов:—намъ непремѣнно нуженъ вашъ вліятельный голосъ.

Лихаревъ смотрѣлъ на него и просто не узнавалъ его. Крученинова онъ зналъ милымъ, спокойнымъ, шутливымъ, а тутъ предъ нимъ стоялъ человѣкъ съ крайне озабоченнымъ лицомъ, съ какой-то недоброжелательной складкой на лбу. И противъ кого же это онъ недоброжелательствуетъ и комплектуетъ голоса? Неужто противъ Рокотова, своего кумира?

— Я готовъ пѣть въ любомъ хорѣ, шутливо отвѣтилъ Лихаревъ,—но для этого мнѣ надо познакомиться съ мелодіей...

Но шутливый тонъ не разгладилъ «недоброжелательной складки» на лбу у Крученинова.

— Видите ли,—очень настойчиво пояснилъ онъ:—рѣчь идетъ о голодовкѣ въ приволжскихъ губерніяхъ. Очень многіе готовы ѣхать туда и, жертвуя кто что можетъ, кормить голодающихъ...

— Ну, что же, препочтенное дѣло!—сказалъ Лихаревъ.

— Да, но вотъ Рокотовъ думаетъ иначе...

— Каждый имѣетъ право думать по своему. Не будемъ препятствовать и ему.

— Но видите ли,—продолжалъ Крученинов, сильно понизивъ голосъ:—вѣдь это стадо! Сильно и искусно высказанный взглядъ для нихъ будетъ закономъ. Рокотовъ умѣетъ говорить неотразимо... Съ нимъ бороться трудно...

— Что же я могу съ этимъ подѣлать? — съ недоумѣніемъ спросилъ Лихаревъ.

— Вы умѣете говорить оригинально... Такъ скажите. Это очень важно...

— Другъ мой!—промолвилъ Лихаревъ, нѣжно взявъ его за руку:—я, можетъ быть, иногда и недурно говорю, но это только тогда, когда я защищаю свое дѣйствительное убѣжденіе. А здѣсь... я пожалуй, могу обѣщать вамъ, что, если меня что-нибудь задѣнетъ за живое, я скажу... Но этого можетъ и не случиться...

Начавшееся движеніе помѣшало Крученинову дольше убѣждать его. Всѣ двигались въ большую комнату, оттуда уже были убраны обѣденные столы. Кручениновъ оставилъ его и бросился туда водворять порядокъ.

Лихаревъ вернулся въ кабинетъ и, подсѣвъ близко къ Любочкѣ сказалъ ей на ухо:

— Сегодня мнѣ не нравится этотъ молодой человѣкъ. Онъ сдѣлался какимъ-то злобнымъ партизаномъ. Вообще я боюсь, что тутъ разыграются страсти.

— А вы такой мирный?—спросила Любочка.

— Страстямъ мѣсто на войнѣ и у ногъ женщины...

— Если вамъ будетъ грозить опасность,—сказала Любочка,—вы можете во всякое время проводить меня въ театръ, гдѣ я сегодня выступаю со второго дѣйствія.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ спасительный поводъ!.. Мы такъ и сдѣлаемъ...

— Ну, чтоже, пойдемте, господа, туда!..—предложилъ Рокотовъ.—Тамъ уже собрались!

Всѣ отправились въ большую комнату. Здѣсь былъ свѣжій воздухъ. Кручениновъ открылъ окна и запахъ кушанья исчезъ. Принесли сюда всѣ стулья, какіе только нашлись въ квартирѣ. Вдоль стѣнъ сидѣли собравшіеся—исключительно молодые люди, большею частью студенты. Были мундиры разныхъ учебныхъ заведеній, но университетскій преобладалъ. Молодыя дѣвушки въ скромныхъ нарядахъ тоже занимали мѣста.

Для вошедшихъ уже не было свободнаго стула. Рокотовъ отворилъ дверь въ маленькую комнатку, гдѣ помѣщалась его лабораторія, вынесъ оттуда простую скамейку и усадилъ на нее дамъ, а самъ съ Лихаревымъ остался стоять.

— Господа, надо избрать предсѣдателя!—сказалъ кто-то.

— Рокотова! Просимъ Рокотова!..—раздались голоса.

— Крученинова!—сказали другіе.

Такимъ образомъ сразу обнаружились лозунги.

— Нѣтъ, господа,—сказалъ Кручениновъ—намъ обоимъ неудобно. Намъ придется говорить. А предсѣдатель долженъ слѣдить за порядкомъ...

— Да вѣдь всѣ могутъ говорить!.. замѣтилъ женскій голосъ.

— Нѣтъ ли нѣмого? Его въ предсѣдатели...—сострилъ кто-то.

— Лихарева! Профессора Лихарева!—попробовали нѣсколько человѣкъ разрѣшить затрудненіе.

— Благодарю васъ, господа, но я едва ли останусь до конца. У меня есть дѣло...—поспѣшилъ увильнуть Лихаревъ.

Тогда была названа скромная фамилія— Семеновъ и технологъ съ небольшой черной бородкой, плечистый и крѣпкій, съ густымъ баситымъ голосомъ вышелъ и, откланиваясь, занялъ мѣсто за круглымъ столикомъ, поставленнымъ посрединѣ комнаты.

Онъ, однако, оказался опытнымъ предсѣдателемъ, сейчасъ же сдѣлалъ знакъ рукой, который всѣ поняли и затихли. Затѣмъ онъ сказалъ небольшую вступительную рѣчь, изъ построенія которой было видно, что онъ приготовился къ роли предсѣдателя и успѣлъ обдумать свои слова.

Онъ сказалъ;

— Господа! Вамъ всѣмъ, конечно, извѣстно, по какому поводу мы собрались здѣсь, и мнѣ незачѣмъ входить въ подробности. Въ приволжскихъ губерніяхъ, гдѣ въ прошломъ году былъ неурожай и въ настоящемъ году ничего не собрано. Бѣдствіе еще только начинается, но уже можно съ достовѣрностью предугадать, что оно приметъ широкіе размѣры. Безъ сомнѣнія каждый знаетъ, что ему въ этомъ случаѣ дѣлать, такъ какъ это — дѣло совѣсти и сердца. Въ предыдущіе года когда случалось подобное бѣдствіе, наши товарищи учащіеся мужчины и женщины—являлись первыми, отдающими свои силы на помощь голодающему народу. Но въ послѣднее время среди насъ появилось нѣкоторое новое теченіе, создавшее принципіальное разногласіе по этому вопросу. У этого теченія есть сторонники, и благодаря этому въ нашу среду проникло раздѣленіе. Вотъ мы и сошлись здѣсь для того, чтобы поговорить, примирить разногласія и, можетъ быть, какъ несомнѣнно каждый изъ насъ желаетъ, вновь объединиться. Итакъ, предлагаю высказаться по этому вопросу.

Никто не хотѣлъ высказываться первый. Послѣ нѣкотораго молчанія выступилъ Крученіновъ. Лицо у него было крайне взволнованное и блѣдное. Онъ выдвинулся изъ среды товарищей на одинъ шагъ и промолвилъ дрожащимъ голосомъ.

— Я виновникъ этого собранія, потому что я больше всѣхъ протестовалъ противъ «теченія», о которомъ сейчасъ упомянулъ мой товарищъ. Поэтому я и скажу... скажу прежде другихъ...

Онъ остановился, видимо стараясь изъ всѣхъ силъ подавить волненіе, которое мѣшало ему говорить.

Людмила сидѣла рядомъ съ Любочкой, прикасаясь къ ней плечомъ и Любочка чувствовала, какъ она дрожитъ. Крученіновъ оправился и продолжалъ:

— Господа, это теченіе... оно дѣйствительно новое. Суть его въ томъ, что мы, глядя на бѣдствіе, охватившее нѣсколько губерній, должны сидѣть, сложа руки, пріятно проводить время въ столицѣ, на дачахъ и въ усадьбахъ, предоставляя народу пухнуть отъ голода...

Съ той стороны, къ которой примыкалъ Крученинов, раздались аплодисменты и онъ, ободренный ими, заговорилъ смѣло и рѣшительно.

— Не знаю, господа, можетъ быть, съ точки зрѣнія какой-нибудь высшей справедливости это такъ и надо. Но намъ эта точка зрѣнія недоступна, по крайней мѣрѣ мнѣ и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ. Мы, простые смертные, живемъ простымъ человѣческимъ разумомъ и простымъ чувствомъ, изъ коихъ рождается для насъ и простая человѣческая справедливость. И эта справедливость говоритъ намъ: нельзя съ спокойной совѣстью положить въ собственный ротъ кусокъ мяса, когда сосѣдъ умираетъ съ голода. Но съ другой стороны, нельзя забывать и то, что мы живемъ въ странѣ, гдѣ общественная жизнь еще недостаточно организована, гдѣ рядовое общество въ общественномъ смыслѣ мало развито, неподвижно и мертво, мы же всѣ учащіеся молодые люди — самый подвижный слой его, слой поверхностный, доступный вліянію солнца и воздуха. И если этотъ слой останется глухъ и невоспріимчивъ къ голосу человѣчности, то этотъ голосъ никогда не дойдетъ до остальныхъ слоевъ общества. Вотъ изъ чего складывается наша обязанность идти на помощь голоднымъ и жертвовать для нихъ своимъ, хотя бы и малымъ достаткомъ, временемъ и трудомъ. И вотъ почему я, въ противность новому теченію, которое уму моему непонятно, а душѣ мой враждебно, говорю: мы обязаны идти туда и мы пойдемъ!

Онъ закончилъ свою рѣчь звучнымъ, сильно приподнятымъ голосомъ, какъ настоящій трибунъ. Раздались дружные аплодисменты и не только изъ той группы, которая поощрила его въ первый разъ, а отовсюду. Аплодировалъ даже Лихаревъ. Только Рокотовъ стоялъ, опустивъ руки и ничѣмъ не выражалъ одобренія.

— Ну, ты теперь спокойна? — шопотомъ спросила Любочка Людмилу.

— Далеко нѣтъ... отвѣтила Людмила, искоса поглядывая на стоявшаго вблизи Рокотова.

— Но вѣдь это успѣхъ...

— А взгляни, какъ онъ смотритъ... Ни одного движенія... Онъ его уничтожитъ...

Послѣ Крученинова говорили отрывисто нѣсколько человѣкъ но никто не возражалъ ему. Все это были единомышленники. И говорили они въ сущности его доводами и его словами.

— Я совершенно согласенъ съ Крученинovымъ въ томъ... (тутъ повторялась его мысль). Да, дѣйствительно...—И опять то же самое.

— Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что... — И дальше шло изложеніе тѣхъ же мыслей.

Но слушатели были разсѣяны. Всѣ были убѣждены въ томъ же, что и Крученинovъ и никто не могъ понять, какъ можно опровергнутъ такую элементарную истину, что, когда ближній голодаетъ, надо помочь ему.

Выступилъ, правда, одинъ юнецъ, безусый первокурсникъ, съ мягкимъ женственнымъ голосомъ. Онъ утверждалъ, что несогласенъ съ Крученинovымъ, но по существу не опровергалъ его. Довольно туманно онъ доказывалъ, что вопросъ о кормленіи голодныхъ долженъ быть поставленъ на какую-то научную почву. И всѣ видѣли, что это не то. Къ тому же онъ подъ конецъ спутался и сбился и, не докончивъ свою рѣчь, оставилъ поле битвы. Во всякомъ собраніи, какъ бы ни была горяча тема, всегда бываютъ не одни только убѣжденные, но и любопытные. И здѣсь ихъ было не мало. Это были люди добродушные, но въ то же время и равнодушные. Если бы Крученинovъ тысячу разъ побѣдилъ, они все равно не поѣхали бы кормить голодающихъ, а остались бы жить попрежнему. Эти пришли сюда не изъ-за Крученинова, а главнымъ образомъ, изъ-за Рокотова, котораго окружала репутація (изъ прошлаго, разумѣется) сильнаго оратора, почти непобѣдимаго. И они всѣ посматривали на него, какъ бы понукая его своими взглядами: «когда же?»

Но были здѣсь и такіе, которымъ было необходимо, чтобы Крученинovъ былъ разбитъ. Это были слабые люди, которые шли за преобладающимъ мнѣніемъ.

Необходимость ѣхать куда-то въ приволжскія губерніи тяготила ихъ, у нихъ не было никакого сердечнаго призыва къ этому, а въ то же время и не было силы поступить наперекоръ общему голосу. Имъ нужна была побѣда Рокотова, чтобъ опереться на нее.

И, наконецъ, всѣ увидѣли, что Рокотовъ рѣшился говорить. Онъ уже поправилъ свои усы и теперь приглаживалъ бороду, и въ глазахъ его появился блескъ.

— Вы позволите мнѣ?..—мягко спросилъ онъ у Семенова.

— Пожалуйста!..—отвѣтилъ тотъ.

Рокотовъ еще помедлилъ, еще нѣсколько разъ пригладилъ свою бороду и, наконецъ, заговорилъ:

— Господа! Ясно для всѣхъ, что «новое теченіе», о которомъ здѣсь говорили, есть не болѣе, какъ высказанное мною мнѣніе. Я высказывалъ его часто, въ разговорѣ то съ тѣмъ, то съ другимъ. Хотя здѣсь говорили многіе, но полнѣе всѣхъ

сказалъ тотъ, кто говорилъ первый. Такъ я ужъ и спорить буду съ нимъ. Именно—я буду спорить. Не возражать, а спорить. Возражать нельзя, ибо не противъ чего. Мой славный другъ Крученинов доказывалъ, что надо быть человѣчнымъ и кормить ближняго, когда онъ голодаетъ. Это такъ прочно утвержденная истина, что ради доказательства ея не стоило строить ораторскую трибуну. Онъ спорилъ противъ теченія, которое будто бы отрицаетъ, что надо кормить голодныхъ. Но такого теченія нѣтъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, среди этихъ стѣнъ. Какъ не надо? Надо! Необходимо, чтобы всѣ голодные были накормлены разъ навсегда и чтобы послѣ этого уже вовсе не было голодныхъ. Вотъ истина, противъ которой нельзя возражать.

— Но вѣдь рѣчь идетъ не о томъ, нужно или не нужно кормить голодныхъ. Вѣдь это все равно, какъ если бы мы рѣшали вопросъ о томъ полезно или не полезно солнце для растеній. Дѣло, господа, въ томъ, что многіе изъ васъ считаютъ своею неотвратимою обязанностью ѣхать туда, въ Приволжье и собственноручно кормить голодныхъ. Можетъ быть, кто-нибудь думаетъ, что я скажу: это дурно? Нѣтъ, напротивъ, это добродѣтельно. Вообще, оказывать ближнему услугу—добродѣтельно. Но даже и добродѣтель должна сообразоваться съ пользой общественной. Каждый работникъ только тогда выполняетъ свое назначеніе, когда онъ даетъ maximum того, что можетъ, не насилуя себя. Представьте же себѣ, что въ какомъ-нибудь гимназическомъ пансіонѣ преподаватели, желая быть добродѣтельными, вмѣсто того, чтобы поручить это служителямъ, стали сами чистить сапоги и одежду ученикамъ, стали варить имъ пищу и подавать за столомъ, стали дѣлать имъ постели и убирать комнаты. Безъ сомнѣнія, они опаздывали бы на уроки, плохо приготовлялись бы къ нимъ и плохо преподавали. И чтобы избѣжать этого, эти низшія и наименѣе сложныя обязанности обыкновенно поручаются людямъ съ низшей интеллигентностью, попросту—служителямъ, которые выполняютъ ихъ прекрасно, а преподаватели дѣлаютъ свое дѣло. Вообразите же такое положеніе: допустимъ мы, что каждый изъ васъ выдѣлилъ изъ своихъ средствъ на кормъ голодающимъ по 100 р.—я беру крупную цифру. И половина изъ васъ поѣхала туда и цѣлое лѣто занималась покупкой провизіи, приготовленіемъ обѣдовъ, раздачей ихъ, угощеніемъ, а другая половина деньги эти отослала на мѣсто простымъ людямъ, хотя бы нѣсколькимъ женщинамъ изъ тѣхъ же голодающихъ, которыя закупали провизію дѣлали обѣды и все прочее. Какая изъ этихъ половинъ выдѣлила бы изъ себя бо́льшую общественную пользу? Тамъ, на мѣстѣ, поѣхавшіе приносили бы одинаковую пользу съ непоѣхавшими, но здѣсь непоѣхавшіе, вѣроятно, занялись бы какимъ-нибудь другимъ

дѣломъ: чтеніемъ книгъ, даваніемъ уроковъ, писаніемъ сочиненій, производствомъ лабораторныхъ опытовъ и т. п. И такимъ образомъ отъ нихъ получилась бы большая общественная польза. Что же въ такомъ случаѣ побуждаетъ молодыхъ людей ѣхать туда? Они, конечно, не думаютъ, что съумѣютъ приготовить обѣдъ и раздать его голоднымъ лучше, чѣмъ простая кухарка. Самоличность, личное участіе, непосредственное ощущеніе, что дѣлаешь хорошее великодушное дѣло. Это ощущеніе пріятно и удовольствіе отъ него есть та награда, которую получаютъ за подвигъ.

Не думайте, господа, что я убѣждаю васъ не ѣхать, или утверждаю, что, поѣхавъ, вы сдѣлаете дурное дѣло. Нисколько. Поѣхавъ, вы сдѣлаете хорошее дѣло, но это хорошее дѣло не большаго калибра, чѣмъ то, какое можетъ дѣлать всякая деревенская баба, не получившая никакого образованія, часто не умѣющая даже читать. Вы же получаете университетское образованіе. Надо думать, что оно годится для чего-нибудь большаго, чѣмъ то, что можетъ съ успѣхомъ дѣлать неграмотная баба. Отецъ и мать любятъ своего ребенка не меньше, чѣмъ вы ближняго; тѣмъ не менѣе они поручаютъ кормить и одѣвать его простой нянѣ, потому что няня можетъ хорошо дѣлать только это, а они это время употребляютъ на производство дѣлъ, болѣе полезныхъ въ общей ихъ семейной экономіи, полезныхъ для нихъ, для ребенка, для няни, для всего дома.

Я, господа, довольно много уже говорю, и тѣмъ не менѣе долженъ просить у васъ еще вниманія.

Это все пустое—поѣдете или не поѣдете вы кормить голодныхъ... Маленькая польза, а ужъ, во всякомъ случаѣ, не вредъ. Но я хочу сказать о вашемъ времени. Вы понимаете, что я могу говорить только, какъ человѣкъ своего времени... Вы мнѣ позволите?

— Мы слушаемъ васъ! Мы просимъ!—раздались голоса.

— Видите ли, я давно уже думаю объ этомъ. Люди моего времени—ихъ еще много въ живыхъ и тѣ, которые не пристали къ современности и не сдѣлались узко-практическими дѣятелями, живутъ, такъ сказать, въ отставкѣ, на покоѣ,—да, такъ люди моего времени свысока смотрятъ на ваше время. Они обвиняютъ васъ въ упадкѣ духа, въ дряблости, въ недѣятельности, въ измельчаніи.

И я самъ, признаюсь въ этомъ откровенно, не такъ давно еще точно такъ же думалъ. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть только на поверхность явленія, то оно кажется печальнымъ. Послѣ того, какъ наше поколѣніе пронеслось по руслу русской жизни, какъ ураганъ, выдвинувъ изъ своей среды тысячи крупныхъ личностей,

крупныхъ не положеніемъ, а характеромъ, твердостью, съ которыми они отдавались общественному дѣлу, забывая все свое,—глубокое затишье, а если бываютъ вспышки, то онѣ случайны и тусклы. Недавно еще рыкавшіе львы поджали хвосты и превратились въ домашнихъ, ручныхъ животныхъ. Если они иногда и выдвигаютъ когти и шумятъ, то на повѣрку оказывается, что весь шумъ изъ-за своихъ маленькихъ правъ, которыя кажутся имъ большими.

Однихъ изъ васъ обуяли сомнѣнія и они—блѣдные и безсильные, потерявшіе настоящій здоровый вкусъ къ жизни,—избираютъ первую попавшуюся дорогу и равнодушно пускаются куда глаза глядятъ. Другіе, разочаровавшись въ вѣчности, отдаются минутѣ, и все у нихъ маленькое, коротенькое, годное только для минуты,—и характеръ, и міровоззрѣніе, и идеалы, и стремленія. Но есть и третьи. Эти сохранили цѣльный и ясный духъ и здоровыя легкія. Они стремятся впередъ, недѣятельность возмущаетъ ихъ и они хватаются за дѣла, рвутся къ подвигу, жаждутъ жертвъ. Но въ своей горячности они не замѣчаютъ, что кругомъ нѣтъ ничего великаго, и что, когда имъ кажется, что они подымаются на высокую башню, въ дѣйствительности они взбираются только на муравьиную кучу. Винить ихъ за это нельзя. Ихъ здоровому духу нуженъ хлѣбъ, но хлѣба нѣтъ и приходится грызть древесную кору...

Но что же это? Измельчаніе, вырожденіе людей и самой жизни? Такъ думаютъ многіе, но я противъ этого кричу. Измельчаніе, вырожденіе. Нужны сотни лѣтъ, милліоны упадочныхъ процессовъ, чтобы они наступили. Но всего какихъ-нибудь двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ русское общество пламенѣло и изъ пламени его выходили на арену жизни сильные люди, гиганты. Эти гиганты ваши отцы, даже не дѣды. Можетъ ли быть, чтобы они не передали вамъ хоть частицу своей духовной силы? Нѣтъ, не можетъ этого быть. Они передали вамъ ее всю безъ остатка.

Но у времени, вѣчно и безостановочно текущаго, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть періоды напряженія и періоды отдыха. Наше время было періодомъ страшнаго, невѣроятнаго напряженія силъ. Такое напряженіе неизбѣжно должно было смѣниться отдыхомъ. И этотъ отдыхъ достался вашему времени. Вы, господа, родились во время отдыха. Какъ отдыхаетъ земля послѣ нѣсколькихъ урожаевъ, чтобы набравшись новыхъ силъ при посредствѣ влаги, тепла и воздуха, вновь дать обильный урожай, такъ, послѣ гигантской работы, отдыхаютъ въ васъ общественныя силы. Не измельчаніе и не вырожденіе, а возобновленіе при посредствѣ покоя. И у васъ, господа, огромная задача: копить въ себѣ общественныя силы.

Россія подросла за эти тридцать лѣтъ, но ей далеко еще до старости. Минетъ періодъ отдыха и закипитъ въ ней жизнь и вдругъ выростутъ великія задачи, которыя потребуютъ и огромныхъ силъ, и подвиговъ, и жертвъ.

И вотъ моя мысль: вы, господа, молодые и учащіеся, вы, помимо васъ самихъ, несете на своихъ плечахъ будущее нашей родины. Вы призваны накоплять силы для будущей работы. Накопляйте же ихъ спокойно и съ разумѣніемъ. Пріобрѣтайте знанія, которыя всѣ къ вашимъ услугамъ, развивайте вашъ мозгъ, укрѣпляйте волю, вырабатывайте характеръ, потому что для той работы будущаго потребуются и сильные умы, и крѣпкіе характеры. И если время работы придетъ послѣ васъ, все равно, вы передадите эти накопленныя силы вашимъ дѣтямъ и тѣмъ исполните вашъ общественный долгъ!

Вотъ мои мысли, друзья мои! Я очень радъ, что могъ высказать ихъ. Дѣлайте съ ними, что хотите! Такъ закончилъ свою рѣчь Рокотовъ. Въ первую минуту было странное, глубокое, почти мертвое молчаніе. Казалось, эта рѣчь придавила всѣхъ. Но вотъ протянулись впередъ двѣ длинныя руки, принадлежавшія Лихареву, раздалось нѣсколько его хлопковъ и вдругъ присутствующіе точно очнулись и комната огласилась громомъ рукоплесканій.

Людмила сидѣла неподвижно, съ страшно блѣднымъ лицомъ. Она не принимала участія въ оваціи. Болѣе, чѣмъ кто либо другой изъ присутствовавшихъ, чувствуя на себѣ обаяніе рѣчи, произнесенной ея отцомъ, она въ то же время мучительно жалѣла Крученинова, и эта жалость пересиливала то чувство.

Никто не хотѣлъ возражать Рокотову, а Крученинову меньше всѣхъ. Стали расходиться. И минутъ черезъ десять остались только ближайшіе знакомые.

Къ Людмилѣ подошелъ Крученинов. Лицо его было пасмурно. Онъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ и сказалъ отрывисто и даже какъ-то строго:

— Я провожу васъ домой!..

Людмила поняла, что ему надо поскорѣе уйти изъ квартиры и, ни слова не возразивъ, поднялась и вышла въ переднюю. Черезъ минуту она, никѣмъ не замѣченная, вышла изъ квартиры.

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОЛИТИКА И РЕЛИГІОЗНАЯ МЫСЛЬ НА ЗАПАДѢ.

(Историческій очеркъ).

(*Окончаніе* *).

VIII.

Деизмъ Маццини, мистицизмъ Товянскаго и Мицкевича, мессіанизмъ итальянскій, мессіанизмъ польскій—все это были явленія, выросшія на почвѣ мечтаній о борьбѣ за національное освобожденіе. Теперь мы должны коснуться явленій нѣсколько иного типа, религіозныхъ воззрѣній нѣкоторыхъ соціальныхъ реформистовъ западной Европы, современныхъ Маццини и Товянскому. Парижъ 30—40 гг., по всѣмъ свидѣтельствамъ, кишѣлъ разнообразными мистиками-соціалистами, мистиками-революціонерами и т. д., но мы остановимся лишь на одномъ. Не потому мы выбрали Пьера Леру, что онъ имѣлъ больше послѣдователей: нѣтъ, мистики-соціалисты во Франціи, вообще, успѣха въ народѣ тогда не имѣли, и мало-мальски замѣтной партіи никто изъ нихъ не составилъ, такъ что относительно нихъ можно больше говорить о литературномъ, а не о политическомъ значеніи. Что же касается литературнаго значенія, то Пьеръ Леру, имѣвшій весьма сильное и прямое вліяніе на Жоржъ-Зандъ и жадно читавшійся даже въ несогласномъ съ нимъ лагерѣ Луи Блана, заслуживаетъ полнаго вниманія. По показанію знаменитаго и авторитетнаго нашего писателя, втихомолку, но съ упоеніемъ читала и русская молодежь «Петра Рыжаго», котораго, несмотря на совершенную его невинность, получать изъ-за границы тогда было почти такъ же трудно, какъ брюссельскія кружева или гаванскія сигары. Впрочемъ, были у него немногіе послѣдователи и во Франціи, но, повторяемъ, замѣтнѣе другихъ мистиковъ онъ, прежде всего, по своему литературному вліянію.

Если этимъ оправдывается нашъ выборъ, то необходимо отвѣтить и на другой возможный вопросъ: почему мы оставляемъ въ сторонѣ аббата Ламеннэ. Дѣлаемъ мы такъ потому, что, во первыхъ, соціально-политическія радикальныя воззрѣнія автора «Словъ вѣрующаго»

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь, 1903 г.

прямо выводились имъ изъ его религіозныхъ убѣжденій (и не только формально съ внѣшней стороны), а вовсе не религіозныя убѣжденія подводились подъ уже предвзятыя соціально-политическія тенденціи, какъ было, напр., съ Мацини, отвергнувшимъ отрицаніе и нападавшимъ въ старости на матеріализмъ, исключительно съ точки зрѣнія морально-общественной пригодности или непригодности, или, какъ было съ Товянскимъ и Мицкевичемъ, все содержаніе мистицизма которыхъ обусловливалось ихъ политическими надеждами. Въ психологіи Ламеннэ религія была первичнымъ и рѣшающимъ факторомъ, истиною, аксіомою, изъ которой уже его неподкупная логика выводила заключенія общественнаго характера, казавшіяся ему истинными. А когда, напримѣръ, послѣ революціи 1848 года на очередь выступилъ вопросъ о практическихъ преобразованіяхъ, то Ламеннэ категорически заявилъ, что онъ не признаетъ соціалистической регламентаціи производства, что его религія повелѣваетъ ждать прогресса лишь отъ уменьшенія эгоизма на землѣ, отъ роста чувствъ братской солидарности въ людскихъ сердцахъ. Приверженцы Луи Блана раздраженно напали за это на него, но онъ оставался, въ сущности, совершенно послѣдователенъ съ единственной, обязательной для него точки зрѣнія. Онъ принадлежитъ къ первому разряду людей, у которыхъ религіозная мысль связывалась съ политикою, а не къ четвертому ихъ разряду, о которомъ идетъ у насъ рѣчь (см. начало статьи). У него не политическія пристрастія опредѣляли характеръ религіозной вѣры, а религіозная вѣра обусловливала политическія убѣжденія. Вотъ почему этотъ несравненно болѣе талантливый, нежели Пьеръ Леру, писатель оставленъ здѣсь въ сторонѣ.

Но раньше, чѣмъ говорить о Пьерѣ Леру, необходимо взглянуть на то, чѣмъ стали нѣкоторые сенъ-симонисты послѣ смерти своего учителя. Это сдѣлать въ нашемъ очеркѣ не только умѣстно, вслѣдствіе религіознаго отпечатка, лежащаго на сенъ-симонизмѣ 30-хъ годовъ, но и необходимо, потому что для Пьера Леру сенъ-симонизмъ былъ школой, былъ главнымъ руководителемъ, воспитавшимъ его умъ. Не только съ біографической, но и съ логической точки зрѣнія разсматривать идеи Пьера Леру внѣ связи съ сенъ-симонизмомъ затруднительно.

Во II главѣ настоящаго очерка мы упоминали, что въ XVIII-мъ вѣкѣ очень часто на предполагавшееся крушеніе католической церкви смотрѣли, какъ на разрушеніе религіи вообще. Сужденія Сенъ-Симона объ этомъ предметѣ радикально противоположны вышеприведеннымъ мнѣніямъ Дидро и епископа, бесѣдовавшаго съ Мармонтелемъ. По его словамъ, жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что религія въ будущемъ невозможна только на томъ основаніи, что католицизмъ обветшалъ и теряетъ почву; онъ говорилъ, что безъ религіи человѣчество остаться не можетъ, но что формы религіи преходящи и измѣнчивы. Въ «Nouveau christianisme» Сенъ-Симонъ признаетъ, что хри-

стіанская религія основана на божественномъ откровеніи и поэтому истинна, но что исторически сложившіяся церковныя формы ея подмѣнили божественное ея содержаніе земнымъ.

Любовь къ ближнему отошла на задній планъ, догматика выступила впередъ, люди извратили въ ней очень многое, и ни католицизмъ, ни протестантизмъ, по мнѣнію Сенъ-Симона, уже не можетъ быть религіею будущаго. Въ вину Лютеру онъ ставитъ, между прочимъ, и то, что онъ внесъ «прозу» въ религіозный культъ и въ религіозное чувство. Религія будущаго будетъ соціальною по преимуществу, ея центромъ и основою будетъ завѣщанная Евангеліемъ братская любовь къ ближнему и она поведетъ человѣчество къ заботамъ о широкомъ и всестороннемъ улучшеніи житейскихъ условій вообще и положенія бѣдныхъ классовъ въ частности. По замѣчанію Лоренца Штейна *), напрасно искать въ религіозныхъ воззрѣніяхъ Сенъ-Симона какой-либо системы: къ нему примѣнимы тѣ слова, которыя онъ самъ употреблялъ, говоря о Лютерѣ: «il a bien critiqué, mais pauvrement doctriné». Прибавимъ, что, вообще, темнота, общность и сбивчивость построенія религіознаго идеала Сенъ-Симона зависѣла отъ основныхъ качествъ его ума; онъ любилъ и умѣлъ одушевляться и увлекаться, онъ говорилъ, умирая, ученику своему Олинду Родригесу, что великія вещи возможно осуществить, только находясь въ воодушевленіи, а еще раньше выражалъ даже мысль, что въ храмъ славы нерѣдко попадаютъ тѣ, которые избавились отъ заключенія въ домѣ умалишенныхъ. Онъ былъ способенъ самъ не только одушевляться, но, что гораздо рѣже случается, упорно, всю жизнь держаться за одну и ту же, однажды его плѣнившую мысль.

Грандіозная мысль о совершеннѣйшемъ соціально-политическомъ переустройствѣ человѣчества вдохновила его, а религія явилась лишь, такъ сказать, прибавленіемъ, дополненіемъ къ рисовавшейся въ его умѣ картинѣ. Графъ Сенъ-Симонъ былъ гордымъ человѣкомъ и и убѣжденнымъ; онъ вѣрилъ въ свое ученіе и тогда, когда, на старости лѣтъ, служилъ писцомъ въ ломбардѣ, и даже тогда, когда пытался покончить съ собою (незадолго до смерти) по той причинѣ, что буквально нечего было ѣсть. Каковы бы ни были его дѣла,— настроеніе въ его работахъ ничуть не мѣняется: это всегда соціальный пророкъ, у котораго въ рукахъ сивиллины книги съ будущимъ человѣчества. Для увлеченія религіей самой по себѣ въ его психикѣ уже мѣста не хватило, а безъ исключительнаго увлеченія, безъ всепоглощающей мысли о центральной первенствующей роли религіи въ жизни еще никто новой религіи никогда не создавалъ и, даже, новой реформы въ церкви не производилъ. *Вотъ почему* религіозная сторона

*) „Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich“, Lpz. 1850, II B., 175—176.

въ ученіи Сенъ-Симона такъ неясна и неопредѣленно-обща, такъ напоминаетъ собою постороннюю пристройку, больше для архитектурнаго ансамбля, нежели по внутренней необходимости, приставленную къ большому зданію. И всюду, гдѣ Сенъ-Симонъ говоритъ о новой, грядущей религіи, которая свяжетъ человѣчество въ одно солидарное цѣлое, подъ этой религіей понимается вся его соціальная система съ неразвитыми подробно, общими идеями о евангельской любви. «Будущее наше», сказалъ онъ въ послѣднія минуты передъ агоніей окружавшимъ его смертный одръ друзьямъ.

Чѣмъ же сталъ сенъ-симонизмъ послѣ смерти основателя доктрины? Онъ сталъ религіозною сектою, не болѣе и не менѣе. Базаръ, Анфантэнъ, Перейра—все это типичные сектантскіе вѣроучители. Продолженіе дѣла своего учителя они видѣли не только въ пропагандѣ его взглядовъ, но и въ выработкѣ совершенно новаго міросозерцанія, которое было бы согласовано во всемъ съ теоріею Сенъ-Симона и вытекающими изъ нея заключеніями. Вотъ тогда-то религіозная сторона и должна была быть, дѣйствительно, выдвинута впередъ, и столь ненавистная Сенъ-Симону, но неизбѣжная во всякой церкви догматика должна была занять подобающее ей мѣсто. А сенъ-симонизмъ, казалось, поставилъ себѣ идеаломъ сдѣлаться именно церковью и ничѣмъ инымъ. Сенъ-симонисты начала 30-хъ годовъ больше всего имѣли успѣха среди молодежи образованнаго класса; когда съ 1832—1833 гг. начался упадокъ движенія, то упадокъ этотъ только такъ и нужно понимать, что образованная молодежь перестала доктриною интересоваться. Широкіе слои, напр., рабочаго населенія, совершенно остались чужды движенію. Но именно вслѣдствіе такого специфически-однообразнаго состава сенъ-симонистскихъ кадровъ, движеніе, связанное съ именами Базара и Анфантэна, и интересно для насъ въ данномъ случаѣ.

Съ чего началось это движеніе? Съ проповѣди Базара, Анфантэна, Бюше и др., настаивавшихъ и до, и послѣ революціи 1830 года, что либеральная оппозиція, боровшаяся до 1830 года и побѣдившая въ 1830 году, дѣлаетъ и сдѣлала неполное дѣло; что она весьма ограниченна, если въ Бурбонахъ видитъ все зло общественнаго строя; наконецъ, что въ самомъ существѣ своемъ либерализмъ узко-эгоистиченъ и всѣ его стремленія, согласно выраженію Сенъ-Симона, ограничиваются только требованіемъ, обращеннымъ къ политическимъ врагамъ: «ôte-toi de là, que je m'y mette». Сенъ-симонисты утверждали, что политическая борьба сама по себѣ еще далеко не все, они вносили въ общественную жизнь соціалистическія требованія и, подобно всѣмъ, имѣющимъ за душою, дѣйствительно, новое слово и приносящимъ его, когда почва для него созрѣваетъ, они имѣли всѣ основанія надѣяться на успѣхъ, хотя бы нѣкоторый, и на жизненность своихъ идей, ро-

стущую и длящуюся. Нѣкоторый успѣхъ выпалъ имъ на долю, но жизнеспособнымъ ихъ движеніе (т.-е. сенъ-симонизмъ Базара, Анфантэна) не оказалось. Соціально-психологическія причины того и другого явленія довольно открыты и понятны. Начнемъ съ успѣха.

Оппозиціонная атмосфера къ концу 20-хъ годовъ все спиралась и спиралась, такъ что чуткимъ наблюдателямъ и дышать становилось трудно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, описывая на этихъ же страницахъ политическую жизнь Ройе-Коллара, мы отмѣтили, что старый доктринеръ нѣсколько разъ прямо предсказывалъ крушеніе реставраціоннаго трона; предсказывалъ это самое еще и Сенъ-Симонъ, незадолго до своей смерти. Но для Сенъ-Симона возможность этого событія вовсе не являлась столь важною въ перспективахъ будущаго какъ хотя бы для того же Ройе-Коллара. Маловажною подробностью политической жизни Франціи было низверженіе Бурбоновъ и для вождей сенъ-симонизма въ 1830 году, и позже *). На самомъ же дѣлѣ 1830 годъ былъ рѣшающимъ годомъ и для нихъ тоже.

Дѣло въ томъ, что всѣ революціонныя силы страны въ концѣ 20-хъ гг. были поглощены непосредственною политическою задачею,— предстоявшими «похоронами воскресшихъ мертвецовъ» Вотъ почему въ первое время послѣ смерти Сенъ-Симона (1825 г.) такъ туго шло дѣло пропаганды его доктрины; журналъ «Le Producteur» прекратился за недостаткомъ подписчиковъ, и торопящіеся люди считали сенъ-симонизмъ безвозвратно погибшимъ. Это было невѣрно. Сенъ-симонизмъ заключалъ въ себѣ метафизическіе элементы всегда, еще до того, какъ совсѣмъ сталъ религіознымъ вѣроученіемъ, а никакое сложное соціальное ученіе съ далекими прогнозами и метафизическимъ фундаментомъ не можетъ, *психологически* не можетъ овладѣть общественнымъ вниманіемъ въ такія времена, когда обостряется непосредственная политическая борьба. Рабочій классъ, какъ таковой, со своими особыми требованіями, не игралъ еще на политической аренѣ самостоятельной роли, а деклассировавшаяся молодежь буржуазіи, главная позднѣйшая сила и опора сенъ-симонизма, напряженно слѣдила за всѣми перипетіями борьбы между либеральною оппозиціею и правительствомъ Карла X. По одной образной англійской поговоркѣ, наступающія событія отбрасываютъ предъ собою тѣнь. Если бы въ этой поговоркѣ вмѣсто словъ «coming events» стояли болѣе опредѣленныя слова: «coming revolution», то она отнюдь не утратила бы своей правдивости. Такъ вотъ исторія XVIII—XIX вв. и учитъ, что въ поколѣніи, уже охваченномъ,—*на самомъ дѣлѣ* охваченномъ, не въ мечтаніяхъ только, а въ реальности, — тѣнью надвигающейся революціи, никогда и нигдѣ, безъ единаго исключенія, не могла мало-мальски *широко* развиться

*) Что не мѣшало имъ стоять за оппозиціонное движеніе и привѣтствовать революцію.

охота къ сложному метафизическому размышленію и еще менѣе могъ быть констатированъ какой бы то ни было мало-мальски широкій рецидивъ мистицизма. Пока надвигалась іюльская революція, къ проповѣди сенъ-симонистовъ были глухи. Но вотъ гроза пришла и прошла, въ три дня не стало Бурбоновъ, либеральная оппозиція сдѣлалась правительствомъ. Идеалы передового общества передвинулись еще лѣвѣе: одни были недовольны дѣйствительностью во имя республики, другіе во имя расширенія избирательнаго права, третьи во имя экономическихъ реформъ (особенно послѣ возстанія рабочихъ въ Ліонѣ 21 ноября 1831 года). Въ эти то первые дни послѣ іюльской революціи раздалась вновь и нашла на этотъ разъ живой откликъ проповѣдь сенъ-симонистовъ. Непосредственный пылъ революціонной борьбы, ея прелюдій и разгара, прошелъ, впереди не было основаній ожидать новыхъ скорыхъ катаклизмовъ; у многихъ изъ сознанія ушелъ яркій, все заслонявшій собою непосредственный политическій идеалъ—установленіе широкой политической свободы,—ушелъ вслѣдствіе извѣстнаго своего осуществленія, и далеко не всѣ удовлетворились такими новыми идеалами, какъ, напр., республика. Искали новыхъ, широкихъ, и съ жадностью стали прислушиваться къ голосу людей, утверждавшихъ, что смѣна династій или даже политическихъ формъ не важна, а важно нѣчто совсѣмъ другое. Эти голоса какъ бы обѣщали заполнить такую ощутительную для многихъ пустоту въ міросозерцаніи, какъ отсутствіе опредѣленнаго общественнаго идеала. Широкимъ и неопредѣленнымъ чаяніямъ была предложена мірообъемлющая религіозно-соціальная система, зрѣвшая и вырабатывавшаяся въ пятилѣтіе между смертью Сенъ-Симона и іюльской революціей 1830 года, то-есть именно тогда, когда на ея адептовъ и теоретиковъ обращалось такъ мало вниманія.

IX.

Первый курсъ лекцій, ознакомившихъ часть парижскаго общества съ идеями Сенъ-Симона и его послѣдователей, былъ прочтенъ Базаромъ въ зиму 1828—1829 гг., въ залѣ на улицѣ Тараннъ; слѣдующія лекціи и публичныя засѣданія происходили уже частью предъ самыми іюльскими днями, частью послѣ революціи. До революціи лекціями интересовались серьезно немногіе, а большинство считало ихъ одною изъ эксцентрическихъ новостей, оживляющихъ своею оригинальностью сезонъ; послѣ революціи на засѣданія и лекціи хлынула масса образованной буржуазіи (преимущественно молодежи),—поставлявшая уже не только любопытствующихъ, но и прозелитовъ.

Популяризуя и, отчасти, дополняя и уясняя (а иногда и затемняя еще болѣе) доктрину Сенъ-Симона, Базаръ училъ о человѣчествѣ, какъ о коллективномъ существѣ, которое повинуется въ своей жизни

закону прогрессивнаго развитія. Въ своемъ печальномъ состояніи бѣдности, вражды, господства себялюбія человѣчество повинуется индивидуалистическимъ стремленіямъ, закону антагонизма. Но Богъ, создавшій небо и землю, противопоставилъ антагонизму другое чувство—чувство и принципъ ассоціаціи, стремленіе къ единству. Подобно Маццини, считавшему стремленіе къ свободѣ главнымъ признакомъ божественнаго происхожденія человѣчества, — Базаръ считаетъ однимъ изъ такихъ признаковъ чувство единства и ассоціаціи.—Это чувство по его мнѣнію въ конечномъ счетѣ должно побѣдить своего противника—антагонизмъ и индивидуализмъ. Критика существующаго общества у сенъ-семонистовъ еще углубленнѣе и безпощаднѣе, нежели у ихъ учителя. Въ частности, они приравниваютъ и историческія формы церкви къ силамъ, толкающимъ людей на поступки, которые прямо противорѣчаютъ «божественному» принципу ассоціаціи (религіозныя войны, преслѣдованія еретиковъ и несогласно мыслящихъ и т. п.). Дѣля исторія на эпохи «органическія» и «критическія», сенъ-симонисты разсматривали свое время, какъ критическое, требующее пересмотра прежнихъ вѣрованій и выработки новыхъ. Базаръ, главнымъ образомъ, взялъ на себя критику существующаго въ соціальной и религіозной области положенія вещей (хотя вовсе не уклонялся и отъ положительныхъ указаній на совершенную истинность религіозныхъ идей автора «новаго «христіанства»). Самымъ выдающимся адептомъ сенъ-симонизма, какъ религіи, сдѣлался Анфантэнъ, человѣкъ сектантскаго ума и сектантскаго темперамента. Въ нашъ очеркъ не входитъ подробное описаніе тѣхъ поступковъ и изложеніе тѣхъ рѣчей, которыми Анфантэнъ и его приверженцы весьма небезуспѣшно старались окончательно превратить сенъ-симонизмъ въ религіозное вѣроученіе по преимуществу, а школу и зарождавшуюся партію въ церковь. Столь характерныя для утопическаго соціализма привычки нетерпѣливаго и оптимистическаго ожиданія сильно повышали проповѣдническій пылъ Анфантэна и его послѣдователей. Вѣдь пришелъ же въ разгаръ іюльской революціи (но уже когда побѣда инсургентовъ была рѣшена) Базаръ къ старику Лафайету предлагать ему установленіе «новаго строя» по ученію Сенъ-Симона взамѣнъ только что низверженной легитимной монархіи! Почему же мистику Анфантэну было не увѣровать въ полную возможность обратить не только французское, но и все человѣческое общество въ сенъ-симоновскую религію? Главнымъ регуляторомъ будущей вселенской церкви, по мысли Анфантэна, долженъ былъ стать первосвященникъ или верховный жрецъ и верховная жрица, т.-е. «жреческая чета», «couple prêtre, въ чемъ же должны заключаться детально ихъ обязанности,—объ этомъ говорилось необыкновенно запутанно. Не можемъ не вспомнить по поводу анфантэновской жрицы, что и Мицкевичъ молился спеціально о томъ, чтобы Богъ ниспослалъ товянчикамъ женщину, облеченную

священническимъ призваніемъ, «kaplanke»». Публичныя исповѣди женщинъ и мужчинъ требовались Анфантэномъ для того, чтобы тѣсно сплотить личными узами, смущающими душу воспоминаніями и обязательствами, членовъ возникающей церкви. И онъ не стѣснялся ничѣмъ, вплоть до злоупотребленія чужими тайнами,—лишь бы достигнуть своего. Не будемъ излагать исторіи раскола среди сенъ-симонистовъ, не желавшихъ признать Анфантэна «верховнымъ отцомъ», исторіи дальнѣйшаго усиленія мистицизма среди тѣхъ, которые остались вѣрны Анфантэну, наконецъ страннаго житья сенъ-симоновской общины въ Менимольтанѣ, гдѣ послѣдователи Анфантэна облачились въ бѣлые панталоны, голубыя курточки и жилеты, застегивавшіеся *сзади*, но не спроста, а съ цѣлью развитія альтруизма; вотъ что говорилъ поэтому поводу Анфантэнъ *): «этотъ жилетъ служитъ символомъ братства: его можно надѣть не иначе какъ съ помощью другого. Если онъ представляетъ неудобство въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ помощь неизбѣжною, онъ представляетъ въ то же время и преимущество, пробуждая всякій разъ чувство ассоціаціи». Не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ нелѣпыхъ и эксцентрическихъ чудачествахъ и на еще болѣе нелѣпомъ процессѣ, который былъ, неизвѣстно для какой надобности, поднятъ 1832 году правительствомъ Луи-Филиппа противъ дѣятелей общины и положилъ конецъ ея и безъ того вяло и слабо влачившемуся существованію. Подчеркнемъ только главный выводъ, какой возможно сдѣлать изъ анализа судебъ сенъ-симонизма. Та молодежь, которая бросилась къ сенъ-симонистамъ послѣ іюльской революціи, отшатнулась отъ нихъ, едва только изъ двухъ составныхъ элементовъ ихъ ученія мистицизмъ рѣшительно сталъ первенствовать надъ соціалистическими идеалами и надъ критикою экономическаго и общественнаго настоящаго. Даже со скорбнаго пути польской эмиграціи, съ того пути, гдѣ позади были смерть и пораженіе и впереди были смерть и пораженіе, большинство отказалось свернуть на мистическую дорогу, прокладывавшуюся Товянскимъ и Мицкевичемъ. Такъ можно ли было бы ожидать, что мистическими грезами займутся люди, у которыхъ въ прошломъ была іюльская революція, а впереди раскрывались новыя и новыя перспективы? Вѣдь именно въ тѣ мѣсяцы, когда у сенъ-симонистовъ шли пренія о верховной жрицѣ и о переодѣваніи въ бѣлые панталоны,—на сцену выступилъ новый классъ, до сихъ поръ самостоятельной политической роли не игравшій: ліонское рабочее возстаніе (ноябрь 1831 г.) и другія болѣе мелкія, но аналогичныя явленія слишкомъ встряхивали общественную мысль, слишкомъ кричали о серьезности новаго положенія и неотступности новыхъ задачъ, чтобы мистицизмъ могъ стать мало-мальски распространенной умственной эпидеміей въ тогдашней Франціи. Люди, живущіе

*) Грегуаръ, „Исторія Франціи“, т. I, стр. 575.

будущимъ, могутъ стать мистиками, только если планы этого будущаго померкли и спутались предъ ними, или если надежды на желательныя перемѣны, на *возможность* этихъ перемѣнъ ослабѣли. А передовая часть французскаго общества была слишкомъ отъ такой растерянности далека. Вотъ почему въ 30—40 гг. возросъ и укрѣпился соціализмъ и коммунизмъ, но анфантэновская мистика отцвѣла, не успѣвъ расцвѣсть. За тѣмъ, что искали у сенъ-симонистовъ, обратились къ Луи-Блану, къ воскресшему бабувизму, къ другимъ, аналогичнымъ по основнымъ цѣлямъ ученіямъ. Однако, мистика сразу не сдалась. Общество іюльской монархіи еще услышало разнохарактерную соціально-мистическую проповѣдь въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ гг. и снова не наградило ее торжествомъ. Только одинъ изъ этихъ мистиковъ, какъ уже сказано, имѣлъ если не политическій, то литературный успѣхъ,—и когда говорятъ о соціальномъ мистицизмѣ, его имя никогда не пропускаютъ. Онъ вышелъ изъ рядовъ сенъ-симонистовъ, и къ нему мы теперь и обратимся.

X.

Одинъ, довольно много читавшійся, но теперь забытый (и по заслугамъ) писатель временъ второй имперіи де-Мирекуръ выпустилъ въ 1856 году книжку о Пьерѣ Леру *), не заслуживающую ровно никакого вниманія въ смыслѣ философской оцѣнки Леру, но мы находимъ у него кое-какіе факты интересные для характеристики этого человѣка. Нѣкоторыя статьи Леру о Наполеонѣ I чрезвычайно заинтересовали Талейрана, современника и соучастника всей наполеоновской эпопеи. Узнавъ имя автора онъ далъ ему знать, что былъ бы радъ познакомиться; Леру наотрѣзъ и съ презрѣніемъ отказался, полагая, что тотъ хочетъ его подкупить. Тогда Талейранъ самъ рѣшился сдѣлать первый визитъ, но молодой и нищій публицистъ не принялъ стараго сановнаго лукавца. Это былъ человѣкъ, котораго невозможно было подкупить ни деньгами, ни, что встрѣчается гораздо рѣже, лестью. Подобно огромному большинству людей того типа, тѣхъ умственныхъ склонностей, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ, Леру является благороднѣйшимъ и искреннѣйшимъ по натурѣ своей человѣкомъ; что драгоцѣннѣе всего,—человѣкомъ надъ которымъ абсолютно, безсильна традиція **), и который является предъ нами съ такими убѣжденіями, какія—вѣрны они или невѣрны—онъ самъ себѣ выработалъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ въ церкви слышитъ проповѣдь съ описаніемъ вѣчныхъ адскихъ мукъ, уготованныхъ за смертные

*) „Les contemporains. Pierre Leroux“, par E-de Mirecourt, Paris 1856.

**) Хотя онъ всегда радъ подтвердить традиціонными ссылками свои самостоятельно выработанные взгляды.

грѣхи, и, возмутясь, кричитъ среди проповѣди на весь храмъ: «это неправда! нѣтъ, это неправда!» А вскорѣ послѣ этого случая заболѣваетъ и, въ бреду, бушуетъ противъ тѣхъ, которые проповѣдуютъ о вѣчномъ осужденіи. Повидимому религіозные вопросы (съ дѣтскихъ лѣтъ обсуждаемые и «рѣшаемые» самостоятельно) занимали его и въ лицеѣ города Ренна, гдѣ онъ кончалъ свое среднее образованіе, и позже. Прочтя барона Гольбаха *) и другихъ отрицателей XVIII вѣка, ознакомившись съ демократомъ-атеистомъ Мелье, никѣмъ не превзойденнымъ по изступленной силѣ отрицанія ни въ своемъ вѣкѣ, ни въ слѣдующемъ, Пьеръ Леру на нѣкоторое время сдѣлался атеистомъ, но не надолго. Это была религіозная, молитвенно настроенная душа, въ которой воедино переплетались—любовь къ людямъ, восторгъ предъ Божествомъ, счастье сознанія своей принадлежности къ «великой цѣпи» людскихъ поколѣній, къ человѣческому микрокосму, управляемому высшей и благой силой. Въ немъ не было той сухенькой (несмотря на всю свою елейность) способности резонировать безъ конца на тему о вѣрѣ, не было курьезныхъ (вслѣдствіе слишкомъ очевидной выдѣланности) воплей о тщетѣ науки, не было ходульныхъ призывовъ къ «умственному» покаянію и смиренію, словомъ, не было скучнаго, неумѣстнаго и, прежде всего, бездарнаго словеснаго гарнира къ пріѣвшимся, даже и не разогрѣтымъ кушаньямъ, не было всего того, что такъ упорно причитаетъ и выкликаетъ въ наши дни о собственной единоспасательной миссіи. Леру произволенъ и фантастиченъ, но онъ не бездаренъ, у него голосъ убѣжденнаго человѣка, а не смиренномудрый фальцетикъ «лжесвященника незаконнорожденнаго вѣроисповѣданія» какъ сказалъ бы Мопассанъ, употребившій это выраженіе въ своемъ разсказѣ объ исповѣди нераскаяннаго аристократа.

Пьеръ Леру въ основу своей системы кладетъ, между прочимъ, ту мысль, что политика и религія и связаны, и *должны* быть связаны тѣснѣйшимъ образомъ между собою. Это—коренная мысль всей его системы. Отвергнувъ атеизмъ для своеобразнаго религіознаго міропониманія, Леру прямо заявляетъ, что либералы лгутъ, когда говорятъ, будто религія и политика не должны имѣть между собою ничего общаго; лгутъ они тогда, когда утверждаютъ, что государство должно брать на себя исключительно «отрицательную» роль (полицейскаго, судьи, администратора и т. п.), но что отнюдь не слѣдуетъ ему брать роль положительную—регулятора, устроителя общественной жизни. Эти идеи Пьера Леру были направлены противъ всецѣло доминировавшей въ жизни тогдашней Франціи (30—40 гг.) теоріи правительственнаго невмѣшательства и «свободной конкуренціи». Одинъ изъ борцовъ іюльской революціи, Пьеръ Леру и до, и послѣ нея остался простымъ журнали-

*) По исконно-ошибочному произношенію фамиліи Holbach; а собств. Ольбакъ).

стомъ; въ рядахъ буржуазныхъ побѣдителей, захватившихъ послѣ іюльскихъ битвъ власть въ свои руки, ему мѣста не нашлось, да онъ и не искалъ его тамъ.

Онъ былъ врагомъ буржуазіи, врагомъ по настроенію, по привычкамъ мысли, по всѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ. Онъ какъ будто даже и ненавидѣлъ буржуазность и буржуазію за то, что она себя эмансипировала отъ всего ей невыгоднаго и могущаго затронуть ея интересъ и ея спокойствіе. По мысли Леру выходитъ такъ: буржуазія, въ лицѣ своихъ идеологовъ, то-есть либеральныхъ публицистовъ, должна настаивать на томъ, что религія и политика несоединимы. Почему ей это нужно доказывать? Потому, что религія налагаетъ на «политику» извѣстныя обязательства; потому, что если религіозные завѣты вліяютъ на политику, то отъ этого выиграютъ слабые и несчастные, которыхъ тогда не столь удобно сосать и эксплоатировать. Пройдя чрезъ увлеченіе сенъ-симонизмомъ въ началѣ 30-хъ гг., Пьеръ Леру никогда не забывалъ, вѣрнѣе, особенно запомнилъ наиболѣе демократическія тенденціи школы; для него такъ же, какъ для сенъ-симонистовъ, раціонализмъ XVIII-го вѣка былъ лишь ошибкою, а раціонализмъ и ученіе объ отдѣленіи религіи отъ политики—въ XIX-го вѣкѣ—были болѣе, чѣмъ заблужденіемъ, были похоронами всѣхъ надеждъ «человѣчества» на лучшее будущее. Отрицаніе, пока оно боролось съ католицизмомъ до революціи, являлось въ ихъ глазахъ прогрессомъ; отрицаніе XIX-го в., смѣющееся надъ «соціальной религіей», надъ «религіей человѣчества», было для нихъ регрессомъ. Въ глазахъ такихъ людей, буржуазный раціонализмъ былъ несостоятеленъ ужъ потому, что его источникъ былъ ими заподозрѣнъ. Буржуазія проповѣдуетъ правительственное невмѣшательство въ «свободную игру» силъ, борящихся на соціально-экономической аренѣ; дѣлаетъ оно это потому, что эта «свободная игра» ей идетъ въ пользу, государство, вмѣшавшись, можетъ нѣсколько смягчить или (въ «Sozialstaat'ѣ») совсѣмъ уничтожить эксплоатацію побѣждаемыхъ побѣдителями. Вотъ почему и отдѣленіе религіи отъ политики было въ глазахъ Леру порожденіемъ мысли, не заботящейся о «гармоніи будущаго», а занятой несовершеннымъ настоящимъ. Но что же это за религія и въ чемъ должно выразиться единеніе религіи и политики? Въ рядѣ своихъ философско-религіозныхъ сочиненій, выходившихъ книгами и статьями съ 1839 по 1849 гг. (позже онъ писалъ мало и повторялся), Леру старался дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ вѣритъ въ Бога, и говоритъ, что мысль людей впадала и впадаетъ въ самыя роковыя ошибки по слѣдующей основной причинѣ: совершенно неосновательно раздѣляются и мыслятся не въ связи, а отдѣльно три понятія—о Божествѣ, о человѣкѣ и о человѣчествѣ, тогда какъ это «звенья одной цѣпи» *).

*) Adam. «La philosophie en France», Paris 1894, стр. 362 и сл. (вся статья

Эти понятія необходимо не сопоставлять, какъ это дѣлаютъ, а мыслить ихъ въ нерушимомъ единеніи и гармоніи. Пусть человѣкъ любитъ человѣчество: Богъ въ своей сущности доступенъ отдѣльному индивидууму только чрезъ посредство человѣчества, и любить Его возможно лишь такимъ путемъ. Человѣкъ и человѣчество тѣсно связаны между собою, человѣкъ безъ своихъ ближнихъ нагъ, жалокъ и безпомощенъ. Индивидуумъ въ точномъ смыслѣ есть абстракція, ибо все его моральное и матеріальное имущество—это плодъ вліянія на него всего человѣчества, а человѣчество, какъ нѣчто единое, какъ субъектъ и объектъ въ одно и то же время, какъ самодовлѣющая, собственная своя цѣль—вотъ истинная реальность. Человѣчество всегда на памяти людей существовало и всегда будетъ существовать, и въ этомъ заключается безсмертіе людей: дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Пьера Леру, мы уже существовали въ прошломъ, и только забыли объ этомъ фактѣ, и будемъ существовать въ будущемъ. Только благодаря невозможности для памяти удержать массу пережитаго,—мы это ясно не можемъ себѣ представить. Въ прошломъ, въ настоящемъ, въ будущемъ—всюду и вездѣ мы видимъ въ человѣчествѣ насъ, насъ самихъ и нашихъ ближнихъ, столь похожихъ на насъ. Любя человѣчество, стремясь устроить земной рай для всѣхъ, мы любимъ Бога, къ которому выразить свою любовь у насъ нѣтъ иныхъ способовъ. Таковы основы религіознаго міровоззрѣнія Пьера Леру. Отсюда прямо вытекаетъ этическій тезисъ его философіи: раздѣленіе альтруизма и эгоизма въ ученіи о нравственности не можетъ и не должно быть проводимо ни въ какомъ случаѣ. Семья, общество, все это пусть существуетъ, но пусть каждая такая соціальная группа не замыкается отъ всего остального рода человѣческаго, въ видѣ особой единицы, съ самостоятельными, часто враждебными окружающимъ людямъ интересами, пусть благо человѣчества будетъ тѣмъ идеаломъ, съ которымъ на самомъ дѣлѣ сливаются и должны сливаться правильно понятые интересы каждаго человѣка и каждой обособленной группы людей. Христіанство, думаетъ Леру, сдѣлало ошибку, подчеркнувъ различіе между эгоизмомъ и любовью къ ближнему, тогда какъ надо было выяснить, что это различіе есть лишь плодъ недоразумѣнія. Устроить на землѣ рай зависитъ отъ самого человѣчества; постоянно совершенствуясь изъ

отъ стр. 347 по 367). Кромѣ Adam'a и уже указаннаго Mirecourt'a, см. о Леру Rev. des deux Mondes, 1 Dec. 1840, статья Lerminier; Stein, Gesch. der soz. Bewegung, томъ II; Flint. The philosophy of history in Europe, vol. I (1874); Ferraz. Etude sur la philosophie en France du XIX siécle (Paris 1877); H. Michel. L'idée de l'etat (рус. перев. Спб. 1903). Систематическаго полнаго собранія сочиненій Леру нѣтъ. Важнѣйшія его произведенія „Refutation de l'eclectisme", 1839; „De l'humanite" (1840); „Malthus et les économistis ou y aura-t-il toujours despauvres? Полемика противъ Кузена въ „De la mutilation d'un ecrit posthume de Jouffroy" не важна, также какъ произведенія, относящіяся къ христіанству.

поколѣнія въ поколѣніе, все болѣе и болѣе любя Бога въ себѣ самомъ и, поэтому, стараясь постоянно улучшить свою жизнь, люди все болѣе и болѣе будутъ приближаться къ Богу, и хотя не увидятъ Его, ибо Онъ недоступенъ зрѣнію, но все сильнѣе и сильнѣе будутъ ощущать въ себѣ, въ своихъ ближнихъ, во всей окружающей жизни Его благость, мудрость и всемогущество.

Итакъ, вотъ какая религія должна быть нераздѣлима отъ политики; постоянное совершенствованіе человѣчества предполагаетъ и требуетъ постоянное же стремленіе къ улучшенію условій человѣческой жизни. Въ современномъ ему обществѣ Пьеръ Леру не видитъ одного изъ главныхъ условій «земного рая»—равенства. Благодаря могуществу капитала, его полнѣйшему преобладанію надъ трудомъ, ничего подобнаго истинному равенству въ окружающей жизни Леру не находитъ. Въ будущемъ государствѣ, которое онъ строитъ совершенно несамостоятельно, подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Сенъ-Симона, государство является единымъ капиталистомъ, единымъ работодателемъ, единымъ обладателемъ орудій производства. Соціализмъ Пьера Леру, его общественный идеалъ—это въ его общей системѣ не болѣе, какъ ближайшій человѣчески опредѣлимый этапъ шествія человѣчества по пути совершенствованія и приближенія къ Богу. Полное освобожденіе женщины изъ-подъ тиранніи родителей и мужа, эмансипація труда отъ гнета собственниковъ, эмансипація управляемыхъ отъ тиранніи управителей, установленіе истиннаго, а не призрачнаго равенства, отрѣшеніе отъ аскетической морали и принятіе морали жизнерадостной, основанной на отожествленіи своихъ интересовъ съ интересами ближнихъ,—вотъ что постоянно требуетъ и къ чему возвращается Пьеръ Леру. Это былъ религіозно-вѣрующій человѣкъ безъ христіанства, духъ котораго, однако, ему явственно симпатиченъ, несмотря на совершенно отрицательное его отношеніе къ ученію о раѣ внѣ земли, о любви къ Богу и т. п. Вся фантастичность его утвержденій о переселеніи душъ изъ прошлыхъ поколѣній въ нынѣшнія, изъ нынѣшнихъ въ будущія, вся хаотичность и нестройность его умозрѣній не сдѣлали его въ 40-хъ годахъ смѣшнымъ. Очень ужъ тогда широко жилось и мечталось, тогда съ литературной точки зрѣнія, любили поэзію въ философской прозѣ. Намъ пришлось какъ-то присутствовать въ Берлинѣ на одномъ собраніи, гдѣ депутатъ рейхстага Штатгагенъ говорилъ рѣчь о необходимости для своихъ слушателей терпѣливо учиться, ждать и т. д. Рѣчь была по своему убѣдительна и логично выдержана, но послѣ нея выступилъ оппонентъ. Онъ непослѣдовательно и, съ внѣшней стороны, немотивированно метался въ своей рѣчи изъ стороны въ сторону, что-то какъ бы хотѣлъ высказать наболѣвшее и никакъ не могъ. Наконецъ, внѣ всякой прямой связи со всѣмъ предшествующимъ вдругъ крикнулъ зтенящимъ голосомъ: «Wir sind zu wissenschaftlich geworden! Links liegt die Wahrheit!»—и сѣлъ, не произ-

ведя на аудиторію никакого впечатлѣнія. Въ эту минуту намъ и вспомнился какъ-то самъ собою Пьеръ Леру. Другія птицы, другія и пѣсни! Пьеръ Леру не былъ «наученъ» и былъ совсѣмъ «слѣва»; впрочемъ въ обоихъ *этихъ* отношеніяхъ онъ былъ схожъ со всѣми соціалистами тогдашней Франціи; нужно только прибавить, что его система есть кульминація въ отрицаніи всякой научности и наукообразности.

Герценъ говоритъ, что у насъ тогда зачитывались «Петромъ Рыжимъ» (вольный переводъ фамиліи французскаго философа). Во Франціи его тоже читали много. Извѣстно, какъ увлеклась его тенденціями, впрочемъ, не на особенно продолжительное время, Жоржъ Зандъ; слѣды этого увлеченія ясны въ нѣкоторыхъ ея романахъ (въ «Леліи», въ «Консуело»). Фразы Салтыкова въ тѣхъ страницахъ изъ «За рубежомъ», гдѣ онъ говоритъ о вліяніи французской оппозиціонной литературы на русскую молодежь, также могутъ напомнить о Леру (напр., о шедшей изъ Франціи увѣренности, что «золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ»). Въ Германіи едва ли не первый пытался дать характеристику его идей знаменитый Лоренцъ Штейнъ (въ вышеназванномъ своемъ трудѣ), но тамъ ни малѣйшаго даже чисто литературнаго вліянія Леру не имѣлъ. Высоко поучительно, что послѣ перелома 1848 года онъ былъ какъ-то сразу и окончательно забытъ, хотя еще печатался время отъ времени. Умеръ онъ въ апрѣлѣ 1871 г. въ Парижѣ, какъ разъ во время короткаго могущества коммуны. Коммунальное правительство и распорядилось похоронить его съ оффиціальными почестями, въ знакъ признательности за его благородную защиту военноплѣнныхъ инсургентовъ послѣ іюньской борьбы 1848 г. (онъ былъ тогда депутатомъ въ учредительномъ собраніи и пытался сдѣлать все, что могъ, для несчастныхъ побѣжденныхъ). Подобно Вейтлингу, также умершему въ 1871 году онъ сошелъ со сцены болѣе, чѣмъ за двадцать лѣтъ до смерти; тридцатые и сороковые годы, протекшіе въ ожиданіи грядущаго великаго соціальнаго переворота, были той почвой, которая допускала роскошь безбрежныхъ мечтаній. Кончилась эта эпоха, кончились и мечтанія.

XI.

Умѣстно ли тутъ слово «роскошь?» Да, умѣстно. По размаху теоретизирующей мысли крайнихъ партій, хотя бы извѣстныя проявленія этой мысли имѣютъ чисто *литературный* успѣхъ и ни малѣйшаго практическаго, въ ту или иную эпоху (мы говоримъ о мысли, занятой идеалами и далекаго, и *ближайшаго* будущаго), почти всегда можно судить о силѣ или слабости революціоннаго настроенія въ обществѣ, о прочности или шаткости господствующаго строя.

Въ IV-й главѣ настоящаго очерка мы сказали, что соціально-политическіе реформаторы придавали религіозный колоритъ своимъ ученіямъ

тѣмъ въ большей степени, чѣмъ отдаленнѣе и труднѣе казалось имъ или могло казаться прозелитамъ осуществленіе этихъ ученій. Но Пьеръ Леру распространилъ свою безбрежно широкую схему на все прошедшее и на все будущее всего человѣческаго рода. Безъ религіозной основы, безъ привлеченія идеи о метампсихозѣ, безъ возобновленія старой философской мысли о любви къ Богу, проявляющемуся въ человѣчествѣ, его система не имѣла бы даже и той условной (обращающейся *исключительно* къ вѣрѣ, къ чувству) убѣдительности, какую въ своемъ настоящемъ видѣ она, напримѣръ, получила для свободнаго ума Жоржъ Зандъ; не имѣла бы и того интереса смѣлаго мистико-соціальнаго построенія, какимъ она плѣнила и привлекла нѣкоторыхъ читателей Леру. *Вся* система была немыслима даже съ чисто внѣшней формальной стороны безъ религіозной подпочвы, но широта реформаторскаго взгляда, страстность и жаръ реформаторской фантазіи и чувства—это плоды эпохи, плоды духа времени, столь далекаго отъ духа, напр., 80—90 гг. XIX вѣка (все время мы имѣемъ въ виду только западную Европу). Современники Пьера Леру, если ужъ ссылались на авторитеты, то говорили: «самъ Богъ этого хочетъ!» Коекакіе современники—мы вовсе не хотимъ сказать послѣдователи—Бернштейна въ очень недавнемъ прошломъ иногда употребляли такія ссылки: «даже г. городовой бляха номеръ такой-то самъ довольно близокъ къ этому!» И тѣ и другіе *ссылались* для доказательства осуществимости своихъ благихъ пожеланій, но объекты ссылокъ въ томъ и другомъ случаѣ весьма характерны не только для ссылающихся, но и для всей окружающей ихъ общественной атмосферы. Первая ссылка болѣе горда, вторая болѣе конкретна, и, въ сущности, часть современнаго общества остановилась предъ выборомъ, неудовлетворенная начавшею было пріобрѣтать популярность второю ссылкою.

Идеалистическія тенденціи нашего времени, «религіозное возрожденіе» въ тѣхъ кругахъ, которые еще недавно были за тысячу верстъ отъ такого возрожденія—все это разнообразныя и разноцѣнныя, но сильныя стремленія къ первой гордой, широкой и окрыляющей ссылкѣ. И напрасны всѣ старанія мигомъ присосѣдившихся къ новому движенію фальсификаторовъ, стремящихся сдѣлать изъ него какъ бы отрѣшеніе отъ лучшихъ завѣтовъ европейскаго общественнаго авангарда. Брюнетьеръ со всею свитою маленькихъ Брюнетьеровъ въ другихъ странахъ Европы—безслѣдно провалился, несмотря на всю шумную проповѣдь противъ «не исполнившей обѣщаній» науки и на всѣ благозвучныя приглашенія вернуться къ традиціи. Не имѣлъ успѣха въ свое время (т.-е. въ 60—70—80 гг.) и не воскресъ въ наше—гораздо болѣе талантливый и искренній Ле-Плэ, который звалъ къ религіи, признавалъ тяжкіе грѣхи за существующимъ соціальнымъ строемъ, но рѣзко протестовалъ противъ всякихъ попытокъ вмѣшательства государства въ экономическую и соціальную борьбу сильныхъ со слабыми. Брюнетьеръ

и Ле-Плэ были общественными реакціонерами, и не помогла ни жеманная проповѣдь боссюэтовскихъ реставрацій первому, ни сильный и страстный призывъ къ евангельскимъ началамъ—второму. Декламаціи и воплей мало тѣмъ, которые живутъ будущимъ. Они въ общихъ чертахъ сами знаютъ, что имъ непосредственно нужно; имъ необходимо согласовать основы своего міропониманія съ тою уже признанной ими соціальною правдою, отъ которой европейскій авангардъ ни на минуту, въ сущности, не отрѣшался, и которая подъ разными обличіями составляетъ его святая-святыхъ. Поэтому они и отвернулись отъ разнообразныхъ обскурантовъ, уловлявшихъ умы приманкою душевнаго успокоенія; поэтому-то, съ другой стороны, они рѣшили пересмотрѣть кое-какія, давно, казалось бы, установленныя и утвержденныя оцѣнки. Когда имъ говорятъ, что такое-то и такое-то міропониманіе основано на мистикѣ, то они могутъ отвѣтить: «самые выдающіеся представители безжалостнѣйшаго манчестерства тоже называли многое, имъ невыгодное, мистикою». Когда имъ говорятъ, что естественное право не выдерживаетъ научной критики, они могутъ отвѣтить: «Лабулэ тоже ненавидѣлъ естественное право и считалъ его ненаучнымъ; при признаніи естественныхъ правъ человѣка, не такъ-то легко ему было бы доказать, что право на трудъ, право не умирать съ голоду есть фикція». Когда имъ говорятъ о метафизичности идеалистическихъ построеній, они отвѣчаютъ: «Лэббокъ безукоризненный позитивистъ (и даже выдающійся ученый, написавшій строго научный трудъ по первобытной культурѣ и превознесенную спеціалистами книгу о муравьяхъ), однако это не помѣшало ему настаивать въ парламентѣ, что сокращать дѣтскую работу на фабрикахъ не слѣдуетъ; а, напротивъ, возмутившаяся этимъ мнѣніемъ Анни Бэзантъ отнюдь не позитивистка и, даже, принадлежитъ къ метафизико-религіозной сектѣ». Мы не говоримъ, что эти предполагаемые отвѣты сами по себѣ очень убѣдительны; мы отмѣчаемъ только, что слова: метафизика, идеализмъ, естественное право и т. п. волею судебъ перестали быть жупелами для прогрессивно настроенныхъ людей и перестали, *между многимъ прочимъ*, потому, что позитивизмъ ни въ малѣйшей степени не оказался помѣхою для распространенія и укрѣпленія въ обществѣ строго-буржуазныхъ тенденцій и чувствъ. Мало того, позитивизмъ и историзмъ были притянуты для подтвержденія теоретической правоты узенькихъ, классовыхъ, манчестерскихъ построеньицъ и измышленьицъ, истинное происхожденіе которыхъ самому слѣпому человѣку вполнѣ ясно. Своего *Бога* (для первой ссылки, см. выше) въ позитивизмѣ и историзмѣ часть нынѣшняго поколѣнія не нашла, найдетъ ли она его въ тѣхъ или иныхъ идеалистическихъ построеніяхъ и въ естественномъ правѣ—это вопросъ, выходящій изъ рамокъ и задачи настоящаго очерка (да и разрѣшимъ ли онъ, пока не знаемъ) но они его ищутъ..

Деизмъ Маццини былъ силенъ въ «молодой Италіи», пока она была слаба; онъ слабѣлъ, когда она сильнѣла. Мессіанизмъ Товянскаго и товянчиковъ распространился въ самое глухое для Польши время; онъ не слышенъ и не виденъ въ лихорадочную начальную эпоху «агрономическаго общества» и въ эпоху конца 50-хъ годовъ и первыхъ трехъ лѣтъ слѣдующаго десятилѣтія. Система Леру совсѣмъ не имѣла политическаго успѣха предъ февральской революціей, а послѣ этой революціи прошелъ и ея успѣхъ литературный. Какой выводъ можно было бы сдѣлать изъ подобныхъ и аналогичныхъ фактовъ? Эти факты какъ будто говорятъ, что потребность высшей санкціи для соціальныхъ ученій *обратно пропорціональна* признаваемой за ними (ихъ приверженцами) близости осуществленія этихъ ученій. Быть можетъ, точнѣе будетъ сказать такъ: всякій надвигающійся большой кризисъ «бросаетъ предъ собою тѣнь», и если общество уже покрыто этой тѣнью, если кризисъ уже заставляетъ понять, что онъ недалекъ, тогда общее философское обоснованіе извѣстныхъ соціальныхъ взглядовъ отходитъ на задній планъ. Но есть другія эпохи. «La Russie se recueille», говорилъ Горчаковъ послѣ крымской кампаніи. Когда реформистки-настроенная часть общества только собирается съ силами, она обнаруживаетъ особенное стремленіе привести въ единую систему свои философскіе взгляды со взглядами соціальными, а при наличности такого стремленія идеалистическія тенденціи естественно всегда предъявляютъ больше притязаній на роль «высшей санкціи», нежели позитивизмъ со своимъ многообразнымъ «ignorabimus». Мы сказали, что позитивизмъ весьма часто притягивался буржуазною реакціей на службу ея классовымъ вожделѣніямъ; напомнимъ же, что съ идеализмомъ, какъ философскимъ, такъ и религіознымъ, подобное случалось, пожалуй, еще чаще. И Торквемада былъ по своему «идеалистомъ»; и Бональдъ съ де-Мэстромъ говорили о религіи; и среди рукъ, боровшихся въ 60—70 гг. *противъ* позитивизма, было очень и очень много далеко не ослѣпительной чистоты. Конечно, будутъ еще и разочарованія въ идеализмѣ, и возвраты къ позитивизму, и новыя отъ него отпаденія. «Ainsi le tournement humain est fait!» говорилъ старый французскій поэтъ Клеманъ Маро. Мы только можемъ съ увѣренностью сказать, что при всякомъ философскомъ одѣяніи сущность, отправная точка и намѣченныя цѣли соціальнаго идеала не перемѣнятся, пока онъ не *начнетъ* осуществляться; когда же онъ *начнетъ* осуществляться, тогда выдвинутся новыя, пока еще скрытыя отъ насъ цѣли, новые горизонты, но въ томъ же направленіи, въ направленіи борьбы за духовное и матеріальное благосостояніе человѣчества. А все, что касается *окончательнаго достиженія* этой цѣли, какъ и самый вопросъ о его возможности, все это скрыто отъ нашего предвидѣнія и не поддается сколько-нибудь мотивированному отвѣту.

XII.

Непосредственно занимавшій насъ въ этомъ очеркѣ предметъ позволялъ говорить о религіи только по связи съ «политикою», т.-е. съ общественными настроеніями и теченіями. Излишне говорить, что вѣчные вопросы имѣютъ сами по себѣ первостепенное значеніе для душевной жизни мыслящаго человѣка. Идеалисты, а особенно религіозные метафизики весьма часто выдвигаютъ эти вопросы и спѣшатъ дать на нихъ свои отвѣты. Идетъ и предвидится,—какъ она уже шла отъ временъ сѣдой древности,—неустанная работа мысли, точнѣе работа *осмысленія* нашего существованія на землѣ. Эта работа шла съ интервалами и будетъ идти съ интервалами, и, по логикѣ вещей, будетъ дѣлаться, вѣроятно, все интенсивнѣе, по мѣрѣ того, какъ соціальныя нужды начнутъ удовлетворяться, а гнетъ нищеты и страхъ голодной смерти станутъ убывать въ могуществѣ и терять въ своей «территоріи», которая пока можетъ помѣряться съ территоріей любой великой державы. Но вѣдь эти вопросы—какая-то осложненная Плевна, которая все не можетъ дождаться своего Тотлебена, а пока презираетъ всѣ наихрабрѣйшіе штурмы, кто бы и сколько бы разъ ихъ ни дѣлалъ; поэтому небезполезно время отъ времени (даже среди подготовки новыхъ «приступовъ») вспоминать о результатахъ и условіяхъ приступовъ отбитыхъ.

Предъ нами лежитъ книга, принадлежащая сильному и свободному уму, подводящая главные итоги научной работѣ надъ вопросами бытія, заставляющая надъ собою подумать и крѣпко подумать, тѣмъ крѣпче, чѣмъ искреннѣе человѣкъ рѣшилъ анализировать природу находящагося предъ нимъ сфинкса, а не заниматься только по поводу этого сфинкса болѣе или менѣе красивой словесностью. Эта книга—не рѣшеніе вопроса, а скорѣе отказъ отъ него, и мы напередъ привѣтствуемъ того мыслителя, который сдѣлаетъ *попытку* рѣшенія, болѣе интересную по существу, нежели этотъ *отказъ* отъ рѣшенія. А пока этотъ отказъ—не только намъ показался болѣе достойнымъ вниманія, нежели очень многія «положительныя» философемы.

Мы говоримъ о покойномъ философѣ и соціологѣ Гюйо, мы коснемся только тѣхъ мнѣній и сужденій Гюйо, которыя имѣютъ извѣстное отношеніе къ нашей темѣ. Незачѣмъ прибавлять, что Гюйо разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ религіи и «политики» съ самой общей, философско-соціологической точки зрѣнія, которая, повторяемъ, преобладаетъ во всей книгѣ (точнѣе, во всѣхъ написанныхъ имъ книгахъ).

Онъ полагаетъ, что каковы бы ни были разнообразнѣйшія опредѣленія религіи всѣ эти опредѣленія, всѣ концепціи—при всемъ разнообразіи имѣютъ кое-что между собою общее: именно, идею *общественной* связи между человѣкомъ и высшими, но болѣе или менѣе похожими, на него силами, въ которыя этотъ человѣкъ

вѣритъ. По словамъ Гюйо, только тогда можно назвать человѣка религіознымъ, когда сверхъ общества, въ которомъ онъ живетъ,—онъ убѣжденъ въ существованіи другого общества, болѣе могущественнаго и возвышеннаго. Всякое религіозное вѣрованіе есть установленіе сначала миѳической, потомъ мистической связи между человѣкомъ и, сначала съ силами вселенной, потомъ съ самою вселенною, наконецъ, съ принципомъ вселенной; причемъ эта связь возникала въ человѣческомъ умѣ «ex analogia societatis humanae», такъ какъ характеръ междучеловѣческихъ отношеній переносили на силы природы, на метафазическое объясненіе міра. Въ творчествѣ религіозной мысли сказывалась всегда потребность въ высшей санкціи людской морали, сказывался и вѣчный антропоморфизмъ, мѣнявшій лишь имена и формы. Вотъ почему въ исторіи религій, появлявшихся на земномъ шарѣ, есть божества «гнѣвныя, капризныя, даже иногда злыя», но нѣтъ божествъ совершенно безстрастныхъ холодныхъ и вполнѣ равнодушныхъ, т.-е нѣтъ, другими словами, выдержанной и правдивой персонификаціи природы, нѣтъ пониманія природы. Въ предшествующемъ изложеніи мы имѣли случай замѣтить, что не только мораль, но и политическіе и соціальные идеалы часто обнаруживали въ исторіи стремленіе къ высшей религіозной санкціи; что не только въ первые вѣка культуры, но и въ болѣе просвѣщенную эпоху жажда обрѣсти абсолютно-истинную исходную точку для защиты этихъ идеаловъ заставляла ихъ приверженцевъ возвращаться снова и снова къ научно недоказуемымъ правовымъ и философскимъ теоріямъ. Приведенная мысль Гюйо обобщаетъ это воззрѣніе, распространяетъ его на всѣ времена, страны и народы, гдѣ и когда появлялось религіозное чувство.

Что касается до будущаго,—Гюйо не вѣритъ ни въ возможность объединенія нынѣ существующихъ религій, ни въ возможность большого успѣха какой-нибудь новой, могущей появиться религіозной теоріи. Эта его мысль сопровождается слѣдующими добавительными соображеніями: «Нѣкоторые стороники религіознаго обновленія возлагаютъ свою послѣднюю надежду на соціализмъ. По ихъ мнѣнію, соціалистическія идеи должны обновить религію будущаго и дать ей до тѣхъ поръ невѣдомую жизненность». Подобная идея не кажется французскому философу новой: міровыя религіи въ первый свой періодъ, въ періодъ пропаганды и распространенія, имѣли въ себѣ много соціалистическаго элемента, а когда для нихъ наступила эпоха внутренняго устроенія, образованія церкви—все было сдѣлано, чтобы онѣ приняли характеръ индивидуалистическій. Элементы, разъ оказавшіеся соединимыми, могутъ соединиться и въ будущемъ; это, по мнѣнію Гюйо, не невозможно. Тѣмъ не менѣе въ универсальное значеніе подобной, мыслимой въ будущемъ, «мистико-соціалистической школы» онъ совершенно отказывается вѣрить.

. . . . . .

Ему кажется, далѣе, что въ будущемъ возрожденіе религіозной жизни затруднено слѣдующими обстоятельствами. Полный соціальный идеалъ не можетъ заключаться ни въ одной только нравственности (ni dans la moralité nue), ни въ одномъ только экономическомъ благосостояніи, ни только въ искусствѣ, ни только въ наукѣ: для самаго высшаго идеала нужно все это вмѣстѣ, нужно, чтобы онъ былъ и самымъ широкимъ, и самымъ всеобщимъ. Поэтому, думаетъ Гюйо, немыслимо обнаружить превосходство какой-либо религіи, доказывая, что она благопріятствуетъ подъему человѣческой дѣятельности въ *одномъ* извѣстномъ направленіи, напримѣръ, въ области нравственности или искусства. Мало стараться дѣлать человѣка нравственнымъ, какъ это могъ дѣлать буддизмъ или похожія на него религіи; мало возбуждать его эстетическое воображеніе, какъ дѣлалъ античный паганизмъ. «Нужно двигать впередъ не одну изъ человѣческихъ способностей, но всего человѣка; а одна религія на это неспособна, — полагаетъ Гюйо.—«Ни одного изъ божествъ, создавшихся послѣдовательно человѣческимъ умомъ, уже не можетъ быть теперь ему достаточно; онъ нуждается во всѣхъ разомъ, и еще кое въ чемъ сверхъ того, ибо его мысль опередила его боговъ».

Но предвидимое философомъ въ будущемъ болѣе или менѣе широко распространенное направленіе вовсе не должно, по его словамъ, непремѣнно увеличить число скептиковъ. «Скептизмъ есть только легкомысліе и невѣжество», по его мнѣнію, и зависитъ именно отъ тѣхъ самыхъ причинъ, отъ которыхъ происходятъ отрицаемые имъ предразсудки,—«отъ-отсутствія солиднаго фолософскаго образованія и умственной дисциплины». «Что касается до истинно серьезныхъ умовъ, то они бываютъ двухъ родовъ: позитивистическіе и умозрительные, спекулятивные». И будущее принадлежитъ, по мнѣнію Гюйо, умозрительнымъ мыслителямъ *). Умозрѣніе вовсе не нуждается въ догматическихъ предвзятостяхъ и, даже, рождается отъ ослабленія догмы. «Свободное метафизическое и научное умозрѣніе» одинаково далеко и отъ наивныхъ суевѣрій, и отъ абсолютнаго отрицанія. «Хорошо чувствовать свою слабость, но только время отъ времени»; отчаяваться и складывать оружіе человѣчество не имѣетъ основанія и не сдѣлаетъ этого. На нѣмые вопросы и призывы окружающей природы человѣкъ всегда будетъ пытаться давать свои отвѣты; можно даже предвидѣть пышный многообразный расцвѣтъ умозрительныхъ построеній... Они станутъ на мѣсто религій, но замѣнятъ ли они ихъ всецѣло? Одни могутъ отвѣтить на это: да, другіе: нѣтъ. Если требовательность нашего ума и чувства останется та же, то человѣчество помирится только на окончательныхъ отвѣтахъ, на окончательной разгадкѣ тайны бытія. Мыслима-ли она? Гюйо говоритъ объ истинѣ, которая «всегда увѣрена, что ее когда-нибудь признаютъ». Онъ, разумѣется, не беретъ на себя

*) Quand aux esprits speculatifs—ils sont l'avenir de l'humanité... (ibid.)

ее представить; онъ довольствуется тѣмъ, что указываетъ на широкій просторъ для будущей ничѣмъ не стѣсненной работы философской мысли; онъ предостерегаетъ отъ соблазна покончить на скептицизмѣ и отъ философскаго отчаянія. Хорошо было бы надѣяться, что основные общественные идеалы и задачи перестанутъ въ глазахъ кого бы то ни было изъ своихъ адептовъ нуждаться въ религіозной или умозрительной санкціи гораздо раньше, нежели человѣческое умозрѣніе достигнетъ своихъ конечныхъ цѣлей (если оно ихъ достигнетъ). Вотъ пожеланіе, которое едва ли кто откажется раздѣлить, даже при величайшей и самой оптимистической вѣрѣ въ могущественныя силы и неизвѣданныя *возможности*, таящіяся въ человѣческомъ умѣ. «Les gros bataillons ont toujours raison,» съ солдатскимъ цинизмомъ говаривалъ Наполеонъ; эти слова его величества примѣнимы не только къ военной исторіи. Нѣкоторые думаютъ, что люди, аналогичные по своимъ желаніямъ и чувствамъ Пьеру Леру, Маццини, великому славянскому поэту, — позднѣйшимъ обновителямъ прежнихъ метафизическихъ и отчасти религіозныхъ системъ, что эти люди въ будущемъ отыщутъ свое *право* въ поговоркѣ французскаго императора, и что это для нихъ будетъ существеннѣе всякой иной санкціи. Совершенно не беремся тутъ предсказывать, такъ ли оно будетъ или не такъ. Думаемъ, что если и такъ, то умозрѣніе, предвидимое Гюйо, отнюдь не замретъ, а будетъ цвѣсти пышнымъ и яркимъ цвѣтомъ, ибо хотя отъ него и требовали, и требуютъ часто практическихъ услугъ, оно, само по себѣ нужно людямъ и коренится глубоко въ ихъ духовной организаціи; а это обусловливаетъ его жизненность и тогда, когда практическихъ услугъ отъ него перестанутъ требовать. Быть можетъ, тогда и выдвинутся съ совершенно почти невѣдомою пока настоятельностью тѣ основные философскіе вопросы, которые заставляли Льва Толстого прятать шнурокъ, чтобы не повѣситься, и не ходить на охоту, чтобы не застрѣлиться; быть можетъ, труднѣйшія изъ нынѣшнихъ соціальныхъ проблемъ покажутся тогда (съ ретроспективной точки зрѣнія) чрезвычайно легкими, сравнительно съ этими философскими задачами... И тогда, вѣроятно, не всѣ поймутъ, какъ это вышло, что въ 20-40 гг. XIX-го столѣтія для рѣшенія *сравнительно* несложныхъ вопросовъ люди трогали «слѣпой и плачущій Хаосъ» и въ непроглядной его мглѣ искали свѣта. Намъ, современникамъ ихъ (ибо что такое для исторіи 50—60 лѣтъ?), это болѣе близко и болѣе понятно, и вовсе не въ оправданіяхъ нуждаются въ нашихъ глазахъ эти скорбныя и благородныя тѣни.

Евг. Тарле.

ДЖОНЪ РЁСКИНЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Экономическіе вопросы поднимались и рѣшались обыкновенно двоякаго рода людьми: во-первыхъ, людьми холодной, трезвой мысли съ преобладаніемъ практическихъ житейскихъ интересовъ и, во-вторыхъ, идеалистами, которыхъ двигало чувство состраданія къ бѣднымъ и несчастнымъ. Тѣ и другіе сходятся въ томъ, что современный хозяйственный строй и современные способы хозяйства разсматриваются ими исключительно съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ. Ибо и идеалисты выступаютъ на защиту матеріальныхъ нуждъ низшихъ классовъ: только голосъ матеріальныхъ физическихъ страданій ближняго заставляетъ ихъ обращаться къ политической экономіи. Въ сочиненіяхъ же Джона Рёскина, въ отличіе отъ другихъ идеалистовъ, современный хозяйственный строй разсматривается какъ угроза духовнымъ, нематеріальнымъ благамъ, и именно въ этомъ и заключается своеобразіе и поучительность его экономическихъ разсужденій. Этимъ же отличается онъ и отъ Льва Толстого, съ которымъ имѣетъ такъ поразительно много общаго въ другихъ отношеніяхъ. Толстой-художникъ и Толстой-философъ превращается въ экономиста и соціолога только тогда, когда страданія ближнихъ призываютъ его на путь самоотреченія. Но какъ бы ни былъ высокъ и святъ восторгъ самоотреченія, къ которому стремится и къ которому призываетъ другихъ Толстой, все же этотъ святой восторгъ не можетъ не застилать ясности взора. Рёскинъ, котораго менѣе мучилъ физическій голодъ ближнихъ, но больше мучилъ ихъ духовный голодъ, яснѣе, чѣмъ Толстой, увидѣлъ многія стороны современнаго хозяйственнаго строя. Мы этимъ не хотимъ сказать, что ученіе Рёскина выше или лучше ученія Толстого. Каждый изъ двухъ великихъ учителей писалъ прежде всего для своей страны: Рёскинъ—для богатой или воображающей себя богатою Англіи, Толстой—для голодающей Россіи. Каждый по своему глядѣлъ на міръ. Но у обоихъ можно и должно учиться тѣмъ, кто хочетъ познать дѣйствительность и кто не ждетъ окончательнаго разрѣшенія общественныхъ противорѣчій отъ одной только оффиціальной науки. У Рёскина можно научиться яснѣе отличать случайные матеріальные интересы отъ постоянныхъ идеальныхъ цѣлей, временныя

народныя бѣдствія отъ великихъ историческихъ задачъ. Противорѣчія же современнаго экономическаго строя и современной экономической науки коренятся именно въ томъ, что подъ видомъ борьбы матеріальныхъ интересовъ происходитъ темная, глухая, не освѣщенная сознаніемъ и критикой борьба идеальныхъ цѣлей и выработка соціальныхъ идеаловъ, и сами борющіеся не сознаютъ, что служатъ болѣе высокимъ задачамъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ они говорятъ.

Но чтобы учиться у Рёскина, русскій читатель долженъ обнаружить терпимость и умѣнье открывать родное и близкое въ чуждомъ и далекомъ. Духовныя блага, которыя защищаетъ Рёскинъ, не суть отвлеченныя философскія понятія, но живыя идеи съ отпечаткомъ англійской исторіи и англійской національности. Эти блага суть: *власть, вѣра и творчество.* Рёскинъ защищалъ ихъ какъ консерваторъ, какъ христіанинъ и какъ художникъ. Защищая власть, онъ хотѣлъ быть и называться англійскимъ тори. Защищая вѣру, онъ обнаруживаетъ какъ бы врожденное благоговѣніе къ каждому слову, къ каждой буквѣ Ветхаго и Новаго Завѣта. Защищая творчество, онъ является художникомъ съ рѣзко выраженными эстетическими симпатіями и антипатіями, довольно перемѣнчивыми и даже капризными. Но въ каждой изъ защищаемыхъ идей Рёскинъ умѣлъ находить ту сокровенную сущность, которая придаетъ имъ характеръ объективной необходимости и дѣлаетъ ихъ обязательными даже для тѣхъ, кто хочетъ ихъ отрицать. Мы постараемся показать, что и власть, и вѣра, и творчество суть такія силы, отъ которыхъ желала, но не могла избавиться хозяйственная жизнь и экономическая наука, и что, защищая эти силы, Рёскинъ подготовляетъ путь къ болѣе сознательной постановкѣ, къ болѣе глубокому уразумѣнію великихъ задачъ, которыми заставилъ мучиться людей побѣдоносный капитализмъ.

Глава первая.

Власть.

Слово «власть» часто вызываетъ различныя чувства въ зависимости отъ того, кто это слово произноситъ. Когда кн. Мещерскій защищаетъ власть, передъ глазами его читателей встаетъ фигура земскаго начальника, и притомъ земскаго начальника совершенно опредѣленнаго типа и направленія. А такъ какъ идеалы кн. Мещерскаго имѣютъ довольно реальное значеніе, то слово «власть» не пользуется у насъ особенными симпатіями. Съ другой стороны, однако, и самый либеральный человѣкъ не стѣсняется говорить съ восторгомъ о могучей власти великаго поэта или великаго публициста надъ сердцами читателей. Итакъ, власть бываетъ разная и имѣетъ разныхъ защитниковъ.

Какого же защитника власти имѣемъ мы въ лицѣ Рёскина? Судя по

внѣшнимъ признакамъ, это защитникъ, который можетъ только компрометтировать идею власти. Рёскинъ былъ сынъ богатаго виноторговца и никогда не зналъ матеріальной нужды и матеріальныхъ заботъ. Отецъ его питалъ слабость къ знати и втиснулъ юношу—сына въ чуждый кругъ студентовъ-аристократовъ. Сынъ не поддался соблазнамъ карьеры и житейскихъ успѣховъ и посвятилъ себя служенію искусству. Но онъ унаслѣдовалъ отъ отца уваженіе къ аристократіи и постоянно проповѣдовалъ о какомъ-то великомъ призваніи англійскихъ лордовъ, этихъ прославленныхъ злостныхъ упрямцевъ, тормозящихъ все молодое и живое... Можно ли придумать худшаго защитника власти? Однако, если мы заглянемъ въ душу Рёскина и странной семьи, въ которой онъ родился, мы увидимъ, что въ Рёскинѣ соединились характерныя достоинства и буржуазіи, и аристократіи почти безъ всякой примѣси недостатковъ, присущихъ той и другой. Отъ буржуазіи Рёскинъ унаслѣдовалъ идею долга и трудовой жизни, отъ аристократіи—идею силы, какъ основы счастья и красоты. А сила въ соединеніи съ чувствомъ долга и опредѣляетъ понятіе закономѣрной власти. Его отецъ, торговецъ хересомъ, посвятилъ лучшіе годы своей молодости на то, чтобы путемъ упорнаго труда уплатить долги своего отца, умершаго банкротомъ. Девять лѣтъ ждалъ онъ и ждала его невѣста, пока всѣ обязательства не были выплачены до копейки, и только тогда, очистивъ свое прошлое и обезпечивъ будущее, трудолюбивый коммерсантъ счелъ себя въ правѣ начать собственную семейную жизнь. Намъ непонятно это буржуазное подвижничество. Но въ немъ слышна серьезная воля и сильное чувство долга, и Рёскинъ-сынъ, всю жизнь писавшій противъ торговцевъ, имѣлъ основаніе написать на надгробномъ памятникѣ своего отца: «онъ былъ честный торговецъ». Аристократамъ же Рёскинъ обязанъ своей любовью къ силѣ и смѣлости. Самъ онъ съ юныхъ лѣтъ былъ хилъ, скроменъ и необщителенъ. Но его отецъ, наивно восторгавшійся пышной обстановкой лордовъ—потребителей его хереса,—научилъ сына любить чужія достоинства, чужое превосходство, и нашъ идеалистъ, уединенный кабинетный труженикъ, много и часто прославлялъ рыцарство и рыцарскіе идеалы. Правда, онъ, не стѣсняясь, называлъ рыцарей разбойниками, а нынѣшнихъ лордовъ—наслѣдниками награбленнаго имущества, но въ тѣхъ и другихъ онъ цѣнилъ физическую, животную жизнерадостность, инстинктъ, расу. Эта любовь его къ силѣ не была только восторгомъ любующагося художника, но неизмѣннымъ сопровождающимъ мотивомъ всѣхъ его эстетическихъ и нравственныхъ убѣжденій. Онъ вѣровалъ въ единство духа и тѣла и требовалъ, чтобы нравственность и искусство были инстинктомъ, а не догмой, чтобы добро и красота были живой притягательной силой, а не только внѣшней обязанностью. Одинъ нѣмецкій авторъ даже говоритъ, что Рёскинъ съ своею мо-

ралью пришелъ къ тому же, къ чему Ничше съ своею «имморальностью» *).

Поэтому-то и въ современномъ экономическомъ строѣ Рёскина возмущаетъ не нарушеніе формальныхъ правилъ морали, но внутреннее нравственное безсиліе. Грѣхъ капитализма, по Рёскину, не въ кровожадности, а въ малодушіи. И прежде всего это малодушіе сказывается въ отрицаніи идеи власти. Власть, по убѣжденію Рёскина, неизбѣжна тамъ, гдѣ есть неравенство. А неравенство неизбѣжно тамъ, гдѣ есть люди. Итакъ, власть неизбѣжна и въ хозяйствѣ. Богатые имѣютъ естественную власть надъ бѣдными. Нынѣшніе же богатые, собственники земли и орудій производства, отрицаютъ свою власть надъ бѣдными, отрицаютъ изъ малодушія, чтобы не быть отвѣтственными передъ бѣдными, чтобы не нести обязанностей передъ обществомъ по управленію своимъ богатствомъ. Защита власти у Рёскина направлена не противъ подвластныхъ, а противъ самихъ властителей, отрицающихъ собственную свою власть.

Въ сочиненіяхъ Рёскина, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ—«Послѣднему, что и первому», «Munera Pulveris», «Оливковый Вѣнокъ», «Time and Tide», «Fors Clavigera», можно встрѣтить весьма различное отношеніе къ богатымъ и, въ частности, къ капиталистамъ. Иногда попадаются фразы, которыя вполнѣ умѣстны были бы въ устахъ анархиста и бунтаря. Напр., «сравнивая современную власть капитала въ дѣлѣ пріобрѣтенія со властью копья и сабли», Рёскинъ говоритъ: «единственная разница между ними состоитъ въ томъ, что въ былое время мародеры собирали дань силой, а теперь обманомъ» **). Есть выраженія прямо противоположнаго характера. Въ одномъ мѣстѣ Рёскинъ обращается къ капиталистамъ такъ: «Я знаю, что вы желаете добра вашимъ рабочимъ, что вы многое дѣлаете для нихъ и желали бы сдѣлать еще больше, еслибъ знали безопасный для этого путь. Я знаю, что вся эта неправда и нищета есть продуктъ ошибочнаго чувства долга, что каждый стремится сдѣлать возможно лучшее, но, къ несчастью, не знаетъ, для кого это лучшее должно быть сдѣлано» ***).

Если же отъ отдѣльныхъ фразъ мы обратимся къ общему духу ученія Рёскина о богатствѣ и бѣдности, то должны будемъ признать, что Рёскинъ не требуетъ отъ богатыхъ ни отказа отъ богатства, ни даже того или другого опредѣленнаго способа употребленія его, а требуетъ только одного: чтобы богатые признали свои обязанности передъ бѣдными, чтобы они сознались, что они—владыки бѣдныхъ и держатъ въ своихъ рукахъ судьбу трудящейся народной массы. Богатые всегда распоряжаются трудомъ бѣдныхъ и только въ этомъ и

*) *Charlotte Broicher.* „John Ruskin und sein Werk". Leipz. 1902. S. 227 f.
**) „Оливковый Вѣнокъ", § 6.
***) Тамъ же, § 82.

заключается ихъ богатство. Вина современныхъ капиталистовъ заключается не въ томъ, что они распоряжаются и пользуются трудомъ рабочихъ, а въ томъ, что они это скрываютъ и не считаютъ себя отвѣтственными за распоряженіе чужимъ трудомъ. Настаивая на своемъ разногласіи съ соціалистами, Рёскинъ говоритъ: «Богатый отнимаетъ пищу у бѣднаго не тѣмъ, что оставляетъ за собой свое богатство, а тѣмъ, что неблагородно пользуется имъ. Богатство есть извѣстнаго рода сила; а сильный обижаетъ другихъ не тѣмъ, что сохраняетъ за собой свою силу, а тѣмъ, что нехорошо употребляетъ ее» *). Въ другомъ мѣстѣ, описавъ два способа употребленія богатства, на нужды бѣдныхъ и на личныя потребности и прихоти богатаго—Рёскинъ замѣчаетъ: «Я не говорю, что первый способъ долженъ быть цѣликомъ предпочтенъ, или даже, что онъ безусловно хорошъ, еще менѣе, что второй—абсолютно несправедливъ. Слуги, артисты, великолѣпіе домовъ и свиты—все это имѣетъ свое особенное употребленіе, свойство и назначеніе. Но я хочу, чтобы читатель ясно понялъ, чего все это стоитъ и увидѣлъ, что необходимымъ условіемъ для обладанія всѣмъ этимъ является подчиненіе намъ извѣстнаго числа неблагоразумныхъ или несчастныхъ (а можетъ быть, кто знаетъ?—и болѣе счастливыхъ, чѣмъ ихъ господа) людей, судьба которыхъ находится въ нашей безграничной власти... Быть богатымъ—значитъ быть рабовладѣльцемъ по всему лицу земли и распоряжаться всей жизнью и мыслями людей. Каждый рабочій, который на васъ работаетъ, вашъ настоящій слуга, все равно, далеко онъ отъ васъ или близко, подчиняется вашимъ непосредственнымъ приказаніямъ, или служитъ вашимъ капризамъ, косвенно до него дошедшимъ, за плату, которую онъ спрашиваетъ при наймѣ, или за цѣну, которую онъ выторговываетъ при продажѣ—всѣ одинаково находятся подъ этой великой властью золота. Портниха, которая шьетъ вамъ платье, такая же ваша слуга (и даже больше, потому что ея работа требуетъ больше ума), какъ и горничная, которая на васъ это платье надѣваетъ; плотникъ, прилаживающій вашу дверь—такой же слуга, какъ и лакей, открывающій ее» **).

Хотя сравненіе современныхъ рабочихъ съ рабами довольно часто раздавалось въ XIX в., тѣмъ не менѣе надъ свойствами этого новаго рабства задумывались мало. И экономическая жизнь и экономическая теорія чуждались идеи власти и это привело ту и другую къ массѣ противорѣчій.

Гдѣ есть власть, тамъ есть и подчиненіе, и притомъ подчиненіе *добровольное*. Если богатство есть власть богатыхъ надъ трудомъ бѣдныхъ, то значитъ бѣдные добровольно отдаютъ свой трудъ богатымъ (добровольно, т.-е. по собственной волѣ, а не подъ вліяніемъ физическаго

*) „Послѣднему, что и первому“, § 79, прим.

**) „Munera Pulveris“, § 145.

воздѣйствія, или обмана, но, конечно, не все, что дѣлается добровольно, дѣлается съ удовольствіемъ). И вотъ этого-то простого жизненнаго факта, состоящаго въ томъ, что бѣдные добровольно отдаютъ свой трудъ богатымъ, не замѣчали и не хотѣли замѣчать ни люди практики, ни люди науки. Вся экономическая жизнь XIX-го вѣка наполнена недовольствомъ рабочихъ противъ капиталистовъ. Въ чемъ заключается это недовольство? Рабочіе говорили, что они недовольны своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Однако, въ то же время они не переставали обвинять капиталистовъ въ тѣхъ или иныхъ злоупотребленіяхъ. Значитъ они были недовольны не только своимъ матеріальнымъ положеніемъ, но и нарушеніемъ извѣстныхъ идеаловъ справедливости, и значитъ они имѣли основанія ожидать, что капиталисты могутъ и должны быть справедливыми капиталистами. Разъ капиталисты обвиняются въ злоупотребленіяхъ, значитъ имъ приписывается нѣкоторая власть и признается, что этой властью можно было бы пользоваться хорошо. Но недовольные рабочіе не хотѣли доводить до конца этой мысли, потому что боялись, что такое признаніе надъ собой власти капиталистовъ повредитъ ихъ матеріальнымъ интересамъ. И потому они постоянно колебались между двумя способами борьбы: то прибѣгали къ силѣ, то обращались къ совѣсти и чувству справедливости капиталистовъ и всего общества. Капиталисты же, охраняя свои матеріальные интересы и видя недовольство рабочихъ, больше всего боялись признать, что бѣдствія рабочихъ зависятъ отъ нихъ, капиталистовъ, и больше всего стремились доказать, что судьба рабочихъ зависитъ только отъ самихъ рабочихъ, такъ же какъ барыши капиталистовъ только отъ дѣятельности или заботъ самихъ капиталистовъ. Съ другой стороны, ради тѣхъ же своихъ матеріальныхъ интересовъ капиталистамъ приходилось доказывать, что ихъ дѣятельность полезна для самихъ рабочихъ т.-е. признавать, что отъ ихъ дѣятельности зависитъ не только собственная ихъ судьба, но и судьба рабочихъ. Такимъ образомъ и капиталисты, защищая свои матеріальные интересы, невольно и несознательно взывали къ чувству справедливости, слѣдовательно сами себѣ противорѣчили: то утверждали, что каждый вправѣ преслѣдовать только свой личный интересъ, то указывали на свои заботы объ интересахъ рабочихъ.

И экономическая наука тоже отрицательно относилась къ идеѣ власти, всячески стараясь устранить ее при объясненіи дѣйствительности. Видя, что капиталисты стремятся снять съ себя всякую отвѣтственность передъ обществомъ и считаютъ себя вправѣ руководиться только своими частными интересами и что такое поведеніе капиталистовъ сопровождается огромными промышленными успѣхами, экономисты повѣрили, что и въ самомъ дѣлѣ новая экономическая система основана на обособленіи частныхъ интересовъ, т.-е. на томъ, что каждый заботится только о себѣ, а не о другихъ. Основнымъ убѣжде-

ніемъ экономистовъ стала мысль, что каждый и всѣ имѣютъ свои опредѣленныя хозяйственныя доли, не измѣняющіяся отъ взаимныхъ сношеній отдѣльныхъ хозяйствъ, т.-е. другими словами, что каждый получаетъ отъ другихъ столько же хозяйственныхъ благъ, сколько и даетъ, и всѣ вмѣстѣ получаютъ въ опредѣленный періодъ времени столько же, сколько и даютъ. Это основное убѣжденіе ясно выражено уже въ первыхъ словахъ, съ которыхъ начинается настоящая книга капитализма, «Изслѣдованія» Ад. Смита: «Годовой трудъ каждаго народа служитъ фондомъ, первоначально снабжающимъ народъ всѣми необходимыми и полезными предметами его годового потребленія». Эти слова продолжаютъ быть характерными и для современнаго состоянія науки. Верн. Зомбартъ, глубокій и объективный критикъ капитализма, въ своемъ недавно появившемся трудѣ: «Современный капитализмъ» («Der moderne Kapitalismus») приводитъ выписанныя нами слова Ад. Смита, какъ основную аксіому, какъ *a priori* экономической науки, какъ положеніе, о которомъ не стоитъ спорить, и про которое достаточно сказать читателю: «*Sapienti sat.* А для *Insipiens* я не пишу» *).

А между тѣмъ ясно, что уже въ этихъ словахъ Ад. Смита заключается зерно всѣхъ схоластическихъ противорѣчій, въ которыхъ путаются экономисты вплоть до нашихъ дней. Только въ бухгалтерскихъ книгахъ приходъ долженъ совпадать съ расходомъ. Только ложное пристрастіе къ бухгалтерскимъ принципамъ можетъ привести къ мысли, что годовое потребленіе создается годовой затратой труда. Для всякаго неослѣпленнаго бухгалтерской схоластикой ясно, что богатство, которымъ располагаетъ народъ въ каждый данный моментъ, создавалось усиліями многихъ поколѣній, создавалось всей предшествовавшей исторіей народа. Годовой вкладъ народа въ пользу послѣдующихъ поколѣній столь же невозможно измѣрить въ числахъ, какъ и безчисленные вклады предшествовавшихъ поколѣній, принесшіе плоды въ данномъ году. Говорить о количественномъ равенствѣ тѣхъ и другихъ вкладовъ не имѣетъ никакого смысла. Экономистамъ же это равенство было нужно, потому что безъ него нельзя было бы доказывать, что одинъ народъ не можетъ обогащаться на счетъ другого народа и что одинъ общественный классъ не можетъ обогащаться на счетъ другого общественнаго класса (а то и другое нужно было доказывать, чтобы защищать политику невмѣшательства). Трудовая теорія цѣнности, такъ же какъ и огромное большинство другихъ теорій цѣнности, исходитъ изъ того принципа, что при обмѣнѣ каждая изъ двухъ обмѣнивающихся сторонъ остается при своемъ, т.-е. объ ничего отъ обмѣна не выигрываютъ или выигрываютъ какъ разъ поровну. Своими разнообразными теоріями цѣнности экономическая наука стремилась оправ-

*) *W. Sombart.* „Der Moderne Kapitalismus“, B. I, s. 211.

дать увѣренія капиталистовъ, что богатые не имѣютъ власти надъ бѣдными и могутъ заботиться только о своемъ богатствѣ, которымъ они обязаны самимъ себѣ, что доходы рабочихъ опредѣляются независимо отъ воли капиталистовъ, а доходы капиталистовъ—независимо отъ воли рабочихъ. Но чѣмъ болѣе экономисты настаивали на этой мысли, чѣмъ опредѣленнѣе проводилась эта мысль въ теоріяхъ цѣнности, тѣмъ загадочнѣе становился фактъ полученія дохода на капиталъ: капиталистъ, пуская въ оборотъ свой капиталъ, несомнѣнно извлекаетъ изъ оборота больше, чѣмъ вкладываетъ. И вотъ въ трактатахъ политической экономіи появляется особый отдѣлъ—ученіе о доходѣ на капиталъ. Простой и очевидный фактъ, что бѣдные и невѣжественные люди своимъ трудомъ кормятъ и одѣваютъ богатыхъ и просвѣщенныхъ людей и дѣлаютъ такъ потому, что сознаютъ (правильно или неправильно—другой вопросъ) превосходство надъ собой богатыхъ и просвѣщенныхъ, этотъ простой фактъ превращается, благодаря бухгалтерской схоластикѣ, въ мучительную загадку.

Чтобы рѣшить эту загадку, экономисты вынуждены были доказывать, что излишекъ, попадающій въ руки капиталистовъ, есть только кажущійся излишекъ, въ дѣйствительности же представляетъ собою плату за особенныя хозяйственныя блага или особенныя жертвы со стороны капиталистовъ. Объяснить доходъ на капиталъ для экономистовъ значило отыскать тотъ таинственный эквивалентъ, тѣ особыя незамѣтныя снаружи хозяйственныя блага и услуги, за которыя общество платитъ капиталистамъ процентъ на капиталъ и за которыя берется отъ рабочихъ часть ихъ труда *). Но для того, чтобы какія бы то ни было особыя хозяйственныя блага могли служить объясненіемъ дохода на капиталъ, блага эти, конечно, должны разсматриваться какъ

---

*) Даже самые серьезные ученые сочиняли и сочиняютъ пресмѣшныя построенія, придумывая несуществующія хозяйственныя блага, которыми будто бы торгуютъ капиталисты. Примѣромъ можетъ служить хотя бы Карлъ Книсъ. Этотъ замѣчательный ученый, одинъ изъ родоначальниковъ „историческаго“ направленія (и, слѣдовательно, врагъ пустыхъ абстракцій) увѣрялъ, что доходъ на капиталъ есть плата за особую хозяйственную услугу, называемую «пользованіемъ». По Кнису можно торговать „пользованіемъ“, напр., можно покупать и продавать „пользованіе“ паровой машиной: паровая машина имѣетъ свою цѣну и кромѣ того „пользованіе“ паровой машиной тоже имѣетъ свою особую цѣну (*K. Knies.* Das Geld. 1885, s. 84—145. Der Credit, 2 Hälfte, 1879, s. 31 ff). Современный экономистъ К. Менгеръ, вмѣсто книсовскаго „пользованія“ придумалъ еще болѣе странное „хозяйственное благо“ — „распоряженіе“ капиталомъ. И эту теорію, гласящую, что „распоряженіе“ можетъ служить предметомъ спроса и предложенія и имѣть рыночную цѣну, Бёмъ-Баверкъ—написавшій подробную исторію всѣхъ подобныхъ измышленій—считаетъ большимъ шагомъ впередъ въ теоріи дохода на капиталъ (*Böhm-Bawerk* Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien, 1 Aufl., 257).

исключительное достояніе однихъ только капиталистовъ и никого другого, т.-е. какъ монополія капиталистовъ. И всѣ теоріи дохода на капиталъ въ концѣ концовъ сводились къ тому, что этотъ доходъ выводился изъ монополіи капиталистовъ: за капиталистами признавалась произвольная власть надъ обществомъ и, въ частности надъ рабочими. Такимъ образомъ, отрицаніе идеи власти приводило экономистовъ къ идеи монополіи, т.-е. къ той же идеи власти но подъ другимъ видомъ. Съ одной стороны между капиталистомъ и поденщикомъ не признавалось никакого различія, кромѣ чисто количественной разницы въ размѣрахъ имущества. Капиталистъ, также какъ и поденщики, признавался обыкновеннымъ покупателемъ и продавцомъ и ничѣмъ болѣе. Съ другой же стороны, капиталистъ признавался обладателемъ особыхъ хозяйственныхъ благъ, которыми никто кромѣ капиталистовъ не обладаетъ. Одни опредѣляли капиталистовъ, какъ исключительныхъ обладателей машинъ и вообще орудій производства, другіе — какъ исключительныхъ обладателей пищи и вообще необходимыхъ средствъ существованія, третьи — какъ исключительныхъ обладателей бережливости или предпріимчивости или изобрѣтательности и т. д. Но и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ объясненіе дохода на капиталъ основывалось на томъ, что капиталисты будто бы могутъ совершенно лишать рабочихъ и вообще все общество самыхъ необходимыхъ и важныхъ вещей: могутъ оставить весь народъ безъ машинъ или безъ пищи или безъ всякихъ изобрѣтеній и т. д. Другими словами оказывалось, что капиталисты могутъ облагать народъ какими угодно данями и совершенно произвольно обогащаться на чужой счетъ. Устанавливая въ своихъ теоріяхъ цѣнности, что каждый имѣетъ свою опредѣленную долю и получаетъ столько же, сколько и отдаетъ. экономисты въ своихъ теоріяхъ дохода на капиталъ должны были дѣлать какъ разъ противоположныя предположенія, что доля капиталистовъ ничѣмъ не ограничена и ничѣмъ не опредѣляется кромѣ произвола самихъ капиталистовъ.

Это противорѣчіе одинаково обезсиливало какъ тѣхъ экономистовъ, которые оправдывали доходъ капиталистовъ, такъ и тѣхъ, которые его осуждали. Тѣ, кто оправдывали, все-таки должны были признавать, что капиталисты суть монополисты, хотя ихъ монополія будто бы и благодѣтельна для человѣчества. Тѣ, которые осуждали, все-таки доказывали, что капиталисты вольно или невольно соблюдаютъ законы мѣновой цѣнности, т.-е., другими словами, соблюдаютъ экономическое равенство. Возьмемъ такія двѣ противоположности, какъ Рошеръ и Марксъ. У Рошера капиталисты-благодѣтели оказываются неограниченными владыками рабочихъ. У Маркса капиталисты-грабители оказываются безобидными торговцами, свято соблюдающими трудовой принципъ цѣнности.

*

Защищая доходъ на капиталъ, Рошеръ сравниваетъ рабочихъ съ дикарями-рыболовами, не имѣющими никакихъ запасовъ и орудій производства, а капиталиста—съ собственникомъ лодки и сѣтей. Голыми руками рыболовы добываютъ по 3 рыбы въ день. Одинъ изъ нихъ въ теченіе 100 дней съѣдалъ ежедневно по 2 рыбы вмѣсто трехъ, скопилъ 100 рыбъ и могъ 50 дней, питаясь накопленною рыбой, трудиться не надъ добываніемъ пищи, а надъ сооруженіемъ лодки и сѣтей. Съ помощью этихъ орудій онъ можетъ ежедневно вылавливать по 30 рыбъ. Сколько же онъ долженъ получить съ неимущаго рыболова за то, что предоставитъ ему пользоваться лодкой и сѣтями? Если онъ возьметъ себѣ даже 27 рыбъ изъ 30, добываемыхъ неимущимъ при помощи занятаго капитала, онъ все-таки не ухудшитъ его положенія. Съ другой стороны, какую-нибудь, хоть самую малую выгоду онъ долженъ получить отъ сдачи своихъ орудій въ чужія руки. И вотъ доходъ на капиталъ будетъ колебаться между двумя крайними предѣлами въ зависимости отъ спроса и предложенія *). Эта экономическая конструкція кажется на первый взглядъ весьма лестной для капиталистовъ. На самомъ же дѣлѣ она не можетъ быть лестной, потому что оправдываетъ даже очевидную эксплоатацію и жестокость. По Рошеру выходитъ, что капиталистъ въ правѣ оставить рабочему изъ всего вырабатываемаго продукта ровно столько, сколько рабочій могъ бы выработать безъ всякихъ запасовъ и орудій производства, одними своими голыми руками. Если по условіямъ спроса и предложенія, капиталистъ можетъ получать ежедневно по 26 рыбъ безъ всякаго труда съ своей стороны, то такой процентъ, по Рошеру, будетъ вполнѣ законнымъ вознагражденіемъ за «производительность» капитала и за «воздержаніе» самого капиталиста. Оправданіе процента сводится къ оправданію монополіи. «Даже тѣ рабочіе,—говоритъ Рошеръ,—которые больше всего вынуждены платить капиталисту, безъ капитала были бы еще въ худшемъ положеніи» **). Это значитъ: сколько бы ни бралъ капиталистъ съ рабочаго, онъ всегда правъ.

А съ другой стороны, безпощадный обличитель капиталистовъ, К. Марксъ, ничѣмъ такъ не озабоченъ, какъ желаніемъ представить капиталистовъ блюстителями трудового принципа, т.-е. такого принципа, по которому въ цѣнѣ товара вознаграждается только трудъ и больше ничего. Именно этимъ желаніемъ вызвана на свѣтъ прославленная теорія прибавочной цѣнности, центральная теорія всего марксова «Капитала». Что капиталисты оставляютъ рабочимъ ровно столько, чтобы не довести ихъ до голодной смерти и не остаться вовсе безъ рабочихъ, это неоднократно утверждалось и до Маркса. Но Марксъ

*) *W. Roscher.* „Grundlagen der Nationalökonomie“. 18 Aufl. Stuttg. 1886. § 189.
**) Тамъ-же, стр. 494.

задался цѣлью доказать, что присвоеніе капиталистами чужого труда вытекаетъ изъ соблюденія въ буржуазномъ обществѣ закона цѣнности, который не допускаетъ иного движенія товаровъ, кромѣ обмѣна равноцѣнностей. По Марксу, рабочій трудится на капиталиста 12 час., а плату получаетъ только за 6 часовъ. Но при соблюденіи закона трудовой цѣнности, рабочій будто бы и не можетъ больше получать. Рабочій продаетъ капиталисту товаръ «рабочую силу»; цѣнность этого товара опредѣляется такъ же, какъ и цѣнность другихъ товаровъ, т.-е. затраченнымъ на производство трудомъ. На производство товара «рабочая сила», т.-е. другими словами на поддержаніе въ рабочемъ способности работать, достаточно такого количества пищи, одежды, топлива и проч., которое требуетъ, примѣрно, 6 часовъ труда. Только такую сумму и можетъ получить рабочій какъ равноцѣнность за «рабочую силу». Капиталистъ же, получивъ въ свое распоряженіе проданную ему «рабочую силу», можетъ пользоваться ею въ теченіе всѣхъ 24 часовъ, и конечно пользуется ею съ наибольшею прибылью для себя. Марксу эта, придуманная имъ экономическая конструкція очень нравится, онъ считаетъ ее однимъ изъ главныхъ своихъ преимуществъ передъ Прудономъ и другими «утопическими» соціалистами *). Однако, «утопическіе» соціалисты были, пожалуй, ближе къ истинѣ даже тогда, когда наивно утверждали, что капиталисты, эксплоатируя трудъ рабочихъ, нарушаютъ законы мѣновой цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если справедливо, что капиталисты для полученія дохода на капиталъ должны пользоваться и пользуются нуждой рабочихъ, то зачѣмъ же капиталистамъ еще заботиться, чтобы рабочій получалъ ровно столько, сколько полагается по трудовой теоріи цѣнности? Если капиталистъ можетъ всегда грозить рабочему голодной смертью, если на этой угрозѣ основанъ доходъ на капиталъ, то почему же капиталистъ долженъ платить рабочему непремѣнно 6 единицъ цѣнности (т.-е. эквивалентъ, соотвѣтствующій затратѣ шести часовъ труда), а не 5 и не 7? Рабочее населеніе можетъ вымирать и все-таки приносить прибыль капиталисту, и точно также оно можетъ получать нѣсколько больше, чѣмъ сколько необходимо для простого поддержанія жизни, и все-таки

---

*) Заканчивая изложеніе своей теоріи прибавочной цѣнности, Марксъ говоритъ (курс. нашъ): „Рѣшающимъ моментомъ является тутъ специфическая потребительная цѣнность этого товара (рабочей силы), его способность быть источникомъ цѣнности и притомъ бо́льшей цѣнности, чѣмъ онъ самъ имѣетъ. Въ этомъ специфическая услуга, которой ждетъ отъ него капиталистъ. И капиталистъ поступаетъ при этомъ *въ согласіи съ вѣчными законами товарнаго обращенія*... Всѣ заданія проблемы рѣшены и *законы товарнаго обращенія отнюдь не нарушены. Эквивалентъ былъ отданъ за эквивалентъ*. Капиталистъ заплатилъ за каждый товаръ *по его цѣнѣ*—за хлопокъ, за машины, за рабочую силу". *Marx*. Das Kapital, 1 Band, 4 Aufl., ss. 156—157.

создавать для капиталиста «прибавочную цѣнность». Ясно, что прибавочная цѣнность можетъ получаться при самой различной заработной платѣ. И капиталисты только потому и могутъ извлекать «прибавочную цѣнность», что заработная плата зависитъ отъ ихъ воли, отъ ихъ власти. Марксъ же, отрицая, подобно другимъ экономистамъ, идею власти, принималъ что заработная плата зависитъ не отъ воли капиталистовъ, а отъ естественныхъ законовъ товарнаго обращенія.

Признавать идею власти вовсе не значитъ мириться съ современной властью капиталистовъ. Наоборотъ, именно потому, что Рёскинъ признаетъ неизбѣжной власть богатыхъ надъ бѣдными, онъ рѣшительно осуждаетъ доходъ на капиталъ и всѣми силами борется съ неправдой капитализма, которую онъ чувствуетъ такъ же горячо, какъ Марксъ и другіе соціалисты. Марксъ осуждаетъ доходъ на капиталъ во имя идеи равенства, а Рёскинъ—во имя идеи власти. И осужденіе Рёскина болѣе сознательно, потому что власть есть нѣчто реальное и могучее, а равенство, которое въ видѣ неяснаго идеала носится передъ умственнымъ взоромъ Маркса и марксистовъ, есть нѣчто фантастическое и небывалое. Марксъ, хотя и осуждаетъ доходъ на капиталъ, не можетъ выставить противъ капиталистовъ никакихъ опредѣленныхъ обвиненій и никакихъ опредѣленныхъ реформаторскихъ требованій, потому что по его ученію выходитъ, что капиталисты угнетаютъ и истощаютъ рабочихъ противъ собственной своей воли. Мы вполнѣ уяснимъ себѣ это различіе между Марксомъ и Рёскинымъ, если сравнимъ приведенныя выше конструкціи Рошера и Маркса съ подобной же конструкціей, данной для объясненія взаимныхъ отношеній капиталистовъ и рабочихъ въ одномъ изъ сочиненій Рёскина.

Представимъ себѣ, говоритъ Рёскинъ, крестьянское населеніе, живущее у рѣки на хорошей плодородной землѣ. Рѣка, однако, имѣетъ свойство время отъ времени выходить изъ береговъ и производить опустошительныя наводненія. У каждаго крестьянина земли вполнѣ достаточно,—больше, чѣмъ нужно для удовлетворенія первыхъ необходимыхъ потребностей. Но большинство изъ нихъ довольствуется малымъ, обрабатываютъ не всю свою землю, работаютъ безъ напряженія, понемножку, предосторожностей противъ наводненія не принимаютъ и дѣтей своихъ не пріучаютъ къ трудолюбію. Только одинъ работаетъ усердно и предусмотрительно: онъ распахалъ всѣ свои земли, привилъ дѣтямъ привычку серьезнаго труда и вмѣстѣ съ ними огородилъ свой участокъ отъ наводненія, развелъ хорошій скотъ и собралъ большіе запасы хлѣба и платья. Случается наводненіе. Урожай безпечныхъ крестьянъ пропадаетъ, и все населеніе, разоренное и беззащитное, обращается за помощью къ одному счастливцу, предохранившему себя отъ бѣды. Онъ можетъ ограничиться милостыней, подачкой и остаться

прежнимъ благополучнымъ одиночкой. Но онъ можетъ посмотрѣть на дѣло и серьезно, и тогда предъ нимъ лежатъ два пути.

Во всякомъ случаѣ, соглашаясь устроить ихъ жизнь при помощи своихъ запасовъ, онъ не захочетъ допустить, чтобы они работали съ прежнею беззаботностью и съ прежнимъ рискомъ. Онъ ихъ заставитъ работать не 3—4 часа, какъ раньше, а, можетъ быть, 8 или 10. Но онъ можетъ, во-первыхъ, направить весь ихъ трудъ на тщательную обработку ихъ собственной земли и огражденіе ея отъ наводненій, на сооруженіе имъ жилищъ въ безопасныхъ мѣстахъ и накопленіе для нихъ запасовъ. Они же мало-по-малу будутъ выплачивать ему свой долгъ и заживутъ, въ концѣ концовъ, такъ же, какъ онъ самъ. Или, во-вторыхъ, онъ можетъ снабдить ихъ минимальнымъ количествомъ пищи и построить имъ жалкія землянки, чтобы они могли какъ-нибудь существовать, а затѣмъ употребить ихъ трудъ на постройку новаго роскошнаго дома для него, ихъ новаго хозяина; за свою помощь онъ отберетъ всю ихъ землю себѣ въ собственность; часть прежнихъ собственниковъ будетъ работать на этой землѣ, получая за свой трудъ ровно столько, сколько нужно для поддержанія ихъ жизни. Весь избыточный продуктъ будетъ идти въ пользу хозяина и послужитъ для прокормленія остальной части населенія, которую онъ будетъ держать при себѣ въ качествѣ прислуги, ремесленниковъ и артистовъ, доставляющихъ ему комфортъ, забавы, роскошь и утонченныя наслажденія.

Въ первомъ случаѣ онъ воспользуется своимъ богатствомъ, чтобы сдѣлать и другихъ столь же богатыми, какъ онъ самъ. Во второмъ мы будемъ имѣть то самое отношеніе между богатствомъ и бѣдностью, которое характерно для современной цивилизаціи: съ одной стороны, нездоровая, жалкая, полуголодная жизнь рабочихъ массъ, съ другой стороны, комфортъ и роскошь немногихъ богачей *).

И Рошеръ, и Марксъ, и Рёскинъ—всѣ трое, въ сущности, признаютъ существованіе зависимости бѣдныхъ отъ богатыхъ. Но Рошеръ озабоченъ оправданіемъ этой зависимости, Марксъ—ея изобличеніемъ, а Рёскинъ—ея идеальнымъ примѣненіемъ въ жизни. Буржуазный Рошеръ и соціалистъ Марксъ оба по своему заражены идеей равенства, которую сознательно и рѣшительно отрицаетъ Рёскинъ. «Богатый и бѣдный встрѣчаются другъ съ другомъ. Богъ создалъ ихъ»—этотъ библейскій текстъ Рёскинъ толкуетъ какъ указаніе на неизбѣжность неравенства: «это значитъ, что пока міръ стоитъ, дѣйствіе и противодѣйствіе богатства и бѣдности, встрѣча, лицомъ къ лицу, богатаго и бѣднаго—такой же неизбѣжный, свыше предопре-

*) „Munera Pulveris", §§ 141—144.

дѣленный законъ, какъ теченіе рѣкъ къ океану или обмѣнъ электричества между тучами» *).

Никто, конечно, не воображаетъ, что когда-нибудь можно будетъ достигнуть абсолютнаго равенства между людьми. Но Марксъ и другіе соціалисты думаютъ, что такъ какъ въ современной жизни слишкомъ много неравенства, то для желательной имъ реформы стремленіе къ равенству можетъ быть только полезно, а защита неравенства—только вредна. А между тѣмъ въ дѣйствительности именно идея равенства можетъ вредить и вредитъ общественной реформѣ—можетъ задерживать и задерживаетъ осуществленіе тѣхъ идеаловъ, которые соціалистамъ столь же дороги, какъ и Рёскину. Основныя положенія и стремленія самого соціализма требуютъ вовсе не того, чтобы была уничтожена всякая власть и всякое неравенство, но именно того, чего требуетъ Рёскинъ—чтобы власть была самоотверженной и неравенство—справедливымъ.

Каждое большое общее дѣло требуетъ раздѣленія труда, распредѣленія занятій и обязанностей. Каждое такое распредѣленіе создаетъ различіе между трудомъ высшимъ и низшимъ, между занятіями пріятными и непріятными, между обязанностями отвѣтственными и неотвѣтственными. Если представители труда высшаго и болѣе отвѣтственнаго способны пользоваться своими преимуществами въ своихъ личныхъ интересахъ и ко вреду другихъ трудящихся, то это значитъ, что сліянія интересовъ еще нѣтъ и общее дѣло успѣшно идти не можетъ. Пока участники общаго дѣла не позволятъ сознательно и добровольно другъ другу быть выше одинъ другого, пока они не рѣшатъ, что имъ не слѣдуетъ другъ съ другомъ *считаться*, до тѣхъ поръ никакіе разсчеты не примирятъ ихъ интересовъ и не объединятъ ихъ общимъ нераздѣльнымъ интересомъ. Пока два человѣка, садящіеся въ лодку, хотятъ быть оба рулевыми, они не сядутъ въ лодку и общей работы имъ не начать, какія бы они ни сочиняли комбинаціи, чтобъ каждому досталось по одному веслу и по половинкѣ руля. Или другой примѣръ. Два путешественника должны пройти надъ пропастью по узкой перекладинѣ. Пока́ каждый изъ нихъ способенъ воспользоваться всякими средствами для ограбленія другого, никто изъ нихъ не согласится первымъ ступить на перекладину, потому что задній, во всякомъ случаѣ, будетъ имѣть надъ переднимъ власть жизни и смерти,—и они будутъ стоять на мѣстѣ, пока не разбѣгутся въ разныя стороны или не побѣдятъ своего корыстолюбія и недовѣрія другъ къ другу.

Такимъ образомъ первое условіе обобществленія хозяйственныхъ процессовъ заключается въ томъ, чтобы неравенство не мѣшало взаимной помощи, чтобы болѣе сильный употреблялъ свою силу въ общихъ

*) „Послѣднему, что и первому“, § 44.

интересахъ, т.-е., значитъ, и въ интересахъ болѣе слабаго. Создать людей, которые сознавали бы себя, какъ люди, равными въ неравныхъ условіяхъ—вотъ великая задача, поставленная человѣчеству нашей эпохой, разрушившей былое однообразіе въ условіяхъ труда и жизни, задача, съ которой въ странномъ противорѣчіи стоитъ требованіе соціалистовъ, чтобы всѣ были поставлены въ равныя условія. Неравенство, которое защищаетъ Рёскинъ, не есть неизбѣжное зло, унаслѣдованное нами отъ прошлаго, а неизбѣжная ступень, которой намъ предстоитъ достигнуть въ будущемъ.

Всѣмъ сказаннымъ достаточно оправдывается и характеръ практическихъ требованій Рескина. Отрицательно относясь къ современнымъ собственникамъ и осуждая доходъ на капиталъ, Рёскинъ, однако, не требовалъ уничтоженія частной собственности. Но онъ требовалъ, чтобы собственникъ несъ отвѣтственность передъ обществомъ за свое распоряженіе собственностью, чтобы промышленники и купцы считали свое дѣло общественнымъ служеніемъ, и чтобы доходъ собственниковъ имѣлъ характеръ опредѣленнаго постояннаго вознагражденія, соразмѣрнаго съ потребностями собственниковъ, а не съ величиной капитала.

Купцы и промышленники должны получать вознагражденіе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ другіе люди, получающіе деньги и живущіе на деньги. Ихъ трудъ не лучше и не хуже труда другихъ людей—солдатъ, священниковъ, судей, простыхъ рабочихъ, художниковъ. Если купцы и промышленники не довольствуются малымъ вознагражденіемъ, пусть берутъ большое, но пусть ни копейки не берутъ даромъ, безъ всякаго труда и обязанности съ своей стороны. Процентъ же на капиталъ берется именно даромъ. Это не есть вознагражденіе за трудъ. Даже трудящійся купецъ беретъ процентъ не какъ вознагражденіе за трудъ, а сверхъ вознагражденія за трудъ, какъ подарокъ отъ своего предпріятія. Процентъ есть узаконеніе произвола. Въ процентѣ на капиталъ заключается принципіальное отрицаніе какой бы то ни было трудовой обязанности со стороны получающаго процентъ. И потому Рескинъ принципіально отрицалъ всякое взиманіе процента, отожествляя его съ ростовщичествомъ. «Ростовщичество, —говоритъ онъ,—есть взиманіе денегъ за заемъ или за пользованіе вещью (сверхъ и кромѣ уплаты за порчу и изнашиваніе вещи), поскольку такое пользованіе не требуетъ отъ заимодавца заботы и труда. Сюда принадлежитъ всякое помѣщеніе капитала, дающее дивидендъ или прибыль, какъ нѣчто отличное отъ платы за трудъ... Какъ только нашъ капиталъ «выросъ» отъ дачи взаймы, хотя бы на волосокъ, этотъ малѣйшій ростъ, въ толщину волоска, уже есть ростовщичество, также какъ похищеніе гроша есть воровство не менѣе, чѣмъ похищеніе милліона» *).

Получая процентъ на капиталъ, купцы и промышленники унижаютъ

*) „Fors Clavigera“, Letter LXVIII.

достоинство собственнаго труда. Отрицая въ своемъ трудѣ характеръ обязательности, не признавая въ немъ общественнаго служенія. они отрицаютъ и заставляютъ другихъ отрицать полезность своей дѣятельности. По существу же ихъ трудъ есть великое и прекрасное дѣло. «Обязанность торговца или фабриканта заключается въ снабженіи народа нужными предметами. Извлеченіе прибыли для себя лично такъ же мало составляетъ его задачу, какъ у священника полученіе содержанія. Это содержаніе является должнымъ и необходимымъ добавленіемъ, но не цѣлью его жизни, если онъ настоящій священникъ, также какъ жалованье или гонораръ не составляетъ цѣли жизни настоящаго врача. И точно также вознагражденіе (fee) не есть цѣль жизни для настоящаго купца. И тотъ, и другой, и третій, если это настоящіе люди, имѣютъ дѣло, которое должно быть исполнено независимо отъ вознагражденія,—исполнено во что бы то ни стало, хотя бы вознагражденія не получилось вовсе или получилось нѣчто прямо противоположное» *).

Осуждая процентъ на капиталъ, Рескинъ вступилъ въ самое рѣзкое противорѣчіе съ общепринятыми и, можно сказать, священными—особенно въ Англіи — взглядами, такъ что даже горячіе поклонники Рескина, напр., Фр. Гаррисонъ, увидѣли тутъ только донкихотство и галлюцинацію **). Это показываетъ, какъ трудно освободиться отъ

---

*) „Послѣднему, что и первому“, § 22. Такихъ мѣстъ не мало можно привести изъ „Послѣднему, что и первому“, „Munera Pulveris“, „Оливковый вѣнокъ“. Поэтому нельзя согласиться съ Дж. Гобсономъ, утверждающимъ („Общественные идеалы Рёскина“, Спб., 1899, стр. 104), что мнѣніе Рёскина о процентѣ принадлежитъ лишь позднѣйшимъ его годамъ и утвердилось въ немъ уже послѣ того, какъ написаны были главныя его работы по политической экономіи. Отрицаніе роста прямо вытекаетъ изъ общаго пониманія Рёскинымъ обязанностей капиталистовъ, торговцевъ и промышленниковъ. Гобсонъ говоритъ, между прочимъ, что въ „Munera Pulveris“ Рёскинъ осуждалъ только ростовщичество въ смыслѣ *чрезмѣрно* высокаго процента на капиталъ. Но вотъ что говорится тамъ на этотъ счетъ: „ростовщичество (usury) означаетъ просто взиманіе чрезмѣрной суммы за пользованіе чѣмъ-нибудь; и не важно, какъ эта чрезмѣрность проявляется — въ ссудѣ или въ обмѣнѣ, въ рентѣ или въ продажной цѣнѣ,— такъ какъ сущность роста (usury) заключается въ томъ, что онъ получается благодаря преимуществу, случайному или обусловленному нуждой, а *не какъ должное вознагражденіе за трудъ*“ („Munera Pulveris“, § 98).

**) См., напр., статью Гаррисона „Unto this last“ въ „Nineteenth Century“, 1895, vol. XXXVIII. Здѣсь говорится: „Я убѣжденъ, что ростъ (usury) (если онъ означаетъ плату за временное пользованіе капиталомъ) есть матеріальная основа цивилизованныхъ обществъ. Поскольку ростъ означаетъ такую плату, взимаемую по свободному соглашенію между разумными и равноправными лицами, это не только не грѣхъ, но это—важнѣйшая основа общества. Все, что Рёскинъ говоритъ въ противоположномъ смыслѣ — я говорю это съ сохраненіемъ къ нему полнаго уваженія, — есть, по моему, простая галлюцинація...“ (p. 967).

условностей, когда для этого нужно пойти въ разрѣзъ съ привычками всего окружающаго міра. Англичанамъ XIX-го в. легче было присоединиться къ самымъ неистовымъ проклятіямъ Рескина противъ современныхъ нравовъ или безсердечія современной науки, чѣмъ возстать вмѣстѣ съ нимъ противъ духа эпохи. Книга Гобсона, посвященная «общественнымъ идеаламъ Рескина», отличается замѣчательной свободой сужденія относительно современнаго хозяйственнаго строя и ставитъ Рескина, какъ критика политической экономіи, чрезвычайно высоко. И все-таки Гобсонъ не можетъ, не въ силахъ отнестись объективно къ ученію о процентѣ. «Другія времена, другіе нравы!—восклицаетъ Гобсонъ,—сдѣлайте промышленность обобществленной, и тогда отчисленіе роста въ пользу индивида сдѣлается ненужнымъ и незаконнымъ, но не ранѣе того» *). Другими словами это значитъ: сдѣлайте, чтобы всѣ признали процентъ вещью незаконной, тогда и я, ученый экономистъ, признаю его незаконнымъ, но не ранѣе того! Но развѣ самъ Гобсонъ и его единомышленники, съ своимъ «обобществленіемъ» въ идеалѣ, не созидаютъ уже теперь, внутри капиталистическаго общества, «другія времена, другіе нравы»? Развѣ въ эпоху крѣпостного права всѣмъ нужно было обязательно имѣть крѣпостныхъ? Рескинъ отлично зналъ, что современнымъ купцамъ кажется непонятнымъ его требованіе брать за торговую дѣятельность опредѣленное жалованье и отказаться отъ процента, — столь же непонятнымъ, по его собственному сравненію, какъ воинственнымъ рыцарямъ XVI-го в. показался бы непонятнымъ совѣтъ заниматься земледѣліемъ вмѣсто войны **). И все-таки теперь плугъ работаетъ тамъ, гдѣ раньше работалъ лишь мечъ и копье. И также какъ въ эпоху рыцарства были люди, соблюдавшіе заповѣдь «не убій» въ прямомъ и точномъ значеніи слова, такъ и теперь никакіе банки и финансовыя системы не могутъ никому помѣшать отказаться отъ взиманія процента, тоже осужденнаго въ Евангеліи. Для этого не нужно никакого предварительнаго переворота въ духовной природѣ человѣка. Множество людей и теперь, безъ всякихъ усилій, исполняютъ то, чего Рескинъ требуетъ отъ купцовъ и промышленниковъ, довольствуются за свой трудъ опредѣленнымъ жалованьемъ и исполняютъ свой трудъ, какъ обязанность передъ другими и передъ собой. Нужно только, чтобы въ дѣлѣ, въ которомъ работаютъ теперь купцы и промышленники ради барыша, начали работать такіе же люди и на такихъ же основаніяхъ, какъ въ дѣлѣ учебномъ или военномъ, или благотворительномъ... Гдѣ тутъ признаки галлюцинаціи или утопіи?

«Нѣтъ, добрый читатель,—говоритъ Рёскинъ,—это не утопія. Но я

*) „Общественные идеалы Рёскина“, стр. 109.

**) „Munera Pulveris“, § 154.

вамъ скажу, что должно бы было казаться намъ, если бы мы сами теперь этого не видѣли, утопіей, но утопіей въ дурную сторону, а не въ хорошую: а именно, что люди способны до такой степени сильнѣе дорожить своими деньгами, чѣмъ своей жизнью, что если вы пригласите ихъ поступить въ солдаты, съ рискомъ получить пулю въ сердце и оставить на произволъ судьбы жену и дѣтей, они ради славы пойдутъ охотно и не задумываясь, а если вы ихъ попросите для блага родины затратить сто рублей, не обѣщая имъ вернуть сто пять, они разсмѣются вамъ въ лицо *).

«Я всегда поражался,—читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—что героизмъ никогда не считался возможнымъ въ такомъ занятіи, какъ снабженіе народа пищей и одеждой, и, наоборотъ, вполнѣ возможнымъ при выколачиваніи изъ народа хлѣба и сдираніи съ него одежды. Захватъ военныхъ доспѣховъ былъ геройскимъ дѣломъ во всѣ вѣка; а продажа одежды, ни въ старину, ни въ новое время, не принимала оттѣнка великодушія. А между тѣмъ непонятно, почему накормить голоднаго или одѣть нагого, хотя бы это было предпринято въ большихъ размѣрахъ, должно быть непремѣнно неблагороднымъ дѣломъ» **).

«Единственно безусловно и безукоризненно геройскій элементъ въ службѣ солдата состоитъ въ томъ, что его плата—небольшая и опредѣленная, тогда какъ вы торговцы и банкиры и другіе предающіеся столь же благимъ занятіямъ, любите получать за нихъ большую плату и притомъ какъ даръ случайности. Я никакъ не могу взять въ толкъ, почему странствующій рыцарь не разсчитываетъ на плату за свои хлопоты, а странствующій разносчикъ всегда разсчитываетъ; почему люди готовы принимать жестокіе удары безъ всякаго вознагражденія, но не согласны продавать дешево лентъ; почему они готовы идти съ пылкою радостью въ крестовые походы, но ни одного путешествія не желаютъ сдѣлать для исполненія велѣній живого Бога; почему они пойдутъ куда угодно босыми проповѣдывать свою вѣру, но не примѣняютъ ее къ жизни иначе, какъ за хорошій подкупъ, и вполнѣ согласны раздавать даромъ Евангеліе, но ни въ какомъ случаѣ—хлѣбъ или рыбу» ***).

Написавъ этотъ параграфъ, Рёскинъ дѣлаетъ въ выноскѣ замѣчаніе: «пожалуйста, подумайте надъ этимъ параграфомъ, онъ изложенъ слишкомъ кратко и въ слишкомъ рѣзкихъ контрастахъ, но все же одинъ изъ тѣхъ, которыми я, написавъ, наиболѣе теперь доволенъ и счастливъ». И Рёскинъ совершенно правъ, останавливая наше вниманіе именно на этомъ пунктѣ, на которомъ онъ самъ такъ часто и съ такой

*) „Munera Pulveris“, § 148.
**) „Оливковый вѣнокъ“, § 74.
***) Тамъ же, § 75.

любовью останавливается *). Поразительный контрастъ между одними и тѣми же людьми въ роли промышленниковъ и купцовъ, и вообще покупателей и продавцовъ, и въ роли солдатъ, врачей, учителей, священниковъ, чиновниковъ не имѣетъ никакого логическаго основанія и можетъ быть объясненъ исключительно великой властью заблужденія. Значительная часть общественныхъ бѣдствій должна быть поставлена на счетъ не эгоизму и жестокости капиталистовъ, не абсолютному недостатку въ насъ духовныхъ силъ, а безумному нашему пренебреженію къ собственнымъ силамъ, слѣпотѣ и безсознательности. Мы сами не знаемъ, чего хотимъ, мы сами губимъ то, что уважаемъ, и сами молимся тому, что отрицаемъ, мы не имѣемъ яснаго сознанія о собственныхъ стремленіяхъ,—вотъ въ чемъ причина жестокой борьбы между богатыми и бѣдными, борьбы, которую всѣ признаютъ однимъ изъ главныхъ золъ современной жизни. Нужно разъ навсегда запомнить, что заблужденіе способно управлять историческою жизнью, и соціальные миражи способны направлять въ ту или другую сторону общественныя силы. И, запомнивъ про эту силу заблужденія, мы больше будемъ вѣрить и въ силу истины, ибо заблужденіе безсильно предъ истиной, и лучше оцѣнимъ значеніе такихъ идеалистовъ, какъ Рёскинъ, которые кажутся утопистами, а на самомъ дѣлѣ суть разрушители утопій и вредныхъ миражей.

А. Рыкачевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) См. весь первый очеркъ „Послѣднему, что и первому“, и тамъ же § 54, „Оливковый вѣнокъ“, § 32, „Munera Pulveris“, § 99 и слѣд., „Time and Tide“, §§ 134, 179.

ПОЛУЖИВОТНОЕ.

Романъ **Елены Белау.**

Переводъ съ нѣмецкаго **М. Н. Данилевской.**

I.

Раскаты дальняго грома затихаютъ среди говора наполняющей душныя улицы толпы. Солнечный зной, тѣснота переулковъ, высота домовъ, все это давитъ собою и безъ того изнывающее подъ непосильнымъ бременемъ человѣчество. Всѣ эти люди, сами того не сознавая, замкнуты въ тѣсную тюрьму. Узость сердецъ, ограниченность мыслей и понятій, тѣснота дворовъ и переулковъ, тѣснота комнатъ, вся сутолока, въ которой они живутъ, давитъ и душитъ ихъ, заставляя стонать, вселяя въ нихъ безсознательную тоску, безсознательное недовольство.

Но вотъ раздался первый сильный, свободный ударъ грома.

Ого! Навстрѣчу краснымъ вспотѣвшимъ лицамъ понеслось, подхваченное неожиданнымъ порывомъ вѣтра, облако пыли. Все закружилось, все, что когда-то пользовалось жизнью, а теперь терпѣливо покоится на землѣ въ видѣ дрянной пыли, — закружилось въ бѣшеной пляскѣ, ослѣпляя собою живыхъ. Всѣ заспѣшили, здоровое, стадное чувство охватило безчувственную толпу.

Какъ они всѣ побѣжали, точно боятся растаять подъ этими тяжелыми каплями. А какъ хороши эти тяжелыя капли! Раскаленная мостовая покрывается крупными темными пятнами; кучи пыли начинаютъ издавать запахъ свѣжей земли. Молнія, громъ и благословенныя дождевыя капли среди городской духоты! Какое-то ликованіе наполняетъ грудь, все сильнѣе, все безумнѣе! Коричневые ручейки сбѣгаютъ по канавкамъ, попадаются на каждомъ шагу коричневыя лужи, по которымъ прыгаютъ, дрожатъ и брызжутъ дождевыя капли. Весело! А когда слышишь, какъ шелестятъ подъ потокомъ дождя, покрытыя запыленной корой и преждевременно умирающими листьями деревья, когда видишь, что они не знаютъ, куда дѣвать избытокъ свѣжести, — сердце такъ и дрожитъ отъ смѣха. И все сильнѣе, все безумнѣе, хотя бы и пришлось погибнуть нѣсколькимъ вѣткамъ!

Въ улицахъ пусто, точно выметено. Слава Богу! Наконецъ-то они попрятались, эти будничныя лица! Какъ хорошо! Какъ чисто и свѣжо! Точно раннимъ утромъ! Только бы подольше не видѣть ихъ! Но они не заставятъ себя долго ждать; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

На старинной площади, позади греческой церкви, при постройкѣ новаго пассажа пришлось снести мясную лавку; во время земляныхъ работъ люди наткнулись на такую массу человѣческихъ костей, что всѣми невольно овладѣло жуткое чувство. Такъ вотъ что попирали они ногами изъ года въ годъ, бѣгая за покупками, гуляя, отправляясь на свиданья. Какъ разъ на поворотѣ улицы, въ тѣнистомъ уголкѣ, гдѣ поколѣніе за поколѣніемъ они обмѣнивались тайными поцѣлуями, на глубинѣ не болѣе полуметра откопали длинный, прекрасно сохранившійся скелетъ, съ недвижно уставленными въ небо глазными впадинами.

Въ теченіе дня сотни народа осаждали площадь, наблюдая за ходомъ ужасной работы. Отрытыя изъ темно-коричневаго песка кости складывались въ большіе ящики. Присутствовавшій при этомъ веселый капуцинъ приподнималъ отъ времени до времени крышку то того, то другого ящика и, улыбаясь, посматривалъ на довѣренныхъ его покровительству покойниковъ. Эти потемнѣвшія кости также принадлежали когда-то капуцинамъ. И въ обращеніи съ ними у монаха сквозило что-то товарищеское.

«Мы члены одного и того же ордена. Мнѣ извѣстны ваши сокровенные помыслы, братья»!

Онъ бралъ въ руки черепъ и улыбался. Бралъ берцовую кость и снова улыбался, глядя на дѣло, очевидно, съ самой легкомысленной точки зрѣнія. Но когда въ одинъ изъ ящиковъ всыпали новую груду костей, онъ заботливо натягивалъ на него старенькій покровъ.

Школьники, не отрывая глазъ, любовались рѣдкимъ зрѣлищемъ; тутъ-же стояла цѣлая толпа старухъ. Чего только не перенесетъ этакая старая женщина, если только ей есть на что посмотрѣть! Въ такихъ случаяхъ у нихъ является прямо дьявольская сила. Мальчишки то и дѣло вступали въ драку изъ-за обладанія ржавыми гробовыми петлями, выброшенными теперь на поверхность земли. Вѣдь это были древности, настоящія сокровища, бывшія въ теченіе столѣтій достояніемъ мертвецовъ.

Первый сильный ударъ грома застигнулъ врасплохъ тѣснившуюся вокругъ жалкихъ костей толпу любопытныхъ; послѣдовавшіе за нимъ потоки дождя живо разогнали ее. Всѣхъ точно смыло — и капуцина, и вѣрнаго своему долгу полицейскаго. На взрытой, обратившейся въ сплошную лужу землѣ остались только кости, покрытыя мокрыми, рваными холстами.

Одинъ изъ череповъ обмыло потокомъ дождя. Онъ лежалъ прямо

посреди лужи, изъ которой торчало только темя. Маленькія волны тихо ударялись о берега этого костянаго островка.

Въ окно большого дома высунулась дѣвушка; взглядъ ея не отрывался отъ желтоватой овальной поверхности черепа.

«Камень это, — думала она, — или?..»

Она уже давно была у окна и, то становясь на колѣни, то откидываясь на спинку стула, наблюдала за происходившимъ внизу; при этомъ она то принималась барабанить пальцами по стеклу, то закусывала непослушную прядь волосъ. Маленькая головка на свободной, граціозной шейкѣ, съ темными глазами, не отрывалась отъ кипѣвшей передъ ней работы.

Она всей душой была тамъ.

Право, какое счастье имѣть возможность все это видѣть!

Какъ хорошо, что они именно здѣсь поселились!

Она, казалось, была совсѣмъ удовлетворена. Прямо надъ ея головой, прикрѣпленныя къ бѣлой чистой занавѣскѣ, висѣли пять маленькихъ желтыхъ атласныхъ саше съ порошкомъ ириса, сухой ароматъ котораго при каждомъ дыханіи щекоталъ ея обоняніе.

Обстановка комнаты, въ которой она находилась, какъ-то мало гармонировала съ избалованной внѣшностью молодой дѣвушки. Здѣсь все носило печать мѣщанства, чего-то изношеннаго, изъ чего ея обитательница уже выросла. Во всемъ сказывалось присутствіе двухъ совершенно различныхъ существъ, съ совершенно различными привычками и вкусами. У одной стѣны стояла узенькая постель, прикрытая кускомъ стариннаго краснаго дама, напоминающаго покрышку алтаря, другая была бѣленькая, постланая съ величайшею тщательностью: ни складочки, ни неровности. Надъ нею красовались портреты членовъ семьи и подругъ, котильонные значки и японскіе бумажные вѣера, сгруппированные въ звѣзды и розетки, масса разныхъ мелочей. Со всего была заботливо стерта пыль. Ничего подобнаго не было надъ кроватью съ пурпуровымъ одѣяломъ; только нѣсколько фотографій съ картинъ старыхъ мастеровъ, прикрѣпленныя къ стѣнѣ желтыми кнопками, темнѣли благородными тонами, какъ-то несоотвѣтствуя банальности всей обстановки.

Дверь въ сосѣднюю комнату отворилась, и оттуда послышался плачущій голосъ:

— Да что тебѣ въ самомъ дѣлѣ нечего больше дѣлать?

Голосъ принадлежалъ высокой, худой женщинѣ съ маленькой головой и тонко очерченнымъ профилемъ.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

На этотъ разъ дѣвушка обернулась. Она, казалось, вовсе не слышала первой фразы.

— Что тебѣ, мама?—спросила она.

— Ты такъ ничего и не дѣлаешь?—повторилъ тотъ же плачущій голосъ.

— Но что же мнѣ дѣлать?

— Да развѣ ты не видишь, какъ я мучаюсь?

— Ахъ, мама!

И въ этомъ медленномъ, утомленномъ отвѣтѣ слышалось:

— Оставь меня въ покоѣ. Я, право, не знаю, что я должна дѣлать.

А ты вѣдь вѣчно находишь причину мучиться!

— А Мари знаетъ, что ей дѣлать?

— Лучше было бы, если бы вы заставляли дѣвушку побольше работать, а то вы ихъ всѣхъ только портите. Да вѣдь и не каждый день тутъ будутъ отрывать монаховъ.

— Этого еще не доставало! Просто не понимаю, какъ ты можешь на это смотрѣть? Я была бы рада объ этомъ ничего даже не знать.

— Оставь же меня!

— Фрау, докторъ! — крикнулъ за дверью грубый, громкій голосъ служанки. И Фрау Фрей такъ стремительно бросилась изъ комнаты, точно ее потребовалъ къ себѣ строгій начальникъ.

Изольда вздрогнула, потянулась и снова высунулась за окно. Дождя больше не было. Лужа на маленькомъ кладбищѣ почти исчезла. Блестящіе водяные пузыри, лопались на пескѣ, оставляя за собой черныя кольца изъ частицъ угля и дерева. Маленькій костяной островокъ, омытый волнами лужи, былъ теперь виденъ цѣликомъ; только на лбу его осталась черная, обрамленная легкой пѣной и отливающими перламутромъ пузырьками, полоска. Отъ взгляда молодой дѣвушки не ускользнула ни одна подробность. Она вынула бинокль и направила его прямо на черепъ.

Надвигались уже сумерки и по небу плавали черно-голубыя тучи, грозившія новымъ дождемъ. Вотъ онъ и начался! И можетъ быть только теперь по настоящему.

Снова поднялся вѣтеръ. На улицѣ появились раскрытые зонтики.

Все существо дѣвушки выражало безпокойство; какая-то нерѣшительность сквозила во всѣхъ ея движеніяхъ. Она принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ съ неожиданною рѣшимостью она открыла шкафъ, взяла шляпу, вуаль, осторожно выскользнула изъ комнаты и, захвативъ дождевой плащъ, направилась къ выходной двери; раскрывъ зонтикъ, она почти бѣгомъ пустилась къ мѣсту раскопокъ, и съ быстротой молніи схватила что-то, вся вздрогнувъ отъ охватившаго ее ужаса. Затѣмъ она боязливо оглянулась и перевела духъ только у дверей своего дома.

Какъ сильно билось ея сердце! Но она исполнила свое желаніе. Минутой позже—и ее застигли бы рабочіе.

Она уже слышала ихъ приближеніе; капуцинъ былъ съ ними. Они

болтали и смѣялись; монахъ, повидимому, разсказывалъ имъ что-то забавное. Всѣ были въ отличномъ расположеніи духа, во время дождя подкрѣпившись стаканчикомъ въ сосѣдней гостинницѣ. Узенькимъ проулкомъ къ маленькому кладбищу подъѣхали дроги.

Изольда прятала черепъ подъ плащомъ. Чувство брезгливости и ужаса, смѣшанное съ таинственнымъ, имѣвшимъ въ себѣ какую-то необычайную притягательность, чувствомъ вины, овладѣло ею.

Рабочіе подняли ящики и поставили ихъ на дроги.

— Ну, отправляйтесь, мокрые дьяволы,—сказалъ одинъ.

— И тяжелые же вы, господа!—прибавилъ другой.—Они таки напослѣдки порядочно нализались.

Изольда прижалась къ дверямъ и, когда дроги были уже далеко вошла въ домъ.—Ты всегда останешься со мной, — произнесла она, поднимаясь со своимъ страннымъ сокровищемъ по лѣстницѣ.

Придя наверхъ, она сбросила шляпу и плащъ и съ черепомъ въ рукахъ направилась въ кухню. Служанка громко взвизгнула, разсмотрѣвъ ея ношу. Несмотря, однако, на ея неумолкаемый крикъ, Изольда даже не обернулась и подставила черепъ подъ водопроводный кранъ.

— Это освѣжитъ его,—просто сказала она.

Фрау Фрей гладила со старшей дочерью въ сосѣдней комнатѣ. На крикъ служанки обѣ прибѣжали.

— Изольда!—закричала, въ свою очередь, мать внѣ себя.

Сестра Изольды только закрыла лицо фартукомъ и боялась даже поднять глаза.

— Нѣтъ, посмотрите, какъ онъ хорошъ, — хладнокровно продолжала Изольда. При этомъ она подняла черепъ высоко надъ головой.

— Убирайся ты отсюда съ этой мерзостью! Этакую пакость приноситъ въ кухню! Фу!

— Да вѣдь у насъ у всѣхъ подъ кожей прячется такая же мерзость, что-жъ такое?

Она нисколько не смутилась и снова подставила черепъ подъ кранъ.

— Ида, уйди ты, пожалуйста, мнѣ просто дурно!

Это было сказано мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, принадлежавшимъ существу, какъ бы окутанному бархатистымъ сіяніемъ и представлявшему со своими рыжевато-бѣлыми волосами цѣлую симфонію женственности. «Бархатка», называла Изольда сестру.

И при звукахъ этого голоса она безпрекословно ушла, взявъ съ собою черепъ.

— Этакую-то гадость!—бормотала кухарка, выливая въ раковину ведро съ помоями.—Да неужели-жъ это оставятъ въ домѣ! Этого только еще не хватало!

Изольда заперла дверь и принялась приколачивать въ концѣ своей кровати маленькую деревянную полочку. Она вколачивала гвозди каблукомъ башмака настолько крѣпко, насколько это было возможнымъ

съ помощью такого инструмента. Сначала она хотѣла воспользоваться для этой цѣли платяной щеткой, но замѣтивъ, что гвоздь оставляетъ на полированномъ деревѣ слѣды, стала искать чего-нибудь другого въ этомъ родѣ. Черепъ былъ водворенъ на полочку.

И какъ только онъ занялъ это мѣсто и, таинственно оскаливъ зубы, взглянулъ пустыми впадинами куда-то поверхъ красной постели, произошло нѣчто странное. Изольда упала на колѣни, со свойственною ея семнадцатилѣтнему возрасту экспансивностью, протянула къ нему руки и съ полными слезъ глазами прошептала:

— О ты лучшій изъ людей!

Ея нѣжное личико съ глубокими темными глазами отражало въ ту минуту неземное блаженство, святую любовь, на которую люди способны только въ семнадцать лѣтъ, когда не знаешь, куда дѣвать избытокъ жизненной силы. И это сладостное чувство она изливала на потемнѣвшій оскаленный черепъ, какъ изливаетъ его монахиня передъ святой реликвіей. Но въ то же время передъ ней рисовался не черепъ, а образъ элегантнаго, одѣтаго въ бѣлую фланель, молодого человѣка съ бородкой à la Henri IV и высокимъ лбомъ, въ который острымъ угломъ вдаются коротко остриженные волосы. Ея влюбленный взоръ издали уловилъ сходство въ формѣ этого черепа и его головы.

Какъ волновала ее эта тайна! А черепъ являлся какъ-бы нейтральнымъ существомъ. Она нисколько не унижала себя, изливаясь передъ нимъ. Вѣдь онъ принадлежалъ иному міру, той сферѣ, гдѣ все сливается воедино. Какое-то спокойствіе наполнило ея душу; она дала волю своему чувству. Чья-то сильная рука дернула за ручку замкнутой двери.

— Deessa!—послышался сердитый голосъ.—Да чортъ возьми!

Ее точно пробудили отъ глубокаго сна:

— Папа!

— Да что вы всѣ, чортъ васъ возьми! Вы знаете, что черезъ часъ.. Дверь была уже открыта и на порогѣ показался высокій блондинъ съ краснымъ лицомъ и густой шапкой вьющихся, прикрывавшихъ небольшую лысину, волосъ.

— Вотъ ужъ бабы! Бѣгаютъ по всему дому, какъ насѣдки! А ты что тутъ дѣлаешь, deessa? Уложенъ чемоданъ? Вотъ я васъ расшевелю! Все должно быть готово, а мать еще только гладитъ крахмальныя рубашки. Да чортъ возьми, не нужно мнѣ крахмальныхъ рубашекъ. Я возьму съ собой однѣ мягкія.

Вся сентенція была произнесена очень громко. Въ комнату точно ворвался горный потокъ. Высокій господинъ былъ самъ докторъ Генрихъ Эвальдъ Фрей, писатель, свѣтскій человѣкъ, членъ многихъ обществъ, ораторъ, кандидатъ въ члены рейхстага и прочее, и прочее.

*

— Ну хорошо, будемъ укладываться,—совершенно спокойно отвѣчала дѣвушка.

— Хорошо! Скажите пожалуйста: хорошо! Давно все должно было быть готово. Не принимай такого величественнаго вида, deessa!

При этомъ онъ ущипнулъ ее за щеку.

— А гдѣ жé твой чемоданъ, папа?

— Да развѣ онъ у меня?

Вошла сама фрау докторъ, неся въ рукахъ чемоданъ. На лбу у нея блестѣли капли пота.

— Если бы ты меня предупредилъ, Генрихъ! Вчера вечеромъ вѣдь уже было рѣшено, что изъ этого ничего не выйдетъ. Погода такая плохая!

— Погода плохая! Это называется плохая погода, когда барометръ поднялся, какъ никогда. Смотри раньше, чѣмъ думать. Сапоги.

— Да вѣдь я думала, что идетъ дождь,—раздраженно сказала жена.

— Да, ужъ когда ты начинаешь думать!..—крикнулъ онъ—Подай сюда сапоги и обѣ чесунчовыя рубашки.

— А ты на этотъ разъ что-то очень заботишься о своей наружности вставила Изольда.

— Соберется нѣсколько берлинскихъ писателей... Ключъ! Господи, да что же это такое! Гдѣ же Мари?

— Ты вѣдь разъ навсегда повѣсилъ ключъ на часовую цѣпочку,—сказала Изольда.

— Ужъ ты съ своимъ длиннымъ носомъ!—Отецъ подмигнулъ ей.—Гдѣ же Мари?

— Мари гладитъ крахмальное,—отвѣтила фрау Фрей.

— Когда отецъ уѣзжаетъ, ея мѣсто быть здѣсь; было бы не лишнее вамъ знать. Если мы не будемъ заботиться о поддержаніи семейныхъ принциповъ, кто же объ этомъ позаботится? Одинъ здѣсь, другой тамъ; отецъ уѣзжаетъ, а до этого никому и дѣла нѣтъ. Нѣтъ ужъ, право, это черезчуръ по столичному!

— Мой дорожный мѣшокъ! Мари!—закричалъ онъ снова.

Но фрау докторъ уже раньше поспѣшила пойти за Мари. Теперь обѣ входили въ комнату.

— Мари, твой отецъ уѣзжаетъ,—произнесъ онъ многозначительно.

— Да, папа. И надолго?

— Дня на три, можетъ быть, на недѣлю. Если мы отправимся въ горы, то не меньше недѣли.

— Счастливецъ!—вздохнула Мари.

— Дѣйствительно счастливецъ! Да если я не буду показываться, то мнѣ скоро на носъ сядутъ. Это что же такое?—прервалъ онъ себя, остолбенѣвъ отъ изумленія. Взглядъ его упалъ на черепъ.

Въ ту же минуту его замѣтили фрау докторъ и Мари.

— Господи Іисусе Христе! И надъ постелью,—воскликнула мать.

— Что это значитъ, deessa, этотъ капуцинъ?

Дѣвушка покраснѣла до корней волосъ.

— Женщина прежде всего должна заботиться о томъ, чтобы сохранять жизнерадостность,—ораторствовалъ докторъ Фрей.—Необходимо, чтобы женщина была жизнерадостна.—При этомъ онъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на жену.—Но женщина должна быть также религіозна. А съ черепомъ непремѣнно связывается представленіе о религіи. И если ты притащила черепъ не изъ пустого каприза и пессимизма, то пусть онъ остается здѣсь.

Мари поблѣднѣла.

— Ида,—сказала она тихонько сестрѣ,—вѣдь ты его уберешь?

— Папочка! — начала вкрадчиво фрау Фрей. — Прежде чѣмъ ты уйдешь... Карлъ вѣдь не продержится въ школѣ. Была я сегодня у директора. Онъ и этотъ годъ не перейдетъ.

— Придется, значитъ, опять подыскать ему репетитора. Такъ было и съ Эмилемъ. Пробери его хорошенько! Что пользы, что ты до поздней ночи кудахчешь надъ нимъ? Для этого надо имѣть нѣчто получше куриныхъ мозговъ.

Легкая краска покрыла истомленное, тонко очерченное лицо жены.

— Вотъ потому-то и надо позаботиться, чтобы найти ему кого-нибудь!

— Я какъ-нибудь переговорю съ директоромъ въ клубѣ. Женщинамъ въ это дѣло вмѣшиваться нечего! Съ твоимъ запасомъ учености—не смѣши пожалуйста! Оставь мальчишку въ покоѣ!

— Да, а вотъ если бы ты меня послушалъ,—продолжала жена,—Изольда была бы теперь способнымъ къ труду человѣкомъ, могла бы сама зарабатывать хлѣбъ;—голосъ ея сдѣлался плаксивымъ.—Имѣла бы ужъ скоро дипломъ учительницы!

— Deessa учительница!—разсмѣялся докторъ Фрей.—Не смѣши, пожалуйста. Замужъ надо ей выходить, стать женщиной. Этого еще не хватало! Для того онѣ что ли явились на свѣтъ? Учительница или еще Богъ знаетъ что... Женщина есть прежде всего женщина. И если она не настолько женщина, чтобы быть только женщиной, то ее слѣдуетъ убить!

— Но что же мнѣ дѣлать съ Карломъ?—снова спросила жена.

— Да развѣ ты не видишь, что выбрала самое неподходящее время для разговоровъ? Чортъ возьми, самая пора ѣхать на вокзалъ!

Онъ схватилъ дорожный мѣшокъ и чемоданъ и, продолжая шумѣть и кричать, направился къ двери.

Наступила глубокая тишина, какъ послѣ утихнувшей бури.

— Помнишь, какъ мы три года назадъ были въ Крамсахѣ?

Мари тоскливо смотрѣла вслѣдъ отцу.

— Всѣ наши знакомые на дачахъ.

— Да,—вздохнула мать.—Мы этого не можемъ себѣ позволить. Мальчики дорого стоятъ.

— Если бы хоть какая-нибудь земля была передъ глазами!

Это было снова сказано тѣмъ же кроткимъ, мягкимъ голосомъ.

— Пойдемъ мы сегодня, по крайней мѣрѣ, въ паркъ?

— Если бы только не надо было ждать Карла. И гдѣ онъ пропадаетъ? Вѣдь у него еще масса работы!

Карлъ вернулся домой только поздно вечеромъ. Онѣ долго ждали его съ ужиномъ. Оказалось, онъ былъ у Эмиля, жившаго отдѣльно, а у Эмиля какъ разъ собрались товарищи. Мать вздохнула, отвѣчая своимъ собственнымъ мыслямъ.

— Ты не долженъ былъ ходить къ Эмилю, пока не приготовилъ уроковъ. Богъ знаетъ, что они вбиваютъ тебѣ въ голову, Карлъ. Студенты для тебя не компанія.

— Да замолчи ты, пожалуйста, мама!—сказалъ мальчикъ.

Онъ говорилъ небрежно, соннымъ голосомъ. Необыкновенно толстыя щеки придавали очертанію его рта чисто младенческое выраженіе, хотя на губѣ его появился уже легкій пушокъ.

— Mulier taceat in ecclesia,—сказалъ онъ и запихалъ въ ротъ огромный кусокъ хлѣба съ колбасой.

— Что онъ сказалъ?—переспросила Изольда.

— Женщина, молчи и такъ далѣе,—кичливо перевелъ любезный братъ.

— Это ты матери сказалъ?—поблѣднѣвъ, спросилъ Изольда. Въ ту же минуту она ударила его по щекѣ съ такою силой, что изъ желтоватой она сдѣлалась совсѣмъ пунцовой.

— Какъ это ты, мама, позволяешь мальчишкѣ говорить тебѣ такія вещи?

Карлъ, въ свою очередь, поблѣднѣлъ отъ злости, кинулся на Изольду, но та умѣла постоять за себя.

— Оставь ты его,—просила мать,—не ожесточай его. Ты вѣдь знаешь, онъ сегодня долженъ еще работать.

— Позволю я какому-то мальчишкѣ поднимать на меня руку. Теперь не достаетъ только Эмиля, этого великаго ученаго, который отъ большого ума скоро опять провалится на экзаменѣ.

— Тс-тс!—старалась унять ее мать.—Успокойся, помни, что ты дѣвушка.

— Чего тутъ помнить? Это просто смѣшно!—Послѣднія слова она произнесла совсѣмъ какъ отецъ.

Вечеромъ, когда, ложась спать, онѣ заперлись у себя въ комнатѣ, а мать все еще сидѣла около Карла, не давая ему заснуть, между сестрами произошла оригинальная сцена.

— Ида, милая,—сказала Мари,—если ты меня любишь, унеси его

отсюда. Я, право, не засну. Мнѣ кажется, онъ живой, и какъ только мы закроемъ глаза, онъ начнетъ летать по комнатамъ, ударяясь о стѣны.

Она прижалась головой къ щекѣ Изольды и тутъ только замѣтила, что сестра плачетъ.

— Что съ тобой?

— Бархатка, милая,—просила Изольда,—оставь его у меня! Онъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ, ничего, а мнѣ это доставляетъ такую радость.

— Какъ это можетъ доставлять тебѣ радость?—не понимала Мари. Изольда продолжала рыдать и всхлипывать.

— Я хотѣла бы знать, что можетъ дать эта жизнь! Такая тоска! Какъ мы живемъ? Знаешь, что я думаю? Мама просто глупа.

Изольда зарыдала.

— Ида! мама—ангелъ! Грѣшно такъ говорить!

— Да, да, ангелъ. Но кто же сказалъ тебѣ, что ангелы не бываютъ глупы? Знаешь, это странно, но иногда мнѣ хочется плюнуть въ лицо всѣмъ людямъ. Они всѣ ползаютъ, всѣ, хотя мы этого и не замѣчаемъ. Никто не говоритъ, никто не дѣлаетъ того, что ему хочется! Мы только воображаемъ, что люди ходятъ на двухъ ногахъ. Они всѣ—четвероногіе, всѣ ползаютъ. Мама—та прямо лежитъ на землѣ—вообще всѣ женщины, и ты, да, и ты! А мужчины! О, Боже! Какіе они въ сущности филистеры, лицемѣры, по крайней мѣрѣ по отношенію къ намъ. Когда я объ этомъ думаю, я готова плюнуть на каждый, проходящій мимо, блестящій цилиндръ, прямо въ середину, на это маленькое глупое донышко наверху. Какъ меня все это раздражаетъ! А все окружающее насъ безобразіе! И это называютъ жизнью! Посмотри кругомъ себя! Выбросить бы все это! Причесываешься какой-то отвратительной вонючей каучуковой гребенкой. Онѣ всѣ такъ дурно пахнутъ, отъ нихъ по волосамъ пробѣгаютъ электрическія искры! Фу! Золото, слоновая кость—вотъ что нужно. А у насъ все самое скверное, самое скудное. Композиція, поддѣльныя кружева! Такъ ужасно! Ужасно!

Она зарыдала.

— А между тѣмъ все, до чего не дотронешься, должно бы доставлять радость и счастье! Я хотѣла бы имѣть рубашки, обшитыя настоящими кружевами; настоящія кружева—чистое золото! Слоновая кость, перламутръ—вотъ вещи, которыя можно брать въ руки! А то живешь, какъ свинья!

И она рыдала и рыдала.

— Люди должны бы ходить нагими и не видѣть въ этомъ никакого стыда. Прекрасные нагіе люди! Золото, слоновая кость и перламутръ—вотъ это былъ бы міръ, въ которомъ стоило бы жить, прислушиваясь къ движеніямъ своей души. И вдобавокъ ко всему—любить.

Цѣлый міръ ощущеній и возможно меньше вещей; но все прекрасное, преисполненное благородства. Никакихъ японскихъ коробокъ для пудры! Но мы живемъ въ грязи! Наряженные въ отвратительныя лохмотья, люди ползаютъ, точно черви, точно мучные черви въ отрубяхъ. И отъ всѣхъ пахнетъ плѣсенью, всѣ насквозь пропитаны плѣсенью! А если нельзя имѣть всего прекраснаго, тогда ничего не нужно—ничего! Пятерней расчесывать волосы, соломенный тюфякъ, шерстяное одѣяло, грубая рубашка, опоясаться веревкой—въ этомъ опять новый міръ! Но только не такъ, какъ у насъ! О, эти жалкія вещи! Вонъ рабочій столикъ, эта мерзость вмѣсто рабочаго столика! Или эта постель! Фу! Фу! Фу!

Она была внѣ себя.

Мари стоило большого труда успокоить младшую сестру. Она сѣла къ ней на постель и, прижимая къ себѣ Изольду, забыла о томъ, что на нихъ обѣихъ, оскаливъ зубы, смотритъ черепъ. Изольда уснула у нея на рукахъ, даже не надѣвъ ночной кофточки, съ обнаженной шеей и руками.

Тогда Мари, съ бьющимся сердцемъ и содрогаясь всѣмъ тѣломъ, осторожно проскользнула къ своей бѣлоснѣжной кроваткѣ. Она чувствовала, какъ насмѣшливо смотрѣлъ ей вслѣдъ черепъ, и не рѣшалась оглянуться. Она долго не могла заснуть, а когда, наконецъ, заснула, ей пригрезились страшные сны. Черепъ ожилъ и не переставалъ смотрѣть на нее; взглядъ этотъ, былъ такой ужасающе пронзительный. Нѣсколько разъ она просыпалась, и въ страхѣ, въ ужасѣ, не смѣя дышать, прижимая руки къ груди, лежала неподвижно, какъ статуя, не обороняясь даже отъ надвигавшихся на нее видѣній.

Для нея вмѣстѣ съ черепомъ въ ихъ домъ вселился какой-то невѣдомый, страшный духъ.

II.

Отца не было дома уже цѣлую недѣлю. За это время и оставшіеся успѣли по своему насладиться лѣтнимъ отдыхомъ, совершенно измѣнивъ образъ жизни. Съ отъѣздомъ главы семейства все вошло въ новую колею. Такъ называемая гостиная и кабинетъ подверглись капитальной чисткѣ и были сейчасъ же заперты; теперь въ нихъ было такъ тихо и торжественно, точно въ храмахъ. Жизнь сосредоточилась въ спальняхъ. Важнѣйшія составныя части обѣда и ужина были измѣнены; подавались блюда исключительно дешевыя, и не требующія особенныхъ хлопотъ—картофель, селедка, рисовая каша. Только Карлъ получалъ котлету, да и ту брали готовой въ сосѣдней гостинницѣ, гдѣ обѣдали рабочіе и студенты.

Вечеромъ довольствовались редиской и бутербродами, а для Карла покупалась колбаса.

Мать ходила весь день въ ночной кофтѣ. Большую часть времени она, вмѣстѣ съ Изольдой и Мари, проводила надъ гигантской корзиной съ рваньмъ бѣльемъ. Два дня у нихъ даже работала швея и тогда изъ гостинницы приносились двѣ котлеты. Фрау Фрей разсчитывала за эту недѣлю сдѣлать большую экономію, чтобы пріобрѣсти изъ хозяйственныхъ сбереженій свѣтлыя лѣтнія платья для дѣвочекъ. Это ей удалось: была куплена хорошенькая кисея по сорокъ пфенниговъ аршинъ.

Съ какою гордостью принесла она домой свою добычу! У нея былъ при этомъ такой взволнованный видъ, какой можетъ быть у охотника, съ опасностью для собственной жизни убившаго серну. Относительно фасона платьевъ у Изольды возникла блестящая идея. Они должны быть сшиты совсѣмъ иначе, чѣмъ у другихъ, нѣчто особенное.

— Оставь ты меня со своими блестящими идеями,—говорила обыкновенно въ такихъ случаяхъ мать.

Но на этотъ разъ Изольда настояла на своемъ. Имъ сдѣлали длинныя, падающія прямыми складками и только въ таліи подхваченныя шелковыми кушаками, платья съ прозрачными и легкими, какъ чашечки цвѣтка, рукавами. Кромѣ того, мать, взамѣнъ лѣтняго пальто для себя, купила имъ изящные свѣтло-желтые полубашмаки. Ея старое пальто было право же еще вполнѣ прилично.

Платья были цѣлымъ событіемъ въ жизни обѣихъ дѣвушекъ и, притомъ, событіемъ многообѣщающимъ. Легкія бѣлыя облачка кисеи съ розовыми полосками несли за собой, казалось, какъ волшебныя облака въ сказкѣ, все счастье міра. Какъ святыню, ихъ заперли въ шкафъ и съ этого момента сестры начали ждать чего-то, что непремѣнно должно было произойти. Не могли же такія платья даромъ провисѣть въ шкафу.

Разговоръ о черепѣ поднимался за это время не разъ; но все-таки черепъ продолжалъ оставаться на своей полочкѣ. Этимъ Изольда была, собственно говоря, обязана исключительно Мари, которая уступила, какъ это ни было для нея тяжело. Но, благодаря страшному гостю, ея уютная комнатка и бѣлая постелька сдѣлались ей какъ-то чужды и непріятны; по ночамъ ее мучили тяжелые сны. Въ ея мягкой душѣ глубоко запечатлѣлись мрачныя представленія, которыя, при взглядѣ на черепъ, рисовало ея воображеніе. Никогда раньше она не думала о смерти; теперь, какъ только она оставалась въ темнотѣ, ее охватывали ужасныя предчувствія. Впервые она ясно сознала, что всѣ люди должны умереть, что долженъ наступить конецъ этой жизни—что и мама умретъ! Глядя на черепъ, она не могла заставить свою фантазію работать на тему о вѣчной жизни, хотя въ школѣ ихъ и учили, что есть какая-то вѣчная жизнь. Нѣтъ! Черепъ говорилъ ей только о томъ, что должно было сдѣлаться достояніемъ земли, о томъ, что должно обратиться въ землю. Бѣдная, бѣдная мама!

По ночамъ она часто плакала. И если бы она знала, почему Изольда хранитъ этотъ черепъ, ея кроткая душа содрогнулась бы и она не принесла бы этой жертвы. Да, если бы она только знала, что черепъ напоминаетъ собой Генри Менгерсена, о которомъ ей говорила Изольда, тогда — ни за что! Но Мари и не подозрѣвала о тайнѣ сестры.

Было уже, вѣроятно, около двухъ часовъ ночи. Всѣ спали; въ открытыя окна врывался чуть теплый лѣтній вѣтерокъ. Вдругъ раздался продолжительный и рѣзкій звонокъ. Звонили очевидно съ парадной.

— Опять студенты,—соннымъ голосомъ сказала Мари.

— Отецъ! — Изольда сидѣла уже на кровати совершенно пробужденная.

По корридору послышались шаркающіе шаги; надъ дверью показался свѣтъ.

— Ахъ, такъ это отецъ,—повторила Мари:—Мама пошла отворять двери.

Мать ни за что не хотѣла позволить дѣвочкамъ отворять отцу, когда онъ поздно возвращался домой. Онѣ должны были спокойно оставаться въ постеляхъ и спать. На этотъ разъ онѣ также не встали.

Не успѣла еще мать спуститься съ лѣстницы, какъ снова раздался такой звонокъ, точно дѣло шло о жизни и смерти, отъ которой кто-то искалъ спасенія.

— Папа ночью всегда такъ звонитъ,—сказала Изольда.

— Чортъ возьми! Да что вы тутъ всѣ оглохли, что ли?

Это было привѣтствіе, которымъ докторъ Фрей встрѣтилъ открывшую ему двери, жену.

— Ахъ, это ты, — сказала она. — Почему же ты ничего не написалъ?

— Не смѣши, пожалуйста! Что ты отъ меня любовныхъ писемъ ждала, что ли?

Не обращая вниманія на его отвѣтъ, она добавила:—Тогда тебѣ не пришлось бы ждать кофе.

— Ну, ну поворачивайся.

Она взяла у него изъ рукъ чемоданъ и пошла вслѣдъ за нимъ

— Иди прямо въ свою комнату, Генрихъ!

Она зажгла кухонную лампу.

— Ключа, разумѣется, нѣтъ,—крикнулъ докторъ Фрей и изо всей силы толкнулъ дверь.

— Тс! Ты всѣхъ разбудишь; ключъ тамъ,—прошептала она, повернулась и показала на стоявшій у двери шкафъ.—Тамъ.

Докторъ Фрей взялъ лампу, но при этомъ взялъ ее какъ-то криво. Жена смѣрила его долгимъ взглядомъ, въ которомъ сквозило

такое пониманіе, съ какимъ механикъ смотритъ на клапанъ паровой машины. Она взяла изъ рукъ мужа лампу, ключъ и отперла дверь.

— Сейчасъ будетъ кофе.

— Что дѣвчонки спятъ?—спросилъ онъ ей вслѣдъ.

Она его не слышала. Но не успѣла она еще зажечь спиртовую лампочку, какъ онъ уже входилъ въ кухню. Она очень удивилась. Это не входило въ его обыкновеніе.

— Ну?

Онъ взглянулъ на нее и подмигнулъ ей.

— Интересное неглиже дѣлаетъ иногда и не такія чудеса!—продекламировалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ.

— Тс!—снова попробовала она его унять.

На ней была надѣта ночная кофта, сѣрая фланелевая юбка и туфли на босу ногу.

— Прелестна!—сказалъ онъ и снова подмигнулъ ей.

— Что же вы все время были вмѣстѣ? Она всыпала кофе въ мѣшокъ.

— Да, есть разница и очень значительная разница!

— То-есть?—переспросила она.

— Разница!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Генрихъ? — произнесла она съ легкимъ упрекомъ.

— Спятъ дѣвчонки?

— Разумѣется.

— Что-жъ ты раньше не говорила. Знаешь, гдѣ мы были?

— Нѣтъ.

— Святая простота, — вздохнулъ онъ.—Да—нѣтъ—нѣтъ—да!—Точно машина. Такой человѣкъ, какъ я, приходитъ домой, человѣкъ, котораго чествовали цѣлую недѣлю, котораго на рукахъ носятъ, къ словамъ котораго прислушиваются; пророкъ, который — который—а здѣсь!..—Онъ былъ въ экстазѣ и самъ вѣрилъ въ собственное величіе. —Представь себѣ полный свѣта и блеска великолѣпный храмъ, музыка, прекрасныя женщины—и онъ центръ всего. Все полно жизнерадостности, онъ на вершинѣ жизни, вдругъ подъ его ногами земля разверзается и онъ тихонько, не причиняя себѣ боли, падаетъ въ черную яму. Докторъ Фрей снова вздохнулъ.—Это называется возвращеніемъ домой!

Жена опять смѣрила его опытнымъ взглядомъ. Она уже привыкла мало обращать вниманія на то, что говоритъ мужъ, возвращаясь послѣ двухъ часовъ ночи.

Она переливала кофе. Кухня наполнилась аппетитнымъ щекочущимъ ароматомъ.

— Ну иди, пей, — сказала она и прошла впередъ, поставивъ на подносъ кофейникъ, чашку и сахарницу.

Весь тонъ ея обращенія говорилъ о томъ, что она давно уже привыкла къ этому. Но сегодня мужъ былъ какъ то особенно раздражителенъ.

Онъ захлопнулъ дверь передъ самымъ ея носомъ съ такою силою, что весь домъ задрожалъ. Она не обратила на это никакого вниманія, снова открыла ее какъ ни въ чемъ не бывало, вошла вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ и налила ему кофе.

— Пей же,—сказала она.

— Знаешь, что, перемѣни-ка систему!—крикнулъ онъ.—Мнѣ эта ужъ надоѣла!

Но послѣ двухъ часовъ ночи она, къ его великому негодованію оставалась совершенно равнодушной ко всему. И онъ не могъ себѣ представить ничего хуже этого, такъ какъ въ такія минуты онъ чувствовалъ надъ собой ея превосходство. А ужъ чего, кажется, ни наговорилъ онъ ей за эти послѣдніе годы и все-таки онъ не могъ сбросить съ себя цѣпи. Она была для него какой-то смирительной рубашкой, которую онъ презиралъ, но движенія его были тѣмъ не менѣе связаны. Для нея же все было уже до такой степени потеряно, что она и не думала защищаться. Въ ней было убито все святое. И въ этомъ заключалась ея сила, ея могущество. Одного она требовала. Дочери не должны были показываться въ это время отцу. Но сегодня онъ былъ точно влюбленъ въ нихъ.

— Чортъ возьми,—заоралъ онъ вдругъ,—кто имѣетъ право не показывать отцу дѣтей, когда онъ не видѣлъ ихъ недѣлю?

Онъ вышелъ въ корридоръ и крикнулъ:

— Мари! Изольда!

Онъ стоялъ выпрямившись; грудь его колыхалась, а глаза мужественно смотрѣли на жену. Минуту онъ придерживался за дверной косякъ. Сегодня въ немъ было что-то большее, чѣмъ простая усталость, какая-то могучая веселость. Онъ не могъ просто лечь спать, вернувшись послѣ тріумфа.

Вошли Мари и Изольда; на обѣихъ были такія же ночныя кофточки и фланелевыя юбки, какъ на матери.

— Мѣщанки!—произнесъ докторъ Фрей.—Вотъ такъ воспитаніе! Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. *Deessa*! И вамъ не стыдно, дѣвочки.

Дочери смотрѣли на отца растерянно и смущенно. Несмотря на свой мѣщанскій утренній туалетъ, онѣ все же были прелестны своею молодостью, розовыми личиками, обрамленными прядями вьющихся—у одной темныхъ, у другой золотистыхъ волосъ, прелестны своими гибкими еще охваченными сномъ членами. Вмѣстѣ съ ними въ комнату точно ворвался сладкій ароматъ юности, какъ будто онѣ явились изъ дивнаго сада, гдѣ цвѣтутъ липы, резеда, левкои и лиліи, и принесли съ собой ихъ нѣжный запахъ.

Видъ хорошенькихъ дочекъ подѣйствовалъ на отца успокоительно.

— Дѣвочки!—воскликнулъ онъ, отойдя немного къ окну и слегка опершись о подоконникъ.—Дѣвочки! А я для васъ кое-что привезъ. Радуйтесь!

Дѣвочки еще никогда не видѣли свою мать такой, какъ теперь—такой старой, утомленной, безразличной. Только что отъ нея отняли послѣднюю привилегію. Раньше онъ никогда не осмѣливался дѣйствительно позвать дочерей. Въ какихъ случаяхъ съ ея стороны довольно было одного: «Тс!».

Она хотѣла навсегда оградить ихъ отъ ночныхъ впечатлѣній.

А теперь это случилось.

То-есть что собственно случилось?

Онъ простодушно разсказываетъ имъ о какой-то красивой дамѣ, живущей на берегу Штернбергскаго озера, у которой онъ провелъ три дня. Одинъ берлинскій литераторъ представилъ его ей.

— И она пригласила васъ. А? Что вы на это скажете? Послѣзавтра мы туда ѣдемъ.

— Кто же она такая?—тихо спросила Мари.

— А! все тѣ же осторожныя, филистерскія души!

Докторъ Фрей громко разсмѣялся.

— Она—жена посланника. Этого вамъ довольно? Богата! Это такая женщина, я вамъ скажу!

Докторъ Фрей приложилъ къ губамъ кончики пальцевъ и послалъ воздушный поцѣлуй къ потолку.

— Да! это называется женщина!

Онъ былъ въ восторгѣ.

— Божество! Господи, чему мы обыкновенно даемъ названіе женщины —это прямо смѣшно! Какимъ добродушнымъ стадомъ гусей должны быть наши женщины, если я до сихъ поръ не встрѣчалъ ничего подобнаго! Такъ и закопаютъ тебя въ могилу, не показавъ даже того, что Господь Богъ для тебя создалъ, женщину въ ея совершенномъ расцвѣтѣ, совершенную женщину! Благодаря вашему мѣщанству мужчина утрачиваетъ свою лучшую долю, ту, которая принадлежитъ ему по праву. Эти женщины не умѣютъ даже быть настоящими женщинами. Да что же вы изъ себя собственно представляете, спрашиваю я васъ?

Онъ, качаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ женѣ.

— Ни на что вы не способны! Вы только и можете, что рожать дѣтей, ворчать, брюзжать цѣлыми днями, выманивать у мужей платья да шляпки, смотрѣть мужьямъ въ руки. Ну да, транжирки! Когда я подумаю обо всемъ этомъ, я готовъ плакать кровавыми слезами.

Онъ провелъ рукой по глазамъ и въ самомъ дѣлѣ смахнулъ съ нихъ что-то въ родѣ слезы.

Фрау Фрей спокойно слушала своего мужа.

— Итакъ, вы получили приглашеніе, дѣвочки! Вы попадете въ

царство сказочной феи, только ужъ будьте внимательны и постарайтесь тамъ чему-нибудь научиться. Послѣзавтра я отвезу васъ туда. И баста! Встрѣтилъ я тамъ еще этого фатишку Менгерсена. Ужъ, разумѣется, пристроился,—знаетъ, гдѣ раки зимуютъ! Пишетъ съ нея. Но изъ этого все-равно ничего не выйдетъ.

Изольда какъ-то съежилась и поблѣднѣла. Это было чудо, перстъ Божій. Сначала этотъ черепъ, а теперь...

Мари робко спросила:

— А мама не поѣдетъ съ нами?

— Это не для мамы. Правда, старуха?

И даже не подождавъ ея отвѣта, онъ продолжалъ проповѣдывать. Въ комнату врывались холодные и блѣдные лучи разсвѣта, освѣщая истомленное безсонною ночью лицо старѣющей женщины, красное, возбужденное лицо мужа и два молодыхъ, нѣжныхъ личика, не понимавшихъ еще хорошенько значенія всего происходящаго. Мать казалась имъ въ эту минуту такой же чуждой, какъ и отецъ. Этотъ ночной разговоръ вселялъ въ нихъ какой-то смутный страхъ. И прежде, сквозь сонъ, онѣ слышали нѣчто подобное. Хлопанье дверей, громкій голосъ отца; но это ихъ какъ-то не касалось. Передъ Изольдой при видѣ матери вставали какія-то мрачныя, неясныя картины; ей казалось, что она выслѣживаетъ какого-то ночного звѣря, который видитъ по ночамъ, когда все спитъ, живетъ своей настоящей, таинственной жизнью, по ночамъ борется и страдаетъ. Она чувствовала странный, необъяснимый ужасъ передъ отцомъ и передъ матерью. Какія это были въ сущности совершенно чужіе люди!

Передъ ней была уже не та хлопотливая мамочка, которая съ утра до ночи занимается хозяйствомъ, распекаетъ прислугу, кипитъ, экономитъ, ворчитъ и работаетъ. Казалось, она утратила въ эту ночь все, что было въ ней материнскаго. Осталась только женщина, которая, собственно говоря, уже перестала быть женщиной, что-то измученное, отталкивающее, что можно только терпѣть около себя, но безъ чего мужъ не можетъ обойтись. Смутныя предчувствія, волновавшія Изольду, страшили ее, не выливаясь въ форму опредѣленныхъ идей. Здѣсь крылось что-то страшное. Ей хотѣлось бы кинуться на грудь матери и плакать, но то таинственное ночное животное, которое она чувствовала въ ней, пугало ее.

Ароматъ крѣпкаго кофе распространился по всей комнатѣ.

Какой прекрасный кофе приготовляетъ мама ночью! И эта мысль почему-то также показалась Изольдѣ страшной; по щекамъ ея потекли слезы.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ отецъ, невѣрнымъ шагомъ отходя отъ подоконника.—Съ твоей помощью изъ дѣвчонокъ готовы уже куклы. Хорошъ домашній очагъ! Я приношу вамъ лучшее, что могу. Жизнерадостность! Веселье! Общество прелестной знатной женщины—

приглашеніе къ ней въ домъ! Да вы еще ничего подобнаго не видали! И въ отвѣтъ—слезы, мѣщанство! Просто смѣшно! А есть у васъ что надѣть, дѣвочки?—весело добавилъ онъ.

Его умъ снова началъ работать въ другомъ направленіи. Долго онъ никогда не сердился. Онъ какъ-то умѣлъ излить на своихъ цѣлый потокъ оскорбленій, сомнительныхъ откровенностей, а затѣмъ какъ ни въ чемъ не бывало! И какъ только у него проходила охота оскорблять, у другихъ должна была проходить охота чувствовать себя оскорбленными.

— Ну такъ какъ же?—переспросилъ онъ жену.—Платья есть?

— Я думаю.

— Разумѣется! Платья! На это всегда есть деньги. А передо мной плачутся. Денегъ ни на что, рѣшительно ни на что не хватаетъ; ничего нѣтъ, но платья...

Онъ всталъ и, слегка пошатываясь, направился въ спальню. Жена прошла впередъ и открыла ему дверь.

Дѣвушки пошли въ свою комнату. Но едва Мари успѣла переступить порогъ, какъ громко вскрикнула. Первый лучъ утренняго солнца дрожалъ на лбу черепа и ярко освѣщалъ его. И этимъ свѣтомъ наполнялась вся комната.

— Ида, черепъ живетъ!

— Да, живетъ!—воскликнула Изольда, покрывая сестру горячими, страстными поцѣлуями.

Мари была такъ взволнована, такъ утомлена, что расплакалась.

—Не знаю, Ида,—всхлипывала она, что у насъ дѣлается.

И она плакала надрывающими душу слезами.

— Прикрой черепъ хоть платкомъ!

III.

Дѣвушки сидятъ визави отца въ ландо м-съ Вендландъ; кучеръ и лакей — оба въ великолѣпныхъ ливреяхъ. Легкій экипажъ катится вдоль Штернбергскаго озера.

— Ну смотрите, дѣвчонки, не осрамите меня. Не принимайте такого вида, точно у васъ масло упало съ хлѣба.

Самъ писатель въ свѣтло-сѣромъ лѣтнемъ костюмѣ, короткихъ сѣрыхъ панталонахъ, черныхъ чулкахъ и полубашмакахъ. Онъ выглядитъ самымъ элегантнымъ туристомъ: Его могучая фигура отлично гармонируетъ съ этимъ костюмомъ. Дочерямъ еще не приходилось никуда ѣздить съ отцомъ, а потому онѣ хорошенько не освоились со своимъ положеніемъ. Докторъ Фрей не любилъ мѣщанства семейной жизни и, будучи женатъ, остался холостякомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какъ писателю, ему необходимы были впечатлѣнія, которыхъ онъ дома получить не могъ. Такимъ образомъ поневолѣ вы-

ходило, что онъ жилъ своей отдѣльной жизнью и притомъ такою, которая была цѣлой ступенью выше ихъ жизни.

Дѣвушки молчали. Имъ, вырвавшимся изъ душнаго города, было какъ-то больно и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно при видѣ этой прекрасной лѣтней природы; мягкій, доносящійся съ озера вѣтерокъ, густыя массы темно-зеленой листвы, которая точно тѣснитъ самый воздухъ, запахъ цвѣтущихъ травъ — все это какъ-то давило ихъ! Вѣдь слѣдовало бы имѣть право пользоваться этимъ постоянно! Они свернули на прекрасно устроенную, усыпанную гравіемъ дорогу, ведущую черезъ густой буковый лѣсъ, и скоро очутились передъ открытыми желѣзными воротами. Коляска въѣхала во дворъ, они обогнули прекрасный газонъ, на бархатистой зелени котораго выдѣлялись кусты розъ центифолій. Видъ тысячи блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ и сладкій ароматъ ихъ вызывали слезы на глаза городскихъ жителей. Здѣсь было что-то особенное, чисто деревенское; безыскусственно и вмѣстѣ искусно разбросанные по полянѣ, усыпанные цвѣтами кусты производили райски-нѣжное впечатлѣніе. А гдѣ-то въ углу, среди зелени плескался фонтанъ, — не большой парадный фонтанъ въ центрѣ площадки, нѣтъ, вода журчала гдѣ-то въ сторонѣ, какъ замечтавшійся скрипачъ, играющій въ заброшенномъ уголкѣ серенаду и самъ заслушавшійся ея звуковъ. У Мари и Изольды забилось сердце. На нихъ точно надвигалась широкая, нѣжная волна благоухающей знатности.

Коляска остановилась у подъѣзда виллы; лакей распахнулъ дверцы экипажа. Все, на что ни падалъ взглядъ вновь прибывшихъ, казалось, принадлежало иному міру, шептало о полной тайнъ жизни, которая была имъ незнакома. Отецъ помогъ имъ выйти изъ коляски — да развѣ это былъ ихъ отецъ? Лицо его приняло такое выраженіе, котораго онѣ никогда не могли себѣ представить; это былъ настоящій джентльменъ; и въ движеніи руки, которую онъ имъ подалъ сквозило что-то чисто рыцарское. Онѣ были смущены до крайности. Лакей повелъ ихъ по широкой каменной лѣстницѣ. Аванзала и лѣстница были бѣлыя съ золотомъ. Передъ большимъ зеркаломъ стояла ваза съ центифоліями и резедой, наполнявшими комнату ароматомъ. Охотнѣе всего онѣ убѣжали бы отсюда. Здѣсь было такъ холодно, точно въ домѣ не билось ни одно сердце.

Лакей растворилъ обѣ половинки дверей. Этотъ лакей почему-то показался Изольдѣ страшнѣе всего остального. Онъ былъ здѣсь и въ то же время точно отсутствовалъ. Такимъ безличнымъ не представлялся ей еще ни одинъ человѣкъ. Богъ знаетъ, гдѣ онъ оставилъ все, что въ немъ было человѣческаго. На его лицѣ точно застыла знатность дома.

Они миновали свѣтлую прихожую и даже не успѣли оглядѣться. Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта. Они вошли и очутились въ обществѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ лицъ. Вокругъ накрытаго

чайнаго стола сидѣли гости. Въ первую минуту дѣвушкамъ показалось, что ихъ было гораздо больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Одна изъ дамъ слегка приподнялась въ креслѣ и протянула руку. Желтоватый индійскій шелкъ окутывалъ ея фигуру длинными складками. Любезная улыбка играла на узкомъ, обрамленномъ гладко зачесанными черными волосами, лицѣ.

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали, милый поэтъ,—сказала дама.— А это ваши дочки? Посмотримъ на нихъ.

Она подала руку обѣимъ дѣвушкамъ. Онѣ почувствовали на себѣ холодный и вмѣстѣ ласковый взглядъ глубокихъ, влажныхъ, бархатныхъ черныхъ глазъ.

— Садитесь, пожалуйста.

Далеко, далеко отъ себя Изольда увидѣла Менгерсена; онъ былъ въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ. Она инстинктивно поняла, что здѣсь онъ чувствуетъ себя дома. Смертельный страхъ, чувство стыда овладѣли ею, когда она вспомнила о черепѣ. Сладкое мистическое блаженство, поклоненіе ему представились ей теперь въ иномъ свѣтѣ! Она расточала ласки черепу! А между тѣмъ лобъ его имѣлъ ту же форму. И передъ нимъ она склонялась, какъ на молитвѣ! Это могло казаться ей естественнымъ. Какое она была въ сущности глупое созданіе!

Менгерсена представили обѣимъ дѣвушкамъ. Изольду онъ помнилъ. Они встрѣчались въ обществѣ. Онъ подалъ ей руку и привѣтствовалъ ее, какъ старую знакомую.

Кромѣ него, здѣсь былъ еще пожилой баронъ, очень веселый господинъ, и молодая высокая дама съ маленькой головой и сильно развитымъ бюстомъ, нѣсколько серьезнымъ дѣтскимъ лицомъ, большими глазами, небольшимъ носомъ и красиво очерченнымъ ртомъ. Она производила симпатичное впечатлѣніе. Мягкіе, темные ея волосы были свернуты на затылкѣ въ небрежный узелъ. Тутъ же вертѣлся на своемъ стулѣ новомодный писатель. Онъ вертѣлся по всей вѣроятности потому, что это отвѣчало его міровоззрѣнію.

— Здравствуйте, сверхчеловѣкъ!—сказалъ онъ, пожавъ по-товарищески и вмѣстѣ съ тѣмъ небрежно руку доктору Фрею. На немъ былъ безукоризненно сшитый, но немного слишкомъ широкій сюртукъ, изъ подъ низко вырѣзаннаго жилета торчала широкая накрахмаленная грудь рубашки. Все на немъ сидѣло какъ-то не совсѣмъ ладно.

Докторъ Фрей былъ, повидимому, хорошо знакомъ со всѣми присутствовавшими. Въ немъ чувствовалась могучая подвижность, свойственная большой хорошо смазанной машинѣ во время хода. Занявъ мѣсто онъ тотчасъ же произнесъ тономъ пророка одну изъ своихъ любимыхъ сентенцій:

— Мы всѣ должны быть правдивы, правдивы до послѣдней степени—правдивы и жизнерадостны и тогда міръ скоро приметъ другую физіономію.

Каждое его движеніе показывало, что здѣсь онъ чувствуетъ себя хорошо и увѣренно, что онъ знаетъ себѣ цѣну, что онъ знаменитость.

Мари и Изольда опустились въ причудливой формы англійскія кресла; при этомъ онѣ почувствовали живое удовольствіе отъ прикосновенія къ гладкому, нѣжному дереву. Изольда невольно погладила ручку кресла, на которую опиралась ея рука. Она чувствовала себя такъ хорошо А какая отвратительная грубая жизнь ждала ее тамъ, дома. Она не спускала глазъ съ отца. Онъ былъ другимъ человѣкомъ. Прекрасная хозяйка наклонялась къ нему, предлагая ромъ или лимонъ къ чаю. Затѣмъ она сама передала ему, а онъ смотрѣлъ въ это время какимъ-то полубогомъ.

Изольдѣ хотѣлось не то плакать, не то смѣяться. Ею овладѣло странное чувство. Она думала о матери. А, между тѣмъ, чай былъ такой ароматный, чашки такія тонкія, и все, что стояло на столѣ, точно принадлежало иному, болѣе совершенному міру.

Въ своемъ сѣромъ сукнѣ дѣвушки напоминали двухъ голубокъ. Обѣ думали о лежавшихъ въ чемоданѣ платьяхъ и просто мечтали о нихъ.

М-съ Вендландъ вернулась къ прерванному приходомъ гостей разговору.

— Лу, — обратилась она къ молодой женщинѣ,—меня какъ-то спросили, что я въ тебѣ нахожу?—Что ты въ ней находишь?—Я отвѣтила:—То же, что ты находишь во мнѣ. Я теплѣе тебя, она теплѣе меня. Здѣсь главную роль играетъ теплота. И знаешь, кто спросилъ? Этотъ простакъ!—М-съ Вендландъ указалъ взглядомъ на маленькаго толстаго барона.

Молодая женщина въ свою очередь посмотрѣла на него и разсмѣялась.

— Да,—сказала она,—у барона я не въ милости.

— Помилуйте!—Маленькій толстый баронъ имѣлъ дѣйствительно испуганный видъ. Онъ вскинулъ на носъ золотое пенснэ.—Простите, но въ такомъ случаѣ я долженъ внести поправку; все это было сказано нѣсколько иначе...

— Не трудитесь дорогой другъ!

М-съ Вендландъ стояла, прислонясь къ камину всей своей высокой изящной фигурой. Она разсматривала своихъ гостей. Какое-то особенное, несвойственное обыкновеннымъ людямъ спокойствіе окутывало ее.

— Какъ это ни странно,—продолжала она,—но Лу сказала то же самое о тебѣ, милый баронъ. «Какъ можешь ты быть знакома съ этимъ глупымъ барономъ?»

— Мэри!—въ ужасѣ воскликнула молодая женщина.

Но м-съ Вендландъ невозмутимо продолжала:

— А я ей отвѣтила: «Онъ мой прежній любовникъ и я задаю ему вопросы въ родѣ того, гдѣ лучше покупать прованское масло, получаютъ ли его люди по буднямъ вино, и такъ далѣе, все въ этомъ родѣ. Но вѣдь въ этомъ есть доля уютности, не правда ли, баронъ?

— Ты сегодня опять отличаешься необыкновеннымъ свободомыслiемъ. Молодая женщина густо покраснѣла и сдѣлалась какъ-то нервна. – И развѣ эти откровенности такъ ужъ необходимы?

— Милая моя Лу, свободомыслiе всегда необходимо. Подумай сама, какое это чудное слово: свобода и мысль. Я имѣю несчастье жить въ средѣ нѣмыхъ. Не знаю, чѣмъ я это только заслужила. Но тѣхъ, съ которыми мнѣ приходится сталкиваться, я не могу оставлять въ темнотѣ. Всѣ нѣмецкія женщины—коровы,—добавила она со вздохомъ.

— Это, собственно говоря, также интимное замѣчаніе, — вставила фрау Лу.

— Ну ужъ ты со своей интимностью! М-съ Вендландъ усмѣхнулась.

— Если говорить о чемъ-нибудь потихоньку, тогда ужъ лучше молчать; съ глазу на глазъ говорить слѣдуетъ только о любви, тамъ, разумѣется, это кстати. Обо всемъ же остальномъ надо говорить всему свѣту. Чтобы всѣ знали. Я всегда говорю все, что думаю.

Когда м-съ Вендландъ сдѣлала свое странное замѣчаніе по адресу нѣмокъ, модный писатель слегка зааплодировалъ кончиками пальцевъ. Она это замѣтила.

— А что же мнѣ остается сказать, видя это, о нѣмцахъ? Она окинула писателя спокойнымъ взглядомъ. Если я говорю, что нѣмки коровы, то это очень плохая рекомендацiя для вашихъ мужчинъ. А что я, по своей откровенности разсказала, что думаетъ Лу о моемъ добромъ баронѣ, такъ ей нечего этого пугаться. Пусть всегда остается сама собой, пусть руководится во всемъ движеніями своей души, а не какими-то контенансами. Женщина, которая жила и дѣйствовала, какъ фрау Лу, должна быть самостоятельна. Лу никогда не принадлежала къ числу коровъ. Лу—никогда!

Послѣднія слова м-съ Вендландъ произнесла очень рѣшительно.

— Она исключеніе, firstclass. Когда я думаю объ Лу, мнѣ всегда кажется, что она распята на украшенномъ тысячами розъ, совсѣмъ покрытомъ розами крестѣ—усыпанная розами Голгоѳа. Никто этого не видитъ, но она дѣйствительно пригвождена къ нему руками и ногами, потому что на ея долю выпалъ исключительно счастливый бракъ, прямо чудо а не бракъ. Настоящее счастливое супружество! Не то, что принято называть этимъ именемъ. Нѣтъ, супружество Лу дѣйствительно счастливое и въ этомъ ея большое несчастье.

М-съ Вендландъ подошла къ пріятельницѣ и погладила ее по головѣ:—Бѣдная Лу!

Фрау Лу охватила ее руками:

— Если бы ты знала, насколько ему теперь лучше! Онъ работаетъ!

— Ахъ, вотъ о чемъ я вспомнила,—сказала м-съ Вендландъ.—Вчера я ходила гулять за ограду парка и встрѣтила нѣмецкое семейство — двухъ мужчинъ, дѣтей и женщину. Дѣти бѣжали впереди, женщина отставала. У нея, должно быть болѣли ноги и, кромѣ того, она была очень толстая.—Посмотри,—сказалъ одинъ изъ мужчинъ своему спутнику,—какъ твоя старуха-то ковыляетъ.

— Ну поторапливайся, старая кафельная печка, крикнулъ ей супругъ. Женщина взглянула на меня, добродушно улыбнулась и сказала:—«Вотъ мужья всегда такъ разговариваютъ!» И таковы вы всѣ, въ этомъ заключается весь смыслъ нѣмецкаго пониманія жизни. Нѣтъ, я скорѣе бы согласилась быть лошадью, чѣмъ нѣмецкой женщиной!

— Ну, мнѣ кажется, что красивая женщина въ Германіи можетъ говорить, что хочетъ,—сказалъ модный писатель и на его губахъ заиграла улыбка, съ которой онъ всегда слушалъ женщинъ, если даже тѣ говорили о чемъ-нибудь, касающемся лично ихъ или всѣхъ женщинъ вообще,—такая снисходительная, милостивая улыбка.

— О да! красивая женщина можетъ многое сдѣлать и въ Германіи; но это уже вопросъ другого рода. Я удивляюсь, какъ не лопнуло до сихъ поръ терпѣніе нѣмки. Я бы взяла бомбу и бросила ее на шлафрокъ моего мужа и всѣхъ мужчинъ, которые позволяютъ себѣ писать, философствовать и говорить о женщинѣ.

— Ого! Почтеннѣйшая,—громко прервалъ ее докторъ Фрей. — А нѣмецкая любовь! Нѣмецкая женщина! Минезенгеры! Вы къ намъ очень несправедливы!

— Ахъ вотъ вы опять со своими средними вѣками! Стоитъ заговорить о женщинѣ, какъ всѣ нѣмцы непремѣнно переносятся въ средніе вѣка. Имъ все видится средневѣковая женщина въ средневѣковомъ костюмѣ. Когда они говорятъ о женщинѣ, имъ непремѣнно представляется деревянная кукла; никогда живая женщина. Нѣмецкая любовь! Я хочу разсказать вамъ длинную исторію; я люблю разсказывать исторіи,—мечтательно добавила она.

— Одна иностранка сдѣлалась женой нѣмецкаго барона.

М-съ Вендлянъ смотрѣла своими глубокими, спокойными глазами куда-то поверхъ всѣхъ. Она стояла такая, безучастная, точно все происходящее на свѣтѣ ея не касалось; даже время, потому что она была уже не молода. Но какъ красиво драпировались около ея стройнаго тѣла складки желтаго шелка! Эта женщина никогда не уступала. Это было видно. Она сама пробила себѣ жизненный путь.

— Баронъ былъ свѣтскій человѣкъ, продолжала она. На своемъ вѣку онъ, какъ говорится, успѣлъ и пожить и насладиться любовью. Онъ былъ красивъ, имѣлъ замокъ, лѣсъ и охоту; онъ былъ страстный охотникъ. Женщины ему надоѣли и поэтому онъ женился. Я уже сказала, что онъ женился на молоденькой иностранкѣ—красивой, умной и такой, которая совсѣмъ не жила и не любила и привязалась къ сво-

ему мужу прекрасной юной любовью, всѣмъ своимъ, жаждавшимъ любви сердцемъ. Онъ же любви не жаждалъ и мало думалъ о женѣ. Ее это печалило; каждое утро онъ отправлялся на охоту. Зимой онъ вставалъ потихоньку до разсвѣта и оставлялъ ее, влюбленную, одну и въ слезахъ. И она стала думать о томъ, какъ бы удержать его около себя. Разъ онъ снова собирался уйдти. Легкій снѣжокъ окуталъ землю, мѣсяцъ ярко свѣтилъ. Она поднялась гораздо тише, чѣмъ это дѣлалъ онъ—какъ дуновеніе вѣтерка, сняла съ себя ночныя одежды, накинула мягкую шубку, и выскользнула изъ замка. Дойдя до одиноко стоящей липы, она сбросила съ себя шубу и такъ, обнаженная, остановилась облитая лучами мѣсяца. Она легла на мягкій, нетронутый снѣгъ; линіи нѣжнаго тѣла отпечатались на его поверхности. Затѣмъ она встала, снова накинула шубу и поспѣшила обратно въ замокъ; тихо, какъ дуновеніе вѣтерка, прокралась она въ свою спальню. Когда баронъ проснулся и ужъ хотѣлъ оставить ее ради охоты, она сказала ему: «Вообрази, къ нашему замку подходила благородная дама, я видѣла ея слѣдъ подъ липой». Онъ разсмѣялся и не повѣрилъ ей. «О, поди туда,—просила она,—ты увидишь, что я говорю правду». И онъ пошелъ. А что же было, когда онъ вернулся? Онъ уже не оставлялъ ее больше, я думаю.

Вотъ что я называю «женщиной» и «любовью». Это что-то сладостное и разумное. О, для любви нужно гораздо больше мудрости и души, и ума, чѣмъ для постройки желѣзной дороги.

— Эта исторія какъ разъ годится для молодыхъ дѣвушекъ—съ улыбкой произнесъ писатель, слегка наклонясь въ сторону Мари и Изольды.

— Разумѣется, для молодыхъ,—прервала его прекрасная хозяйка.— А вы думали для старыхъ?

Въ ея разсказѣ было столько откровенной красоты, что на всѣхъ повѣяло дыханіе поэзіи. Докторъ Фрей всталъ, наполнилъ виномъ красивый стаканъ и опустился передъ м-съ Вендландъ на колѣни; затѣмъ онъ поднесъ стаканъ къ губамъ.

— Въ честь самой дивной женщины.

— О, вы поэтъ! Вы человѣкъ свободомыслящій, я знаю. А это здѣсь очень необходимо.

До сихъ поръ писатель и Менгерсенъ держали себя какъ-то пассивно. Первый почти не сводилъ глазъ съ м-съ Вендландъ.

— Пусть такъ и будетъ,—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ,—пусть такъ и будетъ.

Менгерсенъ былъ какъ будто немного не въ духѣ.

М-съ Вендландъ предложила доктору Фрею и дѣвушкамъ пройти съ ней на балконъ.

— Чисто по-женски разсуждаетъ—все для женщинъ! — сказалъ Генри Менгерсенъ, обращаясь къ барону—Строить желѣзныя дороги! Попробуйте-ка, дорогая мистрисъ.

— Ну,—произнесъ баронъ, вы—тигръ! Вѣдь это только такъ говорится. А въ общемъ я ничего не имѣю противъ этого ewigweibliche; замѣтили за столомъ? Премилыя мордочки, не правда-ли?

Онъ подмигнулъ и указалъ глазами на пустыя кресла.

— Недурны; одну-то я уже давно знаю, славная птичка.

Къ ужину дѣвушки переодѣлись въ свои длинныя душистыя платья и, когда онѣ увидѣли себя въ зеркалѣ такими хорошенькими, у нихъ точно камень свалился съ души. Ихъ больше не давила роскошь окружающей обстановки.

Уже поздно вечеромъ м-съ Вендландъ выразила желаніе, чтобы Менгерсенъ показалъ всему обществу свое ателье. Онъ холодно выразилъ готовность. У Изольды забилось сердце. И въ то время, какъ другіе еще болтали въ гостиной, она вышла на террасу, всматриваясь въ лѣтнюю ночь.

Два года тому назадъ, когда ей едва минуло пятнадцать лѣтъ, она была въ Мюнхенѣ на художественной выставкѣ; ея вниманіе привлекъ рядъ картинъ, она остановилась передъ ними и не замѣтила, какъ прошло время. Публика посмѣивалась надъ погруженной въ раздумье дѣвушкой. Для нея же здѣсь открылся новый міръ.

Вотъ большая дорога, длинная, обсаженная молодыми фруктовыми деревьями; она ведетъ прямо къ темному, грозовому, зловѣще нависшему небу. Никто еще не шелъ этой дорогой. Только она пошла по ней. Мысленно. Страшная мертвая тишина,—ни одинъ листъ не шелохнется, ни звука, надъ землей неподвижно нависли, какъ великая, мрачная тайна, массы облаковъ. И навстрѣчу этому грозящему мрачному неизвѣстному она побѣжала. Не пошла, а побѣжала. Она была прямо поражена.

А вотъ и другая картина:

На высокихъ горныхъ вершинахъ, въ мірѣ глетчеровъ и вѣчныхъ снѣговъ борются подъ тяжелыми небесами два гиганта. Вокругъ нихъ таютъ вѣчные снѣга. Валятся глыбы льда. Снѣгъ подъ ихъ ногами встоптанъ и взрытъ.

Во имя чего они борются? На снѣгу лежитъ маленькій мертвый зайчикъ; онъ добыча одного; но другой такъ же хочетъ овладѣть имъ. При видѣ этой картины Изольда почему-то разсмѣялась. А вотъ еще:

На полотнѣ изображена влюбленная парочка. Ночь. Розы. Все дышитъ тайной.

Она постигла ее.

Въ воздухѣ словно разлитъ ароматъ жасмина и тайна, великая тайна.

Эта тайна еще въ школѣ не давала ей покоя; при мысли о ней кровь начинала клокотать въ жилахъ, приливала къ головѣ, дыханіе останавливалось. Здѣсь было что-то отвратительное, и когда другіе

объ этомъ шептались, ихъ можно было возненавидѣть. И все же эта тайна снова и снова притягивала ихъ. Одна изъ подругъ отыскала въ Библіи какое-то мѣсто и молча показала другимъ. Одна покраснѣла. Но всѣ смотрѣли и вытягивали шеи, чтобы видѣть, чтобы прочесть, упиться содрогнуться; и она съ ними.

А эта картина! Такъ вотъ она тайна. И Изольда вдругъ почувствовалъ себя очищенной.

Ей звучала сладкая могучая мелодія. Она чувствовала, что тутъ крылось то великое, единственное, изъ-за чего стоитъ умереть. Съ этого момента въ ней исчезло и содроганіе и наивно-грубая жажда проникнуть тайну.

На слѣдующей картинѣ та же влюбленная парочка. Она узнала ихъ обоихъ. Родился ребенокъ. Женщина лежитъ вытянувшись, уже мертвая. Стоитъ тазъ съ водой, разбросаны полотенца.

Она съ содроганіемъ взглянула на женщину. Только что все совершилось. На колѣняхъ, охвативъ руками голову мертвой, скрывъ лицо, стоитъ мужчина. А позади обоихъ простирается смерть, высокая, какъ стѣна; на ея рукахъ покоится мертвое новорожденное дитя, точно увядшій, бурей заброшенный въ объятія смерти, цвѣтокъ; тѣло его безжизненно повисло.

Тутъ впервые молодая дѣвушка содрогнулась, какъ еще никогда не содрогалась въ жизни.

Потрясенная, она стояла передъ этимъ ужасомъ. Ко всему, что накопилось на ея душѣ, прибавилось еще то тайное, неразгаданное, что касалось и ея самой. Передъ этой картиной она впервые сознала себя женщиной и это чувство преисполнило ее глубокимъ страстнымъ волненіемъ. Она принадлежала къ тѣмъ, которымъ суждено такъ безконечно, такъ таинственно страдать, къ тѣмъ, рядомъ съ любовью которыхъ всегда стоитъ смерть—вотъ какъ на этой картинѣ, гигантская, торжественная, настоящая смерть.

О, такъ любить! Какая тайна! Любовь и смерть! Любить, хотя бы и погибнуть изъ-за любви.

Она чувствовала себя гордой, могущественной и радовалась, что была женщиной. Ноги ея точно не касались земли.

Да, выше этого нѣтъ ничего въ мірѣ: быть женщиной! Жертвовать собой!

Съ такими мыслями она тогда вернулась домой.

Съ этого дня она уже полюбила Генри Менгерсена, хотя еще не видала его. Она любила его, какъ любила его искусство.

И когда она съ нимъ познакомилась, она уже не могла полюбить его сильнѣе.

Нѣтъ, не могла!

А теперь ей предстояло вступить въ святое святыхъ, увидѣть его произведенія въ той обстановкѣ, въ которой они создались.

IV.

Всѣ отправились вмѣстѣ.

Лунный свѣтъ; запахъ центифолій; неумолчно журчащій, затерявшійся въ зелени фонтанъ. Съ озера доносится влажный теплый вѣтерокъ. Свѣтъ луны струится сквозь легкія платья дѣвушекъ, придавая имъ сходство съ легкимъ бѣлесоватымъ туманомъ.

Изольда въ душѣ благословляла мать за эти платья.

Докторъ Фрей велъ подъ руку м-съ Вендландъ. Онъ велъ ее съ такой осторожностью, какъ будто она была существомъ высшаго порядка, которому могло повредить даже легкое прикосновеніе къ землѣ. Каждый его шагъ, каждое движеніе свидѣтельствовали о томъ безыскусственномъ наивномъ блаженствѣ и удовлетвореніи, которое онъ испытывалъ.

Мари мысленно видѣла передъ собою мать, сидящую съ сыномъ за приготовленіемъ уроковъ; она испугалась, когда подумала, что и на мать могла упасть хоть капля той нѣжности и заботливости, которой отецъ окружалъ м-съ Вендландъ. Что чувствовала бы при этомъ мать? Смѣялась бы она или плакала? Мари не могла себѣ этого представить. Но она боялась отца такъ, какъ будто передъ ней былъ не онъ, а его тѣнь. Она не смѣла взглянуть на него. Ей было стыдно. Кто же изъ нихъ правъ: та ли дома, или этотъ здѣсь? Ей хотѣлось кинуться въ объятія матери и горько, горько плакать о томъ, что, хотя смутно, она сознавала давно.

Они шли черезъ высокій буковый лѣсъ. Сквозь густую сѣтку вѣтвей пробивался свѣтъ мѣсяца. Дорога понемногу вела въ сторону. Подъ очарованіемъ лѣтней ночи всѣ выглядѣли какъ-то красивѣе. Каждый про себя преслѣдовалъ свою мысль и думалъ. По крайней мѣрѣ, всѣ примолкли среди тишины теплой, сіяющей ночи.

Ателье Менгерсена лежало внизу у озера. Онъ уже нѣсколько лѣтъ нанималъ здѣсь маленькую дачу, въ которой проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Самое ателье была большая пустая комната; нѣкоторыя стекла громаднаго окна были откинуты. Сквозь него въ комнату струился лунный свѣтъ. Менгерсенъ повернулъ выключатель и все, до послѣдняго угла, освѣтилось электричествомъ; какой-то отпечатокъ холодности и ясности лежалъ на всемъ. Здѣсь не было ничего мягкаго, никакого безпорядка и тѣсноты; всюду царилъ педантичный порядокъ и чистота. И кто, глядя на костюмъ Менгерсена, не постигъ всей сущности его души, могъ бы понять ее здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ все дышало той благородной, абсолютной, элегантной чистотой и новизной, которыя такъ трудно достаются нѣмцу. Да Генри Менгерсенъ и не былъ чистокровнымъ нѣмцемъ. Мать его происходила изъ шведской семьи.

Манера одѣваться выдѣляла его изъ обыкновенной среды, облегчая

ему сношенія съ людьми, ослѣпительно дѣйствуя на многихъ; онъ дѣлался господиномъ положенія, не давая себѣ при этомъ ни малѣйшаго труда. То, чего, при самомъ усиленномъ стараніи, не удавалось достигнуть какому-нибудь бѣдняку въ плохо сшитомъ сюртукѣ и потертыхъ панталонахъ, само шло къ нему въ руки. И для достиженія такихъ результатовъ ему приходилось только затрачивать на свой туалетъ нѣсколько больше времени. Для женщинъ онъ былъ положительно неотразимъ.

Какъ онѣ надоѣли ему за послѣдніе годы эти молодыя, наивныя, нѣмецкія женщины!

Теперь онъ бывалъ почти исключительно у иностранокъ или, по крайней мѣрѣ у дамъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу. Этихъ еще можно было выносить. Такая женщина, напримѣръ, какъ м-съ Вендландъ, казалась ему въ самомъ дѣлѣ сносной, да и домъ ея, вся манера обращенія его не отталкивали, хотя и имѣли за собой крупные недостатки. Съ ней можно было говорить и жить, не боясь наивностей.

М-съ Вендландъ часто говорила:

— Знаете, Генри, у насъ можно дѣлать все, что захочешь. Не слѣдуетъ только выходить изъ своихъ рамокъ.

Въ ателье не было ни одного этюда его или чьей-нибудь другой кисти. Вдоль одной изъ стѣнъ стояли удобные, большіе шкафы свѣтлаго дуба; у гигантскаго окна красовался широкій рабочій столъ.

Менгерсенъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, скульпторное ателье и попросилъ своихъ гостей подождать его немного. Въ это второе ателье онъ неохотно пускалъ кого бы то ни было. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, неся въ рукахъ мраморную доску, поставилъ ее на мольбертъ, заботливо передвинулъ, испытующе взглянулъ на лампу и тогда уже отступилъ. Это былъ рельефъ. Голова м-съ Вендландъ, исполненная въ легкихъ желтоватыхъ тонахъ,—голова сфинкса.

— Значитъ все-таки хищное животное,—произнесла м-съ Вендландъ, какъ-то особенно усмѣхаясь.

Она была права: несмотря на всю красоту, это была голова хищника; въ глазахъ свѣтилось что-то жадное, ненасытное; вокругъ рта лежала загадочная, первобытная черточка. Животное. Вотъ оно изображеніе женщины-полуживотнаго.

— Странно, Генри,—спокойно сказала м-съ Вендландъ,—вы сдѣлали изъ меня сфинкса, когда я всегда вполнѣ откровенна; откровенна, какъ никто, ничего не скрываю, ни дурного, ни хорошаго.

Менгерсенъ снисходительно улыбнулся, какъ судья, которому обвиняемый только что самъ себя выдалъ.

— О, я понимаю,—равнодушно продолжала м-съ Вендландъ,—что вы думаете. Но моя откровенность не есть откровенность животнаго. Вы заблуждаетесь. Наивной вы меня считаете, что ли? Въ такомъ случаѣ извините, но это смѣшно. Вы понимаете, что такое произве-

деніе искусства? Мы всѣ хищные звѣри. Но вы не это имѣли ввиду: я знаю, что для Менгерсена, хотя онъ и очень любезенъ со мною, я—бѣльмо на глазу, потому что я настоящій человѣкъ; живу также, какъ и онъ живетъ, и не глупѣе его. И если господинъ Менгерсенъ изобразитъ и себя въ видѣ хищнаго звѣря, то я буду удовлетворена. Я готова заказать себѣ второго хищника; ихъ должно быть двое. Да и изъ Генри Менгерсена выйдетъ недурной хищникъ.

— Однако, эта добрая м-съ Вендландъ хорошо знаетъ себѣ цѣну.

Съ этими словами модный писатель обратился къ доктору Фрею шопотомъ. Они расхаживали взадъ и впередъ по обширному ателье. Докторъ Фрей приложилъ къ губамъ сложенные кончики пальцевъ и сдѣлалъ жестъ восторга.

— Божественная женщина!—искренно сорвалось съ его устъ.

— Н-ну!—модный писатель не раздѣлялъ этого; курица и женщина, по его мнѣнію, должны быть абсолютно свѣжи.

— Haut goût! Брр! Haut goût въ искусствѣ, fin de siècle—haut goût, какъ духи для женской молодежи — прелестно! Самъ пишу на такія темы! Это чортъ знаетъ какая тонкая матерія! Умъ въ женщинѣ — явленіе очень сомнительное. Что у нея были дѣти? Умъ въ женщинѣ— явленіе чисто патологическое. И что это тебѣ только взбрело въ голову, сверхчеловѣкъ? Вѣдь прежде ты былъ другого мнѣнія? Ужъ не милліоны ли тутъ играютъ роль? Нѣтъ-нѣтъ—ужъ отъ меня-то этого не дождешься.

Менгерсенъ положилъ на столъ папку съ своими новыми набросками. Онъ сталъ говорить о нихъ съ барономъ, высказывая удовольствіе по поводу однихъ и неудовольствіе по поводу другихъ. Они холодно обсуждали дѣловую сторону вопроса. Случайно Генри выложилъ на столъ передъ Изольдой нѣсколько листовъ.

Это были тѣ самые рисунки.

М-съ Вендландъ и докторъ Фрей стояли у открытаго окна. Преисполненный темперамента пророкъ, будущій членъ рейхстага и прочее, говорилъ о чемъ-то красивой женшинѣ. М-съ Вендландъ равнодушно смотрѣла на него. На ней, какъ и всегда, если только она не была въ свѣтломъ капотѣ, было черное платье; она производила впечатлѣніе чего-то въ высшей степени благороднаго, замкнутаго въ себя.

Портретъ, исполненный ея другомъ безъ ея вѣдома, какъ-то особенно затронулъ ее и оскорбилъ. Она откровенно отдалась ему. Она доставила ему, какъ она думала, наслажденіе познать женщину, находящуюся на высшей ступени. Она была съ нимъ правдива, вполнѣ искренна, преисполнена того довѣрія, которое только можетъ имѣть одинъ свободный человѣкъ къ другому такому же свободному; а онъ увидѣлъ въ ней животное—только животное—грубое животное. Она умѣла забывать въ немъ «звѣря» Менгерсена, а ласкала, молилась и

любила въ немъ бога. Она хотѣла принести ему что-нибудь своимъ живымъ умомъ, опытностью, а онъ?

— Какъ я одинока, какъ ужасно одинока!—вдругъ произнесла она жалобно.

Докторъ Фрей не зналъ, чему приписать это замѣчаніе и посмотрѣлъ на нее нѣсколько удивленно.

— Пожалуйста, продолжайте,—съ легкой усмѣшкой сказала м-съ Вендландъ. Она, вѣроятно, даже не слышала о чемъ говорилъ ей знаменитый писатель. Гольдшмидтъ—это была фамилія моднаго писателя, подошелъ къ красивой бѣлокурой сестрѣ Изольды и сталъ съ ней разговаривать болѣе или менѣе свысока; но все же повидимому она его пріятно затрагивала. Молодая, бѣленькая, нѣжная и этотъ мягкій, безпомощный голосъ—прелесть! Онъ чувствовалъ себя убаюканнымъ ея ясной, здоровой и мягкой женственностью. И несмотря на это, въ ней было что-то мечтательное, замкнутое, холодное.

«Тугоузда еще немного»,—подумалъ писатель на своемъ лошадиномъ языкѣ, который онъ особенно любилъ примѣнять, говоря о женщинахъ.

Но въ сущности онъ не зналъ толку ни въ женщинахъ, ни въ лошадяхъ.

Изольда стояла, снова очарованная талантомъ Менгерсена. Душа ея упивалась видѣннымъ. Совсѣмъ близко отъ Генри до боли билось отъ блаженства и обожанія ея кристально-чистое сердце. Она снова преклонялась передъ его искусствомъ. И она не сознавала даже, красивъ ли онъ и элегантенъ или безобразенъ и безпорядоченъ—что ей было до этого за дѣло? Она готова была ковромъ разстелиться подъ его ногами. Въ эти минуты она была какъ-то особенно хороша. Въ ней точно сквозила ея юная увлекающаяся душа.

Менгерсенъ рѣшилъ, что слѣдуетъ позаняться маленькимъ безумнымъ жучкомъ. Онъ, какъ уже было сказано, не любилъ нѣмецкихъ барышенъ, но все же иногда попадались экземпляры, которые стоило разсмотрѣть.

Когда они возвращались на виллу м-съ Вендландъ, онъ предложилъ Изольдѣ руку. Мѣсяцъ уже зашелъ и въ буковомъ лѣсу было совершенно темно.

М-съ Вендландъ шла съ фрау Лу. Большую часть дороги онѣ обѣ молчали. Наконецъ она сказала:

— Лу, что съ тобой? Ты такая молчаливая. Ты кажешься мнѣ сегодня какой-то странной. У меня такое ощущеніе, точно я думала, вотъ будетъ тепло, сняла шубу—и вдругъ холодно. Скажи, съ тобой что-нибудь случилось?

— Ты вѣдь знаешь, я не могу быть вдали отъ него.

Молодая женщина была взволнована и подавлена.

— Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, я тоже бы ни на шагъ отъ

него не отходила. Когда найдешь въ жизни что нибудь подобное тому, что нашла ты, то за это слѣдуетъ держаться руками и зубами. Знаешь, Лу, я хотѣла бы уйти въ монастырь съ твоимъ мужемъ.

— Это мило съ твоей стороны,—смѣясь вставила фрау Лу.

— Нѣтъ, серьезно. Это было бы чудное время; и для него также. Съ нимъ не чувствуешь себя униженной, какъ съ другими мужчинами, съ нимъ можно говорить, какъ съ Господомъ Богомъ, такъ совсѣмъ sans gêne.

— Да, это правда, сказала Фрау Лу,—оно такъ и есть. Мнѣ всегда кажется, что рука объ руку со мной идетъ какой то великій добрый духъ, который живетъ въ моемъ домѣ и любить меня.

Если-бы ты знала, какой онъ добрый, какъ полна наша жизнь Какъ хорошо у насъ!

— И,—добавила смѣясь м-съ Вендландъ,—какъ я себѣ эту жизнь отравляю.

— Да, да,—но если бы ты была на моемъ мѣстѣ...

— Я? Ну, если бы я влюбилась въ твоего мужа, то ему бы у меня было лучше, чѣмъ у тебя. Неужели ты думаешь, что я стала бы раздражать его вѣчнымъ страхомъ за него, какъ ты? Нѣтъ, я позволила бы ему дѣлать все, что онъ захочетъ, быть больнымъ, здоровымъ, работать и даже, если это неизбѣжно, спокойно умереть. Я бы ему ни въ чемъ не прекословила.

— Какая ты забавная,—усмѣхнулась фрау Лу.

— Я утратила всякій интересъ къ этимъ будничнымъ людямъ. Они могутъ быть даже геніями, въ родѣ Генри, или не быть. Въ нихъ самихъ, въ ихъ характерѣ кроется что-то недоконченное. И женщинѣ они всегда наносятъ оскорбленіе, безразлично пылаютъ ли они къ ней страстно или остаются холодны. Мы получаемъ отъ нихъ только то, что въ нихъ есть грубаго. Они всѣ напоминаютъ богачей надѣляющихъ бѣдныхъ подарками на Рождество. Сами одѣваются въ платья отъ Ворта, гдѣ каждый стежокъ—произведеніе искусства: для своихъ-же братьевъ они заказываютъ одежду изъ грубаго отвратительнаго матеріала, сшитую неуклюже и безъ всякаго пониманія. Такъ и они отдаютъ дань самому сильному изъ вложенныхъ въ нихъ природою, побужденій и—баста. А этотъ господинъ Гольдшмидтъ? Мнѣ кажется, въ немъ вмѣсто сердца и души просто прячется маленькій поросенокъ.

Въ это время Изольда въ величайшимъ волненіи шла подъ руку съ Менгерсеномъ. Она хотѣла что-то сказать ему и не находила словъ.

Онъ также молчалъ, желая узнать, о чемъ она думаетъ. Съ перваго же момента ихъ знакомства онъ что-то предугадывалъ.

— Вы такой счастливый,—наконецъ сказала Изольда послѣ краткой но горячей борьбы съ собой.

— Я? Я счастливый? Чѣмъ же?

Это прозвучало такъ банально, какъ будто было сказано вовсе не Менгерсеномъ, а кѣмъ то другимъ. Но это вѣдь было бы черезчуръ по-дѣтски съ ея стороны ожидать, что онъ заговоритъ, какъ Богъ. Онъ былъ, разумѣется, насквозь джентльменъ; и, когда она подумала о томъ, какъ онъ одѣвается, какъ держится, какъ избалованъ, она поняла, что онъ не могъ отвѣтить иначе. Или могъ? Она сама не знала, чего она отъ него ждала. Вѣдь это былъ обыкновенный отвѣтъ. Такъ всѣ говорятъ. И то, что она сказала, было глупо и смѣшно. Она густо покраснѣла.

— Ну такъ чѣмъ же я такой счастливый? —снова спросилъ онъ настойчивѣе. Его разбирало любопытство, какъ этотъ цыпленокъ завяжетъ съ нимъ разговоръ.

Изольда отвѣтила что-то, запинаясь отрывисто, торопливо Она почти не сознавала что именно. Что то въ родѣ того,—что онъ можетъ дѣлать все, что захочетъ.

— Ого,—подумалъ Менгерсенъ,—она уже выходитъ на охоту. Какой однако опытностью и хитростью отличаются эти юные хищные звѣрьки! Такое личико, а въ душѣ уже кроется непреодолимое стремленіе хорошенько пристроиться. Передъ такимъ юнымъ созданіемъ спасуетъ самый ловкій биржевикъ...

Онъ усмѣхнулся.

— Вы, значитъ, поклонница искусства? Скажите пожалуйста! Вѣроятно, и сами рисуете по фарфору. «Украшай свой домашній очагъ!» Разумѣется!

— Нѣтъ я ничего не умѣю,—отвѣтила Изольда.

— Но вамъ, вѣроятно, говорили, что это очень мило, когда образованная барышня говоритъ объ искусствѣ, не правда ли?

— Мнѣ никто ничего не говорилъ.

— Ну, дочь знаменитаго писателя, происходящая изъ такой высокообразованной семьи на этотъ счетъ, разумѣется, ужъ собаку съѣла.

— Какъ?—спросила Изольда.

— Вашъ папа, вѣроятно, посвятилъ васъ въ подобные вопросы?

— Папа?—изумленно повторила Изольда.

— Ну, или мама...

— Мама!—она слегка разсмѣялась.—Ахъ, мама,—Изольда вздрогнула. Передъ ней одна за другой пронесся рядъ картинъ.

Генри Менгерсенъ былъ немного сбитъ съ толку.

— Вамъ, значитъ, нравятся мои вещи?

— Невыразимо,—отвѣтила Изольда съ такою искренностью и теплотою, какъ будто передъ ней былъ судья, ожидавшій отвѣта, отъ котораго зависѣла жизнь или смерть.

Прошло два дня.

Отецъ отвезъ Мари домой, а самъ ежедневно пріѣзжалъ въ Штерен-

бергъ. Въ семьѣ Фрей ждали смерти. Фрау докторъ была вызвана въ Берлинъ къ тяжко больному брату, который при жизни почти не входилъ ни въ какія сношенія съ семьей сестры. За годъ передъ тѣмъ она послала ему портретъ своихъ дѣвочекъ и получила отъ него въ отвѣтъ теплое родственное письмо. Дядя писалъ, что намѣренъ скоро пригласить къ себѣ обѣихъ хорошенькихъ племянницъ. Приглашеніе это не послѣдовало. Слѣдующее извѣстіе, которое они отъ него получили, была телеграмма, поспѣшно вызывавшая фрау Фрей къ смертному одру брата.

Докторъ Фрей находился въ повышенномъ настроеніи. Онъ мало зналъ о своемъ зятѣ-аптекарѣ, кромѣ того, что тотъ жилъ холостякомъ, скромно, но солидно. Пріятно было бы, во всякомъ случаѣ, еслибы онъ не забылъ о сестрѣ. На это можно было, собственно, разсчитывать, и докторъ Фрей надѣялся, что изъ поѣздки жены что-нибудь да выйдетъ.

Генри Менгерсенъ расхаживалъ взадъ и впередъ по столовой террасѣ, слѣдя за голубоватыми кольцами дыма своей сигары, и временами взглядывалъ на разстилавшуюся передъ нимъ блѣдную, металлически-зеркальную поверхность озера, въ которомъ отражалось сѣровато бѣлое небо.

Мимо дома шла Изольда. Она заложила руки за спину и отбрасывала ногой камешки, думая, что ее никто не видитъ. Но Менгерсенъ смотрѣлъ на дѣвушку. Ему было почему-то радостно видѣть, какъ она беззаботно двигалась. Ея молодая красота пріятно раздражала его. Какая сдержанная, свѣжая сила чувствовалась въ ея членахъ! А какое изящество во всемъ существѣ! Въ ней было что-то стильное, что могло дать себя хорошенько почувствовать только впослѣдствіи. Какъ рѣдко встрѣчаешь подобную женщину! М-съ Вендландъ въ ранней молодости должна была походить на нее.

Вчера вечеромъ пріѣхалъ сынъ м-съ Вендландъ, восемнадцатилѣтній мальчикъ, юный космополитъ. Она почему-то держала его все время въ Вѣнѣ, а теперь собиралась отослать въ Парижъ.

«Любопытно послушать, какъ этотъ мальчуганъ разсуждаетъ о женщинахъ».

Менгерсенъ улыбнулся.

— Знаете, Генри,—говорилъ онъ ему,—невозможно побороть въ себѣ это предчувствіе завтрашняго дня. Вѣчно одно и то же положеніе. Ея голова покоилась у меня на груди, а мнѣ она уже смѣшна. Психика женщины, Генри, не можетъ дать мнѣ ничего новаго; еще ни одна не отвѣтила мнѣ: нѣтъ. Если бы хоть одна сдѣлала это, я былъ бы ей благодаренъ.

«Да ты, дорогая мистрисъ, произвела на свѣтъ нѣчто прямо удивительное».

Менгерсенъ съ удовольствіемъ далъ свободу своимъ мыслямъ. Онъ вспомнилъ одинъ разговоръ съ м-съ Вендландъ:

— Мнѣ хорошо живется, Генри,—сказала она,—и если бы мнѣ предстояло вторично родиться на свѣтъ, я хотѣла бы родиться независимой вдовой. Я вполнѣ свободный человѣкъ. Своего единственнаго тирана я, къ сожалѣнію, произвела на свѣтъ сама.

«Подъ этимъ она разумѣла, значитъ, своего сына. И она воображаетъ себя имъ обожаемой. Теперь онъ сидитъ у своей матери,—продолжалъ думать Менгерсенъ.—О чемъ они могутъ говорить? Онъ ее, разумѣется, насквозь видитъ. А она его? Никогда. Для матерей сыновья всю жизнь остаются тѣмъ же, чѣмъ были во второй часъ своего рожденія».

Генри отбросилъ сигару и закурилъ новую. Въ воздухѣ висѣло какое-то особенное настроеніе. Съ озера тянуло теплымъ, влажнымъ вѣтеркомъ. И все было точно окутано этимъ воздухомъ. Въ такой атмосферѣ думается какъ-то особенно легко, пріятно и холодно-объективно.

Между тѣмъ Изольда медленнымъ шагомъ направлялась къ лѣсу,

— Знаешь, дорогая, почему—нѣтъ? Если бы я былъ менѣе осторожнымъ человѣкомъ, но эти тетки, отцы, дяди и матери... нѣтъ—знаешь ли!—и Артуръ Вендландъ вышелъ на террасу. Это былъ удивительный юноша. Рядомъ съ нимъ Менгерсенъ казался прямо филистеромъ. Въ немъ чувствовалась породистость во всемъ, кончая даже его носовымъ платкомъ.

— Мы съ мужемъ явились удачнымъ сочетаніемъ,—сказала какъ-то м-съ Вендландъ.

— Что за странная женщина мама!—Артуръ бросился въ одно изъ индійскихъ креселъ.—Я долженъ быть съ ней откровененъ! Ей просто хочется немножко поиграть въ «матери». Къ чему только не бываешь вынужденнымъ! Я, впрочемъ, очень благодаренъ мамѣ; во всемъ, что она дѣлаетъ, есть шикъ. Прежде я всегда представлялъ себѣ очень скучнымъ вмѣшательство матери въ жизнь молодого человѣка. Но, слава Богу, мама свѣтская женщина, съ ней можно говорить!

— Да, ваша мать васъ не стѣснитъ, молодой человѣкъ,—сказалъ Менгерсенъ.

— Мы—мама и я—видѣли, какъ эта крошка Изольда проходила тамъ внизу. Мама и говоритъ: «Она firstclass». А я ей отвѣтилъ: За одно «нѣтъ» можно отдать сто «да».

Проговоривъ эту неправду, Артуръ вытянулся на своемъ креслѣ.

— Не мѣшаетъ, однако, немного покататься на лодкѣ,—добавилъ онъ, поднялся и собрался уходить.

— Не хотите ли, Генри?

— Въ данную минуту нѣтъ; мнѣ здѣсь такъ хорошо.

Немного позднѣе Генри Менгерсенъ имѣлъ съ м-съ Вендландъ слѣдующій разговоръ:

— Ну, Генри, какъ вамъ нравится мой единственный сынъ?—

Хорошенькая каррикатура, а? Готовый снобъ. Но онъ мнѣ будетъ когда-нибудь благодаренъ за то, что я par force провела его черезъ самые трудные годы жизни. Вы очень умный человѣкъ, но женскій умъ, знаете ли, это что-то совсѣмъ другое. Теперь онъ здѣсь, потому что онъ долженъ влюбиться въ Изольду. Она очень серьезная дѣвушка, а теперь ему какъ разъ время испытать несчастную любовь. Жениться! Mon Dieu, о такой глупости онъ никогда не подумаетъ, а Изольда еще менѣе склонна къ другимъ глупостямъ. Вы понимаете?

— A la bonheur!—сказалъ Менгерсенъ.

— О, дорогая м-съ Вендландъ «странно,—подумалъ онъ про себя, женщины никогда не знаютъ другъ друга, лишены всякой возможности разсуждать, разъ дѣло касается существа ихъ пола».

— Такъ что ф-нъ Изольда очень сурова?—весело спросилъ онъ.

— И чиста, какъ ключевая вода,—добавила м-съ Вендландъ.

— Мы объ этомъ можемъ свободно говорить: въ Изольду вы не влюбитесь. Она, какъ вы знаете, бѣдна и происходитъ изъ порядочной семьи. Вы также мало склонны жениться на ней, какъ я выйдти за барона. Что будетъ дѣлать въ моемъ домѣ этотъ чужой человѣкъ? Такъ и съ Изольдой; что вамъ дѣлать съ этимъ ребенкомъ? Ее было бы, во всякомъ случаѣ, жаль отдать вамъ. Что можете вы дать вашей женѣ? Отъ всего ужина у васъ остался только дессертъ. Я не хотѣла бы часто у васъ ужинать, Генри. Да и что это еще за дессертъ? Это еще большой вопросъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ о полунѣмцѣ! Я немножко попробовала вашего дессерта—тогда онъ былъ еще совсѣмъ хорошъ, но въ общемъ ничего особеннаго; а съ тѣхъ поръ многіе уже отвѣдали его.

Эти слова м-съ Вендландъ сказала Менгерсену, который когда-то, когда они еще любили другъ друга, находился подъ ея обаяніемъ.

Да она и теперь надъ нимъ господствовала. И не это ли все еще привязывало его къ ней? Она была полна неожиданностей. Трудно было себѣ представить, впрочемъ, болѣе удобный переходъ отъ любви къ дружбѣ. Она, какъ фея, провела его по этому пути.

Да, онъ долженъ былъ сознаться: этотъ переходъ было одно изъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній его жизни. Онъ хотѣлъ бы, чтобы всѣ женщины такъ же смотрѣли на этотъ вопросъ. Что-то въ этомъ родѣ онъ высказалъ м-съ Вендландъ и при этомъ поднесъ къ губамъ ея нѣжную, выхоленную руку. Она задумчиво улыбнулась.

— Да, это было очень удобно для васъ, Генри, и потому вы это и цѣните. Но вы не понимаете, какая я великая артистка. Для этого вы слишкомъ филистеръ. И въ вашемъ искусствѣ есть большая доля филистерства. За все вамъ должны хорошо заплатить золотомъ и дипломами... Но оставимъ этотъ вопросъ!

— Безконечно жаль, что вы родились женщиной, Мэри!

Менгерсенъ стряхнулъ пепелъ съ сигары за перила балкона.

— Ты и не знаешь, мой другъ, какъ ты грубъ въ эту минуту,— ласково возразила она.—Малѣйшій признакъ ума въ женщинѣ есть уже излишняя трата! Это похоже на то, что я говорю: изъ нѣмецкой женщины вы сдѣлали корову. Корова производитъ на свѣтъ теленка безъ вмѣшательства ума и все-таки она очень полезное животное. Зачѣмъ женщинѣ умъ тамъ, гдѣ безъ него можно обойтись?

— Ахъ! Ахъ! Ахъ! Ахъ!—закричалъ Менгерсенъ и шутя заткнулъ обѣими руками уши.

— Дорогая, почтеннѣйшая, любимая Мэри, пощадите несчастнаго, который имѣетъ несчастье быть мужчиной и немножно работать!

— Оставьте вашу иронію, Генри; идите-ка лучше гулять. Мы ужинаемъ сегодня внизу на террасѣ. Вы вѣдь придете?

Генри поцѣловалъ ея руку.

«Прискучило,—думалъ онъ.—Хоть бы оставила она эту тему».

И онъ побрелъ въ лѣсъ той же дорогой, которой пошла Изольда. Надъ нимъ подъ дуновеніемъ перваго вечерняго вѣтерка шелестѣли верхушки буковъ. Но что это? Онъ остановился.

Изъ лѣсу громко неслись звуки молодого голоса, такого свѣжаго съ фальшиво звучащими нотами, но полнаго юношеской силы.

Менгерсенъ улыбнулся.

«Молодое животное носится по лѣсу, объятое любовной тоской. О, дорогая мистрисъ, вслушайтесь только въ этотъ голосъ! Научите меня понимать его».

Онъ все еще стоялъ и слушалъ. Нестройные звуки словно зачаровали его. Передъ нимъ всталъ образъ Изольды.

«Это ужъ нѣчто вѣчное,—подумалъ онъ,—ничего похожаго на мелодію. Женщина и вдругъ такая живая свѣжесть! Точно горный потокъ.—Онъ слушалъ и слушалъ.—Да это прямо неслыханно! Какой-то обнаженный голосъ!»

Ему казалось, что онъ видитъ передъ собой нагую дѣвушку, какъ греческая нимфа, бѣгающую по лѣсу и громко поющую; и въ этой пѣснѣ сливались въ дикое первобытное созвучіе и жалоба, и наслажденіе любви.

Вотъ оно откровеніе!

Что-то загорѣлось въ его холодныхъ, наблюдательныхъ глазахъ. Онъ былъ странно взволнованъ: какъ человѣкъ и какъ художникъ. Онъ такъ хорошо понималъ это дикое, требовательное созданіе, эту ликующую силу природы. Въ его головѣ зародилась идея новаго произведенія. Первый проблескъ жизни послѣ долгаго періода утомленія и бездѣятельности!

Осторожно, какъ охотникъ, онъ подкрался ближе. Онъ хотѣлъ, онъ долженъ былъ ее видѣть: сидитъ ли она, стоитъ или вообще что дѣлаетъ, напѣвая свою безумную громкую пѣсню?

И онъ увидѣлъ ее передъ собой въ сѣромъ суконномъ платьѣ; руки были закинуты за голову, она стояла прислонясь къ стволу бука

словно загипнотизированная звуками своей пѣсни. Вблизи эти звуки рѣзко прозвучали въ его ушахъ.

«Да, это было что-то первобытное! И она носила модныя платья, считалась барышней, вела себя такъ же прилично, какъ другія! Какъ она стоитъ! Воплощенная жажда любви и жизни!» Въ такомъ настроеніи онъ еще никогда не видалъ женщину. Это было что-то новое для него.

Его поразилъ звукъ собственнаго голоса, когда съ губъ его громко сорвалось имя Изольды.

Пѣніе оборвалось, точно сдѣлало скачокъ. Она сжалась, словно пораженная пулей. Онъ заглянулъ въ ея блѣдное, застывшее лицо. Съ устъ ея не сорвалось ни слова, ни улыбки. Она смотрѣла на него почти безсознательно. А онъ? Онъ только что погрузился однимъ легкомысленнымъ прыжкомъ въ воду.

Изольда! Что это ему взбрело на умъ? Этакое русалочье имя! Другого бы онъ, разумѣется, не произнесъ. Но... Изольда, Изольда! Это точно крикъ блаженства любви.

— Изольда!—снова повторилъ онъ; на этотъ разъ беззвучно.

Она вдругъ очнулась. Изъ ея глазъ полились потоки блаженнаго сіянія—какого-то мечтательнаго счастья. Она стояла передъ нимъ пробужденная; безпомощная, трогательная, уничтоженная и только теперь пробужденная къ жизни. Ему еще никогда не приходилось видѣть на чьемъ-либо лицѣ такого мечтательнаго замѣшательства. Да и онъ, которому уже все надоѣло, который ко всему охладѣлъ, былъ взволнованъ, смущенъ. Что онъ надѣлалъ!

Вотъ она стоитъ, предлагая ему свою любовь такъ нѣжно, подѣтски, безхитростно. Это не могло его не тронуть! Онъ не могъ не обвить рукой ея плечъ, не притянуть къ себѣ.

— Да развѣ это возможно?—прошептала она вся дрожа. По ея щекамъ покатились слезы такія обильныя, дико счастливыя. Но вотъ капли дождя испарились съ ея лица; она смотрѣла на него сіяющими глазами. И этотъ глубокій, вопрошающій взглядъ раздражалъ его,, какъ лучъ солнца. Ея голова лежала на его груди. Въ эту минуту онъ невольно вспомнилъ Артура Вендланда:

«Голова ея покоится у меня на груди, а мнѣ она уже смѣшна.»

Его ощущеніе напоминало ощущеніе богатаго, сытаго человѣка, къ ногамъ котораго другой съ блаженствомъ фанатика несетъ свое единственное достояніе, а ему это вовсе даже и не нужно.

Онъ чувствовалъ себя ужасно отягощеннымъ. Это покоящееся въ его объятіяхъ, замирающее отъ блаженства созданіе, которое такъ мало требуетъ отъ него и безсознательно готово отдать ему все, стѣсняло его. Что ему съ ней дѣлать? Онъ чувствовалъ, что она его безраздѣльно, и сдалась она безъ всякихъ условій. Она вѣрила въ него.

Изольда подняла глаза. О эти глаза — эти требующіе, вѣрующіе глаза!

— Ты любишь меня!—сказала она мечтательно, упоенная счастьемъ. Онъ крѣпче горячѣе прижалъ ее къ себѣ.

«Бѣдное созданіе, — думалъ онъ, — если бы я только не былъ осторожнымъ, обдуманнымъ человѣкомъ, ты была бы тѣмъ, что ты есть... просто влюбленной дѣвочкой».

Онъ крѣпко, крѣпко прижалъ ее къ себѣ. Она содрогнулась. Онъ почувствовалъ это содроганіе и напечатлѣлъ поцѣлуй на ея полуоткрытыя губы.

Она закрыла глаза.

— Ты лучшій изъ людей! — прошептала она, какъ тогда передъ черепомъ.

— Что ты сказала, дорогая?

Она не отвѣчала. Словно застыла. Вдругъ къ ней вернулась жизнь. Она подняла голову, робко, съ трогательной нѣжностью высвободилась изъ его объятій и стала говорить ему о немъ самомъ — съ того перваго дня, какъ она поняла его искусство.

— Да,—говорила она,—мнѣ казалось, все это мое собственное, все, что создалъ ты, создано мною — больше любить твои произведенія я не могла, ничѣмъ большимъ они для меня не могли быть. Никто не можетъ понять тебя такъ, какъ я тебя понимаю. Знаешь, я — ничто! Я ничего не умѣю; ничего не знаю; меня ничему ни учили. Но съ того дня твое искусство живетъ во мнѣ. Это лучшее, единственно хорошее, что во мнѣ есть. Я смотрю на міръ такъ, какъ ты на него смотришь. Я все дѣлаю вмѣстѣ съ тобою. И вотъ почему я тебя такъ люблю,— просто добавила она.

Это было странное приключеніе! Какъ она умѣла сама себя обмануть! Она любила его искусство! Онъ усмѣхнулся, взялъ ея голову и провелъ рукой по волнистымъ волосамъ.

— Этакая кудрявая головка!—Она серьезно взглянула на него.

— Я говорю тебѣ то, что знаю.—Въ ея глазахъ свѣтилась неизмѣримая, страстная серьезность.

Вдругъ его осѣнила новая мысль.

— Изольда, — сказалъ онъ и звукъ этого имени снова заставилъ его поддаться какому-то странному обаянію: — скажи, ты исполнишь изъ любви ко мнѣ мою просьбу?

— Да,—отвѣтила она.

Онъ испытующе посмотрѣлъ на нее.

— Ты только что стояла, прислонясь къ дереву, закинувъ руки за голову, и пѣла. Согласишься ли ты такъ позировать мнѣ, хотя бы только одинъ разъ, чтобы я могъ тебя нарисовать?

— Да,—отвѣтила она,—когда пожелаешь.

Она выразила полную готовность. Тогда онъ снова заключилъ ее въ свои объятія, горячо, страстно, растроганно. При этомъ онъ шепнулъ ей на ухо нѣсколько словъ. Секунду она тяжело лежала въ его

объятіяхъ, утомленная, точно раненая. Ему показалось даже, что она потеряла сознаніе.

— Изольда—прошепталъ онъ.

Она поднялась, спокойно взглянувъ на него и сказала: — Да, если я дѣйствительно могу этимъ помочь тебѣ.

Теперь она протянула ему руку. Она не сказала ничего, но онъ почувствовалъ, что долженъ уйдти. Она выглядѣла измученной. Онъ боялся, что не сможетъ держаться на ногахъ, но она стояла спокойная и блѣдная и смотрѣла на него.

— Значитъ ты придешь ко мнѣ, Изольда, какъ только будетъ возможно.

Ея глаза отвѣтили ему. Вся она осталась неподвижна.

Онъ ушелъ, унося съ собой какое-то странное волненіе; чтобы успокоиться, онъ предпринялъ длинную прогулку.

— Вотъ что значитъ умѣть владѣть собой. Вѣдь это была въ сущности очень опасная исторія, выходящая изъ рамокъ обыденнаго любовнаго приключенія.

— Она не сдѣлаетъ этого!—испуганно подумалъ онъ, представивъ себѣ встрѣчу съ Изольдой. — Не можетъ же она въ своей наивности вообразить себя невѣстой! Вѣдь эти не знающія жизни барышни вездѣ видятъ помолвки и свадьбы, свадьбы и помолвки. Какъ бы это ей втолковать?

Сначала онъ рѣшилъ не показываться въ этотъ вечеръ, чтобы не вводить ее во искушеніе, не дать ей случая его компрометтировать. Но потомъ онъ отбросилъ этотъ планъ. Лучше было имѣть ее на глазахъ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Въ ней онъ увидѣлъ въ этотъ вечеръ тихаго, трогательно-прекраснаго ребенка, напоминавшаго въ своемъ прозрачномъ платьѣ большой бѣлый задумчивый цвѣтокъ. Артуръ Вендландъ старался ее занимать, но она ничего не замѣчала, что происходило вокругъ нея.

Съ момента, что они поздоровались, онъ былъ спокоенъ за ея поведеніе.

— Добрый вечеръ, фрейленъ Изольда!—Всѣ условились отправиться на слѣдующее утро провожать фрау Лу.

Когда поздно ночью Генри Менгерсенъ приступилъ къ совершенію своего тщательнаго и подробнаго туалета, фантазіи его не трудно было найдти себѣ пищу.

Понималъ ли онъ, какое нѣжное, чистое, горячее сердце билось сегодня у него на груди?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛЬ ВЕРЛЭНЪ.

(Критическій очеркъ).

Oeuvres complètes de Paul Verlaine. 20 vol. Paris (Vanier).

Грустную повѣсть о томъ, сколько разъ и за что его сажали въ тюрьму, Верлэнъ заканчиваетъ обращеніемъ къ поборникамъ общественнаго порядка. «Хватайте,—говоритъ онъ имъ,—злодѣевъ, если смѣете, но оставьте въ покоѣ поэтовъ: вамъ нѣтъ до нихъ дѣла, да и они не обращаютъ на васъ никакого вниманія». Этотъ совѣтъ должны твердо помнить біографы поэта. Чтобы понять своеобразную и парадоксальную личность Верлэна, его осложненную и въ то же время наивную поэзію, надо постараться почти совсѣмъ забыть о нравственныхъ и общественныхъ устояхъ современнаго человѣчества. Нравственный и общественный обликъ Верлэна слишкомъ личенъ, слишкомъ изъ ряду вонъ.

Этотъ некрасивый и неопрятный человѣкъ, съ лицомъ, какъ будто нарочно созданнымъ въ подтвержденіе теоріямъ Ламброзо и Макса Нордау, былъ прежде всего поэтъ. И это надо твердо помнить. Немногіе его поступки можно, правда, назвать поэтическими, но совершалъ онъ ихъ исключительно ради поэзіи. Поэзія была его единственной стихіей и даже единственной страстью. Приглядѣвшись поближе къ Верлэну, вдумавшись въ его загадочное *я*, всего лучше удастся проникнуть въ то загадочное нѣчто, что отличаетъ поэта отъ обыкновеннаго человѣка, въ чемъ коренится сущность священнаго дара поэзіи. Когда передъ смертью, покинутый и несчастный, Верлэнъ собственноручно золотилъ самые обыкновенные предметы своей убогой обстановки, онъ безсознательно далъ оцѣнку всей своей писательской дѣятельности и вынесъ себѣ окончательный приговоръ. Въ этомъ нелѣпомъ украшеніи домашняго скарба чувствуется и дѣтски восторженная вѣра въ свое призваніе, и безнадежно грустная иронія надъ самимъ собой.

I.

Если литературная дѣятельность обыкновенно начинается грезами о новыхъ словахъ, о новыхъ формахъ красоты, о нравственномъ обновленіи

общества, то талантовъ истинно творческихъ, способныхъ на подобный подвигъ, очень немного. Установленныя традиціи чаще всего совсѣмъ поглощаютъ личность молодого литератора и заставляютъ его съ первыхъ же шаговъ брести по проторенной тропѣ. Попасть въ колею даже большое счастье. Потуги исканія замѣняются удачной и сравнительно легкой литературной производительностью. Самосознаніе растетъ, и съ нимъ растетъ самоувѣренная, хотя, можетъ быть, и близорукая оцѣнка своихъ произведеній. Писатель начинаетъ принадлежать къ редакціи, къ партіи, къ литературному толку. Онъ чувствуетъ себя полезнымъ. И онъ правъ. Такіе люди необходимы постольку, поскольку необходимы и эти редакціи, и эти партіи, и эти литературные толки.

Кто не приспособился, не угадалъ или не хотѣлъ угадать, кто сознательно не попалъ въ опредѣленное теченіе, тѣхъ поступь не тверда и карьера шатка. Нужно много вѣры въ себя, много самоотверженности, чтобы выносить въ себѣ свои завѣтныя мечтанія и доработаться до настоящихъ новыхъ мыслей и новыхъ образовъ. Критика чаще всего встрѣчаетъ довольно враждебно слишкомъ ищущихъ писателей. Ихъ обвиняютъ то въ стремленіи оригинальничать, то въ попыткахъ угнаться за модой; и это даже тогда, когда эти литературныя моды кровь отъ крови ихъ собственныхъ стремленій.

Лемэтръ въ статьѣ о новой французской поэзіи живо изобразилъ типъ литературныхъ искателей. «У нихъ есть особая характерная складка, пишетъ онъ, писательство становится у нихъ почти болѣзнью; этотъ недугъ нападаетъ на нихъ въ двадцать лѣтъ, а иногда и раньше и не оставляетъ ихъ до конца. Прежде всего они начинаютъ вѣрить узкой, суровой вѣрой фанатика, что литература есть лучшее и единственно важное въ мірѣ и что именно литература есть дѣло, наиболѣе подходящее къ ихъ геніальнымъ способностямъ. Тогда они основываютъ кружки человѣка въ три, два, чуть ли не съ самимъ собой. Они стараются осложнить литературныя формы, уже и безъ того осложненныя; они становятся еще бо́льшими натуралистами, чѣмъ Золя, еще большими импрессіонистами, чѣмъ Гонкуръ, еще болѣе мистичными и грустными, чѣмъ Бодлэръ. Они придумываютъ символизмъ, декадентство и проч.».

Верлэнъ былъ, конечно, новаторомъ въ дѣлѣ французской поэзіи. Долгіе годы онъ какъ-то прозябалъ вдали отъ руководящихъ литературныхъ теченій, одинокій и непризнанный и только въ концѣ жизни онъ почти неожиданно оказался вождемъ цѣлаго направленія. Съ этого времени Верлэнъ напротивъ уже стоитъ въ центрѣ цѣлаго кружка поэтовъ, до сихъ поръ удивляющихъ пріемами своего творчества большинство критиковъ и значительную часть читающей публики.

Однако, отнести къ Верлэну слова Лемэтра было-бы, конечно, ошибкой. Про Верлэна никакъ нельзя сказать, что онъ придумалъ свою поэтическую теорію. Передъ нимъ постепенно возникъ его собственный идеалъ

поэзіи, и онъ сталъ осуществлять его по мѣрѣ того, какъ приходило вдохновеніе, какъ слагались образы, какъ зарождались мысли. Разговоровъ объ эстетическихъ вопросахъ онъ не любилъ и вовсе не считалъ себя особенно оригинальнымъ или передовымъ. Его друзья и сверстники, Коппэ, Катюль, Мендесъ и Анатоль Франсъ—также долгіе годы не подозрѣвали, что въ его поэзіи есть нѣчто особое, своеобразное. Непосредственность Верлэна отмѣчалась часто. «Поэзія его,—писалъ Лемэтръ,—естественна; она возникла какъ-то невольно; ее нельзя назвать ни классической, ни романтической, ни парнасской; я назову ее антилитературной». Это послѣднее выраженіе особенно характерно. Къ нему прибѣгъ и самъ Верлэнъ въ своей знаменитой стихотворной «Поэтикѣ» *). Верлэнъ предлагаетъ здѣсь цѣлый рядъ правилъ, относящихся то къ внѣшней структурѣ стиха, то къ самому исполненію поэтическаго замысла, и все то, что написано иначе, онъ съ презрѣніемъ зоветъ «литературой». Французы часто говорятъ: «Это литература», когда мы сказали бы: «это одни слова». Но это не то. Верлэнъ разумѣлъ здѣсь еще и нѣчто иное, тоже, что имѣлъ ввиду и Тургеневъ, когда говорилъ: «воняетъ литературой». У Верлэна «литература» значитъ ходячая ремесленная литературная производительность; къ ней Верлэнъ былъ совершенно неспособенъ.

Рядомъ съ «литературой» Верлэнъ пренебрежительно отзывается въ своей «Поэтикѣ» и о краснорѣчіи. «Сверни шею краснорѣчію», говоритъ онъ. Поэзія, по его мнѣнію, не должна высказывать какое-либо сужденіе. Пусть поэтъ тщательно избѣгаетъ риторическихъ пріемовъ: убѣждать не его дѣло. Краснорѣчію Верлэнъ противополагаетъ музыку. «Въ стихахъ надо прежде всего побольше музыки», дважды напоминаетъ онъ. И подъ музыкой онъ подразумѣваетъ, конечно, не одну мелодичность стиха. Помимо этого нужно, чтобы самымъ впечатлѣніемъ, какое она производитъ, поэзія приближалась къ музыкѣ. Если краснорѣчіе ставитъ себѣ задачей возбудить извѣстный комплексъ вполнѣ опредѣленныхъ идей или чувствъ, заставить проникнуться извѣстнымъ сознаніемъ, то впечатлѣніе, производимое музыкой, напротивъ, есть то смутное полубезсознательное состояніе души, которое называется настроеніемъ. Его и добивается Верлэнъ. Настроеніе ему всего дороже. Онъ хочетъ, чтобы въ стихахъ—«опредѣленность переплеталась съ туманнымъ и неуловимымъ». Онъ сравниваетъ поэзію «съ глазами, смотрящими на насъ сквозь кисею занавѣси», «съ легкой свѣтовой рябью полуденнаго солнечнаго сіянія». Ему нужно впечатлѣніе не цвѣтовъ, а оттѣнковъ: «они одни согласуютъ мечту съ мечтой, какъ флейта сочетается съ звуками рожка».

И если этой музыкальности замысла должна соотвѣтствовать и музыкальность исполненія, то достигается она, по мнѣнію Верлэна,

*) См. ниже переводъ. *Ред.*

предпочтеніемъ нечетнаго количества слоговъ. Онъ уже болѣе не вѣритъ въ звучность александрійскаго стиха. Онъ презираетъ также риѳму, «эту грошевую бездѣлушку, звучащую такъ фальшиво». Онъ готовъ замѣнить ее ассонансомъ.

Стихотворная «Поэтика» Верлэна входитъ въ составъ сборника «Нѣкогда и недавно» («Jadis et Naguère»), появившагося въ 1884 году. Талантъ Верлэна въ то время достигъ уже полнаго расцвѣта. Въ то время были уже написаны и «Романсы безъ словъ» («Romences sans paroles») и «Мудрость» («Sagesse»), гдѣ, по мнѣнію большинства почитателей Верлэна, его дарованіе развернулось самымъ яркимъ образомъ. «Поэтика» Верлэна есть результатъ его писательскаго самосознанія. Здѣсь поэтъ какъ-бы подводитъ итогъ своимъ исканіямъ.

Въ прологѣ къ «Нѣкогда и недавно» Верлэнъ даже прощается съ прежними пріемами творчества; онъ теперь пережилъ ихъ и разъ навсегда отбросилъ. «Нѣкогда и недавно», какъ это показываетъ самое названіе, сборникъ составной; Верлэнъ собралъ въ немъ все то, что было написано въ разное время и еще оставалось ненапечатаннымъ. И вотъ, напутствуя эти былыя грезы, которыя онъ издаетъ здѣсь въ первый разъ, поэтъ говоритъ имъ: «Идите маленькія разочарованія и надежды, идите мои радости и мои страданія; со вчерашняго дня мое сердце отказалось отъ васъ, оно устремилось за новой добычей». Эта «новая добыча» и есть то, что онъ проповѣдуетъ въ своей «Поэтикѣ».

На самомъ дѣлѣ поэтическіе пріемы, которымъ Верлэнъ сказалъ здѣсь свое послѣднее прости, осуждены имъ, однако, гораздо раньше; двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Верлэнъ впервые пошелъ на поиски за независимымъ творчествомъ.

Когда выходили въ свѣтъ первые сборники стиховъ Верлэна «Сатурническія поэмы» («Poèmes saturniens» 1866 г.) и «Празднества любовниковъ» («Les fêtes galantes», 1869 г.), его ближайшіе друзья: Катюль Мендесъ, Коппэ, Сюлли Прюдомъ, Жозэ Маріа де-Эредіа, Вилье де-Л'Иль Аданъ и Анатоль Франсъ, только что основали литературное сообщество «Парнасъ». Лозунгомъ его была отдѣлка формы, пластическая холодность, сознательность и ясность. Парнасцы молились на Теофиля Готье, на Теодора де-Банвиля, на Виктора Гюго. Ближе всѣхъ имъ былъ Леконтъ де-Лиль; они были жрецами даже не искусства для искусства, а искусства для формы. Отдѣлка стиха поглощала все ихъ вниманіе. По собственному признанію Мендеса они не искали новшествъ, не стремились вложить новое содержаніе. Они хотѣли только усовершенствоваться, усовершенствовать стихъ, усовершенствовать риѳму. Они выковывали съ рѣдкимъ самоотверженіемъ ритмъ и отыскивали самыя звучныя, богатыя и рѣдкостныя риѳмы.

Верлэнъ началъ свою дѣятельность подъ вліяніемъ кружка. Прологъ его «Сатурническихъ поэмъ» напоминаетъ «Легенду вѣковъ»

Гюго. Верлэнъ поетъ о царѣ Даліа и о Савитри. Вмѣсто «Homère» такъ же, какъ и Леконтъ де-Лиль, онъ почему-то говоритъ Homeras и вмѣсто Orphée-Orpheus. Гангъ онъ называетъ Ganga и Ахилла Achilleus. Тотъ ассонансъ, который впослѣдствіи онъ предложитъ взамѣнъ мишурной риѳмы онъ «ненавидитъ, какъ осмотрительность въ дружбѣ». И онъ воображаетъ себя такимъ же жрецомъ хладнокровнаго артистическаго эпикурейства, какъ и его друзья. Онъ хочетъ увѣрить насъ, что «трогательные стихи онъ слагаетъ холодно», что онъ «выковываетъ свой стихъ, какъ кубокъ». «Развѣ не изъ мрамора милосская Венера!» восклицаетъ онъ.

Однако, все это только литература, литература подавляющая, плохо переваренная и надоѣдливая, но она не убила зарождавшихся побѣговъ самостоятельнаго замысла. Настоящій Верлэнъ чувствуется и тутъ. Среди чисто парнасскихъ стиховъ ютится и эта странная «Осенняя пѣсня», гдѣ говорится о «протяжныхъ рыданіяхъ скрипокъ осени», о томъ, какъ поэтъ, «когда наступитъ его часъ, пойдетъ, взволнованный и блѣдный, весь отдавшись воспоминаніямъ, туда, гдѣ злой вѣтеръ понесетъ его словно сухой, опавшій листъ».

Подобные, чисто Верлэновскіе мотивы усиливаются въ «Празднествахъ Любовниковъ». Верлэнъ вдохновился здѣсь пейзажами Ватто и Бушэ. Въ какомъ-то искусственномъ, роскошномъ паркѣ при лунномъ свѣтѣ передъ нимъ проходятъ условныя маскарадныя фигуры въ жеманныхъ костюмахъ времени праздниковъ Маріи Антуанеты въ маленькомъ Тріанонѣ. «Они бродятъ, какъ призраки, со «взорами мертвецовъ»; они садятся на «скамьи, покрытыя ветхимъ мохомъ». Но они совсѣмъ живые люди и даже скептики. Они какъ будто сами не вѣрятъ, что въ нихъ есть что-то необычное, и имъ грустно въ ихъ причудливомъ нарядѣ. Они знаютъ, что прошлаго не вернешь и потому они «либо поютъ и играютъ на лютнѣ, либо молчатъ надъ исполненной тайны тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ». Ихъ любовь наивна и и нескромна, какъ любовь условныхъ пастушекъ. Но вотъ «осеннимъ вечеромъ дѣвушки, наплясавшись вдоволь, подойдутъ къ своимъ возлюбленнымъ и заговорятъ такими особыми словами, что съ тѣхъ поръ душа дрожитъ вся смущенная и полная удивленія».

Эти странныя видѣнія вовсе не «выкованы»; они только чуть намѣчены. Смыслъ ихъ почти неуловимъ. На толкованіе всей этой фантасмагоріи чувственности, веселья и грусти намекаетъ только первая строчка знаменитаго стихотворенія: «При лунномъ свѣтѣ», которое теперь, кажется, рѣдко, кто не знаетъ наизусть: оно начинается словами: «ваша душа—изысканный пейзажъ, гдѣ красуются маски и бергамаски». Кто-бы ни былъ тотъ, къ кому обращается поэтъ, мы узнаемъ отсюда, что все это иносказаніе, что всѣ эти образы не что иное, какъ грезы, какъ отзвукъ порывовъ къ радостямъ жизни, какъ выраженіе тревожнаго разочарованія. Тутъ поэтъ

ищетъ уже почти исключительно настроенія. Выточенная образность школы Парнаса уже уступила мѣсто призрачнымъ мечтаніямъ.

«Пейзажъ есть состояніе души», говорятъ французскіе художники. Для Верлэна состояніями души были не только англійскіе и бельгійскіе пейзажи, которыми полны его «Романсы безъ словъ» — «Нѣкогда и недавно» и др. послѣдующія сборники; всякая сценка, иногда совершенно простая, каждодневная, всякій образъ, промелькнувшій въ его воображеніи, каждое воспоминаніе служило Верлэну для выраженія чисто личныхъ душевныхъ состояній. Верлэнъ былъ исключительно поэтомъ лирическимъ. Комедіи, какъ «Одни и Другіе», какъ «г-жа Обэнъ», романсы, какъ «Луиза Леклеркъ» не удавались ему. Слеза за слезой и греза за грезой изливается въ поэзіи Верлэна его личная жизнь. Съ какимъ-то задорнымъ безстыдствомъ и благочестивымъ умиленіемъ поэтъ обнажаетъ передъ нами свою душу. И личность его подкупаетъ, притягиваетъ и убаюкиваетъ вниманіе.

Субъективное творчество торжествуетъ въ стихахъ Верлэна свой самый полный расцвѣтъ. Французская поэзія вообще не богата лиризмомъ. Во времена напудренныхъ париковъ, условнаго вкуса и декламаторскихъ трагедій лиризму не было мѣста. Только съ Шатобріаномъ, Ламартиномъ и Мюссэ онъ было проснулся для «неопредѣленныхъ страстей», разочарованія и скорби. Въ поэзіи Верлэна онъ переродился заново и повѣдалъ міру о тому, насколько тревожно и причудливо человѣческое сердце.

Лирическій поэтъ непремѣнно долженъ чувствовать напоказ страдать и надѣяться передъ людьми и для людей. Въ этомъ его назначеніе. Всѣ малѣйшія движенія его души должны совершенствоваться и изощряться. Верлэнъ и лелѣялъ въ себѣ каждое колебаніе своей чувствительности, какъ напѣвъ любимой пѣсни. Онъ вынашивалъ его, осложнялъ преувеличивалъ, отдѣлывалъ съ рѣдкой вдумчивостью и сознательностью. Его личная внутренняя жизнь была настоящей сокровищницей человѣческихъ желаній, помысловъ и сожалѣній. Трудно найти у другого поэта такую расточительную роскошь душевныхъ состояній.

Но если Верлэнъ всего болѣе цѣнилъ оттѣнки мыслей и чувствъ, то это не могло, разумѣется, способствовать его успѣху въ широкой публикѣ. Широкая публика всегда предпочитаетъ упрощенное и доступное. Верлэнъ, напротивъ, какъ Браунингъ, какъ Кардуччи, поэтъ «трудный»: надо сдѣлать значительное напряженіе, чтобы проникнуть въ тѣ состоянія его души, которыя выливаются въ его стихахъ. Чтобы сродниться съ его образами, нужно отдаться цѣликомъ во власть его наболѣвшей, ушедшей въ себя поэтической мысли, надо угнаться за необузданными нервными порывами его воображенія и Верлэнъ, со свойственною ему сознательностью, очень рано сталъ предугадывать, что ему суждено долго еще брести на литературномъ пути оди-

нокимъ и непонятымъ. Еще въ «Сатурническихъ поэмахъ» юношескую потребность любви онъ выразилъ обращеніемъ къ незнакомой женщинѣ *). Онъ не знаетъ ея имени, онъ не знаетъ даже, какого цвѣта ея волосы; ея взглядъ похожъ на слѣпой взоръ мраморныхъ статуй, ея голосъ спокойный и строгій доносится откуда-то издалека; онъ звучитъ, какъ голосъ того, кто давно уже умолкъ. Но для этой женщины причудливая мысль поэта не странная загадка; она съумѣетъ утѣшить его своими слезами; она одна освѣжитъ его блѣдное чело задумчивой лаской руки.

II.

Верлэнъ родился въ 1844 году единственнымъ сыномъ сапернаго капитана. Дѣтство его прошло въ Мецѣ, но съ выходомъ въ отставку капитана Верлэна, семья его переѣхала въ Парижъ и поселилась въ тогда еще совсѣмъ пустынномъ предмѣстьѣ Парижа,—Батиньолѣ. Поль Верлэнъ получилъ обычное образованіе въ средней школѣ и на девятнадцатомъ году сталъ баккалавромъ словесныхъ наукъ. Онъ хотѣлъ было пройти и юридическій факультетъ, но отецъ его разсорился въ какой-то банковской операціи, и молодому поэту пришлось поступить чиновникомъ въ парижскую думу.

Первое влеченіе къ поэзіи, какъ онъ это самъ разсказываетъ въ своей «Исповѣди», Верлэнъ почувствовалъ еще школьникомъ при чтеніи Бодлэра. Сумрачные образы «Цвѣтовъ зла» приковывали его къ себѣ. Вліяніе Бодлэра сказывается уже въ самыхъ первыхъ стихотвореніяхъ Верлэна, и оно не ослабѣваетъ до поры полной зрѣлости его поэтическаго генія. Здѣсь почерпнулъ Верлэнъ эту склонность къ страшнымъ, нездоровымъ видѣніямъ; отсюда это поэтизированіе человѣческихъ пороковъ и не въ привлекательномъ свѣтѣ романтическихъ страстей, а въ самомъ отталкивающемъ, почти циничномъ ихъ проявленіи. Къ этому присоединились и образы «гротеска», введенные Теофилемъ Готье. Цѣлый отдѣлъ посвященъ въ «Сатурническихъ поэмахъ» уродливымъ и страшнымъ видѣніямъ. Онъ носилъ названіе «Офорты». Одно изъ вошедшихъ сюда стихотвореній прямо озаглавлено «Grotesque». Здѣсь проходятъ «На пути приключеній» какіе-то бродячіе пѣвцы; они одѣты въ лохмотья, они поютъ въ носъ подъ аккомпанименты своихъ «кислыхъ гитаръ» странныя пѣсни свободы и возмущенія. Ихъ строго порицаетъ мудрецъ, ребятишки бросаютъ въ нихъ камнями, надъ ними смѣются дѣвушки, но въ ихъ глазахъ, «и хохочетъ, и плачетъ любовь великихъ дѣлъ». Природа въ нихъ «мститъ святотатству могучихъ огромныхъ надеждъ», и когда они умрутъ отъ холода и стужи, даже волки пренебрегутъ ихъ трупами.

*) См. ниже переводъ: „Моя обычная мечта“. *Ред.*

Въ «Празднествахъ любовниковъ» и «Романсахъ безъ словъ» такимъ бодлэровскимъ образамъ не было мѣста. «Святотатство могучихъ огромныхъ надеждъ» здѣсь разрѣшилось скорѣе грустной ироніей, но въ «Нѣкогда и недавно» встаютъ передъ нами видѣнія, еще болѣе раздирающія душу. Вотъ поетъ «старикъ разбитымъ голосомъ и съ глазами мертвеца; разлагающимся, зеленымъ пальцемъ висѣльника онъ треплетъ свою гитару и пляшетъ на просторѣ расширяющейся передъ нимъ будущности». Этотъ старикъ — это прошлое поэта, это его раскаяніе; оно ликуетъ и смѣется при свѣтѣ луны. «Замолчи, старикъ, перестань!»—«Нѣтъ, повѣрь, мои пѣсни не шутки; а пришлись ли тебѣ онѣ по нраву—мнѣ дѣла нѣтъ». Тутъ же, въ этомъ же сборникѣ картины кроваваго пиршества волковъ послѣ битвы и отвратительное оскорбленіе трупа двумя пьяницами. Такіе Бодлэровскіе образы наполняютъ и, позднѣйшій сборникъ «Параллельно».И поэтъ, разумѣется, сознательно къ нимъ вернулся. Таковы: «Гитара», «Непокаянный», «Безстыжій» и др.

Образы «Гротеска» роднились въ душѣ Верлэна и съ чисто личными свойствами. Верлэна часто называли современнымъ Виллономъ, предшественникомъ всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ поэтовъ XVI и XVII в., которыхъ, какъ онъ выражался, открылъ Теофиль Готье. Но Виллонъ велъ жизнь дѣйствительно распутную, безобразную, вращался въ компаніи людей, живущихъ на границѣ преступности, а Верлэнъ, чиновникъ думы, жилъ тихою жизнью молодого буржуа вмѣстѣ съ матерью; у него еще оставалось и кое-какое состояніе; въ то время онъ вовсе не принадлежалъ къ парижской богемѣ. Богема однако уже овладѣвала его воображеніемъ; она манила его къ себѣ, хотя покамѣстъ на самомъ дѣлѣ все сводилось къ склонности покутить и выпить лишнее. Верлэнъ приводилъ въ отчаяніе свою мать, возвращаясь домой чутьли не ежедневно слишкомъ поздно и въ нетрезвомъ видѣ. И вино дѣйствовало на него повидимому плохо. Природная вспыльчивость доходила до взрывовъ самой крайней раздражительности. Какъ онъ говорилъ о себѣ позднѣе, онъ привыкалъ смотрѣть на жизнь не въ розовомъ свѣтѣ, какъ она видится людямъ поверхностнымъ; жизнь не представлялась ему также и сѣренькой, какъ людямъ положительнымъ, или черной, какъ моралистамъ и филантропамъ; въ воображеніи Верлэна жизнь покрывалась цвѣтомъ крови. Въ этомъ отношеніи Верлэнъ весь вылился въ прологѣ къ «Сатурническимъ поэмамъ», гдѣ онъ говоритъ, что родился подъ зловѣщимъ вліяніемъ Сатурна. Вотъ почему его «тревожное и неустойчивое воображеніе уничтожаетъ всякое вліяніе разума, и въ его жилахъ течетъ кровь, осложненная, какъ ядъ; она кипитъ какъ лава и покрываетъ ржавчиной его грустный идеалъ, который рушится».

При такомъ настроеніи въ Верлэнѣ конечно не могло быть рѣшительно никакихъ задатковъ добраго семьянина. Его женитьба на сестрѣ молодого музыканта, де-Сиври, была поэтому началомъ самаго бурнаго пе-

ріода его жизни, началомъ такихъ потрясеній, послѣ которыхъ нравственное равновѣсіе стало для него уже невозможнымъ. Въ стихахъ, написанныхъ за періодъ жениховства, того буржуазнаго и банальнаго жениховства, какое описано имъ въ его исповѣди, поэтъ напрасно надѣется обрѣсти покой. Эти стихи составили цѣлый сборникъ «Добрая пѣсня». Верлэнъ говоритъ здѣсь, что «его робкое мрачное сердце одиноко плакало на своемъ грустномъ пути», что «онъ бродилъ по коварнымъ тропинкамъ болѣзненно-невѣрнымъ», но что теперь «ея ручки» повели его къ счастью. Въ другомъ мѣстѣ поэтъ восклицаетъ: «прошло время зловѣщихъ мыслей», «скверныхъ сновъ», «ироніи», «горькихъ улыбокъ» «сжатыхъ кулаковъ и ненависти», теперь онъ хочетъ «пройти прямо и спокойно въ жизни». Все это думалось и писалось, конечно, искренно;—иначе Верлэнъ писать не умѣлъ,—но все это было ошибкой. Семейныя ссоры начались очень рано, чуть ли не въ первые же мѣсяцы. Верлэнъ, несмотря на свои благія обѣщанія повидимому не измѣнилъ также своей склонности засиживаться въ кофейняхъ и пьянымъ возвращаться домой. Съ другой стороны молодая г-жа Верлэнъ вовсе не была способна ни спасти мужа, ни дать ему счастье; когда черезъ нѣсколько лѣтъ Верлэнъ писалъ въ своихъ стихотворныхъ обращеніяхъ къ своей женѣ: «у васъ было слишкомъ мало терпѣнія», «въ васъ не было достаточно нѣжности», «я былъ правъ, когда въ мрачныя минуты говорилъ, что въ вашихъ глазахъ, очагѣ моихъ старыхъ надеждъ, зарождалось предательство», онъ вѣрно опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія. Предательство г-жи Верлэнъ было особаго рода. Она была склонна значительно преувеличивать недостатки мужа. Она еще болѣе бередила измученную душу поэта. «Вы испугались,—пишетъ ей Верлэнъ въ другомъ стихотвореніи,—грозы и рокочущаго, свистящаго сердца и, какъ овечка, вы заблеяли, призывая вашу мать»; «вы приняли тонъ ненависти, размахивали вашими маленькими ручками, точно озлобленный герой».

Семейная драма Верлэна развивалась въ тревожное время. Нѣмецкія войска подходили къ Парижу. Наступилъ послѣдній актъ той распутной и жестокой траги-комедіи, какой была въ исторіи Франціи вторая имперія. Готовился новый соціально-политическій переворотъ. Верлэнъ всей душой примкнулъ къ этому движенію. Чуть не наканунѣ свадьбы онъ былъ арестованъ за то, что на бульварахъ кричалъ вмѣстѣ со своими единомышленниками: «Да здравствуетъ республика!» Молодоженомъ онъ былъ членомъ коммуны въ качествѣ начальника бюро прессы и послѣ погрома, какъ укрыватель разбитыхъ коммунаровъ, онъ жилъ подъ опастностью серьезныхъ преслѣдованій. Судьба такимъ образомъ горько посмѣялась надъ искателемъ «прямого пути въ жизни». Верлэнъ свилъ себѣ гнѣздо на еще тлѣвшемъ пожарищѣ. Въ развалинахъ лежали и Тюльерійскій дворецъ и финансовое вѣдомство, въ развалинахъ были цѣлые кварталы Парижа; рухнула и на-

ціональная гордость и порывы къ болѣе совершенному общественно-политическому строю.

Верлэнъ отнюдь не былъ общественнымъ поэтомъ. Онъ былъ слишкомъ выкинутъ изъ жизни, слишкомъ одинокъ, чтобы претворять въ себѣ мысли и чувства болѣе общаго порядка; онъ относился также слишкомъ отрицательно къ тому, что онъ назвалъ краснорѣчіемъ въ поэзіи. Политическое и соціальное движеніе, въ которомъ онъ принималъ участіе, поэтому вовсе не отразилось въ его поэзіи. Однако въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ его стихотвореній приверженность къ истинно республиканскимъ принципамъ и къ демократіи все-таки сказывается. Особенно въ сатирахъ Верлэна, вышедшихъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти, гдѣ онъ нерѣдко бичуетъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ когда-то сочувствовалъ коммунѣ, а потомъ сошелся съ буржуазнымъ правительствомъ третьей республики, гражданскіе мотивы мелькаютъ довольно часто. И оппозиціонное отношеніе къ политическому режиму современной Франціи, можетъ быть, даже развилось еще сильнѣе въ послѣдніе годы жизни Верлэна. Разгромъ коммуны долженъ былъ такимъ образомъ еще усилить его мрачный взглядъ на жизнь, питавшійся поэзіей Бодлэра.

Несравненно сильнѣе отдался въ поэзіи Верлэна ударъ, нанесенный исходомъ войны національной гордости Франціи. Мецъ, который онъ считалъ своимъ роднымъ городомъ перешелъ въ руки нѣмцевъ. Это горестное событіе Верлэнъ прочувствовалъ поэтически. Въ поэмѣ «Мецъ» поэтъ говоритъ, что ненавидитъ эту «артистичность», во имя которой люди забываютъ о горестяхъ своей родины, и онъ изливаетъ наболѣвшее чувство негодованія и горести, вспоминая всѣ тѣ дорогія мѣста, гдѣ прошло его дѣтство, и гдѣ теперь будетъ властвовать врагъ. Конечно, и стихотвореніе «Пораженные» («Les vincus»), съ его захватывающими, чисто бодлэровскими образами, навѣяно событіями войны. Верлэнъ былъ пламеннымъ патріотомъ и такимъ онъ оставался до послѣднихъ дней. Онъ любилъ толковать о судьбахъ Франціи, о ея будущемъ, о ея роли среди другихъ европейскихъ государствъ. Интернаціонализмъ былъ ему совершенно чуждъ. Къ нему Верлэнъ относился даже враждебно.

Какъ нарочно совпавшія въ началѣ семидесятыхъ годовъ нравственныя потрясенія: осада Парижа и погромъ коммуны, при болѣзненной впечатлительности Верлэна, не могли окончательно не расшатать его душевнаго равновѣсія, особенно когда къ этому присоединилась еще и семейная распря. Въ такую-то роковую для него пору въ жизнь Верлэна ворвался этотъ загадочный мальчикъ, поэтъ Рембо. «Ихъ встрѣча,—говоритъ Саймонсъ въ своей превосходной книжкѣ «О символистическомъ движеніи въ литературѣ» *),—послужила причиной одного

*) *A Symons.* The symbolist movement in Literature, London, 1900 (Heinemann).

изъ тѣхъ горестныхъ и величественныхъ погромовъ, которые опредѣляютъ и разбиваютъ карьеры».

III.

Когда стихи Рембо стали ходить по рукамъ среди поэтовъ Парнаса, они были приняты, какъ откровеніе. Самъ Викторъ Гюго восторгался ими. Среди другихъ получилъ стихи и Верлэнъ. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ сближенію обоихъ поэтовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они уже зажили вмѣстѣ; послѣ погрома комуны они также вмѣстѣ покинули Францію и скитались въ Англіи и Бельгіи, вліяя другъ на друга, и какъ бы кружась вмѣстѣ въ вихрѣ тѣхъ-же творческихъ галлюцинацій.

И среди этихъ-то странствованій и подготовили Верлэнъ и Рембо цѣлый арсеналъ небывалыхъ образовъ и пріемовъ поэтическаго выраженія.

Чисто артистическое увлеченіе этимъ мальчикомъ-поэтомъ въ концѣ концовъ приняло у Верлэна какой-то роковой характеръ. Между нимъ и Рембо возгорѣлась уже не просто дружба, а нѣчто большее: это было какое-то взаимное проникновеніе. Рембо сталъ музой Верлэна, символомъ всего его существа, всѣхъ его артистическихъ увлеченій. И иначе и не могло быть. Воображеніе Верлэна, направленное Бодлэромъ и теоріей Гротеска, какъ бы ждало Рембо. «Пьяный корабль» Рембо оттого такъ увлекъ и захватилъ Верлэна, что здѣсь выражалась несравненно въ болѣе яркихъ образахъ та же, до боли ищущая поэзія, которая просилась на волю и изъ подъ его собственнаго пера. И самая личность Рембо, съ ея фантастической нищетой, бурной непослѣдовательностью, съ ея сказочной способностью къ изобрѣтеніямъ, еще болѣе подзадоривала и дразнила воображеніе Верлэна.

Передъ знакомствомъ съ Верлэномъ Рембо уже три раза безъ копейки денегъ являлся въ Парижъ изъ своего родного мѣстечка въ Арденахъ и три раза, испытавъ всѣ превратности нищеты и бродяжничества, пѣшкомъ возвращался домой. Въ послѣднее свое бѣгство онъ служилъ коммунѣ въ качествѣ «стрѣлка революціи». Передъ нимъ носилось твердое и властное стремленіе не только стать крупнымъ поэтомъ, но, отдавшись одному своему внутреннему и смутному поэтическому инстинкту, передѣлать поэзію по своему. Какъ поэтъ, онъ былъ такимъ образомъ еще болѣе «нелитературнымъ» или «антилитературнымъ», чѣмъ Верлэнъ. Рембо былъ типическимъ искателемъ приключеній, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ этого слова. Душа его жаждала всякой дѣятельности, всякаго творчества; жажда дѣла доводила его до состоянія внушаемости; поэтому-то, начавъ съ поэзіи, онъ напрягъ свое зрительное и слуховое воображеніе тѣмъ нервнымъ усиліемъ воли, какое помогаетъ сумасшедшимъ мгновенно становиться силачами. Позднѣе онъ какъ-то вдругъ броситъ поэзію и съ

такой же силой увлеченія, не знающей усталости, онъ станетъ ученымъ путешественникомъ, торговцемъ и даже сановникомъ при Менеликѣ въ Абиссиніи. Поэзія представлялась Рембо лишь какимъ-то міромъ открытій; онъ одновременно бредилъ и новой поэзіей, въ которой онъ произведъ переворотъ, и загадочнымъ востокомъ, гдѣ ему предстояло сдѣлать себѣ въ нѣсколько лѣтъ очень крупное состояніе.

Рембо и Верлэна обыкновенно подозрѣваютъ въ садизмѣ. Это обвиненіе стало ходячимъ общимъ мѣстомъ во всѣхъ статьяхъ о Верлэнѣ. Съ легкой, и и, вѣрнѣе, тяжеловѣсной руки Макса Нордау изъ этого стали дѣлать выводы и относительно всей литературы конца истекшаго вѣка. Скандальный процессъ Оскара Уайльда, романы Экхуда, увлеченіе сонетами Шекспира въ особомъ освѣщеніи—давали поводъ къ самымъ неосновательнымъ обобщеніямъ. Какъ это разсказываетъ Верлэнъ въ своей «Исповѣди», противоестественнымъ отношеніямъ обоихъ поэтовъ первая повѣрила г-жа Верлэнъ. Имѣла ли она на это достаточно основаній? Біографъ Рембо, Беришонъ, отрицаетъ самымъ категорическимъ образомъ возможность чего-либо подобнаго. Въ обстоятельствахъ послѣдующей жизни Верлэна и Рембо также ничто не даетъ права считать ихъ нравственно извращенными.

Но Верлэнъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки разсѣять возводимую на него клевету; въ самый разгаръ подобныхъ нападковъ на него, когда, съ наступленіемъ извѣстности, его частную жизнь стали теребить и въ газетахъ, и въ журналахъ, Верлэнъ даже посвящаетъ стихотвореніе «Плохая репутація» никому иному, какъ самому маркизу де-Саду. «Улыбнись своему отпрыску, гордому за своей оградой», говоритъ здѣсь Верлэнъ старому грѣшнику. Въ другомъ стихотвореніи изъ того же сборника «Параллельно», озаглавленномъ «мальчикъ Пьеро», гдѣ Верлэнъ несомнѣнно изображаетъ Рембо подъ видомъ этого «Пьеро паренька, Пьеро уличнаго мальчишки, съ мозгами вылѣзшими изъ шелухи», онъ говоритъ о его губахъ, рдѣющихъ, какъ рана, гдѣ «спитъ развратъ»;—онъ называетъ его существомъ, «готовымъ опьянить всякое вожделѣніе», и онъ призываетъ его «учетверить богатство своей горечи, преувеличить свое веселье». Рембо изображенъ здѣсь какимъ-то загадочнымъ шутомъ, кривляющимся на фантастическомъ помостѣ, перекинутымъ отъ Бодлэра къ современнымъ поэтамъ символистамъ.

Но зачѣмъ намъ въ сущности разбираться во всѣхъ этихъ преувеличеніяхъ, во всей этой вызывающей игрѣ воображенія? Намъ гораздо важнѣе отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дала дружба Верлэна и Рембо современной поэзіи. Дружба эта была прежде всего артистической дружбой.

Среди этого нездороваго и шального чада совмѣстныхъ грезъ и мечтаній Рембо и Верлэнъ выработали особую теорію простоты. Верлэнъ называетъ своего «Пьеро-мальчишку»—«гримасой и символомъ нашей простоты». Опредѣлить, что разумѣли оба поэта подъ этимъ

терминомъ поможетъ поэтическая исповѣдь Рембо «Алхимія словъ», которая показалась Н. К. Михайловскому «чѣмъ-то въ высокой степени замѣчательнымъ съ психіатрической точки зрѣнія». Рембо говоритъ здѣсь между прочимъ: «Я находилъ смѣшными современныя знаменитости живописи и поэзіи; я любилъ идіотскіе рисунки, декораціи, занавѣси балагановъ, раскрашенныя вывѣски, вышедшую изъ моды литературу, церковную латынь, безграмотныя эротическія книги, старинные романы, волшебныя сказки, маленькія дѣтскія книжки, старыя оперы, глупые припѣвы, наивные ритмы». Если перевести это поэтическое перечисленіе на языкъ историко-литературныхъ обобщеній, мысль поэта окажется совершенно понятной. Рембо хотѣлъ прежде всего отрѣшиться отъ «литературы», отъ ходячей, текущей, дѣловой и условной литературы. Его влекло ко всему первобытному, къ такому искусству, которое стояло совсѣмъ внѣ современныхъ артистическихъ теорій, образовъ и пріемовъ изображенія. Онъ обратился къ наивному въ Шиллеровскомъ смыслѣ творчеству, къ творчеству безсознательному. Безъ всякой брезгливости онъ сталъ искать вдохновенія во всемъ томъ, что литература презираетъ, чѣмъ питается духовно толпа, что нравится антилитературной демократіи. Изъ этихъ элементовъ Рембо и Верлэнъ стремились возсоздать новую поэзію, болѣе свѣжую, не признающую никакихъ авторитетовъ, не знающую никакихъ предразсудковъ. Они задумали окончательное освобожденіе искусства отъ всякой условности, всякой традиціонности. Они возобновили старую борьбу романтиковъ съ классиками и реалистовъ съ романтиками. Съ историко-литературной точки зрѣнія Рембо и Верлэнъ прямые преемники поэтовъ Sturm und Drang'а, англійскихъ «Лэкистовъ» и французскаго реализма. По основнымъ своимъ мотивамъ ихъ поэзія гораздо ближе къ натурализму, чѣмъ это обыкновенно признается.

Стремленіе къ этой немного искусственной простотѣ, къ этой сознательной и потому, разумѣется, всетаки дѣланной наивности сказывается у Верлэна въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ отложились впечатлѣнія странствованій въ Англіи и Бельгіи. Они собраны въ сборникѣ «Романсы безъ словъ». Особенно характерно въ этомъ отношеніи стихотвореніе «Карусель». «Кружитесь, кружитесь деревянныя лошадки!» восклицаетъ здѣсь поэтъ. Ему кажется, что равномѣрнымъ движеніемъ карусели подъ рѣзкіе звуки трубъ и барабановъ органа опьяняются сердца горничныхъ и солдатъ, оживленныя лица которыхъ проносятся мимо него. Голова кружится смотрѣть на нихъ. Они, какъ будто, торопятся насладиться жизнью. «Деревянныя лошадки неутомимы; имъ не надо шпоръ; онѣ не требуютъ корма. Пусть поскорѣе вертятся горничныя и солдаты; вотъ настанетъ ночь и придетъ конецъ ихъ веселью». Въ слѣдующемъ сборникѣ Верлэна «Нѣкогда и недавно» тоже исканіе наивной простоты выразилось въ повтореніи словъ дѣтскихъ пѣсень. Такъ, въ очень осложненномъ стихотвореніи, исполненномъ самаго глухого

отчаянія, изъ серіи «На манеръ многихъ», гдѣ поэтъ призываетъ презирать злобные навѣты людей, онъ заклинаетъ кого-то: «пей, чтобы забыть! водка въ передникѣ носитъ луну». Эти слова: «въ передникѣ носитъ луну» взяты изъ всѣмъ извѣстной пѣсенки о братѣ Яковѣ. И тутъ же рядомъ другіе стихи, даже цѣликомъ сотканные изъ подобныхъ же отрывковъ; поэтъ говоритъ здѣсь даже мало понятнымъ дѣтскимъ лепетомъ.

И теорія простоты не была исключительно лишь теоріей художественнаго творчества. Она означала въ глазахъ Верлэна и нѣчто большее. Въ ней вылилось цѣлое воззрѣніе на жизнь. На него намекаетъ Верлэнъ, когда въ одномъ изъ многочисленныхъ стихотворныхъ посланій къ женѣ, онъ говоритъ ей: «Вы ничего не поняли въ моей простотѣ». Здѣсь простота означала непосредственное отношеніе къ явленіямъ бытія, эту способность все понять и все полюбить безъ боязни утратить свою личность въ противорѣчіяхъ жизни. «Относиться просто» значитъ ничему не удивляться, наблюдать жизнь безъ гнѣва и восторга; принимать всю ея безсмысленность и злобу, какъ нѣчто неизмѣнно данное. И мало этого. Можно и себя включить въ жизнь, отнестись также безстрастно и къ самому себѣ, къ своимъ порокамъ, къ своему горю, къ своему генію. Въ основѣ подобнаго взгляда на жизнь и на самого себя будетъ лежать иронія, «иронія—вспыхивающая на губахъ сердечныхъ ранъ, пробитыхъ какъ мишень». Теорія простоты естественно вела къ ироніи,—ироніи, выражающей самое безжалостное отношеніе къ себѣ и самую искреннюю снисходительность ко всему остальному. Ироніей отвѣчалъ Верлэнъ на обвиненіе въ садизмѣ, ироніей окрашивалъ онъ всѣ страшные образы, навѣянные поэзіей Бодлэра; иронія помогла ему перенести и всѣ тѣ, уже совершенно не воображаемыя, а дѣйствительныя страданія, которыя ему готовила судьба.

IV.

Совмѣстная жизнь Рембо и Верлэна, повидимому, была не особенно весела. У Верлэна личныхъ средствъ оставалось очень мало, и онъ зарабатывалъ себѣ пропитаніе въ Лондонѣ уроками рисованія. Рембо прямо жилъ на его счетъ. Но безъ удержу отдаваясь пьянству, Верлэнъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, раздражителенъ, причудливъ, придирчивъ. Рембо скоро началъ поэтому тяготиться имъ. Его, можетъ быть, также уже влекло совсѣмъ вонъ изъ всякой литературы, даже той, порожденію которой онъ самъ почти безсознательно способствовалъ. Верлэнъ былъ для него натурой, все-таки слишкомъ артистической и мечтательной. Его собственная дѣятельная и цѣпкая натура изобрѣтателя, повидимому, уже тогда властно тянула его на «волшебный востокъ», но не за новыми вдохновеніями, а за новою дѣятельностью, за тѣмъ самымъ дѣломъ, кото-

рому онъ скоро отдался и которое принесло ему довольно большое состояніе. Рембо хотѣлъ не грезъ, не мечтаній, не углубленія въ себя, не игры воображенія, онъ жаждалъ дѣла. Нѣсколько разъ онъ угрожалъ Верлэну, что уйдетъ отъ него даже безъ копейки денегъ. Но Верлэну это казалось предательствомъ, ему чудилось, что его покидаетъ его муза.

Такія отношенія, понятное дѣло, длиться долго не могли и имъ насталъ конецъ, конецъ для Верлэна жестокій и, разумѣется, незаслуженный...

Семья Верлэна—его жена съ годовалымъ сыномъ, его теща и старая г-жа Верлэнъ—съѣхалась съ поэтомъ въ Брюсселѣ. Рембо былъ тутъ же. Что произошло здѣсь,—до сихъ поръ точно неизвѣстно, но можно догадаться, что семья хотѣла вернуть Верлэна въ Парижъ, а Рембо рѣшилъ теперь уже окончательно отдѣлаться отъ своего слишкомъ вдохновеннаго и навязчиваго друга. Рѣшеніе Рембо, вѣроятно, было какъ нельзя болѣе на руку и семьѣ Верлэна. Но поэтъ не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Какой угодно адъ вмѣстѣ казался ему лучше разставанія. Онъ пускалъ въ ходъ и мольбы, и угрозы. И вотъ во время одного особенно бурнаго разговора, когда Рембо объявилъ окончательно, что уходитъ, Верлэнъ ранилъ его выстрѣломъ изъ револьвера и потомъ бросился передъ нимъ на колѣни, умоляя не покидать его. Рембо свезли въ лечебницу для перевязки, и дѣло какъ будто должно было остаться безъ послѣдствій, когда, на возвратномъ пути изъ больницы, Рембо сталъ настаивать на своемъ рѣшеніи, и Верлэнъ вторично выстрѣлилъ въ него уже на улицѣ. Тогда вмѣшались власти. Противъ Верлэна началось судебное преслѣдованіе, и несмотря на отсутствіе претензіи со стороны его жертвы, онъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію.

Верлэну предстояло такимъ образомъ просидѣть, какъ онъ выражается, «за царапину Рембо» два нескончаемо-долгихъ года въ тюрьмѣ, отрѣзаннымъ отъ міра, не видя никого, кромѣ тюремнаго священника, читая только отъ времени до времени тотъ номеръ газеты, который г-жѣ Верлэнъ удавалось просунуть сквозь двойную рѣшетку, отдѣляющую посѣтителей отъ заключенныхъ. И это въ моментъ высшаго расцвѣта его писательскаго таланта, какъ разъ въ то время, когда налицо были всѣ данныя, чтобы, наконецъ, добиться извѣстности! Теперь Верлэну придется, напротивъ, еще долгіе годы ожидать литературнаго успѣха. До сихъ поръ сборники его стиховъ все еще проходили незамѣтно. Кипы ихъ впослѣдствіи не было возможности отыскать въ подвалахъ издателей. Теперь «Романсы безъ словъ», написанные въ тюрьмѣ и посланные тому Лепелльтье, котораго Верлэнъ укрылъ у себя послѣ разгрома коммуны, были изданы въ провинціи, въ типографіи, редактируемой Лепелльтье газеты, и никто кромѣ самыхъ близкихъ этого сборника, конечно, не читалъ.

*

Верлэнъ былъ покинутъ и забытъ; его жизнь была, казалось, разъ навсегда раздавлена. Жена его добилась развода, старые друзья не хотѣли его знать. А Рембо сжегъ свой «Годъ въ аду» и уѣхалъ искать счастья въ Германію. Вскорѣ онъ добрался и до того востока, о которомъ мечталъ еще мальчикомъ.

По выходѣ изъ тюрьмы Верлэнъ повидался въ Штутгартѣ съ своимъ бывшимъ другомъ, но Рембо, вѣроятно, посовѣтовалъ и Верлэну также бросить писательство и разъ навсегда окончательно распрощался съ нимъ. Верлэнъ, повидимому, было и склонился на совѣты Рембо. Онъ уѣхалъ въ провинцію и задумалъ также взяться за дѣло. Онъ вообразилъ себя способнымъ къ сельскому хозяйству. Въ результатѣ было однако лишь окончательное разореніе и еще одинъ скандальный процессъ, съ приговоромъ на два мѣсяца въ тюрьму.

Уже послѣ этихъ новыхъ и столь же горькихъ приключеній, въ 1881 году вернулся Верлэнъ въ Парижъ, нищій и больной, съ испорченной репутаціей и съ еще даже вовсе не начатой литературной карьерой. Къ тридцати пяти годамъ онъ успѣлъ лишь потерять то немногое, что когда-либо имѣлъ. У поэта не осталось «ничего, кромѣ луны, чтобы отогрѣть его, покинутаго женою и бездомнаго, да смерти, чтобы убаюкать его безчастное сердце». Онъ въ самомъ прямомъ смыслѣ оказался безъ крова и пристанища. И когда настанетъ, наконецъ, моментъ литературнаго признанія въ серіи извѣстныхъ фотографій «Писатели у себя дома», Верлэнъ будетъ изображенъ за столикомъ кофейни передъ стаканомъ абсента. Можетъ быть, было бы однако правильнѣе снять его въ больничномъ халатѣ во дворѣ одной изъ муниципальныхъ больницъ. Вѣдь тамъ предстоитъ ему провести неоднократно столько нескончаемыхъ мѣсяцевъ и тамъ будетъ онъ предаваться всего усерднѣе литературной работѣ. Но это было бы слишкомъ грустно, слишкомъ реально. Такія фотографіи не нашли бы покупателей...

Душевное состояніе поэта особенно въ первые годы его скитальческой жизни вылилось ярко въ одномъ сонетѣ изъ сборника «Мудрость»: «L'espoir luit comme un brin de paille dans l'étable» *). Смыслъ его не особенно удобопонятенъ. Лемэтръ толковалъ его, какъ пьяную сценку; онъ увѣрялъ, что понялъ это стихотвореніе только послѣ того, какъ перенесся умственно въ обстановку деревенскаго кабака. Сюда зашелъ поэтъ отдохнуть съ какой-то подругой. Это она и произноситъ слова сонета: она утѣшаетъ пьянаго, отгоняетъ отъ него влетѣвшаго шмеля, предлагаетъ ему выпить холодной воды, проситъ кабатчицу не безпокоить уснувшаго пьяницу своей тяжелой походкой и т. п. Но все это—лишь ловкій пріемъ вышучиванія со стороны Лемэтра и намъ представляется гораздо правдоподобнѣе другое толкованіе, кото-

*) „Надежда блеститъ, какъ стебель соломинки на скотномъ дворѣ".

рое устанавливается, если только принять въ разсчетъ образность языка поэзіи.

Музыкальные композиторы давно отвоевали себѣ право обращаться лишь къ публикѣ, одаренной музыкальной способностью. Музыкальную критику пишутъ лишь тѣ, кто «понимаетъ музыку». И понимать музыку вовсе не общеобязательно. Отъ поэтовъ почему то наоборотъ требуютъ, чтобы они удовлетворяли и тѣхъ, кому совершенно чуждъ языкъ поэзіи. Самое существованіе этого особаго, отдѣльнаго языка заподозрѣно. Если бы, однако, та простая истина, что всѣмъ людямъ вовсе не свойственно его понимать была признана, если бы было установлено существованіе поэтической способности рядомъ съ музыкальной и даже математической, то поэтовъ не обвиняли бы такъ часто въ неудобопонятности.

Такъ, напр., на языкѣ поэзіи—«сентябрьскія розы» означаютъ позднюю любовь. Это понялъ и Лемэтръ. Онъ понялъ потому, что иносказаніе это банально и избито. Но, если въ этомъ сонетѣ Верлэна таковъ смыслъ «сентябрьскихъ» розъ, то—не иносказаніе ли здѣсь и всѣ остальные образы? «Стебель соломинки на скотномъ дворѣ»—это чуть мелькающая передъ поэтомъ надежда, еще оставшаяся нетронутой и чистой. «Шмель», пугающій поэта своимъ «пьянымъ дикимъ полетомъ»—ничто иное, какъ неотвязчивыя мрачныя думы. А «уснуть, оперевшись локтемъ на столъ» не выражаетъ ли всей тревоги краткаго успокоенія и забытья лишь на минуту? Такое же иносказаніе и умъ, который «блеститъ словно камушекъ мокрый гдѣ-то въ ямѣ», и «глотокъ ключевой воды» и «пыльный лучъ солнца» и т. д. Только вникая во внутренній смыслъ образнаго языка поэта, мы можемъ придти къ пониманію его произведеній *).

Злорадное и не на чемъ не основанное желаніе вообразить себѣ Верлэна непремѣнно пьянымъ и непремѣнно въ кабакѣ, забулдыгой и бродягой характеризуетъ отношеніе къ нему поголовно всей почти буржуазной литературы. Тутъ сказалась площадная склонность къ клеветѣ, составляющая отличительную черту буржуазной толпы. Максъ Нордау уснастилъ ее еще соображеніями о невропатіи и прочимъ скарбомъ популярно-научныхъ и увы! столь наивныхъ домысловъ.

V.

Густавъ Канъ разсказываетъ въ своей послѣдней книгѣ о символистахъ и декадентахъ (Gustave Kahn, symbolistes et décadents. Paris.

*) Особенно грубымъ намъ представляется толкованіе Леметра „женскихъ шаговъ, мучительно отзывающихся въ сердцѣ несчастныхъ“, какъ указаніе на какую-то кабатчицу. Мы видимъ здѣсь скорѣе намекъ на жену поэта, которая одна изъ первыхъ повѣрила клеветѣ на мужа. Сонетъ написанъ, можетъ быть, въ тюрьмѣ, или, послѣ выхода изъ тюрьмы, гдѣ-нибудь на фермѣ.

1902), что, вернувшись изъ Алжира въ 1885 году, онъ впервые засталъ на вторникахъ у Маллармэ въ rue de Rome вмѣсто тѣснаго кружка друзей, цѣлое множество поклонниковъ. Это были все молодые поэты, отдавшіе всѣ свои силы созданію новыхъ формъ поэзіи. Имя Маллармэ, благодаря роману Исманса «A rebours», гдѣ были приведены его стихи, становилось въ то время уже извѣстнымъ и среди широкой публики.

Въ той же средѣ писателей, группировавшихся около Маллармэ, возникъ и интересъ къ Верлэну. Но, если Маллармэ, постоянно жившій въ Парижѣ, стоялъ все время въ самомъ центрѣ движенія, то Верлэна надо было еще «открыть». Вѣдь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ былъ, казалось бы, такъ безповоротно забытъ, такъ неисправимо никому неизвѣстенъ! Славу открытія Верлена приписываютъ себѣ то Тальядъ, то Барресъ, и оба съ достаточными основаніями. Найти издателей, у которыхъ на складѣ столько лѣтъ лежали груды его нераспроданныхъ сборниковъ, было не легко и надо было именно разыскать самого поэта въ кофейняхъ латинскаго квартала. Личное знакомство съ Верлэномъ привлекало молодыхъ поэтовъ еще и по иной причинѣ; одинъ Верлэнъ могъ указать, гдѣ находятся стихи Рембо, на котораго было также обращено тогда вниманіе молодыхъ поэтовъ.

Стихи Верлэна произвели глубокое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ Маллармэ онъ былъ провозглашенъ главою новой школы. И если Маллармэ было суждено еще долго оставаться недоступнымъ для пониманія широкой публики, то Верлэнъ довольно быстро сталъ входить въ моду и внѣ тѣснаго круга молодыхъ поэтовъ. На него явился спросъ. Его стихи стали выходить вторыми изданіями.

На Верлэна его запоздалый успѣхъ произвелъ, повидимому, довольно грустное впечатлѣніе. Онъ пришелъ слишкомъ поздно. Въ одномъ изъ первыхъ стихотвореній посмертнаго сборника «Нареканія» (Invectives, 1899), озаглавленномъ ненавистнымъ Верлэну словомъ «литература», поэтъ обращается къ своимъ «товарищамъ по печатному слову». Онъ называетъ ихъ «не собратьями, а дурными братьями». «Зачѣмъ,—спрашиваетъ онъ,—вы раньше похоронили меня подъ всѣмъ этимъ молчаніемъ? Зачѣмъ такое долгое замалчиваніе, а потомъ вдругъ эти призывы, какъ будто гнѣвные, какъ будто изумленные? Почему эта перемѣна?» И что такое слава? Она дала поэту только право на голодную смерть и нищету. «Неужели это называется славой?»

Къ кружку поэтовъ, назвавшихъ его своимъ учителемъ, Верлэнъ относился, однако, съ симпатіей и съ большимъ интересомъ. Онъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ началъ писать и свои критическія статьи «Проклятые поэты» (Les Poètes maudits 1884). Онъ помогалъ разыскать ходившую по рукамъ и забытую рукопись стиховъ Рембо и поощрялъ начинающихъ поэтовъ, приходившихъ за со-

вѣтами. Словомъ, онъ вполнѣ вошелъ въ интересы кружка. Только, оказавшись главою и ветераномъ новой поэзіи и даже намѣтивъ ея основные принципы въ своей стихотворной «Поэтикѣ», Верлэнъ вовсе не сталъ и не хотѣлъ стать ея теоретикомъ. Онъ презиралъ писателей, болѣе способныхъ развивать теоріи, чѣмъ осуществлять ихъ. «Все разговаривать и никогда не пѣть!» восклицаетъ Верлэнъ въ своихъ «Нареканіяхъ»; «неужели вмѣсто остроумія, сердца и отзывчивой души нужны безконечныя грамматическія обсужденія?»

И «Проклятые поэты» Верлэна представляютъ собою скорѣе лирическіе взрыва восторга, коротенькія предисловія къ приводимымъ стихамъ, чѣмъ разборъ поэтическихъ образовъ и творческихъ пріемовъ молодой поэзіи. Верлэнъ самъ называетъ своихъ «Проклятыхъ поэтовъ» «книгой не критики, а скорѣй экзальтаціи». Историкъ литературы поэтому не почерпнетъ здѣсь почти ничего. Въ настоящее время «Проклятые поэты» интересны развѣ, какъ историческая справка. Но и въ тѣ дни это была лишь первая попытка выразить печатно увлеченіе новой поэзіей. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, пока выйдутъ книги Шарля Мориса о самомъ Верлэнѣ и о современной литературѣ (La littérature de tout à l'heure. 1889). Только тутъ новая поэзія обрѣтетъ своего ностоящаго критика и толкователя.

Солидарность съ нарождающейся новой, или, какъ ее до сихъ поръ зовутъ, молодой поэзіей Верлэнъ выразилъ въ знаменитомъ стихотвореніи «Прозябаніе» изъ сборника «Нѣкогда и недавно». «Я имперія въ конечномъ упадкѣ»,—говоритъ здѣсь Верлэнъ,—смотритъ, какъ проходятъ мимо бѣлокурые варвары, и слагаетъ беззаботные акростихи золотымъ стилемъ, гдѣ пляшетъ потухающее солнце.—Одинокая дума скорбитъ отъ скуки. Говорятъ тамъ гдѣ-то кровавыя битвы. О, не быть способнымъ ни на что отъ безсилія и замедленныхъ желаній! О, не хотѣть украсить хоть немного свое существованіе! — О, не быть способнымъ и не хотѣть умереть! Все выпито до дна! Битилла, перестань, не смѣйся! Все выпито до дна и все ужъ съѣдено! Ужъ больше нечего сказать!—Только поэма чуть-чуть глуповатая, которую бросаютъ въ огонь!» «Только одинъ единственный невольникъ, вѣчно гдѣ-то снующій и уже больше не обращающій на васъ вниманія; только скука, которая, кто ее знаетъ, чѣмъ-то васъ все гнететъ».

Выраженіе «упадокъ» Верлэнъ понимаетъ здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ и Теофиль Готье, когда онъ впервые употребилъ терминъ «décadence» въ предисловіи къ стихамъ Бодлэра. Подчеркнувъ любовь Бодлэра къ латыни первыхъ вѣковъ христіанской эры, Теофиль Готье назвалъ его поэтомъ, по духу родственнымъ періоду упадка античнаго міра И Теофиль Готье не говорилъ этого въ обвиненіе Бодлэру. Напротивъ: «Стиль упадка, по мнѣнію Теофиля Готье, есть ни что иное, какъ искусство, достигшее конечной зрѣлости». И когда онъ противополагаетъ Бодлэру классическихъ поэтовъ расцвѣта римской образованности, симпатіи его далеко не на сторонѣ Вергилія и Овидія. Слово

«décadence» въ началѣ семидесятыхъ годовъ считалось синонимомъ современности и противополагалось скорѣе романтизму, все еще мечтавшему о болѣе живописномъ прошедшемъ. Тэнъ поставилъ въ особою заслугу Бальзаку современность его романовъ, умѣніе заставить перечувствовать всю сложность, нервность и дѣловитость современной жизни. Сопоставленіемъ преобладающихъ мотивовъ въ поэзіи Бодлэра съ основными чертами періода упадка класической литературы, Теофиль Готье хотѣлъ сказать то же самое. Юность латинскихъ народовъ давно прошла. Франція второй имперіи, уставшая отъ столькихъ переворотовъ, утратившая пріобрѣтенный дорогой цѣной республиканскій образъ правленія, своею разнузданной роскошью, аферизмомъ и упадкомъ гражданственности могла быть справедливо названа «старѣющей цивилизаціей». Франція второй имперіи невольно заставляла думать о Римѣ временъ Нерона. Петроній близокъ современному читателю и своимъ скептицизмомъ и своею блестящею элегантностью. Если Теофиль Готье заговорилъ объ упадкѣ въ своемъ предисловіи къ стихамъ Бодлэра, то онъ только подчеркивалъ этимъ его чуткую и смѣлую отзывчивость. И совершенно такое же отношеніе къ Бодлэру руководило и Бурже, когда онъ отвелъ этому поэту первое мѣсто въ своихъ «Очеркахъ современной психологіи», рядомъ съ Тэномъ и Ренаномъ.

Въ восьмидесятые годы установилась однако совершенно другая точка зрѣнія. Съ этого времени начинаютъ говорить объ особой «декадентской» поэзіи, любовно лелѣющей подслушанные у Бодлэра мотивы упадка. Декандентство становится терминомъ порицанія и даже браннымъ словомъ. Стихотвореніе Верлэна «Прозябаніе» дало лишній толчокъ для распространенія клички «декандентство», въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, на всю молодую школу поэзіи. И поэты, группировавшіеся около Маллармэ и Верлэна, не возражали. Они приняли вызовъ. Три такъ называемыхъ маленькихъ журнала, издававшихся кружкомъ одинъ за другимъ выходятъ подъ названіями «Декандентъ», «Декаденты», «Декадентство». Новая поэзія согласилась быть поэзіей упадка. Въ 1886 году редакція «Décadents» прямо заявила: «Какъ нѣкогда нидерланскіе гэзы, мы подняли этотъ брошенный намъ уничижительный эпитетъ, и онъ сталъ съ этого времени нашимъ знаменемъ» (№ 33 перваго года). Съ этимъ знаменемъ упадка въ рукахъ молодая поэзія пошла на поиски за обновленіемъ средствъ поэтической выразительности, выдвигала новые образы, вдумывалась въ новыя мысли.

И новая, нарождавшаяся поэзія была прежде всего ищущей. Она далеко не достигла самосознанія. Она шла еще ощупью. Вотъ почему на первыхъ порахъ возникаетъ множество толковъ, множество маленькихъ поэтическихъ сектъ. Рядомъ съ терминомъ декадентство появляется еще цѣлый разнообразный арсеналъ другихъ наименованій. Надъ этою расплывчатостью и неустановленностью даже основныхъ принциповъ творчества часто и справедливо смѣялись. Подсмѣивался

надъ этимъ и Верлэнъ. Особенно доставалось отъ него Гилю, такъ настойчиво и такъ неудачно пытавшемуся создать свою собственную школу въ поэзіи. Къ нему Верлэнъ былъ особенно неумолимъ. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній онъ высмѣиваетъ Гиля и напоминаетъ ему, что чѣмъ быть главою школы, лучше статъ «настоящимъ поэтомъ, какъ Викторъ Гюго, Мюссэ или Бодлэръ». Теперь отъ большинства тогдашнихъ субтильныхъ подраздѣленій, конечно, не осталось и помину. Самые создатели ихъ въ большинствѣ случаевъ безвозвратно забыты. Не оставила слѣдовъ и придуманная Мореасомъ «романская школа», которую полушутя, полусерьезно привѣтствовалъ Верлэнъ.

Настоящее названіе получила новая школа, когда терминъ декадентство, окончательно утратившій значеніе, приданное слову Теофилемъ Готье, былъ замѣненъ словомъ «символизмъ». Въ 1886 году вышло три номера журнала подъ этимъ новымъ заглавіемъ, и тогда же началъ свое существованіе, неустойчивое, но живучее, и журналъ Гюстава Кана «La Vogue». Здѣсь о декадентствѣ уже не шло больше рѣчи. Редакція «Vogue», какъ и большинство основанныхъ молодыми поэтами журналовъ, теоретическимъ статьямъ, правда, предпочитала повѣсти и стихи; но они помѣстили все-таки нѣсколько коротенькихъ опредѣленій поэзіи, въ которыхъ чувствуется склонность къ символизму. Одно изъ нихъ принадлежитъ Маллармэ. По его мнѣнію, назначеніе поэзіи выражать «таинственное внѣшнее проявленіе человѣческаго существованія». Въ томъ же году Мореасу удалось напечатать въ «Figaro» цѣлый манифестъ символизма. Исходя изъ гегелевскаго опредѣленія искусства, какъ выраженія «идеи въ чувственной формѣ», Мореасъ полагаетъ, что «существенный характеръ символическаго искусства заключается въ отсутствіи малѣйшей склонности посягнуть на представленіе идеи въ себѣ. Картины природы, человѣческія дѣйствія и вообще всѣ конкретныя явленія не проявляются въ этомъ искусствѣ сами по себѣ; они ни что иное, какъ видимости, долженствующія представить свою таинственную связь съ первоначальными идеями».

Опредѣленій символизма за эти послѣднія пятнадцать лѣтъ предложено уже цѣлое множество. Формулировку его предлагали Поль Адамъ, Реми де-Гурмонъ, Маллармэ, и многіе другіе. Всего глубже въ эстопсихологію символизма вдумался, можетъ быть, Анри де-Ренье въ одной изъ статей своего недавняго сборника «Figures et caractères» *). «Въ современной поэзіи,—говоритъ Ренье,—вмѣсто того, чтобы навязывать свою мысль, поэтъ, такъ сказать, предлагаетъ ее, представляетъ, но не прямо, положительнымъ образомъ, а образно, скрытно, такъ, чтобы было необходимо ея доискаться и проникнуться ею». Современная поэзія «уже не требуетъ, а внушаетъ» (суггестивируетъ). «Она не говоритъ, а заговариваетъ. Вмѣсто пѣсни она становится музыкой».

*) Paris, 1901 (Mercure de France).

«И это стремленіе поэзіи суггестивировать выражается въ употребленіи способа художественнаго выраженія, далеко не единственнаго, но теперь опять обновленнаго; этотъ способъ и есть символизмъ».

Изъ этихъ словъ Ренье уже ясно видно, насколько тѣсно связанъ символизмъ съ поэтическими теоріями, выраженными такъ непринужденно, выпукло и красиво въ стихотворной «Поэтикѣ» Верлэна. Презрѣніе къ убѣждающему краснорѣчію, причудливое сплетеніе опредѣленности съ туманнымъ и неуловимымъ и прежде всего музыкальность составляютъ точку отправленія, неизмѣнно открывающую путь къ символизму.

Современный символизмъ, помимо вліянія Верлэна, развился именно изъ музыкальности. Канъ, Лафоргъ, Вьеле-Грифэнъ, вся вообще плеяда современныхъ поэтовъ-символистовъ воспитались на музыкѣ. На концертахъ Колонна, гдѣ они вслушивались до опьяненія въ могучіе аккорды Вагнера, они любовно и благоговѣйно изучали Шумана и Листа. Здѣсь въ звукахъ черпали они свои вдохновенія, и отсюда ихъ стремленіе выразить и въ ритмической рѣчи всѣ оттѣнки своихъ чисто музыкальныхъ настроеній.

И къ этому музыкальному воспитанію прибавлялось тяготѣніе къ тайнѣ мірозданія, заставившее ихъ полюбить идеалистическую философію и даже магію, оккультизмъ и средневѣковыя вѣрованія. Символизмъ въ современной поэзіи часто противополагаютъ положительной философіи, выраженной поэтически Сюлли Прюдомомъ. Часто говорятъ о поворотѣ назадъ, о стремленіи вновь опутать свободный полетъ человѣческой мысли. Но символизмъ, конечно, ничего не имѣетъ общаго съ мистицизмомъ, и если Жоржъ Ваноръ интерпретировалъ символизмъ именно въ этомъ смыслѣ, то это было чисто личное мнѣніе. Исканіе тайны мірозданія вовсе не предполагаетъ непремѣнно признанія сверхъестественныхъ факторовъ въ природѣ. Съ непознаваемымъ, съ безсознательнымъ и таинственнымъ вѣдается и положительная философія. Тяготѣніе къ тайнѣ мірозданія, какъ оно выразилось въ современномъ символизмѣ, основано, главнымъ образомъ, на пессимизмѣ познанія Канта. Новая поэзія отвернулась не отъ науки, а отъ научныхъ вѣрованій. Она извѣрилась въ силу человѣческаго знанія и отвергла философское упростительство, но вовсе она, конечно, не думала объявлять войну положительнымъ пріемамъ мышленія. Метафизику новой поэзіи Гюстава Кана, Лафорга, Вьеле Грифина, Вергарна и Анри де-Ренье выразилъ Метерлинкъ въ «Sagesse et Destinée» и въ особенности въ «Temple enseveli». Въ обѣихъ этихъ книгахъ видно совершенно ясно, что философскіе запросы молодой поэзіи съ ихъ тяготѣніемъ къ непознаваемому и сильно развитымъ чувствомъ къ сверхъестественному не имѣютъ ничего общаго съ реакціонными призывами Рода, Бурже, Вогюэ и Брюннетьера.

Метафизическіе интересы новой поэзіи увлекли ее уже очень далеко отъ вліянія Верлэна. Въ послѣдніе годы жизни Верлэнъ не могъ не чувство-

вать поэтому, что между нимъ и молодыми поэтами уже цѣлая пропасть. Онъ былъ лишь Вергиліемъ новой поэзіи; онъ провелъ ее черезъ одинъ только адъ человѣческихъ страданій, между тѣмъ какъ молодые поэты стремились въ чистилище, ближе къ горнимъ высямъ рая, тамъ ихъ ждалъ новый руководитель. Этимъ Катономъ новой поэзіи былъ Маллармэ. Современный символизмъ гораздо ближе къ нему, чѣмъ къ Верлэну. Верлэнъ былъ слишкомъ откровенно субъективенъ; искренній лиризмъ его поэзіи спасъ его отъ слишкомъ затуманенной вдумчивости, отъ слишкомъ большой усложненности образовъ. Непонятность Верлэна тускнѣетъ передъ туманностью Маллармэ. Анри де-Ренье прекрасно выразилъ это различіе обоихъ поэтовъ. «Верлэнъ принесъ поэзіи букетъ новыхъ цвѣтовъ, пахучихъ и восхитительныхъ, Маллармэ, болѣе скрытный, принесъ ей темныя зерна сѣмянъ».

Даже ставъ главою новой школы поэтовъ, Верлэнъ все-таки останется такимъ образомъ одинокъ. Его поэзія и въ сравненіи съ символизмомъ все такъ же антилитературна. Въ исторіи современной французской литературы ему должна быть посвящена совсѣмъ отдѣльная глава. Лиризмъ Верлэна—лиризмъ всеобъемлющій и личный.

VI.

Когда въ медовые мѣсяцы литературной славы Верлэна одинъ журналъ пригласилъ своихъ подписчиковъ назвать лучшій сборникъ стихотвореній этого поэта, большинство голосовъ было подано за «Мудрость» («Sagesse», 1881). Вошедшіе сюда стихи были написаны частью въ монсской тюрьмѣ, частью среди первыхъ странствованій по возвращеніи во Францію. Съ ними и явился Верлэнъ въ Парижъ.

Въ предисловіи къ «Мудрости» говорится «о долгихъ блужданіяхъ среди современной испорченности, объ участіи автора въ ея роковыхъ ошибкахъ и невѣжествѣ». «Сознаніе своей слабости и память о своихъ паденіяхъ», пишетъ здѣсь Верлэнъ, руководили авторомъ при созданіи этого произведенія; онъ впервые высказывается здѣсь передъ публикой послѣ долгаго молчанія. «Теперь онъ послушный сынъ церкви, послѣдній по своимъ достоинствамъ, но полный самыхъ лучшихъ намѣреній». Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, если на обложкѣ этого сборника значилось: изданіе «Общества католической книжной торговли».

«Мудрость» есть прямое продолженіе «Доброй пѣсни». Какъ тамъ, такъ и тутъ поэтъ льстился надеждой на обрѣтеніе спокойствія души: онъ умилялся передъ «прямымъ путемъ». Способность искусственно вызывать и вынашивать въ себѣ цѣлую симфонію психическихъ состояній и изливать ихъ въ глубоко прочувствованныхъ стихотвореніяхъ составляетъ самую существенную черту поэтическаго генія Верлэна. Въ «Доброй пѣснѣ» онъ опоэтизировалъ съ самою неумытной искренностью тотъ буржуазный бракъ, къ которому онъ вовсе не былъ

способенъ. Онъ заставлялъ себя предвкушать всѣ, такъ называемыя, «радости семейнаго очага», хотя онѣ ему вовсе не были нужны. Въ сущности Верлэну нравилось самое противоположеніе своихъ безпутныхъ порывовъ сентиментальной любви къ невѣстѣ. Особенно дороги были ему ощущенія раскаянія и нравственнаго обновленія. Послѣ рокового погрома, разбившаго всю его жизнь, въ одиночной тюрьмѣ, среди клерикальныхъ бельгійскихъ блюстителей порядка началась подобная же игра воображенія. Бесѣды съ тюремнымъ священникомъ, чтеніе католическихъ книгъ, торжественное принятіе въ лоно церкви, все это послужило ему богатымъ источникомъ вдохновенія. Даже плохой и изъ рукъ вонъ неуклюжій слогъ католической литературы дразнилъ его писательское чутье своею «анти-литературностью». Въ результатѣ были покаянные смиренные стихи, совершенные и по духу, и по формѣ. Верлэнъ отнюдь не претворяетъ здѣсь по своему Христова ученія; онъ и не пытается углубиться въ него; напротивъ онъ старается воспринять христіанство совершенно наивно, однимъ только ученіемъ вѣры. И ему нравится не католицизмъ Людовика XIV-го, католицизмъ «этого вѣка галликанства и янсенизма», Верлэнъ хочетъ проникнуть мыслью и чувствомъ въ далекіе средніе вѣка; тогда теплилась еще правдивая дѣтская вѣра, тогда знали люди истинное покаяніе.

Къ обращенію Верлэна въ католицизмъ вполнѣ примѣнимы слова Вижье ле-Кока о мистическихъ вѣяніяхъ новой литературы. «Говорятъ о возрожденіи религіозной мысли; нѣтъ, это даже не возрожденіе религіознаго чувства.... возродилось только религіозное ощущеніе со всѣмъ тѣмъ, что оно содержитъ въ себѣ болѣзненнаго и въ то же время очень чистаго». Это какой-то диллетантизмъ вѣры, какой-то особый нравственный эстетизмъ, особый видъ художественныхъ исканій.

Верлэнъ до конца жизни любилъ выставлять себя вѣрующимъ католикомъ. Однако, уже съ выходомъ въ свѣтъ «Нѣкогда и недавно» онъ вернулся къ тѣмъ же самымъ образамъ и настроеніямъ, которыя вдохновляли его въ молодости. И въ этой двойственности, въ этомъ согласованіи двухъ совершенно различныхъ воззрѣній на жизнь Верлэнъ находилъ даже особое наслажденіе. Онъ благочестиво лелѣялъ въ себѣ это раздвоеніе своей личности. Его первый біографъ и другъ, Шарль Морисъ, подозрѣваетъ даже, что не возвращеніе къ вѣрѣ особенно дѣйствовало на воображеніе поэта, а скорѣе именно возможность вновь усумниться, вновь возстать противъ временнаго смиренія и покаянія. Подобнымъ чувствомъ объясняется заглавіе одного изъ послѣдующихъ сборниковъ Верлэна: «Параллельно». Этотъ сборникъ вышелъ въ томъ же году, что и новое изданіе «Мудрости». Поэтъ хотѣлъ показать этимъ заглавіемъ, что онъ ни отъ чего не отказывался, ни съ чѣмъ не порываетъ; онъ *параллельно* открываетъ передъ нами двѣ различныя и взаимно противорѣчащія стороны своей души.

Литературная слава Верлэна достигла высшаго расцвѣта въ 1889 году. По смерти Леконта де-Лиля Верлэнъ былъ признанъ первымъ поэтомъ Франціи. Но возростающія симпатіи публики не дали ему возможности влачить менѣе горестное существованіе; они не спасли его отъ нищеты. Его кандидатура въ академіи всетаки не удалась. Хотя старые сборники его стихотвореній и выходили новыми изданіями, и къ нимъ присоединилось и еще нѣсколько новыхъ сборниковъ, жить перомъ Верлэнъ никогда не научился. Войти въ литературу, которую онъ такъ презиралъ, ему было невозможно. Какъ истиный лирикъ, Верлэнъ умѣлъ писать только о себѣ. Его романъ «Луиза Леклеркъ»—ничто иное, какъ автобіографія. И по чисто художественнымъ достоинствамъ онъ значительно уступаетъ серіи изданныхъ въ то время воспоминаній и исповѣдей. Только «Mes Hôpitaux», «Mémoires d'un veuf», «Mes prisons» и «Confessions» читаются и теперь съ захватывающимъ интересомъ. Личность Верлэна изливается здѣсь съ тѣмъ богатствомъ остроумія, образности и съ той же истинно поэтической ироніей, что и въ его стихахъ.

Прозаическая лирика автобіографій Верлэна даже выше, чѣмъ стихи этого послѣдняго періода его жизни. Лучшими сборниками Верлэна все-таки остаются «Празднество любовниковъ», «Мудрость», «Романсы безъ словъ» и «Нѣкогда и недавно». По силѣ выразительности, по разнообразію настроеній съ ними могутъ сравняться только сатирическія пьесы: «Нареканія», (Invectives. 1896), вышедшія уже послѣ смерти поэта. Здѣсь вылилась вся наболѣвшая горечь противъ тупой неотзывчивости ходячей буржуазной печати. Здѣсь высказалъ Верлэнъ гордое сознаніе своего нравственнаго и художественнаго превосходства.

Гёте осудилъ въ своемъ Торквато Тассо безразсудство поэтическихъ грезъ и гордый лиризмъ душевнаго протеста во имя великаго трагизма жизни. Великій поэтъ уже обрѣлъ тогда успокоеніе въ созерцаніи природы, въ идеѣ гармоніи, въ олимпійской снисходительности къ условіямъ настоящаго. Верлэнъ не пошелъ навстрѣчу дѣйствительности, не смирился передъ ней. Онъ продолжалъ воспитывать въ себѣ всю ту неудовлетворенность, всѣ тѣ оскорбленія, какія надо совсѣмъ забыть и уничтожить въ себѣ, чтобы стать членомъ современнаго общества. Верлэнъ былъ совсѣмъ выкинутъ изъ жизни, потому что лучше и сильнѣе другихъ чувствовалъ жизнь. Какъ старикъ въ «Тайнахъ души» Метерлинка, Верлэнъ зналъ о человѣческомъ существованіи «немного больше и немного меньше, чѣмъ знаютъ обыкновенные люди».

«Я жилъ, говоритъ Верлэнъ,—всѣми силами сердца и разума, созрѣвшихъ въ чудное знойное лѣто превратностей и счастья».

Евгеній Аничковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ ВЕРЛЭНА.

Art poétique.

Музыки, музыки прежде всего!
Ритмъ полюби въ ней,—но свой, непослушный,
Странно-живой и неясно-воздушный,
Все отряхнувшій, что грубо мертво!
Въ выборѣ словъ будь разборчивымъ строго;
Даже изысканнымъ будь иногда:
Лучшая пѣсня—въ оттѣнкахъ всегда!
Въ ней, сквозь туманность, и точности много.
Словно глядитъ чей-то взоръ сквозь вуаль,—
Солнце въ полуденномъ зноѣ трепещетъ,—
Звѣздочка искрой голубенькой блещетъ,
Въ небѣ осеннемъ, гдѣ стынетъ печаль...
Намъ вѣдь оттѣнки нужны! краски грубы,
Красокъ не нужно,—оттѣнки лови!
Въ нихъ лишь сплетаются, въ брачной любви,
Грезы—и призраки, флейты—и трубы...
Дальше отъ смѣха, отравы больной:
Брось и разсудокъ, сухой и бравурный,—
Все, что печалитъ взоръ неба лазурный,
Всѣ эти пряности кухни дурной!
И краснорѣчье: сверни ему шею!
Все, что фальшиво и вяло, гони!
Риѳму проворно уму подчини;
Да не зѣвай, не запутайся съ нею!
О, эта риѳма! съ ней тысяча мукъ!
Кто насъ плѣнилъ побрякушкой грошовой?
Мальчикъ безухій? дикарь безтолковый?
Вѣчно «подпилка» въ ней слышится звукъ!..
Музыки, музыки вѣчно и вновь!
Пусть будетъ стихъ твой—мечтой окрыленной,
Пусть онъ изъ сердца стремится, влюбленный,
Къ новому небу, гдѣ снова любовь!
Пусть, какъ удача, какъ смѣлая греза,
Вьется онъ вольно, шаля съ вѣтеркомъ,
Съ мятой пахучей въ вѣнкѣ полевомъ...
Все остальное—«чернила и проза!»

Ив. Тхоржевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

V.

Никита втянулся въ жизнь поденщика. Онъ работалъ въ пароходныхъ обществахъ и у мелкихъ торговцевъ, нагружалъ и выгружалъ судна, баржи съ солью, лѣсомъ, камнями, кирпичомъ, хлѣбомъ, работалъ на постройкахъ, копалъ землю, и не было того, внѣ ремесла, труда въ порту, который миновалъ бы его руки. Послѣ работы, уставшій, онъ шелъ въ кабакъ, гдѣ пропивалъ полученные гроши. Тамъ онъ плясалъ, сквернословилъ, грозился, переходилъ отъ одной компаніи поденщиковъ къ другой и лишь поздно ночью уходилъ въ ночлежку или съ Елизаветой.

Когда онъ отрезвлялся, то каялся въ пьянствѣ, клялся не брать больше въ ротъ ни капли и со страстью отдавался работѣ, чтобы утолить то скверное въ душѣ, которое разросталось съ каждымъ днемъ, чѣмъ больше онъ вникалъ въ окружавшую жизнь. По натурѣ справедливый, съ серьезнымъ характеромъ, заглушеннымъ годами безсмысленнаго прозябанія, онъ лишь теперь начиналъ просыпаться, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь и крѣпкихъ толчковъ, на которые нужно было отозваться, найтись, приспособиться.

Въ дни безработицы онъ любилъ толкаться среди поденщиковъ, сегодня съ одними, завтра съ другими, сегодня вдвоемъ, втроемъ, завтра въ толпѣ, въ обжоркѣ, въ кабакѣ, въ ночлежкѣ и чутко прислушивался къ тому, что говорилось. Иногда онъ вспыхивалъ отъ нетерпѣнія, вмѣшивался, и тогда новыя слова раздавались въ порту.

Холода устанавливались. Данило уже попался въ кражѣ, за что его присудили къ тюрьмѣ, и старая компанія замѣтно разстроилась. Никита не чувствовалъ лишенія съ исчезновеніемъ Данилы,

*) См. „Міръ Божій“ № 9, 1903 г.

давно раскусивъ этого рыхлаго, развратнаго человѣка, который раздражалъ его своимъ и подлаживаніемъ. Но и въ Ѳедорѣ, онъ также не чувствовалъ настоящаго товарища и бывали минуты, когда Никита видѣлъ себя одинокимъ.

Въ серединѣ декабря онъ съ партіей поденщиковъ выгружалъ уголь. Работа была горячая, спѣшная, такъ какъ требовалось къ извѣстному сроку освободить пароходъ, и прикащики не давали людямъ вздохнуть. На биржѣ было такъ много свободныхъ рукъ, что тѣ, которые попали въ партію, пошли работать за полцѣны. Поденщики, черные, худо одѣтые, измученные ледянымъ вѣтромъ, бѣгомъ передвигались съ парохода на берегъ, согнувъ подъ тяжестью корзинъ съ углемъ головы. Никита бѣжалъ рядомъ съ Ѳедоромъ.

— Работа спѣшная,—говорилъ онъ Ѳедору.—Вишь петля собачья, какъ погоняетъ,—онъ показалъ на одного изъ приказчиковъ.

Они сошли на берегъ, гдѣ лежали кучки угля, и, снявъ корзины, выбросили въ первую кучу содержимое и повернули назадъ. За ними шли поденщики, и приказчики нетерпѣливо подгоняли ихъ. Иногда вѣтеръ жужжалъ такъ, что не слышно было голосовъ людей. Сверху тяжелыя, какъ горы, тучи, закрывъ все небо, чуть роняли снѣгъ.

— Живѣй, ребята, эй, живѣй,—кричалъ приказчикъ, суетясь и топая ногами отъ холода.—Гей, гей,—крикнулъ онъ Никитѣ,—ты что черепахой бѣжишь!

Онъ высунулъ изъ башлыка лицо съ обледенѣвшими усами и сердито метнулъ въ него глазами.

— Чего?—повернулся тотъ, поблѣднѣвъ отъ ярости.

— Вечеромъ скажу. Теперь ступай, да скорѣй, чортъ тебя побери.

Онъ спряталъ лицо въ башлыкѣ, и снова оттуда послышалось: «гей, гей, живѣй, ребята, торопись!»

Они проработали до обѣда и больше не разговаривали другъ съ другомъ. Въ обжоркѣ вся партія собралась въ одномъ мѣстѣ, и Никита, стоя въ серединѣ, затруднялся, какъ начать...

Неожиданно раздался гудокъ, звавшій на работу. Площадь быстро пустѣла. Окровавленные, съ подбитыми глазами, поденщики бѣжали, спотыкаясь на скользкой мостовой, и договаривали на ходу свои впечатлѣнія. Теперь уже падалъ снѣгъ, и въ частой сѣткѣ его люди мелькали, какъ видѣнія. Не слышны были ихъ шаги. Небо еще ниже опустилось, потемнѣло, и отъ снѣга свѣтъ сталъ сумеречнымъ, прозрачно-сѣрымъ.

Федоръ стоялъ подлѣ Никиты, вмѣстѣ съ Елизаветой, испуганной и блѣдной, и предлагалъ ему подкрѣпиться. Никита, по-

мятый, но на ногахъ, съ улыбкой, которая какъ-то не шла къ нему теперь,—и онъ это понималъ, но не могъ сдѣлать, чтобы губы не улыбались,—нетерпѣливо отказывался отъ водки и избѣгалъ смотрѣть имъ въ глаза, точно они совершили что-то нехорошее, а ему тяжело было пристыдить ихъ. Но Елизавета не отставала и, настаивая на своемъ, продолжала ощупывать его руки, плечи, ни мало не смущалась тѣмъ, что онъ вырывался. И только когда онъ выпилъ, она вспомнила, что просвистѣлъ первый гудокъ, и заторопилась. Никита пошелъ ее проводить, объявивъ Федору, что на работу не пойдетъ, и когда Елизавета скрылась за воротами дома, гдѣ съ партіей женщинъ шила мѣшки, онъ отправился въ кабакъ и сидѣлъ тамъ весь день, чтобы разогнать тоску...

— Откуда это?—съ недоумѣніемъ спрашивалъ Никита, сидя какъ-то съ Федоромъ въ кабакѣ.

— Откуда? Съ неба падаетъ,—со смѣхомъ отвѣтилъ Федоръ, покручивая усъ.—Погоди, еще не такія чудеса увидишь. Дай срокъ.

— Все же деньги откуда берутся?—упорствовалъ Никита.

— А у насъ съ тобой откуда возьмутся? Ты какъ объ этомъ думаешь? Чай до весны безъ хлѣба не дотянешь. Слѣдовательно, что тутъ остается дѣлать?

— Перепадетъ работа...

— Не перепадетъ, небось,—оборвалъ Федоръ.—Насъ тутъ тысячъ около пяти, а можетъ и больше наберется,—на всѣ руки никогда зимой работы не хватитъ.

— Какъ же до весны дотянемъ?

— Дотянемъ ужо, не первый годъ живемъ. Вотъ Данилу еще не выпустили, и ему хорошо. Сытый онъ, тепло ему, а мы голодные...

— Откуда же пьянство?—все недоумѣвалъ Никита, не желая догадаться.

— Дуракъ ты!—съ досадой выговорилъ Федоръ.—Выдь ночью подъ гору, тамъ тебѣ скажутъ.

Въ кабакѣ стоялъ большій шумъ, чѣмъ обыкновенно. Кричали и пили, точно въ большой праздникъ, и гулявшая куча поденщиковъ угощала всѣхъ, кто, подобно Никитѣ и Федору, сидѣлъ безъ денегъ, голодный и трезвый. Никита поднялся.

— Ты куда?—спросилъ Федоръ.

— Къ человѣку одному надо.

— Выпить не хочешь? Ну, и ладно. Приходи вечеромъ, Елизавета деньги принесетъ. А я къ этимъ вотъ...

Онъ нехорошо улыбнулся, кивнулъ головой на гулявшихъ поденщиковъ, а Никита, не дослушавъ, выскользнулъ изъ кабака.

*

СТИХОТВОРЕНІЯ. ИЗЪ ВЕРЛЭНА.

Art poétique.

Музыки, музыки прежде всего!
Ритмъ полюби въ ней,—но свой, непослушный,
Странно-живой и неясно-воздушный,
Все отряхнувшій, что грубо мертво!
Въ выборѣ словъ будь разборчивымъ строго;
Даже изысканнымъ будь иногда:
Лучшая пѣсня—въ оттѣнкахъ всегда!
Въ ней, сквозь туманность, и точности много.
Словно глядитъ чей-то взоръ сквозь вуаль,—
Солнце въ полуденномъ зноѣ трепещетъ,—
Звѣздочка искрой голубенькой блещетъ,
Въ небѣ осеннемъ, гдѣ стынетъ печаль...
Намъ вѣдь оттѣнки нужны! краски грубы,
Красокъ не нужно,—оттѣнки лови!
Въ нихъ лишь сплетаются, въ брачной любви,
Грезы—и призраки, флейты—и трубы...
Дальше отъ смѣха, отравы больной:
Брось и разсудокъ, сухой и бравурный,—
Все, что печалитъ взоръ неба лазурный,
Всѣ эти прянности кухни дурной!
И краснорѣчье: сверни ему шею!
Все, что фальшиво и вяло, гони!
Риѳму проворно уму подчини;
Да не зѣвай, не запутайся съ нею!
О, эта риѳма! съ ней тысяча мукъ!
Кто насъ плѣнилъ побрякушкой грошовой?
Мальчикъ безухій? дикарь безтолковый?
Вѣчно «подпилка» въ ней слышится звукъ!..
Музыки, музыки вѣчно и вновь!
Пусть будетъ стихъ твой—мечтой окрыленной,
Пусть онъ изъ сердца стремится, влюбленный,
Къ новому небу, гдѣ снова любовь!
Пусть, какъ удача, какъ смѣлая греза,
Вьется онъ вольно, шаля съ вѣтеркомъ,
Съ мятой пахучей въ вѣнкѣ полевомъ...
Все остальное—«чернила и проза!»

Ив. Тхоржевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

V.

Никита втянулся въ жизнь поденщика. Онъ работалъ въ пароходныхъ обществахъ и у мелкихъ торговцевъ, нагружалъ и выгружалъ судна, баржи съ солью, лѣсомъ, камнями, кирпичомъ, хлѣбомъ, работалъ на постройкахъ, копалъ землю, и не было того, внѣ ремесла, труда въ порту, который миновалъ бы его руки. Послѣ работы, уставшій, онъ шелъ въ кабакъ, гдѣ пропивалъ полученные гроши. Тамъ онъ плясалъ, сквернословилъ, грозился, переходилъ отъ одной компаніи поденщиковъ къ другой и лишь поздно ночью уходилъ въ ночлежку или съ Елизаветой.

Когда онъ отрезвлялся, то каялся въ пьянствѣ, клялся не брать больше въ ротъ ни капли и со страстью отдавался работѣ, чтобы утолить то скверное въ душѣ, которое разросталось съ каждымъ днемъ, чѣмъ больше онъ вникалъ въ окружавшую жизнь. По натурѣ справедливый, съ серьезнымъ характеромъ, заглушеннымъ годами безсмысленнаго прозябанія, онъ лишь теперь начиналъ просыпаться, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь и крѣпкихъ толчковъ, на которые нужно было отозваться, найтись, приспособиться.

Въ дни безработицы онъ любилъ толкаться среди поденщиковъ, сегодня съ одними, завтра съ другими, сегодня вдвоемъ, втроемъ, завтра въ толпѣ, въ обжоркѣ, въ кабакѣ, въ ночлежкѣ и чутко прислушивался къ тому, что говорилось. Иногда онъ вспыхивалъ отъ нетерпѣнія, вмѣшивался, и тогда новыя слова раздавались въ порту.

Холода устанавливались. Данило уже попался въ кражѣ, за что его присудили къ тюрьмѣ, и старая компанія замѣтно разстроилась. Никита не чувствовалъ лишенія съ исчезновеніемъ Данилы,

*) См. „Міръ Божій“ № 9, 1903 г.

давно раскусивъ этого рыхлаго, развратнаго человѣка, который раздражалъ его своимъ и подлаживаніемъ. Но и въ Ѳедорѣ, онъ также не чувствовалъ настоящаго товарища и бывали минуты, когда Никита видѣлъ себя одинокимъ.

Въ серединѣ декабря онъ съ партіей поденщиковъ выгружалъ уголь. Работа была горячая, спѣшная, такъ какъ требовалось къ извѣстному сроку освободить пароходъ, и прикащики не давали людямъ вздохнуть. На биржѣ было такъ много свободныхъ рукъ, что тѣ, которые попали въ партію, пошли работать за полцѣны. Поденщики, черные, худо одѣтые, измученные ледянымъ вѣтромъ, бѣгомъ передвигались съ парохода на берегъ, согнувъ подъ тяжестью корзинъ съ углемъ головы. Никита бѣжалъ рядомъ съ Ѳедоромъ.

— Работа спѣшная,—говорилъ онъ Ѳедору.—Вишь петля собачья, какъ погоняетъ,—онъ показалъ на одного изъ приказчиковъ.

Они сошли на берегъ, гдѣ лежали кучки угля, и, снявъ корзины, выбросили въ первую кучу содержимое и повернули назадъ. За ними шли поденщики, и приказчики нетерпѣливо подгоняли ихъ. Иногда вѣтеръ жужжалъ такъ, что не слышно было голосовъ людей. Сверху тяжелыя, какъ горы, тучи, закрывъ все небо, чуть роняли снѣгъ.

— Живѣй, ребята, эй, живѣй,—кричалъ приказчикъ, суетясь и топая ногами отъ холода.—Гей, гей,—крикнулъ онъ Никитѣ,—ты что черепахой бѣжишь!

Онъ высунулъ изъ башлыка лицо съ обледенѣвшими усами и сердито метнулъ въ него глазами.

— Чего?—повернулся тотъ, поблѣднѣвъ отъ ярости.

— Вечеромъ скажу. Теперь ступай, да скорѣй, чортъ тебя побери.

Онъ спряталъ лицо въ башлыкѣ, и снова оттуда послышалось: «гей, гей, живѣй, ребята, торопись!»

Они проработали до обѣда и больше не разговаривали другъ съ другомъ. Въ обжоркѣ вся партія собралась въ одномъ мѣстѣ, и Никита, стоя въ серединѣ, затруднялся, какъ начать...

Неожиданно раздался гудокъ, звавшій на работу. Площадь быстро пустѣла. Окровавленные, съ подбитыми глазами, поденщики бѣжали, спотыкаясь на скользкой мостовой, и договаривали на ходу свои впечатлѣнія. Теперь уже падалъ снѣгъ, и въ частой сѣткѣ его люди мелькали, какъ видѣнія. Не слышны были ихъ шаги. Небо еще ниже опустилось, потемнѣло, и отъ снѣга свѣтъ сталъ сумеречнымъ, прозрачно-сѣрымъ.

Федоръ стоялъ подлѣ Никиты, вмѣстѣ съ Елизаветой, испуганной и блѣдной, и предлагалъ ему подкрѣпиться. Никита, по-

мятый, но на ногахъ, съ улыбкой, которая какъ-то не шла къ нему теперь,—и онъ это понималъ, но не могъ сдѣлать, чтобы губы не улыбались,—нетерпѣливо отказывался отъ водки и избѣгалъ смотрѣть имъ въ глаза, точно они совершили что-то нехорошее, а ему тяжело было пристыдить ихъ. Но Елизавета не отставала и, настаивая на своемъ, продолжала ощупывать его руки, плечи, ни мало не смущалась тѣмъ, что онъ вырывался. И только когда онъ выпилъ, она вспомнила, что просвистѣлъ первый гудокъ, и заторопилась. Никита пошелъ ее проводить, объявивъ Федору, что на работу не пойдетъ, и когда Елизавета скрылась за воротами дома, гдѣ съ партіей женщинъ шила мѣшки, онъ отправился въ кабакъ и сидѣлъ тамъ весь день, чтобы разогнать тоску...

— Откуда это?—съ недоумѣніемъ спрашивалъ Никита, сидя какъ-то съ Федоромъ въ кабакѣ.

— Откуда? Съ неба падаетъ,—со смѣхомъ отвѣтилъ Федоръ, покручивая усъ.—Погоди, еще не такія чудеса увидишь. Дай срокъ.

— Все же деньги откуда берутся?—упорствовалъ Никита.

— А у насъ съ тобой откуда возьмутся? Ты какъ объ этомъ думаешь? Чай до весны безъ хлѣба не дотянешь. Слѣдовательно, что тутъ остается дѣлать?

— Перепадетъ работа...

— Не перепадетъ, небось,—оборвалъ Федоръ.—Насъ тутъ тысячъ около пяти, а можетъ и больше наберется,—на всѣ руки никогда зимой работы не хватитъ.

— Какъ же до весны дотянемъ?

— Дотянемъ ужо, не первый годъ живемъ. Вотъ Данилу еще не выпустили, и ему хорошо. Сытый онъ, тепло ему, а мы голодные...

— Откуда же пьянство?—все недоумѣвалъ Никита, не желая догадаться.

— Дуракъ ты!—съ досадой выговорилъ Федоръ.—Выдь ночью подъ гору, тамъ тебѣ скажутъ.

Въ кабакѣ стоялъ большій шумъ, чѣмъ обыкновенно. Кричали и пили, точно въ большой праздникъ, и гулявшая куча поденщиковъ угощала всѣхъ, кто, подобно Никитѣ и Федору, сидѣлъ безъ денегъ, голодный и трезвый. Никита поднялся.

— Ты куда?—спросилъ Федоръ.

— Къ человѣку одному надо.

— Выпить не хочешь? Ну, и ладно. Приходи вечеромъ, Елизавета деньги принесетъ. А я къ этимъ вотъ...

Онъ нехорошо улыбнулся, кивнулъ головой на гулявшихъ поденщиковъ, а Никита, не дослушавъ, выскользнулъ изъ кабака.

*

Второй разъ уже какъ Никита шелъ къ старухѣ Александрѣ за лекарствомъ. Какъ не хотѣлось ему идти теперь,—идти нужно было. Болѣзнь угрожала, разросталась, а Александра славилась въ порту.

Когда онъ пришелъ къ ней на квартиру, вышла какая-то полная дѣвушка съ веселыми глазами, отъ которой пахло водкой, когда она говорила, и узнавъ, что онъ къ Александрѣ, съ любопытствомъ осмотрѣла его, и какъ бы съ сожалѣніемъ выговорила:

— Бабушка ушла, нѣтъ ея дома.

— Скоро она придетъ?—спросилъ Никита, смотря ей въ глаза и довольный, что она полная.

— А кто ее знаетъ. Маменька!—крикнула она вдругъ въ дверь.—Человѣкъ одинъ Александру спрашиваетъ...

— Пускай подождетъ,—раздался грубоватый, равнодушный, пьяный голосъ.

Полная дѣвушка метнула въ него своими веселыми глазами и скрылась во второй комнатѣ, а Никита остался ждать. Потянулось время. Никита сидѣлъ, какъ истуканъ.

— Красивый какой,—вдругъ раздался шопотъ въ сосѣдней комнатѣ. Никита обернулся. На мгновеніе въ дверной щели сверкнулъ глазъ, скрылся и опять въ ней протекала темнота. Никита съ досадой повелъ плечами и вышелъ во дворъ. Въ ворота входила дѣвушка, закутанная шалью такъ, что лица ея не было видно. Какая-то старуха съ котломъ на плечахъ и согнувшись подъ нимъ, шла рядомъ съ дѣвушкой и говорила съ ней. Снѣгъ, лежавшій на землѣ, мѣшалъ обѣимъ ходить, и онѣ подвигались медленно. Когда дѣвушка поровнялась съ Никитой, то сверкнула предъ нимъ такой красотой своими разгорѣвшимися отъ мороза щеками и чистыми сѣрыми глазами, что сердце его остановилось отъ волненія.

— Вы, бабушка, не приставайте ко мнѣ,—послышался ея голосъ,—а то я дядюшкѣ скажу, и вамъ отъ него худо будетъ.

— Дядѣ не говори,—испугалась старуха,—сохрани тебя Богъ, милочка.

Никита взглянулъ на старуху и узналъ въ ней Александру.

— Здравствуй, бабушка,—произнесъ онъ, недовольный почему-то тѣмъ, что Александра разговаривала съ дѣвушкой.

Старуха выглянула изъ-подъ котла, а дѣвушка, не повернувъ головы, пошла дальше. Доброе настроеніе разомъ покинуло Никиту.

— Ага, это ты, паренекъ, ну, здравствуй! Что скажешь хорошаго?

Она вошла въ комнату, гдѣ Никита прежде ожидалъ ее, сняла съ плечъ котелъ, закрытый тряпками, и поставила его на полъ.

— Только и всего, что десятокъ сальничковъ продала,—проворчала она,—нѣтъ у народа денегъ. Застудила сальнички-то. Ну, что скажешь, паренекъ?—опять спросила она у Никиты, поднявъ на него свои глаза, похожіе на большія выпуклыя стекла.

— Не помогло, бабушка, лекарство твое,—мрачно выговорилъ онъ, и вдругъ, какъ дѣвушка, застыдился отъ того, что онъ одинъ со старухой и лечится у нея.

— Такая уже болѣзнь,—недовольно отвѣтила старуха,—заболѣть скоро, вылечиться долго. Деньги, паренекъ, есть у тебя?

— Денегъ нѣтъ, но ты лечи, знай,—отдамъ, все болѣе мрачно и какъ бы требуя отъ нея, признался онъ.—Не мало взяла въ тотъ разъ.

— Ну, не сердись, сердце, пятачокъ, можетъ, дашь? Кости то во какъ перемерзли на морозѣ. А я бы, сердце, за твое здоровье выпила.

— И пятачка, бабушка, не имѣю.

Она внимательно поглядѣла на него и какъ будто лишь теперь увидѣла, какой онъ красивый.

— Пятака нѣтъ?—съ удивленіемъ пробормотала она и стала безцеремонно морщинистыми руками своими, холодными, какъ желѣзо, ощупывать его лицо, гладить лобъ. Потомъ сама растегнула на немъ рубаху и долго не отрывалась, наслаждаясь тепломъ его тѣла, силой мышцъ, а онъ, какъ дуракъ, съ глупымъ лицомъ, точно на ученіи, вытянулся въ струнку и молча покорялся.

— Да,—говорила она, скользя жесткими пальцами по его тѣлу—работы нѣту теперь, что правда, то правда. Худо въ порту какъ давно не было. А тебѣ паренекъ, все же работу найду. Можешь дрова колоть?

Она сжала его мускулистую руку, крѣпкую и упругую, и со смѣхомъ, наслаждаясь своими словами, произнесла:

— Съ такими руками и домъ пополамъ расколешь. Ты завтра съ утра приходи. Я уже похлопочу у хозяина. На недѣлю работы хватитъ. Вотъ ты и старухѣ заплатишь, напоишь, накормишь ее, бѣдную. А тамъ я тебѣ дѣло одно скажу,—прибавила она, понизивъ голосъ.

Она застегнула рубаху и стала искать что то подъ кроватью среди стеклянокъ, которыя подъ ея руками стукались и звенѣли.

— А мнѣ что съ этимъ дѣлать?—спросилъ онъ, когда она подала ему пузырекъ.

Опять пріоткрылась дверь и та же полная съ веселыми глазами дѣвушка, показалась на порогѣ. Изъ комнаты неслись теперь мужскіе голоса и еще одинъ женскій. Никитѣ страшно вдругъ захотѣлось посидѣть въ комнатѣ, гдѣ сидѣла компанія, и было тепло и весело.

— Одолжите спичку,—произнесла полная дѣвушка, бросивъ на Никиту жадный взглядъ, и онъ его понялъ.—Всѣ спички вышли.

Никита всталъ, застыдился и тихо сказалъ:

— Спичекъ не имѣю.

Она захохотала такъ весело, что Никита не выдержалъ, самъ засмѣялся и, зная, что спичекъ у него нѣтъ, неизвѣстно съ чего сталъ шарить у себя въ карманахъ.

Полная дѣвушка еще громче засмѣялась, и сквозь смѣхъ отчеканила крикливымъ голосомъ:

— Онъ спичекъ ищетъ, дурачекъ этакій, спичекъ...

Они посмотрѣли другъ на друга и точно были старыми товарищими и словно нашалили, залились долгимъ смѣхомъ. Старуха бросила на нихъ недобрый взглядъ, и глаза ея еще болѣе стали похожи на огромныя выпуклыя стекла. Дѣвушка вдругъ замолкла, ущипнула Никиту за подбородокъ и убѣжала въ комнату, а онъ, озадаченный, еще съ раскрытымъ ртомъ отъ смѣха, уставился на дверь, за которой она скрылась.

— Дьяволъ, а не дѣвка,—выругалась старуха,—острога не миновать ей, побей меня Богъ. До кармановъ подлая, ухъ какъ охоча.

— Кто она, бабушка? спросилъ Никита.

— А тебѣ что за дѣло? грубо оборвала его Александра,—знай, лечись... порченый.

Она дала ему пузырекъ и стала объяснять, что дѣлать, а онъ повторялъ за ней, чтобы не забыть. Снова раскрылась дверь, и та же дѣвушка выглянула въ нее.

— Булавочки нѣтъ ли у васъ? спросила она, закрывъ рукой ротъ, чтобы задержать смѣхъ, и все вздрагивая плечами,—одолжите пожалуйста.

— Какой булавочки?—съ недоумѣніемъ произнесъ Никита.

— Булавочки,—нараспѣвъ повторила она, и вдругъ не выдержавъ, прыснула, и глаза у нея заискрились, какъ огоньки ночью.—Я васъ къ фартуку своему пришпилю...

Она придвинула свое лицо такъ близко къ нему, что онъ узналъ себя въ ея зрачкахъ, прищурила глаза, внезапно широко раскрыла ихъ и быстро стала крутить ими вверхъ, внизъ и по бокамъ.

— Дурачекъ!—вздохнувъ, вымолвила она, отходя отъ него.

А онъ стоялъ передъ ней, вытянувши руки по швамъ, и глупыми глазами смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась. Во дворѣ ему опять встрѣтилась дѣвушка съ сѣрыми глазами. Теперь она несла ведро съ водой, и когда онъ взглянулъ на нее, то отъ ея лица сорвалось и пошло на него что-то такое ясное, свѣтлое, чистое, что сразу какъ бы смыло все не хорошее, лежавшее у него на душѣ.

«Какъ бы это сдѣлать, чтобы жизнь у людей пошла другая,— почему-то подумалъ онъ, глядя, какъ она удалялась,—какъ бы это сдѣлать?».

Точно чувствуя его взглядъ на спинѣ, дѣвушка обернулась и внимательно посмотрѣла на него.

«Какъ бы это сдѣлать, кто скажетъ?»

И чистый, онъ ушелъ со двора.

VI.

Море стало. Весь его берегъ, гдѣ въ теплые дни не было мѣста, которое миновалъ бы, не бросивъ потомъ своего труда, рабочій народъ, теперь замеръ подъ глубокимъ снѣгомъ. Затихъ шумъ человѣка на зимовавшихъ въ гавани баркахъ, судахъ, пароходахъ, затихъ въ мастерскихъ, въ магазинахъ, лавкахъ, затихъ на улицахъ и переулкахъ, и страшная зимняя безработица окончательно установилась въ порту.

Никита совершенно потерялся и затосковалъ. Раньше, когда была работа, одна только возможность просвѣта дѣлала его сильнымъ, мужественнымъ. Тогда онъ понималъ ясно и винилъ во всемъ хозяина. Теперь хозяинъ исчезъ, и перестало быть понятнымъ откуда идетъ зло. Безработица какъ бы принесла съ собой наглазники.

Какъ-то утромъ разнесся слухъ, что Антонъ замерзъ. Извѣстіе принесъ Данило, недавно выпущенный изъ тюрьмы. Никита въ этотъ день работалъ съ Ѳедоромъ и узналъ о несчастіи лишь въ обѣденное время. Всѣ трое бросились къ мѣсту, гдѣ нашли тѣло. Но они опоздали. Антона уже увезли въ анатомическій, а мѣсто гдѣ его открыли, сравняли снѣгомъ. Мрачные возвращались пріятели въ обжорку.

— Вотъ и Антона уже нѣтъ,—вздохнулъ Данило. — Хорошій человѣкъ покойникъ былъ, царство ему небесное. Какъ-то Степанъ станетъ жить безъ него?

Онъ перекрестился, глядя на холодное зимнее солнце, а Ѳедоръ чѣмъ-то испуганный, прибавилъ:

— Спаси Господи, помилуй насъ грѣшныхъ отъ лютой смерти...

Никита искоса посмотрѣлъ на Ѳедора и съ досадой выговорилъ:

— Вонъ въ городѣ все по другому, дома другіе, человѣку цѣна есть...

— То городъ,—серьезно сказалъ Данило.—Одно слово—образованность, и все тутъ. Образованные господа...

— Темный народъ,—поддержалъ Ѳедоръ.—Темнота наша всему причиной.

— Значитъ, темному, по твоему жить не полагается? — разсердился Никита.—Ему, можетъ больше чѣмъ другому нужно...

— Какъ сдѣлать-то?—спросилъ Ѳедоръ.

— Вотъ я и спрашиваю, какъ сдѣлать?

— Ничего не сдѣлаешь,—произнесъ Данило,—пропащая наша жизнь.

Весь день Никита, подъ впечатлѣніемъ смерти Антона, былъ въ угнетенномъ состояніи. Работалъ онъ плохо, все время занятый одной мыслью.

«Ничего понять нельзя», угрюмо рѣшилъ онъ, разставаясь вечеромъ съ Федоромъ, чтобы отправиться къ Александрѣ.

По дорогѣ къ ней ему встрѣтилась Елизавета и пошла рядомъ съ нимъ. Никита нахмурился. Она мѣшала ему теперь всѣмъ, своей походкой, своимъ голосомъ, своими вопросами и сдерживая гнѣвъ, онъ тихо сказалъ ей:

— Пошла бы, Елизавета, своей дорогой.

— Куда я пойду Никита? Твоя дорога—моя дорога...

Онъ взглянулъ на нее и сразу, по ея усталымъ глазамъ и голосу понялъ, какъ нуженъ ей. Но сейчасъ же вспомнилъ, куда и зачѣмъ идетъ, и жестко сказалъ:

— Моя дорога, Лизавета, моя, — ты ступай своей. Не зналъ бы тебя, не туда шелъ бы, куда иду.

Она опустила глаза, боясь разсердить его тѣмъ, что было въ нихъ.

— Кого любишь,—радостно сказала она,—того толстыми веревками связать хочешь, чтобы не ушелъ. Жизнь наша одна, не для тебя я запаскудилась. Не для тебя Никита. А ты... хоть глазъ мой выдави, не крикну: еще больше твоя буду, чѣмъ прежде. Руку мою отрѣжь, еще больше твоя буду. Чѣмъ меньше людямъ годиться буду, тѣмъ больше тебѣ...

Она уже вплотную шла съ нимъ, простивъ ему упрекъ, и онъ, не глядя, зналъ, какое у нея теперь лицо, какъ горятъ и сверкаютъ ея глаза, и ему это было непріятно.

— А я такъ думаю,—холодно выговорилъ онъ, чѣмъ меньше людямъ годиться будешь, тѣмъ меньше и мнѣ. И такъ безъ человѣка народъ живетъ.

Она оборвала его жестомъ и быстро, какъ будто ее укусили, повернулась къ нему.

— Какъ ты сказалъ Никита?—спросила она.

— Слыхала. Такъ и сказалъ.

Елизавета остановила его, внимательно посмотрѣла въ глаза и погрозила пальцемъ.

— Смотри ты,—раздалось отчетливо.

— Чего смотрѣть? Я правду сказалъ.

— Да ужъ смотри, чтобы послѣ не жалко было...

— Не будетъ, Лизавета...

Что-то пробѣжало между ними, какъ будто длинная тѣнь упала... Оба почувствовали это и сразу оглянулись.

— Никита!—съ мольбой произнесла Елизавета...

Онъ шелъ и молчалъ. Все-таки что-то промелькнуло... Онъ опять оглянулся, но встрѣтился съ глазами Елизаветы и испуганно отшатнулся. Мелькнувшее лежало теперь на ея лицѣ, смотрѣло изъ глазъ, и то, что оно какъ бы притаилось въ зрачкахъ и выглядывало на него, рождало невыносимый ужасъ.

— Пойдемъ скорѣй,—пробормоталъ онъ, избѣгая ея лица...— Я прошу тебя, Лизавета, не сердись на меня...

Онъ сталъ говорить тихимъ и нѣжнымъ голосомъ что-то, а она едва разбирая его слова, только отъ добрыхъ звуковъ, теперь лишь почувствовала, какъ ей холодно и тяжело ходить.

— Я, Никита,—устала выговорила она, вдругъ оборвавъ его,— что хочешь, то и сдѣлаю. Кого прикажешь, того и буду любить. Скажешь камень,—буду камень любить. Скажешь людей — буду людей любить. Мнѣ только, чтобы ты не бросалъ меня. Мнѣ хоть разъ въ недѣлю, но чтобы могла прижать тебя къ самой душѣ своей...

Она оборвалась... Они уже подходили къ дому, гдѣ жила Александра, и Никита не зналъ, что сказать ей.

— Я въ кабакѣ подожду тебя. Холодно мнѣ и голодная я. Приходи туда, Никита.

Онъ кивнулъ головой, чтобы успокоить ее и вошелъ во дворъ. Но на обратномъ пути, думая о Елизаветѣ, опять охладѣлъ къ ней и, миновавъ кабакъ, пошелъ въ ночлежку.

— Худо это кончится,—подумалъ онъ, устраиваясь, и опять вспомнилъ ея лицо.

Скоро пришелъ Федоръ и легъ подлѣ него. Никита не выдержалъ и разсказалъ ему о Елизаветѣ.

— Жалко бабы,—выслушавъ, серьезно произнесъ Федоръ. — Ни за что пропадетъ.

— Я самъ такъ думаю,—сказалъ Никита,—а что подѣлаешь? Не могу я больше.

Онъ задумался и предъ нимъ все мелькало странное лицо Елизаветы, съ тѣмъ, что выглядывало изъ ея глазъ. Федоръ расчувствовался отъ признанія Никиты и теперь фантазировалъ о счастьѣ, о женщинѣ...

На слѣдующее утро, собираясь уйти, Никита, выглянувъ изъ окна на улицу, замѣтилъ Елизавету. Она стояла задумавшись у дома противъ ночлежки и, видимо, поджидала его. Непріятное сразу установилась въ его душѣ. Федоръ еще спалъ, и одну

минуту онъ колебался, не разбудить ли и послать его къ ней вмѣсто себя. Нерѣшительно онъ выглянулъ въ окно: Елизавета стояла неподвижно.

— Самъ пойду и скажу,—подумалъ онъ, чуть тронутый ея покорной фигурой.

Но какъ только онъ показался внизу, и она, увидѣвъ его, побѣжала къ нему, размахивая руками, онъ опять ощутилъ въ себѣ что-то недоброе, жестокое къ ней.

— Ты что тутъ дѣлаешь?—сердито спросилъ онъ.

— Тебя, Никита, жду,—отвѣтила она, постучавъ зубами отъ холода, и онъ это замѣтилъ.

— Ты бы, Елизавета,—вырвалось у него,—перестала ходить за мной...

— Куда пойти мнѣ!—оборвала она его и опять застучала зубами.

— Какъ мнѣ знать?

— Долженъ знать, Никита. Привязалъ человѣка, такъ и знай. Вчера говорила тебѣ—худо будетъ,—и будетъ оно. Душу человѣку далъ, не отнимай...

— Ничего я тебѣ не давалъ,—хмуро отвѣтилъ онъ, удивляясь, что совсѣмъ не жалѣетъ ее.

— Не давалъ... А я говорю—далъ. Свѣтлѣе мнѣ жить стало съ тобой-то.

— Не знаю. Только вотъ что Елизавета, не могу... я больше жить съ тобой. Ты говоришь, свѣтлѣе, а мнѣ темно. Опутала меня темнота отъ такой жизни и я не хочу. Вчера Антонъ замерзъ, слыхала. Почему человѣкъ пропалъ? А ты баловаться хочешь. Человѣкъ, у него совѣсть должна быть...

Елизавета шла за нимъ и не слушала его. Одно ей было важно и это важное Никита отнялъ. И она не прерывала его, молча плакала и день казался ей ночью.

— Ладно,—наконецъ, сказала она,—я ужъ знаю, что сдѣлаю. Прощай Никита.

Что-то дрогнуло у него отъ ея голоса и ему хотѣлось вернуть ее. Но онъ не сдѣлалъ ни одного жеста и продолжалъ смотрѣть ей вслѣдъ, пока она не скрылась...

Вечеромъ всѣ сошлись въ кабакѣ. Никита мрачно молчалъ и съ какимъ-то новымъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ на этихъ людей, товарищей.

— Будетъ тебѣ киснуть, христіанчикъ,—раздался веселый голосъ Данилы.—Я полкварты закажу, потому сегодня у хозяина я полтинникъ заработалъ. Выпью я. За тебя, за себя и за добрыхъ людей.

— Я пить не стану,—отозвался Никита.—Гдѣ Федоръ?

— Что-о, не станешь? Водки-то?..

— Не стану. Гдѣ Федоръ? Федоръ мнѣ нуженъ.

Вошла Елизавета съ молодымъ парнемъ рыбакомъ, который держалъ ее подъ локоть. Она уже знала о Никитѣ, была пьяна и лицо и глаза у нея возбужденно горѣли.

— Зови гармониста!—звонкимъ голосомъ приказала она, рыбаку.

Никита оглянулся и поблѣднѣлъ отъ волненія.

«Худо будетъ», промелькнуло у него.

— Ну, вотъ и ты,—все такъ же звонко крикнула она, подбѣгая къ Никитѣ.—Видалъ, съ кѣмъ пришла?

— Уйди отъ меня, Елизавета,—попросилъ онъ.

— Ага, Данило, и ты тутъ! Здравствуй. Феденьки не вижу. Чай подрались? Ну, ступай, ступай,—недовольно толкнула она его, когда онъ подошелъ къ ней съ недоумѣвающимъ лицомъ.

— Что такое? Что случилось,—съ испугомъ спросилъ Данило, глядя то на Елизавету, то на Никиту.

— У него спроси,—точно отрезвившись, отвѣтила она.

Никита всталъ. Елизавета опять подбѣжала къ нему и схвативъ за руку, возбужденнымъ шепотомъ произнесла:

— Скажи слово, Никита, одно доброе слово. Какъ въ огнѣ, горитъ душа моя.

— Уйди отъ меня, Елизавета,—попросилъ онъ.

— Ну, и ладно. Гей!—крикнула она, рыбаку, который, снявъ пальто, остался опять въ своей красной рубахѣ, похожій на палача. Гей, ступай ко мнѣ! Теперь гуляй душа, прощай жизнь!..

Показалось, будто она всхлипнула, но сейчасъ ее покрылъ аккордъ гармоники.

— Да что случилось?—спрашивалъ Данило, стоя подлѣ Никиты,—она сумасшедшая. Никита, да куда же ты. Постой, христіанинъ, этакъ нельзя. По человѣчески нужно,—бормоталъ онъ.

— Отстань, слышь ты?—крикнулъ Никита, и глаза его стали такими холодными, злыми, что Данило опѣшилъ.

— Ну, ты, братъ, опасный человѣкъ,—отступая, выговорилъ онъ.—Азіатъ, накажи меня Богъ.

А Никита, не слушая, вышелъ изъ кабака, и ночная мгла сейчасъ же поглотила его. Морозъ крѣпчалъ. На улицѣ отъ темноты, отъ того, что на небѣ, густо насаженныя, сверкали звѣзды, и гдѣ-то раздавались голоса невидимыхъ людей, было нехорошо, и чудная печаль охватила душу Никиты. Когда подымалась волна счастія отъ того, что онъ былъ одинъ, то казалось, звѣзды слетались къ нему на голову, на плечи, свѣтили и грѣли,—и ему было хорошо. Когда приходила печаль, то невидимые голоса разрослись, угрожали, и становились похожими на тѣ, что выкрики-

вала толпа, преслѣдуя Степана. И онъ медленно подвигался впередъ, пробираясь вдоль стѣнъ домовъ.

Данило между тѣмъ не на шутку разсердился, подошелъ къ Елизаветѣ, стоявшей уже въ кругѣ, тронулъ ее за плечо и сказалъ:

— А вѣдь Никита-то нашъ ушелъ!

Она быстро повернулась къ нему, не понявъ сразу.

— Ушелъ,—нѣсколько разъ повторила она.

Она вышла изъ круга, осмотрѣла всѣ углы и, не найдя его, бросилась вонъ изъ кабака. Сначала она побѣжала въ противоположную сторону. Но инстинктивно сейчасъ же повернула туда, куда онъ пошелъ, и пронизывая глазами темноту, какъ гончая, отыскавшая слѣдъ, скоро нагнала его. Никита, узнавъ ее, сталъ у стѣны дома спиной, какъ бы желая войти въ камни, и сурово молчалъ.

Весь хмѣль ея прошелъ отъ горя. Она стояла противъ него, тяжело дыша отъ бѣга, глядѣла на его упрямо опущенную голову, и сама не понимала, чѣмъ онъ такъ привязалъ ее къ себѣ. Онъ держалъ ея душу въ своихъ рукахъ, но уста его не согрѣлись, чтобы бросить ей теплое слово.

— Не сердись на меня, Никита,—произнесла она,—и онъ слушалъ эти добрые, покорные звуки, какъ слушали камни, на которые онъ опирался,—я вѣдь нарочно съ парнемъ пришла, чтобы вернуть тебя. Но и это не помогло. Что еще сдѣлать, скажи, и я сдѣлаю.

— Ничего дѣлать не нужно,—раздался его голосъ,—только уйди отъ меня.

— Куда пойду я?

Онъ молча пошелъ отъ нея, а она поплелась за нимъ, умоляя одними,—будто забыла всѣ другія,—словами.

— Что скажешь, Никита, то сдѣлаю. Что скажешь, Никита, то сдѣлаю...

Онъ вырвалъ у нея руку, которую она теперь держала, и пошелъ скорѣе. Она опять нагнала его и остановила.

— Такъ бросаешь?—крикнула она.—Не умолю тебя? Еще разъ скажи громко, скажи, чтобы всѣмъ слышно было.

— Жить съ тобой не могу,—отчетливо выговорилъ онъ.

— Даже если убью себя?—погрозила она.

Онъ сдѣлалъ жестъ и опять пошелъ.

— Не вѣришь? Ладно, и чортъ съ тобой, проклятый. Моя кровь на твою голову.

Она плюнула на то мѣсто, гдѣ онъ только что стоялъ и побѣжала опять въ припрыжку, охая, будто каждый шагъ, который она дѣлала, билъ по остріямъ... И не думая, нащупывала рукой рабочій ножъ, лежавшій у нея въ карманѣ...

Утромъ Елизавету нашли мертвой: она лежала въ лужѣ крови съ перерѣзаннымъ горломъ, и юбка ея примерзла къ землѣ. Данило узналъ объ этомъ первый и побѣжалъ подѣлиться горемъ съ Никитой, который пилъ чай съ Федоромъ въ трактирѣ.

— Бѣда приключилась,—бормоталъ онъ, дрожа весь и вытирая потъ со лба,—Елизавета ночью зарѣзалась.

Никита, побѣлѣвъ, спокойно повернулся къ Данилѣ и внимательно посмотрѣлъ на него. Потомъ улыбнулся, широко зѣвнулъ. Но уже медленно, и какъ бы съ угрозой, что-то поднимало его съ мѣста, ставило на ноги, и вдругъ издавъ короткій крикъ, онъ схватился за голову и такъ держа ее руками, выбѣжалъ изъ трактира. Федоръ и Данило бросились за нимъ...

Вокругъ мертвой Елизаветы собралась толпа. Въ серединѣ стоялъ мрачный городовой, два дворника, и стерегли тѣло. Иногда городовой, какъ бы опоминался и начиналъ разгонять толпу. Мальчишки нагнувшись, ползали между ногами взрослыхъ, чтобы взглянуть на трупъ. Сама Елизавета лежала на боку, раскинувъ руки, залитыя кровью отъ локтя, и, точно заупрямившись, смотрѣла полураскрытыми глазами въ одну точку, недалеко отъ себя. Ноги ея висѣли надъ дырой, откуда она, испуганная, послѣ того какъ зарѣзалась, успѣла еще вылѣзть. Толпа стояла безъ словъ и какъ будто ждала чего-то—можетъ быть, чуда. Многіе крестились, передвигались вокругъ тѣла, чтобы со всѣхъ сторонъ увидѣть его и зарыть въ памяти этотъ страшный образъ человѣка съ перерѣзаннымъ горломъ. Тихо было, какъ въ храмѣ. Никита уже былъ здѣсь и старался пробраться къ тѣлу. Какой-то человѣкъ стоялъ впереди его, мѣшалъ пройти, и онъ, какъ самое маленькое, беззащитное существо, долго не могъ сообразить, что дѣлать. Когда же ему удалось, наконецъ, пробраться, и онъ увидѣлъ лицо Елизаветы, то такъ же, какъ и въ трактирѣ, схватился за голову, растолкалъ толпу и побѣжалъ назадъ. Что-то опять коварно выглядывало изъ полузакрытыхъ глазъ Елизаветы, и онъ догадался, что «тогда» это была смерть. Федоръ молча бѣжалъ рядомъ съ нимъ, стараясь не отстать.

— Теперь шабашъ, — шопотомъ крикнулъ Никита, — видѣлъ я.

— Что видѣлъ?—такимъ же шопотомъ спросилъ Федоръ.

— Ее видѣлъ. Вѣдь это я человѣка убилъ.

— Ножъ убилъ, не ты, дуракъ...

Но Никита не слушалъ, дрожалъ и стучалъ зубами, и все твердилъ: — Человѣку въ жизни отказалъ. Не въ хлѣбѣ, не въ ласкѣ,—въ жизни отказалъ. Окаянный я...

Онъ всхлипнулъ и съ первымъ рыданіемъ слезы ручьями потекли у него изъ глазъ.

— Будетъ тебѣ, — властно потребовалъ Федоръ, закручивая усъ.—Нечего народъ вокругъ себя собирать.

Онъ повелъ его въ кабакъ, прикрикивая каждый разъ, чтобы подбодрить, а Никита шелъ и все повторялъ съ отчаяніемъ: «Окаянный я.. человѣка убилъ».

— Теперь сиди и не мѣшайся,—сказалъ онъ, усадивъ Никиту въ кабакѣ и сталъ снимать съ него сапоги.

Никита не сопротивлялся. Когда сапоги были сняты, Федоръ понесъ ихъ кабатчику, обмѣнялъ на портки, взялъ два рубля деньгами и потребовалъ водки. Самъ вернулся съ полуштофомъ, налилъ большой стаканъ и поднесъ Никитѣ.

— Пей,—сказалъ онъ.

Никита жадно выпилъ, оживился на мигъ и еще потребовалъ.

— Молодецъ, произнесъ Федоръ довольнымъ голосомъ,—горе, что огонь, знай заливай.

— Въ послѣдній разъ я пьянствую, Федоръ...

— Ладно, знаю. Вотъ и Данила. Ступай сюда. Ну, что тамъ, кончено? Садись, выпьешь.

— Увезли,—мрачно произнесъ Данило и съ жалостью посмотрѣлъ на Никиту.

— Ну, царство ей небесное, хорошая баба была. Любилъ я ее. Выпьемъ еще по разу.

— Царство небесное, царство небесное, — зашепталъ Данило, скосивъ глаза, и выпилъ залпомъ.

— И я себя зарѣжу, — вдругъ выговорилъ Никита и сталъ искать глазами на столѣ, будто тамъ лежалъ ножъ, и онъ не могъ найти.

— Коли пустимъ, зарѣжешь,—холодно отозвался Федоръ,—гей, водки... Данило распорядись.

Вокругъ собирались поденщики, почуявъ угощеніе, руки протягивались къ закускѣ, къ водкѣ, точно то было собственное, а Федоръ, опьянѣвъ, съ наслажденіемъ наливалъ и подносилъ.

— Пейте, ребятушки!—жалостно говорилъ онъ. — За добрую душу...

Данило снялъ свои сапоги, заложилъ у кабатчика и отъ себя потребовалъ кварту.

— Гей, ко мнѣ!—крикнулъ онъ.—Христіане, кто водки хочетъ.

— Послѣдній разъ пьянствую,—раздался громкій голосъ Никиты...

Поздно ночью, мертвецки пьяные, пріятели отправились въ ночлежку. На улицѣ они растеряли другъ друга, и лишь Федоръ кое-какъ нашелъ дорогу. Никита и Данила, увязая въ снѣгу, гдѣ-то упали и такъ и заснули въ снѣгу. Часа въ три ночи облава наткнулась на нихъ, и оба, едва живые, были подобраны и отправлены

въ больницу. Данило поплатился пальцами отъ ногъ, но скоро оправился и, выйдя изъ больницы, пошелъ съ Федоромъ побираться до весны. Никита не испыталъ послѣднихъ ужасовъ зимняго страданія. Онъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и пролежалъ долго. Въ больницѣ онъ постепенно примирился со смертью Елизаветы, и хотя пережилъ много скверная, но все же нашлось что-то, что вознаградило его за муки, и это «что-то» былъ новый свѣтъ, который блеснулъ ему тамъ. Два мѣсяца пролежалъ онъ и, когда выписался, море уже тронулось. Теперь онъ возвращался съ обновленной энергіей, еще болѣе чуткій, еще съ большей жаждой поработать въ порту и сдѣлать его годнымъ для людей.

VII.

Страшная портовая зима, наконецъ, окончилась, и на время прекратилось суровое существованіе. Подлѣ моря уже снова безостановочно съ утра до ночи горѣло оживленіе отъ голосовъ, суеты, труда. Приходили спавшіе всю зиму въ разныхъ гаваняхъ баржи, суда, пароходы съ сырымъ матеріаломъ и опять неустанно руки поденщиковъ выбрасывали его въ исполинскую пасть города, который никакъ не могъ насытиться, проголодавшись за долгіе мѣсяцы поста. Послѣ камня городъ требовалъ лѣса, послѣ лѣса пшеницу, послѣ пшеницы соль, кирпичъ, желѣзо, песокъ,—и все это сыпалось въ него руками поденщиковъ. Обжорка расцвѣла, вооружилась и опять проворно подбирала крохи съ большого рабочаго стола. Вновь нагло разносился ея вонючій воздухъ, отравляя все нѣжное и пахучее, что приносило молодое еще не окрѣпшее море и распускавшіяся почки деревьевъ. Надъ портомъ потянулись вереницы прелестныхъ ясныхъ дней, съ лазоревымъ небомъ, въ которомъ плыли крошечныя бѣленькія облачка, залитыя солнцемъ. Они плыли на югъ, безмятежныя, невинныя, сзывая своимъ лучезарнымъ сіяніемъ журавлей, аистовъ и ласточекъ, крикъ которыхъ уже изрѣдка раздавался высоко надъ моремъ, въ городѣ, въ паркахъ. А море снявъ свою ледяную каску и опьяненное свободой, шалило и цѣловалось съ солнцемъ и отражало небо, чуть чуть уродуя его своими пѣнистыми волнами, которыя побурливъ, опять превращались въ въ весеннюю воду, бархатную, мягкую, нѣжную...

Въ порту царилъ особый праздникъ. Послѣ долгихъ слуховъ стало доподлинно извѣстно, что кабакъ доживаетъ послѣдніе дни, и народъ, сбросивъ съ себя ярмо заботъ и ужасы зимняго существованія, устроилъ ему грандіозное прощаніе. Никто никогда не могъ узнать, во что обошелся многимъ поколѣніямъ этотъ домъ «свободы», но, близкій и родной, онъ все-таки своимъ устрой-

ствомъ и порядками давалъ народу многое, чего онъ былъ лишенъ: волю, смѣхъ, счастье. И люди мрачно пьянствовали, прощаясь со старымъ укладомъ жизни. Водка во славу умиравшаго лилась рѣкой, и всѣ безъ различія поминали кабакъ добрымъ словомъ. Пили не столько отъ желанія, сколько изъ преданности близкому другу, свидѣтелю и утѣшителю ихъ горькой жизни. Пили черезъ силу, опорожняя его старыя знакомыя бочки, выливали водку на землю, когда пить не хотѣлось, лишь бы «онъ» видѣлъ, какъ они его любятъ, страдаютъ... Грандіозное пьянство, какого не видѣли, доходило до безумія, и народу мало часовъ было въ суткахъ, чтобы достойно и подобающе провести въ кабакѣ послѣдніе дни.

Одинъ Никита не принималъ участія въ общемъ пьянствѣ и съ тоской смотрѣлъ на бѣсновавшійся народъ.

Изъ больницы онъ вышелъ обновленный, хотя много горькаго и обиднаго пришлось ему тамъ вынести.

Лишь только миновала опасность, онъ пересталъ лежать на койкѣ и весь день проводилъ то на дворѣ, то въ корридорахъ. Здѣсь онъ познакомился съ мастеровымъ, Сидоромъ Панкратьевымъ. Мастеровой Сидоръ Панкратьевъ поступилъ въ больницу для излеченія отъ той же болѣзни, что и Никита, и ему оставалось три дня до выписки, когда оба впервые разговорились. У Панкратьева была какая-то сложная исторія, въ которой Никита никакъ не могъ разобраться. Въ настоящую минуту дѣло Панкратьева заключалось въ слѣдующемъ. Нужно было непремѣнно, подъ страхомъ неудачи, поспѣшить къ какому-то сроку заявить въ судъ, что у него, Панкратьева, благодаря хозяйской неосторожности, оторвало машиной три пальца отъ лѣвой руки. Отсюда вытекало само собою большое денежное вознагражденіе. Оба стояли въ проходномъ корридорѣ у окна, когда Панкратьевъ, разсказавъ нескладно и неясно свою длинную исторію, прямо перешелъ къ другому.

— Деньги получу,—говорилъ онъ шопотомъ и пощипывая черную, мягкую бороду,—это хорошо. Такъ?

— Такъ,—поддержалъ Никита, и лицо у него было серьезное и радостное.

Панкратьевъ посмотрѣлъ ему въ глаза и съ энергіей зашепталъ:

— Поучиться нужно. Грамота матка—первое, книжка хорошая—второе, связныя мысли, образованныя—третье. Одинъ, два, три. Языкъ нашъ телячій никакого ходу не имѣетъ. Ничего на немъ сказать нельзя. Мысли есть—гдѣ слова взять? Быкомъ стоишь противъ настоящаго человѣка. Словно камни, языкомъ ворочаешь, когда ротъ раскроешь.

— Это точно,—подумавъ, сказалъ Никита:—трудно человѣку сказать, чего онъ хочетъ.

— Темному трудно. Затменіе словъ у него. Которое первымъ скажешь, подумаешь, бросишь, подберешь другое, смотришь опять не то выходитъ. Оттого и учись.

— Грамота, это хорошо,—опять подумавъ, произнесъ Никита.

Уже стемнѣло, когда они разошлись по койкамъ, а Никита полночи не спалъ.

Послѣдніе два дня они не разставались, и Панкратьевъ все разсказывалъ и это было какъ откровеніе для Никиты. Когда Никита вернулся въ портъ, неистовый и безшабашный разгулъ, который онъ нашелъ, хотя и тронулъ его бодрое настроеніе, но съ первыхъ же дней онъ страстно бросился искать подходящаго человѣка, чтобы поучиться. Повидавшись съ Ѳедоромъ,—у Данилы опять что-то случилось съ ногой, и онъ лежалъ въ больницѣ,—онъ въ первый же вечеръ въ жару и упоеніи разсказалъ ему о Панкратьевѣ и о своихъ новыхъ планахъ.

— Человѣка мнѣ бы подыскать,—оживленно говорилъ онъ,—такъ я бы года не пожалѣлъ для грамоты.

Ѳедоръ, слушая его, крутилъ усъ и думалъ о своемъ.

— Ты про грамоту,—мрачно возразилъ онъ,—а я вотъ про что скажу. Кабакъ у насъ отнимаютъ. Еще кабакомъ дѣржимся, а безъ него и не знаю, какъ станемъ жить. Пропадетъ народъ.

Они заснули, недовольные собой, и нѣсколько дней подрядъ ожесточенно спорили. Иногда, точно по какому-то капризу, случалось, мысли ихъ совпадали. Тогда, какъ если бы въ темную ночь сверкнула долгая молнія, они находили и узнавали другъ друга. Разговоры шли будто изъ одного рта, и слова ихъ были братьями между собою: Ѳедоръ признавалъ Панкратьева, а Никита понималъ, сколько ужаснаго выйдетъ, когда у народа отнимутъ кабакъ. Но близкіе и далекіе, они все тѣснѣе сходились, и Федоръ рѣшительно подчинялся Никитѣ.

Въ концѣ мая Никита случайно нашелъ нужнаго ему человѣка. Въ утро этого дня онъ работалъ на постройкѣ, поднимая камни на высокіе этажи. Среди поденщиковъ были Федоръ и Данило, недавно выписавшійся изъ больницы. Все шло въ образцовомъ порядкѣ такъ, какъ оно обыкновенно идетъ.

Никитѣ все чудился голосъ благообразнаго человѣка, и когда онъ пришелъ въ трактиръ, то игравшій въ то время органъ какъ будто то же продолжалъ, но слова перемѣнилъ на мотивъ. Въ трактирѣ было мало народа. Органъ на минуту замолкъ, и въ тишинѣ отчетливо выдѣлился голосъ человѣка, внятно и съ чувствомъ читавшаго газету. Никита усѣлся недалеко отъ чтеца и потребовалъ чаю. Машинистъ снова завелъ

машину. Пронеслась торопливо уличная пѣснь, и ее какъ будто погоняли удары въ барабанъ. Читавшій строго посмотрѣлъ на хозяина и опять углубился въ газету. Никита налилъ себѣ чаю и сталъ слушать, но ничего не могъ понять. Какіе-то пѣвцы, читалъ человѣкъ, пріѣхали въ городъ и гдѣ-то пѣли. Кому-то они понравились, и похвальныя слова имъ были такія чудесныя, что Никитѣ казалось, будто хваливший не то самъ пѣлъ, не то хотѣлъ пѣть, и ему мѣшали, и выходила чепуха. Дальше шла исторія о человѣкѣ, который убѣжалъ съ чьими-то деньгами, и опять тотъ, кто написалъ, вокругъ этого простого дѣла вышилъ такое кружево чудныхъ словъ, что Никитѣ начинало казаться, будто кражи, можетъ быть, и не было, а если и было, то обокраденный самъ у себя укралъ, а вора приплели неизвѣстно для чего. Никита долго внимательно слушалъ, но, наконецъ, не выдержалъ и съ досадой спросилъ:

— Про нашего брата пишутъ что-нибудь?

Василій Дьякъ,—такъ звали чтеца,—приподнялъ очки и, посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Никита, строго спросилъ:

— Ты что хотѣлъ, чтобъ про тебя писали?

— Да мало ли что. Нашлось бы довольно.

Дьякъ подумалъ, точно колебался, разразиться ли рѣчью противъ невѣжды, потушилъ огонекъ въ глазахъ и лѣниво выговорилъ, опустивъ очки на носъ:

— Нѣтъ, ничего про нашего брата не пишутъ.

— Вотъ какъ,—удивился Никита,—значитъ бумагу это такъ, для баловства изводятъ.

Второй разъ Дьякъ оторвался отъ газеты, приподнялъ очки.

— Коли ты мужикъ,—произнесъ онъ съ презрѣніемъ,—такъ не суйся языкомъ куда не слѣдуетъ. О чемъ разсуждаешь? О газетѣ. А ты что въ ней знаешь. Газета—это какъ флагъ надъ воротами въ праздникъ. Гдѣ она, тамъ, значитъ, и городъ грамотнѣе, тамъ, значитъ, темнаго невѣжества нашего меньше. Вотъ оно что газета. А ты—бумагу изводятъ. Толкуй съ тобой.

— А кому про пѣвчихъ надо знать,— не унимался Никита.

— Стало быть, надо, коли пишутъ, а ты читай и на усъ мотай. Сегодня пѣніе, а завтра другое — день за днемъ, а тамъ смотришь, и въ головѣ просвѣтлѣло. Безъ газеты въ городѣ, ровно, что день безъ солнца. Не знали бы мы, что въ управѣ дѣлается и кто посѣтилъ нашъ городъ, кто кого убилъ, въ какомъ году живемъ, и какой у насъ сегодня день.

— Въ толкѣ не возьму, зачѣмъ знать нужно,—произнесъ Никита, внимательно слушая, но уже колеблясь.

— Голова твоя темная, потому и спрашиваешь. Вотъ, къ примѣру, я, скажемъ. Кто Дьяка знаетъ? Никто его не знаетъ и на черный ходъ не пустили-бъ, коли пришелъ. Кто такой Дьякъ?

Плотникъ, и все тутъ. А черезъ эту дверь,—онъ стукнулъ пальцемъ по газетѣ,—всѣ ломятся ко мнѣ,—молъ, познакомьтесь, господинъ Дьякъ, съ нами и нашей жизнью. Министръ какой-нибудь во Франціи нашалитъ,—сейчасъ мнѣ извѣстно, могу одобрить, могу осудить. Скажемъ, балъ во дворѣ, и вотъ я тутъ какъ тутъ, со всѣми. Все знаю, все вижу, всѣхъ гостей поименно называю, и уже извѣстно мнѣ, гдѣ кто сядетъ, по какую руку. Музыку, что скрыта отъ взоровъ, слышу, цвѣты вижу и отъ стола съ явствіями у меня слюнки текутъ. Актриса красавица пріѣхала. Позвольте познакомиться. Изъ какихъ странъ, голубушка? Ваше прошлое, ваши шуры да муры? И вотъ такъ я сижу въ порту, въ трактирѣ, чортъ знаетъ въ какомъ грязномъ мѣстѣ, гдѣ и полагается быть нашему брату, а цивилизація—просвѣщеніе идетъ на меня, само стучится въ трактирскія двери. Кто виноватый? Газета.

— Это правда,—поддержалъ изъ угла поденщикъ съ повязанной головой,—въ газетахъ все извѣстно.

— А про насъ вотъ ничего не пишутъ,—произнесъ съ сожалѣніемъ Никита.

— Что писать-то?

— Какъ что?—удивился Никита.—Самъ ты портовый, спрашиваешь, что. Зима не душила тебя, что ли. А про пьянство...

— Ну, и написали бы, а кому интересно,—спросилъ со смѣхомъ Дьякъ, и сидѣвшій въ углу тоже засмѣялся.

— То-есть какъ это—про насъ не интересно?—возмутился Никита.

— Нѣтъ, ничего объ этомъ въ газетахъ не пишутъ.

Никита подсѣлъ къ Дьяку, опять почувствовавъ къ нему симпатію и вдругъ тихо сказалъ:

— Я, правду сказать, давно ищу человѣка, чтобы грамотѣ меня обучилъ. Можетъ ты будешь тотъ человѣкъ.

Дьякъ откинулся назадъ, протеръ глаза и пристально посмотрѣлъ на Никиту.

— Чортъ знаетъ, что ты, братъ, задумалъ. Шутка сказать, грамотѣ выучиться.

— Что трудно, то самъ знаю. Но упрямый я...

— Взяться то, пожалуй, можно, по душѣ мнѣ такое дѣло,—задумчиво произнесъ Дьякъ и опять посмотрѣлъ на Никиту. Но голова должна быть другого состава...

— Уже я потружусь. Силъ, небось, не пожалѣю,—подхватилъ Никита. Очень мнѣ теперь грамоту знать нужно. Словъ не имѣю, чтобы сказать, какъ нужно. А твое время я даромъ не возьму...

— Сойдемся, чего тамъ,—улыбаясь произнесъ Дьякъ,—по душѣ мнѣ. Шкаличекъ разъ въ два дня, вотъ и плата вся. Когда начнемъ?

*

— Да хоть съ завтрашняго дня.

— Ладно. А я букварь поищу у себя.

Никита перенесъ свой чай на столъ Дьяка и не отрывался отъ него до вечера, все разспрашивая о книжкахъ, о томъ, что въ нихъ пишутъ. А Дьякъ, очень довольный своею ролью учителя, чувствовалъ себя прекрасно и для скрѣпы предложилъ Никитѣ заплатить за чай. Потомъ, чтобы вознаградить и его, прочиталъ ему изъ газеты какой-то необыкновенно сложный случай убійства, привелъ какія-то очень хитрыя собственныя соображенія объ убійцѣ и какъ его открыть, и чтеніе и соображенія такъ оглушили Никиту, что онъ скоро почувствовалъ себя пьянымъ и чуть не заснулъ. Когда наступилъ вечеръ, они дружно разстались, и Дьякъ дважды повторилъ улицу и домъ, гдѣ онъ жилъ.

— Ладно,—произнесъ Никита.—Домъ этотъ я знаю. Ходилъ туда не разъ.

Они разошлись, и Никита, улыбаясь самому себѣ отъ пріятныхъ мыслей, направился къ эстокадѣ, гдѣ проводилъ ночи. Тамъ онъ нашелъ Федора и Данилу, обоихъ пьяными въ дребезги, но, однако, не удержался и сталъ разсказывать первому о своей радости. Но Федоръ, равно какъ и Данило, не дали ему говорить. Данило безпрестанно мѣнялъ положеніе съ лежачаго на сидячее, махалъ руками и на каждое слово Никиты возражалъ хриплымъ, сердитымъ голосомъ одной фразой, поразившей его воображеніе:

— Фонарики-сударики на улицѣ горятъ...

И они горѣли передъ нимъ кучами, сотнями, тысячами, мѣшали ему, а онъ боролся съ ними словами, жестами, злымъ голосомъ. Федоръ, заткнувъ уши большими пальцами, бормоталъ что-то о тихой жизни. Никита замолчалъ и сталъ слушать его и опять улыбался самому себѣ отъ пріятныхъ мыслей. Съ моря доносились удары волнъ о берегъ, и казалось ему, что это онъ управляетъ ими, и онѣ, послушныя, разсказываютъ, какъ жизнь будетъ хороша, когда исчезнетъ портъ съ хозяиномъ, эстокадой, обжоркой и кабакомъ. И онъ сидѣлъ неподвижно и мечталъ...

А высоко надъ его головой полная луна добродушно прислушивалась къ его бреду, пряталась отъ смѣха за пышными тучами и опять выплывала, чтобы еще посмотрѣть на человѣка подъ эстокадой, у котораго были такія забавныя мысли. Потомъ ей стало скучно и она плавно покатилась по небу, набросивъ на Никиту тѣнь, чтобы никто не видѣлъ его блаженной улыбки, которая могла бы кому-нибудь подать надежду, что его мечта способна сбыться.

Семенъ Юшкевичъ.

Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛОСОФІЯ НИТШЕ, КАКЪ КУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА.

I.

Въ исторіи философской мысли Фридрихъ Нитше, безъ сомнѣнія, занимаетъ совершенно особое мѣсто по сравненію со всѣми другими мыслителями. Нѣтъ ни одного философа, который бы, подобно Нитше, могъ пользоваться такою огромною популярностью, вокругъ имени котораго сплотилась бы такая громадная масса враговъ и друзей. Его ученіе проникло въ «толпу», сдѣлалось достояніемъ «многихъ», столь ненавистныхъ Нитше, его читаютъ и подчасъ даже хвалятъ тѣ, которыхъ онъ всю жизнь клеймилъ словами: «жалкіе, маленькіе люди»; имъ интересуются люди всѣхъ толковъ и вѣрованій, онъ уже имѣетъ своихъ учениковъ и послѣдователей. Таково обаяніе философіи Нитше. Но въ чемъ же причина этого обаянія? Чѣмъ объяснить тотъ страстный порывъ, тотъ живой интересъ, ту подчасъ бѣшенную ненависть и ярость, которыми всюду встрѣчалось и встрѣчается ученіе Нитше? Пора уже перестать думать, что интересъ къ его философіи имѣетъ характеръ пустого увлеченія и рабской моды, — несомнѣнно, онъ имѣетъ свое глубокое основаніе. Одна изъ причинъ этого явленія, и, какъ намъ кажется, главная, кроется въ томъ, что Нитше въ затрагиваемыхъ имъ проблемахъ подошелъ къ самымъ наболѣвшимъ вопросамъ жизни, въ томъ, что онъ затронулъ человѣка въ святая святыхъ его души, въ тѣхъ тайникахъ, куда человѣкъ не только не привыкъ впускать кого-либо другого, но при входѣ куда онъ самъ имѣетъ обыкновеніе тушить огонь собственной совѣсти и собственной критики. Нитше нарушилъ эти потемки души, освѣтивъ механизмъ внутренней духовной работы. Онъ показалъ всю духовную нищету человѣка, всю пустоту его жизни съ ея пошлостью и грязью, съ отсутствіемъ въ ней свободныхъ проявленій своего духовнаго «я». Но эта причина интереса къ философіи Нитше еще не есть все. Для многихъ его философія была дамокловымъ мечомъ и сыграла громадную роль въ жизни въ дѣлѣ выработки основъ міросозерцанія, въ дѣлѣ созиданія новыхъ идеаловъ.

Радикально расходясь съ Нитше по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ, мы въ то же время не можемъ не цѣнить его ума, не мо-

жемъ не видѣть въ немъ генія, не можемъ не чувствовать его глубокой души, страстной до крайности и правдивой до «жестокости». Его мысли настолько глубоки, его выводы настолько продуманы, что, по нашему мнѣнію, ни одинъ современный соціалъ-философъ не долженъ проходить мимо, не изучивъ богатой сокровищами его души. Цѣль настоящей статьи и состоитъ въ томъ, чтобъ затронуть *нѣкоторыя* изъ тѣхъ струнъ, которыя вмѣстѣ другъ съ другомъ издавали такой стройный и сильный аккордъ звуковъ. Намъ хотѣлось бы обрисовать здѣсь Нитше съ той стороны его духовной физіономіи, которая или совершенно упускалась различными авторами, излагавшими его ученіе, или же которой они едва касались, притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ, для насъ по крайней мѣрѣ лично, философія Нитше, лишенная этой стороны, представлялась бы чѣмъ-то безцвѣтнымъ, безжизненнымъ, чѣмъ-то въ родѣ прекраснаго рѣдкаго растенія, перенесеннаго съ свѣтлаго солнечнаго мѣста въ темный и душный подвалъ и тамъ завявшаго.

Разсматривая рядъ философскихъ системъ и ученій, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ въ большей степени, другія же въ гораздо меньшей носятъ на себѣ отпечатокъ своего времени, такъ сказать, облекаются въ соотвѣтствующій данной націи и эпохѣ костюмъ, и что есть, наконецъ, и такія, которыя никакого историческаго костюма не имѣютъ. Послѣднія одинаково характерны для какой угодно эпохи, для какого угодно періода развитія сознательной человѣческой жизни; они представляютъ собою продуктъ творчества индивидуальной или коллективной психологіи sub specie aeternitatis.

Философію Нитше безусловно придется отнести къ первой категоріи, къ того рода проявленіямъ живой мысли, которая, на каждомъ шагу затрагивая соціальные мотивы, входитъ въ тѣсную, непосредственную связь съ самою жизнью, внося въ нее новый духъ и новые идеалы, а съ другой стороны, пользуясь ею, какъ матеріаломъ для дальнѣйшихъ творческихъ работъ. Поэтому единственно возможнымъ способомъ изученія подобнаго рода философіи и является разсмотрѣніе ея въ связи какъ съ общимъ соціальнымъ строемъ, такъ и съ культурно-духовною жизнью—въ связи съ ея колыбелью и матерью. И философія Нитше больше, чѣмъ чья-нибудь другая, нуждается въ пониманіи тѣхъ условій, которыя окружали ея колыбель, въ проникновеніи въ ту атмосферу, въ которой она зародилась, изъ которой получала пищу, въ борьбѣ съ которой она развилась и крѣпла. Она выросла на почвѣ современной жизни, богатой матеріальными благами и бѣдной духовными, она выросла изъ протеста противъ современныхъ ей формъ жизни во имя высшихъ, болѣе цѣнныхъ.

Въ ея созиданіи принимало участіе много силъ и притомъ весьма разнообразныхъ, но главною изъ нихъ была сама жизнь, жизнь во всемъ ея объемѣ, со всѣми ея отрицательными сторонами и недо-

статками. Она послужила матеріаломъ и стимуломъ для этой философіи, она придала ей жизненный видъ. Важную роль сыграли и индивидуальныя черты психологіи Нитше,—онѣ опредѣлили отношеніе его философіи къ міру дѣйствительности и облекли ее въ форму поэзіи. Въ ней, какъ въ геніально задуманномъ произведеніи живописи или скульптуры, благодаря непроницаемой до конца глубинѣ индивидуальности, каждый человѣкъ съ чуткой душой, помимо того, что психологически доступно большинству, можетъ находить нѣчто новое, нѣчто гармонирующее съ строемъ его души. Въ этомъ отношеніи философія Нитше по справедливости занимаетъ совершенно особое мѣсто въ исторіи философской мысли.

Нитше философъ, но этимъ еще не сказано всего. Нитше — философъ-поэтъ и подчасъ даже больше поэтъ, чѣмъ философъ. Среди мыслителей въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго: онъ оставляетъ далеко *позади себя* Платона, Джіордано Бруно, Шопенгауэра и другихъ, хотя съ ними у него на этой почвѣ гораздо больше общаго, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь инымъ.

Въ противоположность мыслителямъ, видящимъ зерно истины въ логикѣ и діалектикѣ понятій, Нитше видитъ его, главнымъ образомъ, въ интуитивномъ познаніи. Отъ его произведеній вѣетъ свѣжестью жизни, въ нихъ видны яркія краски природы въ ея самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ. Своимъ интуитивнымъ созерцаніемъ и проникновеніемъ въ глубь вещей Нитше болѣе напоминаетъ древнихъ греческихъ мыслителей, чѣмъ новѣйшихъ философовъ; какъ тѣ останавливались въ восторгѣ, изумленіи или непониманіи предъ явленіями природы, точно такъ же для него объектомъ думъ служила непосредственная, «живая» жизнь съ ея многообразіемъ формъ и проявленій. И эта непосредственность, эта сила жизни била ключомъ въ богатой натурѣ Нитше, составляя ея самую характерную черту. Нитше мало интересовался отвлеченными проблемами философіи, онъ слишкомъ горячо любилъ «живую» жизнь, чтобы пренебрегать ею ради абстрактныхъ формулъ и понятій. Онъ, казалось, былъ прикованъ въ своихъ мысляхъ къ землѣ и къ ея обитателю человѣку и, какъ это ни парадоксально, былъ прикованъ потому, что гораздо больше земли любилъ высоту и небо, потому что внутри у него постоянно жило страстное, необузданное желаніе поднять человѣка на высоту и показать ему оттуда всю прелесть неба, все его величіе и красоту, показать такъ, чтобъ человѣкъ могъ раздѣлить его любовь, чтобъ онъ болѣе уже не спускался съ этой высоты, а стремился бы еще выше. Подобное стремленіе въ безконечную даль и безпредѣльную высоту и было Leitmotiv'омъ всей его философіи.

Великая натура Нитше представляетъ собою рѣдкое богатство и разнообразіе входящихъ въ нее элементовъ. Это было собраніе бурныхъ и страстныхъ началъ, которыя никогда не знаютъ покоя и

отдыха, но непрестанно находятся въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борьбѣ. Его духовная жизнь, его философія носитъ на себѣ печать этой внутренней борьбы, этихъ внутреннихъ противорѣчій, печать душевнаго трагизма. Онъ вѣчно горѣлъ въ духовномъ огнѣ своихъ бурныхъ, стихійныхъ началъ, какъ онъ самъ признается въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

„Ja! ich weiss woher ich stamme!
Ungesättigt gleich der Flamme
Glühe und verzehr'ich mich.
Licht wird alles, was ich fasse,
Kohle alles, was ich lasse:
Flamme bin ich sicherlich“ *).

Въ зависимости отъ этихъ процессовъ духовнаго горѣнія мѣняется и духовная физіономія Нитше. Онъ выступаетъ предъ нами то скептикомъ, то страстнымъ, вѣрующимъ искателемъ истины и добра, то трезвымъ реалистомъ, то горячимъ метафизикомъ. Пессимистъ въ настоящемъ, въ своихъ воззрѣніяхъ на будущее онъ дѣлается похожимъ на утопистовъ. «Бываютъ дни, говоритъ Нитше, когда мною овладѣваетъ чувство мрачнѣе самой черной меланхоліи—*презрѣніе къ человѣчеству*. Но къ какому человѣчеству? Для меня вполнѣ ясно. Я презираю нынѣшняго человѣка, того, которому роковымъ образомъ прихожусь современникомъ. Современный человѣкъ—да мнѣ дурно дѣлается уже отъ одного его дыханія». «Нынѣшнее и прошедшее на землѣ, друзья мои, они невыносимы для меня,—восклицаетъ онъ,—и я не могъ бы жить, еслибы я не былъ прорицателемъ того, что нѣкогда должно придти». Эта вѣра въ неизбѣжное лучшее будущее, вѣра въ «сверхъ человѣка» дѣлается для него религіей, ради нихъ онъ приноситъ въ жертву «настоящее» и человѣка. Отсюда возникаетъ его основная проблема.

Самую постановку проблемы о будущемъ, о сверхъчеловѣкѣ нельзя назвать ни удачной, ни выдержанной. Всѣ противорѣчія, которыя до сихъ поръ еще скрывались, прятались въ складкахъ современности, выступили здѣсь налицо. Идея сверхъчеловѣка не есть идея Дарвина и біологически поставлена и разрѣшена быть не можетъ, она относится къ области метафизики и даже соприкасается съ религіей. Попробовавъ первоначально обосновать свой идеалъ на метафизической почвѣ, Нитше затѣмъ отказался отъ нея. «Метафизическая путаница довела меня подъ конецъ до того, говоритъ онъ, что я задыхался, точно меня кто-то душилъ». Какъ дитя своего вѣка, онъ избралъ имманентно-натуралистическій путь, такъ думалъ по крайней мѣрѣ онъ самъ. Поставивъ свою основную проблему на эту почву, Нитше

*) „Я знаю, откуда я родомъ! Ненасытный, какъ пламя, я горю и пожираю себя. Все пылаетъ, къ чему я прикасаюсь, все превращается въ уголь, что остается послѣ меня. Несомнѣнно, что я пламя!“

подчасъ очень ловко умѣлъ справляться съ встрѣчающимися на пути метафизическими затрудненіями, вытекающими изъ самой сущности проблемы, но иногда это не удавалось ему и онъ долженъ былъ на время покидать этотъ путь. Соотвѣтственно съ этимъ и изложеніе его философіи должно придерживаться избраннаго имъ пути; оно должно идти за нимъ по пятамъ по избранной дорогѣ, вмѣстѣ съ нимъ сбиваться съ дороги, терять ее и вновь находить. Между тѣмъ, почти всѣ авторы грѣшили въ этомъ отношеніи. Однихъ плѣняла идея красоты человѣка и они считали ее за основу всей философіи Нитше; другіе увлекались культомъ бога Діониса и объявляли все его ученіе, какъ проповѣдь оргіазма; третьи обращали главное вниманіе на метафизическое родство между Шопенгауеромъ и Нитше и совершенно забывали Нитше второго періода, автора «Заратустры» и другихъ болѣе позднихъ произведеній.

Мы не опровергаемъ допустимости и возможности ни одной изъ этихъ точекъ зрѣнія на философію Нитше, мы лишь доказываемъ законность и правильность своей точки зрѣнія и своего пониманія Нитше. Даже больше, мы признаемъ эти точки зрѣнія на философію Нитше, но не какъ самостоятельныя, основныя, а какъ частныя, вытекающія изъ другой, болѣе общей.

II.

Новая эпоха въ исторіи европейскаго общества начинается съ послѣдней интермедіи той великой драмы, которую разыгрывали два средневѣковыхъ колосса—феодализмъ и католичество—и которая закончилась побѣдой буржуазіи и реформаціи. Съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія похоронила подъ развалинами стараго міра средневѣковый феодально-католическій строй, съ тѣхъ поръ, какъ надъ этой могилой засіялъ свѣтъ новаго дня, человѣческая мысль неустанно работала надъ рядомъ вопросовъ, которые выдвигались новыми формами жизни и которые въ своей совокупности могутъ быть названы для краткости культурной проблемой. Эта проблема возникаетъ на почвѣ того постояннаго разлада, который коренится въ самой человѣческой натурѣ, на почвѣ тѣхъ психологическихъ противорѣчій, которыя обусловливаются внѣшними матеріальными завоеваніями и успѣхами культуры, съ одной стороны, и внутренними чувствами и идеалами человѣка, съ другой, на почвѣ недовольства «старымъ» и современнымъ и стремленія къ «новому».

Человѣчество неудержимо идетъ впередъ, на каждомъ шагу увеличивая сокровищницу матеріальныхъ благъ новыми пріобрѣтеніями культуры, создавая болѣе сложныя и высокія формы жизни, но вмѣстѣ съ этимъ прогрессомъ культуры, культуры, главнымъ образомъ, матеріальной, далеко не всегда и далеко не въ одинаковой степени, а подчасъ даже въ обратныхъ математическихъ отношеніяхъ, связанъ про-

грессъ духовнаго существованія. Вотъ въ такіе моменты, когда жизнь, вмѣсто того, чтобы создавать новые пути и средства для развитія и проявленія духовныхъ силъ и духовнаго творчества, сосредоточивается на матеріальной, безличной сторонѣ культуры, и возникаетъ культурная проблема. Она не есть продуктъ новаго времени, она существовала и раньше, появившись на свѣтъ съ началомъ культуры. Въ новое время эта проблема приняла лишь нѣсколько иной видъ и нѣсколько иную постановку, но ея содержаніемъ попрежнему служитъ стремленіе человѣка къ «новому», къ «лучшему».

Чѣмъ дальше идетъ жизнь, тѣмъ сложнѣе становится ея механизмъ, тѣмъ сложнѣе дѣлаются взаимоотношенія какъ общественныхъ классовъ и группъ, такъ и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Этотъ жизненный механизмъ, превращающій въ наше время человѣческую личность въ одно изъ средствъ для безличныхъ цѣлей, оплачивается цѣною безчисленныхъ индивидуальныхъ страданій, цѣною безчисленныхъ жертвъ. Но человѣкъ не можетъ мириться съ этимъ, у него возникаетъ естественное стремленіе къ «новому» строю жизни, къ «лучшей» культурѣ, которая бы не душила его, которая признавала бы въ немъ индивидуальную личность. Общимъ выраженіемъ этихъ индивидуальныхъ стремленій и служитъ культурная проблема. Ея задача — созиданіе новой культуры во имя высшихъ идеаловъ. Такъ какъ высшія формы культуры не мыслимы безъ развитія личности, такъ какъ высокая культура и духовная личность составляютъ нѣчто единое, то культурная проблема въ настоящее время есть также и проблема личности. Она, въ противоположность философіи, разсматриваетъ личность не съ этико-метафизической точки зрѣнія и не съ соціально-юридической, въ противоположность соціологіи и праву, но съ точки зрѣнія высшаго психологическаго синтеза. Для нея важенъ вопросъ, существуетъ ли личность вообще, но не важно, существуетъ ли свобода личности въ этическомъ смыслѣ, политическомъ, соціальномъ и т. п., потому что для нея личность лишь постольку можетъ быть личностью, поскольку она свободна. Разъ нѣтъ свободы въ какомъ-либо отношеніи, нѣтъ и личности, разъ нѣтъ личности, не можетъ быть и «высокой и чистой культуры», какъ ее формулировалъ Нитше.

Оглядываясь на духовную жизнь послѣднихъ столѣтій, на волновавшіе человѣческую мысль вопросы, мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что у всѣхъ наиболѣе культурно-развитыхъ народовъ эта проблема является средоточіемъ и центромъ всей духовной жизни, привлекавшимъ къ себѣ всѣ лучшія силы. Начавшись съ самыхъ простыхъ формъ выраженія, этотъ протестъ лучшихъ представителей человѣчества, по мѣрѣ того, какъ развивались болѣе сложныя формы жизни, по мѣрѣ того, какъ росла и крѣпла сама культура, принималъ все болѣе и болѣе высокую степень развитія, пока, наконецъ, не вылился въ форму философской мысли. Подробный культурно-историческій очеркъ

могъ бы наглядно показать, какъ углублялась эта проблема, какъ принимала все болѣе и болѣе широкую постановку, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ входить въ подобный обзоръ, а потому остановимся всего лишь на двухъ-трехъ мыслителяхъ, занимавшихся этой проблемой.

Въ XVI-мъ вѣкѣ сатирикъ Рабле бичуетъ отживающій строй жизни, клеймя своей сатирой испорченность нравовъ, рабскій духъ и ханжество. Тотъ же духъ протеста и недовольства современными формами жизни заключало въ себѣ реформаціонное движеніе, затопленное во Франціи потоками Варѳоломеевской ночи, но эти потоки крови лишь двигали мысль. Во второй половинѣ того же вѣка выступаетъ Монтень со своимъ скептицизмомъ. На смѣну ему идетъ Бэйль, скептическая мысль котораго принимаетъ болѣе глубокій, болѣе философскій характеръ. Появляется Декартъ и перестраиваетъ заново весь міръ мысли. Въ XVII-мъ вѣкѣ Блезъ Паскаль—личность чуждая общему фону этого вѣка — горячо протестуетъ противъ іезуитства и религіознаго фанатизма, проповѣдуя вѣротерпимость. Наконецъ, наступаетъ XVIII-й вѣкъ съ его «просвѣтительной» философіей.

Главой и наиболѣе виднымъ представителемъ философіи просвѣщенія былъ Вольтеръ, человѣкъ геніальнаго ума, но далеко не въ такой же степени высокихъ нравственныхъ качествъ. Его воззрѣнія въ области философіи характеризовались раціонализмомъ, въ религіи деизмомъ и въ политикѣ либерализмомъ. Какъ большинство другихъ современныхъ ему мыслителей и даже въ гораздо большей степени, чѣмъ они, онъ былъ борцомъ за свободу мысли, за право открыто выражать свои убѣжденія. Онъ прекрасно сознавалъ, что самые опасные и грозные враги человѣчества это тѣ ненавистники логики мысли, которые, желая парализовать ея силу, насильно завладѣваютъ ея ключомъ. Но какъ ни былъ великъ геній Вольтера, движеніе, вызванное имъ, было по преимуществу движеніемъ мысли. Съ одной стороны, въ соціальныхъ условіяхъ того времени еще не вполнѣ назрѣла потребность постановки широкой, всеобъемлющей проблемы, а съ другой стороны, личность Вольтера слишкомъ мало подходила къ тому, чтобы на нее возложить такую высокую миссію. Гораздо болѣе для этой роли подходитъ Жанъ-Жакъ Руссо.

Въ то время, какъ Вольтеръ былъ реалистомъ, Руссо идеалистъ—онъ беретъ міръ и человѣка не такими, каковы они есть, но какими они, по его мнѣнію, должны быть; онъ протестуетъ всѣми силами своей души противъ современныхъ неестественныхъ формъ жизни, извратившихъ природу человѣка. Во всѣхъ своихъ наиболѣе продуманныхъ, наиболѣе принадлежащихъ ему самому мысляхъ Руссо стоитъ въ полномъ противорѣчіи не только съ представителями стараго уклада жизни, но и съ просвѣтителями, съ ихъ моральными, религіозными, политическими и общественными воззрѣніями. Онъ громитъ іезуитовъ и ханжей, но вмѣстѣ съ тѣмъ громитъ Вольтера и его сподвижниковъ,

казалось, онъ объявилъ войну всему живому. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, по его мнѣнію, отсутствуетъ единственно вѣрный взглядъ на человѣка, какъ на существо, надѣленное самой природой извѣстными качествами и свойствами, которыя и должны составлять его неотъемлемое достояніе. «Человѣкъ родился свободнымъ, а между тѣмъ повсюду онъ связанъ цѣпями,—восклицаетъ Руссо,—развѣ это естественно»? Обращаясь къ новѣйшимъ народамъ, мнящимъ себя свободными, онъ говоритъ: «Что касается васъ, то рабовъ вы не имѣете, но вы рабы сами». «Вы больше заботитесь о своихъ барышахъ, чѣмъ о своей свободѣ и гораздо меньше боитесь рабства, чѣмъ нужды». «Вы не римляне, не спартанцы, вы даже не аѳиняне. Оставьте въ покоѣ эти великія имена, которыя вамъ вовсе не идутъ. Вы торговцы, ремесленники, буржуа, вѣчно занятые своими частными интересами, своей работой, торговлей и барышами, для которыхъ сама свобода является лишь средствомъ пріобрѣтать безъ помѣхи и владѣть безъ опасеній». Онъ нападаетъ на царящіе въ мірѣ пороки, на предразсудки, на ходячую мѣщанскую мораль, которыя совершенно извратили естественныя черты человѣческой натуры и тѣмъ самымъ сдѣлали человѣка неузнаваемымъ.

Но одновременно съ этимъ Руссо ополчается и противъ просвѣтителей. Его задачей было опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоитъ умственная культура къ общественной нравственности, какую роль сыграло просвѣщеніе въ дѣлѣ вліянія на нравы. Обративъ вниманіе на тѣ сферы, гдѣ болѣе всего господствовало современное ему просвѣщеніе и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ царила полная безнравственность и разнузданность воли и чувства, Руссо усумнился въ культурѣ просвѣщенія и вынесъ отрицательное отношеніе къ представителямъ этой культуры. Онъ нападаетъ на односторонность цивилизаціи, указываетъ на безсиліе раціонализма возвратить человѣчество отъ современнаго неестественнаго состоянія къ нормальному и сдѣлать его счастливымъ. По его мнѣнію тутъ необходима работа при участіи всѣхъ элементовъ человѣческой души, а XVIII вѣкъ, просвѣщая умъ, какъ разъ забываетъ душу. «Я не признаю,—говоритъ Руссо въ письмѣ къ д'Аламберу,—что можно быть добродѣтельнымъ безъ религіи». Онъ горячо возстаетъ противъ религіи раціонализма, противъ его пониманія Бога, какъ существа неопредѣленнаго и равнодушнаго, которое существуетъ лишь затѣмъ, чтобы не нарушать гармоніи мірового зданія, которое является необходимымъ результатомъ логическаго мышленія, какъ говорилъ Вольтеръ. Религія, по ученію Руссо, коренится не въ головѣ и мысли, а въ сердцѣ, въ чувствѣ; о Богѣ нельзя умозаключать, Его надо чувствовать. Въ природѣ, какъ созданіи Бога, Руссо видѣлъ идеалъ человѣка, а въ самомъ человѣкѣ онъ открылъ неизсякаемый источникъ энергіи въ стремленіи къ своему высшему идеалу.

Историческія событія конца XVIII-го столѣтія сдѣлали буржуазію

владычицей какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго міра. Ея пышный расцвѣтъ, необычайный ростъ матеріальныхъ пріобрѣтеній, ея стремленіе приспособить формы жизни согласно своимъ желаніямъ и потребностямъ и сохранить за собой этотъ строй—вотъ основные моменты соціальной жизни первой половины XIX-го вѣка. Этихъ условій было достаточно для постановки культурной проблемы во всемъ ея объемѣ. Матеріальная культура, налагая на все живое печать своего внутренняго механизма, создала тѣмъ самымъ страшный бичъ для всего индивидуальнаго, для всего исключительнаго. Эта культура не знаетъ ничего святого, ничего высокаго, для нея живо лишь желаніе собственности и пріобрѣтенія. Нисколько поэтому не удивительно, что такъ сильно возмущались такіе чуткіе люди, какъ Герценъ, очутившись въ омутѣ буржуазной культуры. Намъ вполнѣ понятны тѣ чувства, которыя переживалъ этотъ великій идеалистъ, глядя на европейское мѣщанство съ его культурнымъ убожествомъ и духовной нищетой.

«Разберите,—говоритъ онъ,—моральныя правила, которыя въ ходу съ полвѣка; чего тутъ нѣтъ? Римскія понятія о государствѣ съ готическимъ раздѣленіемъ властей, протестантизмъ и политическая экономія, Salus populi и chacun pour soi, Брутъ и Ѳома Кемпійскій, Евангеліе и Бентамъ, превосходное счетоводство и Жанъ-Жакъ Руссо. Съ такимъ сумбуромъ въ головѣ и съ магнитомъ, вѣчно притягиваемымъ къ золоту, въ груди, не трудно было дойти до тѣхъ нелѣпостей, до которыхъ дошли передовыя страны Европы, между ними и Англія. Вся нравственность свелась на то, что неимущій долженъ всѣми средствами пріобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвію новаго общества. Человѣкъ de facto сдѣлался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ. Политическій вопросъ съ 1830 года дѣлается исключительно вопросомъ мѣщанскимъ, и вѣковая борьба высказывается страстями и влеченіями господствующаго состоянія, жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось въ мѣняльныя лавочки и рынки—редакціи журналовъ, избирательныя собранія, камеры. Англичане до того привыкли все приводить къ лавочной номенклатурѣ, что называютъ свою старую церковь—Old Shop *). Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелѣе и невыносимѣе тамъ, гдѣ современное западное состояніе наибольше развито, тамъ, гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, образованнѣе, т.-е. промышленнѣе. И вотъ отчего гдѣнибудь въ Италіи или въ Испаніи не такъ удушливо жить, какъ въ Англіи и во Франціи» **). Ниже мы увидимъ, что подобныя сужденія

*) Старая лавочка.

**) Не имѣя подъ руками сочиненій Герцена, цитируемъ его по біографическому очерку В. Смирнова. Изданіе Павленкова 1898 г., стр. 138—139.

Герцена объ «атмосферѣ европейской жизни» поразительно совпадаютъ съ общимъ взглядомъ Нитше на современную ему культуру; есть общее у обоихъ авторовъ даже въ манерѣ выражать свои мысли.

Въ 1844 году въ Германіи вышла книга подъ заглавіемъ: «Der Einzige und sein Eigentum». Авторъ этой книги—Максъ Штирнеръ—является прямымъ предшественникомъ Нитше *). Центральное мѣсто всей его философіи занимаетъ идея индивидуальнаго «я», идея личности. Штирнеръ выступилъ съ своей книгой въ періодъ страстнаго возбужденія, въ моментъ, когда, вслѣдъ за политической борьбой, начиналась борьба соціальная (экономическая). Едва буржуазія успѣла отпраздновать свою побѣду надъ феодализмомъ и занять его мѣсто, давъ полный просторъ своимъ стремленіямъ, какъ противъ нея выросъ уже новый врагъ, врагъ тѣмъ болѣе непріятный, что онъ представлялъ свое собственное дитя. Буржуазія уничтожила рабство политическое, но эту свободу она купила цѣною экономическаго рабства, которое она санкціонировала. Вмѣстѣ съ тѣмъ она основала и рабство культурное, которое, что бы она ни дѣлала, чего бы она ни касалась, на все кладетъ печать мѣщанства.

«Мѣщанскимъ образомъ,—говоритъ Штирнеръ, началась революція возстаніемъ третьяго сословія, сословія среднихъ людей, мѣщанскимъ образомъ она и кончилась. Свободной стала не отдѣльная личность, реальный человѣкъ, а гражданинъ, citoyen, политическая личность» **). Во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, въ особенности въ проявленіяхъ духовнаго міра, буржуазія всегда была выразительницей той посредственности, той золотой середины, девизомъ которой служитъ: «Nur kein Übermass, kein Ultra, kein Radicalismus». Вмѣстѣ съ буржуазіей появляется на исторической сценѣ и либерализмъ. Его цѣль, конечно, не анархія, не беззаконіе, но «разумный порядокъ», «нравственныя отношенія», «ограниченная свобода», направленная на благо гражданъ ***). Подъ сѣнью этого мудраго либерализма люди неустанно твердятъ, что самое важное въ ихъ жизни—это свобода, свобода личности... Но развѣ существуетъ на самомъ дѣлѣ свобода, развѣ существуетъ на самомъ дѣлѣ личность? спрашиваетъ Штирнеръ. Мы, говорятъ люди, цѣнимъ въ себѣ, въ другихъ прежде всего «человѣка»... Но развѣ въ дѣйствительности существуетъ человѣкъ, какъ таковой (*der* Mensch)? Нѣтъ, въ дѣйствительности нѣтъ ни свободы, ни личности, ни «человѣка»—все это призраки (ein Spuk). Свободы не существуетъ, личность стерта, задавлена, человѣкъ потерялъ свое «я» въ преклоненіи предъ общественными фетишами.

---

*) О Штирнерѣ см. J. H. Mackay. „Max Stirner. Sein Leben und sein Werk". Berlin. 1898. На русскомъ языкѣ: Саводникъ. „Нитшеанецъ сороковыхъ годовъ".

**) Stirner. „Der Einzige". Leipzig. Verlag von Reclam. S. 132.

***) Stirner, 126.

Этому состоянію рабства личности Штирнеръ противопоставляетъ свободную личность, свободное индивидуальное «я». Въ лицѣ Штирнера культурная проблема нашла своего лучшаго выразителя въ первой половинѣ XIX вѣка, но она не получила широкаго распространенія, потому что общественныя силы того времени были заняты ближайшими задачами, а разрѣшеніе культурной проблемы является лишь третьей по счету изъ тѣхъ великихъ задачъ, которыя приходится разрѣшить каждому культурному народу.

Отъ Штирнера до Нитше уже нѣтъ ни одного сильнаго борца за индивидуализмъ; этотъ промежутокъ занятъ идеями какъ разъ противоположнаго направленія—идеями коллективизма.

III.

Центральной проблемой философіи Нитше является не этическая проблема, не проблема индивидуалистическаго персонализма, а нѣчто болѣе значительное по своему объему и болѣе глубокое по содержанію. Его философія заключаетъ въ себѣ критику и постановку вопросовъ этическихъ, психологическихъ, соціальныхъ, вопросовъ религіи, искусства и т. п., словомъ, она захватываетъ почти всѣ формы высшихъ проявленій человѣческаго духа. Представляя себѣ философію Нитше, какъ провозвѣстничество индивидуализма, какъ новое ученіе о морали, мы тѣмъ самымъ съуживаемъ предметъ его философіи, нарушаемъ цѣлостность и полноту впечатлѣнія, оставляемаго ею, а въ каждомъ художественномъ произведеніи, въ каждой философской системѣ главное вниманіе нужно сосредоточивать не на отдѣльныхъ тонахъ и сочетаніяхъ красокъ, но на общемъ колоритѣ, на общей гармоніи. Кромѣ того, выставляя этическій индивидуализмъ, какъ базисъ всей философіи Нитше, и не видя ничего подъ нимъ, тѣмъ самымъ лишаютъ эту постройку той твердости основанія, которую ей далъ ея творецъ. Она теряетъ подъ ногами почву и изъ полной жизни и силы дѣлается безжизненной и легко разрушаемой. Въ такомъ толкованіи становится совершенно неяснымъ, даже неизвѣстнымъ, въ чемъ корень индивидуализма Нитше, почему онъ не присоединился къ господствовавшимъ въ то время идеямъ соціализма, а нашелъ свой идеалъ въ противоположномъ направленіи *). И на такую философію,

*) Такое впечатлѣніе остается, когда читаешь сочиненія разныхъ авторовъ, писавшихъ о Нитше и въ особенности нѣмецкихъ. Его почтенные соотечественники Файгингеръ, Штейнъ, Циглеръ, Зиммель, Риль и др.—подчасъ довольно гладко излагаютъ его ученіе, тщательно сличая изданія и выискивая всѣ существующія у Нитше противорѣчія, но, несмотря на свою добросовѣстную работу, *духа* философіи они совершенно не поняли, благодаря чему философія Нитше въ ихъ изложеніи и представляется чѣмъ-то чахлымъ, безкровнымъ. Психологически это, пожалуй, понятно. Господа профессора въ доста-

не имѣющую подъ собой твердаго основанія, являющуюся лишь прихотью мыслителя, каждый въ правѣ обрушиваться всею тяжестью своей критики, она не имѣетъ права на жизнь. Отсюда, я думаю, уже ясно, почему такъ легко давались побѣды разнымъ многочисленнымъ критикамъ Нитше, когда они не видѣли и не понимали или не хотѣли видѣть и понимать тѣхъ творческихъ мотивовъ, которые создали его философію, которые составляли ея основаніе.

Поэтому, принимая во вниманіе всю широту составныхъ частей философіи Нитше, а также и ту почву, на которой она выросла, намъ представляется единственно разумнымъ разсматривать ее *какъ культурную проблему, какъ философское ученіе, заключающее въ себѣ постановку и рѣшеніе этой проблемы.*

Выше мы пытались выяснить генезисъ культурной проблемы, показать тѣ условія, которыя необходимы для ея возникновенія и въ общихъ чертахъ охарактеризовали сущность культурной проблемы. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько частныхъ выводовъ изъ нея, болѣе частную характеристику.

Преобладающей чертой всей новой культуры является стремленіе приспособить формы духовной жизни къ явленіямъ матеріальнаго міра, къ потребностямъ дня и не только приспособить, но оправдать и санкціонировать это приспособленіе. Эту основную тенденцію современной культуры мы называемъ, по ея происхожденію, культурною буржуазностью, мѣщанствомъ. Культурная проблема такимъ образомъ въ частности можетъ быть выражена какъ борьба съ этой культурною буржуазностью, но взятая во всемъ своемъ объемѣ она, безъ сомнѣнія, гораздо шире. Ея основной чертой является протестъ духовнаго самосознающаго «я» противъ всякаго рода посягательствъ на это «я» со стороны внѣшняго міра. Она есть поэтому протестъ личности противъ всего того, что грозитъ ей обезличеніемъ, потерей индивидуальности и нарушеніемъ свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ; она есть протестъ индивидуальнаго самосознанія во имя цѣльности духовнаго «я» противъ всего того, что стремится съузить кругъ духовнаго развитія человѣка или лишить необходимой человѣческому духу полноты духовныхъ переживаній. Культурная проблема является такимъ образомъ носительницей тѣхъ высокихъ идеаловъ и стремленій, до которыхъ «додумались и дострадались» наиболѣе великіе духомъ представители человѣчества той или иной эпохи. Ея исходнымъ пунктомъ служитъ

точной степени проникнуты духомъ филистерства и мѣщанства, чтобы не понимать того, кто говоритъ на иномъ языкѣ. Они прекрасно могутъ понимать Милля, Конта, даже Канта, но Нитше никогда. Именно къ нимъ обращается Нитше, очень часто заканчивая свои разсужденія словами: „но вы не понимаете меня!“ Изъ числа приведенныхъ авторовъ наиболѣе дѣльныя сужденія о Нитше мы встрѣчали у Риля.

сама культура со всѣми своими свѣтлыми и темными сторонами,—отсюда вышли Руссо и Штирнеръ, Рескинъ и Толстой, отсюда же вышелъ и Нитше.

Большая часть его афоризмовъ—это критика современной культуры, современнаго культурнаго человѣка. Другая значительная часть афоризмовъ посвящена изображенію новой положительной культуры. Прежде всего для насъ является важнымъ установить отношеніе Нитше къ современной культурѣ и вмѣстѣ съ нимъ уловить ея духъ. Для этого намъ придется пересмотрѣть все, что только вышло изъ-подъ пера Нитше, и затѣмъ постараться изложить его воззрѣнія. Излагать Нитше—это значитъ цитировать его, брать его цѣликомъ со всѣми свойствами и особенностями его образной рѣчи; всякій иной способъ изложенія въ большинствѣ случаевъ будетъ переводомъ хорошихъ стиховъ дурной прозой.

Что такое жизнь, что такое человѣкъ?.. Жизнь современнаго человѣка, говоритъ Нитше, это медленное самоубійство, возведенное въ систему. Властитель этой жизни—человѣкъ, буржуа, существо съ религіей матеріальнаго благополучія. Человѣкъ—это «грязный потокъ», который оскверняетъ все попадающееся ему на пути, и надо быть моремъ, чтобъ принять въ себя этотъ потокъ и не сдѣлаться нечистымъ. Но этого мало, современный человѣкъ, помимо плоти, еще имѣетъ душу, «духъ», который есть «бѣдность и грязь». Этотъ духъ самый вредный ядъ культуры: онъ безпощадно отравляетъ все. «Бѣдность и грязь»—это клеймо, которое человѣкъ выжегъ на челѣ современной культуры, оно представляетъ собою грозный симптомъ человѣческой жизни. Этотъ симптомъ предвѣстникъ духовной смерти. «Современная форма культуры,—говоритъ Нитше, возбуждаетъ во мнѣ величайшую тревогу. Боюсь, какъ бы за громадные національные успѣхи мы не заплатили слишкомъ дорого въ той области, гдѣ я, по крайней мѣрѣ, не могу пойти ни на какія уступки».

Первоначально Нитше былъ самъ націоналистомъ, но онъ былъ достаточно трезвымъ мыслителемъ, чтобъ долго отравлять себя этимъ ядомъ. Вскорѣ изъ поклонника идеи имперіи онъ превращается въ ея злѣйшаго врага. Онъ увидѣлъ, что его соотечественники думаютъ не о воскрешеніи нѣмецкаго духа, нѣмецкой культуры, а объ увеличеніи завоевательныхъ способностей государства, о полной внѣшней и внутренней безопасности. «Къ этой нынѣшней Германіи,—пишетъ онъ въ письмѣ къ Зейдлицу,—какъ она ни похожа на ежа, какъ она ни пыжится своимъ вооруженіемъ, я уже не питаю никакого уваженія». Довольство собою, довольство внѣшнимъ міромъ—вотъ характерныя черты общественной психологіи нѣмецкой жизни послѣ побѣды надъ Франціей. Національное самодовольство не знало границъ—нѣмцы были глубоко убѣждены, что они одержали побѣду надъ Франціей благо-

даря высотѣ своей культуры. Въ это-то время національнаго шовинизма и выступилъ Нитше со своей критикой культуры.

«Онъ настаиваетъ,—говоритъ Брандесъ,—на томъ, что прежде всего другого культура сказывается въ единствѣ художественнаго стиля,—единствѣ, проходящемъ черезъ всѣ жизненныя проявленія народа. Если же народъ многому учился и много знаетъ, то это, какъ указываетъ Нитше, не есть необходимое средство къ достиженію культуры, ни признакъ культуры; онъ превосходно сравниваетъ это съ варварствомъ, т.-е. съ полнымъ отсутствіемъ стиля или пестрою смѣсью различныхъ стилей. И онъ прямо утверждаетъ, что съ культурой, состоящей изъ подобной смѣси, нельзя преодолѣть врага, всего менѣе такого врага, какъ французы, съ давнихъ поръ обладавшіе дѣйствительной, плодотворной культурой, какую бы цѣну мы ни приписывали ей» *). Какъ же, однако, могло случиться, спрашиваетъ Нитше, что нѣмцы, не имѣя настоящей, истинной культуры, въ то же время глубоко убѣждены, что они обладаютъ какъ разъ самой истинной, самой высокой культурой? Причину этого Нитше видитъ въ томъ, что современная духовная жизнь находится во власти «филистеровъ просвѣщенія», людей, которые свою безличную жалкую образованность считаютъ за настоящую культуру. «Я присматривался,—говоритъ онъ,—къ германскимъ университетамъ... Какая удушливая атмосфера царитъ среди ученыхъ! Какое самодовольство, какая пустота, какое равнодушіе къ умственной жизни!»

Основой жизни сдѣлались два стремленія: стремленіе къ матеріальному благополучію и стремленіе раздѣлить все великое, высокое на мелкое, на части, чтобы этими микроскопическими кусочками надѣлить «всѣхъ». «Для насъ совершенно ясно не только то, что уровень нѣмецкой культуры постепенно понижается, но и то, что нѣтъ недостатка въ основаніяхъ для этого. Если вы отдаетесь высшей политикѣ, хозяйству, международнымъ сношеніямъ, военнымъ интересамъ, парламентаризму и удѣляете этимъ вопросамъ ту долю разума, серьезности, воли, самообладанія, которыя въ васъ есть, то другія стороны будутъ неизбѣжно страдать отъ этого». «Высшія школы Германіи фактически стремятся къ тому, чтобы посредствомъ грубой дрессировки и при возможно меньшей затратѣ времени сдѣлать безчисленное количество молодыхъ людей пригодными для служенія государству, такъ чтобы послѣднее могло извлечь изъ нихъ наибольшую для себя пользу. Но «высшее воспитаніе» и «безчисленное количество»—понятія несовмѣстимыя. Высшее воспитаніе—удѣлъ немногихъ избранныхъ; чтобы имѣть право на высокую привилегію, надо самому быть привилегированнымъ. Все великое и прекрасное не можетъ стать общимъ достояніемъ—pulchrum est paucorum hominum».

---

*) Г. Брандесъ. „Фр. Нитше. Аристократическій радикализмъ“...

Въ лицѣ Нитше культурная проблема нашла выразителя своего протеста противъ всего XIX-го вѣка,—противъ его нивеллирующихъ тенденцій, противъ его взгляда на цѣлое какъ на совокупность ровныхъ одинаковыхъ величинъ. Его глубоко возмущала современная жизнь, возведенная въ «систему, гдѣ надобно быть колесомъ или попасть подъ колеса! Гдѣ само собой понятно, что каждый есть то, чѣмъ предназначенъ быть свыше! Гдѣ стремленіе быть частью цѣлой машины принадлежитъ къ естественнымъ обязанностямъ! Гдѣ никто не чувствуетъ себя оскорбленнымъ, если ему кивкомъ головы указываютъ на человѣка: «онъ можетъ быть вамъ полезнымъ!» Гдѣ не стыдятся ѣздить съ визитомъ, чтобы просить ходатайства! Гдѣ не догадываются, что, вмѣшиваясь въ жизнь съ такими обычаями, дѣлаешь изъ себя глиняную посуду, которой пользуются другіе и которую они могутъ разбить, не дѣлаясь отвѣтственными за это!»

Какъ филологъ, Нитше былъ хорошо знакомъ съ исторіей. Онъ зналъ, что были эпохи, когда люди жили, хотя «инстиктивной», но «живой» жизнью, когда они обладали «высокой и чистой культурой», когда величіе ихъ души измѣрялось «грандіознымъ масштабомъ». Онъ не могъ не противопоставлять этой прежней культурѣ современныя ея формы, въ которыхъ не осталось и слѣда отъ прежней «жажды жизни», отъ прежней «духовной чистоты». «Вся работа античнаго міра пропала даромъ,—говоритъ Нитше,—невѣроятный фактъ,—и я не нахожу достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить все мое негодованіе по этому поводу». «*Все погибло*! Воспоминаніе одной ночи! Греки! Римляне! Благородство инстинкта, вкусъ, научная система, геній организаціи и управленія, вѣра, воля, стремящаяся къ созиданію будущаго, великое «да», проявляющееся во всемъ, какъ imperium Romanum, и скользящее во всѣхъ чувствахъ, великій стиль, не какъ искусство, а какъ дѣйствительность, какъ истина, какъ *жизнь*. Все это уничтожено до основанія за одну ночь! и не какой-нибудь стихійной силой! Не германцы и другіе медвѣди затоптали, а надругались хитрые, скрытые, невидимые, безкровные вампиры! Не побѣдили, а высосали!.. Скрытая жажда мести, мелкая зависть сдѣлались *господами*! Все жалкое, немощное, извращенное, весь душевно-негодный, *отверженный* міръ очутился хозяиномъ положенія». Что оставили римляне, зачѣмъ жили греки?—вотъ вопросъ, невольно навязывающійся при взглядѣ на современную жизнь. Діонисовское и аполлоновское начала греческой жизни въ современной культурѣ замѣнены практическимъ разсчетомъ торгаша, трагизмъ жизни смѣненъ на культъ довольства и мѣщанскаго благодушія, господство духовнаго величія и красоты смѣнила власть денегъ. Въ одномъ изъ отрывковъ «Утренней Зари», озаглавленномъ: «*Основная идея культуры торговаго вѣка*», Нитше говоритъ: «Теперь часто можно видѣть такое культурное общество, душой котораго служитъ торговля, какъ у древнихъ грековъ душой общества

*

было личное состязаніе, а у римлянъ война, побѣда и право. Торговецъ умѣетъ все оцѣнить и притомъ оцѣнить по нуждамъ потребителя, а не по своимъ личнымъ нуждамъ; «кто и сколько людей будутъ потреблять это?»—вотъ его вопросъ вопросовъ. Этотъ типъ оцѣнки примѣняетъ онъ инстинктивно и непрерывно ко всему—къ произведеніямъ искусствъ, наукъ, мыслителей, ученыхъ, художниковъ, государственныхъ людей, народовъ и партій, даже къ цѣлому вѣку; обо всемъ, что создается, онъ спрашиваетъ: будетъ ли на это спросъ, можно ли явиться на рынокъ съ такимъ предложеніемъ,—спрашиваетъ для того, чтобы установить цѣну на вещь. *Этотъ пріемъ становится характеромъ цѣлой культуры*, проводится самымъ послѣдовательнымъ и аккуратнымъ образомъ, направляетъ волю, силы: это то, чѣмъ будете гордиться вы, люди будущаго вѣка, если правду говорятъ пророки торговаго класса. Но я мало вѣрю въ эти пророчества».

Отрицая современныя формы культуры и презирая современнаго человѣка, Нитше довольно оптимистически смотритъ на ихъ будущее—ему кажется, что исполнятся желанія не «пророковъ торговаго класса», а его собственныя, что человѣкъ будетъ такимъ, какимъ онъ хотѣлъ его видѣть. «Греки,—говоритъ онъ,—представляютъ собою образецъ расы и культуры, достигшихъ чистоты: можно надѣяться, что достигнетъ чистоты и европейская раса и культура». «Люди могутъ сознательно продолжать тотъ культурный путь, по которому они прежде шли безсознательно и случайно. Эта новая, *сознательная* культура убиваетъ старую, которая, если ее разсматривать въ цѣломъ, была безсознательной животной и растительной жизнью. Пониманіе условій культуры, какъ научнаго критерія для универсальныхъ цѣлей — вотъ громадная задача великихъ умовъ будущаго вѣка».

И Нитше страстно ищетъ того пути, который вывелъ бы человѣчество изъ царящаго въ мірѣ культурнаго, духовнаго рабства, который спасъ бы природное величіе и красоту человѣческаго духа. Въ «трехъ превращеніяхъ» Нитше изображаетъ человѣка, искалѣченнаго современной культурой и лишеннаго свободы, подъ видомъ кроткаго верблюда, который покорно позволяетъ навьючивать на себя всевозможныя тяжести и переноситъ ихъ по песчаной пустынѣ. Человѣческій духъ представляетъ собою такое же вьючное животное, ходящее въ пустынѣ и позволяющее нагружать себя всевозможными «цѣнностями». Чтобъ выйти изъ этого жалкаго состоянія духъ изъ верблюда долженъ сдѣлаться львомъ, а львомъ онъ можетъ сдѣлаться только тогда, когда онъ освободится отъ своего господина, отъ того «великаго дракона», на чешуяхъ котораго блестятъ тысячелѣтнія цѣнности, цѣнности всѣхъ вещей, когда онъ сдѣлаетъ его своимъ врагомъ, сразится съ нимъ, и побѣдитъ.

Здѣсь уже ясно намѣчается тотъ путь, по которому пойдетъ Нитше. Этотъ путь—«переоцѣнка всѣхъ цѣнностей» (Umwertung aller Werte).

Какое громадное значеніе придавалъ Нитше этой переоцѣнкѣ въ дѣлѣ культурнаго развитія, видно, между прочимъ, изъ одного мѣста его письма, въ которомъ онъ говоритъ, что занятъ подготовкой къ «невѣроятно трудной и рѣшающей работѣ, которая, *если она будетъ понята*, дѣлитъ исторію человѣчества на двѣ половины. Смыслъ ея въ трехъ словахъ: переоцѣнка всѣхъ цѣнностей».

«Братья мои, говоритъ Нитше словами Заратустры, къ чему нуженъ левъ въ человѣческомъ духѣ? чему не удовлетворяетъ подъяремный звѣрь, легко подчиняющійся и почтительный? Создать новыя цѣнности—этого не можетъ левъ, но *создать свободу для новаго творчества—этого можетъ достичь сила льва*». Сила льва необходима человѣческому духу для того, чтобы создать себѣ свободу и «святое отрицаніе». И Нитше былъ первымъ львомъ, побѣдившимъ дракона въ жестокой борьбѣ. Его очень часто упрекали въ жестокости, безнравственности и разнузданности, въ излишней прямолинейности, но онъ, какъ левъ, не могъ быть инымъ. Время требовало не ровнаго и тихаго свѣтящагося пламени, но такого, которое, испуская свѣтъ, метало бы кругомъ искры и съ стихійною силой жгло и палило все то, что можетъ горѣть, что не выноситъ очищающей силы огня. Подобно этому пламени, не знающему ни состраданія, ни пощады, Нитше всюду выступаетъ, какъ разрушитель, какъ представитель великаго отрицанія. Кажется, не было ни одного проявленія духовной жизни, котораго не коснулось бы это отрицаніе, которое не прошло бы черезъ этотъ очистительный огонь. Таковъ былъ путь переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Г. Маркеловъ.

ВЫКРЕСТКА ИЗЪ ЧЕГО-ЧЕГА.

Разсказъ **А. Кагана.**

Переводъ съ англійскаго **Анны Бронштейнъ.**

«Такъ вотъ она Америка... и я уже не еврейка больше!»... думала Михалина, разсѣянно глядя на огороды, тянувшіеся черезъ дорогу отъ самой двери до ея дома. Она сидѣла на порогѣ и штопала чулокъ. «Богъ знаетъ когда Винкасъ вернется, а говорятъ еще, что по субботамъ на фермахъ кончаютъ раньше». Медленный взглядъ ея черныхъ глазъ снова опустился на чулокъ и иглу въ ея остановившихся рукахъ.

Она скучала по своемъ христіанскомъ мужѣ, и въ то же время сердце ея щемила тоска по отцовскомъ домѣ и по еврейскомъ прошломъ. Винкасъ все твердитъ ей, что она католичка, но онъ ея не понимаетъ. Какая она католичка! Она просто *мешумейдесте*—выкрестка, крещеная еврейка, ренегатка, измѣнница, нѣчто такое, что не можетъ быть выражено даже самымъ ужаснымъ христіанскимъ словомъ. Костры инквизиціи выжгли въ душѣ ея соплеменниковъ чувство, которое Винкасу было совершенно чуждо. Долгіе годы религіозныхъ преслѣдованій и обособленная жизнь научили ихъ смотрѣть на еврея, который покидаетъ свою вѣру для вѣры притѣснителей, съ такимъ ужасомъ и отвращеніемъ, какого христіанинъ не могъ бы и постигнуть. Семь дней отецъ Михалины сидѣлъ на землѣ безъ обуви, какъ будто послѣ похоронъ, и, дѣйствительно, онъ взывалъ къ смерти, чтобъ она обратилась на «нечистую голову», какъ меньшее изъ двухъ золъ. Невѣріе въ Бога было бы несчастіемъ, но отступничество было много хуже, чѣмъ смерть. Михалина чувствовала себя какъ заживо погребенная. Она была «метумейдесте». Она содрогнулась при мысли о значеніи этого слова.

Вначалѣ ей особенно хотѣлось понять и ощутить всю перемѣну, которая произошла съ ней.—Ты больше не еврейка, ты христіанка,—говорила она себѣ, но ничего изъ этого не выходило и только становилось больнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, она махнула рукой и рѣшила, что она та же самая Ривка, что была раньше, но что ее по-

стигло большое несчастье.—Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится,—шептала она. У нея было предчувствіе, что нѣчто еще ужаснѣе, какой то страшный ударъ собирался откуда то обрушиться на ея голову.

Ненависть зажигалась въ ея сердцѣ въ такія минуты,—ненависть къ «вѣдьмѣ мачихѣ», чья жестокость заставила Михалину броситься въ объятія христіанскому парню и бѣжать съ нимъ въ Америку. Ибо изъ-за нея Ривка обратилась въ Михалину, выкрестку.

Деревня на Долгомъ Островѣ (одна изъ нѣсколькихъ, расположенныхъ на разстояніи получасовой ходьбы другъ отъ друга) была окружена фермами, дававшими польскимъ крестьянамъ возможность заработать скромное пропитаніе. Имъ платили не больше доллара въ день, но они питались по преимуществу картофелемъ, и получали его безплатно отъ своихъ американскихъ хозяевъ. Почти каждый крестьянинъ имѣлъ скрипку или бандуру. Одинъ мѣстный политиканъ шутливо прозвалъ это поселеніе Чего-Чегъ, (этимъ онъ обобщилъ звуковой характеръ польскаго языка) и съ тѣхъ поръ деревня стала извѣстна подъ этимъ именемъ.

Винкасъ и Михалина пріѣхали въ поселокъ только за нѣсколько дней и хотя они говорили по польски такъ же свободно, какъ и по литовски, они дичились другихъ крестьянъ и чувствовали себя одинокими. Михалина не видѣла еще ни одного человѣка своей прежней религіи, съ тѣхъ поръ какъ они съ мужемъ вышли изъ эмигрантской станціи, а ей такъ хотѣлось увидѣть еврея! Она мечтала объ этомъ такъ, какъ человѣкъ, который въ первый разъ очутился въ океанѣ, мечтаетъ о томъ, чтобъ скорѣе увидѣть землю. Она слышала, что неподалеку было два еврейскихъ поселка и часто, глядя въ даль, старалась угадать, гдѣ именно они могли быть. Смутное представленіе о нихъ въ одно и то же время привлекало и ужасало ее.

Солнце дремотно свѣтило, какъ старикъ, улыбающійся своей собственной сонливости. Маленькій разноцвѣтный и яркій мірокъ тяготѣлъ ко сну. Вдали по дорогѣ мелькнуло какое-то пятно, бѣлое съ краснымъ. Ребъ Нехемія возвращался домой изъ Грейтона, гдѣ онъ пообѣдалъ съ «самымъ важнымъ хозяиномъ» и «нѣчто объяснилъ изъ закона» передъ небольшой конгрегаціей во время послѣобѣденной службы. Это была суббота, и вотъ почему ненакрахмаленный воротъ его рубахи былъ такъ свѣжъ, а красный платокъ охватывалъ станъ его долгополаго сюртука. Носить что-нибудь въ рукахъ въ седьмой день недѣли — въ день отдыха — строго запрещено, и онъ надѣлъ на себя носовой платокъ, какъ часть своего платья.

Впереди, на перекресткѣ двухъ дорогъ, на небольшомъ возвышеніи стояла бакалейная лавка, которая была въ то же самое время и трактиромъ. Дверь ея была открыта настежъ, и на порогѣ сидѣлъ польскій мужикъ въ американскихъ брюкахъ и фуфайкѣ и съ варшавской

трубкой въ зубахъ, окруженный облакомъ сиваго дыма. На травѣ черезъ дорогу крѣпко спалъ босоногій мальчуганъ, солдатская шапка валялась сбоку, какъ возлѣ трупа на полѣ битвы.

Поднявъ глаза на дорогу въ ожиданіи Винкаса, Михалина увидала реба Нехемію. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. По его походкѣ, по огромному бѣлому воротнику и по красному платку вокругъ стана, она сразу узнала въ немъ благочестиваго и ученаго еврея. Когда онъ сталъ приближаться, она увидѣла, что лицо его заросло шелковистой свѣтлой бородой, и что на видъ ему было лѣтъ двадцать семь. Онъ шелъ и, оживленно размахивая руками, что-то бормоталъ самъ про себя. Это было одно изъ его обычныхъ пикированій съ сатаной, который все покушался ввести въ соблазнъ ученаго мужа.

— Я говорю тебѣ, напрасно ты трудишься, господинъ сатана, — съ уничтожающей улыбкой говорилъ Нехемія.—Не поймать тебѣ меня, хоть тресни. Ступай теперь морочь голову другому. Плохой ты дѣлецъ, если разсчитываешь на меня, какъ на своего слугу. У Нехеміи голова не хуже твоей—понимаешь? Иди, сударь, иди прочь!

Онъ говорилъ это довольно громко, бархатнымъ мурлыкающимъ басомъ, выходившимъ неизвѣстно откуда, какъ будто изъ самой глубины живота.

Поравнявшись съ Михалиной, онъ въ ужасѣ остановился.

— Боже мой! Въ святую субботу!—воскликнулъ онъ по-еврейски, уронивъ руки по бокамъ.

Краска бросилась въ лицо Михалинѣ. Она украдкой посмотрѣла туда, гдѣ сидѣлъ полякъ, и, увидѣвъ, что онъ спитъ, снова опустила глаза и продолжала работать.

— Не хочешь бросить работы, дочь моя? Войди лучше въ домъ и нарядись въ честь субботы, — съ безпокойствомъ во взглядѣ мурлыкалъ Нехемія.

— Я не понимаю, что вы говорите, сударь, — отвѣтила она политовски, не поднимая глазъ.

Набожный мужъ вздрогнулъ.

— Я думалъ, она дочь Израиля! — воскликнулъ онъ на родномъ языкѣ и пустился идти.

— Тьфу, тьфу! Какая красивая христіанская дѣвушка! Совсѣмъ еврейка... — Рѣчь его внезапно прервалась. — Ты уже опять начинаешь, а? — накинулся онъ на сатану. — Оставь меня въ покоѣ, слышишь?

Лицо Михалины пылало. Она смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся еврею. Онъ, повидимому, направлялся въ одну изъ двухъ еврейскихъ деревень. Каждый шагъ его причинялъ ей боль, какъ будто Нехемія былъ привязанъ къ ея сердцу. Когда онъ исчезъ за поворотомъ дороги, скрывшись между деревьями, она быстро встала и, оставивъ работу въ домѣ, отправилась за нимъ вслѣдъ.

II.

Слѣдуя за набожнымъ евреемъ, она скоро увидѣла передъ собой новый городъ, который какъ будто выросъ изъ-подъ земли за одну ночь. Это былъ Буркдэль, бывшая деревушка, превратившаяся въ городъ, благодаря предпріимчивости общества для торговли недвижимостями, которое развило дѣятельную продажу мелкихъ земельныхъ участковъ на выплату по срокамъ. Президентъ этого общества, Медисонъ Буркъ, далъ новому городу свое имя. Нѣсколько портняжныхъ подрядчиковъ, послѣ продолжительной стачки въ Нью-Іоркѣ, перевели сюда свои мастерскія. Кромѣ того, здѣсь поселилось около полусотни разносчиковъ, которые, послѣ недѣльнаго скитанія по всѣмъ угламъ острова въ поискахъ за покупателями, приходили отдыхать сюда на два послѣднихъ дня недѣли—собственной субботы и воскресенія христіанъ. Все кипѣло жизнью въ импровизированномъ городкѣ. Швейныя машины жужжали; окна лавокъ пестрѣли выставкой товаровъ.

— Доброй субботы, ребъ Нехемія! — съ улыбкой привѣтствовала еврея черезъ дорогу большая и толстая женщина въ черномъ парикѣ.

— Доброй субботы и добраго года!—отвѣтилъ онъ.

Сердце Михалины опять забилось. Она оказалась довольно близко къ еврею; она знала, что онъ можетъ вдругъ замѣтить ее, но уже не думала объ этомъ. Увидѣвъ, какъ одинъ мальчуганъ ломаетъ вѣтви, ребъ Нехемія бросился къ нему, точно хотѣлъ спасти его отъ смерти, и, схвативъ его за плечи, сталъ вытряхивать палочки изъ его рукъ и затѣмъ, погладивъ смуглаго мальчика по головѣ, съ любовью сказалъ:

— Нельзя, сынъ мой. Богъ будетъ сѣчь того, кто не блюдетъ субботы. Ахъ, какъ сѣчь будетъ!

Рыданія перехватили горло Михалины.

Немного дальше ребъ Нехемія остановился передъ группой молодыхъ людей, которые, съ папиросками во рту, стояли у воза съ товаромъ и разговаривали.

— Горе! Горе!—воскликнулъ онъ.—Пожалуйста, бросьте это! Развѣ вы не дѣти евреевъ? Пожалуйста, бросьте эти папироски!

— Ребъ Нехемія правъ!—отозвался одинъ дюжій парень и, подмигнувъ остальнымъ, спряталъ папироску за спину. Всѣ тотчасъ же послѣдовали его примѣру, а ребъ Нехемія, увлекшись легкой побѣдой, сталъ призывать молодыхъ людей къ благочестивой жизни и изученію святого закона. Онъ говорилъ отъ всей души, и лицо его сіяло вдохновеніемъ, но слова его не были лишены юмора.

— Загробный міръ есть дерево, а существующій есть только тѣнь, которую это дерево бросаетъ отъ себя, — говорилъ онъ своимъ мягкимъ, густымъ голосомъ. — Курить въ субботу, не ходить въ сина-

гогу, оговаривать людей, обманывать въ дѣлахъ, танцовать съ дѣвушками или поглядывать на чужую жену,—все это представляетъ большое удовольствіе, не такъ ли? Мудрецы этого міра, франты, образованные люди и даже такое безцѣнное украшеніе, какъ я, мы всѣ думаемъ, что такъ. Мы гонимся за этими наслажденіями. Вотъ мы схватили ихъ. Держи крѣпко! Не выпускай изъ рукъ драгоцѣнной находки, держи сколько есть мочи, ребъ Нехемія! Но чуръ! Довольно скоро ангелъ смерти является. «Откройте, пожалуйста, руку, ребъ Нехемія; посмотримъ-ка, что у васъ въ рукахъ». Увы! рука пуста, пуста, пуста... Ай-ай!—жалостливо крикнулъ онъ вдругъ въ испугѣ. Въ то время какъ онъ говорилъ, здоровенный парень подкрался къ нему сзади и съ силой шлепнулъ ладонью сверху по огромному цилиндру, надвинувъ его на глаза проповѣдника. Вслѣдъ за нимъ другой парень, подобравшись сбоку, сорвалъ съ него красный платокъ и зажегъ его.

— Горе мнѣ! Горе мнѣ! Въ святую субботу!—въ отчаяніи кричалъ благочестивый мужъ.

Михалина, которая подошла близко и все собиралась идти домой, слѣдила за всѣмъ. Она кинулась на помощь къ ребу Нехеміи.

— Перестаньте, пожалуйста, перестаньте!—обратилась она по-еврейски къ его мучителямъ.—Вѣдь онъ же васъ не трогалъ, за что же вы его обижаете?

Собралась толпа. Ученый еврей стоялъ растерянный, какъ вдругъ появилась Сора-Элка, высокая, толстая женщина въ парикѣ, та самая, которая недавно съ нимъ поздоровалась. Молодежь разступилась передъ ней.

— Въ чемъ дѣло? Опять поколотили?—спросила она медленно и спокойно, не то улыбаясь, не то хмурясь. Улыбка ея была, также какъ и ея голосъ, привѣтлива и хладнокровна. Сора-Элка была самая умная, самая набожная и самая злая женщина въ городкѣ.

— Подѣломъ вамъ, ребъ Нехемія. Вы всегда суётесь, куда не надо, и попадаете въ бѣду. Такъ вамъ и надо. Что они ему сдѣлали, эти бродяги?—закричала она.

— Ничего. Они только надвинули ему шляпу на глаза. Они шутили,—отвѣтилъ одинъ мальчикъ.

Юморъ и спокойная увѣренность Соры-Элки сразу привлекли къ себѣ Михалину. О, еслибъ она была одною изъ этой еврейской толпы! Ей такъ хотѣлось заговорить съ ними! И отчего не попробовать? Вѣдь никто ея здѣсь не знаетъ, тѣмъ болѣе, что ребъ Нехемія, какъ видно, ее не узналъ.

— Онъ имъ ничего не сдѣлалъ; онъ только говорилъ, а они его ударили по головѣ,—сказала она заискивающимъ тономъ.

Всѣ взоры устремились на незнакомку.

Вдругъ парень, который сжегъ платокъ Нехеміи, воскликнулъ, глядя на нее въ упоръ:

— Да не дождаться мнѣ будущей недѣли, если это не выкрестка изъ Чего-Чега. Я вѣдь торгую тамъ.

Сердце Михалины застыло отъ этого ужаснаго слова, наиболѣе обиднаго изъ всѣхъ для еврейскаго слуха. Ужъ не это ли та страшная бѣда, которая должна была обрушиться на нее, какъ предчувствовало ея сердце? думала она. Неужели это уже начало конца? Ребъ Нехемія узналъ ее и, вскрикнувъ, со страхомъ отскочилъ, подбирая полы, точно боялся заразиться. Онъ сталъ разсказывать, какъ онъ встрѣтилъ ее въ польской деревнѣ.

— Такъ вотъ эта зараза, эта выкрестка, мужицкая жена!—сказала Сора-Элка, окинувъ Михалину взглядомъ презрительнаго любопытства.—Пускай же все, что должно было обрушиться на меня или на васъ, или на каждаго добраго еврея, падетъ вмѣсто того на голову этой твари! Тьфу на нее!—плюнула толстая еврейка съ той же обычной невозмутимой улыбкой.

Михалина пустилась въ путь по направленію къ Чего-Чегу и тотчасъ же услышала за собой:

— Выкрестка! Выкрестка!

Дѣти и многіе взрослые изъ толпы подхватили крикъ:

— Выкрестка! Выкрестка!—хоромъ кричали они, слѣдуя за нею и бросая въ нее камешки.

Михалина вся дрожала отъ страха, но, несмотря на это, ея преслѣдователи и весь еврейскій городокъ стали ближе и дороже ея сердцу.

— Ты гдѣ была?—спросилъ Винкасъ, бѣшено тряся ее.

— Перестань! Перестань! Люди смотрятъ!—тихо, но съ сердцемъ протестовала она.

Деревня оживилась. Появились ребятишки; женщины сидѣли у дверей и болтали; изъ трактира доносились неистовые звуки двухъ скрипокъ, а передъ группой ухмылявшихся поляковъ извивался и скалилъ зубы молодой худощавый негръ въ лохмотьяхъ, наигрывая на гитарѣ. Онъ былъ цивилизующимъ и американизирующимъ факторомъ этого мѣстечка, несмотря на то, что онъ научился болтать на ломаномъ польскомъ языкѣ гораздо раньше, чѣмъ кто-либо изъ поляковъ запомнилъ дюжину англійскихъ словъ. Благодаря ему, они постепенно оставили свои гармоники и даже скрипки, замѣнивъ ихъ американской гитарой.

— Скажи мнѣ, гдѣ ты была?—сердито настаивалъ Винкасъ.

— А если не скажу? Боюсь я тебя, что ли? Скучно мнѣ стало до смерти, ну я и пошла погулять и заблудилась. Доволенъ ты теперь?

Они вошли въ домъ, гдѣ хозяйка приготовила имъ на ужинъ селедку, картофель и что-то въ родѣ жаркого.

Черезъ полчаса они уже сидѣли на лужайкѣ передъ домомъ, окруженные темнотой, и шепотомъ разговаривали. Большія окна трактира блестѣли въ темнотѣ, какъ полосы кованого золота. Оттуда вырывались оживленные звуки гитарной музыки.

— Какъ темно!—шепнула Михалина.

— А ты боишься чертей?

— Нѣтъ—отчего?

— Такъ, я думалъ, можетъ, ты боишься,—отвѣтилъ онъ.

Помолчавъ немного, онъ вдругъ спросилъ, указывая на сердце:

— Болитъ у тебя вотъ тутъ?

— Какъ это, милый?—спросила она, сплетая руки на его плечѣ и заглядывая въ его безбородое лицо.

— Что-то засѣло у меня тутъ. Деретъ меня на части, Михалинка.

— Это ничего, это ты тоскуешь о своихъ краяхъ; пройдетъ это.

Винкасъ сталъ жаловаться на своего хозяина, на то, какъ странно здѣсь въ Америкѣ ведутъ хозяйство и какъ безвкусна американская пища.

— Богъ проклялъ это мѣсто и отнялъ у него всякую жизнь,—сказалъ онъ.—Это вѣрно оттого, что народъ здѣсь такой грѣшный. Посмотришь, все будто какъ слѣдуетъ, а попробуй въ ротъ положить, весь обманъ и выйдетъ наружу. Послушай, Михалинка, ужъ не расплачивается ли со мной еврейскій Богъ?

Она думала свою думу и не отвѣтила на его вопросъ. Опомнившись, она стала ласкать его, какъ больного ребенка.

— Не тужи, голубчикъ,—утѣшала она его,—Америка хорошая страна, всѣ это говорятъ. Подожди, пусть привыкнешь, а тамъ, пожалуй, ужъ и самъ не захочешь уѣхать, хоть палками тебя гони.

Они сидѣли молча, прижавшись другъ къ другу, съ глазами, устремленными на сіявшія окна трактира. Вдругъ свѣжій вѣтерокъ пронесся, полный благоуханія. Винкасъ встрепенулся и сталъ жадно вдыхать его... Вѣтерокъ напомнилъ ему запахъ родной деревни.

— Ми-Михалинка, милая!—всхлипнулъ онъ вдругъ, прижимая ее къ сердцу.

III.

Когда Михалина, блѣдная, слабая и прекрасная, лежала въ постели и акушерка предложила ей взглянуть на свою дочь, молодая мать, открывъ пламенные, черные глаза, сейчасъ же закрыла ихъ. Этотъ комокъ мяса и ея головная боль какъ-то сплетались вмѣстѣ и смѣшивались въ одно. Черезъ нѣсколько времени, когда она проснулась отъ мучительнаго сна и ея вялый взглядъ остановился на ребенкѣ у стѣнки, ее охватилъ ужасъ и отвращеніе. Это было *шиксе*—нечистое христіанское отродіе,—съ какой стати она лежала тутъ при ней?

Но покормивъ дѣвочку нѣсколько дней, она уже привязалась къ ней, а когда Марисѣ миновалъ мѣсяцъ, мать уже души въ ней не чаяла.

Маленькая желѣзнодорожная станція, на полдорогѣ между двухъ поселковъ, стала любимымъ мѣстомъ Михалины. Сосѣдей она избѣгала. Она съ дѣтства привыкла смотрѣть на народъ, какъ на «племя подобное ослу». Прежде, дома, они ей нравились, но теперь когда она была одной изъ нихъ, они были ей противны. Они, съ своей стороны, дразнили и насмѣхались надъ нею, называя ее жидовкой. Такимъ образомъ, станція являлась для нея пріятнымъ убѣжищемъ, гдѣ она проводила часъ или два въ комнатѣ для пассажировъ или на платформѣ снаружи. Среди пассажировъ бывали часто евреи, и они какъ-то особенно посматривали, какъ будто слыхали о ней прежде. Она краснѣла подъ ихъ взглядами, тѣмъ не менѣе всегда съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ, когда подходилъ новый поѣздъ.

Однажды утромъ какой-то разносчикъ, сгибаясь подъ тяжестью короба, остановился, чтобы посмотрѣть на нее. Когда онъ опустилъ свою ношу и выпрямился, ей показалось, что она его гдѣ-то видѣла. Это былъ незначительнаго вида человѣчекъ, гладко обритый и съ коротко остриженными желтоватыми волосами, въ пиджакѣ и въ шляпѣ.

Вдругъ лицо его расплылось въ широкую, привѣтливую улыбку.

— Какъ поживаете?—воскликнулъ онъ своимъ глубокимъ бархатнымъ голосомъ, и Михалина сразу узнала его.

— Я говорилъ съ вами разъ въ Чего-Чегѣ, помните? Я вижу, что вамъ странно видѣть меня въ короткомъ сюртукѣ и безъ бороды и пейсовъ.

— Вы кажетесь на десять лѣтъ моложе, ребъ Нехемія,—сказала она, сильно смущенная.

— Я уже не ребъ Нехемія больше,—застѣнчиво объяснилъ онъ.— Теперь меня называютъ Нехемія-безбожникъ.

— Еще одинъ грѣшникъ!—подумала Михалина, чуть не вздрогнувъ отъ удовольствія.

Нехемія продолжалъ со стыдливой улыбкой:

— Когда мой сюртукъ и мои пейсы были длинны, мой взглядъ былъ коротокъ, между тѣмъ теперь я такъ напитанъ мудростью, что набожные евреи сторонятся, чтобъ не замочиться, понимаете? Словомъ, шутки въ сторону, у меня были уши, но я ничего не могъ слышать изъ-за моихъ пейсовъ; у меня были глаза, но я ничего не могъ видѣть ими, потому что все молился и закрывалъ ихъ. Теперь я вылечился отъ этой глупости. Ну, а вы какъ? Какъ вамъ живется въ Америкѣ?

Его лицо сіяло, но лицо Михалины выражало боль. Она оплакивала паденіе кумира.

— Слава Богу, благодарю васъ. А какъ тамъ въ Буркдэлѣ, не пристаютъ къ вамъ больше?—спросила она и вся покраснѣла.

— Люди всегда люди, а негодяи всегда негодяи. Помните ту субботу? Да и не въ первый разъ они меня били. Они часто меня подчивали, ослы! Впрочемъ, я не питаю къ нимъ злости. Кто знаетъ, можетъ быть, именно эти удары и щелчки пробудили меня? Одно мнѣ больно: тѣ самые парни, которые раньше ломали мнѣ кости за то, что я говорилъ имъ о вѣрѣ, теперь бьютъ меня за то, что я раскрываю имъ глаза. Я, какъ тотъ великій раввинъ, которому нѣкогда пришлось быть атаманомъ разбойниковъ. «Что же, говорилъ онъ, я прежде былъ вождемъ и теперь я вождь». Меня колотили, когда я былъ ребъ Нехемія, и колотятъ теперь, когда я Нехемія-безбожникъ. Кстати, помните, какъ они накинулись на васъ и кричали вамъ, вслѣдъ? Напрасно вы краснѣете, миссисъ; теперь религія не больше какъ обманъ. Нѣтъ никакихъ евреевъ и нѣтъ христіанъ, миссисъ. Это Америка; всѣ тутъ баре и всѣ братья—дѣти одной матери-природы, милая миссисъ. Это слово ему, повидимому, пришлось особенно по вкусу. Онъ произносилъ его съ наслажденіемъ, восторженно глядя въ лицо Михалины.—Ступайте, милая миссисъ, ступай, о дочь Сіона, и возвѣсти всѣмъ тѣмъ, кто копается въ грязи іудейства...

— Ш-ш-ш!—умоляюще прервала она.—Зачѣмъ вы такъ говорите? Перестаньте, прошу васъ.

Онъ сталъ горячо и пространно защищать свои взгляды, но она не слушала его.

Марися спала у нея на рукахъ, жуя сквозь сонъ губками и улыбаясь. Посмотрѣвъ на нее украдкой, Михалина сама не могла удержаться отъ улыбки. Она не переставала поглядывать на дѣвочку, хотя старалась показать видъ, что внимательно слушаетъ. Въ десятый разъ она говорила себѣ, что верхняя часть лица ребенка сильно напоминаетъ Винкаса.

Михалина и Нехемія часто встрѣчались. Изъ всѣхъ его разговоровъ она понимала только одно, что онъ говорилъ по-еврейски, и этого было достаточно. Хотя онъ проповѣдывалъ атеизмъ, но въ ея ушахъ его слова звучали лишь отголоскомъ изъ міра синагогъ, раввиновъ, каширнаго мяса и благословенныхъ субботнихъ свѣчей. Она понимала также изъ его монологовъ, что онъ отщепенецъ, какъ и она. О себѣ она никогда съ нимъ не говорила. Оставаясь тайной для него, она казалась тѣмъ таинственнѣй себѣ самой, и ощущала неотразимую прелесть въ этихъ тайныхъ встрѣчахъ съ нимъ.

Одинъ разъ онъ пришелъ гладко обритый и въ чистомъ галстухѣ.

— Добраго утра!—съ необычною торжественностью сказалъ онъ и, вынувъ изъ кармана большое, красное яблоко, застѣнчиво положилъ въ ея руку.

— Вы что-то хотѣли мнѣ разсказать,—сказала она, смутившись.

— О, ничего, пустяки; я шутилъ. Это просто одинъ разсказъ, который я читалъ. Одинъ великій человѣкъ былъ всю свою жизнь влюб-

ленъ въ прекрасную женщину. Она была за другимъ и была вѣрна ему, но, несмотря на это, тотъ человѣкъ продолжалъ любить ее. Его душа была очарована, онъ воспѣвалъ ее, онъ мечталъ о ней. Имя того человѣка было Петрарка, а женщины—Лаура.

— Я не знаю, при чемъ тутъ этотъ разсказъ,—сказала она, смущенно пожимая плечами.

— Откуда вы знаете, что это не больше, какъ разсказъ?—возразилъ онъ, не поднимая глазъ.—Можетъ быть, это притча? Можетъ быть, вы Лаура? Моя Лаура!—шепталъ онъ.

— Оставьте это!—сказала она съ болью.

Въ эту минуту онъ былъ ей противенъ.

— Не кручинь своего сердца, крошечка,—сказалъ Нехемія.—Я только пошутилъ.

IV.

Михалина собралась съ духомъ и еще разъ отправилась въ Буркдэль. На этотъ разъ никто ее не трогалъ, только изрѣдка кто-нибудь шепталъ другому: «вотъ идетъ выкрестка изъ Чего-Чега». Такимъ образомъ она мало-по-малу привыкла дѣлать закупки въ еврейскомъ городкѣ. Сначала Винкасъ кричалъ и спрашивалъ, правда ли, что жидъ заколдовалъ сердце его жены; но скоро она успѣла настолько убѣдить его, что онъ сталъ сопровождать ее, когда она отправлялась за покупками. Она даже уговорила его учиться гладить сюртуки, что было гораздо выгоднѣе работы на фермѣ. Но, проработавъ нѣсколько дней съ утюгомъ въ рукѣ, Винкасъ упрямо отказался. Онъ говорилъ, что земля призываетъ его обратно, и что, если онъ станетъ противиться, она разсчитается съ нимъ потомъ, когда его въ ней похоронятъ.

Къ этому времени они перебрались въ хижину на окраинѣ поселка, недалеко отъ Буркдэля.

Вначалѣ Михалина не позволяла Винкасу писать письма домой. Но онъ все-таки послалъ письмо тайно отъ нея. Когда онъ получилъ отвѣтъ отъ отца, въ письмѣ была также записка по-еврейски отъ отца Михалины, которую Винкасъ на радостяхъ не замедлилъ показать Михалинѣ.

«Дорогой твой тесть,—писалъ старикъ,—ходитъ кругомъ и дразнитъ меня тобою и своимъ милымъ сыномъ. «Пошлешь ты своей дочери благословеніе?» спрашиваетъ онъ. «Хорошо, пошлю», отвѣтилъ я. Вотъ мое благословеніе, Ривка. Чтобъ восемь десятковъ зубныхъ болей отняли твой покой, какъ ты отняла покой своей матери въ гробу. Дай Богъ, чтобъ твое нечистое существо швыряло съ одного конца свѣта на другой, какъ будутъ швырять твою проклятую душу, когда ты подохнешь, какъ паршивая собака. Твой дорогой тесть (горе тебѣ,

Ривка!) спрашиваетъ, что я пишу тебѣ. «Благословеніе», отвѣчаю я. Чтобъ такія благословенія усѣяли всю твою дорогу, проклятая выкрестка. Вотъ и все».

— А что онъ пишетъ?— спросилъ Винкасъ.

— Ничего. Сердится,—пробормотала она и тутъ же спросила себя: «кто этотъ христіанинъ? Что онъ тутъ дѣлаетъ?» Въ эту минуту она была увѣрена, что ея конецъ близко.

Нехемія и Михалина привились къ городку, какъ представители двухъ неизбѣжныхъ учрежденій. Буркдэль безъ атеиста и безъ выкрестки казался такимъ же невозможнымъ, какъ и безъ свата, безъ синагоги или безъ купальни «для дочерей Израиля».

Нехемія продолжалъ ревностно проповѣдывать. Относясь небрежно къ своей торговлѣ, онъ жилъ впроголодь и, хотя продолжалъ быть мишенью всякаго шутника, вдругъ весь оживалъ при малѣйшемъ намекѣ на успѣхъ и съ новой силой начиналъ издѣваться надъ обрядами, поносилъ раввиновъ и проповѣдывалъ ассимиляцію съ просвѣщенными христіанами. Нехемія былъ неизлѣчимо религіознымъ человѣкомъ, но потерявъ вѣру, онъ обратилъ невѣріе въ свою религію.

Итакъ,оба были извѣстны подъ именемъ атеиста и выкрестки. Однако, между ними было большое различіе. Какъ не отказывался Нехемія отъ еврейства, евреи не думали отказываться отъ него. Михалина же была еврейской общинѣ болѣе чужая, чѣмъ всѣ христіанскіе сосѣди. Съ ребенкомъ на рукахъ, она двигалась среди этихъ людей, какъ одинокая тѣнь. Нехемія былъ еврей, который «грѣшилъ и вводилъ въ грѣхъ другихъ»; она же не была еврейкой, которая преступила законъ, она была живымъ позоромъ, тѣмъ болѣе проклятая, что она нѣкогда принадлежала къ евреямъ.

Нѣкоторыя изъ женщинъ относились довольно дружелюбно къ ней. Зельда Хлопотунья часто обмѣнивалась съ нею мелкими одолженіями, но и она не доходила до кухонной утвари, такъ какъ пища Михалины была трефная и посуда нечистая. Однажды, когда сосѣдка зашла въ одинокую хату, выкрестка предложила ей кусокъ своего перваго лимоннаго пирожнаго. Зельда сама научила ее дѣлать это пирожное, и, увлеченная успѣхомъ, Михалина забыла пропасть, которая отдѣляла ее отъ гостьи.

— Попробуйте и скажите мнѣ, если чего не хватаетъ,—попросила она.

Зельда смутилась.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я только что пообѣдала,—пробормотала она,—чтобы мнѣ такъ жить на свѣтѣ.

Свѣтъ въ глазахъ Михалины угасъ. Съ минуту она простояла съ блюдечкомъ въ рукахъ, но какъ только еврейка ушла, она выбросила пирожное вонъ.

Она купила себѣ особый приборъ посуды и употребляла ее только для каширной пищи. Иногда она покупала мясо въ еврейской лавкѣ и потомъ дома солила и промывала его по всѣмъ правиламъ. Она и не мечтала о томъ, чтобы такимъ способомъ заслужить себѣ искупленіе на томъ свѣтѣ—душа ея пропала,—но ей было пріятно хотя бы разыгрывать еврейку. Ее какъ то успокаивало и въ то же время терзало, когда она такъ приготовляла пищу или молилась въ пятницу вечеромъ, благословляя свѣчи. Но свѣчи ея горѣли сурово и холодно и были лишены благословенія. Когда она обводила ихъ руками и, какъ будто черпнувъ пространство, закрывала ладонями глаза и принималась шептать молитву, сердце ея билось быстрѣе, она чувствовала себя какъ будто воровкой.

«Хваленъ будь ты, о Господи, Царь вселенной, который освятилъ насъ своими заповѣдями и повелѣлъ намъ возжигать субботнія свѣчи».

Но молитва ея обрывалась съ третьяго слова.

Михалина получила еще одно письмо отъ отца. Сердце старика разрывалось отъ угрызенія и тоски. Ему хотѣлось писать ей, но, увы кто же когда-либо писалъ выкресткѣ что-нибудь иное, кромѣ проклятій?

«Опять пишу, чтобы обрадовать твое предательское сердце—такъ начиналось письмо.—Торжествуй, проклятая отступница! Мы головы тутъ не можемъ поднять отъ стыда, глаза наши омрачены позоромъ. Дай Богъ, чтобы твои глаза такъ померкли, чтобы не могли видѣть твоего собачьяго мужа, ни твоего паршиваго щенка. Чтобы ты запятналась кровью своего собственнаго сердца, какъ ты запятнала имя нашей семьи.

«Писано мною, который проклинаетъ минуту, когда сдѣлался твоимъ отцомъ».

Михалина вспыхнула отъ гнѣва. «Мы не можемъ поднять головы». Кто это «мы»? Онъ и его вѣдьма-жена? Прежде она заставила его вытолкнуть свою дочь въ бездну «нечистоты», а теперь заставляетъ его проклинать свое несчастное дитя за позоръ, который обрушился на ея же собственную голову! И о чемъ они такъ безпокоятся? Не о томъ ли, что такъ трудно будетъ выдать дочку мачихи замужъ, потому что у нихъ выкрестка въ семьѣ? А, мучится, вѣдьма, извивается отъ боли. Вотъ тебѣ! Терзайся, подлая! Попробуй того горя, какимъ ты наполнила жизнь твоей падчерицы. «Торжествуй, отступница!» Михалина почти ликовала въ эту минуту. Она готова была радоваться тому, что она выкрестка.

«Но почему оно должно было сложиться именно такъ? — думала Михалина.—Могла же я и не креститься, и Нехемія или другой еврей покрасивѣе могъ бы жениться на мнѣ... Вотъ бы эта вѣдьма и ея дочка кипѣли! Онѣ бы лопнули отъ зависти. Или, еслибъ я, напримѣръ, опять стала еврейкой и вышла бы за какого-нибудь набожнаго, ученаго и богатаго еврея, который умиралъ бы отъ любви ко мнѣ, и

мачиха бы услышала объ этомъ, и я посылала бы маленькому братишкѣ много денегъ—развѣ бы она не лопнула тогда... Я жила бы въ Буркдэлѣ, и Сора-Элка и другіе евреи и еврейки ходили бы ко мнѣ въ гости и ѣли бы и пили у меня. По субботамъ я отправлялась бы въ синагогу съ большимъ молитвенникомъ, и люди, встрѣчаясь со мною, говорили бы мнѣ: «Доброй субботы!», а я бы имъ отвѣчала: «Доброй субботы и добраго года!»

Михалина заплакала.

V.

Наступала весна. Въ воздухѣ было что-то мягкое, мечтательное. Михалинѣ все хотѣлось плакать.

— Перестаньте издѣваться надъ раввинами,—съ непривычнымъ раздраженіемъ сказала она Нехеміи.—Не думаете ли вы, что мнѣ пріятно слышать это?

Она плакала, и глаза Нехеміи тоже наполнились слезами.

— Не плачьте, кошечка,—говорилъ онъ,—я не хотѣлъ огорчить васъ. Вамъ жаль, что вы сдѣлались христіанкой?—смущенно прибавилъ онъ шепотомъ.

Теперь только въ первый разъ она разсказала ему свою исторію. Когда она кончила, онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ай-ай-ай! Ай-ай!—Онъ вдругъ остановился.—Такъ что, значитъ, вы изъ мести къ мачихѣ вышли за Винкаса!—воскликнулъ онъ. Затѣмъ, значительно понизивъ голосъ, застѣнчиво прибавилъ:—а я думалъ, что вы влюбились въ него.

— При чемъ тутъ онъ?—вспыхнула она.

Лицо его опять приняло прежнее выраженіе, а она продолжала:

— Во всякомъ случаѣ, онъ мой мужъ, и я его жена и христіанка, проклятая душа, которой не суждено имѣть покою, ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ. Чтобъ той вѣдьмѣ такъ же темно было на ея сердцѣ, какъ у меня на моемъ.

— Зачѣмъ вамъ такъ говорить, кошечка? Я, конечно, атеистъ, и вся религія чепуха и обманъ, но вы горюете совершенно напрасно. По еврейскому закону вы и не жена ему и не христіанка. Вы еврейка. Имѣйте въ виду, что я не вѣрю въ талмудъ, но по талмуду вашъ бракъ никакого значенія не имѣетъ. Да, вы не замужемъ!—повторилъ онъ, замѣтивъ, что она заинтересовалась.—Вы дѣвушка и свободны какъ птица небесная, кошечка моя. Вы можете выйти за еврея, «по закону Моисея и Израиля» и быть счастливы. Голосъ его прервался.

— Лау-у-ра!—простоналъ онъ, схвативъ ея руку и страстно цѣлуя ея пальцы.

— Перестаньте,—вскрикнула она,—ой, перестаньте! Что на васъ нашло!—Лицо ея побагровѣло, и, послѣ нѣкотораго неловкаго молчанія, она громко разрыдалась.

— Никто ничего мнѣ не приноситъ, кромѣ непріятностей и горя, никто, никто! Что мнѣ дѣлать? О, что мнѣ дѣлать?

Подъ предлогомъ, что ей надо посовѣтоваться съ хорошимъ докторомъ, Михалина, съ вѣдома мужа, отправилась въ Нью-Іоркъ. Она взобралась на третій этажъ огромнаго дома на улицѣ Орчардъ и вошла въ тихую, запыленную комнату, обставленную старыми книгами. За столомъ сидѣлъ человѣкъ съ поблекшимъ лицомъ и сѣдой бородой; передъ нимъ лежалъ раскрытый фоліантъ и стоялъ стаканъ недопитаго чаю. Порыжѣлая ермолка была сдвинута назадъ.

Кровь бросилась въ лицо ей, когда она приблизилась къ столу. Она не могла выговорить ни слова.

— Вопросъ отъ закона? — спросилъ раввинъ. — Скажи, въ чемъ дѣло, дочь моя?

Оттого, что такой почтенный человѣкъ обратился къ ней какъ къ еврейкѣ, ея смущеніе и страхъ растаяли слезами.

— Я вышла замужъ за христіанина,—съ поникшей головой прошептала она.

— За христіанина! Горе мнѣ!—воскликнулъ раввинъ, глядя на нее со страхомъ и жалостью.

— Я также приняла крещеніе.

Въ комнату вошла старая еврейка съ курицей въ рукахъ. Легкая досада отразилась на лицѣ раввина. Наскоро освидѣтельствовавъ птицу, онъ поспѣшно сказалъ:

— Чистое, чистое! Ѣшьте на здоровье!

Когда старуха ушла, онъ всталъ съ мѣста и торопливо заперъ дверь.

— Хочешь каяться?—спросилъ онъ, надвигая ермолку.

Она безпокойно кивнула головой.

— Что же тебѣ мѣшаетъ? Кайся, дочь моя, и если ты покаешься отъ чистаго сердца, Всевышній поможетъ тебѣ.

— Но какъ я могу сдѣлаться опять еврейкой? Правда ли это, рабби? Одинъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что я никогда не переставала быть еврейкой.

— Ахъ, ты глупая! А что же ты—француженка, что ли? Израильскій Богъ не даетъ плату назадъ. О, нѣтъ! Разъ еврей, такъ и навсегда еврей—вотъ какъ онъ ведетъ свои дѣла.

— Но я вѣдь замужемъ за христіаниномъ, — повторяла она, хотя ея черные глаза свѣтились новымъ свѣтомъ.

— Замужемъ? Не по нашему закону, дитя мое. Ты родилась еврейкой, а еврейка не можетъ выйти за христіанина. А если твой бракъ не бракъ, такъ что же онъ? Грѣхъ! Брось христіанина, если хочешь вернуться къ Богу. Перестань грѣшить и живи, какъ дочь Израиля. Конечно, конечно, законы страны, Америки — понимаешь? По нимъ ты считаешься замужемъ, и имъ надо повиноваться. Но законы нашей вѣры говорятъ, что ты не замужемъ, и если бы еврей

надѣлъ вѣнчальное кольцо на твой палецъ, ты была бы его женой. Понимаешь, дитя мое?

— Ну, а какъ же насчетъ ребенка, рабби? Еслибъ, напримѣръ, я хотѣла и ее вернуть къ еврейству?

— Вернуть къ еврейству? Не очень, видно, ты учена,—засмѣялся старикъ. Да твоя дѣвочка гораздо лучшая еврейка, чѣмъ ты сама, потому что она не грѣшила, а ты грѣшила.

— Но ея отецъ вѣдь...

— Ея отецъ! При чемъ тутъ отецъ? Развѣ онъ перенесъ боли, когда ты ее родила? Не безпокойся, дочь моя. По нашему закону дѣти слѣдуютъ по матери. Ты еврейка, и она еврейка. Она чистое дитя Израиля. Какъ ее зовутъ? Марыся? Ну, такъ назови ее какимъ-нибудь еврейскимъ именемъ — скажемъ, Мынделе или Шейнделе. Что за важность!

Спускаясь по темной лѣстницѣ, Михалина прижимала къ сердцу и цѣловала дѣвочку. — Шейнделе! Шейнделе! Дитя Израиля! — сквозь рыданія вырывалось у нея. Она впервые обратилась къ ней по еврейски.—Еврейская дѣвочка, еврейская дѣвочка!

VI.

Благодѣтельныя души, которыя сложились, чтобы купить пароходный билетъ, проснулись чуть свѣтъ, и въ семь часовъ уютная квартирка Соры-Элки, на второмъ этажѣ новаго деревяннаго дома, была наполнена посѣтительницами, собравшимися поглядѣть на свое «доброе дѣло», воплощенное въ лицѣ Михалины. Это было величайшее событіе всей разнообразной исторіи Буркдэля. Михалина — теперь уже Ривка—была центромъ всеобщаго вниманія. Сора-Элка и Зельда называли ее уменьшительно, другіе съ уваженіемъ обращались къ ней, называя ее полнымъ именемъ, такъ что со всѣхъ сторонъ то и дѣло слышалось: «Ривочка милая», или «будьте такъ добры, Рива».

Нехемія, между тѣмъ, увѣрялъ всѣхъ, что онъ атеистъ, и что только уступаетъ капризу Ревекки, соглашаясь на бракъ по всѣмъ правиламъ Моисеева закона. Но никто не обращалъ на него вниманія. Набожныя души были всецѣло заняты молодой женщиной, которую они «спасали изъ нечистоты».

Ревекка была вѣжлива, благодарна, улыбалась всѣмъ и была очень нервна. Сора-Элка суетилась, сердитая и красная отъ хлопотъ.

— Вы уже достаточно нацѣловались съ ней,—огрызнулась она на Зельду. — Съ вашими поцѣлуями она до парохода не доберется. Вы бы лучше позаботились насчетъ лимоновъ. Пока пароходъ въ гавани, я все еще не увѣрена въ успѣхѣ, хотя бы потому, что слишкомъ много людей знаютъ нашъ секретъ. Хотя бы, по крайней мѣрѣ, мы были въ Нью-Іоркѣ.

Приготовленія шли медленно, благодаря постояннымъ задержкамъ. Кромѣ того, одной изъ «спасительницъ» пришло вдругъ въ голову, что у нея есть совсѣмъ почти новая муфта, которая можетъ пригодиться Ревеккѣ; другая подумала, что ея банка съ вишневымъ вареньемъ будетъ просто спасеньемъ для Ревекки на пароходѣ. Однако, до поѣзда оставался еще цѣлый часъ; англійскій пароходъ отправлялся только въ два, такъ что спѣшить особенно было нечего. Что касается Винкаса, то его раньше семи часовъ вечера нельзя было ожидать. Зельда возилась съ дѣвочкой и восторженно восклицала: «Шейнделе! Называть еврейскимъ именемъ дѣвочку, которую раньше всѣ считали за христіанскаго ребенка, казалось такъ интереснымъ, что женщины наперерывъ кричали: «Шейнделе! Иди ко мнѣ»; «Шейнделе! Смотри сюда;» «Шейнделе ѣдетъ въ Лондонъ, чтобъ стать тамъ набожной евреечкой«; «Шейнделе! Здоровья твоей головѣ, рукамъ и ногамъ».

— Ничего, Нехемія будетъ ей добрымъ отцомъ, неправда ли, Нехемія? — обратилась къ нему одна гостья.

Вдругъ женщина, стоявшая у окна, вздрогнула.

— Ея мужъ! — сказала отчаяннымъ шепотомъ. Наступила паника. Сора-Элка возбужденно дѣлала знаки всѣмъ, чтобъ не терять присутствія духа. Ревекка, блѣдная, съ дикими глазами кинулась въ спальню и снова выскочила назадъ, балансируя на цыпочкахъ. Кровь бросилась ей въ лицо; она нервно кусала губы.

— Откуда онъ взялся? Я сказала ему, что ѣду къ доктору въ Нью-Іоркъ,—сказала она, съ трудомъ переводя дыханіе. Пригнувшись у окна, она выглянула на улицу.

— Уйди оттуда!—прошептала Сора-Элка, скрежеща зубами и бѣшено махая руками.

Ревекка медлила. Она видѣла высокую, плотную фигуру своего мужа, съ его бѣлокурыми, вьющимися по концамъ волосами, видѣла его блѣдное, овальное лицо. Онъ безцѣльно шелъ впередъ, поглядывая изъ стороны въ сторону съ совершенно растерянымъ видомъ.

— Бродитъ, какъ корова въ поискахъ за теленкомъ,—натянуто замѣтила Михалина.

— Пусть ищетъ хоть до завтра—не найдетъ. Мы ужъ тебя запрячемъ!—возразила Сора-Элка. Пусть онъ только пройдетъ, я увезу тебя на другую станцію. Положись на меня, ты будешь въ Нью-Іоркѣ и на пароходѣ раньше, чѣмъ его тыквенная голова разберетъ, гдѣ онъ—на томъ или на этомъ свѣтѣ. Но я говорила, что слишкомъ много народу знаетъ объ этомъ.

Сора-Элка любила борьбу. Однако, она не совсѣмъ угадала причину внезапнаго появленія Винкаса. Даже тѣ нѣсколько поляковъ, которые работали въ портняжныхъ мастерскихъ Буркдэля, ничего не знали о великомъ заговорѣ. Вода и масло не обмѣняются секретами, хоть бы и очутились въ одной бутылкѣ. Сама Михалина была виной всему

она такъ держалась съ мужемъ въ послѣдніе дни и особенно такъ прощалась съ нимъ въ это утро, что подозрѣнія невольно закрались въ сердце мужика. Отчего она такъ горько плакала, такъ жалась къ нему и цѣловала его, когда онъ уходилъ? Вспоминая всѣ эти подробности, онъ почувствовалъ безпокойство. Мало-по-малу его охватила такая тоска, что онъ долженъ былъ оставить работу.

Въ горницѣ Соры-Элки настала какая-то трусливая тишина. Нехемія теръ руки и глядѣлъ на Ревекку съ безмолвной мольбой. Она не сводила глазъ съ окна.

— И что онъ дѣлаетъ тутъ такъ рано?—сказала она тѣмъ же натянутымъ тономъ.—Можетъ быть, онъ потерялъ работу.

— Ну, а если потерялъ? Какое *тебѣ* дѣло? А чтобъ ему повѣситься или утопиться,—заявила Сора-Элка.

— За что вы его такъ проклинаете? Чѣмъ *онъ* виноватъ?—слабо протестовала Михалина.

— Смотри-ка на нее—смотри-ка! Ишь какъ прилипла къ нему, къ этому комку грязи! Ну, собирайся, Ривочка милая. Зельда похлопочетъ о вещахъ. Скорѣе, Ривочка, скорѣе!

Ревекка медлила.

— Что это нашло на тебя? Что ты не двигаешься съ мѣста? Ты знаешь вѣдь, что, изъ-за одной минуты мы можемъ потерять всю игру.

Прошла минута напряженнаго молчанія, и вдругъ Ревекка зарыдала:

— Не могу! Я не могу!—воскликнула она, прижимая руки къ вискамъ.—Проклинайте меня, я заслужила. Я знаю, мнѣ не суждено имѣть покою ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ, но я не могу его оставить, не могу. Что мнѣ дѣлать? О, что мнѣ дѣлать?

Собравшіеся были поражены, какъ громомъ. Сора-Элка опустила свои большія руки и нѣсколько минутъ стояла ошеломленная. Потомъ она сказала:

— Горе моей головѣ! Добрыя женщины истратили столько денегъ на билеты!

— Я заплачу, за все заплачу, я верну каждый центъ!—повторяла Михалина, и опять еврейскій жаргонъ въ ея устахъ прозвучалъ для нея чужимъ.

— Заплатишь? Чѣмъ? Богатствомъ твоего мужицкаго голодранца? Чтобъ тебѣ потратить на лекарства тысячу долларовъ за каждый центъ, что ты намъ стоила, подлая выкрестка!

Посыпались проклятія со всѣхъ сторонъ. Михалина кинулась вонъ.

— Пусть идетъ на всѣ восемьдесятъ черныхъ, горькихъ, пустынныхъ лѣтъ!—заключила ей вслѣдъ Сора-Элка.—Выкрестка останется выкресткой!

ВЪ ИГОРНОЙ ЗАЛѢ.

Разсказъ **Мультатули.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.**

— Видите ту даму, около «trente et quarante»,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.—Ея мужу необходимо 40.000 франковъ, чтобъ поддержать дѣло, и какъ можно скорѣй... посмотрите, какъ она трудится!...

Я много разъ видѣлъ эту даму и ея мужа, когда онъ съ растерянным видомъ бродилъ взадъ и впередъ по залѣ, въ то время какъ она проигрывала. Я ихъ замѣтилъ обоихъ, они мнѣ почему-то очень понравились. Я всегда радовался, когда эта маленькая женщина выигрывала, и огорчался при каждомъ ея проигрышѣ, точно это касалось меня самого. Вообще вѣдь трудно смотрѣть на игру, не становясь на сторону одного изъ играющихъ. Совершенно невольно, по мѣрѣ того, какъ игра развертывается, принимаешь участіе въ каждой ея фазѣ. Каждая ставка—это актъ драмы.

Дѣла той женщины, которую я въ данный моментъ избралъ своей героиней, шли очень плохо. Она мѣняла одинъ тысячафранковый билетъ за другимъ и очень рѣдко получала его обратно. За нѣсколько дней я успѣлъ замѣтить, что такихъ билетовъ у нея было всего четыре или пять. Числа эти чередовались, какъ приливъ и отливъ, но въ крайнемъ итогѣ средній уровень оставался тотъ же. Еще задолго до сообщенія моего спутника, я уже сдѣлалъ заключеніе, что ей нужна какая-то опредѣленная сумма, но она не можетъ добиться ея. Она играла не такъ, какъ человѣкъ, который хочетъ выиграть, а какъ человѣкъ, который долженъ выиграть. Тѣ нѣсколько тысячъ франковъ, которыя составляли весь ея капиталъ, лежали у нея въ хорошенькомъ дамскомъ портфельчикѣ во внутреннемъ карманѣ корсажа. Двадцать разъ на дню она вытаскивала маленькій сверточекъ, доставала, мѣняла и при счастьѣ снова пополняла и прятала обратно, и всякій разъ съ такимъ выраженіемъ: «теперь ужъ въ послѣдній разъ, больше ужъ не притронусь», и потомъ снова и снова вытаскивала—мѣняла на луидоры и продолжала свою безнадежную борьбу.

Иногда казалось, что мужъ хочетъ крикнуть ей: «Перестань, ну

перестань же, вѣдь не везетъ тебѣ! Оставь намъ, Бога ради, хоть эти 5.000 франковъ!..»

Но маленькая женщина настойчиво, упрямо, если хотите, мужественно стояла на своемъ. Вѣдь въ такихъ случаяхъ судятъ всегда по результатамъ.

Когда ея глаза встрѣчались со взглядомъ мужа, она, казалось, давала клятву сохранить хоть двѣ, три, даже четыре тысячи франковъ. Если ей, наконецъ, удавалось послѣ этого возстановить свой маленькій основной капиталъ, она какъ будто рѣшалась не трогать его больше. Но бываю у нея и другое выраженіе, особенно въ то время, когда ей не везло, и она должна была мѣнять новый билетъ. Я такъ понималъ его: «Милый другъ, что намъ за польза отъ двухъ, трехъ тысячъ? Вѣдь намъ нужно больше! Пусть ужъ что-нибудь одно!» И испуганный, недовольный, какъ будто обиженный, онъ отходилъ отъ нея. Онъ, казалось, больше страдалъ или не такъ мужественно переносилъ страданія, какъ она.

Она спрятала назадъ четыре билета, передъ ней лежали двадцать луидоровъ. Она ставила неизмѣнно,—не знаю, была ли это ея система, —три золотыхъ на черное, ждала, пока выигрышъ достигалъ 24-хъ и прибавляла еще одинъ луидоръ, чтобы ставка равнялась 500 франкамъ. Для этого нужно было выиграть три раза подрядъ. Послѣ третьяго выигрыша передъ ней лежало 1.000 франковъ, такъ что она могла присоединить къ своему капиталу еще одинъ билетъ, пятый. Но вѣдь ей нужно было 40 такихъ билетовъ, чтобы не погибнуть вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми.

За все время, пока она играла, ей только разъ попалась серія изъ шести выигрышей подрядъ,—чтобы вернуть свой капиталъ ей довольно было и пяти выигрышей.

Послѣ седьмого выигрыша она хотѣла удвоить ставку, такъ они условились съ мужемъ, но до этого никогда не доходила.

И сегодня счастье не особенно улыбалось бѣдняжкѣ. Сколько неудачъ! Три луидора превращались въ шесть, а шесть исчезали!

Снова ставилось три... и снова ихъ дѣлалось шесть... а изъ шести снова ничего. Потомъ эти глупѣйшіе два выигрыша сряду! Три, шесть, двѣнадцать... и потомъ всѣ двадцать на ставку! Потомъ снова сталъ чередоваться выигрышъ... проигрышъ... выигрышъ... проигрышъ... выигрышъ... проигрышъ... нѣтъ не идетъ!

Наконецъ, четыре подрядъ! три... шесть... двѣнадцать...

На этотъ разъ навѣрно пойдетъ хорошо... Двадцать четыре... право, идетъ прекрасно... скорѣй еще одинъ луидоръ, чтобы дополнить до 500 франковъ и получить цѣлый столбикъ.

— Rouge gagne!

Пропали всѣ 500 франковъ!

— Вамъ надо было, сударыня, взять всю ставку назадъ,—замѣчаетъ послѣ проигрыша одинъ изъ стоящихъ сзади пророковъ.

Ахъ, гдѣ только не сидятъ, не стоятъ, не бродятъ эти люди, которые всегда «послѣ неудачи» знаютъ прекрасно, что надо было бы сдѣлать раньше.

Но она не обращаетъ вниманія на эту досадную мудрость и продолжаетъ ставить все по три луидора, выжидая удачную серію.

Еще и еще,—что это упрямство или мужество?

Кто окажется сильнѣе, она или судьба?

Ахъ, ея капиталъ часто грозитъ совсѣмъ растаять! А судьба неутомимо посылаетъ по два, по три счастливыхъ удара, и проигрышъ, или даже цѣлыми рядами все красное и красное, точно нарочно, чтобы испытать терпѣніе несчастной, которая разъ навсегда, кажется, рѣшила ставить на черное.

Rouge, чаще, чаще, все это проклятое rouge!

Какой-нибудь счастливецъ навѣрное наживалъ теперь капиталы.

А моя бѣдненькая фаворитка,—я съ такимъ участіемъ слѣдилъ за ея игрой и за ея настроеніями, что сталъ чувствовать къ ней дѣйствительную симпатію,—она, бѣдняжка, мѣняла билетъ за билетомъ. Теперь у нея оставался уже только одинъ. «Этотъ ужъ я сохраню», успокоительно кивнула она мужу.

Но тотъ казался въ концѣ разстроеннымъ и былъ, видимо, не въ состояніи смотрѣть дальше на ея мученія.

Онъ вышелъ изъ залы, бросился на одинъ изъ стульевъ у столика за кургаузомъ, вынулъ сигару, но не закурилъ ее, спросилъ стаканъ лимонада, къ которому не притронулся.

Неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ въ землю прямо передъ собой и рисовалъ замысловатыя фигуры на пескѣ. Онъ старался улыбаться, но это не удавалось ему.

По движенію его губъ можно было догадаться, что онъ самъ съ собою разговариваетъ. О чемъ могъ онъ говорить? О томъ, что разоренъ? Разоренъ не изъ-за этихъ 5.000, почти окончательно проигранныхъ его женою, а изъ-за разрушеннаго горделиваго зданія ихъ надеждъ, изъ-за невозможности выиграть тѣ 40.000, безъ которыхъ ему предстояла неминуемая гибель.

Мы снова вошли въ залъ и стали слѣдить за маленькой женщиной, ведущей свою тяжелую борьбу.

Кромѣ послѣдняго билета, спрятаннаго въ портфелѣ у нея оставалось всего два луидора. Она встала и бросила обѣ монеты на излюбленный цвѣтъ, который такъ долго мучилъ ее.

Въ первомъ ряду выпало мало очковъ. Шансы чернаго стояли хорошо.

Но развѣ это помогло бы чему-нибудь, если бы эти *два* луидора превратились въ четыре или въ восемь, или даже въ шестнадцать!

Но все-таки она ждала, стоя, опершись на спинку стула, чтобы до послѣдней возможности испытать счастье. Вѣдь если она оставить это мѣсто, отойдетъ отъ стола, уйдетъ изъ залы, тогда дѣло ея будетъ рѣшено окончательно и безповоротно. И она должна будетъ сказать объ этомъ мужу, она, такая самонадѣянная, вѣрившая какъ въ дѣйствительность, въ свои желанія и надежды.

Система? Разсчетъ? Ахъ, нѣтъ, этого у нея не было. Недѣлю назадъ она и понятія не имѣла объ этой игрѣ. Но она была мужественна, она чувствовала въ себѣ ужасную энергію. Вотъ и все, хотя повидимому, этого оказывалось недостаточно.

Она ждала.

Въ концѣ концовъ, нѣтъ ничего невозможнаго, что именно эти два луидора, эти послѣднія монетки...

Ну послѣдними-то онѣ все-таки не были. Какъ ни какъ, у нея оставался еще одинъ билетъ. Нѣтъ, его не было. Его все равно, что не было. Она вѣдь обѣщала мужу не мѣнять его. Да, можетъ быть, этого и не понадобится... Карты все еще ложились благопріятно. Черный навѣрно выиграетъ...

— Тридцать очковъ! крикнулъ крупье, отбрасывая послѣднія карты оконченной таліи.

Ея ставка продолжала стоять, такъ какъ второй рядъ картъ далъ меньше 32-хъ очковъ и игра вышла ни въ чью.

Два луидора лежали все на томъ же мѣстѣ, судьба на этотъ разъ пренебрегла ими. Что ей оставалось дѣлать? Если бы она проиграла, она бы ушла. Серьезно! Но теперь? Ждать ли ей слѣдующей таліи? Или не ждать? Можно ли послѣ всего ея несчастья возлагать какія-нибудь надежды на эти два глупые луидора? На два послѣдніе...

Ну, нѣтъ... а банковый билетъ? Тоже послѣдній!

Нѣтъ, нѣтъ, она обѣщала мужу... правда обѣщала!

Сердце ея билось.

Уйти? сейчасъ?

Неужели же подарить банку 40 франковъ? Нѣтъ! Вѣдь это уже ея деньги. А взять ихъ назадъ неудобно. Это покажется смѣшнымъ всей этой «галеркѣ». Подумаютъ, что безъ этихъ двухъ луидоровъ ей не на что будетъ сегодня ѣсть, пить, жить. Неужели же показать всѣмъ этимъ чужимъ людямъ, какъ она бѣдна?

Колеблющаяся и нерѣшительная, она, въ сущности, уже рѣшилась. Такъ какъ, не рѣшаясь уходить, она оставалась, а это и было рѣшеніемъ. Во всякомъ случаѣ, она могла «дождаться, что станется въ слѣдующую талію съ ея двумя луидорами, и тогда уйти».

А что касается постороннихъ людей... то почему не размѣнять банковаго билета? Она могла тогда кончить игру, имѣя 50 луидоровъ и каждый могъ видѣть, что она еще не все спустила, такъ какъ уходитъ съ кошелькомъ полнымъ золота.

Конечно! Только вѣдь она обѣщала мужу...

Обѣщала? Ну да... не играть на послѣдній билетъ! Но... Но размѣнять это она всегда имѣла право сдѣлать. Это вѣдь еще ничего не значитъ. Она сдѣлаетъ это исключительно «ради этихъ людей», чтобъ показать, что она еще не всѣ спустила.

Ахъ, съ какой радостью, съ какой сердечной радостью поразила бы она мужа счастливымъ исходомъ своего смѣлаго предпріятія. Ее не такъ восхищала мысль о самомъ спасеніи, какъ радостная возможность сказать ему, что онъ спасенъ и... спасенъ ею! Въ эту минуту она навѣрно покажется ему прекрасной, и онъ будетъ любить ее.

Только послѣ того, какъ столько иллюзій погибло, глупо ждать чего-нибудь отъ этихъ двухъ золотыхъ. А остальные пятьдесятъ... нѣтъ, нѣтъ, изъ тѣхъ нельзя поставить ни одного. Она по опыту знала, какъ скоро можно потерять билетъ при ставкахъ въ 60 франковъ. Кромѣ того, надо же имѣть деньги, чтобы заплатить по счету въ отелѣ, онъ навѣрно будетъ очень значительный потому... что «она была такъ увѣрена, что выиграетъ». А дорога домой...

Домой? Неужели мужу придется, правда, ѣхать домой, гдѣ ждутъ его опротестованные векселя, стыдъ, позоръ? Банкротство, гибель, отчаяніе? Но если не ѣхать домой, то куда же?

Роковая минута приближалась. Необходимо сегодня же выиграть 40.000 франковъ иначе...

Но все-таки на тѣ 50 золотыхъ, которыя она получитъ когда размѣняетъ билетъ, она не станетъ играть.

Нѣтъ, нѣтъ, играть на эти деньги она не будетъ, право нѣтъ. Она только размѣняетъ, и то только «ради этихъ людей».

Она вынула между тѣмъ сложенный вшестеро билетъ. Онъ сталъ теплымъ и влажнымъ. Этотъ кусочекъ бумаги могъ бы разсказать, какъ тревожно трепетала эта грудь!

Тщетно пытаясь сдѣлать равнодушное лицо, она развернула бумагу. Рука ея дрожала...

«О судьба, твоимъ капризамъ», — донеслось изъ парка, за кургаузомъ.

И чтобы скрыть дрожаніе своей руки, она стала помахивать билетомъ въ тактъ мелодіи: «жизнь свою ввѣряю я!»

«Золото это химера»... отвѣчалъ Роберту хоръ его товарищей.

Хорошо было имъ говорить, Роберту и его товарищамъ. Имъ никогда не приходилось имѣть дѣло съ опротестованными векселями и банкротствомъ. Въ тѣ времена хорошей дозы мужества было вполнѣ достаточно.

«Умѣй воспользоваться имъ»...

Чѣмъ? Мужествомъ? Этого у нея было достаточно! Золотомъ? Но его больше не было... почти.

Колѣни ея подгибались.

«Сжалься, сжалься—молилъ хоръ....

«Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!»—гремѣлъ Робертъ.

Если ужъ ждать; то удобнѣе дѣлать это, сидя, чѣмъ стоя.

Она снова опустилась на тотъ же стулъ. Только не по прежнему. Нельзя же опять усаживаться поудобнѣе на стулѣ около стола, точно она все еще осмѣливается надѣяться на что-то.

Она едва присѣла, почти соскользнула со стула и сидѣла... ну, какъ Мольеръ за завтракомъ у Людовика XIV-го, на краешкѣ стула, на самомъ краешкѣ. Все равно, что и не сидѣла, а между тѣмъ... все-таки сидѣла. И ждала!

А крупье готовили карты для слѣдующей таліи.

Шесть игоръ были вынуты изъ углубленія стола, куда они сдвигаются послѣ каждой таліи. Ихъ раздѣлили на нѣсколько кучекъ, каждую тщательно перетасовали, передавая изъ рукъ въ руки и снова соединили въ одну стопу.

Одинъ крупье предложилъ кому нибудь изъ публики снять. Снимаетъ обыкновенно кто нибудь изъ публики, изображающей «галерку». Стопу картъ, состоящую изъ шести игръ, перерѣзаютъ въ какомъ нибудь мѣстѣ листкомъ бѣлаго картона, верхнюю часть кладутъ внизъ, а нижнюю наверхъ. Само собою понятно, что снимающій оказываетъ неизвѣстное но непосредственное вліяніе на слѣдующую талію, которая вполнѣ опредѣляется расположеніемъ картъ.

«Кто желаетъ снять?»—спрашивалъ крупье, послѣ того какъ многіе изъ присутствовавшихъ отказывались сыграть роль слѣпой судьбы.

Игроки почти всѣ безъ исключенія суевѣрны и часто думаютъ, что у нихъ «несчастливая рука». Другіе боятся «разсердить судьбу», вмѣшиваясь въ ея дѣла. Ея величество требуетъ почтительнаго отношенія. Нѣкоторые, наконецъ, боятся навлечь на себя неудовольствіе кого нибудь, кому придется не по вкусу слѣдующая талія.

Объектъ нашихъ наблюденій съ обиженнымъ видомъ смотрѣла на столъ, рисуя какія то арабески на картѣ.

Крупье не могъ такимъ образомъ встрѣтиться съ ней взглядомъ. Наконецъ удивленная долгимъ ожиданіемъ, причины котораго она не знала, она подняла глаза. Крупье предложилъ ей карты.

«И направь мою руку»... донеслось до нея изъ сада.

Не отдавая себѣ отчета, почти безсознательно взяла она листокъ картона...

«Сжалься... сжалься!..—Нѣтъ, нѣтъ!..» и сунула его куда-то между 312-ю картами. Она сама опредѣлила будущую талію! Какъ жаль!

Первый выигрышъ палъ на красное.

Два луидора, которые такъ долго спокойно лежали тамъ и помѣшали ей уйти послѣ предыдущей таліи, исчезли въ одну секунду.

Теперь ужъ дѣйствительно приходилось встать. Что же иначе?

— Rouge perd?—красное проигрываетъ, воскликнулъ крупье.

О, конечно, красное проигрываетъ, а черное выигрываетъ теперь, когда она ничего не поставила.

И снова:—«Rouge perd!»

И еще разъ. И еще разъ. И еще разъ!

Черное выиграло разъ семь или восемь подрядъ.

— Повидимому, это цѣлая серія чернаго. Вамъ слѣдовало, сударыня, поставить на черное,—сказалъ за ея стуломъ одинъ изъ пророковъ, прекрасно предсказывающихъ то, что уже случилось.

Ахъ, да, она должна была поставить! Можетъ быть, теперь поставить? Теперь еще?

— Rouge perd! Опять черное выиграло.

— Десятый разъ,—сказалъ пророкъ.—Видите, я говорилъ вамъ, что это цѣлая черная серія. Если она только не оборвется преждевременно, то можетъ еще нѣсколько разъ подрядъ выпасть черное.

Совершенно справедливо. Если будетъ выпадать черное, то серія станетъ еще длиннѣе. Если серія будетъ длиннѣе, то выпадетъ еще черное. Очевидно этотъ человѣкъ обладалъ талантомъ настоящаго застольнаго политика.

— Rouge perd!

Крикнулъ крупье.

— Что я говорилъ?—торжествовалъ прорицатель.

— Rouge perd!

— Полная дюжина! Двѣнадцать на черное! И если даже...

— Rouge perd!

— Тринадцать черныхъ! Я же говорилъ! Развѣ я не говорилъ? Вы видите, милостивый государь! Видите, сударыня! Серія изъ тринадцати, а можетъ быть и болѣе!

Кто знаетъ! Если и дальше все будетъ черное, тогда... ахъ погодите...

Вытянувъ шею, онъ слѣдилъ теперь, считая про себя падающія карты. И не онъ одинъ дѣлалъ это. Вся публика пришла въ волненіе. Многіе встали и наклонились надъ столомъ, поближе къ срединѣ, чтобы изъ перваго источника, поскорѣй насладиться ближайшимъ результатомъ.

— Rouge perd!—воскликнулъ крупье.

— Четырнадцать! Развѣ я не говорилъ, милостивый государь? Сударыня, развѣ я не говорилъ? Когда ужъ начнется какой-нибудь цвѣтъ... и если только не прервется...

— Rouge perd!

— Еще разъ! Пятнадцать разъ черное! Поразительно, не правда ли? Видите...

Надоѣдливый болтунъ показывалъ всѣмъ стоящимъ листокъ бумаги, на которомъ онъ записывалъ ходъ игры, и съ такой гордостью,

точно это онъ ее установилъ. Совершенно какъ политики за кружкой пива:

— Вѣдь мы говорили,—будетъ война, если только нарушатъ миръ.

— Rouge perd!

— О! шестнадцать! Поистинѣ изумительно! Но... этимъ надо было воспользоваться! Не хотѣли мнѣ вѣрить!

Почему же онъ самъ не игралъ въ такомъ случаѣ?

— Можно было выиграть цѣлое состояніе!

То же самое можно говорить при всякомъ выигрышѣ.

— Просто невѣроятно! Посмотрите, милостивый государь! Посмотрите, сударыня! Теперь ужъ шестнадцать! Да, да, это называется серія! И возможно, что... можетъ быть, кто знаетъ... Обратите вниманіе на слѣдующую ставку. Вы увидите... можетъ быть...

— Rouge perd!

— Что я говорилъ? Теперь ужъ семнадцать! Это, это...

— Это ужъ слишкомъ!—воскликнулъ Фридрихъ Плумпъ, этотъ «любимецъ наукъ», рѣшившійся, наконецъ, поставить талеръ на красное.

— Слишкомъ грандіозно! Клянусь честью! Такой серіи я не видалъ за всю мою жизнь!

За всю его жизнь!

Почтеннѣйшій господинъ Фридрихъ Плумпъ, преклоняюсь передъ вашей опытностью, но, милѣйшій мой, если серія изъ 17 черныхъ слишкомъ грандіозна, т.-е. невозможна, такъ какъ въ природѣ не бываетъ никакихъ «слишкомъ», почему же вы послѣ 16-ти не поставили на красное всѣхъ шести гульденовъ, которые были у васъ въ карманѣ?

— Rouge perd!—раздалось опять.

— Восемнадцать! О... а... что я говорилъ?

— Это ужъ слишкомъ!

— Rouge perd!

— А!.. О!.. девятнадцать! Это неслыханно!

Это баснословно! не правда ли? Не правда ли, сударыня?

— Нѣтъ, право, ничего подобнаго еще не случалось! Это ужъ дѣйствительно слишкомъ...

— Изумительно! Невѣроятно.

— C'est énorrrme!

— Kolos-saaal!

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, какъ философія роднитъ людей. Фридрихъ Плумпъ никогда не изучалъ французскаго языка, а французъ не понималъ ни звука по-нѣмецки. Но души ихъ такъ слились въ общемъ чувствѣ глубокаго изумленія, что они вполнѣ понимали другъ друга.

И вся «галерка», за немногими лишь исключеніями, вторила имъ.

Протяжное изумленное «ахъ», которое знаетъ всякій наблюдавшій за зрителями фейерверка, чередовалось со всевозможными другими восклицаніями, перечисленіе которыхъ утомило бы читателя. Еще краснорѣчивѣе было глубокое молчаніе, предшествовавшее всякій разъ взрыву изумленій. Точно каждый боялся помѣшать «судьбѣ», посылавшей ему серію черныхъ. Но какъ только появлялся новый отпрыскъ, всѣ сдерживаемые «ахи» вырывались съ удвоенной силой. Это былъ точно одинъ общій вздохъ, отражавшій что-то среднее между чувствомъ дурноты съ одной стороны и чувствомъ освобожденія отъ слишкомъ гнетущей тяжести сдерживаемаго изумленія.

Пусть не думаютъ, что этотъ глубокій интересъ былъ въ какой-нибудь связи съ проигрышемъ и выигрышемъ. Почти никто не игралъ, даже и самъ Фридрихъ Плумпъ. Онъ перебиралъ въ карманѣ оставшіеся три талера, но не рѣшался поставить ни одного изъ нихъ. Игроки всегда нѣсколько смущаются въ такихъ случаяхъ. На столѣ было очень мало ставокъ, да и тѣ ставились вновь приходившими, не участвовавшими въ кризисѣ и безсознательно вступавшими въ борьбу съ судьбой. Воздержанность остальныхъ происходила изъ опасенія: «а вдругъ сила чернаго, наконецъ, истощится». Ставить же на красное противъ счастливаго цвѣта... гм... это опасно, это очень опасно!

Такъ пришло и 20-й разъ черное.

— Теперь это чрезвычайно опасно,—утверждалъ пророкъ,—вы понимаете, что черное... оно такъ упорно держалось... двадцать разъ... это колоссально! Видите ли, я сейчасъ объясню вамъ, что это значитъ. Нужно только понимать игру, въ этомъ все дѣло. Это такая талія, которая заключаетъ въ себѣ серію черныхъ. Видите, въ этомъ все дѣло! И оттого-то... Посмотрите теперь...

— Rouge perd!

— Что я говорилъ? Двадцать одинъ, милостивый государь, двадцать-одинъ! Это называется серія! Нужно знать игру! Черное стояло долго на заднемъ планѣ, теперь оно беретъ свое... вотъ и все! Снимала вѣдь, кажется, эта дама. Отстающій цвѣтъ всегда возьметъ свое, и вы увидите, что и этотъ разъ... если только красное не наберется силъ...

— Rouge perd!

— Что я говорилъ? Не говорилъ ли я? Ну, ужъ дѣйствительно. Нѣтъ, право, это, это...

Философъ не могъ уже подыскать прилагательныхъ. И всѣ они звучали какъ-то тише, съ маленькой задержкой. Точно всѣ приберегали силы для еще бо́льшаго взрыва изумленія. Точно судьба накопила столько чернаго, что не хватало силъ удивляться.

— Rouge perd.

— Двадцать два! Что я говорилъ? Черное...

А наша бѣдная маленькая женщина все сидѣла со своимъ неразмѣняннымъ билетомъ и какъ горько, ахъ, какъ горько ей было слы-

шать эти возгласы, ей, именно ей, такъ долго мечтавшей хоть о маленькомъ кусочкѣ такой серіи! О, какъ тяжело, какъ горько, какъ мучительно! Судьба, правда, точно нарочно смѣялась надъ ней. «Видишь, у меня есть въ запасѣ черныя серіи... только не для тебя!»

Ахъ, она бы охотно ушла, но у нея не хватало силъ. Зачѣмъ она не размѣняла билетъ сразу, какъ только проиграла послѣднія деньги? Тогда бы она не пропустила ни одной ставки! Тогда она въ нѣсколько ударовъ достигла бы цѣли! Тогда она встала бы съ этого мѣста пытокъ, сіяя радостью. Тогда она...

— Сударыня, вѣдь это вы снимали?—говорилъ, между тѣмъ, за ея стуломъ всезнающій философъ. Она чувствовала, что онъ считаетъ ее творцомъ этого чуда.

— Но только вы напрасно, сударыня, не воспользовались этимъ.

— Гм... Если бы вы могли, сударыня, гарантировать мнѣ еще такую же серію, то... э-э... то я бы зналъ, что дѣлать... ха, ха!

Надо предполагать, что подъ этимъ значительнымъ смѣхомъ скрывалось намѣреніе поставить на черное, если ему будетъ напередъ извѣстно, что предстоитъ такая же серія. Онъ снова какъ будто рекомендовалъ окружающимъ въ качествѣ виновницы всѣхъ происходящихъ чудесъ мою бѣдную мученицу.

— Да, эта дама умѣетъ снимать!—снова услышала она. Указывающій перстъ неотвязнаго корнака точно прожегъ ей спину.

А она все сидѣла, какъ будто утративъ сознаніе. Встать она не могла... Она чувствовала, что упадетъ, какъ только поднимется со стула. О размѣнѣ билета она тоже не думала больше. На какой цвѣтъ стала бы она ставить? Серія чернаго, которую она ждала съ такой надеждой, увѣренная, что «наконецъ она придетъ», теперь пришла, и даже гораздо больше, чѣмъ ей было нужно. Все то, на чемъ она строила свои смѣлые планы, свершилось, но для нея это была горькая насмѣшка.

Что же теперь?

Ей хотѣлось быть далеко, далеко отсюда, пожалуй, умереть.

И теперь, послѣ крушенія всѣхъ ея надеждъ, такъ жестоко измучившаго ее, ей предстояло еще новое мученіе. Она должна была разсказать все мужу! Она должна была сказать ему, что все, все погибло, что теперь и онъ, и она, и дѣти...

Чтобы получить обратно хоть 5.000 франковъ, ей слѣдовало...

Нѣтъ, думать она была не въ состояніи.

Отъ избытка горя она почти лишилась чувствъ. Точно уничтожалась.

Вдругъ она почувствовала, что къ ея плечу тихонько прикоснулся кельнеръ и говорилъ что-то:

— Одинъ луидоръ, пожалуйста, вашъ супругъ, тамъ, въ саду изволитъ спрашивать.

Это и раньше случалось, когда ихъ общій кошелекъ былъ у нея, а ему нужно было уплатить по счету въ ресторанѣ. Передъ тѣмъ только что мы видѣли, какъ онъ спросилъ себѣ стаканъ лимонада. Спокойный, домашній характеръ этого порученія привелъ ее въ себя. Цѣлые часы она думала исключительно о тысячахъ, точнѣе говоря о 40 тысячахъ, которыя были ей необходимы. Деньги, нужныя для повседневнаго обихода представлялись ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Два, три, шесть золотыхъ, составлявшіе ея обычную ставку, казались ей просто какими-то игорными костями, входными билетами въ страну завѣтныхъ 40.000 франковъ... Она совсѣмъ забыла, что это деньги, имѣющія сами по себѣ цѣнность. И вдругъ эта просьба мужа прислать ему монету для уплаты по какому-то маленькому счету, просьба, пробудившая ее изъ оцѣпенѣнія, овладѣвшаго всѣми стоявшими вокругъ зеленаго стола. Она, конечно, понимала, что ему нуженъ не весь золотой, но не могъ же онъ послать кельнера за нѣсколькими сантимами. И кромѣ того... Боже мой, конечно! Онъ хотѣлъ узнать, есть ли у нея еще луидоры! Надо успокоить его хоть въ этомъ. Она поспѣшно бросила свой билетъ крупье и хотѣла попросить дать ей мелкихъ денегъ. Но слова не шли у нея съ языка. Она буквально не могла произнести ни одного членораздѣльнаго звука...

Знаменитая серія давно окончилась, и талія, для которой она снимала, смѣнилась другой. Любители прятали карточки, на которыхъ была записана предыдущая серія какъ курьезъ, который много лѣтъ долженъ былъ служить теперь примѣромъ капризовъ судьбы. Билетъ, который она хотѣла размѣнять, упалъ на черное.

— Все?—ласково спросилъ крупье, давно привыкшій къ ея небольшимъ сравнительно ставкамъ.

Она хотѣла дать ему понять, что билетъ надо только размѣнять, но языкъ не слушался ея. Она поискала глазами лопаточку, чтобы съ помощью ея снять драгоцѣнную бумажку съ этого опаснаго мѣста, но та была въ рукахъ другихъ играющихъ. Когда она, наконецъ, освободилась и бѣдняжка схватила ее дрожащей рукой, крупье, принявшій ея молчаніе за согласіе, уже воскликнулъ:

— Tout va au billet! Rien ne va plus! *)

И своей лопаточкой онъ отстранилъ ту, которой она хотѣла спасти свое послѣднее достояніе изъ когтей проклятой игры.

— Извините, сударыня, ужъ поздно. Игра начата!

Дѣйствительно скоро первый рядъ былъ положенъ. Сорокъ—высшее число очковъ,—пало на красное.

— Что я говорилъ? Въ высшей степени опасно ставить теперь на черное. Послѣ такой таліи, какъ предыдущая... Вы понимаете... съ чер-

*) Ставка одинъ билетъ. Больше не стоитъ ничего.

нымъ теперь покончено. Теперь опять въ игрѣ красное, по крайней мѣрѣ... если на этотъ разъ... э, э... что я говорилъ.

Второй рядъ тоже далъ 40. Получился розыгрышъ.

— Посмотри-ка, банкъ опять не при чемъ!—сказала молодая голландка толстому, благодушному господину, повидимому, ея отцу.

Онъ держался съ преувеличеннымъ достоинствомъ и дѣлалъ видъ, что презираетъ игру. Иногда онъ, впрочемъ, рѣшался поставить два, три гульдена—«я вѣдь это такъ себѣ, въ шутку»,—но всегда въ отсутствіи дочерей. Дѣвицы тоже играли только, когда папаша не видѣлъ. Это было семейство, исполненное благочестія и добрыхъ принциповъ, все, что не принято, встрѣчало въ нихъ самыхъ строгихъ судей. Въ данную минуту молодая дама была занята тѣмъ, чтобы удержать папашу около игорнаго стола и дать возможность сестрѣ поиграть на рулеткѣ. Чтобы облегчить эту задачу и немного развлечься, она обратила вниманіе старичка на нашу бѣдняжку.

— Посмотри-ка вонъ на ту, около стола. Какой у нея видъ! Съ нея такъ потъ и льетъ. Ее слѣдовало бы просто отправить домой!

Это правда, капельки пота блестѣли у нея на лбу. И она была блѣдна, какъ смерть. Не знаю, правда ли, что съ черными теперь было плохо дѣло, какъ утверждалъ профессоръ игры, но съ моей бѣдняжкой дѣло было дѣйствительно плохо. Она не слышала ничего, что вокругъ говорилось, или, во всякомъ случаѣ, ничего не понимала. Все для нея сливалось въ какой-то утомительный гулъ. Едва ли она поняла, что значило это «сорокъ!» и «снова сорокъ!», и что игра оказалась ни въ чью. Она была совершенно не въ состояніи снять свою ставку. Она перестала сознавать сама себя, и если бы не толпа, плотно окружавшая ея стулъ, она навѣрно упала бы.

Наконецъ, и пророкъ рѣшился... первый разъ въ этотъ день.

— Я изучаю игру уже тридцать лѣтъ,—сказалъ онъ окружающимъ,—и я всегда находилъ, что..

Однимъ словомъ, по той или другой причинѣ, онъ рѣшился поставить цѣлый талеръ на красное. Это было верхъ осторожности съ его стороны. При такомъ глубокомъ знаніи тайнъ зеленаго стола, теперь, когда стоило только протянуть руку за счастьемъ, онъ довольствовался самой скромной ставкой. Благородный человѣкъ, онъ не хотѣлъ, очевидно, сорвать банкъ.

— Это ужъ вѣрный ударъ... по крайней мѣрѣ, если...

— Rouge perd!—воскликнулъ крупье.

— Чортъ возьми! Нѣтъ, только со мной можетъ случиться что-нибудь подобное. Подумайте только... Подумайте, сударыня. Вѣдь я уже совершенно точно, съ буквальной точностью, не правда ли? предсказывалъ каждый ударъ... И теперь, когда я самъ началъ играть... проклятье! Вы только посмотрите, сударыня, нѣтъ, пожалуйста, взгляните сюда!

И онъ доказывалъ съ помощью нѣсколькихъ картъ, что по всѣмъ

Божескимъ и человѣческимъ законамъ онъ долженъ былъ на этотъ разъ выиграть.

Теперь на черномъ лежали два билета по 1.000 франковъ. Владѣлица этой ставки совершенно оцѣпенѣла. Можетъ быть, она не сознавала даже, что эти билеты принадлежали ей. Тѣмъ лучше.

— Rouge perd!

Къ нимъ присоединилось еще два билета.

— Я бы сняла ихъ, если бы я была на ея мѣстѣ,—замѣтила голландка.—Теперь если она проиграетъ, у нея ничего не останется, и сама будетъ виновата.

Это правда. Но она не проиграла. Къ нимъ присоединилось еще четыре билета. Теперь ихъ лежало всего восемь... максимальная ставка. И еще четыре раза выпало на черное...

Всякій разъ оставлялась максимальная ставка.

— Сколько теперь всего билетовъ?—спросила наша мученица прерывающимся голосомъ, точно просыпаясь отъ ужаснаго сна.

— Сорокъ, сударыня,—отвѣтилъ крупье.—Вы, можетъ быть, хотите снять все?

— О, Боже, благодарю тебя! Да, да, дайте мнѣ все, всѣ, всѣ сорокъ... о Боже, благодарю тебя!

Крупье дружелюбно улыбался. Казалось, ему доставляло удовольствіе отсчитывать такую круглую сумму. Восемь разъ своей лопаточкой подвигалъ онъ ей по пяти билетовъ. Она схватила билеты, сжала ихъ въ безформенный комокъ и, отстраняя окружающихъ, побѣжала вонъ изъ залы.

— Не сбейте съ ногъ, ради Бога,—проворчала ея землячка такъ сердито, точно она ее въ самомъ дѣлѣ чуть не повалила. — Совсѣмъ рехнулась, кажется. И что у нея за простонародный языкъ! Навѣрно, изъ кухни выскочила, а можетъ быть и похуже! Одинъ грѣхъ съ этими деньгами, право! Богъ знаетъ, что она теперь съ ними сдѣлаетъ.

— А я былъ такъ увѣренъ, что черное кончилось! — жаловался нашъ пророкъ.

Но сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ доказывать, почему черное... когда оно кончилось... или когда оно еще въ дѣйствительности не вполнѣ кончилось... Однимъ словомъ, онъ могъ бы предвидѣть это и, конечно, поставилъ бы, если бы...

Я пошелъ за моей героиней. Горе пополамъ и радость пополамъ.

Мужъ ея сидѣлъ все на томъ же мѣстѣ, на которомъ мы его оставили часъ назадъ. Она подбѣжала къ нему, кинула завоеванное сокровище на столъ, бросилась ему на шею и вскричала:

— Спасены! Спасены! Вотъ они, всѣ сорокъ! Считай же! Считай! О, Боже, спасены! О Боже, благодарю тебя! А теперь... Никогда, никогда, никогда моя нога не будетъ въ этомъ проклятомъ аду.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА О „НЕВРОНАХЪ".

I.

Прошло съ небольшимъ 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ ученіи о нервной системѣ появилась столь извѣстная теперь теорія «невроновъ», основателемъ которой былъ знаменитый испанскій ученый Ramon y Cajal, а самый терминъ былъ придуманъ проф. W. Waldeyer'омъ въ 1891 г., и вскорѣ завоевалъ себѣ права гражданства въ наукѣ.

Въ настоящее врямя, когда движеніе впередъ біологическихъ наукъ, въ томъ числѣ и микроскопической анатоміи, совершается съ такой неимовѣрной быстротой, десятилѣтіе составляетъ въ жизни той или другой отрасли біологіи огромный промежутокъ времени. Въ указанный періодъ жизни біологіи можетъ безслѣдно исчезнуть не мало старыхъ и взамѣнъ ихъ народиться много новыхъ теорій и гипотезъ. Появленіе новыхъ методовъ изслѣдованія, изобрѣтеніе болѣе совершенныхъ физическихъ инструментовъ, а равно удачный выборъ подходящаго матеріала для наблюденій, могутъ открывать передъ нами новые горизонты въ извѣстной области біологіи, дать намъ много фактическихъ данныхъ или освѣтить иначе уже имѣющіеся факты.

Цѣль настоящей статьи указать, подвергалась ли за десятилѣтній промежутокъ времени теорія о «невронахъ» какимъ-либо существеннымъ измѣненіямъ, или же она сохранила и теперь полную свою цѣльность и неприкосновенность. Но прежде чѣмъ говорить о настоящемъ, намъ не мѣшаетъ заглянуть въ далекое прошлое, въ исторію развитія ученія о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ построена нервная система, а затѣмъ уяснить себѣ ихъ тонкое строеніе и коснуться той роли, какую они играютъ въ жизни организма.

Анатомы уже давно, еще со времени отца медицины Гиппократа (за 400 лѣтъ до Р. Хр.), знали о существованіи центральной нервной системы—головного и спинного мозга. Пользуясь простыми методами изслѣдованія, скальпелемъ, ножницами и пинцетомъ, они разсѣкали трупы животныхъ и людей и постепенно познакомились въ грубыхъ чертахъ съ устройствомъ различныхъ частей нервной системы, выяснили взаимныя отношенія и связь между ними. Мало того, помощью

тщательной препаровки, анатомомъ удалось даже констатировать, что всякій нервъ, по выходѣ своемъ изъ головного или спинного мозга, дѣлится на отдѣльныя вѣточки, которыя идутъ къ одному какому-либо органу или къ различнымъ органамъ. и въ нихъ окончательно распадаются на множество тончайшихъ ниточекъ; послѣднія внѣдряются въ вещество того или другого органа, могутъ быть еще прослѣжены въ немъ на извѣстномъ протяженіи, а затѣмъ уже, становясь чрезвычайно тонкими, ускользаютъ отъ наблюденія ихъ невооруженнымъ глазомъ.

Дальше изученія грубаго относительно устройства нервной системы анатомы не пошли; изслѣдованіе тонкаго строенія этой системы лежало внѣ предѣловъ описательной анатоміи и требовало примѣненія иныхъ методовъ изслѣдованія и сложныхъ физическихъ приборовъ. Оно стало возможнымъ лишь съ того времени, когда біологи для изслѣдованія тканей и органовъ животнаго организма начали прибѣгать къ различнаго рода реагентамъ и красящимъ веществамъ и къ сложнымъ оптическимъ приборамъ—микроскопамъ, или, говоря иначе, когда возникла новая отрасль біологіи — микроскопическая анатомія.

Заглянувъ въ исторію развитія ученія о тонкомъ строеніи нервной системы, мы увидимъ, что въ ней легко различить три періода.

Первый періодъ. Несмотря на то, что еще въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтій изслѣдователи уже стали пользоваться увеличительными стеклами для изученія тонкой структуры различныхъ тканей и органовъ, въ томъ числѣ и нервной системы, объ элементахъ, изъ которыхъ построена послѣдняя, существовали самыя смутныя представленія. Такъ, напр., *Giovanni Maria della Torre* въ своемъ сочиненіи «Nuove observazioni microscopiće», изданномъ въ 1776 г., говоритъ, что въ составъ какъ периферической, такъ и центральной нервной системы входитъ безчисленное количество прозрачныхъ «комочковъ» и «шариковъ», плавающихъ въ прозрачной жидкости. Шарики эти въ центральной нервной системѣ кажутся больше, чѣмъ въ нервахъ, гдѣ они якобы располагаются рядами и образуютъ нити или волокна. Подобное же мнѣніе о тонкомъ строеніи нервной системы высказали и многіе другіе ученые того времени, какъ, напр., *Prochasca*, извѣстный анатомъ *Monro* и др. Знаменитый врачъ и ученый *Felix Fontana* (1720—1805 г.), изслѣдуя периферическіе нервы, первый указалъ на то, что они состоятъ изъ большого количества прозрачныхъ, однородныхъ цилиндровъ, которые, по мнѣнію *Fontana*, представляютъ собою простѣйшіе органическіе элементы нервовъ. Каждый такой цилиндръ построенъ изъ оболочки, наполненной прозрачнымъ желеобразнымъ и нерастворимымъ въ водѣ веществомъ. Что касается головного и спинного мозга, то *Fontana* предполагалъ, что сѣрое и бѣлое вещество того и другого состоитъ изъ особенныхъ прозрачныхъ цилиндрическихъ каналовъ, которые на-

полнены особымъ прозрачнымъ веществомъ и изгибаются на подобіе кишекъ, почему и назвалъ вещество мозга — «кишечнику-подобнымъ веществомъ». Прилагаемые рисунки (фиг. 1 и 2) наглядно показываютъ, въ какомъ видѣ представлялъ себѣ *Fontana* строеніе нервовъ и вещество центральной нервной системы.

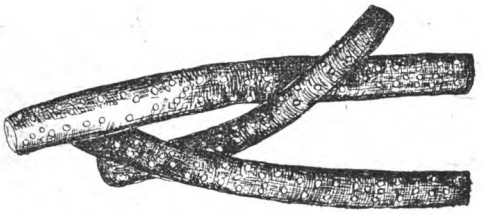

Рис. 1. Нервные цилиндры (F. Fontana, 1765—1787 г.).

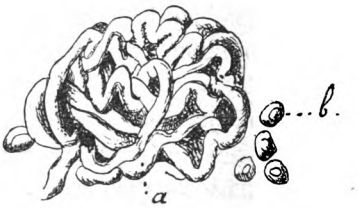

Рис. 2. Строеніе вещества мозга: a—цилиндрическіе канальцы, наполненные прозрачнымъ веществомъ и изогнутые на подобіе кишекъ; b — различныя тѣльца (F. Fontana, 1765—1787 г.).

Затѣмъ въ 1816 г. *Treviranus* подтвердилъ наблюденія *Fontana* и прибавилъ къ нимъ лишь то, что нервы являются трубочками, наполненными вязкимъ веществомъ, такъ назыв. «нервнымъ мозгомъ». Трубочки эти окружены оболочкой и, соединяясь въ нитки, составляютъ то, что мы называемъ нервами (фиг. 3 и 4). Очевидно, *Treviranus* видѣлъ тѣ нервныя волокна, которые мы называемъ теперь «мякотными» нервными волокнами.

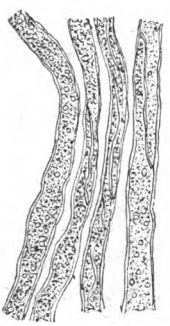

Рис. 3. Нервныя трубки изъ бедреннаго нерва лягушки (Treviranus, 1816 г.).

Рис. 4. Нервная трубка, содержимое которой, „нервный мозгъ“, нѣсколько отдѣлилось отъ оболочки (Treviranus, 1816 г.).

Вскорѣ (въ 1833 г.) изслѣдованіе тонкаго строенія нервной системы значительно подвинулось впередъ, благодаря наблюденіямъ, сдѣланнымъ *Ehrenberg*'омъ. Изучая при помощи микроскопа нервную систему у позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, онъ впервые не только видѣлъ, но и описалъ элементы, извѣстные теперь подъ назв. нервныхъ клѣтокъ; *Ehrenberg* назвалъ ихъ «образованіями довольно большими,

почти шаровидной формы и похожими на вещество железъ». Относительно нервныхъ волоконъ *Ehrenberg* дополняетъ наблюденія *Fontana* и говоритъ, что необходимо различать двоякаго рода волокна: одни изъ нихъ имѣютъ форму простыхъ цилиндрическихъ трубочекъ и входятъ въ составъ периферическихъ нервовъ, другія являются въ видѣ членистыхъ — четкообразныхъ трубочекъ и имѣются исключительно лишь въ головномъ и спинномъ мозгу.

Наблюденія *Ehrenberg*'а нѣкоторое время спустя, были подтверждены и дополнены тремя выдающимися изслѣдователями того времени— *Valentin*'омъ, *Purkinje* и *Remak*'омъ.

Valentin въ своей извѣстной работѣ «Ueber den Verlauf und das letzte Ende der Nerven» («Acta Acad. Leop.-Carol.». T. XVIII), появившейся въ печати въ 1836 г., разсматриваетъ нервную систему съ сравнительно-анатомической и физіологической сторонъ и въ то же время касается ея микроскопическаго строенія. По его наблюденіямъ, (первичныя) нервныя волокна представляютъ собою прямыя трубки, окруженныя особенною клѣточно-волокнистою оболочкою. Внутри каждой такой трубки помѣщается полужидкое свѣтлое и однородное содержимое, въ которомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ зернышекъ. Въ центральной нервной системѣ, а равно въ периферическихъ нервныхъ узлахъ (гангліяхъ), кромѣ волоконъ, имѣются еще особенныя образованія, которыя *Valentin* называетъ «гангліозными шариками» (Ganglienkugeln). Образованія эти кажутся шаровидной или продолговатой формы и состоятъ изъ клѣточной оболочки и зернистой паренхиматозной массы, которая пронизывается вязкимъ, нерѣдко имѣющимъ видъ нитей, веществомъ—«бластемою» (Blastem).

Въ этой массѣ располагается самостоятельное образованіе въ формѣ пузырька—ядро, въ которомъ, въ свою очередь, лежитъ маленькое прозрачное пятнышко—ядрышко (фиг. 5). Иногда, говоритъ далѣе *Valentin*, можно видѣть, какъ отъ гангліознаго шарика отходитъ отростокъ, что невольно наводитъ на мысль, не продолжается ли этотъ отростокъ въ нервное волокно. Такимъ образомъ, *Valentin* былъ очень близокъ къ открытію весьма важнаго факта—связи гангліозныхъ шариковъ (нервныхъ клѣтокъ) съ нервными волокнами. Но, къ сожалѣнію, онъ не предчувствовалъ всей важности высказаннаго имъ предположенія, вскорѣ позабылъ о немъ и въ концѣ своего труда говоритъ, что вся нервная система состоитъ изъ двухъ первичныхъ веществъ: изъ «шариковъ» и «первичныхъ волоконъ», изъ которыхъ первые являются дѣятельными, созидающи-

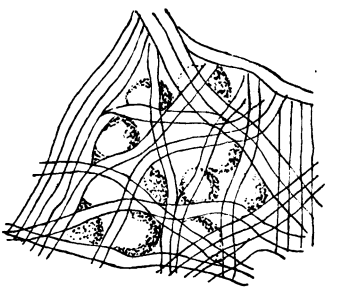

Рис. 5. Первичныя нервныя волокна и „гангліозные шарики“ изъ ушного ганглія (gangl. oticum) овцы. (Valentin, 1836 г.).

ми элементами, вторые же воспринимающими и проводящими (пассивными).

Затѣмъ въ 1839 г. *Purkinje* сдѣлалъ сообщеніе въ обществѣ естествоиспытателей въ Прагѣ о своихъ наблюденіяхъ надъ строеніемъ нервной системы.

Въ этомъ сообщеніи онъ указываетъ, что нервныя трубки (волокна) наполнены не полужидкимъ веществомъ, какъ это допускалъ *Valentin*, а заключаютъ въ себѣ «цилиндрической формы полоску», которая имѣетъ опредѣленную органическую структуру; но относительно послѣдней онъ высказывается очень осторожно и тутъ же дѣлаетъ оговорку, что она, быть можетъ, зависитъ отъ дѣйствія примѣняемыхъ имъ для изслѣдованія волоконъ реагентовъ. Изъ сказаннаго мы видимъ, что *Purkinje* впервые указываетъ на существованіе въ каждомъ нервномъ волокнѣ «осевой полоски», или, какъ мы называемъ ее теперь, «осевого цилиндра», самой существенной составной части всякаго нервнаго волокна.

Что касается собственно нервныхъ клѣтокъ, то *Purkinje* называетъ ихъ «гангліозными тѣльцами» и говоритъ, что они въ различныхъ отдѣлахъ центральной нервной системы имѣютъ различную форму, состоятъ изъ нервнаго зернистаго вещества и заключаютъ въ себѣ прозрачное пузырьковидное тѣльце—ядро; каждое гангліозное тѣльце окружено особою тонкою оболочкою.

Наконецъ, *Remak* въ цѣломъ рядѣ работъ, появившихся въ 1836, 1837 и 1838 годахъ, высказывается довольно опредѣленно, что содержимое нервной трубки (нервнаго волокна) представляется въ видѣ болѣе или менѣе плотнаго и прозрачнаго волокна (осевого цилиндра), окруженнаго толстою или тонкою оболочкою. По его наблюденіямъ, такъ называемыя сѣрыя (органическія) волокна, начинающіяся изъ симпатическихъ гангліевъ, отличаются отъ остальныхъ волоконъ тѣмъ, что они не имѣютъ никакой оболочки, почему и кажутся очень тонкими. Эти-то волокна начинаются отъ гангліозныхъ шариковъ (т.-е. клѣтокъ), входящихъ въ составъ симпатическихъ узловъ (гангліевъ). Далѣе, *Remak*, подобно вышеупомянутымъ изслѣдованіямъ, описываетъ гангліозные шарики съ ядрами въ различныхъ отдѣлахъ спинного и головного мозга; онъ, повидимому, даже замѣтилъ, какъ отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ образованій отходили болѣе или менѣе длинные отростки. Волокна, описанныя впервые *Remak*'омъ подъ видомъ тонкихъ нитей, начинающихся въ симпатическихъ гангліяхъ, до сихъ поръ сохранили названіе *Remak*'овскихъ волоконъ.

Такимъ образомъ, лишь въ началѣ XVIII столѣтія учеными впервые были открыты и описаны два самыхъ существенныхъ элемента нервной системы—«нервныя волокна» и «клѣтки», причемъ одновременно съ этимъ было извѣстно, что волокна имѣютъ извѣстную структуру—состоятъ изъ основной полоски, покрытой или лишенной оболо-

чекъ, и даже высказывалось предположеніе о связи волоконъ съ гангліозными шариками, т.-е. клѣтками. Что такое представляютъ собою гангліозные шарики и нервныя волокна, каково ихъ тонкое строеніе и въ какомъ отношеніи они стоятъ другъ къ другу—вопросы эти въ то время оставались нерѣшенными. Открытые указанными выше изслѣдователями факты получили извѣстный смыслъ и значеніе лишь тогда, когда трудами ученыхъ, *Schleiden*'а и *Schwann*'а, было прочно установлено, что въ составъ всѣхъ растительныхъ и животныхъ тканей и органовъ входятъ особые, микроскопической величины, анатомическіе элементы—«клѣтки», т.-е., короче говоря, когда была создана такъ называемая «клѣточная теорія». Съ этихъ поръ начинается второй періодъ въ ученіи о нервной системѣ,—періодъ, давшій намъ богатый фактическій матеріалъ, сохранившій свою цѣнность и по настоящее время.

Второй періодъ. Я не намѣренъ въ настоящей статьѣ касаться подробно этой теоріи, желаю лишь вкратцѣ напомнить читателю, въ чемъ заключается ея сущность и почему она имѣетъ для насъ столь важное значеніе. *Schleiden* и *Schwann* (въ 1838 и 1839 г.), изслѣдуя при помощи микроскопа ткани и органы растеній и животныхъ, замѣтили, что въ составъ каждой ткани, каждаго органа входятъ микроскопическія образованія различной величины и формы. Образованія эти имѣютъ опредѣленную организацію и представляютъ собою родъ камеры—«cellula», ограниченной болѣе или менѣе толстою стѣнкою—«оболочкою». Внутри каждой такой камеры находится жидкое содержимое—«клѣточный сокъ», въ составъ котораго входитъ вода, растворъ различныхъ солей и бѣлковыхъ веществъ и пр.; въ немъ помѣщается небольшое круглое или овальное тѣльце—«ядро», съ однимъ или нѣсколькими зернышками внутри—«ядрышками». Эти-то образованія и получили названіе клѣтокъ, которое хотя и потеряло въ настоящее время прежнее свое значеніе, но тѣмъ не менѣе удерживается въ наукѣ и теперь, въ память людей, указавшихъ впервые на существованіе клѣтокъ и этимъ положившихъ прочныя основы всей современной біологіи. Вскорѣ *Schleiden*'омъ *Schwann*'омъ и многими другими изслѣдователями было доказано, что клѣтки являются единственными простѣйшими анатомическими элементами всякаго организма, что онѣ питаются, усваиваютъ принятую пищу, растутъ и размножаются. Однимъ словомъ, было установлено, что клѣтки являются живыми элементами и обладаютъ всѣми свойствами, присущими всякому живому существу. Изъ клѣтокъ же, путемъ ихъ дифференцировки, получаются всѣ растительные и животные ткани и органы. За самую важную и существенную составную часть каждой клѣтки *Schleiden* и *Schwann* признавали клѣточную оболочку, всѣмъ же остальнымъ ея частямъ придавали второстепенное значеніе; теорія, основанная трудами этихъ ученыхъ, получила названіе «клѣточной теоріи». Съ построеніемъ этой

теоріи существеннымъ образомъ измѣнился и взглядъ ученыхъ на строеніе нервной системы. Тѣ элементы, которые прежними изслѣдователями назывались «гангліозными шариками» или «тѣльцами» были признаны за клѣтки, т.-е. за живыя простѣйшія частицы, изъ жизни и дѣятельности которыхъ слагается жизнь всей какъ периферической, такъ и центральной нервной системы.

Такимъ образомъ, съ момента основанія клѣточной теоріи, ученіе о тонкомъ строеніи нервной системы вступило въ новый періодъ своего развитія.

Этотъ второй періодъ въ исторіи развитія ученія о нервной системѣ начинается съ 1838—1839 гг. и оканчивается 1880 г. *Schwann*, въ своей выдающейся работѣ «Mikroskopische Untersuchungen über die Uebereinstimmung in der Struktur und dem Wachstum der Thiere und Pflanzen» (Berlin, 1838), первый призналъ гангліозные шарики за клѣтки и говоритъ, что элементарными образованіями нервной системы являются нервныя клѣтки и волокна. Между нервными волокнами периферическихъ нервовъ *Schwann* различаетъ такъ называемыя бѣлыя и сѣрыя (или органическія) волокна. Первыя кажутся подъ микроскопомъ рѣзко очерченными темными краями, присутствіе которыхъ обусловлено тѣмъ, что каждое такое волокно окружено особенной оболочкой; отъ нея зависитъ бѣлый цвѣтъ нервовъ при разсматриваніи ихъ невооруженнымъ глазомъ. Оболочка эта, какъ полагалъ *Schwann*, состоитъ изъ бѣлаго вещества, которое въ видѣ болѣе или менѣе толстаго слоя окружаетъ собою довольно плотное осевое волокно (осевой цилиндръ). Кромѣ того, кнаружи отъ только что означенной оболочки *Schwann* находитъ еще тонкую, по его мнѣнію, клѣточную оболочку, которая до настоящаго времени сохранила названіе оболочки *Schwann*'а, хотя первоначально сдѣланное *Schwann*'омъ предположеніе о клѣточномъ ея строеніи не оправдалось впослѣдствіи. Что касается сѣрыхъ волоконъ, то, по описанію *Schwann*'а они гораздо тоньше бѣлыхъ, прозрачны и не имѣютъ никакой оболочки. Гангліозные шарики *Schwann* признаетъ за клѣтки шаровидной формы, состоящія изъ безструктурной оболочки, зернистаго содержимаго и ядра съ ядрышкомъ, причемъ и по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ оболочку *Schwann* считаетъ самою существенною и необходимою для жизни частью этихъ элементовъ.

Вскорѣ затѣмъ, въ 1840 г., появилась работа *Hannover*'а, который сталъ примѣнять для изслѣдованія центральной и периферической нервной системы растворы хромовой кислоты и пришелъ къ результатамъ, имѣющимъ для насъ особенно важное значеніе. Прежде всего изучая цереброспинальныя нервныя волокна, онъ замѣтилъ, что осевая часть каждаго волокна—«осевой цилиндръ»—окружена особымъ, свертывающимся отъ дѣйствія хромовой кислоты, веществомъ, которому онъ далъ названіе «мозгового вещества»; послѣднее покрываетъ еще

снаружи тонкая клѣточная оболочка. Далѣе, основываясь на изученіи головного и спинного мозга, онъ впервые высказался вполнѣ опредѣленно, что *нервныя клѣтки* (фиг. 6) *въ теченіе всей своей жизни стоять въ непосредственной связи съ нервными волокнами*, причемъ отъ одной клѣтки, по его наблюденіямъ, начинаются обыкновенно два нервныхъ волокна. Вѣрность этого открытія, какъ мы увидимъ ниже, была впослѣдствіи подтверждена другими учеными, а само оно легло въ основу ученія о нервной системѣ.

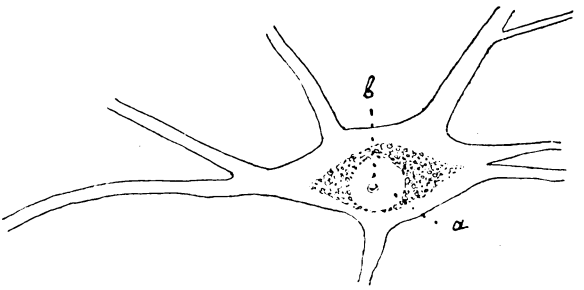

Рис. 6. Нервная клѣтка съ отростками (продолговатый мозгъ); a—ядро; b—ядрышко. (Hannover, 1840 г.).

Наблюденія *Schwann*'а и *Hannover*'а постепенно подтверждались и дополнялись другими изслѣдователями, напр., *Henle*, *Krause*, которые различаютъ въ нервныхъ волокнахъ периферическихъ нервовъ три составныхъ части: «неврилемму» (клѣточную оболочку), «мозговую оболочку», нервный мозгъ, и «осевое волокно», и указываютъ, что нервныя волокна центральной нервной системы имѣютъ лишь одну мозговую оболочку. Что касается строенія нервныхъ клѣтокъ, то большинство изслѣдователей ограничиваются подтвержденіемъ того, что было высказано ихъ предшественниками и, повидимому, совершенно игнорируютъ сдѣланное *Hannover*'омъ открытіе относительно связи нервныхъ волоконъ съ нервыми клѣтками. Были среди нихъ даже и такіе изслѣдователи, какъ, напр., *Stilling* и *Wallach*, которые упорно отрицали самое существованіе нервныхъ клѣтокъ и утверждали, что онѣ представляютъ собою не что иное, какъ образованія, возникшія искусственно, отъ обработки нервной ткани реагентами. Такимъ образомъ, несмотря на открытіе *Hannovera*'а, вопросъ о связи нервныхъ клѣтокъ съ волокнами, вопросъ первостепенной важности, оставался еще открытымъ.

Лишь въ 1842 г. великій физіологъ и физикъ *Helmholtz* въ своей докторской диссертаціи о нервной системѣ у безпозвоночныхъ («De fabrica systematis nervosi evertebratorum») указалъ совершенно опредѣленно, въ формѣ неоспоримаго факта, что у безпозвоночныхъ (у Hirudo vulgaris—обыкновенной піявки) нервныя клѣтки стоятъ въ непосредственной связи съ нервными волокнами. Вотъ почему, вѣроятно,

многіе ученые честь открытія связи нервныхъ волоконъ съ клѣтками приписываютъ *Helmholtz*'у, забывая, что первыя указанія на это были уже сдѣланы *Hannover*'омъ.

Вслѣдъ за этимъ *Will* и *Sünthee* подтвердили изслѣдованія *Helmholtz*'а надъ безпозвоночными, а *Hannover* въ новой своей работѣ, появившейся въ 1842 г., подробно описываетъ и изображаетъ связь нервныхъ волоконъ съ клѣтками какъ въ центральной нервной системѣ, такъ и въ периферическихъ (симпатическихъ) гангліяхъ. Связь эту *Hannover* представлялъ себѣ такимъ образомъ, что тонкая оболочка клѣтки непосредственно переходитъ на полый нервный цилиндръ (осевой цилиндръ), а содержимое прямо изливается въ послѣдній. Что касается нервныхъ волоконъ, то онъ различаетъ такъ называемыя мякотныя волокна отъ безмякотныхъ; первыя состоятъ изъ тонкой наружной оболочки, мозгового вещества (мякоти) и осевого цилиндра, вторыя, къ которымъ принадлежатъ симпатическія (органическія) волокна, являются лишь въ видѣ нѣжныхъ, тонкихъ и пунктированныхъ нитей. Осевой цилиндръ, по представленію *Hannover*'а, долженъ имѣть видъ полой трубки. Помимо того, *Hannover*, изучая периферическіе (симпатическіе) гангліи, также видѣлъ въ нихъ связь нервныхъ волоконъ съ гангліозными нервными клѣтками.

Въ томъ же году *Bidder* и *Vollkmann*, а затѣмъ *Kölliker* (въ 1844 г.) изслѣдовали симпатическіе гангліи и пришли къ тому заключенію, что не всѣ волокна въ нихъ происходятъ изъ цереброспинальной нервной системы—нѣкоторыя изъ Ремаковскихъ (органическихъ) волоконъ несомнѣнно начинаются отъ самихъ симпатическихъ клѣтокъ. Мало того, *Kölliker*, изучая спинномозговыя гангліи, замѣтилъ, что отъ многихъ грушевидной формы клѣтокъ этихъ гангліевъ отходитъ по одному блѣдному отростку, который раньше или позже становится двуконтурнымъ мякотнымъ волокномъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя *Reichert* (1845 г.), *Harles* (1846 г.), *R. Wagner* (1847 г.) и *Bidder* (1847 г.) стали подыскивать болѣе удобный объектъ для изученія связи нервныхъ волоконъ съ клѣтками; такимъ объектомъ оказались различныя рыбы, а именно—электрическіе скаты (Raja, Torpedo и др.), а равно нѣкоторыя костистыя рыбы (Esox Lucius, Gadus Lota и др.). Въ спинномозговыхъ и симпатическихъ гангліяхъ ихъ были найдены клѣтки веретенообразной формы, причемъ удалось констатировать, что отъ полюсовъ каждой такой клѣтки отходитъ по одному отростку, который затѣмъ продолжается непосредственно въ нервное волокно. Далѣе было установлено, что въ lobus electricus и въ центральной нервной системѣ имѣются клѣтки со многими отростками, изъ которыхъ нѣкоторые подвергаются дѣленію.

Затѣмъ въ 1850 г. появился учебникъ микроскопической анатоміи

извѣстнаго ученаго *Kölliker*'а, въ которомъ авторъ, между прочимъ, отвелъ много мѣста описанію тонкаго, микроскопическаго строенія периферической и центральной нервной системы, основанному на данныхъ, частью добытыхъ имъ самимъ, частью полученныхъ цѣльнымъ рядомъ поименованныхъ выше изслѣдователей.

Въ этой книгѣ мы находимъ сводъ всего того, что было сдѣлано въ области нервной системы, и съ появленіемъ ея всѣ изслѣдователи, работающіе надъ строеніемъ периферической и центральной нервной системы, принимали въ соображеніе и пользовались собраннымъ въ ней матеріаломъ, который былъ критически провѣренъ и дополненъ авторомъ.

Авторъ книги раздѣляетъ нервныя трубки, или волокна, на мякотныя и безмякотныя. Первыя построены изъ весьма тонкой безструктурной оболочки (Шванновой оболочки), за которою непосредственно слѣдуетъ нервный мозгъ (мозговая оболочка *Purkinje*, или бѣлое вещество Schwann'a), образующій трубку цилиндрической формы; внутри послѣдней помѣщается центральное волокно, или осевой цилиндръ, который представляется нѣсколько извитымъ, болѣе или менѣе сплющеннымъ, весьма эластичнымъ и плотнымъ. Волокна второго рода состоятъ лишь изъ тонкой нервной оболочки и осевого цилиндра. Что касается нервныхъ клѣтокъ, то онѣ находятся какъ въ периферическихъ гангліяхъ, такъ и въ сѣромъ веществѣ центральной нервной системы. Въ каждой нервной клѣткѣ, говоритъ далѣе *Kölliker*, можно ясно отличить тонкую безструктурную оболочку, которая особенно хорошо выражена въ клѣткахъ гангліевъ, и мягкое эластичное вещество— содержимое клѣтки; оно кажется однороднымъ, безструктурнымъ и содержитъ въ себѣ различнаго рода зернышки, причемъ въ немъ помѣщается ядро съ ядрышкомъ. Нервныя клѣтки имѣютъ различную величину и форму, многія изъ нихъ посылаютъ отъ себя отростки, которые нерѣдко подвергаются дѣленію и носятъ характеръ безмякотныхъ нервныхъ волоконъ. Въ клѣткахъ гангліевъ можно констатировать переходъ отростковъ въ мякотныя нервныя волокна. Въ спинномъ мозгу *Kölliker* подробно описываетъ клѣтки центральнаго сѣраго вещества (substancia grisea centralis) и subst. gelatinosa заднихъ роговъ; клѣтки эти имѣютъ небольшую величину и отъ нихъ отходятъ отростки, связи которыхъ съ нервными волокнами констатировать нельзя. Далѣе, въ области заднихъ роговъ спинного мозга *Kölliker* указываетъ на существованіе клѣтокъ со многими отростками (отъ 2 до 9); содержимое ихъ кажется зернистымъ, причемъ оно непосредственно продолжается на клѣточные отростки, которые представляются то мелко-зернистыми, то слегка исчерченными въ продольномъ направленіи. Отростки эти многократно дѣлятся и, въ концѣ концовъ, распадаются на очень тонкія волоконца.

Затѣмъ *Kölliker* даетъ описаніе клѣтки продолговатаго и большого мозга и приходитъ къ тому заключенію, что связь нервныхъ волоконъ съ клѣтками несомнѣнно можетъ быть установлена лишь по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ гангліевъ.

Таковъ вкратцѣ сводъ знаній о тонкомъ строеніи элементовъ нервной системы, добытыхъ трудами многочисленныхъ изслѣдователей почти въ теченіе 74-лѣтняго періода времени. Знанія эти, какъ мы видимъ, нельзя назвать особенно обильными, и если мы сравнимъ ихъ съ результатами наблюденій, сдѣланныхъ 50 лѣтъ спустя, они намъ покажутся лишь слабою попыткою приподнять уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ чудеса тонкаго строенія нервной системы! Какую организацію имѣютъ нервныя клѣтки и волокна, стоятъ ли тѣ и другія въ тѣсной связи другъ съ другомъ въ центральной нервной системѣ, каково взаимное ихъ отношеніе въ разныхъ отдѣлахъ послѣдней и въ периферическихъ гангліяхъ, какую роль играютъ различныя части этихъ элементовъ и пр., все это вопросы, рѣшеніе которыхъ выпало на долю изслѣдователей послѣдняго пятидесятилѣтія. Несмотря на трудность рѣшенія этой задачи со многими неизвѣстными, нужно сказать, что ученые справились съ нею блестящимъ образомъ, и почти съ каждымъ днемъ число неизвѣстныхъ въ ней дѣлается все меньше и меньше. Настанетъ ли, наконецъ, время, когда мы въ состояніи будемъ сказать, что задача рѣшена окончательно—это скажетъ будущее.

Успѣшному рѣшенію неизвѣстныхъ задачи не мало способствовало то обстоятельство, что со времени основанія клѣточной теоріи взглядъ нашъ на клѣтку, вообще, измѣнился существеннымъ образомъ. Наблюденія, сдѣланныя *H. V. Moll*'емъ, *Remak*'омъ, *Kölliker*'омъ, *Dujarden*'омъ, *R. Virchow*'ымъ, *Haeckel*'емъ, извѣстнымъ физіологомъ *Brücke, M. Schultze* и многими другими изслѣдователями надъ различными—животными и растительными—клѣтками, привели къ тому, что на клѣтку перестали смотрѣть, какъ на камеру, состоящую изъ оболочки, жидкаго содержимаго и ядра; вмѣстѣ съ этимъ перестали считать оболочку за самую существенную и необходимую часть клѣтки. Было доказано, что большинство животныхъ клѣтокъ не имѣетъ совсѣмъ оболочки, и что жизнь всякой клѣтки тѣсно связана съ особымъ, вязкимъ, слегка зернистымъ веществомъ, которое нерастворимо и не смѣшивается съ водою, сильнѣе преломляетъ лучи свѣта, чѣмъ послѣдняя, и имѣетъ слабо-щелочную реакцію. Вещество это окрестили названіемъ «протоплазмы», причемъ клѣтку стали разсматривать, какъ «живой комокъ протоплазмы», часто заключающій въ себѣ маленькое тѣльце—ядро, съ небольшимъ зернышкомъ внутри ядрышкомъ, и одаренный всѣми признаками, характеризующими всякое живое существо. Затѣмъ *Brücke* была высказана мысль, что комочки живого вещества, или про-

топлазмы, несмотря на кажущуюся однородность и простоту организаціи, на самомъ дѣлѣ, вѣроятно, имѣютъ весьма сложное строеніе, и поэтому предложилъ слово «клѣтка» замѣнить словомъ «элементарный организмъ». Почти одновременно съ этимъ трудами великаго патолого-анатома *Virchow'*а былъ прочно установленъ фактъ первостепенной важности, что всякая клѣтка не возникаетъ вновь изъ какого-либо неорганизованнаго вещества, а постоянно происходитъ изъ существующей уже материнской клѣтки путемъ ея дѣленія. Однимъ словомъ, было доказано, что «всякая клѣтка происходитъ изъ клѣтки»— «omnis cellula e cellula. Въ этомъ комочкѣ живого вещества сначала дѣлится на двѣ равныя части ядро, а потомъ и самый комочекъ, вслѣдствіе чего получаются двѣ молодыя клѣтки съ ядромъ въ каждой изъ нихъ.

Такимъ образомъ, благодаря трудамъ вышепоименованныхъ ученыхъ, въ особенности *M. Schultze* и *Brücke*, клѣточная теорія пала въ началѣ 60-хъ годовъ и мѣсто ея заступила такъ назыв. «протоплазматическая теорія». Установившійся новый взглядъ на клѣтку, какъ на сложную элементарную организацію, понятно не могъ не отразиться и на ученіи о нервной системѣ, на нашемъ представленіи о строеніи, взаимной связи и функціи элементовъ этой системы, т.-е. нервныхъ клѣтокъ и волоконъ.

Проф. **А. С. Догелъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГОРОДЪ.

Сонетъ.

Громадный городъ жилъ тревогою ночною;
Надъ нимъ въ протяжный гулъ смѣшались голоса.
Вокругъ былъ шумъ и блескъ. Серебряною мглою
Отъ тысячи огней дымились небеса.

И только далеко, за темною Невою,
Багровымъ заревомъ свѣтилась полоса:—
Тамъ уходилъ закатъ, тамъ жизнью намъ чужою
Дышала вечера предсмертная краса.

О вечеръ!—думалъ я—надъ каменной громадой
Зачѣмъ мерцаешь ты зловѣщею лампадой?
Въ забытыхъ небесахъ такъ холодно горя,

Какое таинство скрываешь ты надъ нами?
Погасни, не гляди кровавыми очами,
Заря далекая, зловѣщая заря...

Сергѣй Маковскій.

НОВЫЕ ПОБѢГИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

Три новыхъ сборника стихотвореній: *Ив. Бунинъ*, „Стихотворенія“, Сбп. 1903 г. *А. М. Федоровъ*, „Стихотворенія“. Спб. 1903 г. *К. Бальмонтъ*, „Будемъ какъ солнце“, Москва, 1903 г.—Общая черта въ поэзіи Бунина, Федорова и Бальмонта: поэты „радости бытія“. — Различное отношеніе къ этому девизу представителей новаго направленія въ современной поэзіи. — Недавніе представители поэзіи „гнѣва и скорби“ въ 80-хъ годахъ и ихъ лѣтописецъ Н. А. Котляревскій. Общіе выводы его брошюры.—Тезисъ г. Андреевскаго, подводящаго итоги стихотворцамъ конца XIX-го в. — Упадокъ поэзіи въ прежней метрической формѣ и расцвѣтъ художественной прозы.—Правда и неправда въ „діагнозѣ“ г. Андреевскаго.—Пробужденіе новаго интереса къ поэзіи за послѣдніе годы.—Общая характеристика стихотвореній гг. Бунина и Федорова.—Разборъ поэтическаго творчества г. Бальмонта.—Смѣшанный характеръ его произведеній.—Мечта и дѣйствительность въ поэзіи г. Бальмонта.—Основныя черты его міропониманія. Языкъ символовъ. Самооцѣнка поэта. Виртуозность формы, осо бенности языка и элементы истинной поэзіи въ его стихахъ.

Три томика стихотвореній—Ив. Бунина, А. М. Федорова и К. Бальмонта—появились въ нынѣшнемъ году весьма своевременно, чтобы по нимъ опредѣлить нѣкоторыя черты современной русской поэзіи, или по крайней мѣрѣ того направленія, въ которомъ развиваются новѣйшіе ея представители. Правда, г. К. Бальмонтъ уже не совсѣмъ «новый» поэтъ: онъ въ достаточной мѣрѣ выяснялся за тѣ 10—15 лѣтъ, что онъ печатается и въ журналахъ и въ отдѣльныхъ собраніяхъ своихъ стихотвореній; но послѣдній сборникъ несомнѣнно даетъ и новое впечатлѣніе его личности, какъ поэта; новое — въ перемежку со старымъ; есть все же и весьма замѣтное «расширеніе» индивидуальности автора и проявленіе какихъ-то еще не вполнѣ разгаданныхъ свойствъ его, во всякомъ случаѣ, яркаго и очень интереснаго дарованія.

Одна черта сразу устанавливаетъ нѣкоторое сродство настроенія у всѣхъ трехъ названныхъ поэтовъ—и не только у нихъ: это общее теперь, очевидно, «носится въ воздухѣ».

За поэтами «гнѣва и скорби», за пѣснями унынія и скорбнаго разочарованія, теперь выступаютъ пѣвцы «радости бытія». Младшій изъ названныхъ поэтовъ, г. Ив. Бунинъ, заявляетъ:

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня,
Не краски я стремлюсь подмѣтить,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ—
Любовь и радость бытія.

Въ другомъ стихотвореніи:

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходитъ,
Межъ тѣмъ какъ *счастье жить во вѣки не умретъ*...

И еще:

Выйди въ небо, солнце безъ ненастья,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что *вся жизнь—день радости и счастья!* и. т. п

Г. Федоровъ, въ общемъ, гораздо элегичнѣе; печаль и тоска зачастую навѣщаютъ его музу; поэтъ жалуется на одиночество и стремится къ одиночеству; ему представляется, что — «съ жизнью обманъ неразлученъ». Однако и онъ внемлетъ радостнымъ созвучьямъ, лишь недоумѣвая ихъ источнику:

Я не знаю, откуда несется ко мнѣ
Эта свѣтлая пѣснь о любви и веснѣ?

Она раздается среди зимняго ненастья, послѣ того, какъ поэта «грызла тоска» и неудачи надъ нимъ «смѣялись»: «А теперь, вперекоръ имъ, звучатъ голоса—Ободряющей полные ласки»... Оказывается, что фіалки какимъ-то чудомъ уцѣлѣли на снѣгу — «И губительный вѣтеръ весны ароматъ — Не развѣялъ по степи унылой!»

Опьяняетъ меня жизни трепетъ и хмѣль...
Но откуда? Гдѣ пѣсенъ такихъ колыбель?!

Это недоумѣніе и вопросъ откуда?—характерны для индивидуальности г. Федорова; но, какъ бы то ни было, безсознательно-радостныя настроенія ему также знакомы и поэтъ, въ перемежку съ печалью одиночества, склоненъ и къ очень оптимистическимъ выводамъ. Въ стихотвореніи «Урожай» авторъ, предавъ проклятью голодъ со всѣми его ужасами, слышитъ «какой-то голосъ дальный», который льется въ душу словно съ неба:

„Успокойся, другъ печальный,
Будетъ всѣмъ довольно хлѣба.
За великій трудъ въ награду,
За великое смиренье,
Людямъ Богъ пошлетъ отраду,
А полямъ благословенье".

Если порой г. Федоровъ уподобляетъ свои скорбныя пѣснопѣнья слезамъ людскимъ и стенаньямъ («Это не риѳмы, а слезы,—Это не пѣсня, а стонъ»), то слѣдомъ же онъ хотѣлъ бы обратить ихъ въ огненный дождь:

Бодрость несите забитымъ,
Сонныхъ будите, какъ громъ!

Авторъ, вообще, сочувствуетъ больше всего гордымъ и одинокимъ, но, что касается его личныхъ невзгодъ и печалей въ общей гармоніи жизни, то онъ самъ заявляетъ, въ стихотвореніи «Смерчъ»:

И отъ вздоховъ моихъ
Ни лазурное небо, ни даль, ни вода
Не оставятъ и тѣни слѣда.

Красота міра, бытія—выше, устойчивѣе личныхъ треволненій и, стало быть, какъ выразился г. Бунинъ,—«счастье жить» все-таки не умираетъ.

Г. Бальмонтъ съ первой же строки своего новаго сборника говоритъ:

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце...

И на слѣдующей страницѣ еще категоричнѣе:

Будемъ какъ солнце, оно—молодое,
Въ этомъ завѣтъ красоты.

Въ стихотвореніи «Другу» поэтъ настойчиво повторяетъ:

О, земля хороша, хороша, хороша!

И въ другомъ мѣстѣ, съ иной точки зрѣнія, но опять сводя на то же, поэтъ говоритъ:

Душенъ міръ, въ душѣ свѣжо,
Хорошо мнѣ, хорошо.

Если г. Бунинъ вдохновляется главнымъ образомъ объективнымъ созерцаніемъ радости бытія, исходя изъ нѣсколько отвлеченнаго принципа, если г. Федоровъ ощущаетъ приливъ извнѣ жизнерадостныхъ созвучій, воспринимая ихъ, но и задумываясь надъ ихъ «колыбелью», которая въ концѣ концовъ опредѣляется устойчивой красотой природы, то у г. Бальмонта оказывается двойной источникъ вдохновенія для бодрящихъ пѣснопѣній, внѣшній и внутренній: земля хороша и сама по себѣ, а если міръ покажется «душенъ», то противодѣйствуетъ ему личное настроеніе поэта, въ душѣ котораго «свѣжо». Не будемъ пока смущаться подобраннымъ эпитетомъ, нѣсколько страннымъ по отношенію къ душѣ, хотя онъ и въ стилѣ церковныхъ и легендарныхъ квалификацій состоянія душъ, испытывающихъ блаженство: мысль во всякомъ случаѣ ясна.

Это новое, съ точки зрѣнія преобладавшаго у насъ направленія въ поэзіи въ 80-хъ и до половины 90-хъ годовъ, настроеніе, призывъ къ бодрости, къ оптимизму, къ наслажденію радостью бытія, естественно связывается съ такимъ же направленіемъ въ области отвлеченной мысли, все съ тѣмъ же девизомъ, завѣщаннымъ Ницше—«жизнь высшее изъ благъ», поэтому какъ же не дорожить жизнью, какъ ей не радоваться, какъ ею не вдохновляться! Мы не будемъ утверждать, что наши поэты заимствовали эту идею непосредственно у Ницше и, такъ сказать, пѣли бы съ чужихъ словъ; и самъ Ницше, быть можетъ, только болѣе ранній представитель, отчасти предтеча, того поворота въ общественныхъ взглядахъ, который неизбѣжно долженъ былъ совершиться по какимъ-нибудь общимъ законамъ эволюціи мысли. Поворотъ все же несомнѣненъ и пока суть не въ источникахъ движенія, а въ немъ самомъ, въ новомъ данномъ камертонѣ, къ которому прислушиваются новѣйшіе писатели и поэты, все яснѣе намѣчая данную полосу какъ бы духовнаго возрожденія новаго поколѣнія, которому надоѣли нытье и скорбь.

Припомнимъ, что всего лѣтъ двѣнадцать, тринадцать тому назадъ молодой тогда критикъ и историкъ литературы, только что выступавшій въ печати, Н. А. Котляревскій, подводя итоги современной ему поэзіи, не могъ подыскать иного заглавія для своей брошюры, какъ «Поэзія гнѣва и скорби» (1890). Правда, онъ пристегнулъ двухъ не совсѣмъ подходящихъ, или даже совсѣмъ не подходящихъ къ данному заглавію поэтовъ: Апухтина и гр. Голенищева-

Кутузова; но оба такъ и остались особнякомъ, какъ пережитки традиціонныхъ, въ своемъ ограниченномъ районѣ попрежнему привлекательныхъ поэтическихъ натуръ «внѣ времени и пространства». Это тепличныя, холенныя растенія, выращенныя отъ хорошихъ отростковъ, но отзывающіяся парниковой культурой. Во всѣхъ прочихъ молодыхъ поэтахъ 80-хъ годовъ г. Котляревскій усматривалъ общіе симптомы «современной болѣзни: разъѣдающее сомнѣніе, безцѣльный плачъ и отчаянная меланхолія» (стр. 29).

Любопытно припомнить теперь нѣкоторыя изъ замѣчаній автора, который, быть можетъ, нѣсколько сгущалъ краски, но вѣрно передавалъ общее впечатлѣніе отъ цѣлаго ряда прочитанныхъ имъ сборниковъ того времени. «Наши поэты удалены отъ жизни,—писалъ Котляревскій,—скука ихъ заѣдаетъ, хандра ихъ душитъ, они рады моментамъ, когда нервное настроеніе всецѣло ими овладѣваетъ, и ихъ языкъ получаетъ хоть на время развязность и относительную свободу». Въ противныхъ случаяхъ «рѣчь вязнетъ у нихъ въ зубахъ» и они становятся донельзя монотонными: «они теряютъ собственныя физіономіи и надѣваютъ маску ноющей, плачущей хандры и угнетенной добродѣтели. Въ эти минуты ихъ охватываетъ непроницаемый мракъ, мракъ чувства и, главное, мысли» и т. д., и т. д. Вообще не поздоровилось поэтамъ 80-хъ годовъ отъ ихъ сверстника, выступавшаго критикомъ-обличителемъ. Однако, пристальнѣе вглядываясь въ «каждаго изъ молодыхъ пѣвцовъ», авторъ все же въ концѣ концовъ распознаетъ извѣстныя индивидуальныя черты въ каждой отдѣльной личности и предлагаетъ рядъ характеристикъ—гг. Минскаго, Фруга, Мережковскаго, Надсона, Андреевскаго, Фофанова и др. Въ общемъ, у всѣхъ ихъ онъ усматривалъ два момента въ творчествѣ—«моментъ нервной бури и моментъ нервной усталости», а знамя новой поэтической семьи остается неизмѣнно «гнѣвъ и скорбь». Параллельно этому теченію авторъ указывалъ «другое, пока безъ опредѣленнаго содержанія, но очевидно съ большей склонностью къ безобидному воспроизведенію всевозможныхъ легкихъ и нѣжныхъ ощущеній». Г. Котляревскій не входитъ въ анализъ этого теченія, и съ полнымъ правомъ, ибо врядъ ли можно назвать «теченіемъ» нѣсколько безобидныхъ поэтиковъ, имена которыхъ теперь уже позабыты, и о поворотѣ въ «нашей молодой поэзіи» въ концѣ 80-хъ годовъ еще рано было заводить рѣчь.

Застыло вскорѣ и то «гнѣвно-скорбное» направленіе, лѣтописцемъ котораго выступалъ Котляревскій. Какъ бы отходную ему пропѣлъ года три тому назадъ одинъ изъ членовъ этой «семьи», С. А. Андреевскій, замолкшій самъ, какъ поэтъ, весьма скоро и объявившій, что изсякли или исчерпаны источники поэтическаго творчества у его сверстниковъ—гг. Минскаго, Мережковскаго и др. Къ именамъ, отмѣченнымъ Котляревскимъ, прибавлено нѣсколько новыхъ—А. Коринфскій, Ѳ. Соллогубъ, Allegro, Вл. Соловьевъ и др.; выдѣлены такъ сказать на особое, почетное мѣсто—Фофановъ и г-жа Лохвицкая; между современными поэтами признаются «безспорно люди со вкусомъ и съ хорошею техникою»; и все-таки автору, какъ онъ говоритъ, хотѣлось бы всѣмъ имъ сказать словами Данте: Lasciate ogni speranza! «Чѣмъ чаще я встрѣчаюсь съ произведеніями лириковъ послѣдняго времени,—пишетъ г. Андреевскій,—тѣмъ

болѣе вижу, что ихъ пьесы на прежніе мотивы блѣднѣе оригиналовъ, а болѣе современные какъ-то придуманы, проникнуты горемычнымъ резонерствомъ, заплатаны уклончивыми словечками и, вообще, до странности не соотвѣтствуютъ по своему содержанію все тѣмъ же яснымъ и пѣвучимъ строкамъ романтиковъ». Сумерки сгустились и, по крайней мѣрѣ, по наблюденіямъ и ощущеніямъ автора статьи, озаглавленной «Вырожденіе риѳмы» *), насталъ конецъ, если не поэзіи вообще, то поэзіи въ традиціонной стихотворной формѣ, по законамъ принятой у насъ метрики и созвучія риѳмъ.

Остановимся нѣсколько на докладѣ г. Андреевскаго. Несмотря на всю парадоксальность избранной авторомъ точки зрѣнія и непослѣдовательность въ разсужденіяхъ, своевременно отмѣченную рецензентами, въ немъ есть интересныя и вѣрныя замѣчанія, только остроуміе преобладаетъ у автора надъ вдумчивостью, красивымъ фразамъ принесена въ жертву точность діагноза, и пророчества высказаны заднимъ числомъ: они относятся не къ будущему, а представляются отголоскомъ прошлаго и всего менѣе подходятъ къ настоящему.

Прежде всего мы должны отстранить заглавіе очерка. Авторъ въ подстрочномъ примѣчаніи сдѣлалъ оговорку, что онъ назвалъ «риѳму» для краткости, вмѣсто болѣе дескать точнаго, но непомѣрно длиннаго заглавія—«Вырожденіе всѣхъ старыхъ метрическихъ формъ поэзіи»; но настоящимъ содержаніемъ его доклада является положеніе объ упадкѣ современной поэзіи, вообще, въ стихотворной формѣ, а «вырожденіе метровъ» есть только попытка объясненія причины этого явленія.

Соотвѣтственно своему основному положенію, авторъ формулируетъ «законъ», который имъ даже выписанъ курсивомъ: «считая отъ середины истекшаго столѣтія, внутренняя поэтичность стихотворныхъ произведеній обратно пропорціональна ихъ близости къ нашему времени, т.-е. чѣмъ дальше стихотвореніе отъ нашихъ дней, тѣмъ больше шансовъ найти въ немъ истинную поэзію». Это, очевидно, относится къ внутреннему содержанію поэзіи, а не только къ формѣ. Авторъ обосновываетъ свое положеніе примѣрами изъ западно-европейскихъ литературъ, становясь на широкую историко-сравнительную почву наблюденій. Онъ цитуетъ В. Гюго, Теннисона, Гаммерлинга и даже Верлэна, обращаясь затѣмъ къ новѣйшимъ русскимъ поэтамъ, его сверстникамъ въ большей или меньшей степени. Допустимъ справедливость «закона»,—если только тутъ умѣстенъ терминъ «закона», вмѣсто «явленія»,—по наблюденіямъ г. Андреевскаго. Параллельно ему усматривается другое явленіе, остроумно подмѣченное авторомъ въ новѣйшей литературѣ, особенно въ послѣдней четверти XIX вѣка: это блестящій расцвѣтъ художественной прозы. Не только крупнѣйшіе «поэты» второй половины вѣка (Тургеневъ, Флоберъ, Мопасанъ) высказали себя уже прямо въ прозѣ, но у насъ, въ періодъ господства Некрасова, происходилъ характерный, по выраженію автора, «обмѣнъ веществъ» между стихомъ и прозой. Въ самомъ дѣлѣ, «въ то время, какъ Тургеневъ цѣлымъ

---

*) Статья вошла въ „Литературные очерки“, 3-ье дополненное изд., 1902 года.

рядомъ своихъ твореній довелъ прозу до поэзіи—Некрасовъ, Розенгеймъ, Алмазовъ и другіе работали надъ тѣмъ, чтобы «опрозаить» стихъ» (431).

Это направленіе несомнѣнно было, какъ было и весьма категоричное отрицаніе стиховъ, вообще, у цѣлаго ряда выдающихся писателей второй половины минувшаго вѣка. Левъ Толстой остается и понынѣ послѣдовательнымъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ поэзіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не смущаясь своеобразнымъ «непризнаваніемъ» даже міровыхъ геніевъ, какъ Пушкина и Гёте. Наоборотъ, поборникъ Пушкина, горячій поклонникъ и Некрасова, Ѳ. М. Достоевскій самъ направилъ свою дѣятельность совершенно въ другую сторону, стало быть все же, какъ и Толстой, упрочивая у насъ царство прозы. Одинъ Тургеневъ остался поэтомъ въ тѣсномъ значеніи слова, и въ тоже время выступилъ создателемъ художественной прозы, увѣковѣчивъ у насъ парадоксальный терминъ «стихотвореній въ прозѣ», который, впрочемъ, является лишь неточнымъ переводомъ обозначенія новаго вида литературы, введеннаго еще раньше во французской литературѣ Бодлэромъ: petits poèmes en prose.

Къ традиціи Тургенева примкнулъ у насъ съ конца семидесятыхъ годовъ рядъ писателей-разсказчиковъ, какъ Гаршинъ, Чеховъ, Короленко, Маминъ, и до Горькаго включительно, которые, разрабатывая художественную прозу, продолжали и продолжаютъ, въ противовѣсъ «опрозаированію» стиха, именно «поэтизировать» прозу.

Можно было бы выдѣлить многія странички въ произведеніяхъ лучшихъ нашихъ писателей новѣйшаго періода, которыя дѣйствительно представляются «стихотвореніями въ прозѣ» (особенно у Короленко); а затѣмъ этотъ жанръ, вообще, привился и въ отдѣльности, даже до пресыщенія. При этомъ вполнѣ выяснилось, что онъ умѣстенъ только подъ перомъ крупнаго художника, а въ другихъ случаяхъ обнаруживаетъ симптомы такого же вырожденія, какъ и метрическихъ формъ у второстепенныхъ стихотворцевъ.

Г. Андреевскій, какъ горячій поклонникъ Тургенева, собственно на его примѣрѣ и основалъ свою теорію «вырожденія риѳмы» или перемѣщенія поэзіи изъ области метрической формы въ область художественной прозы. Но была опасность и для самой поэзіи, вообще, уцѣлѣетъ ли она среди доктринъ, относившихся къ ней отрицательно. Если придавать стихамъ исключительно утилитарное значеніе, если низводить ихъ содержаніе до вполнѣ прозаическихъ сюжетовъ и писать такіе стихи, которые менѣе всего походили бы на стихи, то, спрашивается—зачѣмъ, вообще, пользоваться этой формой? Мы должны вспомнить, что и Некрасовъ былъ великимъ поэтомъ не разъ наперекоръ себѣ и если, параллельно дѣйствительно вдохновеннымъ, превосходнымъ по структурѣ, образности и силѣ выраженія, стихотвореніямъ, онъ порою обезцѣнивалъ стихотворную форму, то этимъ и объясняется взрывъ негодованія истаго художника Тургенева, чуткаго къ самой поэзіи, поэтому ревниво оберегающаго ея традиціонный костюмъ, негодованія, выразившагося въ преувеличенно суровой оцѣнкѣ всей дѣятельности Некрасова, какъ стихотворца. Самъ онъ предпочелъ отказаться отъ прежней формы, которой придавали несоотвѣтствующее примѣненіе и облекъ свою музу въ новый нарядъ.

Но поэзія въ стихахъ все же не умерла. Только предстояло стихъ сдѣлать опять стихомъ, вернуть поэзіи ея права и въ смыслѣ отдѣльной области—созерцательной мысли, и какъ особой формы, отличной отъ «ежедневнаго» языка *). Невольно припоминается завѣтъ романтика Мюссэ:

J'aime surtout les vers, cette langue immortelle.
C'est peut-être un blasphème et je le dis tout bas,
Mais je l'aime avec rage; elle a cela pour elle
Que les sots d'aucun temps n'en ont pu faire cas,
Qu'elle nous vient du ciel, qu'elle est limpide et belle,
Que le monde l'entend et ne la parle pas **).

Не умерла и форма, такъ какъ и въ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ мы имѣли поэтовъ, которые съ прежнимъ благоговѣніемъ и по традиціямъ старины, но со внесеніемъ личнаго содержанія, продолжали съ успѣхомъ культъ «поэтическаго» языка въ стихахъ. Г. Андреевскій называетъ Апухтина и гр. Голенищева-Кутузова, какъ представителей эпохи съ конца 70-хъ годовъ и до конца вѣка. Онъ могъ бы припомнить, что въ эту пору еще во всей силѣ были А. Майковъ и Я. П. Полонскій. Правда, авторъ сдѣлалъ раньше оговорку: «Если назвать Майкова, Фета, Полонскаго, Мея, Тютчева и Алексѣя Толстого, то этимъ и можно закончить списокъ тѣхъ истинныхъ русскихъ поэтовъ, на признаніи которыхъ сойдутся всѣ партіи (430)». Но г. Андреевскій ставитъ ихъ дѣятельность въ какую то ближайшую зависимость отъ времени ихъ рожденія замѣчаніемъ, что «послѣднее «сошествіе огненныхъ языковъ» осѣнило только главы писателей, родившихся не позже двадцатыхъ или самаго начала тридцатыхъ годовъ». Врядъ ли даты рожденія такъ значительны для опредѣленія послѣдующей дѣятельности: на основаніи такого критерія мы должны были бы, напримѣръ, Крылова отнести къ писателямъ XVIII вѣка, а не эпохи Карамзина и Жуковскаго.

Но если ни по формѣ, ни по содержанію поэзія у насъ не умерла, то былъ дѣйствительно моментъ замиранія, былъ упадокъ по сравненію съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣла у насъ поэзія въ метрической формѣ въ эпоху Пушкина, Лермонтова и ихъ ближайшихъ преемниковъ.

Отнесенный лѣтъ на двадцать назадъ, діагнозъ, поставленный г. Андреевскимъ вѣренъ: поэзія переживала періодъ колебанія; произведенія въ прозѣ имѣли по своему широкому общественному значенію рѣшительный перевѣсъ

---

*) Противникомъ риѳмы еще въ 70-хъ годахъ во Франціи выступилъ Верлэнъ, однако лучшія его стихотворенія, оказавшіяся и наиболѣе устойчивыми въ традиціи, все же написаны согласно общимъ законамъ французской метрической поэзіи и снабжены риѳмами. См. о Верлэнѣ в. напечатанный очеркъ г. Аничкова.

**) „Я люблю въ особенности стихи, этотъ безсмертный языкъ. Быть можетъ это кощунство и я признаюсь (въ своей преданности) лишь шопотомъ, но все же я страстно люблю ихъ; стихотворный языкъ имѣетъ за собой уже то преимущество, что его не умѣли цѣнить глупцы ни въ какія времена, что онъ ниспосланъ съ неба, что онъ прозраченъ и красивъ, что міръ ему внемлетъ, но не говоритъ на немъ".

надъ дѣятельностью стихотворцевъ конца прошлаго вѣка и возникалъ тревожный вопросъ—не наступитъ ли вскорѣ окончательная смерть поэзіи въ метрической формѣ?

Нынѣ на дилемму, выдвинутую въ 70-хъ годахъ и казавшуюся еще не рѣшенной и въ 80-хъ годахъ,—быть ли окончательно только поэзіи въ прозѣ, и не загублена ли метрическая форма прозою въ стихахъ, молодое поколѣніе отвѣтило—быть поэзіи и въ прозѣ и въ стихахъ. «Обмѣнъ веществъ» привелъ не къ смѣнѣ, а къ сосуществованію художественной прозы и стиховъ.

Законы метрики потому и носятъ названіе «законовъ», что они неизмѣнны и устойчивы, какъ самый языкъ, въ согласіи съ которымъ они устанавливаются. Отдѣльные роды и виды поэзіи могутъ вымирать или замѣняться другими; комбинація риѳмъ можетъ всячески разнообразиться, но о полной обвѣтшалости риѳмы, какъ и о гибели *всей* прежней метрической поэзіи не можетъ быть и рѣчи, пока законы и строй языка остаются прежними.

Противорѣчіе, въ которое впалъ г. Андреевскій, начавшій съ констатированія упадка поэзіи, и закончившій провозглашеніемъ, что поэзія не только не омертвѣла, но «болѣе, чѣмъ когда-либо, *снова* (курс. нашъ) вступаетъ въ свои права» объясняется тѣмъ, что онъ искусственно связалъ два различные момента: самъ, какъ поэтъ, положившій на свои уста печать молчанія болѣе десяти лѣтъ, онъ подводилъ въ тезисѣ о «вырожденіи риѳмы» итоги своему тогдашнему настроенію, когда онъ отказался отъ стиховъ, а теперь, дописывая свой докладъ, очнулся какъ бы изумленный, что поэзія ничуть не умерла: «она, можно сказать, со всѣхъ концовъ начинаетъ проникать собою *всю* современную литературу».

Подчеркиваемъ слова—*снова* и *всю*: если *снова*, то значитъ былъ перерывъ; если *всю*, то стало быть и въ прозѣ и въ стихахъ.

Что же произошло за это время перерыва, послѣ медленнаго уклона внизъ? Что вызвало у автора настойчивое требованіе обновленія формы? Мы это требованіе давно слышимъ. Мы присутствовали при рядѣ опытовъ, по мимо самого успѣшнаго изъ нихъ—опоэтизированія прозы,—который уже не представляется намъ новшествомъ. Эту погоню за новыми формами принято связывать съ явленіемъ декадентства. Такъ поступаетъ и г. Андреевскій. «Декаденты ищутъ новыхъ формъ», пишетъ онъ, и въ такомъ случаѣ его сочувствіе должно быть, очевидно, на ихъ сторонѣ, такъ какъ онъ требуетъ того же. Однако, его отзывъ объ ихъ дѣятельности весьма неудовлетворительный: «Пока они какъ бы поневолѣ только отрицаютъ старыя формы тѣмъ, что заполняютъ ихъ непостижимымъ вздоромъ, заявляетъ г. Андреевскій,—по малороссійской пословицѣ: «хоть гірше, да инше»—хоть бы хуже, но по другому» (462).

Охотно соглашаемся въ этомъ съ авторомъ. Но мы не отожествляемъ какъ онъ, декадентство съ поисками формы въ соотвѣтствіи съ личнымъ настроеніемъ, съ попытками обновленія того и другого *въ предѣлахъ законо-*

мѣрнаго строя языка и общихъ свойствъ человѣческой природы. Декадентство—явленіе болѣзненное, уродливое, которое уже отжило свое время. Потребность придать формѣ выраженія отпечатокъ своей индивидуальности, и, соотвѣтственно, обновленіе формъ—не вымираютъ. Il dolce stil nuovo—«пріятный *новый* стиль»—былъ девизомъ Данте, при первомъ расцвѣтѣ итальянской лирической поэзіи. И словно завѣщано, отъ поколѣнія къ поколѣнію, при чередованіи разныхъ литературныхъ эпохъ, каждому новому поколѣнію искать свой—dolce stil nuovo,—въ которомъ бы лично испытанное, пережитое, индивидуально проявившіяся въ сознаніи мысли, чувства и настроенія могли быть выражены съ наибольшей непосредственностью. Воспринятое отъ традиціи всегда отзывается нѣкоторою условностью. Условность мѣшаетъ полной искренности передачи. Такъ возникаетъ потребность создавать новыя формы, относительно новыя, конечно: ихъ связь съ прошлымъ выясняется потомъ; но каждый въ данный моментъ долженъ чувствовать свою оригинальность, говоря свое слово.

Такая смѣна литературныхъ эпохъ происходила на рубежѣ двухъ столѣтій. Теперь болѣзненный кризисъ пережитъ и во многомъ возвращается къ прошлому, потому что это прошлое обновлено въ сознаніи. Поэзія не умерла—она возродилась. Г. Андреевскій пишетъ: «даже если бы насталъ день ея смерти (стало быть онъ все же допускаетъ эту возможность), то и тогда можно будетъ все таки воскликнуть: «Да здравствуетъ поэзія!» (464). Но вмѣсто того, чтобы провозглашать здравіе покойной, которая отъ такого пожеланія врядъ ли была бы въ состояніи воскреснуть, мы предпочитаемъ привѣтствовать живую, а не мертвую поэзію, и ея молодыхъ поборниковъ и представителей. Они новыми всходами поднимаются по вѣчно зеленому лугу волшебнаго острова, гдѣ нѣтъ зимнихъ стужъ и печальной осени; тамъ бываютъ лишь періоды особенно обильныхъ сборовъ и затишья; тамъ приливы и отливы, какъ въ океанѣ, но именно слѣдуя этому образу, мы можемъ примѣнить къ поэзіи слова поэта:

Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится любя.

Любя же и мы ее встрѣчаемъ, когда она къ намъ возвращается.

Мы нѣсколько уклонились въ сторону отъ нашей ближайшей задачи—разсмотрѣнія трехъ новыхъ сборниковъ стихотвореній. Брошюра г. Котляревскаго послужила намъ точкой отправленія, для того, чтобы установить весьма рельефный переломъ въ настроеніи нашихъ поэтовъ — современныхъ, по сравненію съ преобладавшимъ настроеніемъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Очеркъ г. Андреевскаго напомнилъ намъ о кризисѣ, пережитомъ нашей поэзіей за послѣднюю четверть вѣка. Останавливаемся на выводѣ или признаніи и самого г. Андреевскаго, что ни предположенная имъ «обветшалость» прежней лирической формы, ни перемѣщеніе поэзіи въ область прозы—не умертвили у насъ поэзіи, что она со всѣхъ концовъ начинаетъ проникать собою современную литературу. Этотъ фактъ остается налицо, хотя бы

мы не могли указать въ настоящую минуту очень крупнаго, изъ ряду выдающагося «стихотворнаго» поэта, равнаго по значенію и по объему своихъ дарованій нашимъ классикамъ. Возродился главнымъ образомъ спросъ на поэзію и признаніе ея вѣковѣчныхъ правъ. Въ нашу задачу не входитъ учетъ и всей работы «искателей новыхъ путей» за послѣднія десятилѣтія Мы не можемъ не замѣтить, однако, что, независимо отъ декадентства въ тѣсномъ смыслѣ слова, которое мы склонны были бы опредѣлить главнымъ образомъ, какъ пониженіе нравственныхъ свойствъ человѣка, съ точки зрѣнія личныхъ и общественныхъ идеаловъ, какъ разладъ между формой и содержаніемъ, одностороннее увлеченіе формальными новшествами, въ ущербъ смыслу не столько новизна какъ вычурность и кривляніе и т. п.—движеніе въ пользу возрожднія поэзіи и обновленія ея способовъ выраженія понемногу охватило почти всѣхъ современныхъ писателей, съ живыми дарованіями. Опасеніе—быть новымъ въ области художественнаго творчества и отстать отъ завѣтовъ общественности, переданныхъ намъ поколѣніемъ 70-хъ годовъ, заставило, повидимому, нѣкоторыхъ слишкомъ горячо стать на сторону литературнаго консерватизма. Опасеніе напрасное такъ какъ «завѣты общественности» и индивидуальное творчество—двѣ разныя области. Замѣтимъ кстати, что изъ поэтовъ средняго поколѣнія, не выразилъ ли напримѣръ г. П. Я., одушевленный лучшими стремленіями былыхъ народниковъ, свое преклоненіе и передъ «поэтической поэзіей»—тѣмъ, что онъ выступилъ переводчикомъ и поклонникомъ Бодлэра, котораго «новые» поэты считаютъ своимъ родоначальникомъ? Форма поэзіи г. П. Я., при соблюденіи старыхъ метровъ, при рѣшительной оппозиціи автора всякому «символизму», все же не кажется шаблонно-банальной. Новшества и его коснулись. Впрочемъ, въ общемъ его стихъ,—прямой и упругій, какъ тростникъ, представляется въ соотвѣтствіи съ преобладающимъ настроеніемъ его поэзіи, хрустально-чистой по содержанію и проникнутой высокимъ одушевленіемъ благородной натуры. Но другихъ увлекали иныя свойства темперамента; пытливая мысль, влеченія страстей, желаніе извѣдать до самыхъ завѣтныхъ глубинъ всѣ изгибы человѣческой природы и т. п. заводили этихъ искателей-индивидуалистовъ въ разныя дебри, изъ которыхъ одни выбрались съ побѣдной пѣсней на устахъ, другіе пали жертвами, допустимъ, собственныхъ заблужденій.

Между поэтами новой школы—первое мѣсто, на нашъ взглядъ принадлежитъ г. Бальмонту, который тѣмъ интереснѣе, что уже пережилъ нѣсколько фазисовъ. Въ его поэзіи есть свѣтъ и тѣни. Мы разсмотримъ ихъ по его послѣднему сборнику стихотвореній, но раньше выскажемъ нѣсколько замѣчаній о первыхъ двухъ поэтахъ, названныхъ въ заголовкѣ настоящей статьи.

Г. Бунинъ совершенный романтикъ, или нео-романтикъ, по настроенію. Вполнѣ новыхъ, вполнѣ оригинальныхъ мыслей и темъ мы едва ли найдемъ въ его сборникѣ. Но все таки онъ говоритъ намъ *свое*; имъ самостоятельно пережиты и прочувствованы тѣ образы и настроенія, которыя онъ передаетъ въ пѣвучихъ строфахъ, которыя льются какъ ровное журчанье ручейка, мѣрно,

мелодично, безъ яркихъ вспышекъ, но съ чрезвычайною ласковостью тона. Въ его поэзіи нѣтъ ничего «декадентскаго»; въ то же время его стихъ ничуть не баналенъ. Встрѣчаясь въ темахъ съ прежними романтиками, особенно въ своей чрезвычайной любви къ природѣ, которая служитъ главнымъ источникомъ его вдохновенія, даже повторяя порою знакомый оборотъ, извѣстную ситуацію, уже намѣченную тѣмъ или другимъ изъ нашихъ великихъ поэтовъ,— Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тютчевымъ, — г. Бунинъ индивидуализируетъ ощущеніе и развиваетъ мысль по своему.

Выше мы указали, что г. Бунинъ самъ заявляетъ о себѣ, что его по преимуществу влечетъ воспѣвать «радость бытія». Однако, многія изъ его стихотвореній, посвященныхъ описанію неудачной любви, воспоминаніямъ дѣтства, одинокимъ прогулкамъ и разъѣздамъ въ общеніи съ природою и т. п., проникнуты тихою грустью и сожалѣніемъ объ утраченномъ счастьѣ:

Не развѣять думы пѣсней беззаботной!
Счастья прожитого не вернуть назадъ!

Слѣдя за стаей журавлей въ степи, куда вернулся поэтъ—«усталый отъ скитаній одинокихъ», онъ—«понялъ красоту въ ея печали.—И счастіе—въ печальной красотѣ»... Стихотвореніе заканчивается грустнымъ аккордомъ, послѣ попытки освободиться отъ сожалѣній о быломъ на томъ соображеніи, что «міръ вездѣ исполненъ красоты», авторъ указываетъ, что онъ нашелъ:—

...то, что ужъ совсѣмъ не можетъ
Васъ утѣшать, кочующія птицы,
Покорность грустной участи своей!

Разумѣется, было бы невѣроятнымъ, что бы поэтъ, даже избравшей своимъ девизомъ «радость бытія», все время только предавался ликованію, невѣроятнымъ и не человѣчнымъ, ибо жить, не зная не только печали, но и горя, значитъ нежить, но грустныя мелодіи, переданныя съ чрезвычайной мягкостью, кажутся настолько свойственными натурѣ поэта, что нѣсколько недоумѣваешь—когда онъ больше остается самимъ собою: въ элегическихъ стихотвореніяхъ, или въ попыткахъ настроить свою лиру на мажорный тонъ, въ упоеніи жизнью? Г. Бунинъ старается согласовать оба настроенія признаніемъ

...Что и печаль и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ—жить!

Неудачи, во всякомъ случаѣ, даже при «покорности» своей грустной участи, не вовлекаютъ его въ окончательное уныніе и полное разочарованіе. Онъ не носится со своей тоской, не ноетъ, и въ концѣ концовъ мужественно заявляетъ:

И снова,—чѣмъ бы ни бымъ я,—
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія!

Пока ближайшимъ предметамъ поклоненія г. Бунина и главнымъ источникомъ его вдохновенія является, какъ указано, природа:

Гимнъ природы животворный
Льется къ небесамъ...
Въ ней твой храмъ нерукотворный,
Твой великій храмъ! („Въ костелѣ“).

Превосходная картина осени въ лѣсу, въ образно-фантастической формѣ терема «тихой вдовы» (Листопадъ»),—составляетъ наиболѣе цѣльное стихотвореніе, посвященное описанію природы. Въ немъ есть, если угодно, символизмъ и даже аллегоризмъ, но болѣе всего чисто поэтической образности, которая придаетъ этому произведенію особую привлекательность. «Пейзажей и красокъ», наперекоръ заявленію автора, очень много въ его стихотвореніяхъ, три четверти которыхъ посвящены именно картинамъ природы. Степь, лѣсная дорога, горы и море, весна и осень, звѣзды и облака, разсвѣтъ и закатъ и сумерки, шуршаніе ковыля и шумъ лѣса—всего достаточно въ поэзіи г. Бунина, который, какъ мы уже говорили, повторяя знакомыя темы, умѣетъ придать, какой-то особенный личный характеръ своимъ описаніямъ, не очень яркій, но тѣмъ не менѣе свой. Вотъ, напримѣръ, описаніе весенняго дождя въ старинной усадьбѣ съ прудами — сколько разъ это описывалось! Г. Бунинъ съумѣлъ и тутъ прибавить нѣсколько индивидуальныхъ черточекъ:

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,—
Стоятъ зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казалось пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вдругъ капля, какъ шляпка гоздя,
Упала,—и, сотнями иголъ
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгалъ
И садъ защумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвой,
Смѣшалъ молодыя березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блестки,
А лужи налилъ синевой.

Эти «чаши недвижной воды», которыя казались бы пустыми, если бы не отраженія, эта капля, «какъ шляпка гвоздя», вѣтеръ, смѣшивающій березки лучъ солнца, наливающій синевой лужи—все это выраженія настоящаго колориста, который умѣетъ видѣть природу сквозь призму индивидуальныхъ ощущеній. Хорошо описаніе утра въ горахъ, «Облако», «Лѣсъ шумитъ», «Курганъ», «Въ старомъ городѣ», и многія другія чисто описательныя стихотворенія, но проникнутыя лирическимъ настроеніемъ.

Отмѣчая наличность индивидуальныхъ выраженій автора, мы могли бы указать и на нерѣдкія совпаденія основной мысли стихотворенія съ тѣмъ или другимъ изъ прежнихъ поэтовъ, или совпаденія въ отдѣльныхъ фразахъ. Такъ, довольно смѣло начать со стиха, заставляющаго вспомнить Лермонтова, въ легкой перефразѣ:

За все тебя, Господь, благодарю!

и закончить настроеніемъ Леконтъ де-Лиля и парнасцевъ:

И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаніи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой!

Въ стилѣ поэзіи парнасцевъ написанъ и сонетъ «Въ Альпахъ» («На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,—Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ—Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ»), къ которому какъ бы поправкой является другое стихотвореніе—«На горахъ» («Но бездны страхъ—онъ не

исчезъ,—Онъ набѣгаетъ издалека...—Не потому-ль, что одиноко—Я заглянулъ въ лицо небесъ?»). Невольно напрашиваются ковычки къ выраженію—«заря зарю встрѣчаетъ» (стр. 159), принадлежащему Пушкину, а тема «Ночи» совпадаетъ съ «Весной» Тютчева, съ которымъ вообще, г. Бунинъ въ своемъ культѣ природы имѣетъ нѣсколько общихъ чертъ. Всѣ подобныя совпаденія ничуть не существенны для цѣлостнаго пониманія молодого поэта, который далъ во всякомъ случаѣ блестящіе зачатки будущаго, возможнаго роста его поэзіи *).

Кстати позволимъ себѣ и два, три замѣчнія касательно формы: едва ли умѣстно переставлять удареніе, вм. ду́ло ружья—дуло́:

Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ—поетъ *въ ду́ло* ружья (стр. 55)

Отказываемся понять чередованіе размѣровъ въ стихотвореніи: «Какъ все споко́йно и какъ все открыто!» Именно въ третьей строфѣ, гдѣ неожиданно:

Ещё разсѣянъ огонь листопада,

а въ четвертой строфѣ первый стихъ опять по иному:

И только ночью, когда бушуетъ.

По общей структурѣ пьесы вмѣсто трехсложнаго «листопада», слѣдовало бы двухсложное слово (какъ — «бушуетъ» въ 4-ой строфѣ), или же всѣ четыре строфы выдержать по типу первыхъ двухъ. Мы не съумѣли прочесть третьей строфы.—Приближеніе ритма стиховъ къ художественной прозѣ порою у автора заводится слишкомъ далеко и, напр., пьесу «Бродяги» мы готовы были бы признать вполнѣ возможными «стихами въ прозѣ», а читая ее, какъ стихотвореніе, думается о неумѣстной «прозаичности въ стихахъ». (Напр., «она (дѣвочка - цыганка) слѣдитъ въ безлюдьи за холоднымъ, печальнымъ солнцемъ, тѣнью отъ холма и алой пылью, вѣющей съ дороги изъ-подъ копотъ кобылы,—то молчитъ, то будто грезитъ» и т. д. Неужели это стихи?). Неологизмомъ представляется слово «просинь» въ стихотвореніи «Листопадъ»; оставляемъ его подъ вопросомъ.

Г. Федоровъ довольно мѣтко самъ опредѣлилъ основной обликъ своей поэзіи:

Душой во всемъ ловлю намеки,—
Вечерній звонъ издалека,
И въ гармоническія строки,
Журча, вливается тоска („Отрывокъ изъ письма“)

Въ большинствѣ его стихотвореній мы имѣемъ именно «намеки», уловленные душой, въ нѣсколько смутной, непроясненной формѣ ощущеній мимолетнаго характера. У г. Бунина яснѣе намѣчаются основныя черты отвлеченной мысли, которая нормируетъ міросозерцаніе поэта. У г. Федорова пока мы

---

*) 121. „Такъ небо низко и уныло“ пишетъ г. Бунинъ, опять-таки вызывая въ памяти извѣстное, правда, своеобразною извѣстностью, стихотвореніе г-жи Гиппіусъ: „Небеса унылы и низки“...

затруднились бы найти такой leitmotiv. Есть въ его стихахъ очень красивые образы; напримѣръ,—слѣдующая строфа въ стихотвореньи «Прошлое»:

„Сюда... сюда... ко мнѣ!“ Звала меня волна,
Привѣтливо журча веселыми струями,
И, *тая на пескѣ сѣдыми кружевами*,
Она спѣшила вдаль, хрустальна и звучна.

Все это стихотвореніе, вообще, чрезвычайно изящно и гармонично, но вдумайтесь въ его смыслъ: поэта манитъ «глубина»; онъ хотѣлъ бы броситься «въ сіяющій просторъ и плыть»... но «вдругъ чайка жалобно и рѣзко прокричала»: поэтъ останавливается, чуетъ въ услышанномъ крикѣ чайки—«призывъ, отчаянье, укоръ»...

И сердце на него рыданьемъ отвѣчало.

Вотъ и все: чайка, повидимому, должна имѣть символическое значеніе, чтобы намъ сталъ понятенъ внезапный поворотъ въ настроеніи поэта. Мы не возражаемъ противъ символа, но во всей пьесѣ дѣйствительно только намекъ, смутно угаданный душою въ явленіи природы. Г. Федоровъ, повидимому, много путешествовалъ и далъ цѣлый рядъ сонетовъ экзотическаго характера. Онъ хорошо владѣетъ формой сонета и его путевыя впечатлѣнія легко укладываются въ граціозныя рамки облюбованной формы.

Авторъ неоднократно чувствуетъ себя въ неопредѣленномъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ въ полузабытьи: «Старый домъ», «Снѣга», «Монологи», «Все какъ сонъ далекій», «Бѣлыя ночи», («И сонъ и явь»), «Письмо» («Сердце... О чемъ-то грезитъ полусонно,—Но не желаетъ ничего»), «Всему конецъ», («Что-жъ это бредъ, иль кошмаръ?»); даже на Иматрѣ ему «представляется, что все мгновенный сонъ»; въ другомъ стихотвореніи автору «*снилось*, что онъ былъ лебедь» и т. д. Вообще, г. Федоровъ пользуется охотно пріемомъ видѣній на яву или грезъ въ мгновенномъ полуснѣ. Онъ много говоритъ о посѣщающей его тоскѣ, но, какъ мы уже указали въ самомъ началѣ этого очерка, не чуждъ приливовъ жизнерадостныхъ, бодрящихъ настроеній. Ему знакомы и смѣлыя стремленія въ горнюю высь и тихая ласковость къ семейному очагу, нѣжность къ малюткѣ-сыну.

Перейдемъ теперь къ сборнику г. Бальмонта, подъ нѣсколько кричащимъ заглавіемъ: «Будемъ какъ солнце» и съ удивительнымъ посвященіемъ книги, «сотканной изъ лучей» (!) своимъ друзьямъ, надѣленнымъ эпитетами—волхвовъ, мимозъ, скалъ, «художницы вакхическихъ видѣній», валькиріи, лѣсного ручья и т. п. Нужно нѣкоторое мужество, чтобы пренебречь этой оболочкой и искать истинной поэзіи, несмотря на чудачества автора. Послѣднихъ къ сожалѣнію, достаточно имѣется и въ самой книгѣ, въ родѣ, напримѣръ, «мечтающихъ ногъ» (стр. 161: «*Бѣлыхъ ногъ, предавшихся мечтамъ*, Красоту и нѣгу безъ предѣла...») или заявленія: «*Ты качаешься въ сердце моемъ*, какъ на влагѣ—восторгъ отраженія (?)» (стр. 147) и т. п. И тѣмъ не менѣе въ ней не мало и настоящей поэзіи, при изумительной виртуозности формы.

Намъ хочется сразу указать на одно такое стихотвореніе, очень ориги-

нальное по формѣ — съ женской цензурой во второмъ стихѣ, какъ бы нарушающемъ размѣръ; но въ сущности лишній слогъ тутъ ничуть не вредитъ ритму и цѣлостности впечатлѣнія: въ немъ, какъ и въ мѣрномъ повтореніи второй половины перваго стиха — вполнѣ художественный внѣшній эффектъ, въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ:

Волна бѣжитъ. Волна съ волною слита.
Волна съ волною слита въ одной мечтѣ.
Прильнувъ къ скаламъ, онѣ гремятъ сердито.
Онѣ гремятъ сердито: „Не тѣ! Не тѣ!“

И въ горькомъ снѣ волна волнѣ шепнула.
Волна волнѣ шепнула: „Въ тебѣ—мечта“.
И плещетъ вновь: „Меня ты обманула!“
„Меня ты обманула. И ты—не та!“

Это короткое стихотвореніе намъ представляется превосходнымъ и по формѣ и по глубинѣ настроенія поэта. Мѣрная повторяемость фразы въ соотвѣтствіи съ закономѣрнымъ набѣганіемъ волны, и задержка по серединѣ второго стиха, словно по достиженію гребня, и медленное паденіе, вызывающее грустное раздумье поэта,—все это такъ художественно-цѣльно, что эта пьеска—настоящій шедевръ миніатюрной работы.

Намъ какъ-то пришлось прочесть вслухъ, въ одномъ обществѣ, подобранныя заранѣе совершенно различныя стихотворенія г. Бальмонта, не называя автора, чтобы провѣрить впечатлѣніе: когда я потомъ сказалъ, что они принадлежатъ одному и тому же лицу, г. Бальмонту, никто не хотѣлъ вѣрить, и затѣмъ стали рѣшать проблему на психологической почвѣ: какъ одинъ человѣкъ можетъ быть такимъ различнымъ и какъ объяснить себѣ совмѣщеніе столь противоположныхъ свойствъ—настоящей, превосходной поэзіи, и такихъ выходокъ, которымъ мы не можемъ подобрать иного термина, какъ чудачество?

Да проститъ намъ почтенный авторъ нѣкоторое сравненіе въ примѣненіи къ его поэзіи.

Въ одной старинной пѣсенкѣ неизвѣстнаго французскаго трувера XII-го в. разсказывается, что было ему ночью видѣніе: рыцарь повстрѣчался съ дамою страннаго вида. На ней была холщевая рубашка и дорогія мѣха бѣлаго горностая; шелковая юбка, а ноги обуты въ простую тростниковую обувь, съ майскими цвѣтами вмѣсто башмаковъ. Поясомъ ей служили листья съ деревьевъ, но по нимъ золотыя пуговицы и т. п. Столь удивительно одѣтая дама ѣхала на простомъ мулѣ, вмѣсто коня, но подкованъ онъ былъ серебряными подковами, а сѣдло позолоченное. И въ довершеніи всего—на сѣдлѣ распускалось три розовыхъ куста, которые укрывали всадницу своею тѣнью. На вопросъ рыцаря — кто она и откуда? — дама отвѣчаетъ, что она изъ Франціи. Отецъ ея—соловей, распѣвающій на высокихъ вѣткахъ зеленыхъ деревьевъ, а мать—морская сирена. Выслушавъ отвѣтъ дамы, рыцарь рѣшилъ, что она — знатнаго рода и тотчасъ ей дѣлаетъ предложеніе. Эту загадочную аллегорію толкуютъ, какъ олицетвореніе французской поэзіи въ средніе вѣка, представлявшейся и въ сознаніи тогдашнихъ поэтовъ во всей пестротѣ ея разнообраз-

ныхъ элементовъ, куртуазныхъ и простонародныхъ, своихъ и пришлыхъ. Не также ли пестро одѣта и муза г. Бальмонта? Составныя части другія, но такое же смѣшеніе разнородныхъ аттрибутовъ: кричащій, вызывающій уборъ куртизанки, и подъ нѣсколькими, какъ бы наугадъ налѣпленными мазками поддѣльнаго румянца, чистое лицо, задумчивые глаза, въ которыхъ свѣтятся неподдѣльныя душевныя качества. Это—куртизанка, въ которой дремлетъ Маргарита Готье, а по временамъ пробуждается и вполнѣ порядочная женщина. Жаль только, что она такъ пестро разодѣта. Но обратимся къ разсмотрѣнію содержанія поэзіи г. Бальмонта.

Мы отмѣтили съ самаго начала оптимистическое настроеніе автора, склоннаго восторгаться и внѣшнимъ міромъ и чувствующаго въ себѣ самомъ источникъ жизнерадостной силы. Прослѣдимъ сперва по разнымъ его произведеніямъ различные фазисы его ликующаго призыва, переданнаго символомъ: «Будемъ какъ солнце». Во первыхъ, въ этомъ же стихотвореніи, начинающемся со словъ, поставленныхъ и въ заглавіи сборника, условіемъ достиженія «удвоеннаго счастья» оказывается умѣнье жить, не задумываясь «кто насъ ведетъ по пути золотому»; нужно жить беззавѣтно, постоянно лишь стремясь впередъ къ новому и новому, мечтою восполняя недочеты жизни, становясь самъ «воплощеньемъ внезапной мечты». Въ другомъ, чрезвычайно изящномъ стихотвореніи («Снѣжинка») авторъ говоритъ въ заключеніи:

Мы страдаемъ, пропадаемъ,
Но себя мы побѣждаемъ
Нашимъ *сномъ* безбрежности!

Склонный къ фатализму, авторъ указываетъ исходъ отъ назойливыхъ думъ въ чисто созерцательномъ настроеніи, слитно съ природой:

Если грустно тебѣ,
Ты не думай, мой другъ.
Весь очерченъ въ судьбѣ
Твой назначенный кругъ.

Развѣ думаетъ лѣсъ?
Развѣ плачетъ о чемъ?
Онъ живетъ для чудесъ,
Озаренный лучомъ.

Развѣ нѣжный цвѣтокъ
Будетъ думать весной?
Вѣрь напѣвности строкъ,
Будь безъ думы со мной.

Это очень красиво сказано, но «быть безъ думъ» постоянно—не означаетъ ли слишкомъ рѣшительнаго отказа отъ своей личности? Поэтъ, поборникъ стихійности *), отдаетъ предпочтеніе мечтамъ, вѣритъ ихъ чудодѣйственной силѣ... «Разбивъ оковы мысли, быть скованнымъ мечтой»:

Тогда намъ вдругъ понятна стозвучность голосовъ,
Мы видимъ все богатство и музыку цвѣтовъ,
А если и мечтою не смѣрить глубину,
Мечтою въ самыхъ безднахъ мы создаемъ весну.

Какъ показатель крайняго увлеченія автора силою мечты, приведемъ еще нѣсколько строкъ, въ которыхъ раскрывается передъ нами другой Бальмонтъ,

*) Цѣлый отдѣлъ стихотвореній посвященъ воспѣванію стихій: „четверогласіе стихій“.

утрачивающій всякое чувство мѣры въ нагроможденіи эпитетовъ для вящаго впечатлѣнія (положимъ, стихотвореніе обращено къ женщинѣ или дѣвушкѣ, любви которой поэтъ домогался):

Пойми, о нѣжная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я въ страсти звѣзды создаю,
Я весь—весна, когда пою,
Я—свѣтлый богъ, когда цѣлую.

Обѣщаній много: звѣзды создавать, если кому придетъ охота этимъ заняться, конечно, пришлось бы только въ мечтаніяхъ, но надо полагать, что, по крайней мѣрѣ, часть обѣщаній будетъ исполнена не только «въ мечтахъ». Общимъ выводомъ намъ все же представляется, что очарованіе вселенной г. Бальмонта ближе къ старому романтизму Шиллера, чѣмъ, напримѣръ, къ пантеизму Тютчева, котораго еще Вл. Соловьевъ противоставлялъ Шиллеру: для послѣдняго—«природа только *была* жива и прекрасна въ *воображеніи* древнихъ («Боги Греціи»), а на самомъ дѣлѣ она лишь мертвая машина. Смерть эллинской миѳологіи была для Шиллера смертью самой природы». Между тѣмъ Тютчевъ былъ *убѣжденъ* въ объективной истинѣ поэтическаго воззрѣнія на природу: «Въ ней *есть* душа, въ ней *есть* свобода, Въ ней есть *любовь*, въ ней *есть* языкъ».

Такой вѣры въ одушевленное начало природы мы не находимъ у Бальмонта. Страстно ей преданный, слагая какъ бы настоящіе гимны стихіямъ (вѣтру, огню, водѣ, воздуху и т. д.), заявляя, что ему—...«людское незнакомо,—Мнѣ понятнѣй голосъ грома,—Мнѣ понятнѣй звуки волнъ» и т. д., поэтъ, однако, ставитъ рядъ вопросовъ:

Быть можетъ, вся природа—мозаика цвѣтовъ?
Быть можетъ, вся природа—различность голосовъ?
Быть можетъ, вся природа—лишь числа и черты?
Быть можетъ, вся природа—желанье красоты?
У мысли нѣтъ орудья измѣрить глубину...

Мы уже привели заключеніе: надо разбить оковы мысли, замѣнивъ ее мечтой. Но мечтать не значитъ вѣрить въ реальное существованіе объекта своихъ мечтаній: «Папѣвъ мечты, прерывистый, Невѣрный, но звонкій»—выразился самъ г. Бальмонтъ. Что же есть *вѣрнаго* на этомъ свѣтѣ?

Г. Бальмонтъ исповѣдуетъ сліяніе съ природою: онъ поочередно отожествляетъ себя съ разными стихіями; говоритъ отъ имени заката, цвѣтка и т. п. наконецъ, расширяя на весь міръ понятіе метемпсихозы, заявляетъ, что онъ былъ попеременно и альбатросомъ, и червемъ, и солнцемъ, бесѣдовалъ съ Сократомъ: «Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,—Ищи меня въ небѣ, ищи меня въ темной рѣкѣ». Въ стихотвореніи—«Освобожденіе» поэтъ представляетъ широкую картину космическаго характера, прислушиваясь къ торжествамъ «пространства звоновъ», воспринимая «гармонію планетъ»,—«И все понявъ, я смыслы ихъ впиваю». Нѣсколько неожиданно торжественное настроеніе нарушается страннымъ пожеланіемъ: «Да будутъ пытки! Въ этомъ

совершенство.—Да будетъ бичъ стремленій безъ конца!» Мы перестаемъ тутъ что-либо понимать, несмотря на слѣдующую, повидимому, весьма значительную строфу:

Мы звенья вкругъ созвѣзднаго кольца,
Прогалины среди вѣтвей сплетенныхъ,
Мы свѣтотѣнь разумнаго лица.

Остановимся на этой строфѣ. Несмотря на уклончивую форму символической рѣчи, кажется, мы можемъ все-таки вывести нѣкоторую общую формулу міросозерцанія поэта. Человѣкъ занимаетъ серединное мѣсто между слѣпыми, но могучими явленіями физической природы и тѣмъ вѣчнымъ, что лежитъ за предѣлами опыта. Высшій разумъ—за этими предѣлами; поэтому человѣкъ только «свѣтотѣнь разумнаго лица»; съ другой стороны—онъ звено въ мірозданіи и не можетъ отринуть связи со всѣмъ существующимъ. Явленія природы, какъ стихійныя явленія, движутся съ безотчетной стремительностью: ничто не можетъ ихъ обуздать и въ этомъ ихъ вѣковѣчный смыслъ. Между тѣмъ, въ «прогалинахъ»—возможны стоянки. Они губительны для свободнаго духа человѣка. Чтобы достигнуть вѣчнаго, онъ долженъ уподобиться, въ своемъ стремленіи впередъ, стихійнымъ силамъ, впитать въ себя эту неудержимость безотчетнаго влеченія и тогда человѣкъ приблизится къ высшему смыслу существованія. Въ такомъ видѣ намъ представляется, въ его основныхъ чертахъ, credo поэта, который, между прочимъ, заканчиваетъ одно изъ своихъ стихотвореній («Заклятіе») слѣдующей строфой:

Быть можетъ ересь я пою?
Мой духъ ослѣпъ, оглохъ?
О, нѣтъ, я слышу мысль мою,
Я знаю, вѣченъ Богъ!

И поэтъ отдается властному призыву свободолюбиваго влеченія, ибо—«Все, чему въ цѣпяхъ не тѣсно,—смертью тусклою умретъ». Онъ воспѣваетъ свободную волю человѣка (73): «Для себя ища свободу, я ее другому дамъ», съ оговоркой, правда: «Или вмѣстѣ будетъ тѣсно, слишкомъ тѣсно будетъ намъ». Но этого предугадать нѣтъ возможности:

Солнце ландыши ласкаетъ, ихъ сплетаетъ въ хороводъ,
А захочетъ—и зардѣетъ—и пожаръ въ степи зажжетъ.

Авторъ останавливается на индивидуальномъ стремленіи—сохранить *свою* вольную душу, но въ этомъ уже заключается возстановленіе цѣлостной личности, которой, какъ мы видѣли, призывъ отдаться однимъ мечтамъ грозилъ серьезною опасностью. Въ первомъ стихѣ во всякомъ случаѣ выразился съ наилучшей стороны новѣйшій индивидуализмъ и, несмотря на кажущуюся его противоположность прежнимъ девизамъ альтруизма, смиренія, отказа отъ своей личности и т. п., онъ провидитъ въ будущемъ осуществленіе тѣхъ же завѣтовъ. Быть можетъ онъ окажется устойчивѣе и въ проведеніи своихъ идеаловъ въ жизнь, тогда какъ поколѣніе «нытиковъ» сложило оружіе, выплакавъ свое безсиліе въ жалобно-грустныхъ или гнѣвно-негодующихъ стихахъ, но безъ твердой опоры въ увѣренныхъ «хотѣніяхъ» личности. А во всякомъ случаѣ имѣть вольную душу—значитъ и имѣть волю мыслить, быть съ думами, а не «безъ думы», и эти думы, направившія поэта къ разнымъ

«стихіямъ», привели и къ слѣдующему выводу, выраженному въ прекрасномъ стихотвореніи, которое приведемъ цѣликомъ («Три легенды»):

Есть лишь три легенды сказочныхъ вѣковъ.
Смыслъ ихъ, вѣчно—старый, точно утро новъ.
И одна легенда, блескъ лучей дробя,
Говоритъ: „О, смертный! Полюби себя".
А другая, въ свѣтѣ страсти безъ страстей,
Говоритъ: „О, смертный! Полюби людей."
И вѣщаетъ третья, нѣжно, точно вздохъ:
„Полюби безсмертье. Вѣченъ только Богъ."
Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти.
О скорѣй, скорѣе! Торопись въ пути.
Въ храмѣ сновъ безсмертныхъ дышитъ нѣжный свѣтъ,
Есть всему разгадка, есть на все отвѣтъ.
Не забудь же сердцемъ, и сдержи свой вздохъ:
Ярко только солнце, вѣченъ только Богъ!

«Нужно *всѣ* пройти»—это существенно; три стадіи, неизбѣжныя и общежелательныя, а за предѣлами третьяго преддверья мы всѣ рано или поздно очутимся. Оно, конечно, единое вѣчное.

Но что же сказала поэту природа, къ которой онъ обратился, отвернувшись отъ неудовлетворявшихъ его людскихъ отвѣтовъ и совѣтовъ? Прислушаемся къ «Завѣту бытія» (46):

Я спросилъ у свободнаго вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ?
Мнѣ отвѣтилъ играющій вѣтеръ:
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ".
Я спросилъ у могучаго моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія?
Мнѣ отвѣтило звучное море:
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!"
Я спросилъ у высокаго солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари?
Ничего не отвѣтило солнце,
Но душа услыхала: „Гори!"

Символическій языкъ здѣсь достаточно прозраченъ, чтобы не нуждаться, ни въ какихъ комментаріяхъ. Такъ доходимъ мы и до уразумѣнія загадочнаго лишь на первый взглядъ заглавія сборника, который отнюдь не представляется просто шумихой, но передаетъ дѣйствительно основное стремленіе поэта, служитъ его лейтмотивомъ.

Мы остановились на выясненіи отвлеченнаго міропониманія г. Бальмонта, такъ какъ, кажется, главныя нападки противъ него были именно съ точки зрѣнія содержанія его поэзіи, за которой многіе не признаютъ существеннаго значенія. Весьма пренебрежительно отозвался о немъ и г. Андреевскій, признающій въ г. Бальмонтѣ лишь «весьма искуснаго версификатора», но считающій его произведенія совершенно чуждыми «истинной поэзіи». Эпитетъ «искуснаго версификатора»—является прежде всего въ рѣзкой оппозиціи съ положеніемъ о «вырожденіи риѳмы», которое автору всячески приходится взять назадъ. Г. Бальмонтъ не только умѣетъ чрезвычайно разнообразить

размѣры, но именно по отношенію къ риѳмѣ является настоящимъ виртуозомъ. Она не только легко и свободно приходитъ, по зову поэта, въ концѣ стиховъ, то черезъ строку, то попарно, то въ концѣ разныхъ строфъ, но у него нерѣдки и такъ называемыя внутреннія риѳмы, которыя вторгаются въ стихи, какъ показатель избытка средствъ (напр.,—«но повсюду вѣчно чуду буду вѣрить я мечтой—буду вольнымъ и красивымъ, буду сказкой золотой»). Впрочемъ, нѣсколько ниже и г. Андреевскій, словно спохватившись, замѣчаетъ, что — «внѣшній стихотворный талантъ г. Бальмонта по истинѣ замѣчателенъ» (452).

Это сознаетъ и самъ авторъ. Онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ даетъ опредѣленіе своего значенія, какъ поэта, скажемъ безъ «ложнаго стыда». Цѣну онъ себѣ знаетъ и выставляетъ своей главной заслугой то, что онъ создалъ «звонкій стихъ»,—«и этотъ стихъ не ложь»—прибавляетъ онъ слѣдомъ. Думаемъ, что авторъ правъ, и что въ минуты настоящаго вдохновенія онъ не лжетъ ни себѣ, ни другимъ. Пріемъ отожествлять себя съ объектомъ своей пѣсни, старый пріемъ, особенно излюбленный Шелли, которому г. Бальмонтъ особенно близокъ не только, какъ его переводчикъ, вызвалъ, между прочимъ какъ намъ кажется, недоразумѣніе въ толкованіи одного стихотворенія Бальмонта о поэзіи; въ немъ усмотрѣли (Н. К. Михайловскій) склонность къ чрезвычайному самолюбованію у автора. Оно начинается: «Я изысканность русской медлительной рѣчи» (66) и заключаетъ въ себѣ дѣйствительно весьма высокую оцѣнку поэзіи и поэта. Но почему этимъ поэтомъ долженъ быть непремѣнно самъ авторъ? Развѣ онъ не говоритъ въ другихъ случаяхъ: «Я отошедшій день»... «Я предвѣчное свѣтило» и т. п. Это просто пріемъ изложенія—«субъективированіе» объекта пѣснопѣнія. И какъ бы поясненіемъ къ стихотворенію объ «изысканномъ стихѣ», что авторъ все же скромнѣе, чѣмъ полагаютъ его критики, служитъ другое—«Мои пѣснопѣнья», гдѣ поэтъ, по завѣту Пушкина («Эхо»), но въ оригинальной формѣ, говоритъ:

Я звучныя пѣсни не самъ создавалъ,
Мнѣ забросилъ ихъ горный обвалъ,
И вѣтеръ влюбленный, дрожа по струнѣ,
Трепетанія передалъ мнѣ,
Воздушныя пѣсни съ мерцаньемъ страстей
Я подслушалъ у звонкихъ дождей и т. д.

Почему же поэзія г. Бальмонта показалась не настоящей поэзіей? Какія особыя примѣты истинной поэзіи? Искреннее одушевленіе, образность выраженія, стройная музыкальность формы, все это есть у г. Бальмонта, умѣющаго къ тому же оригинально мыслить и находить индивидуальныя выраженія своимъ мыслямъ и ощущеніямъ. Иногда форма слишкомъ субъективна и на первый разъ озадачиваетъ и смущаетъ. Но если г. Бальмонтъ назвалъ свой сборникъ «книгой символовъ», то по временамъ онъ даетъ и такія реалистичныя описанія, которыя могутъ показаться даже супра-натурализмомъ (см., напр., «Къ смерти»). Въ большинствѣ же случаевъ его символы отличаются достаточною ясностью. Бываютъ, правда, случаи, когда на сцену выступаютъ неожиданно какія-то «рыбъ морскихъ чуть дышащія жабры» (въ риѳму съ

«канделябры», указывающіе на не совсѣмъ подходящую обстановку для «жабръ»); или въ глазахъ другого поэтъ видитъ—«обрывы, провалы, огонь, облака...», наконецъ, выражаясь не совсѣмъ «изысканною русскою рѣчью», появляется всякая чертовщина... Все это ничуть не служитъ къ украшенію музы г. Бальмонта, какъ и вышеупомянутыя «мечтающія ноги». Но они не должны заслонять намъ тѣ жемчужины истинной поэзіи, которые выплываютъ и изъ-подъ «жабръ морскихъ рыбъ». Это условная символика, по традиціямъ отъ Бодлера, отъ которой поэтъ могъ бы легко освободиться. Другая его слабость выставлять себя порою какимъ-то демономъ зла и говоритъ о превосходствѣ пороковъ подъ святостью (255). Но страннымъ образомъ, «страшныя» самообличенія автора не страшны; отъ нихъ не вѣетъ «губительнымъ пожаромъ страстей» и противовѣсомъ имъ служитъ данное имъ же опредѣленіе художника: «Въ пылу страстей я правлю ихъ игрой», и великолѣпный стихъ въ той же пьесѣ: «Я въ пышный смерчъ свиваю пыльный соръ». Но вѣдь лучше, говорятъ, и не поднимать пыли... Поэтъ самъ нѣсколько разъ предостерегаетъ насъ отъ увлеченія страстями (стр. 134: Любите, но страсти не вѣрьте! и т. п.) и предугадываетъ возмездіе «за любовь свою чрезмѣрную къ наслажденіямъ земнымъ». Это не служитъ къ вящему «соблазну» грѣха!

Много есть и безусловно прекрасныхъ стихотвореній въ новомъ сборникѣ г. Бальмонта, но выборъ между ними неизбѣжно окажется субъективнымъ. Намъ лично меньше нравятся его космическія поэмы въ отдѣлѣ «четверогласіе стихій», чѣмъ короткія чисто лирическія пьесы, изящныя, мелодичныя и цѣльныя въ своей простотѣ. Есть начало настоящей эпической поэмы, изъ дѣтскихъ воспоминаній, которое заставляетъ сожалѣть, что авторъ такъ круто оборвалъ его на *страшномъ* «заклятіи». Съ удивительнымъ мастерствомъ авторъ соперничаетъ стихомъ съ силою рѣзца, описывая фигуры химеръ на соборѣ парижской Notre Dame («Я въ стихъ влагаю твой скульптурный крикъ»): фигуры выростаютъ передъ глазами какъ бы живьемъ. Кругозоръ поэта обширенъ: онъ обнимаетъ и область интимной лирики, и описанія природы, и произведенія искусства разныхъ странъ и народовъ, и облекаетъ въ новую форму старинныя легенды.

Оригинальный въ своихъ выраженіяхъ, г. Бальмонтъ, однако, нигдѣ не насилуетъ строя русскаго языка. Намъ показалось только порою чрезмѣрнымъ пристрастіе автора къ искусственнымъ отвлеченнымъ словамъ (различность, 60, 250; безбурность, 110; перемѣнность, 160; недужность, 169; непостижность, 214; недвижность, 221; повторность 250 и т. п.) и два, три неологизма (218: «Таинственно *кровавятся* лучи», 20; «Въ душѣ *разъялась* глубина», 55; «струны *узывчиво* звенятъ» 55) нѣсколько рискованными.

Закончимъ пожеланіемъ, чтобы авторъ освободился отъ тѣхъ привѣсокъ, которыя, какъ струпья послѣ перенесенной болѣзни, заслоняютъ чистоту образа: поменьше «мечтающихъ ногъ» или лучше совсѣмъ бы безъ нихъ, и поэтъ перестанетъ только «качаться» въ сердцахъ его читателей, а займетъ у нихъ то прочное мѣсто, которое вполнѣ заслужилъ его выдающійся талантъ.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Юбилей Л. Н. Толстого. «Русск. Вѣд.» сообщаютъ, что день своего семидесятипятилѣтія (28-го августа) Левъ Николаевичъ Толстой встрѣтилъ столь же бодрымъ, столь же полнымъ духовнаго одушевленія и физическихъ силъ, какимъ онъ былъ все послѣднее время. День этотъ прошелъ въ Ясной Полянѣ въ тѣсномъ кругу собравшихся дѣтей Льва Николаевича съ ихъ семьями и нѣсколькихъ близкихъ друзей и знакомыхъ. Утромъ Льва Николаевича привѣтствовали представители редакціи «Посредника», поднесшіе Льву Николаевичу экземпляръ выпущеннаго ко дню его 75-ти лѣтія сборника «Мысли мудрыхъ людей», составленнаго Львомъ Николаевичемъ. Въ это же время ему переданы были глубоко прочувствованно написанный адресъ, подписанный многочисленными московскими почитателями, и адресъ отъ собравшихся въ Ярославлѣ во время выставки сѣвернаго края литераторовъ, представителей просвѣтительныхъ обществъ, земскихъ и другихъ общественныхъ дѣятелей. Адресъ этотъ слѣдующаго содержанія: «Шлемъ горячія пожеланія долголѣтней жизни тому, кто, пронизывая мракъ свѣтомъ своего генія, указываетъ путь къ достиженію правды и добра».

Побесѣдовавъ немного со всѣми гостями, Левъ Николаевичъ ушелъ по обыкновенію къ себѣ въ кабинетъ работать. Въ третьемъ часу, окончивъ свои занятія, онъ поѣхалъ верхомъ, какъ дѣлалъ это постоянно все лѣто. Затѣмъ, вернувшись, онъ провелъ все время обѣда и вечеръ въ оживленной бесѣдѣ со всѣми собравшимися въ Ясной Полянѣ. Весь день и весь вечеръ приходили и продолжаютъ приходить телеграммы съ привѣтствіями изъ разныхъ мѣстъ, начиная съ Петербурга и Москвы и кончая Манчжуріей, отъ лицъ всевозможныхъ классовъ и положеній. Прочувствованную телеграмму прислала петербургская публичная Императорская библіотека. Среди другихъ телеграммъ выдѣляется слѣдующая: «Проповѣднику святости труда, гонителю предразсудковъ, рабства и несправедливостей человѣческихъ отношеній шлютъ привѣтъ рабочіе города Харькова!»

Л. Н. Толстой на судѣ. Журналъ «Право» напечаталъ интересную статью г. Ипполитова, въ которой приведена защитительная рѣчь графа Л. Н.

Толстого. Эта рѣчь, по словамъ г. Ипполитова, интересна не только потому, что неизвѣстна біографамъ и критикамъ, но и потому, что имѣетъ несомнѣнное значеніе для уразумѣнія отношенія Л. Н. Толстого къ явленіямъ, связаннымъ съ правосудіемъ.

Рѣчь эта была произнесена графомъ Л. Н. Толстымъ по дѣлу объ унтеръ-офицерѣ Шабунинѣ, преданномъ суду за нанесеніе въ пьяномъ видѣ удара офицеру. Гр. Толстой въ своей рѣчи занимается толкованіемъ закона, сопоставленіемъ статей, говоритъ объ общемъ духѣ нашего законодательства, о невмѣненіи и проч. Рѣчь эта носитъ совершенно адвокатскій характеръ, и Л. Н. старается въ ней соблюсти всѣ внѣшніе пріемы судоговоренія. Сообщаемые факты г. Ипполитовъ нашелъ въ совершенно забытомъ «Листкѣ», выходившемъ въ гор. Тулѣ въ 1866 году. «Судъ происходилъ,—сообщаетъ «Листокъ»,—гласный, при открытыхъ дверяхъ, 16-го іюня, въ деревнѣ Ясенки, въ помѣщичьемъ домѣ. Защитникомъ подсудимаго выступилъ извѣстный литераторъ—графъ Л. Н. Толстой», и далѣе «Листокъ» приводитъ рѣчь защитника цѣликомъ. Обвиняемый Шабунинъ былъ приговоренъ по всей силѣ ст. 604 воен. угол. закон. къ смертной казни.

Въ печати того времени,—говоритъ г. Ипполитовъ,—рѣчь Л. Н. Толстого не была отмѣчена и только газета «Вѣсть» похвалила эту рѣчь, находя, что она «выгодно выдѣляется отсутствіемъ изворотливости и легальностью точки зрѣнія».

Разсказывая этотъ эпизодъ изъ жизни великаго писателя земли русской, «Право» говоритъ:

«Повидимому, въ найденномъ нами дѣлѣ о Шабунинѣ Толстой впервые столкнулся съ вопросами суда и преступленія, и новая область задѣла художника наиболѣе ужаснымъ угломъ своимъ, который долженъ былъ провести неизгладимую борозду въ душѣ художника. Насколько можно судить по рѣчи, Толстой, приступая къ защитѣ несчастнаго солдатика, не задумывался еще глубоко надъ этими вопросами. Всѣ доводы рѣчи вращаются въ общепринятыхъ границахъ и шаблонахъ. Какъ странно звучитъ теперь для насъ эта рѣчь въ устахъ Толстого, автора «Воскресенія».

40-лѣтіе «Русскихъ Вѣдомостей». 3-го сентября «Русскія Вѣдомости» праздновали сорокалѣтіе своего существованія.

Въ типографіи газеты въ первомъ часу дня была отслужена панихида по бывшимъ редакторамъ изданія—Н. Ф. Павловѣ, Н. С. Скворцовѣ и сотрудникахъ М. А. Саблинѣ и Г. А. Джаншіевѣ, а затѣмъ молебствіе.

Послѣ богослуженія состоялся завтракъ, сервированный на открытомъ воздухѣ во дворѣ типографіи. На завтракѣ присутствовали редакторы, сотрудники и служащіе въ типографіи и конторѣ изданія.

Рѣчи были сказаны Д. Н. Анучинымъ и В. М. Соболевскимъ. Послѣднему были поднесены—адресъ и образъ отъ конторы и адресъ отъ типографіи, кромѣ того, поднесли адресъ И. П. Яковлеву, метранпажу, служащему съ основанія газеты

Около трехъ часовъ торжество закончилось.

Вечеромъ, въ 7 час., въ «Эрмитажѣ» состоялся обѣдъ, на которомъ отъ товарищества по изданію газеты было высказано, что, заботясь объ обезпеченіи матеріальнаго положенія служащихъ, товарищество, образовавшееся 20 лѣтъ тому назадъ, рѣшило тогда же привлечь всѣхъ служащихъ къ участію въ прибыляхъ предпріятія, отчисляя ежегодно въ ихъ пользу 15%, часть коихъ выдается на руки служащимъ, а другая часть поступаетъ на образованіе вспомогательнаго для нихъ фонда. Изъ этого фонда, достигшаго уже за время его существованія значительныхъ размѣровъ, выдаются пособія служащимъ въ трудныхъ случаяхъ ихъ жизни и даже по возможности пенсіи. Но съ увеличеніемъ числа служащихъ и продолжительности ихъ службы фондъ этотъ становится недостаточнымъ для послѣдней цѣли. Въ виду этого товарищество озабочено въ настоящее время разработкой вопроса о возможности образованія рядомъ съ вспомогательнымъ фондомъ и пенсіоннаго. Въ заключеніе была выражена отъ издателей глубокая сердечная благодарность всѣмъ работающимъ въ дѣлѣ изданія и отдѣльно каждому изъ старыхъ служащихъ, изъ которыхъ одинъ, какъ сказано, состоитъ на службѣ 40 лѣтъ, другіе 37, 35, 30 лѣтъ, нѣкоторые свыше 20-ти и многіе болѣе 10-ти лѣтъ.

Днемъ редакціи были принесены поздравленія нѣсколькими депутаціями—отъ студентовъ московскаго университета, отъ студентовъ инженернаго училища, отъ херсонской общественной библіотеки и др. Вечеромъ за обѣдомъ прочитаны были телеграммы. Всѣхъ телеграммъ получено болѣе 120.

До 1868 г. газета выходила три раза въ недѣлю. Основателемъ ея и первымъ редакторомъ былъ Н. Ф. Павловъ, затѣмъ издателями были: съ 1865 г. И. Н. Павловъ, съ половины 1866 г.—Н. С. Скворцовъ, съ конца 1882 г.—В. М. Соболевскій; они же завѣдывали и редакціей. Въ 1883 г. газета перешла въ собственность литературнаго товарищества, въ составъ котораго вошли В. М. Соболевскій, проф. А. И. Чупровъ, П. И. Бларамбергъ. Г. А. Джаншіевъ (†), М. А. Саблинъ (†), проф. А. С. Посниковъ, А. П. Лукинъ, проф. Д. Н. Анучинъ, В. Ю. Скалонъ, Пагануцци (†) и Богдановъ. Отвѣтственные редакторы: А. С. Посниковъ и В. М. Соболевскій. Газета, получивъ въ мартѣ 1898 г. 3-е предостереженіе, была пріостановлена на 2 мѣсяца и затѣмъ подчинена особому виду предварительной цензуры, установленному прим. къ ст. 144 ценз. уст. Въ теченіе сорокалѣтняго существованія «Русск. Вѣд.» завоевали прочное мѣсто, выдѣляясь выдержкой направленія въ ряду прогрессивныхъ русскихъ изданій. Газета въ настоящемъ ея видѣ является органомъ русской прогрессивной интеллигенціи.

Оглядываясь теперь на пройденный путь, равный хотя бы по времени сорокалѣтнему странствованію евреевъ въ пустынѣ, газета вспоминаетъ тѣ свои статьи, въ которыхъ ей приходилось излагать свои общіе взгляды. 3-го сентября 1883 года газета писала:

«Мы постояннно отстаивали въ примѣненіи къ вопросамъ внутренней жизни страны истинную народную политику, понимая этотъ терминъ въ смыслѣ обезпеченія и распространенія во всей многомилліонной массѣ рус-

скаго народа основныхъ благъ, безъ которыхъ невозможно сколько-нибудь разумное человѣческое существованіе,—свободы, просвѣщенія и матеріальнаго достатка...

«Признавая, что въ нашемъ деревенскомъ государствѣ благосостояніе сельскихъ жителей, составляющихъ громадное большинство народа, является не только основною, господствующею цѣлью внутренней политики, но и кореннымъ условіемъ процвѣтанія всѣхъ остальныхъ классовъ общества и государственнаго хозяйства, наша газета съ особенною подробностью разрабатывала на своихъ страницахъ разныя стороны крестьянскаго вопроса... Наряду съ выгодами матеріальными наша газета старалась охранять духовные интересы крестьянства: его самоуправленіе и просвѣщеніе... Желая для крестьянства возможно широкаго распространенія перечисленныхъ благъ, мы тѣмъ болѣе цѣнили ихъ въ примѣненіи къ остальнымъ общественнымъ классамъ, которые уже успѣли въ нѣкоторой степени заручиться ими».

3-го сентября 1888 года газета заявляла, что «имѣть цѣлью прежде всего выясненіе русскихъ народныхъ нуждъ».

Наконецъ, въ своей нынѣшней юбилейной статьѣ газета заявляетъ, что «по мѣрѣ того какъ выступали на очередь новые вопросы, газета отзывалась на нихъ въ духѣ своей программы. Такъ, она пользовалась всѣми случаями, чтобы выразить свое сочувствіе стремленіямъ къ огражденію свободы совѣсти, къ осуществленію общедоступности обученія, къ уравненію крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и въ частности къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, къ развитію фабричнаго законодательства въ цѣляхъ большаго обезпеченія существенныхъ правъ и нуждъ рабочихъ, къ утвержденію большей закономѣрности во всѣхъ проявленіяхъ государственной и общественной жизни и большаго контроля государства во всѣхъ случаяхъ, гдѣ интересы болѣе слабыхъ нуждаются въ охранѣ. Горячо привѣтствовала также наша газета начатую реформу средняго образованія, радовалась проектированнымъ улучшеніямъ въ постановкѣ высшей школы, указывала на пользу и важность начатыхъ совѣщаній о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, отмѣчала значеніе различныхъ коллективныхъ общественныхъ и профессіональныхъ начинаній съ прогрессивными цѣлями, подвергала вообще болѣе или менѣе подробному обсужденію новые факты въ развитіи нашего законодательства и проекты мѣропріятій по отношенію къ различнымъ вопросамъ народнаго хозяйства и финансовъ, земскаго и городского самоуправленія, права и труда, народнаго просвѣщенія, печати и т. д.».

Намъ нечего прибавлять къ этимъ строкамъ для полноты характеристики взглядовъ этой газеты, такъ много сдѣлавшей для разъясненія насущныхъ вопросовъ русской жизни. Мы можемъ только съ своей стороны пожелать редакціи уважаемой газеты сохранить бодрость и силу для дальнѣйшаго служенія тѣмъ идеаламъ, которые путеводной звѣздой горятъ на знамени передовой части русской интеллигенціи.

Открытіе памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 30-го августа Полтава праздновала открытіе памятника родоначальнику украинской литературы И. П. Котляревскому. Пользуясь сообщеніемъ южныхъ газетъ приведемъ краткое описаніе этого торжества.

Весь памятникъ, высѣченный изъ чернаго мрамора, увитъ дубовыми гирляндами и вѣнками. Вокругъ него возвышается двойная ограда. Къ памятнику допускались лишь приглашенныя лица. На лицевой его сторонѣ ниже креста вдѣланъ горельефъ, изображающій поэта, а подъ нимъ четверостишіе Шевченко:

„Будешь, батьку, пануваты,
Докы живуть люде,
Докы соньце зъ неба сяе,
Тебѣ не забудуть".

Внизу на пьедесталѣ высѣчено: «Родывся року Божьяго 1769. Почывъ 1838. Першій украиньскій народный поэтъ». Съ лѣвой стороны памятника надпись: «Коштомъ Полтавского губерньского земьства».

Около 7 часовъ вечера состоялось торжественное засѣданіе полтавской думы, посвященное чествованію памяти Котляревскаго. Засѣданіе было открыто рѣчью г. городского головы, который между прочимъ отмѣтилъ, что чтить великихъ людей есть прямой долгъ потомства и что Полтава въ настоящее время исполняетъ свой благодарный долгъ передъ великимъ своимъ согражданиномъ И. П. Котляревскимъ. Затѣмъ голова привѣтствовалъ и благодарилъ всѣхъ способствовавшихъ успѣшному исполненію желанію думы относительно сооруженія памятника, всѣхъ жертвователей и гостей, особенно гостей изъ Галиціи. Послѣ рѣчи головы г. Маркевичъ прочелъ краткую историческую записку о сооруженіи памятника Котляревскому. Въ своей рѣчи г. Маркевичъ коснулся мотивовъ сооруженія памятника, данныхъ о пожертвованіяхъ *), отмѣтилъ, что наиболѣе пожертвованій собиралось среди самаго простого народа (54% всего собраннаго капитала) и что поэтому данный памятникъ есть первый народный памятникъ народному поэту (продолжительныя и бурныя рукоплесканія), выразилъ глубокую благодарность всѣмъ способствовавшимъ дѣлу скораго и успѣшнаго сооруженія памятника (Позенъ, Ширшовъ, Певный, Волковъ и др.) и возгласилъ вѣчную славу поэту, который первый далъ родному слову и народу признаніе прочихъ культурныхъ народовъ.

Было уже около половины одиннадцатаго вечера, когда началось чтеніе привѣтствій и адресовъ. Первыми выступили со своими привѣтствіями галицкіе депутаты. Встрѣченный настоящею бурею рукоплесканій, сѣдовласый почтенный посолъ австрійскаго парламента г. Романчукъ въ своей рѣчи остановилъ вниманіе на значеніи литературы въ Украинѣ, какъ единственнаго средства проявленія національнаго я, и на значеніи дѣятельности Котляревскаго для галицкаго возрожденія. На смѣну галичанамъ выступили представители русскихъ ученыхъ и иныхъ культурныхъ учрежденій, депутаты городовъ, губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Послѣ всѣхъ этихъ делегатовъ имѣлъ выступить

*) Наиболѣе собрано въ Кіевѣ и Петербургѣ.

рядъ представителей различныхъ обществъ и учрежденій съ адресами, написанными по-украински.

Культурный уголокъ. «Саратовскій Дневникъ» приводитъ въ извлеченіи интересную статью о менонитахъ, помѣщенную въ «Справочномъ С.-Х. Листкѣ», издаваемомъ саратовскимъ губернскимъ земствомъ. Статья эта носитъ заглавіе—«Культурный уголокъ въ невоузенскомъ уѣздѣ» и содержитъ въ себѣ описаніе менонитскихъ хозяйствъ Малышевской волости, Новоузенскаго уѣзда. Это дѣйствительно культурный уголокъ въ смыслѣ цвѣтущаго состоянія земледѣльческаго хозяйства.

Менониты пользуются въ Новоузенскомъ уѣздѣ извѣстностью на большой округѣ и слывутъ подъ названіемъ пруссаковъ. По словамъ самихъ менонитовъ, происхожденіе ихъ таково: родичи ихъ выселились во время религіозныхъ гоненій изъ Голландіи, частью въ Пруссіи, а частью на югъ Африки; затѣмъ изъ Пруссіи части выходцевъ русское правительство уступило въ Новоузенскомъ уѣздѣ, въ колонизаторскихъ цѣляхъ, на льготныхъ условіяхъ участокъ земли въ 17.000 десятинъ, на которыхъ менониты образовали 10 селеній по 25 дворовъ въ каждомъ, съ владѣніемъ по 65 десятинъ на дворъ; это переселеніе произошло въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Собственно дѣленіе на 10 селеній является чисто внѣшнимъ, административнымъ; въ тѣсномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ ни одного селенія, а есть рядъ хуторовъ или вѣрнѣе фольварковъ.

По обѣимъ сторонамъ улицы, перпендикулярно къ дорогѣ, протянулись 65 десятинъ владѣнія каждаго двора въ 160 саженъ по длинѣ улицы и въ 2 версты въ глубь отъ нея по обѣ стороны улицы; такимъ образомъ все владѣніе менонитовъ вытянулось въ длинную ленту шириною въ 4 версты и длиною въ десятки верстъ; усадьба каждаго построена на принадлежащемъ ему владѣніи, примыкая къ улицѣ, причемъ хутора тянутся по обѣ стороны улицы, но не другъ противъ друга, а въ шахматномъ порядкѣ. Домъ стоитъ въ глубинѣ двора, а предъ нимъ, выходя на улицу, разбитъ фруктовый садъ, отдѣленный отъ улицы заборомъ или желѣзной двухрядной проволочной лентой; то, что остается незанятымъ садомъ по длинѣ улицы, составляетъ уже пашню и отдѣлено отъ улицы также заборомъ или проволокой, такъ что получается такая картина, что вы ѣдете селомъ, въ которомъ хлѣбные посѣвы начинаются съ улицы. Первое впечатлѣніе послѣ монотонно-унылыхъ и бѣдныхъ новоузенскихъ картинъ при въѣздѣ въ эту двухрядную колонію до того очаровательно, что отъ неожиданности вы перестаете довѣрять своимъ чувствамъ, все дышитъ своеобразною оригинальностью, начиная съ хлѣбовъ, волнуемыхъ вѣтромъ и идущихъ по сторонамъ улицы оригинальныхъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ съ высокой конической крышей, крытой черепицей, или побѣднѣе соломеннымъ ковромъ, солидныхъ хозяйственныхъ построекъ, примыкающихъ непосредственно къ жилому дому; а фруктовые сады, тщательно утрамбованные, вычищенные и подрѣзанные, съ цвѣточными клумбами и ягодными кустами, съ работающими въ нихъ подростками обоего пола въ

шляпахъ и нѣмецкихъ костюмчикахъ, прямо просятся на картину. Усадьбы всей волости имѣютъ одинъ общій тонъ: нѣтъ ни одной, при которой не было бы сада, нѣтъ ни одной заброшенной или запущенной, на всѣхъ лежитъ отпечатокъ трудолюбія, во всемъ сказывается упорная работа обитателей. Оба поколѣнія менонитовъ старшее и младшее,—выросшее уже въ Россіи,—говорятъ на двухъ языкахъ—нѣмецкомъ и голландскомъ; по-русски старшіе изъясняются съ трудомъ, младшіе свободнѣе. Юридическія особенности быта таковы, что все имущество и движимое и недвижимое принадлежитъ семьѣ; по смерти родителей оно переходитъ по наслѣдству къ дѣтямъ обоего пола по равной части, но земельная собственность при этомъ не дробится, а переходитъ къ одному изъ членовъ съ выдѣломъ соотвѣтственной равноцѣнной части изъ движимаго имущества остальнымъ. Эта-то недробимость земельной собственности и способствовала, конечно, накопленію здѣсь богатства въ видѣ роскошныхъ усадьбъ, садовъ и пр. Чтобы составить понятіе о солидности и богатствѣ такого однотипичнаго для уѣзда хозяйства приводится слѣдующее описаніе хозяйства менонита Петра Исаака.

Деревянный домъ на высокомъ фундаментѣ съ трехъ сторонъ окруженъ фруктовымъ садомъ; домъ настолько великъ и изященъ, что былъ бы не изъ послѣднихъ въ губернскомъ городѣ, съ антресолью, состоитъ изъ 4 свѣтлыхъ высокихъ комнатъ, по убранству напоминающихъ таковое у крупныхъ капиталистовъ купцовъ цивилизованнаго оттѣнка, съ своеобразными вывезенными изъ Германіи сундуками, буфетами, шкафами и рисунками по стеклу; чистота обстановки поразительна, за чистой половиной слѣдуетъ столовая и отдѣльно кухня; столовая содержится чисто, но безъ всякихъ убранствъ; здѣсь хозяева завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ съ своими рабочими; теплымъ маленькимъ корридорчикомъ или сѣнцами съ столовой соединяется теплая же конюшня; у Исаака она на 60 стойлъ, стойла въ два ряда съ промежуткомъ по срединѣ и со скатнымъ деревяннымъ поломъ къ срединѣ же, гдѣ по жолобу удаляются жидкія нечистоты на противоположный конецъ отъ дома; ясли придѣланы къ стѣнамъ конюшни, не протекающія, питьевая вода для лошадей подается внизъ водопроводнымъ краномъ изъ колодца; конюшни чистыя, свѣтлыя, вентилируются; тяжелаго запаха въ нихъ нѣтъ, хотя лошади содержатся здѣсь круглый годъ; въ концѣ конюшни загибаются глаголемъ, это хлѣва для коровъ, овецъ и свиней; рабочія лошади высокорослы и сильны, выѣздныя-орловскія полукровки и даже одинъ англійскій скакунъ; коровы метисы голландки и нѣсколько метисовъ сементалокъ и альгаузовъ; свиньи полукровки. Противъ конюшни виситъ каменная башня, построенная надъ колодцемъ, изъ котораго вода подается вверхъ въ бакъ конным топчакомъ, а изъ бака по подземнымъ трубамъ разносится въ конюшни и въ домъ; въ глубинѣ двора отдѣльно отъ всѣхъ зданій построенъ огромный деревянный молотильный сарай, крытый ковровой крышей, въ него свозится хлѣбъ въ снопахъ и здѣсь обмолачивается, противъ дома и конюшенъ по другую сторону двора тянутся два деревянныхъ амбара для орудій и одинъ, обложенный кирпичомъ, нижній этажъ котораго занятъ телѣгами, экипажами, санями, а

въ двухъ верхнихъ этажахъ закромы для ссыпки хлѣба; фуры рессорныя; среди орудій находятся жнейки-сноповязки, косилки, конныя грабли, плуги Сакка, Эккерта, кольчатые катки, пружинныя бороны, рядовыя сѣялки и стоятъ на покоѣ вывезенныя изъ Германіи тяжелые плуги на чугунныхъ рамахъ, въ которые впрягали не менѣе 6 лошадей.

Во владѣніи Исаака находится пять 65-ти десятинныхъ пайковъ; помимо сельскаго хозяйства другого занятія нѣтъ и на это владѣніе въ 325 десятинъ у него такой инвентарь и по качеству и размѣрамъ, что у частныхъ владѣльцевъ уѣзда такой же можно встрѣтить при земельной площади не менѣе 2—3 тысячъ десятинъ, а хозяйство и у перваго ведется не на любительскихъ началахъ, слѣдовательно есть разсчетъ заводить крупный инвентарь и на малой, считая для уѣзда, площади.

Полевое хозяйство на каждомъ 65-десятинномъ пайкѣ ведется самостоятельно по принятому для каждаго сѣвообороту; сѣвооборотъ почти у всѣхъ одинъ и тотъ же—5-ти-польный: 1) черный паръ, нѣкоторыми удобряемый навозомъ, 2) озимая рожь, 3) пшеница бѣлотурка, 4) пшеница русская или полтавка, 5) овесъ или ячмень.

Всю систему менониты вывезли изъ Германіи; эта система въ примѣненіи въ Новоузенскомъ уѣздѣ дала блестящіе результаты.

Описаніе тюрьмы. Г. Ник—нскій въ «Правѣ» излагаетъ свои наблюденія надъ условіями одиночнаго заключенія въ петербургскомъ «Крестѣ».

С.-петербургская одиночная тюрьма—лучшая изъ русскихъ тюремъ—производитъ, при внѣшнемъ осмотрѣ, далеко не отталкивающее впечатлѣніе. Громадное, суровое снаружи, зданіе внутри поражаетъ своеобразною строгою красотою пересѣкающихся накрестъ корридоровъ, по стѣнамъ которыхъ перекинуты пять этажей чугунныхъ галлерей, соединенныхъ между собою такими же чугунными мостками. Кельи, расположенныя рядами по галлереямъ, просторны, содержатъ достаточное количество воздуха и, за немногими исключеніями, хорошо освѣщаются. Чистота поддерживается образцовая. Асфальтовый полъ корридоровъ буквально блеститъ, какъ зеркало. Каждая пылинка немедленно убирается. Деревянные полы камеръ почти ежедневно натираются воскомъ, а черезъ нѣкоторые промежутки тщательно моются мыломъ. Постельное бѣлье свѣжее и чистое. Мѣдная вылуженная посуда для умыванія и пищи горитъ. Только выносное клозетное ведро, заключенное въ деревянный стулъ, является темнымъ пятномъ въ этомъ образцовомъ гробѣ. Но, въ общемъ, гигіеническія условія петербургской одиночной тюрьмы должны быть признаны болѣе чѣмъ удовлетворительными. Однако, несмотря на свѣтъ, воздухъ и сады, арестанты поражаютъ наблюдателя не только изнуреннымъ, но и убитымъ, подавленнымъ видомъ. Ихъ движенія отличаются унылою автоматичностью. Ихъ блѣдныя лица неподвижны и апатичны. Трудно допустить, что передъ вами не обитатели больницы, а здоровые люди. Но режимъ одиночной тюрьмы, образцовой по устройству, объясняетъ все.

Объяснивъ тягостную организацію работъ въ «Крестѣ», г. Ник—нскій продолжаетъ:

«Это вліяніе принудительной работы усиливается и полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо заботъ объ умственной и, вообще, духовной жизни заключенныхъ отсутствіемъ, которое ясно видно изъ расписанія дня. Петербургская образцовая тюрьма не удѣляетъ ни одного часа для воспитанія заключенныхъ. Она не имѣетъ простой школы. Иногда по праздникамъ арестантамъ показываютъ туманныя картины. Правда, въ тюрьмѣ существуетъ небольшая библіотека, но ею завѣдываетъ надзиратель изъ нижнихъ чиновъ, компетентность котораго болѣе чѣмъ сомнительна. Кромѣ того, выборъ книгъ мало отвѣчаетъ просвѣтительнымъ цѣлямъ. Но даже пользованіе и этими немногими книгами затруднено тюремнымъ порядкомъ. Утромъ арестантъ не имѣетъ времени для чтенія. Во время послѣобѣденнаго отдыха, насколько намъ удалось замѣтить, большинство арестантовъ спитъ. Вечеромъ же, по окончаніи работъ, некогда читать, такъ какъ въ 9 ч. тушатся огни. Въ лѣтніе мѣсяцы огни и совсѣмъ не зажигаются. Такимъ образомъ, работа, сонъ и унылыя размышленія въ полумракѣ—вотъ обычное время препровожденіе арестанта с.-петербургской тюрьмы.

Тюремная администрація, составленная преимущественно изъ отставныхъ военныхъ, не можетъ выйти за предѣлы усерднаго наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ и поддержанія всѣми средствами суровой тюремной дисциплины. Низшіе же чины, надзиратели, совершенно неспособны къ нравственно-воспитательному вліянію. Незначительное вознагражденіе, усиленные штрафы, продолжительный рабочій день (дежурство продолжается сутки, отъ 12 до 12 ч. дня; все время на ногахъ; на одного надзирателя приходится 62 камеры) и непріятный характеръ службы дѣлаютъ ее почти ненавистной для многихъ надзирателей, нѣкоторые откровенно заявляютъ, что служатъ въ тюрьмѣ только въ ожиданіи лучшаго мѣста. Такое отношеніе къ своимъ обязанностямъ не должно имѣть мѣста въ учрежденіи, гдѣ тюремный надзоръ поставленъ въ сношенія съ нервными, измученными одиночествомъ людьми. Солдаты, при всемъ русскомъ добродушіи, не могутъ войти въ сложное психическое состояніе арестанта, и часто, на почвѣ взаимнаго непониманія, въ стѣнахъ образцовой тюрьмы разыгрываются такія трагическія сцены, которыя неумѣстны даже въ самой захолустной «холодной» и которыя тѣмъ опаснѣе, что онѣ никогда не выходятъ за предѣлы тюремной ограды.

«Случай съ г. Меньщиковымъ». Это разыгралось на-днихъ на ст. Лиски ю.-в. ж. дорогъ съ землевладѣльцемъ Аткарскаго у., Саратовской губ. А. А. Меньщиковымъ. Г. Меньщиковъ самъ повѣствуетъ объ этомъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ, присланомъ въ редакцію «Саратовскаго Дневника».

«Милостивый государь, г. редакторъ! Покорнѣйше прошу сообщить о возмутительномъ случаѣ, бывшемъ со мною не гдѣ-нибудь въ Азіи, а въ центрѣ Россіи, въ Воронежской губ., Бобровскаго уѣзда, на ст. Лиски юго-восточныхъ жел. дор.

—

«Я, землевладѣлецъ Аткарскаго у., арендаторъ двухъ имѣній, человѣкъ состоятельный, имѣлъ несчастіе изобрѣсти сел.-хоз. машину, уже получившую нѣсколько золотыхъ медалей въ Россіи и Парижѣ. Русская привилегія и заграничные патенты проданы извѣстной московской фирмѣ «Эмиль Липгартъ и К°». Послѣдняя извѣстила меня, что 16-го августа сего года состоится конкурсъ машинъ, въ томъ числѣ и моей, въ имѣніи гг. Тевяшевыхъ, ст. Евдаково ю.-в. ж. д. и просила меня присутствовать на конкурсѣ. Телеграмма опоздала; но я поѣхалъ, чтобы узнать о результатахъ конкурса. Не доѣзжая до ст. Евдаково, приблизительно въ 8 час. вечера 17-го августа, когда поѣздъ подошелъ къ ст. Лиски, недалеко уже до цѣли, я былъ приглашенъ жандармомъ объясниться въ жандармскую комнату. Мнѣ предъявили обвиненіе въ кражѣ зонтиковъ у армянъ или евреевъ—не знаю. Въ комнатѣ были четверо гигантовъ-жандармовъ и два здоровыхъ парня. Документовъ со мною не было—была только телеграмма отъ Липгарта. Нашелся жандармъ «физіономистъ», признавшій во мнѣ профессіональнаго вора, обкрадывающаго ю.-в. жел. дорогу. Всякій протестъ съ моей стороны, просьбы послать депешу аткарскому прокурору сопровождались ударами со стороны сидѣвшихъ и державшихъ меня уже связаннаго парней. Дальнѣйшее я помню смутно: со мною дѣлались истерики и обморокъ. Кажется, телеграммѣ Липгарта придали значеніе, что я ѣду, по извѣщенію главаря шайки, обкрадывать присутствующихъ на конкурсѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Наконецъ, истязанія кончились, и меня отвели въ арестантскую при мѣстномъ волостномъ правленіи, отобравъ часы и деньги. Багажъ мой, въ существованіи котораго усумнились жандармы, остался въ вагонѣ. Ночь въ «холодной» надолго останется у меня въ памяти. Сильный вѣтеръ съ дождемъ врывался въ задѣланное рѣшеткой отверстіе безъ стекла: подъ нимъ изъ стѣны въ стѣну лежали 3 качающихся доски, изображающія постель; на полу страшная грязь, мыши, невозможный запахъ. Слѣдующій день, понедѣльникъ, 18 августа, я просидѣлъ весь. Къ вечеру соблаговолилъ зайти полицейскій надзиратель посмотрѣть, какъ онъ выразился, «извѣстнаго» вора, котораго «долго не могли поймать» Слѣдующую ночь и до 11 час. дня я провелъ въ «холодной». Ѣсть мнѣ не давали, на это не было распоряженія жандармской полиціи, деньги были отобраны и не позволили дать депешу домой. Во вторникъ, 19-го, въ 11 час. утра, отправили подъ конвоемъ въ городъ Бобровъ къ судебному слѣдователю за 45 верстъ отъ Лисокъ. Ночевалъ я въ «холодной» при волостномъ правленіи, въ 20 верстахъ отъ Боброва. Въ среду, 20-го августа, подъ проливнымъ дождемъ, при сильномъ вѣтрѣ, при 8 градус. Реомюра и безъ верхняго платья, я былъ доставленъ къ судебному слѣдователю. Грязный, оборванный, дрожащій отъ холода, съ постоянно повторяющимися истериками, я не внушалъ уже ни малѣйшаго довѣрія и судебнымъ слѣдователемъ былъ заключенъ въ тюрьму.

«Обвиненіе противъ меня построено было такъ: у армянъ или персовъ пропало два зонта; въ окно подходящаго вагона къ ст. Лиски, плохо освѣщеннаго и полнаго народомъ, два субъекта, участвовавшіе въ избіеніи меня, будто бы видѣли, какъ я кралъ зонтики.

«Страшно тяжело было надѣть арестантскій костюмъ, но онъ былъ сухой, и это меня порадовало. Первое впечатлѣніе «мертваго дома» понемногу сглаживалось. Товарищи по заключенію безусловно повѣрили моему разсказу и отнеслись сочувственно.

«Это участіе, послѣ истязаній, полнѣйшаго равнодушія надзирателя и проч. лицъ, мимо которыхъ я прошелъ, мнѣ показалось въ высшей степени отраднымъ; я началъ успокаиваться. Дѣло мое было разсмотрѣно, даны депеши семейнымъ, личность установлена и на 3-й день, въ пятницу 22-го августа, я былъ выпущенъ на свободу. Все это такъ потрясло меня, что я не могъ видѣть жандармовъ, на меня нападалъ ужасъ, и повторялась истерика и на обратномъ пути, уже съ документами въ карманѣ, я попросилъ полицейскаго надзирателя проводить меня далѣе ст. Лисокъ.

«У меня пропала всякая увѣренность въ моей безопасности отъ насилія со стороны лицъ, призванныхъ охранять. Вчера я возвратился домой, третій день, какъ освобожденъ изъ тюрьмы и до сихъ поръ не могу придти въ себя. Случившееся кажется тяжелымъ кошмаромъ; были моменты, что мнѣ казалось, что я схожу съ ума, и, повидимому, я былъ недалеко отъ этого. Несмотря не мое желѣзное здоровье, чувствую, что эта исторія не пройдетъ для меня безслѣдно».

Любопытная статистика. «Восточное Обозрѣніе» приводитъ крайне интересныя свѣдѣнія объ арестантахъ, содержавшихся въ одной изъ волостныхъ тюремъ Сибири за 1902 г.

Всѣхъ, сидѣвшихъ въ волостной тюрьмѣ за годъ, было 398 чел. Если раздѣлить ихъ на категоріи по характеру преступленій, то окажется, что чуть ли не самое почетное мѣсто по количеству занимаютъ... сельскія власти за проступки по должности. Изъ 398 всѣхъ сидѣвшихъ на долю крестьянскихъ выборныхъ приходится 50, т.-е. 13%. Явленіе удивительное!

Хотя и говорится, что «кому больше дано, съ того больше и взыщется»,— но, вѣдь, съ другой стороны, и дается больше тому, на кого больше надежды. На этотъ счетъ есть даже особое указаніе въ законѣ: 114 ст. (неоф. изд.) положенія о крестьянскомъ состояніи говоритъ, что выбирать на общественныя должности только неопороченныхъ людей. Выбираютъ неопороченныхъ и лучшихъ—и вдругъ оказывается, что они всѣ чуть не поголовно «порочны», и, значитъ, далеко не лучшіе. Неужели же крестьяне станутъ выбирать худшихъ? Сомнительно!..

Такимъ образомъ, возникаетъ желаніе присмотрѣться ближе къ характеру преступленій, совершаемыхъ крестьянскими выборными. Что же оказывается? Изъ 50—24 наказаны «за бездѣятельность, нерадѣніе и невзысканіе податей». Два первыхъ обвиненія крайне неопредѣленны. Дѣло въ томъ, что обязанности крестьянскихъ выборныхъ въ законѣ точно не опредѣлены. Выборные сами не могутъ орієнтироваться въ своемъ положеніи: это полуграмотные или безграмотные и мало развитые люди. Такимъ образомъ, они естественно становятся въ зависимость отъ начальства всѣхъ видовъ, отъ перваго чиновника,

которому угодно будетъ распоряжаться. А кто же не знаетъ, какъ у насъ любятъ распоряжаться? Десятскій, напр., подастъ лошадей проѣзжающему «начальству» черезъ ½ часа, а не «сію минуту»; и хотя по закону онъ имѣетъ право подать лошадей даже черезъ часъ, «начальство» наказываетъ его за «бездѣятельность и нерадѣніе». Во-время не снялъ шапку,—опять за «нерадѣніе»—и т. д. до безконечности, ибо настроенія и капризы власть имущихъ не поддаются опредѣленію или исчисленію.

Третье обвиненіе болѣе, чѣмъ курьезно. За то, что крестьянинъ не вноситъ податей или натуральныхъ повинностей, наказываютъ сельскаго старосту. Обыкновенно, кромѣ старосты, наказываютъ и самихъ недоимщиковъ. Наказывать же ихъ можно только въ томъ случаѣ, если они не платятъ «по упорству». Но если они не платятъ по упорству, то самъ сельскій староста, безъ приговора общества, ничего не можетъ сдѣлать съ неплательщиками. Спрашивается, за что же наказанъ сельскій староста? Вѣдь, высшая власть, т.-е. крестьянскій начальникъ, не настаиваетъ на приговорѣ общества относительно имущества недоимщика, понимая, очевидно, что нельзя же за малѣйшее промедленіе брать крестьянина подъ опеку общества. Такъ съ какой же стати эта высшая власть наказываетъ крестьянскаго выборнаго за «бездѣятельность», которую сама проявляетъ въ той же формѣ и въ томъ же случаѣ. Единственное объясненіе, которое приходитъ въ голову, это: «высшей власти» предоставлено право наказывать; она и пользуется этимъ правомъ.

Переходя къ вопросу о помѣщеніи арестованныхъ крестьянскихъ выборныхъ, мы находимъ точное указаніе: должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія, подвергаемыя аресту по распоряженію начальства, должны содержаться... при становыхъ квартирахъ или уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ, а не при волостныхъ правленіяхъ (2 деп. пр. сен. 19-го марта 1891 г. 1759). Кажется, ясно! А, между тѣмъ, всѣ арестованныя въ 1902 году сельскія власти содержались именно при волостномъ правленіи, въ «каталажкѣ», какъ называютъ городскую тюрьму. Нечего и говорить о неудобствахъ этого помѣщенія: тѣснотѣ, душномъ воздухѣ и т. д. Помѣщенія при другихъ учрежденіяхъ едва ли лучше! Гораздо важнѣе явное нарушеніе статьи закона, которая, очевидно, имѣетъ какой-нибудь resond'être. Зайдите въ волостную тюрьму—и вамъ станетъ ясной смыслъ статьи закона и неудобства отъ ея нарушенія. Рядомъ съ довѣреннымъ крестьянскаго общества, сидящимъ часто вслѣдствіе дурного настроенія «начальства», помѣщается отбросъ общества, лишенный всѣхъ правъ, убійца, грабитель и т. д. Рядомъ съ крестьяниномъ, наказаннымъ за пьянство, сидитъ сельскій староста, который подвергъ крестьянина наказанію. Можете представить, какъ послѣ этого крестьяне будутъ относиться къ своимъ выборнымъ; едва ли послѣдніе будутъ пользоваться большимъ уваженіемъ и авторитетомъ. Ясно, почему такъ часто попадаются помѣтки «за грубость»... старшинѣ, старостѣ и т. д.

Разсматривая дальше цифры, мы остенавливаемся на трехъ отдѣлахъ: пьянство, драки и оскорбленія и нарушеніе лѣсныхъ законовъ.

За пьянство сидѣло въ волостной тюрьмѣ всего 15 чел., или $3^{3}/_{4}$%. Че-

ловѣку, не видѣвшему с. Назаровскаго, можетъ показаться, что здѣсь пьянства совсѣмъ нѣтъ; рѣзкіе же случаи уклоненія отъ общей нормы сейчасъ же наказываются. А, между тѣмъ, достаточно въ любой день пройтись по улицамъ с. Назаровскаго, чтобъ натолкнуться на десятокъ другой совершенно пьяныхъ крестьянъ. Они валяются на улицѣ, кричатъ, дерутся, ругаются, словомъ, вполнѣ нарушаютъ «общественную тишину и спокойствіе». Чѣмъ же объяснить такое несоотвѣтствіе количества наказаній за пьянство съ количествомъ проступковъ? Намъ думается, что здѣсь можетъ быть только одно объясненіе: населеніе слишкомъ привыкло къ пьянству, чтобы строго судить за него. И дѣйствительно: нигдѣ вы не встрѣтите такого количества пьяницъ, ни въ одномъ селѣ Россіи не увидите въ будни, да еще въ «страду» пьянства цѣлыми десятками, какъ въ Сибири.

Рядомъ съ пьянствомъ, какъ его слѣдствія, стоятъ драки и оскорбленія. Число наказаній за нихъ—42 или 9½%. Судить по этой цифрѣ о дѣйствительныхъ случаяхъ дракъ и оскорбленій было бы опрометчиво; большинство ссоръ оканчивается примиреніемъ за бутылкой водки. Въ мѣстную больницу каждый праздникъ являются избитые за «свидѣтельствомъ» отъ врача о побояхъ, чтобъ потомъ со свидѣтельствомъ въ рукахъ содрать со своего обидчика штофъ другой на мировую. И если все же цифра зарегистрованныхъ оскорбленій и дракъ больше цифры зарегистрованныхъ пьянствъ, то это говоритъ въ пользу нашего послѣдняго вывода: о ненаказуемости пьянства.

Наказанныхъ за нарушеніе лѣсныхъ законовъ (порубка и увозъ лѣса) было 30 чел., или 7½%. Конечно, при огромной величинѣ лѣсовъ и слабомъ надзорѣ далеко не всѣ, виновные въ кражѣ казеннаго лѣсу, были привлечены къ отвѣтственности. Число такихъ не привлеченныхъ учету не подлежитъ; но если судить по нуждѣ въ лѣсѣ и жалобамъ крестьянъ на его отсутствіе,— оно должно быть очень велико. Неужели же сибирскіе крестьяне такъ ужъ окончательно оставлены безъ лѣсу?

Кромѣ указанныхъ большихъ категорій (еще двѣ большихъ: находящіеся подъ слѣдствіемъ и приговоренные мировыми судьями), остаются небольшія группы. Между ними попадаются и курьезныя. Напр., волостной судъ приговорилъ къ аресту за «учиненіе насмѣшки надъ домомъ Кашкина». Или: волостной старшина приговариваетъ за «тихую подачу лошадей».

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить тотъ странный фактъ, что болѣе половины арестантовъ, помѣщавшихся въ вольной тюрьмѣ, помѣщались тамъ незаконно, ибо вольная тюрьма предназначена исключительно для приговоренныхъ крестьянскими выборными и волостными судами. Не мѣшало бы «защитникамъ интересовъ крестьянъ», крестьянскимъ начальникамъ, обратить вниманіе на это обстоятельство.

За мѣсяцъ. Въ «Приазов. Кр.» приводится окончательный приговоръ временнаго военнаго суда по дѣлу о безпорядкахъ въ Ростовѣ-на-Дону:

«26 августа, въ 12 ч. дня, въ зданіи окружного суда при открытыхъ дверяхъ происходило объявленіе приговора въ окончательной формѣ 13 лицамъ,

признаннымъ виновными по дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ въ Ростовѣ 2 марта. Сынъ купца 1-й гильдіи Александръ Браиловскій, казакъ Дмитрій Колосковъ и крестьянинъ Адріанъ Куксинъ признаны зачинщиками противуправительственной демонстраціи, дѣйствовавшими съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ для публичнаго и дерзновеннаго порицанія самодержавія, какъ основного строя россійскаго государственнаго управленія, причемъ демонстрація сопровождалась вооруженнымъ сопротивленіемъ полиціи съ нанесеніемъ чинамъ ея пораненій; изъ числа полиціи есаулъ Антоновъ отъ полученныхъ пораненій вскорѣ умеръ. Остальные 10 подсудимыхъ признаны виновными, какъсообщники».

Резолюціей временнаго военнаго суда приговорены:

Сынъ купца 1-й гильдіи Александръ Браиловскій, казакъ Дмитрій Колосковъ и крестьянинъ Андріанъ Куксинъ—къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни черезъ повѣшеніе. Дворянка Марія Нагель и мѣщанка Анна Логачева—къ вѣчному поселенію въ Восточной Сибири.

Кромѣ того, судъ постановилъ ходатайствовать предъ г. войсковымъ наказнымъ атаманомъ о смягченіи приговора для лицъ, приговоренныхъ къ смертной казни. Приговореннымъ къ смертной казни объявлено помилованіе съ замѣной ея каторгой: Браиловскому на 15 лѣтъ, Колоскову и Куксину на 10 лѣтъ каждому.

— Въ «Правит. Вѣстникѣ» сообщено:

«29-го августа, въ Елисаветполѣ, толпа мѣстныхъ армянъ произвела безпорядки по поводу Высочайшаго повелѣнія 12-го іюня 1903 года о передачѣ армянскихъ церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе гражданскихъ властей. Въ вызванныя войска армяне стали бросать камнями, ранивъ при этомъ трехъ нижнихъ чиновъ. Для прекращенія безпорядковъ войска вынуждены были дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ послѣ чего толпа разбѣжалась, оставивъ на мѣстѣ 7 человѣкъ убитыхъ и 27 раненыхъ. 31-го августа, въ Тифлисѣ, послѣ литургіи въ армянскомъ соборѣ, духовенствомъ въ церковной оградѣ, при двухтысячной толпѣ, была отслужена панихида по 6 лицамъ, убитымъ въ Елисаветполѣ во время совершенныхъ мѣстнымъ армянами безпорядковъ. Послѣ панихиды, священникъ Теръ-Араратовъ провозгласилъ проклятія за отобраніе церковныхъ имуществъ. При этомъ разбрасывались революціонныя воззванія, толпа шумѣла, бросала камнями и произвела около 40 выстрѣловъ въ чиновъ полиціи. Послѣдніе отвѣчали выстрѣлами на воздухъ, причемъ, однако, нѣсколько человѣкъ изъ толпы получили пораненія, а одинъ рабочій смертельно раненъ; изъ числа полицейскихъ чиновъ нѣсколько человѣкъ ушиблено камнями, одинъ избитъ. На мѣсто безпорядковъ были вызваны казаки, которые и разсѣяли толпу, арестовавъ 4 зачинщиковъ и въ томъ числѣ священника Теръ-Араратова».

— Какъ сообщаетъ «Кавказъ», 2-го сентября въ городѣ Баку, около 5 часовъ вечера, по звону колокола, въ оградѣ мѣстнаго армянскаго собора собралась значительная толпа армянъ. На предложеніе полиціи разойтись толпа отвѣтила градомъ камней и стрѣльбою изъ револьверовъ; стрѣляли даже изъ оконъ самой церкви, вслѣдствіе чего были вызваны двѣ сотни казаковъ и полурота Сальянскаго пѣхотнаго резервнаго полка. Войска были

встрѣчены также камнями и револьверными выстрѣлами, причемъ толпа укрылась за каменной церковной оградой и въ самой церкви; вслѣдствіе этого полурота открыла огонь, и толпа, убирая убитыхъ и раненыхъ, скрылась въ соборѣ, который и былъ оцѣпленъ войсками. Изъ мятежниковъ было арестовано 45 человѣкъ, остальные разбѣжались. Отобрано и найдено много оружія, причемъ даже въ самомъ соборѣ и его алтарѣ оказались оставленными револьверы, патроны и стрѣляныя гильзы. Изъ войскъ легко ушиблены камнями офицеръ и четыре нижніе чина Сальянскаго полка и убитъ камнями же случайно проходившій матросъ военнаго судна «Геокъ-Тепе». Кромѣ того, ушибленъ и. д. полицеймейстера. Число жертвъ со стороны мятежниковъ пока не установлено.

— По сообщенію той же газеты, 2-го сентября, въ Карсѣ, въ $10^1/_2$ часовъ утра, назначенные пріемщики приступили къ пріему въ казенное управленіе имуществъ армянскихъ церквей Сурпъ-Ншанъ и святой Богородицы. Армяне, однако, оказали сопротивленіе. По колокольному звону сбѣжалась большая толпа армянъ и расположилась вокругъ церкви Сурпъ-Ншанъ, а также на крышахъ и внутри сосѣднихъ домовъ. На требованіе полиціи и полицейской стражи разойтись толпа отвѣтила градомъ камней и выстрѣлами и оттѣснила ихъ. Вскорѣ къ церкви прибыли резервъ стражи съ начальникомъ округа и двѣ сотни Ейскаго казачьяго полка подъ начальствомъ полковника Квицинскаго. Все увеличивавшаяся толпа встрѣтила и ихъ камнями и выстрѣлами. Такъ какъ требованіе разойтись не было исполнено, то стража сдѣлала нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ, послѣ чего ею совмѣстно съ казаками площадь и дома были очищены отъ толпы; въ это же время къ площади подошла и рота крѣпостного полка. Изъ стражниковъ одинъ былъ раненъ и нѣсколько человѣкъ получили ушибы; въ толпѣ одинъ былъ убитъ и двое ранены. Около церкви святой Богородицы пріемщиковъ также ожидала толпа армянъ, но была разсѣяна войсками безъ употребленія оружія. Арестовано 77 человѣкъ, въ томъ числѣ два священника. Пріемщиками были произведены опись и пріемъ церковныхъ домовъ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «Вечеромъ 29-го августа, въ г. Гомелѣ, на базарѣ, между однимъ изъ крестьянъ и торговкою-еврейкою возникла ссора, перешедшая вскорѣ въ ожесточенную драку евреевъ съ русскими. При возстановленіи порядка, изъ толпы евреевъ были брошены въ полицейскій нарядъ камни и произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера, на который полицейскіе чины отвѣчали выстрѣлами на воздухъ. Во время свалки одинъ русскій былъ смертельно раненъ евреемъ ножемъ въ шею, одинъ еврей получилъ легкую пулевую рану, а 7 человѣкъ ушиблены камнями. 1-го сентября въ полдень безпорядки возобновились. Русскіе рабочіе, мстя за нанесенныя имъ 29-го августа обиды, произвели буйство и стали разбивать еврейскія квартиры и лавки; при столкновеніяхъ съ евреями оказались ранеными нѣсколько десятковъ съ обѣихъ сторонъ. Для возстановленія порядка, на мѣсто были вызваны войска, встрѣченныя со стороны евреевъ выстрѣлами, что и

вынудило прибѣгнуть къ дѣйствію огнестрѣльнымъ оружіемъ, послѣ чего толпа разсѣялась и порядокъ къ вечеру былъ возстановленъ. По собраннымъ прибывшимъ на мѣсто могилевскимъ губернаторомъ свѣдѣніямъ, въ городскихъ больницахъ находится на излеченіи раненыхъ: христіанъ 5 и евреевъ 9; убито христіанъ 4, евреевъ 2».

— Въ «Баку» пишутъ изъ Пятигорска: «Въ настоящее время въ лагерномъ сборѣ находится до 15 тыс. войскъ и соотвѣтственное число офицеровъ. Лагерь расположенъ въ 5 верстахъ за рѣкой Подкумкомъ. Полиція вмѣнила мѣстнымъ извозчикамъ въ обязанность возить военныхъ въ лагерь. Но затѣмъ въ виду неоднократныхъ заявленій извозчиковъ о томъ, что имъ часто не уплачиваютъ деньги по пріѣздѣ въ лагерь, обязанность возить сложили, предоставивъ все дѣло личному соглашенію. На этой почвѣ 15-го августа произошелъ такой инциндентъ. Часовъ около 9 вечера на тротуарѣ близъ цвѣтника, гдѣ въ этотъ моментъ была масса гуляющей публики, одинъ офицеръ потребовалъ отъ извозчика, чтобы тотъ везъ его въ лагерь. Извозчикъ отказался, за что офицеръ ударилъ его ножнами шашки по физіономіи и разбилъ ее. Извозчикъ схватился за ножны, а офицеръ выхватилъ шашку. Въ дѣло вмѣшалась публика и потребовала отъ явившагося городового, чтобы онъ арестовалъ буяна. Офицеръ въ это время пытался уѣхать на другомъ извозчикѣ, но собравшаяся уже огромная толпа загородила ему дорогу. Тогда на помощь къ нему явились еще четыре офицера. Всѣ они обнажили шашки и начали бить перваго извозчика, который, отчаянно защищаясь ножнами, отнятыми у перваго офицера, бросился въ толпу. Въ толпу же за нимъ, махая шашками бросились и офицеры, причемъ одинъ изъ нихъ, казачій офицеръ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ толпу, но пуля пролетѣла надъ головами, никого не ранивъ. Выстрѣлъ произвелъ панику въ публикѣ, и, пользуясь происшедшей суматохой, офицеры скрылись. Извозчикъ получилъ нѣсколько легкихъ ранъ. Въ тотъ же вечеръ, часомъ позже, въ ресторанѣ «Вестфаль» компанія офицеровъ, получивъ замѣчаніе, что она ведетъ себя неприлично, набросилась на лицо, сдѣлавшее замѣчаніе, и шашками нанесла ему нѣсколько серьезныхъ ранъ въ голову и плечо».

— «Бѣлостокскій Вѣстн.» сообщаетъ подробности о покушеніи на жизнь бѣлостокскаго полицеймейстера:

«19-го августа, въ 11 часу вечера, бѣлостокскій полицеймейстеръ П. У. Метленко, возвращался въ пролеткѣ домой съ пожара, бывшаго на Желѣзной улицѣ. Проѣхавъ нѣсколько кварталовъ, г. полицеймейстеръ замѣтилъ неизвѣстнаго человѣка въ формѣ охотника вольной пожарной дружины, быстро бѣгущаго за пролеткой... Заинтересовавшись подозрительнымъ субъектомъ, г. Метленко внимательно сталъ слѣдить за нимъ, причемъ замѣтилъ, что когда дружинникъ отсталъ на нѣсколько шаговъ отъ пролетки, то сталъ свистать въ свистокъ... На свистъ явился другой злоумышленникъ, и сейчасъ же въ воздухѣ прогремѣло два выстрѣла. Г. полицеймейстеръ поспѣшно выскочилъ изъ пролетки и побѣжалъ за злоумышленникомъ, который скрылся въ бли-

жайшій переулокъ. Въ это время г. Метленко услышалъ стоны своего кучера и, оставивъ преслѣдованіе, поспѣшилъ къ нему. Оказалось, что шальная пуля попала кучеру въ колѣно.

«Вѣсть о покушеніи подняла на ноги всю полицію, и тогда же были приняты самыя энергичныя мѣры въ поимкѣ злоумышленниковъ.

«Розыски полиціи увѣнчались успѣхомъ. Того же вечера «дружинникъ» былъ арестованъ, причемъ оказалось, что онъ никогда въ пожарной дружинѣ не служилъ и не служитъ.

«Прибыли изъ Гродны прокуроръ окружн. суда и слѣдователь по особо-важнѣйшимъ дѣламъ, и приступили къ производству дознанія».

— «Сар. Лист.» приводитъ слѣдующій приказъ по мѣстному гарнизону:

«Саратовскій полицеймейстеръ сообщилъ мнѣ, что 15-го августа, между 3—5 часами дня, на Часовенной ул., имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: около 6 человѣкъ солдатъ въ фуражкахъ съ бѣлыми околышами, всѣ въ нетрезвомъ видѣ, обнявшись, шли по тротуару, пѣли пѣсни, задѣвали проходящую мимо нихъ публику и выражались разными неприличными словами,—вообще вели себя буйно и крайне неприлично, а на требованіе бывшихъ на той улицѣ околоточнаго надзирателя и городовыхъ прекратить подобныя безобразія означенные нижніе чины, не прекращая своихъ безобразій, отвѣчали грубостью, съ угрозою избить; когда же ихъ хотѣли задержать, они разсыпались въ разныя стороны и убѣжали, такъ что никого изъ нихъ задержать не пришлось. Того же числа, около 11 час. вечера, по Царицынской улицѣ проходили три солдата въ фуражкахъ съ красными околышами, которые, дойдя до угла Ильинской улицы, бросили въ стоявшаго тамъ у квартиры полицеймейстера постового Семенова камнемъ и скрылись. Объявляя объ этомъ по гарнизону, прошу начальниковъ частей гарнизона принять самыя строгія мѣры къ устраненію повторенія подобныхъ безпорядковъ».

— 25-го августа во второмъ отдѣленіи петербургскаго окружного суда слушалось дѣло по обвиненію сына титулярнаго совѣтника Пинхуса Дашевскаго въ предумышленномъ покушеніи на убійство редактора газеты «Знамя» Крушевана. Въ 12 час. ночи судъ вынесъ приговоръ, согласно которому Дашевскій признанъ виновнымъ въ предумышленномъ покушеніи на убійство, но заслуживающимъ снисхожденія, и приговоренъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ, къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на 5 лѣтъ.

— Въ «Финляндской Газетѣ» опубликована Высочайшая резолюція по всеподданнѣйшему представленію Императорскаго финляндскаго сената объ открытіи въ 1904 году очереднаго сейма. Государю Императору Всемилостивѣйше благоугодно было отсрочить окончательное рѣшеніе даннаго вопроса впредь до возстановленія въ краѣ мирнаго теченія жизни. Финляндскому генералъ-губернатору повелѣно доложить Государю Императору не позднѣе іюня 1904 года о состояніи во ввѣренномъ ему краѣ общественнаго порядка.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV, изд. 1890 г.,

министръ внутреннихъ дѣлъ 24-го авг. опредѣлилъ: пріостановить изданіе журнала «Развлеченіе» на шесть мѣсяцевъ.

— 1-го сентября 1903 года министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Русскія Вѣдомости», воспрещенную распоряженіемъ отъ 1-го марта текущаго года.

ВТОРОЙ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Если вѣрно общее наблюденіе, что всякаго рода научные съѣзды все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе, то сейчасъ закончившійся въ Пятигорскѣ второй съѣздъ дѣятелей по климатологіи, гидрологіи и бальнеологіи (съ 1-го по 7-ое сентября) какъ нельзя лучше подтверждаетъ это наблюденіе: ни одной живой мысли, ни одного заслуживающаго особаго вниманія научнаго сообщенія.

Научные съѣзды—что ярмарки: и тѣ и другія падаютъ, хотя къ сожалѣнію, первые, теряя въ научномъ отношеніи, все болѣе пріобрѣтаютъ ярмарочный характеръ...

Впрочемъ, устроители послѣдняго съѣзда, надо думать, и не разсчитывали на особую его научность, о чемъ уже свидѣтельствуетъ и выборъ мѣстомъ съѣзда Пятигорска, не располагающаго ни учеными силами, ни особыми приспособленіями, научными средствами.

Выборъ Пятигорска, вообще кавказскихъ минеральныхъ водъ пунктами для съѣзда долженъ былъ отвѣтить очень важной и похвальной цѣли ознакомленія русскихъ врачей съ самыми главными нашими минеральными источниками.

Для врачей, съѣхавшихся изъ разныхъ концовъ Россіи и въ массѣ незнакомыхъ съ Кавказомъ, съѣздъ, конечно, представлялъ большой практическій интересъ: имъ дана была возможность лично познакомиться хотя бы поверхностно съ тѣми мѣстами, водами, лечебными средствами, условіями жизни и т. д., которыя до сихъ поръ они рекомендовали своимъ больнымъ больше по теоретическимъ соображеніямъ.

И въ этомъ смыслѣ кавказскія минеральныя воды, какъ выразился въ вступительной рѣчи министръ А. С. Ермоловъ, подверглись публичному экзамену, хотя, какъ предупредилъ г. министръ, имъ до аттестата зрѣлости еще далеко. Уже самое поверхностное знакомство съ водами—а въ короткій срокъ болѣе основательно изучить воды нельзя было—должно было убѣдить пріѣзжихъ врачей въ правдивости словъ г. министра...

И прежде всего на врачей должна была произвести неблагопріятное впечатлѣніе дѣятельность мѣстныхъ людей и, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ собственныхъ коллегъ...

То, что приходилось слышать и видѣть на мѣстѣ, даетъ грустную картиру дѣятельность «курортныхъ» врачей. Напряженная дѣятельность, жажда

наживы, притомъ непремѣнно крупной, желаніе собрать въ три мѣсяца столько, чтобы хватило на годъ, взаимная вражда, сплетни, неразборчивость въ средствахъ для достиженія невысокихъ цѣлей, импонированіе именами, званіями (профессора, доцента и т. д.)—все это вмѣстѣ производитъ удручающее впечатлѣніе. Разсказы въ этомъ смыслѣ больныхъ и болѣе безпристрастныхъ мѣстныхъ врачей показываютъ, что врачебная атмосфера на кавказскихъ водахъ нуждается въ оздоровленіи и что для поднятія курортовъ эта страна курортной жизни имѣетъ особое значеніе.

Вотъ почему нельзя не пожалѣть, что по этому вопросу не дали высказаться одному оратору въ единственно интересномъ засѣданіи, о которомъ намъ дальше придется сказать нѣсколько словъ.

Нельзя понять, ночему рѣшили тогда, что вопросъ о врачахъ не относится къ дѣлу...

Не подлежитъ сомнѣнію, что борьба за существованіе дѣлаетъ врачей все менѣе разборчивыми въ средствахъ и эта неразборчивость должна сильнѣе чувствоваться на курортахъ, гдѣ жизнь идетъ интенсивнѣе и гдѣ скопляется такъ много алчущихъ врачей. Въ Эссентукахъ изъ года въ годъ практиковало около 18 врачей, а въ послѣдніе сезоны число врачей дошло до 70...

Вслѣдъ за врачами общее вниманіе привлекаетъ дирекція водъ во главѣ съ директоромъ В. В. Хвощинскимъ, являющимся полнымъ хозяиномъ всѣхъ этихъ природныхъ богатствъ.

Г. Хвощинскій не можетъ жаловаться на недостатокъ къ нему общественнаго интереса... Можно даже думать, что ему было бы болѣе пріятно, если бы имъ меньше интересовались. Съ наступленіемъ сезона имя г. Хвощинскаго почти не сходитъ съ устъ публики, со страницъ газетъ. Не хорошо то, что къ нападкамъ на общественную дѣятельность директора водъ нерѣдко присоединяются нападки личнаго свойства, имѣющія характеръ настоящей сплетни...

Всѣ, однако, какъ будто признаютъ, что г. Хвощинскій—человѣкъ энергичный, но слишкомъ самоувѣренный, властный, чуть ли не самостоятельно рѣшающій вопросы, въ которыхъ онъ менѣе всего компетентенъ...

Безпристрастные знатоки кавказскихъ курортовъ говорятъ, что за время г. Хвощинскаго на водахъ рядомъ со многимъ хорошимъ сдѣлано и много не только ненужнаго, но и вреднаго... Намъ слишкомъ недолго пришлось пробыть на Кавказѣ, чтобы можно было разобраться въ этомъ.

Во всякомъ случаѣ, не надо забывать, что какими бы хорошими намѣреніями ни былъ воодушевленъ директоръ водъ, онъ, при всемъ желаніи, не въ силахъ много сдѣлать: дѣятельность его тормозится тѣмъ, что въ административномъ отношеніи мѣстность, гдѣ находятся кавказскіе источники, подчинена тремъ министерствамъ: военному, государственныхъ имуществъ и земледѣлія и внутреннихъ дѣлъ (Пятигорскъ, а надняхъ, и Кисловодскъ), а у семи нянекъ дитя всегда безъ глаза...

Говоря о г. Хвощинскомъ, нельзя не сказать хотя бы нѣсколько словъ о

его газетѣ «Кавказскія минеральныя воды». Кажется, прежде это былъ простой справочный листокъ, а въ настоящее время это газета со всѣми аттрибутами послѣдней: съ передовыми статьями, фельетонами, телеграммами, полемикой и т. д. Эта газета пытается опровергнуть знаменитый афоризмъ Кузьмы Пруткова, что невозможное невозможно. Оффиціальный органъ дирекціи водъ хочетъ даже убѣдить публику, что онъ можетъ критически относиться къ дѣятельности самой дирекціи. При такихъ условіяхъ можно ожидать, что скоро какія-нибудь «Губернскія Вѣдомости» будутъ неодобрительно отзываться о дѣятельности мѣстнаго губернатора...

Фельетонистъ «Русскихъ Вѣдомостей» г. Скромный Наблюдатель, очевидно, давнишній посѣтитель кавказскихъ водъ, выступилъ съ обличительнымъ противъ дирекціи водъ фельетономъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Отвѣчая на этотъ фельетонъ, «Кавказскія минеральныя воды», между прочимъ, говорятъ: «да, органъ нашъ несомнѣнно оффиціальный. Но во первыхъ, директоръ водъ, являясь юридически редакторомъ газеты, никогда не давалъ до сихъ поръ ни одной строчки для помѣщенія на страницахъ и не оказывалъ никакого давленія, кромѣ нравственнаго, на членовъ редакціи и сотрудниковъ...» Трудно понять, какого еще воздѣйствія хотятъ сотрудники газеты. Не физическаго же?!

Но оставимъ людей: и нынѣшнее поколѣніе врачей, практикующихъ на Кавказѣ, и даже самъ г. Хвощинскій—явленія преходящія, а кавказскія воды, хотя и живутъ, но претендуютъ во всякомъ случаѣ на очень продолжительное существованіе. По тому, что удалось узнать на съѣздѣ, и съ этой стороны дѣло представляется не совсѣмъ благополучнымъ, не говоря уже про то, что несмотря на столѣтнее существованіе водъ, онѣ до сихъ поръ далеко еще недостаточно изучены. На томъ же интересномъ засѣданіи, о которомъ мы уже упоминали, проф. В. С. Богословскій сдѣлалъ заявленіе, что эссентукскимъ источникамъ грозитъ опасность исчезновенія, что изъ большого числа бывшихъ источниковъ дѣйствуетъ только четыре. Такое заявленіе не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія, и на другой день проф. В. А. Штанге, въ нѣкоторомъ родѣ оффиціальный врачъ на водахъ (старшій групшный врачъ въ Эссентукахъ), взялъ почему то на себя, за отсутствіемъ проф. Богословскаго, обязанность разъяснить «ошибку, недоразумѣнія», вкравшіяся вчера въ слова проф. Богословскаго. По словамъ г. Штанге, никогда не было больше четырехъ источниковъ, а тѣ, что проф. Богословскій назвалъ таковыми, были только буровые. Въ виду того, что г. Штанге взялъ на себя роль—разъяснителя недоразумѣній, одинъ врачъ предложилъ ему дать еще одно разъясненіе, по поводу слуховъ, ходившихъ среди врачей, будто въ разгаръ сезона не хватило воды «Эссентуки № 17», и что вмѣсто нея, по крайней мѣрѣ, въ Кисловодскѣ, отпускалась «вода № 18». Объясненія по этому поводу г. Штанге врядъ ли показались очень убѣдительными, хотя онъ долженъ былъ заявить, что «Эссентуки № 17» добывается 30 ведеръ въ день—это при 4.000 больныхъ, какъ было въ этомъ году! Что же тогда разсылается по городамъ? Что съ № 17, этимъ главнѣйшимъ источникомъ эссентукскихъ водъ, творится что то неладное, можно судить, между прочимъ, по слѣдую-

щему: оффиціальный указатель, сильно рекламирующій воды, запугивающій читателя милліонами ведеръ, бутылокъ, ваннъ и т. д., говоря о водѣ № 17, скромно замѣчаетъ, что вода очень хороша и полезна, а о количествѣ ея благоразумно умалчиваетъ...

Что не вызываетъ никакихъ споровъ, въ чемъ согласны всѣ—и оффиціальные представители кавказскихъ водъ, и врачи, и публика—это непозволительное санитарное состояніе курортовъ. Трудно представить себѣ, что возможенъ курортъ въ такомъ, напр., городѣ какъ Пятигорскъ, одна пыль котораго можетъ здоровяка сдѣлать больнымъ, не говоря уже объ отсутствіи основныхъ условій благоустроеннаго человѣческаго поселенія, какъ канализація, хорошая питьевая вода въ достаточномъ количествѣ и т. д.

Еще на первомъ бальнеологическомъ съѣздѣ въ 1898 году д-ръ Щербаковъ говорилъ по поводу санитарнаго состоянія кавказскихъ курортовъ слѣдующее: «какое можетъ быть вліяніе различныхъ лечебныхъ источниковъ на страждущаго человѣка, если этотъ послѣдній, принимая, положимъ, горячія ванны, принужденъ жить въ отвратительной сырой квартирѣ, а этимъ первымъ и очень важнымъ недостаткомъ страшно страдаютъ наши кавказскіе курорты. Какое благотворное вліяніе можетъ оказать климатъ и лечебныя воды на больного человѣка, если ему приходится ютиться въ тѣсной комнатъ и вдыхать отвратительный воздухъ, несущійся изъ находящихся вблизи клоакъ, какъ это можно встрѣтить въ Желѣзноводскѣ и особенно въ Пятигорскѣ, гдѣ есть такіе «чистые» дворы, что въ нихъ невозможно взойти, чтобы васъ не стошнило отъ вони, исходящей отъ неочищаемыхъ и грязно содержимыхъ сортировъ и помойныхъ ямъ. Какое также могутъ оказать полезное дѣйствіе на больного человѣка цѣлебныя воды и роскошный климатъ, если ему приходится ежедневно вдыхать пыль, поднимающуюся клубомъ съ неметеныхъ бульваровъ и улицъ. Едва ли самый чудный климатъ и самыя полезныя минеральныя воды могутъ оказать благотворное вліяніе на больного человѣка, если ему приходится питаться плохой пищей, какъ это случается сплошь и рядомъ на всѣхъ нашихъ кавказскихъ курортахъ въ гостинницахъ и номерахъ».

Почти тоже самое приходится повторить о кавказскихъ курортахъ и теперь. Если всѣ согласны съ тѣмъ, что санитарное состояніе курортовъ ужасно и что при такихъ условіяхъ цѣлебное ихъ значеніе сводится почти къ нулю, то вопросъ о способахъ и средствахъ устраненія зла вызываетъ ожесточенные споры, какъ это и было въ упомянутомъ уже нами интересномъ засѣданіи, гдѣ обсуждался докладъ русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ подъ названіемъ: «Мѣры къ улучшенію санитарнаго состоянія отечественныхъ курортовъ и необходимость установленія санитарнаго округа охраны лѣчебныхъ мѣстъ, а также особыхъ курортныхъ положеній». Сущность доклада сводится къ тому, что для лѣчебныхъ мѣстностей долженъ быть созданъ особый законъ санитарно-административнаго характера, должно быть создано особое «курортное положеніе» съ особымъ чрезвычайно сложнымъ управленіемъ, которое сугубо осложняется въ районѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ, въ

вѣдѣніи которыхъ находятся городъ Пятигорскъ, слобода Кисловодскъ (въ настоящее время уже городъ), станица Эссентукская и селеніе Желѣзноводскъ. Для завѣдыванія всей группой кавказскихъ минеральныхъ водъ создаются слѣдующіе органы санитарно-административнаго управленія: санитарное присутствіе и подчиненные ему санитарные комитеты и санитарные врачи. Во главѣ санитарнаго присутствія стоитъ директоръ водъ. Докладъ представляетъ подробно разработанный регламентъ съ 67 пунктами, опредѣляющими кругъ дѣятельности всѣхъ этихъ сложныхъ органовъ управленія, создаетъ какую то «усиленную санитарную охрану» округовъ, даетъ органамъ управленія нѣкоторую судебную власть, право вводить новые налоги, право дополнять, измѣнять обязательныя постановленія городскихъ управленій и т. д.—словомъ, создаетъ управленіе, совершенно у насъ новое съ очень большою властью и съ малою отвѣтственностью.

Такого рода проектъ не могъ, конечно, вызвать сочувствія врачей. У насъ и безъ того слишкомъ много всякаго рода охраны и простой и усиленной, чтобы не испугаться еще новаго сорта усиленной санитарной охраны; у насъ и безъ того мало развиты правовыя понятія, мало развито общественное сознаніе, чтобы можно было создавать какіе то новые врачебно-административные органы съ судебными функціями, съ правомъ опеки надъ городскими управленіяли, и такъ уже достаточно опекаемыми...

Противъ доклада бальнеологическаго общества выступилъ цѣлый рядъ ораторовъ во главѣ съ проф. М. Я. Капустинымъ, доказывавшимъ, что у русскихъ врачей выработались другіе идеалы общественной медицины, съ которыми бальнеологическое общество не сочло нужнымъ почему то сообразоваться, что насильственное введеніе санитарныхъ мѣропріятій безповоротно осуждено, какъ совершенно негодное, что для успѣховъ санитарнаго дѣла нужны не административное воздѣйствіе, а самодѣятельность общества, подъемъ этого общества въ умственномъ отношеніи, нужна культура.

Послѣ долгихъ дебатовъ рѣшено было передать проектъ бальнеологическаго общества на разсмотрѣніе медицинскихъ обществъ, корпорацій, факультетовъ и пироговскаго общества, объединяющаго всѣхъ русскихъ врачей.

Общее впечатлѣніе, какое пришлось вынести изъ кратковременнаго пребыванія на Кавказѣ, такое: природа щедро одарила край, а человѣкъ, по мѣрѣ своихъ силъ, постарался испортить чудные дары природы и очень медленно поспѣшаетъ исправить свои ошибки...

Врачъ **В. И. Бинштокъ.**

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Современное положеніе русской деревни (санитарно-экономическое описаніе с. Малышева, Воронежскаго уѣзда) *). С. В. Мартынова.

Глубокое вниманіе, съ которымъ русская общественная мысль въ послѣдніе годы относится къ деревнѣ, направляется преимущественно въ сторону изученія сельскохозяйственныхъ отношеній и очень мало затрагиваетъ духовную жизнь современнаго сельскаго населенія. Крестьянинъ, какъ живой человѣкъ съ присущими ему взглядами и интересами, остается въ тѣни и характеризуется лишь вскользь весьма смутными и недостаточными чертами. Между тѣмъ, возможно точное опредѣленіе культурно-общественнаго уровня крестьянской массы составляетъ задачу высокой важности. Аграрный вопросъ въ Россіи, при наличности многочисленныхъ пережитковъ крѣпостного права, является, прежде всего, крестьянскимъ вопросомъ, или, по выраженію Салтыкова, проблемою о мужикѣ, живая личность котораго, наряду съ теоретическими выводами, должна быть положена въ основу всякой цѣлесообразной практической дѣятельности. Самыя красивыя программы, лишенныя этой опоры, ведутъ, какъ показываетъ опытъ, только къ безплодному пессимизму или къ еще болѣе безплоднымъ иллюзіямъ. Проблема о мужикѣ можетъ быть окончательно разрѣшена или самимъ мужикомъ, или, по меньшей мѣрѣ, при его ближайшемъ участіи. Этими словами мы, конечно, не думаемъ отрицать значенія экономической теоріи, открывающей смыслъ и направленіе сельскохозяйственной эволюціи; мы хотимъ только указать законное мѣсто той старой, но постоянно забываемой мысли, что дѣйствительное улучшеніе жизненныхъ условій какого-либо общественнаго класса пріобрѣтается не благожелательными усиліями героической интеллигенціи, не реформаторскими проектами попечительной бюрократіи и даже не научными открытіями, а яснымъ сознаніемъ своихъ нуждъ самимъ заинтересованнымъ классомъ, его готовностью и способностью къ самодѣятельности. Свѣтъ вносимый извнѣ въ данную среду, горитъ лишь постольку, поскольку эта среда его поддерживаетъ. Поэтому, самое яркое идейное пламя часто безслѣдно гаснетъ или превращается въ слабый огонекъ, который скромно мерцаетъ въ тѣсномъ кругу элементарныхъ насущныхъ потребностей.

Какой же огонь способна поддерживать современная крестьянская масса? Интересную попытку отвѣтить на этотъ жгучій вопросъ представляетъ коллективная работа воронежскихъ земскихъ врачей и статистиковъ о современномъ положеніи русской деревни. Она относится къ с. Малышеву, Воронежскаго уѣзда, и предпринята съ цѣлью выясненія причинъ высокой дѣтской смертности среди крестьянскаго населенія; но, во-первыхъ, изслѣдователи значительно расширили узкія рамки спеціальнаго замысла и дали цѣльную характеристику деревенской жизни, какъ съ медико-санитарной, такъ и съ экономической, бы-

*) Отдѣльное приложеніе къ № 3 „Саратовской Земской Недѣли“ 1903 г.

товой и культурной точекъ зрѣнія; во-вторыхъ, однообразіе русскихъ деревень, если и не позволяетъ по одной дѣлать выводы объ остальныхъ, то, во всякомъ случаѣ, допускаетъ, пользуясь матеріаломъ мѣстнаго изслѣдованія, остановиться на тѣхъ чертахъ, которыя, несомнѣнно, являются общими для всей деревенской Руси.

Надо замѣтить, что Малышево находится въ относительно благопріятныхъ условіяхъ. Оно расположено въ 12 верстахъ отъ г. Воронежа и имѣетъ школу, которая, какъ извѣстно, до сихъ поръ остается праздничною мечтою для большинства русскихъ деревень. Тѣмъ не менѣе, по даннымъ земской подворной переписи, на 2.329 душъ населенія Малышево имѣло въ 1901 году только 218 человѣкъ грамотныхъ и учащихся. Еще очень недавно стремленіе къ грамотѣ встрѣчалось насмѣшками и угрозами. Возможность учиться наступала, повидимому, лишь въ зрѣломъ возрастѣ, для лицъ уже женатыхъ и пріобрѣвшихъ извѣстную самостоятельность. Учителями являлись дьячки, странники, солдаты и въ особенности чернички, въ спеціальность которыхъ входило, кромѣ чтенія псалтыря надъ усопшими, и обученіе грамотѣ. Теперь, съ открытіемъ школы и упадкомъ благосостоянія, положеніе измѣнилось. Крестьяне охотно отдаютъ дѣтей въ школу и прекрасно понимаютъ, какое важное оружіе составляетъ грамотность въ современной борьбѣ за существованіе. Измѣнившійся укладъ жизни принудилъ сознать пользу просвѣщенія, но тотъ же укладъ до сихъ поръ задерживаетъ распространеніе грамотности между женщинами. «По мужицкому положенію грамота дѣвочкамъ ни къ чему», говорятъ тѣ самые крестьяне, которые съ полнымъ убѣжденіемъ высказываются за обученіе мальчиковъ. Положительное отношеніе къ грамотѣ основывается, такимъ образомъ, чисто на практическихъ соображеніяхъ о непосредственной матеріальной выгодѣ умѣнья читать, писать и считать и только немногіе ставятъ школьному обученію болѣе широкую цѣль общаго развитія человѣка. Эта нетребовательность простирается и на книги, попадающія къ малышевцамъ. Въ общемъ, въ Малышевѣ оказалось относительно много книгъ Изъ 318 дворовъ въ 94-хъ сосчитано 460 экземпляровъ различныхъ книжекъ. Среднее число книжекъ на одинъ дворъ равняется 4, но два двора обладаютъ даже небольшими библіотеками въ 20 и 50 экземпляровъ.

По содержанію наибольшій процентъ книгъ составляютъ духовныя. Не считая Евангелія, Часослова, Псалтири, молитвенниковъ, чаще всего встрѣчаются житія различныхъ угодниковъ, сказанія о чудотворныхъ иконахъ, описанія извѣстныхъ монастырей и популярныя религіозно-философскія разсужденія о жизни, смерти и грядущемъ мірѣ. Затѣмъ слѣдуютъ обычные оракулы и сонники, всевозможныя сказки и повѣсти лубочнаго производства. Кромѣ этой классической народной литературы встрѣчаются и нѣкоторыя изданія «Посредника», а также популярно-научныя произведенія; напримѣръ: «Очерки и картины изъ географіи всѣхъ частей свѣта», «О древнихъ египтянахъ и землѣ египетской», «Швейцарія» В. Величкиной, «Годъ на сѣверѣ» С. Максимова «Элементарный курсъ зоологіи» Сентъ-Илера и проч. Но воронежскіе изслѣдо-

ватели отмѣчаютъ поучительное явленіе, которое заслуживаетъ глубокаго вниманія всѣхъ, кто толкуетъ о созданіи народной литературы. Въ то время, какъ всѣ такъ называемыя божественныя книжки и сказки куплены самими крестьянами, интеллигентныя изданія и вообще, «хорошія» книжки, по большей части попали къ малышевскимъ грамотеямъ случайно, какъ подарки попечительницы школы, и почти не читаются крестьянами. Про Іоанна Новгородскаго, какъ онъ на дьяволѣ ѣздилъ въ Іерусалимъ, или про Ивана-царевича и Бову-королевича знаютъ весьма основательно даже неграмотные. Содержаніе же популярно-научныхъ книгъ оказалось никому неизвѣстнымъ и даже помѣщенныя въ нихъ картинки непонятными. Даже вполнѣ доступныя произведенія Л. Н. Толстого не всегда читаются. Одинъ изъ спрошенныхъ о великомъ писателѣ (по поводу: «Власть тьмы или коготокъ увязъ всей птичкѣ пропасть») отвѣчалъ очень развязно, что «этотъ, молъ, про птицъ все сочинялъ».—«Про какихъ же это?»—«А вотъ какія летаютъ, про синичекъ, про голубей»... Изъ троихъ грамотныхъ, дѣйствительно читавшихъ разсказъ Засодимскаго «Рыжій графъ», одинъ только могъ припомнить содержаніе: «она говоритъ, ежели бросишь свою прежнюю привычку, за тебя замужъ пойду»... Впрочемъ, и въ Малышевѣ есть нѣсколько человѣкъ, которые, черезъ посредство школы, знакомы съ «Журналомъ для всѣхъ», «Биржевыми Вѣдомостями» и даже «Русскими Вѣдомостями». Свѣдѣнія объ отношеніи малышевцевъ къ книгамъ уже даютъ понятіе о духовныхъ запросахъ крестьянина. Еще болѣе яркимъ матеріаломъ являются нѣкоторыя представленія малышевцевъ о внѣшнемъ мірѣ, подмѣченныя изслѣдователями. Прежде всего знакомство малышевцевъ съ тѣмъ, что происходитъ за предѣлами ихъ околицы, крайне ограничено. Поѣздки въ городъ, разсказы зашедшаго переночевать странника, возвратившихся со службы солдатъ или ихъ письма—вотъ обычные источники важныхъ деревенскихъ новостей. Разумѣется, каковы источники, таковы и свѣдѣнія. Напримѣръ, про войну говорятъ: «буръ съ китаемъ воюютъ, а нашъ подмоги даетъ» или «была война, а изъ чего не знаешь; видишь только по картинкамъ, какъ Пекинъ забирали, какъ Благовѣщенскъ китайцы хотѣли забрать, да только какой-то старикъ выскочилъ съ вилами». Нѣкоторые слыхали про смерть королевы Викторіи («теперь англичанкѣ крышка—померла»), про то, что есть воинъ — нырнетъ въ воду и живой выходитъ, про то, что нашли старинную монету въ землѣ и т. п. Образцомъ солдатскихъ писемъ можетъ служить извѣщеніе о томъ, что «скоро будетъ сходить планета, которая угрожаетъ всему земному шару и даже Америкѣ; по газетамъ предполагаютъ, что можетъ повредить, но все-таки, Богъ знаетъ, можетъ и помилуетъ»... Даже городъ, который находится всего въ 12 верстахъ, кажется среднему малышевцу страною чудесъ съ непонятнымъ и удивительнымъ строемъ жизни, хотя по части чудеснаго малышевца трудно удивить. При близкомъ знакомствѣ съ нимъ, онъ откровенно повѣдаетъ, что у нихъ отъ колдуновъ на селѣ житья нѣтъ—имѣется, по крайней мѣрѣ, по одному на каждые тридцать дворовъ. При этомъ, малышевецъ обстоятельно разскажетъ такія подробности, которыя никакъ не могутъ быть плодомъ праздной фантазіи, а должны, повидимому, покоиться на твердыхъ

фактическихъ основаніяхъ. Онъ нарисуетъ портретъ колдуна самыми ясными реальными чертами, приведетъ самые убѣдительные, со ссылками на многочисленныхъ свидѣтелей, примѣры зловредной дѣятельности колдуновъ и вѣдьмъ, или примѣры сверхъестественнаго вмѣшательства въ деревенскую жизнь разнообразной «нечисти». Чѣмъ-то средневѣковымъ вѣетъ отъ тѣхъ толковъ, которые возбудило въ Малышевѣ медико-санитарное изслѣдованіе. «Вотъ и думай, — говорили нѣкоторые,—и въ прежнія времена тоже бывали больные и бѣдные и тоже дѣти умирали, но не было этого сожалѣнія; а теперь сожалѣніе явилось: передъ концомъ этого свѣта, приходъ антихриста обозначаетъ». «Скоро въ казну всѣ лавки отойдутъ, какъ отошла «винополія»... И уже домъ строится, чтобы собирать хлѣбъ, потому что будетъ голодъ 3 года и 6 мѣсяцевъ. Потомъ изъ сената придутъ и будутъ все описывать... Потомъ всѣ списки отошлютъ въ синодъ, и антихристъ будетъ ихъ разбирать. Уже онъ народился: одна баба 10 лѣтъ какъ родила... Его взяли въ каменный столбъ заключили, и онъ тамъ разговариваетъ, живетъ и растетъ; какъ доживетъ до тридцати лѣтъ, завладѣетъ царствомъ и будетъ самый удумливый изъ всего сената. Тогда маленькіе антихристы будутъ летать по воздуху и накладывать печати»... Въ итогѣ грамотность растетъ въ деревнѣ, крестьяне пишутъ и читаютъ письма, читаютъ вывѣски, афиши, книжки, изрѣдка даже газеты, учатся въ школѣ, посѣщаютъ воскресныя чтенія, цѣнятъ грамоту и грамотнаго человѣка. Но въ смыслѣ непосредственнаго культурнаго подъема все это принесло пока самые ничтожные результаты. Населеніе имѣетъ фантастическое представленіе «о мірѣ, и о землѣ, и о человѣкѣ; помѣщаетъ цѣлую часть свѣта какъ бы внѣ земного шара, заставляетъ китайцевъ сражаться съ бурами, воздерживается отъ обученія дѣвочекъ, читаетъ часто безсмысленныя книжки и почти не раскрываетъ хорошихъ книгъ, если даже имѣетъ ихъ. Пора широкаго поступательнаго движенія наступила только для отдѣльныхъ единицъ, совершенно тонущихъ въ общей еще неподвижной массѣ и неуловимыхъ статистическимъ путемъ. Въ нимъ примыкаетъ, какъ болѣе или менѣе прогрессивный элементъ, небольшая группа деревенскихъ грамотеевъ, а затѣмъ начинается сплошное море неразогнанной тьмы, младенческаго невѣдѣнія и горькой безпомощности и матеріальной и духовной». Таковъ духовный обликъ современной крестьянской массы, по изображенію воронежскихъ изслѣдователей. И едва ли они ошибаются, когда говорятъ, что Малышево ничѣмъ не отличается отъ сотенъ другихъ руссихъ селъ. Можетъ быть, во многихъ случаяхъ нельзя было бы указать даже тѣхъ зачатковъ культурнаго развитія, которые несомнѣнно имѣются въ Малышевѣ.

Значеніе картины, нарисованной воронежскимъ изслѣдованіемъ, очевидно. Духовный міръ крестьянской массы составляетъ особый міръ, отличный отъ міра сколько-нибудь культурнаго человѣка, и не только отличный, но даже враждебный культурному міру, какъ наука враждебна метафизикѣ. Деревенскій и культурный человѣкъ до сихъ поръ, въ сущности, находятся на такомъ разстояніи, на которомъ, какъ и во времена Салтыкова, нельзя сказать слово, «чтобы не взглянуть другъ на друга въ недоумѣніи или не почувствовать

необходимости въ безконечныхъ предварительныхъ объясненіяхъ» *). Сознавая это, воронежскіе статистики высказываются въ концѣ своей работы за необходимость безпрепятственнаго общенія крестьянства и интеллигенціи не на почвѣ личныхъ интересовъ, хотя бы и взаимныхъ, а на почвѣ дружественнаго служенія. Мы не думаемъ, чтобы этотъ призывъ могъ разрѣшить вопросъ. «Говорятъ,—писалъ Салтыковъ въ 1868 году,—что съ хорошимъ человѣкомъ, кромѣ одинаковаго умственнаго уровня, можно сойтись еще на почвѣ человѣчности; но и это, къ сожалѣнію, только отчасти справедливо, ибо отношенія, завязывающіяся на почвѣ человѣчности, никогда не бываютъ отношеніями полнаго равенства. Чувство человѣчности никогда не бываетъ свободно отъ примѣси благосклонности, съ одной стороны, и примѣси благоговѣнія—съ другой... Какой же можетъ быть послѣ этого вопросъ о равенствѣ? А вѣдь для человѣка, если онъ не звѣрь и не превозвысившійся въ чинахъ кантонистъ, равенство, въ смыслѣ общественности, есть именно та самая вещь, которая желательна всего болѣе и безъ которой возможно только насильствованіе собственной природы» **). Это насильствованіе собственной природы, заключающееся въ дружественномъ служеніи народу, какъ извѣстно, уже имѣло мѣсто въ развитіи русской общественной мысли и окончилось самымъ печальнымъ разочарованіемъ. Мы не видимъ основаній снова повторять неудачную постановку вопроса. Дѣло въ томъ, что низкій культурный уровень современной крестьянской массы теперь не является неподвижною величиною. Духовная обособленность крестьянскаго міра обусловливалась его экономическою и правовою обособленностью. Самодовлѣющее крестьянское хозяйство и самодовлѣющее крестьянское сословіе могли жить въ заколдованномъ кругу, не имѣя интересовъ, соприкасающихся съ остальнымъ міромъ. Но это время прошло безвозвратно. Крестьянское хозяйство все болѣе и болѣе увлекается міровымъ круговоротомъ; соціально-экономическая эволюція непрерывно разрушаетъ и китайскую стѣну сословности. Приближается моментъ взаимнаго уразумѣнія культурнаго и деревенскаго міровъ и ихъ сближенія не на безплодной почвѣ дружественнаго сближенія, а на благодарной почвѣ обоюдныхъ интересовъ. Школы, воскресныя чтенія, библіотеки и т. п. элементарные внѣшніе признаки культуры показываютъ, что деревня тронулась въ путь, который приведетъ къ единству міропониманія и къ удовлетворенію насущныхъ потребностей деревенскихъ обывателей. Но, кромѣ этихъ очевидныхъ показателей планомѣрнаго развитія, въ современной деревнѣ обнаруживаются другіе признаки другого развитія стихійнаго и безсознательнаго, въ области ближайшихъ нуждъ, изъ совокупности которыхъ слагается жизнь коренного обывателя и воздѣлывателя земли. Ближайшія нужды, естественно, никогда не превышали пониманія крестьянина, но, въ извѣстной стадіи развитія, пониманіе это было слишкомъ недостаточнымъ, чтобы принести какіе-либо результаты. «Такого рода вопросы,—говорилъ Салтыковъ въ «Письмахъ о провин-

*) „Письма о провинціи". Изданіе четвертое. Стр. 602.
**) „Письма о провинціи". Стр. 604.

ціи» *),—были бы, конечно, поняты и въ Патагоніи, но не надо забывать, что покуда они представляются уму обнаженными отъ примѣненій и выводовъ, то самая удобопонимаемость ихъ можетъ принести мало пользы». И сатирикъ закончилъ свое изслѣдованіе крестьянской массы убѣжденіемъ, что она представляетъ собою «громаду убіенныхъ». «Нигдѣ, навѣрное, не скажется потребность освобожденія мысли, того освобожденія, безъ котораго немыслимо никакое умственное и матеріальное совершенствованіе. Въ этомъ отношеніи вездѣ, куда ни обратитесь—молчокъ» **). Теперь эта характеристика уже не отвѣчаетъ дѣйствительности. Крестьянскій міръ до сихъ поръ чуждъ культурному міру, но онъ уже пересталъ быть безмолвною громадою «убіенныхъ». Сегодня онъ еще не способенъ къ самодѣятельности, но завтра эта способность появится на почвѣ насущныхъ нуждъ и потребностей. Это поле ближайшихъ интересовъ крестьянства достаточно обширно, чтобы вмѣстить и ближайшіе интересы интеллигенціи.

Ник. Іорданскій.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(Историческій Вѣстникъ — сентябрь. Вѣстникъ Европы — сентябрь Русская Мысль—августъ).

Такъ называемая «эпоха великихъ реформъ» еще долго будетъ служить предметомъ глубокаго интереса для всей мыслящей части русскаго общества. Это иначе и быть не можетъ, ибо въ высокой степени поучительная сама по себѣ, эпоха великихъ реформъ содержитъ въ себѣ много назидательнаго и не для однихъ только любителей «рыться въ хронологической пыли бытописанія земли». Но интереснѣе быть можетъ и самой «эпохи» является ея «канунъ», такъ какъ именно въ немъ слѣдуетъ искать ближайшихъ корней дальнѣйшихъ историческихъ событій русской жизни. Личнымъ воспоминаніямъ объ этомъ-то «канунѣ» и посвящена заслуживающая несомнѣнно вниманія читателя, напечатанная въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» статья Н. А. Крылова, которая и носитъ названіе «Наканунѣ великихъ реформъ». Новаго, совершенно неизвѣстнаго объ этомъ времени въ статьѣ г. Крылова читатель, правда, не найдетъ, но въ живыхъ и яркихъ картинахъ, изображаемыхъ авторомъ воспоминаній вскрывается чрезвычайно наглядно отношеніе массы помѣщичьяго класса къ предстоявшимъ реформамъ. Г. Крыловъ жилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ «во глубинѣ Россіи»,—въ глухихъ уѣздахъ Симбирской губерніи, принималъ самъ живое участіе въ дѣлахъ того времени и имѣлъ, поэтому, возможность и понаблюдать и позаписать многое, достойное несомнѣнно памяти потомства. Предъ нами, напримѣръ, широкій гостепріимный домъ алатырскаго уѣзднаго предводителя дворянства Н. А. Попова. Въ домъ

*) Тамъ же. Стр. 613.

**) Тамъ же. Стр. 617.

этотъ, какъ водилось въ доброе старое время, собирались массами наши Маниловы и Собакевичи и вели между собою пріятельскія бесѣды. О чемъ? А вотъ о чемъ: «до воли,—разсказываетъ г. Крыловъ,—разговоръ между помѣщиками рѣдко выходилъ изъ круга ежедневной жизни и даже изъ сезонной жизни. Зимою говорили о картахъ, о цѣнахъ на хлѣбъ и о хитрыхъ плутовствахъ въ судѣ, въ палатахъ и въ откупу. Весной—объ озимяхъ и о ружейной охотѣ на утокъ и бекасовъ; лѣтомъ объ урожаѣ, а осенью—только объ охотѣ съ борзыми и гончими». Такъ было «до воли», но когда прошли слухи о послѣдней, то внезапно всколыхнулось все это, спавшее непробуднымъ сномъ, отечественное болото. Вѣдь огромному большинству и въ голову не приходило, что можетъ наступить время, когда сомнѣнія относительно права владѣнія ихъ себѣ подобными получатъ признаніе въ высокихъ сферахъ... Еще болѣе чужда была имъ мысль о государственныхъ интересахъ Россіи. Предшествовавшая эпоха съ ея «не разсуждать» и «слушаться» сдѣлала свое дѣло, доведя Россію не только до внѣшняго разгрома и униженія, но и до колоссальнаго безлюдья, до невѣроятнаго отсутствія способности мыслить у, казалось бы, наиболѣе образованной части русскихъ людей. «Помѣщиковъ,—разсказываетъ далѣе г. Крыловъ,—особенно поражали слухи изъ Петербурга, что личный трудъ крестьянъ не будетъ подлежать выкупу, что будетъ выкупаться только земля, которая пойдетъ въ надѣлъ крестьянамъ, а сами крестьяне отпустятся даромъ на волю. Часто можно было слышать горячіе возгласы:

— Какъ такъ! Я купилъ крестьянъ, чтобы они мнѣ работали; это — моя собственность, а у меня ихъ отнимаютъ даромъ, да гдѣ же справедливость?

— А я заложилъ крестьянъ въ опекунскомъ совѣтѣ,—перебивалъ другой,—у меня и свидѣтельство дано, что я заложилъ столько-то душъ, а не десятинъ земли; слѣдовательно, эти крестьяне есть мое имущество, какъ же его безъ суда у меня отнимать?

— А вотъ Бабылевъ и такъ онъ на вывозъ покупалъ крестьянъ,—добавлялъ третій,—и онъ на свой счетъ перевозилъ ихъ въ Оренбургскую губернію и тамъ селилъ ихъ на своей землѣ. Они у него еще и четверть цѣны не отработали, неужели и у него даромъ ихъ отпустятъ?»

Словомъ, рѣчи Собакевичей стали смѣлыми и даже фрондерскими, когда дѣло коснулось ихъ «собственности». И какой-нибудь алатырскій уѣздъ вовсе не составлялъ исключенія. «Выкупъ за *личность* крестьянъ,—разсказываетъ г. Крыловъ,—требовали не только помѣщики медвѣжьихъ угловъ, но и выдающіяся лица, которыхъ приглашали въ главный комитетъ. Между тѣмъ этихъ лицъ было только по одному отъ губерніи, т.-е. ихъ профильтровывали изъ 100.000 полицеймейстеровъ, набрали 42 человѣка наилучшихъ изъ имперіи, чтобы идти впереди вѣка и вести за собою если не всю толпу, то хотя бы передовыхъ изъ толпы. И если были отдѣльныт личности, готовыя на всякій гражданскій подвигъ, то это были изъ немногихъ передовыхъ дѣятелей начала XIX вѣка».

Замѣчательно, что однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ освобожденія крестьянъ являлось въ устахъ крѣпостниковъ сожалѣніе о томъ, что крестьяне промѣняютъ отеческую заботливость о нихъ помѣщика на черствыя лапы чиновника. И тутъ пускались въ ходъ самыя откровенныя разоблаченія дѣятельности дореформенныхъ администраторовъ и судей. Пищи же для такихъ разоблаченій было сколько угодно. Изъ устъ въ уста переходилъ, напр., такой разсказъ объ «остроуміи» предсѣдателя симбирской уголовной палаты:

«Крестьянинъ села Кладбищъ Алатырскаго уѣзда ограбилъ торговца. На слѣдствіи онъ признался, его засадили въ острогъ, алатырскій судъ его обвинилъ, и дѣло перешло въ уголовную палату, гдѣ брали съ живого и съ мертваго. Въ видѣ задатка палатѣ дано было 100 рублей и обвиняемаго выпустили изъ острога на поруки. Освобожденный грабитель укралъ у одного купца 600 рублей, которые и передалъ въ палату. Палата усмотрѣла изъ дѣла, что надъ обвиняемымъ не сдѣланъ «повальный обыскъ» т. е. опросъ его одножителей о поведеніи. При обыскѣ въ поведеніи его не одобрили. Палата рѣшила: такъ какъ обвиняемый въ поведеніи не одобренъ, то вѣры его признанію не давать, приговоръ уѣзднаго суда отмѣнить и обвиняемаго отъ суда освободить».

Когда же рѣчь зашла о реформѣ суда и между прочимъ объ его гласности, то противъ этого, по свидѣтельству г. Крылова, «въ огромномъ большинствѣ помѣщичьей среды» раздались такія, напр., возраженія:

«— Какъ же это возможно, чтобы былъ допущенъ гласный судъ? Иногда судятся дамы, дѣвицы,—неужели позволятъ и ихъ позорить?..»

Реформы суда такимъ образомъ не желали, а въ тоже время указаніе на негодность суда выставляли постоянно въ качествѣ аргумента противъ освобожденія крестьянъ отъ власти помѣщиковъ.

«— Одинъ судъ чего стоитъ!—кричали помѣщики.—Теперь мужикъ не знаетъ этого суда, его не гноятъ въ острогѣ, не тянутъ съ него послѣднюю рубаху и Лазка не смѣетъ оговаривать барскаго мужика въ разбоѣ!».

«Этого пресловутаго Лазку долго помнили въ Алатырскомъ уѣздѣ, ибо онъ кормилъ многихъ чиновниковъ дореформеннаго суда и полиціи. Долго онъ разбойничалъ, наконецъ, попалъ въ острогъ. Во время слѣдствія и суда надъ нимъ полицейскіе чиновники водили его по удѣльнымъ селамъ, и когда Лазка видѣлъ хорошія, богатыя избы, то оговаривалъ ихъ хозяевъ или въ соучастіи или въ пристанодержательствѣ. Понятно, что ни въ чемъ неповинный хозяинъ откупался всѣмъ, чѣмъ только могъ, чтобы не попасть въ острогъ или подъ судъ. И это далеко не вымыселъ и не единичный случай, да и не одинъ Алатырскій уѣздъ отличался такою находчивостью чиновниковъ... При всякомъ призывѣ къ суду мужикъ продавалъ все, что можно, для того, чтобы его не заморили въ острогѣ или просто въ городѣ, если онъ требовался для показанія какъ свидѣтель».

Пугали помѣщиковъ слухи и о томъ, что отъ нихъ отойдутъ питейные дома, ярмарки, базары, пристани и прочія имущества, лежащія внутри крестьянскихъ усадебъ или въ ихъ надѣлахъ.

*

«— Помилуйте,—горячатся нѣкоторые консерваторы, мы всѣ эти имущества покупали на свои деньги или устраивали десятки лѣтъ, закладывали въ опекунскій совѣтъ, какъ нашу неотъемлемую собственность вмѣстѣ съ землей и крестьянами—какъ же все это отбирать? Неужели тѣ только будутъ въ выигрышѣ, у которыхъ за неплатежъ процентовъ это имущество продали съ аукціона?

«— Если дадутъ крестьянамъ свободу,—перебивали другіе,—то имъ должны дать и свободу покупать у меня все это по добровольной цѣнѣ; иначе это будетъ грабежъ, насиліе!

«При возраженіи, что базарная площадь есть принадлежность селенія, а перевозъ есть принадлежность той дороги и того берега, кому они принадлежатъ, вопросъ не выяснялся, а замѣнялся только словами: «измѣна своему сословію», «продажность» и т. п. Помѣщики считали члена симбирскаго комитета Д. Н. Шидловскаго образцомъ дворянскихъ доблестей и стойкости; онъ никакихъ правъ не уступалъ безъ боя и борьбы. За это алатырскіе дворяне проектировали ему адресъ и два часа спорили о томъ, какъ написать «боецъ» за дворянскіе интересы или «борецъ». Не помню, какое слово попало въ адресъ, но только самъ г. Шидловскій, когда попалъ депутатомъ отъ большинства симбирскаго комитета въ главный комитетъ, то внушилъ нелестное мнѣніе въ Петербургѣ о симбирскомъ дворянствѣ. Г. Шидловскій увѣрялъ, что весь разговоръ о волѣ затѣянъ только для того, чтобы развивать опасныя теоріи и тревожить умы, т.-е. расшатывать основы государства».

На сторонѣ освобожденія крестьянъ, кромѣ «осколковъ людей 14 декабря», были также, и другія лица. Представителемъ сторонниковъ эманціпаціи въ Симбирской губерніи былъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Василій Андреевичъ Головинскій, бывшій петрашевецъ, который стоялъ всегда рѣзко за освобожденіе крестьянъ и ѣдко глумился надъ благороднымъ россійскимъ дворянствомъ. Послѣднее его нѣсколько побаивалось, но за глаза величало его не иначе, какъ «каторжникомъ». По поводу вышеупомянутаго адреса дворянства Шидловскому Головинскій «сравнивалъ комитетъ съ огородомъ, въ которомъ очень мало головъ, но много кочановъ, а еще больше кочанчиковъ, какъ на брюссельской капустѣ. Сравнивалъ онъ комитетъ и съ хоромъ, гдѣ двое поютъ въ диссонансъ, пятеро имъ вторятъ, а остальные состоятъ изъ подголосковъ.

«— По химическому составу,—объяснялъ Головинскій,—этотъ комитетъ мнѣ напоминаетъ воздухъ, въ которомъ одна пятая только кислорода, т.-е. жизни, а остальное все азотъ, т.-е. газъ безъ цвѣта, безъ вкуса, безъ запаха, самъ не горитъ, горѣнія не поддерживаетъ, но и не тушитъ, относительный вѣсъ его 0,97, т.-е. меньше единицы.

«— Ну, а если посчитать,—кто то перебилъ его,—такъ, пожалуй и больше десятка единицъ найдется; вѣдь, отъ цѣлой губерніи выбрали, значитъ сила!

«— Какая это сила!—заговорилъ Головинскій;—воздухъ, а не сила; кнутомъ ударить, такъ пузырь не вскочитъ; хуже лужи! И это профильтрованное дворянство цѣлой губерніи!»

Вотъ какова была картина и вотъ каково было настроеніе въ концѣ пятидесятыхъ годовъ подавляющаго большинства дворянства. Въ Симбирской же губерніи проживалъ въ это время помѣщикъ князь Волконскій, родственникъ извѣстнаго декабриста. Онъ былъ также во главѣ крѣпостниковъ. По возвращеніи изъ Сибири, старикъ С. Г. Волконскій посѣтилъ своего симбирскаго родственника, но они рѣшительно ни въ чемъ не могли сойтись. Молодой Волконскій говорилъ про старика, что онъ «въ Сибири потерялъ умъ»...

Видя, тѣмъ не менѣе, что на вопросъ освобожденія крестьянъ надо смотрѣть, какъ на дѣло безповоротно рѣшенное въ ближайшемъ же будущемъ, болѣе дальновидные помѣщики стали переселять цѣлыя селенія на песчаныя и глинистыя площади, чтобы усадьбы этихъ селеній, ихъ гумны, коноплянники и огороды присоединить къ помѣщичьимъ пашнямъ. «Такія обиды,—разсказываетъ г. Крыловъ,—дѣлались явно; плачъ мужиковъ раздавался по всему уѣзду, но отвратить это дѣло было невозможно, потому что все это производилось въ силу крѣпостного права. По статьѣ 4138 тома IX всѣ строенія крестьянъ считались собственностью помѣщика, и онъ былъ въ правѣ не только все ломать и переносить, но вырубать сады, насаженные крестьянами и переходившіе у нихъ изъ рода въ родъ. Это переселеніе было тяжелѣе пожара. Огонь истребитъ только избу и дворъ, а прихоть и жадность помѣщика отнимала все».

Но какъ бы то ни было, а реформа все же совершилась. Озирая взглядомъ истекшія съ того времени сорокъ лѣтъ, г. Крыловъ справедливо не находитъ возможнымъ быть ею удовлетвореннымъ. «Крѣпостныхъ нѣтъ больше въ государствѣ,—говоритъ онъ,—но эти свободные крестьяне еще не устроены въ своихъ правахъ такъ, чтобы могли самостоятельно развивать свое благосостояніе. Ближайшая къ нимъ власть, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, не развила въ крестьянахъ правильнаго самоуправленія и самодѣятельности въ своихъ внутреннихъ распорядкахъ и общественныхъ дѣлахъ. Раздѣлъ семей, передѣлъ общественной земли, выборъ въ должность даже въ земскіе гласные находятся въ такой зависимости отъ ближайшей власти земскихъ начальниковъ, что никогда не могутъ быть свободными. Наконецъ, волостной судъ съ его унизительнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ пора бы передать въ область исторіи».

Къ области разсказовъ объ земскихъ неустройствахъ на первыхъ порахъ существованія земскихъ учрежденій относится напечатанныя въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» «Воспоминанія стараго земца». Авторъ этихъ воспоминаній г. П. А. Т. принялъ уже въ 1870 году самое живое участіе въ мѣстной жизни одного изъ уѣздовъ N—ской губерніи, въ качествѣ предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы, и встрѣтился на этомъ пути съ картинами, мало отличавшимися отъ картинъ крѣпостной эпохи. Въ первое же свое посѣщеніе управы въ качествѣ ея предсѣдателя г. Т. натолкнулся на такую, напр., сцену:

«Придя въ помѣщеніе управы часовъ въ девять утра, я засталъ въ немъ

почти одного секретаря, юркаго и бойкаго молодого человѣка, превосходно мнѣ аттестованнаго всѣми безъ исключенія земцами уѣзда.

«— А гдѣ же члены, гдѣ ваша канцелярія? — спросилъ я прежде всего.

«— Бѣгаютъ по городу, ищутъ рублевыхъ бумажекъ.

«— Зачѣмъ вамъ рублевыя бумажки?

«— А мы посылаемъ сегодня губернской управѣ двѣ тысячи рублей въ счетъ губернскаго сбора.

«— Такъ при чемъ же тутъ рублевыя бумажки? Нужны, очевидно, крупныя, а не мелкія депозитки. Вѣдь, вы посылаете, вѣроятно, по почтѣ?

«— Да, по почтѣ. Это, видите ли, длинная исторія. Наша управа давно въ ссорѣ съ губернской. Мы имъ долгое время не платили ничего—года два или больше. Они писали намъ, писали, наконецъ, въ прошломъ году пожаловались на насъ губернскому собранію, и намъ пришлось-таки платить. Зато мы ихъ и наказываемъ вѣсовыми почтовыми расходами, — переслать двѣ-то тысячи рублевыми бумажками стоитъ рублей десять.

«Я просто остолбенѣлъ отъ дикости, отъ невѣжества такого факта. А секретарь пренаивно даже гордился остроуміемъ способа наказанія губернской управы.

«— Пошлите сейчасъ же за Николаемъ Ивановичемъ да отзовите и всѣхъ остальныхъ.

«Николай Ивановичъ появился черезъ нѣсколько времени съ огромной пачкой рублевокъ въ рукахъ.

«— Что это мнѣ разсказываетъ секретарь? Неужели это правда?

Николай Ивановичъ сконфузился и исподлобья взглянулъ на секретаря.

«— Вѣдь говорилъ я вамъ, что обождать надо, пока П. А. не вступитъ. Вѣдь, и сами знаете, что это глупость одна. Хлопоты и глупость. А я ничего подѣлать противъ этого не могъ, — былъ строгій, постоянный приказъ отъ Ивана Ильича — поди-ка не послушай его!

«— Да вѣдь Иванъ Ильичъ уже четыре мѣсяца въ отставкѣ, — вѣдь вы исполняли его должность, — не утерпѣлъ я. — Если вы этого не одобряли, отчего же вы не прекратили эту «глупость», какъ вы сами справедливо выразились?

«— Я человѣкъ маленькій, гдѣ же мнѣ порядки мѣнять? Почемъ я зналъ,— можетъ быть, Иванъ Ильичъ вамъ объ этомъ предметѣ говорили или писали?

«Думаю, что дикая нелѣпость этого факта придала мнѣ рѣшимости дѣйствовать сразу гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ я было предполагалъ. Не могло быть никакихъ сомнѣній, что все подобное необходимо было вымести сразу и до конца.

«Въ лежавшей на предсѣдательскомъ столѣ значительной пачкѣ только что полученной почты большинство корреспонденціи состояло изъ слезныхъ просьбъ учителей, фельдшеровъ, акушерокъ, стоечниковъ, содержателей участковъ почтовой дороги выслать имъ хоть какую-нибудь часть причитающагося имъ жалованья. Земство было должно всѣмъ своимъ служащимъ — инымъ за полгода и даже больше.

— Сколько у васъ въ кассѣ денегъ, Николай Ивановичъ?

— Да какъ отошлю эти двѣ тысячи, останутся самые пустяки—рублей двѣсти.

— А сколько мы должны и кому?

— Господь его знаетъ, сколько; должны всѣмъ, кромѣ мировыхъ судей. Тѣмъ платимъ безъ недоимки, въ срокъ.

— А учителя, получающіе по десяти и двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ, ждутъ по полугоду?

— Ждутъ. Ничего не подѣлаешь. Денегъ въ управѣ нѣтъ» и т. д., и т. д. Если сцена съ отправкою въ губернскую управу двухъ тысячъ «рублевиками» достойна кисти Щедрина, то такіе факты, какъ неполученіе учителями или фельдшерами ихъ нищенскаго содержанія въ теченіе шести и больше мѣсяцевъ по причинѣ пустоты земской кассы и примитивности взгляда всякихъ «Николай Ивановичей» на значеніе самоуправленія, относятся къ явленіямъ иной категоріи. Можно навѣрно сказать, что, если бы тѣ же учителя и доктора были не наемниками, а избирателями, если бы «Николаи Ивановичи» знали, что отъ этихъ людей въ значительной степени зависитъ ихъ, «Николай Ивановичей», положеніе въ земскомъ мірѣ, что каждый учитель и врачъ располагаетъ такимъ же баллотировочнымъ шаромъ, какъ и свой братъ—мировой судья, тогда,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—мировые судьи не являлись бы въ земской средѣ въ столь привилегированномъ положеніи. Рецептъ противъ зла напрашивается такимъ образомъ самой собою. Онъ простъ и состоитъ въ распространеніи избирательныхъ правъ не на однихъ только землевладѣльцевъ, но и на всю массу «стоящаго позади ценза» россійскаго люда. Но этого не было въ 1870 году, нѣтъ этого и теперь, откуда и вытекаютъ многія весьма печальныя послѣдствія. Богатыя содержаніемъ, воспоминанія г. Т. хотя и относятся къ сравнительно давно минувшимъ днямъ, но, касаясь многихъ самыхъ серьезныхъ сторонъ нашей общественной жизни, онѣ чрезвычайно поучительны и для современности. Развѣ утратили значеніе для современности такія, напр., картины положенія волостныхъ правленій и развѣ не вызываютъ онѣ настоятельной необходимости ихъ реформы въ сторону созданія мелкой земской единицы?

Вотъ что разсказываетъ о волостныхъ правленіяхъ г. Т. на основаніи самаго тщательнаго съ ними ознакомленія:

«Всякій чинъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ нихъ всего, что ему заблагоразсудится. И юстиція, и полиція, и казна, и удѣлъ, и министерство финансовъ, и военное и морское вѣдомства, и земства, и всяческія отдѣльныя части всевозможныхъ спеціальныхъ управленій—все это обрушивалось на волостныя правленія во всевозможныхъ видахъ. У волостного правленія относительно всѣхъ этихъ безчисленныхъ колесъ государственной правительственной машины не было никакихъ правъ—были только обязанности. Это было безусловно безправное учрежденіе, которымъ только лѣнивый не помыкалъ. Обидѣть его могъ всякій, у кого была охота, и за дѣло, и такъ себѣ—походя. Даже частные люди, помѣщики, купцы, разночинцы, духовенство, жившіе въ

предѣлахъ волости, но не несшіе никакихъ расходовъ на содержаніе ея управленія, если они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ начальствомъ, гоняли и шпыняли волостного старшину или сельскаго старосту по своему усмотрѣнію, заставляли ихъ взыскивать съ мужиковъ долги и неустойки, составлять акты о потравахъ и порубкахъ, вообще считали ихъ созданными и существующими для ихъ благополучія.

«Въ то время мировые посредники уже предназначались къ упраздненію и уѣздной полиціи было дано право сажать въ кутузку и штрафовать деньгами всѣхъ лицъ волостного и сельскаго управленія. Тамъ, гдѣ посредникъ былъ въ неладахъ съ полиціей,—а это было обычнымъ явленіемъ,—волостнымъ чинамъ приходился просто зарѣзъ. Посредникъ требуетъ одного, исправникъ или становой—другого, а въ концѣ концовъ, такъ или иначе, неизбѣжная кутузка. И не довернешься—бьютъ, и перевернешься—бьютъ. Старшина обыкновенно безграмотный, а писарь—дѣлецъ и или пьяница, или мошенникъ. На всякую бумагу, на всякое предписаніе—и старшина, и старосты, по самой силѣ вещей, должны были глядѣть такъ или иначе писарскими глазами. Я зналъ только очень немногихъ старшинъ, которые были достаточно грамотны сами, чтобы не зависѣть почти вполнѣ отъ своихъ писарей,—это были обыкновенно субъекты, сначала бывшіе сами писарями, попавшіе въ фаворъ къ посреднику и затѣмъ выбранные, благодаря его вмѣшательству, въ старшины». Конечно, все это ложилось страшнымъ гнетомъ на мужика.

«У меня, да и у всѣхъ такъ же близко знакомыхъ съ дѣломъ людей,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ г. Т.,—не было никакихъ сомнѣній, что цѣлая масса мужицкихъ денегъ утаивалась ежегодно сборщиками и сельскимъ и волостнымъ начальствомъ; во многихъ мѣстностяхъ зло это сдѣлалось хроническимъ, но я ни тогда, ни послѣ не видѣлъ практической возможности не только искоренить, но и уменьшить его».

Корень неустройствъ русской жизни нельзя не видѣть въ томъ ея, если хотите, «принципѣ», который еще Добролюбовъ такъ мѣтко назвалъ «самодурствомъ». Именно этому-то самодурству посвящаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ и г. Т. не мало краснорѣчивыхъ строкъ.

«Обыкновенный обыватель,—пишетъ онъ,—былъ совершенно безправенъ и безпомощенъ, но и онъ самодурствовалъ надъ всѣми тѣми, кто такъ или иначе попадался ему въ лапы. Самодурствовалъ губернаторъ, обрекавшій цѣлое земство на безденежье, потому что онъ самъ промахнулся и наткнулся при этомъ на такого же самодура; самодурствовалъ Иванъ Ильичъ, потому что промахъ губернатора дѣлалъ его уѣздъ «единственнымъ въ своемъ родѣ въ Россіи»; самодурствовалъ безъ конца Л., потому что если и встрѣчалъ въ земской жизни протестъ, то не своему самодурству, а другимъ сторонамъ своей дѣятельности; волостной старшина самодурствовалъ надъ мужикомъ, а мужикъ—надъ своей бабой и домочадцами. И чѣмъ дольше я служилъ впослѣдствіи, тѣмъ больше и нагляднѣе я убѣждался въ томъ, что это было нѣчто прочное и повсемѣстное, въѣвшееся и всосавшееся во всѣ основы, во всѣ проявленія деревенской жизни».

Мы рекомендуемъ читателю ознакомиться въ подлинникѣ съ интересными воспоминаніями «стараго земца».

Въ августовской книжкѣ «Русской Мысли» помѣщена заслуживающая самаго серьезнаго вниманія общества статья Н. А. Скворцова: «Условія труда и жизни судорабочихъ на Волгѣ». Кто бывалъ на Волгѣ,—а кто же тамъ не бывалъ, кто не наслаждался чудными пейзажами, мелькающими передъ глазами пассажира съ комфортабельно обставленной палубы волжскаго парохода,—тотъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе на тяжелый трудъ ютящагося на пристаняхъ оборваннаго люда, снискивающаго себѣ скудное пропитаніе переноскою тяжестей съ парохода на пристань и обратно. Среди пассажировъ можно услышать нерѣдко восклицанія сожалѣнія по адресу новыхъ рабовъ капитала и негодованія на ихъ «хозяевъ». Восклицанія эти подсказываются, однако, чаще всего тѣми непріятными эмоціями, которыя доставляетъ видъ грузчиковъ путешествующей «чистой публикѣ». Оказывается, однако, что грузчики стоятъ далеко еще не на послѣдней ступени среди закабаленнаго развитіемъ волжскаго судоходства люда. Читатель, конечно не подумаетъ, что мы имѣемъ что-либо противъ самаго факта развитія этого судоходства и желали бы возвратиться къ тѣмъ временамъ, когда по всей Волгѣ-матушкѣ раздавалась заунывная пѣснь бурлака,—нѣтъ, мы только хотимъ обратить вниманіе на отрицательныя стороны этого развитія и подчеркнуть нашу полную солидарность съ г. Скворцовымъ, весь смыслъ интересной статьи котораго можно формулировать такъ: настоятельно и безусловно необходимо немедленное *законодательное* урегулированіе труда судорабочихъ. Мы вспомнили о грузчикахъ лишь потому, что условія ихъ труда хоть съ внѣшней-то стороны наблюдалъ каждый путешественникъ по Волгѣ, но не о нихъ мы поведемъ сейчасъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что существуетъ цѣлый разрядъ людей, живущій въ условіяхъ еще худшихъ, чѣмъ даже грузчики. Это судорабочіе на самыхъ пароходахъ. Описанію ихъ быта, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ санитарными врачами, и посвящена статья г. Скворцова. Люди эти работаютъ не передъ глазами «чистой публикѣ», какъ это обстоитъ съ грузчиками, а тамъ въ темномъ днѣ пароходовъ, оттого трудъ ихъ и не «отравляетъ» наслажденій лицъ, любующихся природой съ пароходныхъ палубъ или покоящихся въ удобныхъ каютахъ. Спустимся же вмѣстѣ съ г. Скворцовымъ, хоть теперь, такъ сказать, заднимъ числомъ, въ такъ называемые пароходные трюмы и посмотримъ, что тамъ происходитъ.

«Спустившись въ трюмъ, въ помѣщеніе матросовъ,—говоритъ г. Скворцовъ—вы сразу ощущаете страшную сырость, плѣсень, холодъ и вонь. Долгое время вы не въ состояніи ориентироваться: въ помѣщеніи ни оконъ, ни приспособленій для искусственнаго освѣщенія; здѣсь вѣчный мракъ или въ лучшемъ случаѣ полумракъ, и судорабочіе какъ бы осуждены раздѣлять участь кротовъ...

«Трюмныя помѣщенія на пароходахъ находятся въ особенныхъ условіяхъ относительно вентиляціи: металлическія стѣны не пропускаютъ воздуха, помѣщеніе, слѣдовательно, лишено естественной вентиляціи, которая играетъ важную

роль во всякомъ деревянномъ зданіи. Нѣтъ естественной вентиляціи, нѣтъ и никакихъ спеціальныхъ приспособленій для нея,—таковы жилищныя условія забитыхъ въ трюмъ судорабочихъ...»

Какъ извѣстно, такимъ темнымъ, сырымъ жильемъ судорабочему приходится пользоваться въ теченіе апрѣля—ноября, т.-е. и въ періодъ низкой температуры, пронизывающихъ насквозь рѣчныхъ тумановъ, рѣзкихъ вѣтровъ и даже мороза... «Тѣмъ не менѣе отопленіе или вовсе отсутствуетъ, или, гдѣ оно и есть», ничего, кромѣ неудобствъ, рабочимъ не доставляетъ: отопленіе паровое, но трубы въ помѣщеніяхъ судорабочихъ не имѣютъ регуляторовъ. Вонючій трюмъ то накаляется, то стынетъ...

«Недоступное ни свѣту, ни сколько-нибудь замѣтному обмѣну воздуха, трюмное помѣщеніе сплошь заполняется нарами, размѣщенными въ 2—3 яруса. Никакихъ матрацовъ или подстилокъ не полагается. Нарами исчерпывается вся обстановка «подземнаго» помѣщенія судорабочихъ.

«Въ общемъ приходится 106 куб. футовъ воздуха на матроса». (Минимумъ, какъ извѣстно, долженъ равняться 370 куб. футамъ).

Таковы жилищныя условія жизни судорабочихъ. Посмотримъ теперь, каковы условія ихъ труда?

«На баржахъ и пароходахъ матросъ вынужденъ работать всю навигацію, т.-е. $6^1/_2$—$7^1/_2$ мѣсяцевъ безъ праздничныхъ или воскресныхъ перерывовъ. Въ трудовомъ днѣ матроса нѣтъ опредѣленно-указаннаго отдыха; обязанности матроса таковы, что его всегда имѣютъ права оторвать отъ сна или отдыха и призвать къ немедленному выполненію той или другой работы».

Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи разсчетныя книжки судорабочихъ. Вотъ что между прочимъ онѣ гласятъ:

«Обязуюсь быть въ полномъ повиновеніи лицъ, уполномоченныхъ для надзора и распоряженія; *всякую работу*, назначенную мнѣ, обязуюсь выполнять безотговорочно.

«Обязуюсь исполнять *всѣ* приказанія и *не въ правѣ отказываться ни отъ какой работы*, какъ-то: нагрузки и выгрузки, паузки товаровъ, пассажирскаго багажа, дровъ и отъ другихъ, *къ пароходному дѣлу относящихся, работъ, не требуя зато особаго вознагражденія; даже во время, назначенное для моего отдыха, то я и тогда не долженъ отъ нихъ отказываться; размѣръ вознагражденія за такой мой усиленный трудъ, кромѣ условленнаго жалованья, я предоставляю право опредѣлять и назначать командиру парохода безъ всякихъ съ моей стороны претензій*».

«Во время паузки, грузки, перегрузки, отлива воды, нагрузки дровъ, переводки судовъ никто ни подъ какимъ предлогомъ отказываться отъ работы права не имѣетъ, *хотя бы работать понадобилось и во время отдыха*»

Фактически дѣло сводится для судорабочихъ къ существованію у нихъ *18-ти-часового рабочаго дня* и это безъ всякихъ праздничныхъ перерывовъ, причемъ «отдыхъ», при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, какъ мы видѣли

выше, онъ происходитъ, можетъ быть названъ этимъ именемъ развѣ только въ видѣ горькой ироніи.

Какое же, по крайней мѣрѣ, вознагражденіе получаютъ судорабочіе за свой поистинѣ каторжный трудъ? А вотъ какое:

«Жалованіе матроса колеблется отъ 8—12 и отъ 12—15 рублей въ мѣсяцъ на собственныхъ харчахъ». Это значитъ, что ежедневный заработокъ матроса равняется 25—50 копейкамъ. Но и это еще не все.

«На Волгѣ,—пишетъ г. Скворцовъ,—наблюдаются самыя заразительныя злоупотребленія при разсчетѣ съ судорабочими. Этимъ злоупотребленіямъ помогаютъ въ значительной степени разсчетныя книжки. Въ книжкахъ бросается въ глаза отсутствіе четырехъ весьма важныхъ договорныхъ пунктовъ, обязательныхъ для разсчетныхъ книжекъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ этихъ книжкахъ нѣтъ указаній: 1) срока найма; в) срока выдачи заработной платы; с) кѣмъ и гдѣ производится выдача этой платы и д) дополнительныхъ условій найма». Зато въ книжкахъ этихъ присутствуютъ параграфы, допускающіе удерживаніе съ матросовъ значительныхъ частей ихъ жалованья,—отъ двухъ рублей и до половины всего жалованія. «Эти вычеты составляютъ довольно крупную сумму: армія судорабочихъ на Волгѣ исчисляется minimum въ 100.000 человѣкъ; въ теченіе 6—7 навигаціонныхъ мѣсяцевъ каждый рабочій оставляетъ въ кассѣ предпринимателя minimum 30—35 рублей, слѣдовательно, всѣ рабочіе—3.000.000—3.500.000 рублей. По справедливому замѣчанію поволжской прессы, эта сумма является солиднымъ займомъ для пароходныхъ предпріятій, займомъ у служащихъ, у той бѣдноты, отъ которой, казалось бы, нечѣмъ и попользоваться; однако, при извѣстной беззастѣнчивости, можно и бѣдныхъ служащихъ заставить давать взаймы, притомъ безъ процентовъ. Но что всего интереснѣе—этотъ безпроцентный заемъ у своихъ рабочихъ судовладѣльцы возвращаютъ имъ *въ видѣ награды* за прослуженную полностью навигацію!..»

Чрезвычайно интересно также перечисленіе въ разсчетныхъ книжкахъ тѣхъ случаевъ, когда рабочій долженъ безмолвно и безропотно подвергаться денежнымъ штрафамъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ случаевъ:

«1) Неправильное соблюденіе вахты, «отлыниваніе» отъ нея и нарушеніе правилъ—штрафъ отъ 1—3 р. или увольненіе.

«2) Самовольная отлучка съ парохода, недобросовѣстный поступокъ, дурное поведеніе—штрафъ 1—3 р.; увольненіе, преданіе суду.

«3) Неисправность, нерадѣніе: 1-й разъ—50 к.—1 р.; 2-й разъ—1—3 р.; 3-й разъ *увольненіе* съ разсчетомъ и *безъ него*.

«4) Ослушаніе, неповиновеніе, неисполненіе приказаній, самовольство, грубость, нетрезвое поведеніе: штрафъ 1-й разъ—50 к.—3 р.; 2-й—1 р. 50 к.—3 р.; 3-й—*увольненіе* съ разсчетомъ *и безъ него* и *съ вычетомъ изъ причитающейся по разсчету суммы* $^1/_3$.

«5) Дерзость, буйство, драка: штрафъ отъ 1—3 р.

«6) Пропажа груза, багажа, пароходнаго имущества, недостатокъ, кража—*увольненіе безъ разсчета*, преданіе суду.

«7) Тайный провозъ и продажа товара: увольненіе съ вычетомъ мѣсячнаго жалованья; *увольненіе безъ разсчета*; уплата пятерной стоимости провоза и конфискація товара въ пользу конторы.

«8) Куреніе табаку: штрафъ 50 к.; отвѣтственность по суду.

«9) За нарушеніе правила: «быть всецѣло преданнымъ фирмѣ и не распространять никакихъ слуховъ, относящихся къ фирмѣ»—увольненіе и привлеченіе къ отвѣтственности, какъ за клевету.

«10) *Требованіе паспорта судомъ—неустойка въ размѣрѣ 50 р. за напрасное (sic!) со стороны матроса безпокойство* (?!).

«11) *За прочіе поступки* (?)—штрафъ отъ 50 к. до 3 р.; увольненіе; *увольненіе съ удержаніемъ* $^1/_3$ *причитающейся суммы*».

Вотъ до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходитъ эксплоатація рабочихъ со стороны волжскихъ судовладѣльцевъ. Неужели существуютъ такія непреоборимыя преграды, которыя мѣшаютъ законодательному вмѣшательству въ область договорныхъ отношеній между судовладѣльцами и рабочими? Казалось бы, что уже одно количество судорабочихъ,—ихъ болѣе 100.000 на одной только Волгѣ, что составляетъ весьма солидную армію,—должно бы обратить вниманіе на положеніе этихъ несчастныхъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

На Балканахъ.—Македонскій герой. Сербскій король Петръ долженъ, повидимому, сожалѣть о прежней спокойной жизни въ изгнаніи въ Женевѣ. Въ Сербіи не только продолжается анархія, но даже какъ будто смѣшались всѣ понятія о чести и правѣ, такъ что положеніе короля оказалось въ высшей степени затруднительнымъ. Очевидно, авторы покушенія, устраняя одну династію и замѣняя ее другой, вполнѣ опредѣленно разсчитывали подчинить себѣ новую династію, а вмѣстѣ съ нею и всю страну. Вступивъ на сербскій престолъ, Петръ Карагеоргіевичъ вначалѣ старался съ ними ладить. Европейскія монархическія державы, за исключеніемъ Англіи, поторопившись. признать перемѣну династіи въ Сербіи и поздравивъ новаго короля съ восшествіемъ на престолъ, тѣмъ самымъ какъ будто одобрили то, что произошло въ Бѣлградѣ, а также снисходительность, выказанную королемъ Петромъ убійцамъ его предшественника. То, что происходитъ теперь въ Сербіи, является слѣдовательно вполнѣ естественнымъ результатомъ такого поведенія монархическихъ державъ Европы и двойственнаго положенія короля Петра. При первой же попыткѣ короля сдѣлать своимъ приближеннымъ одного изъ военныхъ, не участвовавшихъ въ заговорѣ, синдикатъ заговорщиковъ наложилъ veto на его рѣшеніе. Король уступилъ, но конфликтъ обострился, такъ какъ со времени ночи убійства сербскій офицерскій корпусъ никакъ не могъ успокоиться. Всѣхъ офицеровъ въ Сербіи около 2.000. Изъ нихъ только 85 непосредственно участвовали въ заговорѣ противъ короля Александра, но, страннымъ образомъ, даже тѣ изъ офицеровъ, которые пользовались милостями убитаго

короля, забыли въ эту роковую ночь придти къ нему на помощь и заботились только о собственномъ спасеніи. Когда новый король вступилъ въ конакъ, то никто точно также не сдѣлалъ ни одного шага противъ заговорщиковъ. Вмѣсто порицанія имъ расточались похвалы за то, что они съумѣли поддержать порядокъ и спокойствіе въ странѣ, за предусмотрительность, съ которою они дѣйствовали, назначая временное правительство и т. д. Только лишь послѣ того, какъ произошли нѣкоторыя перемѣны въ администраціи и многіе высшіе офицеры и чиновники были уволены въ отставку, началась агитація противъ заговорщиковъ. Многіе изъ этихъ заговорщиковъ оказались въ числѣ приближенныхъ короля, занимая должности адъютантовъ и ординарцевъ, и агитація, главнымъ образомъ, была направлена противъ нихъ. Недовольные имѣли въ своемъ распоряженіи двѣ политическія газеты, которыми они пользовались для распространенія разныхъ тревожныхъ извѣстій и обвиненій заговорщиковъ въ нахальномъ поведеніи и въ высокомѣріи. Между тѣмъ изъ 85 заговорщиковъ въ Бѣлградѣ оставалось едва ли даже тридцать; остальные были переведены въ разные отдаленные гарнизоны и ни одинъ изъ этихъ послѣднихъ не получилъ никакого особеннаго повышенія. Тѣмъ не менѣе предполагалось, посредствомъ агитаціи, возстановить противъ нихъ болѣе молодыхъ офицеровъ и вообще вызвать въ арміи движеніе въ пользу исключенія изъ списка сербскаго войска всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ заговорѣ. Откуда явилось у сербскихъ офицеровъ запоздалое раскаяніе и какіе мотивы руководили ихъ поведеніемъ — это вопросъ открытый. Дальнѣйшее развитіе событій, быть можетъ, прольетъ свѣтъ на это дѣло и разъяснитъ поведеніе офицеровъ нишскаго и крагуевацкаго гарнизоновъ, организовавшихъ петицію къ королю съ заявленіемъ протеста и высказывавшихъ даже лично королю довольно рѣзкія и непріятныя замѣчанія по поводу его снисходительности къ убійцамъ. Все это только увеличило смуту въ Сербіи, въ Бѣлградѣ произошли большіе безпорядки, устроенные приверженцами переворота, а въ послѣднее время стали упорно распространяться слухи объ отреченіи и о томъ, что король Петръ вынужденъ прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ для огражденія своей личной безопасности. Говорятъ, что одинъ изъ офицеровъ прямо сказалъ королю Петру: «Кровь нашего убитаго короля взываетъ къ небу объ отмщеніи!» Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести такія слова!

Какъ бы то ни было, но внезапное вмѣшательство офицеровъ и пробужденіе у нихъ желанія отмстить за убитаго ясно указываетъ, что Сербія переживаетъ тяжелый внутренній кризисъ. Само собою разумѣется, что такое положеніе дѣлъ въ Сербіи должно отражаться неблагопріятнымъ образомъ и на разрѣшеніи македонскаго вопроса. Очень возможно, что Сербія поищетъ путемъ войны выхода изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ она теперь находится, и македонское возстаніе можетъ послужить для этого хорошимъ предлогомъ; оно продолжается уже семь недѣль, со времени своего возобновленія, но не привело еще ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Европейская дипломатія угрюмо молчитъ по этому поводу, европейское же обще-

ственное мнѣніе тоже довольно равнодушно слѣдитъ за перипетіями борьбы, происходящей въ Македоніи. Никто не хочетъ вмѣшиваться изъ страха новыхъ и еще болѣе опасныхъ осложненій и предоставляетъ вещи собственному теченію. Единственнымъ активнымъ поступкомъ европейскихъ державъ являются ноты, которыя адресуются султану и заключаютъ въ себѣ неизмѣнныя требованія энергичныхъ мѣръ для скорѣйшаго подавленія возстанія. Султанъ принимаетъ эти мѣры, послѣ которыхъ остаются пылающія деревни въ Македоніи и льется кровь съ обѣихъ сторонъ, но дѣло не подвигается впередъ ни на шагъ, т.-е. македонскій вопросъ также далекъ отъ своего разрѣшенія, какъ былъ въ самомъ началѣ. Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что возстаніе охватило всю Македонію. Македонцы, повидимому, одни только изъ всѣхъ балканскихъ народностей ясно сознаютъ въ данный моментъ, чего они хотятъ и къ чему стремятся. Варварскіе способы умиротворенія, къ которымъ прибѣгаетъ Турція, не дѣйствуютъ на нихъ. Македонскія банды скрываются въ горахъ и въ ущельяхъ и изловить ихъ тамъ трудно. Кромѣ того, македонскіе лѣса наполнились теперь массою крестьянъ изъ деревень, которые бѣжали съ женами и дѣтьми въ горы, спасаясь отъ преслѣдованія, что явилось весьма неудобнымъ осложненіемъ для македонскихъ инсургентовъ, такъ какъ имъ приходится дѣлиться съ бѣглецами своими запасами. Турки отлично понимаютъ, что такимъ образомъ около 60.000 человѣкъ, по крайней мѣрѣ, осуждены на голоданіе и, можетъ быть, не безъ основанія надѣются, что призракъ голодной смерти заставитъ ихъ покориться и... отдать себя въ руки турецкому милосердію. Но пока еще до этого далеко. Македонскій комитетъ дѣятельно формируетъ новыя банды, и между турецкими войсками и этими бандами постоянно происходятъ кровопролитныя столкновенія. На рѣкѣ Струмѣ и въ горахъ Пирима, гдѣ находятся Цончевъ и Янковъ, а также тамъ, гдѣ дѣйствуетъ Сарафовъ, македонскіе инсургенты держатся очень крѣпко и о сдачѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ особенности же личное вліяніе Сарафова много содѣйствуетъ тому, что инсургенты не теряютъ бодрости и продолжаютъ свою неравную борьбу съ организованнымъ турецкимъ войскомъ. Турецкое правительство назначило даже премію въ 35.000 фр. за поимку Сарафова, но до сихъ поръ не нашлось среди македонцевъ ни одного предателя и Сарафовъ спокойно странствуетъ по Македоніи, появляясь неожиданно въ разныхъ мѣстахъ. Македонцы видятъ въ немъ своего народнаго героя, и присутствіе его всегда воодушевляетъ ихъ.

Одинъ англійскій корреспондентъ, случайно столкнувшійся съ Сарафовымъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ свое знакомство съ нимъ: «Моя первая встрѣча съ Сарафовымъ произошла въ Нищѣ, въ столицѣ восточной Сербіи. Я жилъ въ одномъ отелѣ съ нимъ, долго не подозрѣвая этого. Я обратилъ вниманіе на одного молодого человѣка, сопровождавшаго даму, при которомъ находился еще юноша, занимавшій, какъ мнѣ казалось, должность его личнаго секретаря. Всѣ трое обыкновенно долго сидѣли за столомъ и о чемъ-то горячо разсуждали и просматривали какую-то корреспонденцію. Я вступилъ въ разговоръ съ молодымъ человѣкомъ и изъ разныхъ замѣчаній,

высказанныхъ имъ, вывелъ заключеніе, что онъ симпатизируетъ революціонному движенію въ Македоніи. Но, несмотря на это, онъ относился все-таки весьма терпимо ко мнѣніямъ другихъ людей и только слегка насмѣшливо улыбался, когда я начиналъ хвалить турокъ и сербовъ. Я возымѣлъ подозрѣніе, что онъ имѣетъ сношеніе съ комитаджами и служитъ ихъ довѣреннымъ лицомъ, но все-таки не могъ догадаться, кто онъ былъ такой. Однажды мой пріятель, сербскій полицейскій коммиссаръ въ Нишѣ, сказалъ мнѣ съ таинственною улыбкою: «Вы знаете, мы только что арестовали Бориса Сарафова?» Я поздравилъ его съ успѣхомъ, а онъ, посмотрѣвъ на меня съ нѣкоторымъ изумленіемъ, прибавилъ: «Вѣдь Сарафовъ вамъ пріятель?»—Пріятель!—воскликнулъ я, еще болѣе изумленный. — Да вѣдь я его никогда въ жизни не видалъ!—«Но вѣдь вы въ теченіе цѣлой недѣли постоянно очень дружески бесѣдовали съ нимъ», возразилъ мнѣ на это коммиссаръ. «Глупости! Не могъ же это быть тотъ милый и необычайно скромный молодой человѣкъ, съ которымъ я постоянно проводилъ время?»—«Это былъ онъ самый, Борисъ Сарафовъ, взбаломутившій три провинціи и организовавшій возстаніе. Вы не знаете, что это за человѣкъ! Для него всѣ средства хороши, если только они ведутъ къ цѣли и онъ говоритъ, что жизнь отдѣльной личности должна быть принесена въ жертву великому дѣлу». Изумленный до послѣдней степени, я продолжалъ разспрашивать коммиссара: «Что-жъ, онъ выказалъ сопротивленіе, когда вы арестовали его?»—«Ничуть. Онъ только улыбался. Впрочемъ, онъ всегда улыбается. Я узналъ его, хотя онъ былъ прекрасно загримированъ; но мнѣ прислали изъ Бѣлграда почтовую карточку съ его портретомъ и это послужило для меня указаніемъ. Въ началѣ онъ отрицалъ, что онъ Сарафовъ, но увидѣвъ мою рѣшительность, сталъ хвастать и заявилъ мнѣ, что очень многіе отмстятъ мнѣ за него.—«Какая вамъ польза отъ этого, что вы поймали меня!—говорилъ онъ. Если вы меня выдадите туркамъ, то они меня убьютъ, и все-таки эта будетъ безполезно, такъ какъ мое мѣсто займутъ другіе и такъ будетъ постоянно».—«Не бойтесь, я васъ не выдамъ туркамъ,—отвѣчалъ я,—а только отправлю васъ въ Бѣлградъ, гдѣ ужъ правительство рѣшитъ, что дѣлать съ вами».—«О я не боюсь,—отвѣчалъ онъ съ горькою усмѣшкою.—Вы можете дѣлать со мною, что хотите. Святое дѣло Македоніи пострадать отъ этого не можетъ...»

«Въ Бѣлградѣ, однако, не рѣшились выдать Сарафова и даже многіе политическіе дѣятели чествовали его. Тѣмъ не менѣе, хотя Сарафовъ и сказалъ, что на его мѣсто найдутся другіе, но въ дѣйствительности есть только *одинъ* Сарафовъ. Это идеалъ революціоннаго вождя; онъ очень способный человѣкъ, безстрашный и безъ всякихъ предразсудковъ. Даже не сочувствуя его цѣлямъ и методамъ, все-таки нельзя не восхищаться имъ, его смѣлостью и находчивостью. Несмотря на то, что голова его оцѣнена, онъ спокойно разъѣзжаетъ по Турціи. Повидимому, опасности составляютъ его стихію и почти можно было бы думать, что онъ обладаетъ сверхестественными свойствами и имѣетъ «коверъ-самолетъ», такъ какъ онъ игнорируетъ время и пространство. Часто случалось, что о немъ распространится слухъ, будто онъ находится въ

горахъ, у болгарской границы и тамъ организуетъ партизанскую войну. Его начинаютъ искать и преслѣдовать въ этихъ горахъ, устраиваютъ засады и съ минуты на минуту ожидаютъ, что онъ будетъ пойманъ, какъ вдругъ приходитъ извѣстіе, что онъ устраиваетъ покушенія и взрываетъ на воздухъ казармы, банки и желѣзнодорожные мосты въ другомъ концѣ провинціи. Салоникскіе безпорядки были организованы имъ, до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Подъ его руководствомъ проложенъ былъ длинный подземный ходъ изъ одной лавки булочника подъ зданіе оттоманскаго банка. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ работы надъ этимъ ходомъ землю относили ночью въ ящикахъ и пакетахъ и у турецкихъ властей ни разу не явилось ни малѣйшаго подозрѣнія и работы продолжались безъ всякой помѣхи. Сарафовъ былъ тутъ же во время взрыва и, переодѣтый католическимъ монахомъ, находился въ толпѣ.

Македонскіе заговорщики поклоняются Сарафову и свято вѣрятъ въ него. Онъ никогда никому не приказывалъ дѣлать то, что самъ не взялся бы сдѣлать, и въ этомъ-то заключается тайна его обаянія и власти, которою онъ пользуется въ Македоніи, среди сельскаго населенія и разбойничьихъ бандъ. Его называютъ «королемъ Борисомъ» и онъ, повидимому, серьезно заслуживаетъ этотъ титулъ. Турки ненавидятъ Сарафова и боятся его. Населеніе считаетъ его заколдованнымъ и въ глазахъ простого народа на Балканахъ Сарафовъ становится все болѣе и болѣе легендарнымъ героемъ.

Отставка Чэмберлена. — Англійскіе статистическіе отчеты.—Дѣловой духъ въ англійскомъ обществѣ.—Парламентъ ученыхъ. Крупнымъ событіемъ англійской политической жизни явилась отставка министра колоній Чэмберлена, которая, хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего неожиданнаго, такъ какъ противъ его таможенныхъ проектовъ высказалось большинство министровъ, тѣмъ не менѣе все-таки произвела большую сенсацію въ англійскомъ обществѣ. Отставка сдѣлалась извѣстна послѣ экстреннаго засѣданія совѣта министровъ, состоявшагося при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли не возбудить любопытства публики. Во-первыхъ, совѣтъ былъ созванъ во время парламентскихъ вакацій, что не входило въ обычаи англійской жизни, а во-вторыхъ за послѣднее время накопилось много фактовъ, которые, какъ, напр., разоблаченія слѣдственной коммиссіи касательно южно-африканской войны, не могутъ не причинять безпокойства Министерству. Но, разумѣется, на первомъ планѣ все-таки находится фискальный вопросъ, выдвинутый Чэмберленомъ. Этотъ вопросъ давно уже поглощаетъ вниманіе всего англійскаго населенія и вызываетъ ожесточенную полемику въ газетахъ; поэтому-то совѣтъ министровъ, созванный въ такое необычное время, и возбудилъ особенный интересъ въ англійской публикѣ. По словамъ корреспондентовъ толпа, окружавшая въ этотъ день зданіе министерства и поджидавшая выхода министровъ, была такъ же велика, какъ въ тѣ дни, когда въ Англіи ожидали съ минуты на минуту объявленія войны въ южной Африкѣ. Появленіе Чэмберлена, между прочимъ, было встрѣчено свистками со стороны рабочихъ, занятыхъ ремонтомъ зданія, находящагося противъ мини-

стерства. Вообще, проекты Чэмберлена встрѣчаютъ сильную оппозицію среди рабочихъ классовъ, даже въ его вѣрномъ Бирмингэмѣ, и на лейчестерскомъ конгрессѣ рабочихъ союзовъ были единогласно отвергнуты. Не слѣдуетъ, однако, торопиться съ выводомъ, что политическая карьера Чэмберлена окончена съ его выходомъ въ отставку. Не сразу Чэмберленъ превратился въ проповѣдника имперіалистскаго протекціонизма. Недавно опубликованы въ англійскихъ газетахъ два любопытныхъ письма покойнаго Сесиля Родса, бросающія нѣкоторый свѣтъ на эту эволюцію Чэмберлена. Они были написаны болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ и найдены въ бумагахъ «капскаго Наполеона». Въ письмѣ къ канадскому министру онъ говоритъ между прочимъ: «Вся штука заключается въ томъ, чтобы изобрѣсти какую-нибудь связь, которая бы скрѣпила насъ съ метрополіей и предупредила бы разрывъ». Въ другомъ письмѣ Родсъ поздравляетъ австралійскихъ политиковъ въ томъ, что ихъ первые шаги къ организаціи австралійскаго федеральнаго союза оказались такими удачными. Въ этихъ письмахъ несомнѣнно заключается ядро, теперешнихъ идей Чэмберлена: надо создать сплоченную имперію, спаять колонію съ метрополіей, но для этого необходимо что-нибудь «выдумать» Предпочтительные тарифы являются именно такою выдумкою. Если нельзя иначе, то приходится платить колоніямъ за лойяльность! Когда въ 1895 году Чэмберленъ удовольствовался скромною ролью второстепеннаго министра въ кабинетѣ Салисбюри и взялъ портфель министра колоній, то всѣ были удивлены, зная его необыкновенное честолюбіе. Но событія указали, что онъ дѣйствовалъ такъ не спроста. Это министерство быстро выдвинулось на первый планъ, сдѣлалась самымъ важнымъ въ Англіи, и Чэмберленъ сталъ первымъ политическимъ лицомъ въ правительствѣ. Тогда уже можно было видѣть, что онъ вовсе не намѣренъ выжидать событій и что его привлекаетъ мысль крѣпче спаять колоніи съ Англіей и составить изъ нихъ одно великое цѣлое. Судя по прежней дѣятельности Чэмберлена и его характеру можно предполагать, что онъ какъ думаютъ нѣкоторые, «отступилъ, чтобы лучше прыгнуть». Теперь онъ намѣренъ выступить передъ избирателями со своими планами и организуетъ широкую агитацію, плоды которой, быть можетъ, ему не удастся пожать, такъ какъ ему уже около 70 лѣтъ, но если она приведетъ къ той цѣли, къ которой онъ стремится, то все-таки онъ будетъ творцомъ великой единой британской имперіи. Въ англійской исторіи не мало существуетъ примѣровъ, что новыя идеи, совершенно противоположныя господствующимъ въ Англіи взглядамъ и встрѣчающія сочувствіе лишь въ маленькихъ группахъ, постепенно привлекали на свою сторону одну изъ большихъ партій и проникали, наконецъ, въ парламентъ и въ законодательство. Покойное состояніе не возводится въ гражданскую добродѣтель въ Англіи и поэтому никакая агитація не ставится въ вину англійскимъ гражданамъ. Такую агитацію, вѣроятно, и намѣренъ возбудить въ странѣ Чэмберленъ въ настоящее время, предоставляя жатву позднѣйшимъ временамъ, когда послѣ многихъ тысячъ народныхъ рѣчей въ Гайдъ-паркѣ и безчисленныхъ дебатовъ въ оксфордскихъ и кэмбриджскихъ клубахъ

его идеи проложатъ себѣ дорогу въ мозги избирателей и будутъ ими усвоены въ окончательной формѣ.

Англійское общество въ настоящее время не можетъ не чувствовать себя ошеломленнымъ, вслѣдствіе цѣлаго потока всевозможныхъ оффиціальныхъ отчетовъ и статистикъ, который на него обрушился: доклады о южно-африканской войнѣ, объ иммиграціи и эмиграціи, о положеніи промышленности и финансовъ, статистика народонаселенія, подоходнаго налога, цѣнъ на товары и т. д. и т. д. Правительство теперь какъ будто занимается подведеніемъ итоговъ великаго прошлаго Англіи и надо отдать ему справедливость, работа англійскаго правительства въ этомъ направленіи отличается чрезвычайнымъ безпристрастіемъ и отчеты передаютъ только факты, а статистика—цифры, безъ всякихъ комментарій, не щадя никого и ничего и не стараясь въ чемъ нибудь убѣдить англійскую публику. Англійское правительство, опубликовывая всѣ эти документы, какъ бы приглашаетъ націю выяснить себѣ хорошенько положеніе страны и высказаться относительно будущей политики.

Отчетъ слѣдственной коммиссіи по южноафриканской войнѣ, представляющій объемистыхъ четыре тома въ 2.000 страницъ, долженъ вызвать краску стыда у каждаго мыслящаго и любящаго свою родину англичанина. Теперь уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что 30—40 тысячъ буровъ дѣйствительно грозили погубить цѣлую британскую имперію. Ничего не было предусмотрѣно англійскимъ правительствомъ, вездѣ господствовала полная анархія и смятеніе, не было даже выработано заранѣе никакого плана кампаніи и ощущался сильный недостатокъ въ хорошихъ картахъ мѣстности. Неудивительно, что вся англійская печать съ негодованіемъ требуетъ, чтобы были произведены серьезныя реформы въ военномъ управленіи, и у постороннихъ наблюдателей невольно возникаетъ подозрѣніе, не преслѣдуетъ ли опубликованіе этого отчета точно также агитаціонныхъ цѣлей и не сдѣлано ли оно въ видахъ усиленія милитаризма въ Англіи, какъ доказательство необходимости введенія твердой военной организаціи, которой до сихъ поръ не хватало странѣ? Но такое разоблаченіе южно-африканской кампаніи представляетъ обоюдоострый мечъ и можетъ привести къ совершенно обратнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, на которые быть можетъ, разсчитываютъ власть имущіе, т. е. усилить антиимперіалистское теченіе, которое уже начинаетъ намѣчаться въ англійскомъ обществѣ.

Въ отчетахъ слѣдственной коммиссіи фигурируютъ показанія всѣхъ южноафриканскихъ полководцевъ. Между прочимъ, лордъ Робертсъ разсказалъ, что однажды, въ самомъ разгарѣ военныхъ операцій, онъ провелъ ночь почти рядомъ съ генераломъ Бота, не подозрѣвая этого. Это случилось въ Гермистонѣ. Бота былъ застигнутъ англичанами и такъ какъ бѣжать уже было поздно, то онъ съ своими воинами рѣшилъ провести ночь въ англійскомъ лагерѣ. Рано утромъ онъ снова сѣлъ на лошадь и предложилъ англійскому развѣдчику сопровождать его, выдавъ себя за волонтера колоніальныхъ войскъ. Англичанинъ съ удовольствіемъ согласился и они отправились; но доѣхавъ,

до вершины перваго холма, Бота ударилъ лошадь и ускакалъ, оставивъ изумленнаго англичанина размышлять о своей оплошности.

Одинъ изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, сэръ Георгъ Гольденъ, сказалъ: «Южно-африканская война стоила многихъ тысячъ человѣческихъ жизней, не говоря уже о сотняхъ тысячахъ животныхъ и многихъ милліонахъ денегъ и только цѣлому ряду необыкновенно счастливыхъ случайностей, какъ внутри, такъ и внѣ страны, мы обязаны тѣмъ, что британское государство было спасено въ 1900 году, но мы не должны болѣе разсчитывать на такія случайности въ будущемъ, если намъ будетъ снова грозить національная опасность».

Статистика подоходнаго налога указываетъ, между прочимъ, также на одно любопытное явленіе: валовой доходъ, показываемый для опредѣленія размѣра налога, возросъ въ промежуткахъ времени 1891—1901 гг. съ 678 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 867 милліоновъ. Но зато число лицъ и фирмъ, платящихъ этотъ налогъ, уменьшилось: въ 1891 г. налогъ уплачивался 471.046 лицами и фирмами, а въ 1901—444.853, слѣдовательно, хотя капиталъ и выросъ, но число капиталистовъ уменьшилось, такъ что капиталъ сосредоточивается теперь въ меньшемъ количествѣ рукъ. Затѣмъ статистическія цифры указываютъ также на быстрое и непрерывное уменьшеніе сельскохозяйственнаго населенія, на медленное уменьшеніе промышленнаго населенія и на увеличеніе торговаго населенія и лицъ безъ занятій. Сельскохозяйственное населеніе составляло въ 1881 г. 7,1 проц.; въ 1891 г.—6,0; въ 1901 г.—4,5; промышленное: въ 1881 г.—33,1; въ 1891 г.—38,2; въ 1901 г.—32,2; торговое: въ 1881 г.—5,0; въ 1891 г.—6,3: въ 1901—7,3. Англійскія газеты указываютъ между прочимъ и на уменьшеніе числа рабочихъ на прядильныхъ фабрикахъ и видятъ во всѣхъ этихъ цифрахъ серьезный признакъ, подтверждающій, по ихъ мнѣнію, упадокъ промышленной энергіи Англіи. Сначала пришло въ упадокъ земледѣліе въ Англіи, теперь поколебалась промышленность, но зато Англія становится, главнымъ образомъ, коммерческою страною и экспортируетъ капиталъ въ чужія страны, въ чемъ можно убѣдиться изъ статистическихъ таблицъ. Одна изъ англійскихъ газетъ замѣчаетъ по этому случаю, что англичанъ недаромъ называютъ «націей купцовъ». Очень сильно развитый дѣловой духъ проникаетъ всѣ слои англійскаго общества и англійскія свѣтскія дамы охвачены имъ не менѣе мужчинъ. Въ настоящее время очень много англійскихъ дамъ, принадлежащихъ къ высшему обществу, заявляютъ себя какъ «business women» (дѣловыя женщины). Первымъ піонеромъ въ этой области была леди Гренвиль Гордонъ, открывшая въ 1887 году модный магазинъ въ Паркъ Стритъ, въ Лондонѣ, что оказалось весьма выгоднымъ предпріятіемъ и вызвало массу подражаній. Число англійскихъ дамъ занимающихся промышленными предпріятіями, съ каждымъ годомъ возростаетъ. Герцогина Эберкорнская основала ферму и торгуетъ молочными продуктами, которыя славятся своими хорошими качествами, а леди Эссексъ открыла прачешное заведеніе въ окрестностяхъ столицы. Модныхъ магазинамъ, бѣлошвейнымъ, цвѣточнымъ магазинамъ и т. д., устроеннымъ

*

великосвѣтскими дамами въ Англіи, нѣсть числа. Недавно одна молодая дѣвушка изъ лучшаго круга открыла въ Лондонѣ бюро для найма прислуги и сама въ немъ работаетъ. Нѣсколько чайныхъ ресторановъ (безъ спиртныхъ напитковъ) также основано дамами изъ общества. Но англійскія дамы занимаются не одними только промышленными предпріятіями и очень многія изъ нихъ подвизаются на разныхъ другихъ поприщахъ: журналистикѣ, общественной и научной дѣятельности и т. п. Недавно одна молодая англичанка, изучившая медицину, взяла мѣсто врача при больницѣ въ Блемфонтейнѣ, въ южной Африкѣ.

Въ этомъ году засѣданія десяти секцій «British Association», которую англичане съ гордостью называютъ «Парламентомъ ученыхъ», происходили въ Соутспортѣ на Ланкаширскомъ берегу. На первомъ собраніи генеральнаго комитета профессоръ Дьюаръ, слагающій съ себя въ этомъ году званіе президента ассоціаціи, сообщилъ что въ 1905 году ассоціація соберется въ южной Африкѣ. Капская колонія, Наталь, Трансвааль и Оранжевая колонія самымъ сердечнымъ образомъ приглашали членовъ ассоціаціи пріѣхать въ южную Африку и выразили при этомъ готовность внести 6.000 фунтовъ для покрытія путевыхъ издержекъ, а пароходное общество «Union Castle», съ своей стороны, предлагаетъ сбавить 30 проц. съ цѣны проѣзднаго билета для членовъ ассоціаціи и 25 проц. для членовъ ихъ семействъ. Кромѣ того извѣстный кораблевладѣлецъ сэръ Дональдъ Керри предоставилъ въ распоряженіе ассоціаціи 500 ф. для устройства засѣданій въ южной Африкѣ и въ собраніи была высказана надежда, что колоніальное министерство также не откажетъ въ своей матеріальной поддержкѣ этому плану и пожертвуетъ такую же сумму, какъ и колонія. Однако большинство присутствующихъ членовъ ассоціаціи высказало на этотъ счетъ сомнѣнія и вопросъ о томъ будетъ ли южная Африка осчастливлена пребываніемъ «научнаго парламента», остается пока открытымъ.

Новый предсѣдатель ассоціаціи сэръ Норманнъ Локайеръ избралъ темою для своей вступительной рѣчи значеніе въ исторіи умственныхъ силъ, причемъ онъ указалъ на недостаточность англійскихъ университетовъ по сравненію съ нѣмецкими и на ошибочное мнѣніе, господствующее у государственныхъ дѣятелей относительно того, что въ современной жизни единственные вопросы имѣющіе значеніе—это фискальные и политическіе. Германія расходуетъ на одинъ университетъ больше, чѣмъ Англія, на всѣ свои университеты и высшія учебныя заведенія. Свою рѣчь, изобилующую фактическими данными и сопоставленіями, президентъ закончилъ словами, что Англія должна учредить по крайней мѣрѣ еще восемь университетовъ, если желаетъ сохранить занимаемое ею положеніе среди другихъ европейскихъ державъ.

Общественные и политическіе вопросы въ Германіи; борьба партій, конгрессы. Германская печать очень заинтересована предстоящими въ ноябрѣ выборами въ прусскій сеймъ и при этомъ, конечно, особенное вниманіе возбуждаетъ политика партій. Въ виду именно этихъ

выборовъ не лишены значенія новыя теченія, которыя обнаруживаются въ нѣкоторыхъ партіяхъ, сознающихъ невозможность собственными силами побѣдить въ избирательной борьбѣ и поэтому ищущихъ сліянія съ другими партіями. Такая тенденція особенно замѣтна среди національ-либераловъ и другихъ либеральныхъ партій и она-то вызвала недавно происшедшее сліяніе союза свободомыслящихъ, подъ предводительствомъ Барта съ христіанскими соціалистами, и теперь въ программѣ партіи этого послѣдняго будетъ отведено болѣе широкое мѣсто соціальнымъ реформамъ. Въ Маннгеймѣ происходило собраніе національ-либеральной молодежи, обсуждавшее вопросъ о необходимости вдохнуть новую жизнь въ нѣсколько одряхлѣвшій организмъ партіи. На этомъ собраніи присутствовало не мало депутатовъ и особенное впечатлѣніе произвела рѣчь депутата Заммлера. Хотя собраніе было закрытымъ, но тѣмъ не менѣе въ германскихъ газетахъ были изложены главные пункты аргументаціи Заммлера, выступившаго противъ консервативнаго большинства и центра въ прусскомъ сеймѣ. Многіе считаютъ эту рѣчь пробнымъ шаромъ въ виду ноябрьскихъ выборовъ. Делегаты національ либеральной молодежи поднялись какъ одинъ человѣкъ, чтобы съ жаромъ апплодировать оратору, когда онъ сказалъ, что теперешнее большинство прусскаго сейма представляетъ «группу эгоистическихъ партій, соединившихся на экономической почвѣ, чтобы реализировать свою аграрную и ортодоксальную программу». Для демонстрацій эгоистическихъ стремленій консерваторовъ, только прикрывающихся монархическими чувствами въ стремленіяхъ къ собственной выгодѣ, Заммлеръ напомнилъ о предложеніи графа Каница, которое было направлено къ увеличенію цѣнъ на хлѣбъ. Но такъ какъ одновременно съ этимъ былъ выдвинутъ очень важный проектъ, касающійся увеличенія германскаго флота,—о чемъ тогда очень хлопотало правительство,—то многіе представители германскаго юнкерства, не считая нужнымъ скрывать своего образа мыслей, прямо заявляли, что они связываютъ національный проэктъ увеличенія флота съ предложеніемъ Каница, которое было выгодно для ихъ кармановъ.

Въ то время какъ въ другихъ германскихъ партіяхъ замѣчается нѣкоторое стремленіе къ объединенію, ради подкрѣпленія своихъ силъ, среди соціалъ-демократовъ чуть чуть не произошелъ расколъ, вслѣдствіе столкновеніи между вождями партіи; сначала возникла полемика между Бебелемъ и Бернштейномъ, на котораго Бебель ополчился за высказанный имъ взглядъ, что для интересовъ соціалъ-демократической партіи было бы весьма полезно имѣть своего президента въ рейхстагѣ. Дѣло въ томъ, что соціалъ-демократическая партія, занимающая по числу голосовъ второе мѣсто въ рейсттагѣ, имѣетъ право требовать, чтобы изъ ея среды былъ выбранъ одинъ изъ двухъ вице-президентовъ рейхстага. Бебель, однако, нашелъ, что принципы соціалъ-демократическаго ученія должны будутъ понести серьезный ущербъ, если члены этой партіи будутъ выполнять тѣ обязанности, которыя связаны съ должностью вице-президента, напр. ѣздить ко двору и т. д. Это было бы весьма удобнымъ поводомъ для нападокъ и насмѣшекъ всѣхъ противниковъ соціалъ-демократъ.

Бебель такъ рѣзко напалъ на Бернштейна, что органъ партіи даже не напечаталъ его письма, въ которомъ высказывалось порицаніе Бернштейну. Но письмо появилось въ другихъ соціалъ-демократическихъ органахъ и сыръ-боръ загорѣлся. За Бернштейна вступился глава баварскихъ соціалистовъ Фольмаръ и другіе. Вообще, среди южно германскихъ соціалистовъ примѣръ французскаго соціалиста Мильерана, повидимому, нашелъ подражателей и сѣверо-германскіе соціалъ-демократы оказались болѣе стойкими въ принципіальномъ отношеніи. Словесная война, возникшая по принципіальному вопросу, удвоила интересъ публики къ партейтагу соціалъ-демократической партіи, происходившему въ Дрезденѣ. Кромѣ вопроса о вицепрезидентствѣ, на дрезденскомъ конгрессѣ былъ возбужденъ еще и другой жгучій вопросъ, вызвавшій необыкновенно горячія пренія,—о помѣщеніи въ буржуазныхъ органахъ статей соціалъ-демократовъ. Въ прошломъ рейхстагѣ двадцать изъ 58 соціалистскихъ депутатовъ были журналисты, и конечно пропорція эта оказалась еще значительнѣе среди 400 делегатовъ, съѣхавшихся на конгресъ въ Дрезденѣ; поэтому вопросъ, долженъ или не долженъ профессіональный соціалистъ писать для буржуазной печати, лично интересуетъ многихъ членовъ партіи, хотя безъ сомнѣнія, какъ указали многіе изъ ораторовъ, рабочіе классы не придаютъ большого значенія всѣмъ этимъ казуистическимъ разсужденіямъ и спорамъ и даже скорѣе осуждаютъ, нежели оправдываютъ ихъ. Но въ принципіальномъ отношеніи этотъ вопросъ, возбужденный на конгрессѣ, заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ далъ поводъ Бебелю сказать необыкновенно блестящую рѣчь, длившуюся цѣлыхъ три часа и занявшую все засѣданіе. Это былъ настоящій обвинительный актъ противъ оппортюнистовъ соціалъ-демократіи или ревизіонистовъ, какъ ихъ называютъ. Соціалъ-демократамъ нечего бояться гласности и они могутъ публично перемывать свое грязное бѣлье, что не смѣютъ дѣлать ихъ противники, такъ какъ послѣ такой операціи соціалъ-демократическая партія становится еще болѣе сплоченной и болѣе сильной, сказалъ между прочимъ Бебель, настаивая на томъ, что вопросъ о вице-президенствѣ въ рейхстагѣ и о сотрудничествѣ въ буржуазныхъ органахъ не долженъ считаться пустяками. Съ честью соціалъ-демократа несовмѣстимо участіе въ такомъ органѣ какъ «Zukunft» Максиміліана Гардена. «Товарищи, воскликнулъ Бебель, я уже 40 лѣтъ веду борьбу. Я не всегда былъ соціалъ-демократомъ, но мои противники до сихъ поръ не могли отыскать на моей чести ни малѣйшаго пятнышка ржавчины. (*Бурныя рукоплесканія*). И вотъ я хочу теперь раскрыть вамъ одну тайну,—говорятъ: «Мы можемъ произносить какіе угодно рѣчи, но массы все таки будутъ стоять за Бебелемъ». Но почему же? А потому что всѣмъ извѣстно, что я честно отношусь къ партіи. Про меня говорятъ, что мой темпераментъ заставлялъ меня дѣлать подчасъ глупости и промахи, но и во всѣхъ глупостяхъ и промахахъ я все-таки оставался всегда честнымъ человѣкомъ, который даже этими промахами искренно желалъ служить партіи. Я всегда сохранялъ тѣсную связь съ пролетаріями, тогда какъ вы, интеллигенты, больше думаете о своихъ мелкихъ личныхъ несогласіяхъ и не замѣчаете, что массы

пролетаріата отдаляются отъ васъ все больше, такъ какъ вы перестаете ихъ понимать!» (*Громъ апплодисментовъ*).

Рѣчь Бебеля произвела громадное впечатлѣніе и была настоящими тріумфомъ для него. Старый боецъ не поколебался поставить вопросъ ребромъ относительно компрометтирующаго сотрудничества и доказалъ, что нѣтъ мелкихъ и ничтожныхъ вопросовъ, если только дѣло идетъ о принципѣ. Онъ указалъ на опасности, угрожающія соціалъ-демократіи, и призывалъ къ единенію, такъ какъ безъ него нельзя вести борьбы и нельзя разсчитывать на побѣду. Резолюціи, принятыя конгрессомъ, показали, что опасность устранена и несмотря на всѣ раздоры, происходящіе въ соціалъ-демократической партіи, она сохраняетъ все-таки свое единство.

Одновременно съ конгрессомъ въ Дрезденѣ ферейнъ соціальной политики устроилъ общее собраніе своихъ членовъ въ Гамбургѣ. Давно уже старый ганзейскій городъ не принималъ въ своихъ стѣнахъ столько ученыхъ соціальныхъ политиковъ, въ числѣ которыхъ находились и бывшіе министры, депутаты и пасторы. Берлинскій профессоръ Шмоллеръ былъ избранъ предсѣдателемъ и, сдѣлавъ въ своей рѣчи краткій обзоръ тридцатилѣтней исторіи ферейна, сказалъ, что въ послѣднее время соціальныя разногласія какъ будто особенно обострились; соціалъ демократія превратилась въ такую силу, которая не желаетъ подчиняться существующимъ условіямъ и стремится къ перевороту, но въ тоже время растетъ и могущество реакціонерныхъ партій, рѣшающихся посягнуть даже на всеобщее избирательное право. Между этимъ двумя крайними тенденціями, однако, долженъ состояться компромиссъ, ради блага отечества. Борьба не всегда влечетъ за собою несчастье, что лучше всего доказываетъ эпоха реформаціи въ Германіи, но теперь Шмоллеръ приглашаетъ всѣхъ поискать такой почвы, на которой могъ бы быть заключенъ соціальный миръ, столь необходимый для культурнаго прогресса страны.

Докторъ правъ Анита Аугсбургъ напечатала въ прибавленіи къ журналу «FrauenBewegung» горячее воззваніе къ германскимъ женщинамъ, приглашая ихъ принимать активное участіе въ предстоящихъ выборахъ въ ландтагѣ и такимъ образомъ выполнить свой политическій долгъ по отношенію къ странѣ. Женщинамъ, интересующимся политикой, Анита Аугебургъ особенно рекомендуетъ серьезное изученіе избирательныхъ манифестовъ партій, посѣщеніе избирательныхъ собраній и тщательное ознакомленіе съ программами кандидатовъ и ихъ взглядами на женскій вопросъ, а тѣ, которыя могутъ, пусть даже принимаютъ активное участіе въ преніяхъ о политическихъ программныхъ вопросахъ.

Австралійскіе выборы. Юная австралійская республика находится въ данный моментъ въ состояніи сильнаго броженія. Неудовольствіе царитъ всюду и руководящимъ политикамъ высказываются серьезные упреки по поводу ихъ бездѣятельности. Чемберленовская таможенная политика также усилила неудовольствіе австралійцевъ, но еще большее раздраженіе вызываетъ у нихъ англійская опека въ вопросахъ арміи и флота. Съ своей стороны и въ

Англіи недовольны новыми правилами этикета въ Австраліи, согласно которымъ, напр., заступающій мѣсто англійскаго новозеландскаго губернатора верховный судья Стоутъ, становится уже не впереди, а позади прочихъ австралійскихъ министровъ. Изъ Англіи даже послѣдовало приказаніе Стоуту подать въ отставку, чтобы не подчиняться этому новому распоряженію, однако никто не допускаетъ и мысли, чтобы австралійцы могли уступить Англіи въ такомъ вопросѣ этикета и англійскимъ представителямъ въ колоніи придется волей неволей примириться со своею второстепенною ролью.

Первый федеральный парламентъ оставилъ много серьезныхъ вопросовъ не-разрѣшенными; новому парламенту придется серьезно заняться ими. Выборы въ союзный парламентъ назначены въ декабрѣ и въ первый разъ въ нихъ примутъ участіе женщины, какъ равноправные избиратели. По послѣднимъ даннымъ статистики число женщинъ, имѣющихъ право голоса на парламентскихъ выборахъ, достигаетъ 850.000. Въ отдѣльныхъ австралійскихъ штатахъ женщины уже давно пользуются избирательными правами; въ Новой Зеландіи съ 1893 года, въ южной Австраліи съ 1895 и теперь получили ихъ въ новомъ южномъ Уэльсѣ и Викторіи. Въ обоихъ этихъ штатахъ въ настоящее время организованы женскіе избирательные союзы, занятые разработкою программы для женщинъ избирателей. Само собою разумѣется, эта программа главнымъ образомъ сосредоточивается около слѣдующихъ пунктовъ: 1) равенство обоихъ половъ передъ закономъ; 2) предоставленіе женщинамъ право занимать такія же должности, какія занимаютъ мужчины въ администраціи; 3) запрещеніе ввоза опіума и ограниченіе потребленія спиртныхъ напитковъ; 4) учрежденіе третейскихъ судовъ для улаженія всякихъ споровъ, возникающихъ на экономической почвѣ. Къ этому присоединяется еще цѣлый рядъ другихъ требованій, касающихся реорганизаціи арміи и флота, санитарнаго надзора и т. д. Но не забытъ также и вопросъ о международномъ мирѣ, который тоже включенъ въ женскую избирательную программу.

Выборная агитація уже началась вездѣ и въ городахъ постоянно происходятъ митинги избирателей. Недавно въ Мельбурнѣ происходилъ очень многолюдный женскій митингъ, указывающій, что на этотъ разъ женщины намѣрены серьезно воспользоваться своими избирательными правами. Европейская печать особенно интересуется вопросомъ, какъ отразится на составѣ федеральнаго парламента участіе женщинъ въ выборахъ. При этомъ любопытно, что англійскія газеты воздерживаются отъ какихъ-либо преждевременныхъ выводовъ на основаніи предшествующаго опыта въ другихъ австралійскихъ штатахъ, гдѣ уже раньше происходили выборы съ участіемъ женщинъ, тогда какъ нѣмецкая и французская печать усердно стараются доказать, что распространеніе избирательнаго права на женщинъ въ сущности большого значенія имѣть не можетъ и является совершенно лишнимъ учрежденіемъ. Женщины вовсе не интересуются политикой и гораздо болѣе важности придаютъ разнымъ мѣстнымъ вопросамъ, нежели какимъ-либо другимъ имѣющимъ общее политическое значеніе. Но зато нѣмецкіе корреспонденты, уже присутствовавшіе на выборахъ въ отдѣльныхъ штатахъ, единогласно приходятъ

къ заключенію, что участіе женщинъ въ выборахъ содѣйствуетъ сохраненію порядка, спокойствія и благопристойности. Одинъ нѣмецкій корреспондентъ слѣдующимъ образомъ описываетъ послѣдніе выборы въ Новой Зеландіи: «Подача голосовъ прошла вездѣ очень спокойно и весело. День выборовъ—это общественный праздникъ и всѣ избиратели и избирательницы надѣваютъ свои праздничныя одежды, отправляясь къ избирательнымъ урнамъ. Въ этотъ день всѣ лавки и кабаки бываютъ закрыты и продажа спиртныхъ напитковъ строго воспрещена. Нигдѣ не слышно грубыхъ насмѣшекъ, никто не позволяетъ себѣ какихъ либо циничныхъ выходокъ или замѣчаній и все совершается въ большомъ порядкѣ. Избиратели и избирательницы подходятъ къ урнамъ обыкновенно небольшими группами, отъ двухъ до шести человѣкъ. Между тѣмъ женщины агитируютъ съ особенною горячностью и очень краснорѣчиво убѣждаютъ мужчинъ въ пользу своихъ кандидатовъ, навязывая имъ избирательные листки. Въ первый моментъ кажется, будто попалъ на благотворительный базаръ, Всѣ избирательные столики были красиво убраны цвѣтами и за отсутствіемъ спиртныхъ напитковъ на столахъ красовались чайные приборы... Какая нибудь женщина ораторъ произносила избирательную рѣчь и ея окружала толпа, иногда слушавшая со вниманіемъ или прерывавшая ее рѣчь возгласами сочувствія или протеста. Вездѣ господствовало оживленіе, какой то подъемъ духа, но ни разу мнѣ не пришлось быть свидѣтелемъ ни одного безчинства или драки, какія происходятъ иногда во время выборной агитаціи въ Европѣ. Быть можетъ, именно въ этомъ направленіи сказывается вліяніе женщинъ, и если это такъ, то нельзя не назвать это вліяніе благотворнымъ».

Народные университеты въ Швеціи. Университетское движеніе въ Швеціи нѣсколько отличается своимъ характеромъ отъ того, которое существуетъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Толчокъ къ организаціи этого движенія былъ данъ древнимъ университетскимъ городомъ Упсалой. Въ 1892 году происходилъ въ Упсалѣ съѣздъ учителей высшихъ народныхъ школъ, и профессоръ Линделль, стоящій во главѣ движенія въ пользу педагогической реформы въ Швеціи, сказалъ на этомъ съѣздѣ рѣчь о необходимости сближенія между университетскимъ и народнымъ преподаваніемъ. Съ этою цѣлью онъ предложилъ учредить при университетѣ спеціальные курсы для учителей. Его идея сначала вызвала удивленіе и въ теченіи цѣлаго года обсуждалась шведскими педагогическими журналами. Между прочимъ она нашла горячихъ защитниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ и ровно черезъ годъ въ Упсалѣ открылись первые лѣтніе академическіе курсы, ознаменовавшіеся большимъ успѣхомъ; 329 учителей и учительницъ пріѣхали на эти курсы и 17 профессоровъ прочли лекціи по слѣдующимъ предметамъ: народныя сказки. Исторія древнихъ евреевъ. Исторія римской имперіи. Организація шведскаго правительства въ XVI-мъ вѣкѣ. Буддизмъ. Образованіе звуковъ въ языкѣ. Введеніе въ грамматику шведскаго языка. Психологія памяти. Реформа Лютера. Млекопитающія. Каменный уголь. Жизнь растеній. Геологія четвертичной эпохи. Солнце и неподвижныя звѣзды. Глазъ и его функція.

Черезъ два года никто уже не рѣшался оспаривать, что идея Линделля имѣла успѣхъ. Число слушателей прибывало и въ 1895 году явилось уже на курсы 491 учителей. Въ программу включенъ былъ курсъ языковъ французскаго, англійскаго и нѣмецкаго. Въ 1897 году правительство назначило небольшую субсидію курсамъ 1.400 франковъ и курсы начали быстро развиваться. Въ этомъ году успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія; собралось 804 слушателей обоего пола, причемъ программа была уже значительно расширена и сравнена съ университетскимъ преподаваніемъ и, также какъ въ университетѣ, курсы раздѣлены по группамъ: курсъ исторіи XIX-го вѣка, педагогическіе курсы, политическія науки, живые языки и т. д. Для шведовъ учреждены курсы норвежскаго языка, а для норвежцевъ и датчанъ шведскаго. Методъ преподаванія чисто университетскій и при этомъ курсы сохраняютъ полную свободу, т.-е. не подчиняются никакому контролю со стороны ректора университета. Каждые три года собираются профессора университета, желающіе принимать участіе въ этомъ дѣлѣ и выбираютъ комитетъ, которому и поручается организація и администрація курсовъ.

Такимъ образомъ въ Швеціи народные университетскіе курсы устроены не для народа, а для народныхъ учителей. Для народа существуютъ высшія школы, устроенныя въ 1860 году, по образцу датскихъ и дающія возможность сыновьямъ и дочерямъ крестьянъ получить высшее образованіе, дополняющее то, которое они получили въ школѣ. Школы могутъ посѣщать лица въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, т.-е. въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ начинаетъ сознательно стремиться къ знанію и цѣнить его. Зимою, когда прекращаются полевыя работы, школы эти открываются для мужчинъ, а лѣтомъ для женщинъ, но на крайнемъ сѣверѣ Швеціи онѣ смѣшанныя. Курсъ продолжается полгода и за посѣщеніе уплачивается 42 франка. Эти шведскія высшія народныя школы имѣютъ свой спеціальный корпусъ преподавателей, большею частью состоящій изъ людей съ университетскимъ образованіемъ, имѣющихъ ученыя степени и посвятившихъ себя народному образованію. Классовъ въ этихъ школахъ не существуетъ и только читаются лекціи, какъ въ университетѣ. Въ настоящее время въ Швеціи открыто тридцать такихъ школъ, но число ихъ скоро будетъ увеличено.

Высшія народныя школы открываются исключительно только въ деревняхъ, въ городахъ же устроены «институты рабочихъ», напоминающіе отчасти своею организаціею вечерніе курсы для рабочихъ, открытые въ Парижѣ. Они также обязаны своимъ открытіемъ частной иниціативѣ, но муниципалитеты и правительство субсидируютъ ихъ. Въ университетскихъ городахъ лекціи въ институтахъ читаются профессорами, а въ другихъ мѣстахъ учителями лицеевъ, врачами и адвокатами. Программа курсовъ самая разнообразная. Въ Упсалѣ, напр., профессоръ латинской словесности Сыгренъ читалъ рабочимъ лекціи о древнеримской жизни; профессоръ политической экономіи прочелъ лекціи о монетной системѣ, кредитахъ и банкахъ; профессоръ философіи познакомилъ слушателей съ великими мыслителями, а профессоръ анатоміи съ гигіеной.

Вначалѣ профессора и лектора не получали никакого вознагражденія за

свои лекціи, но теперь имъ назначено небольшое вознагражденіе, такъ какъ руководительный комитетъ высказался въ принципѣ противъ даровой труда. Теперь уже «лѣтніе академическіе курсы», «институты рабочихъ» и «высшія народныя школы» представляютъ твердо установившіяся учрежденія, польза которыхъ признана всѣми политическими партіями Швеціи.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Болѣзни народовъ.—Таинственныя исчезновенія людей въ Лондонѣ.—Англійскіе журналы о македонскомъ вопросѣ.

Націю часто разсматривали, какъ организмъ, и, изучая ея жизнь, утверждали, что она, какъ всякій индивидъ, имѣетъ свою молодость, свою зрѣлость и, наконецъ, вступаетъ въ періодъ увяданія, ведущій къ смерти. Одинъ французскій офицеръ, изучая естественную жизнь націй, пришелъ къ заключенію на основаніи очень тщательныхъ историческихъ изслѣдованій, что ея нормальная продолжительность колеблется между 800 и 1000 годами, если только нація не была раньше истреблена врагомъ. Жизнь націй сокращается особенными національными болѣзнями, природу и происхожденіе которыхъ изучаетъ докторъ пенсильванскаго университета Бринтонъ, въ своей статьѣ въ «Revue» Подъ «національною болѣзнью»—говоритъ онъ—слѣдуетъ понимать такое состояніе націи, когда она оказывается хронически неспособной направлять свою дѣятельность въ духѣ самосохраненія. Болѣзнью можетъ быть поражена далеко не вся нація, но тѣмъ не менѣе результатъ получается столь же печальный для ея дальнѣйшаго существованія. Въ данномъ случаѣ наблюдается тоже самое, что и въ человѣческомъ организмѣ: онъ можетъ быть здоровъ во всѣхъ своихъ частяхъ, кромѣ одного какого-нибудь органа, но заболѣваніе этого органа можетъ также привести къ преждевременной смерти. Въ исторіи можно найти много примѣровъ, когда, напр., распущенное духовенство, выродившаяся аристократія или какая-нибудь спеціальная форма правительства, окончательно дискредитированная, приводили къ гибели цѣлую націю, хотя, быть можетъ, большинство этой націи сохраняло все-такіе здоровые инстинкты и было жизнеспособнымъ. Но нація погибала, вслѣдствіе болѣзни только одного изъ своихъ соціальныхъ элементовъ.

Авторъ раздѣляетъ причины вызывающія національныя болѣзни, погубившія уже много народовъ въ прошломъ, на четыре группы: 1) недостаточность питанія; 2) отравленіе; 3) духовное потрясеніе; 4) половое извращеніе. Нація какъ и организмъ, должна хорошо питаться, иначе она подвергнется вырожденію. Въ какомъ же положеніи находятся европейскія націи? Нѣтъ ни одной, которая питалась бы какъ слѣдуетъ, т.-е. производила бы достаточное количество пищи для себя; Англія, напр., которая считается наиболѣе процвѣтающею націею, производитъ только одну треть того, что необходимо для ея потребностей питанія, остальныя двѣ трети ей поставляются другими націями, и если бы внезапно онѣ перестали доставлять ей необходимые для ея пропита-

нія продукты, то тысячи людей умерли бы съ голоду на улицахъ Лондона, а въ какихъ-нибудь три мѣсяца число это возросло бы до нѣсколькихъ милліоновъ. Возможность остаться безъ пропитанія—это самая грозная опасность, какой только можетъ подвергнуться нація, поэтому-то европейскія націи такъ и заботятся теперь о томъ, чтобы поднять земледѣліе. Онѣ понимаютъ, что голодъ былъ бы самымъ опаснѣйшимъ врагомъ націй, въ случаѣ общей войны и это заставляетъ ихъ сохранять миръ. Но уже теперь можно констатировать результаты лишеній и плохого питанія на многихъ народахъ, и самый разительный примѣръ этого рода представляетъ намъ южная Италія. Тамъ природа, повидимому, разсыпала свои дары, а между тѣмъ жители представляютъ всѣ признаки физической дегенераціи. И вездѣ, гдѣ ростъ жителей значительно меньше средней нормы, можно съ достовѣрностью вывести заключеніе о недостаточности народнаго питанія. Европейскіе евреи въ настоящее время на два или на три дюйма ниже ростомъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ они живутъ и жили со времени среднихъ вѣковъ. Причина этого, безъ сомнѣнія, недостаточное питаніе въ качественномъ и количественномъ отношеніи, уменьшившее ихъ физическія силы. Лапландцы, обитатели Арденъ, бушмены и вообще всѣ народы, часто страдавшіе отъ голода въ теченіе многихъ поколѣній, имѣютъ ростъ ниже средняго и это уменьшеніе роста явилось печальнымъ наслѣдіемъ, которое досталось имъ, какъ результатъ продолжительныхъ и постоянныхъ голодовокъ.

Вторая группа причинъ, вызывающихъ національныя болѣзни, отравленія, которыя являются въ высшей степени важными факторами дегенераціи. На первомъ мѣстѣ надо поставить алкоголь, представляющій главный элементъ національнаго упадка, но, кромѣ него, существуетъ еще много другихъ наркотическихъ и возбуждающихъ средствъ, вредно отражающихся на народномъ здоровьи. Сюда же надо причислить и такія инфекціонныя болѣзни, которыя составляютъ особенность какой-нибудь мѣстности, часто довольно обширной, населеніе которой непремѣнно подвергается физической дегенераціи и въ исторіи человѣчества уже не можетъ играть никакой выдающейся роли.

Третья причина—духовное потрясеніе—«шокъ», аналогичный съ тѣмъ, который часто наблюдается у оперированныхъ больныхъ и подвергаетъ ихъ жизнь опасности. Народъ можетъ испытать такое потрясеніе, которое выводитъ его изъ состоянія равновѣсія и благодаря которому онъ теряетъ способность управлять своими дѣйствіями. Этотъ «шокъ» играетъ большую роль во всѣхъ національныхъ катастрофахъ.

Четвертая причина—половое извращеніе—имѣетъ громадное значеніе для жизни народовъ. Нація должна умножаться въ числѣ, иначе ей грозитъ упадокъ. Между тѣмъ, статистика указываетъ именно на такое печальное явленіе во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ населеніе замѣтно уменьшается, если исключить имиграцію. Одинъ итальянскій писатель, разсуждая о причинахъ, вызывающихъ постоянный и все возростающій упадокъ латинскихъ народовъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ столѣтій, отыскиваетъ ихъ въ чрезмѣрномъ развитіи чувственности, характеризующей латинскій міръ. Фран-

цузъ и итальянецъ большую часть своей жизни проводятъ въ мечтахъ о женщинѣ и стремленіяхъ къ удовлетворенію своихъ чувственныхъ желаній, тогда какъ нѣмецъ и англичанинъ занимаютъ свой умъ другимъ; они учатся, работаютъ, путешествуютъ и никогда влеченіе къ другому полу не поглощаетъ ихъ до такой степени, чтобы играть въ ихъ жизни такую же роль, какую оно играетъ въ жизни итальянца или француза.

Кромѣ болѣзней, поражающихъ національный организмъ, существуютъ еще болѣзни, поражающія душу націи, ея умъ и способности. Національныя иллюзіи, господствующія идеи, принимающія характеръ умственныхъ эпидемій и т. п. бывали уже не разъ причиною упадка націй. Чрезмѣрное возбужденіе или подавленность—это также современныя болѣзни. Въ первомъ случаѣ представители одной какой-нибудь націи начинаютъ съ презрѣніемъ и жалостью смотрѣть на другія націи, въ полномъ убѣжденіи, что только ихъ страна составляетъ авангардъ цивилизаціи и прогресса и должна сдѣлаться госпожою вселенной. Къ этой категоріи принадлежатъ почти всѣ современныя великія націи, но нація, которая возмнитъ такъ о себѣ, неминуемо бываетъ осуждена погибнуть. Воображая, что она уже все знаетъ, она уже не стремится больше къ расширенію своихъ познаній и даже теряетъ пріобрѣтенныя ею раньше.

Въ Лондонѣ много толковъ возбуждаетъ таинственное исчезновеніе женщины-врача миссъ Гикманнъ, которая, мѣсяца два тому назадъ, выйдя днемъ изъ госпиталя, въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ столицы, гдѣ она состояла ординаторомъ, безслѣдно исчезла, точно канула въ воду, и, несмотря на то, что вся сыскная полиція была поставлена на ноги и отецъ пропавшей назначилъ большую награду за доставленіе о ней свѣдѣній, до сихъ поръ не удалось даже напасть на ея слѣды. По словамъ одного изъ наиболѣе видныхъ членовъ лондонской тайной полиціи, раскрывшаго на своемъ вѣку не мало преступленій, въ Лондонѣ ежемѣсячно безслѣдно исчезаютъ среднимъ числомъ около 3.000 человѣкъ. Иногда проходятъ годы и они появляются снова, но все-таки судьба огромнаго большинства такъ и остается покрыта мракомъ неизвѣстности.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезновеніе можно объяснить временною потерею памяти, автоматическимъ странствованіемъ. О такихъ случаяхъ разсказываетъ, между прочимъ, лондонскій медицинскій журналъ «The Lancet». Телефонный служитель вышелъ утромъ изъ дому, чтобы идти на службу, но туда не явился и только на слѣдующій день, т.-е. спустя 30 часовъ, онъ вдругъ очнулся въ другомъ городѣ. Что съ нимъ было съ того момента, какъ онъ вышелъ изъ дому, онъ совершенно не помнитъ. Онъ не чувствовалъ голода, и сосчитавъ свои деньги, увидалъ, что у него не хватаетъ двухъ шиллинговъ, изъ чего онъ заключилъ, что вѣроятно истратилъ ихъ на обѣдъ. Второй припадокъ случился съ нимъ въ январѣ 1903 года и продолжался пять съ половиною дней. Онъ подвергся ему, когда возвращался домой съ работы. Послѣднее, что онъ помнилъ, это было, что онъ взглянулъ на часы, которыя

показывали безъ десяти минутъ семь. Съ этого момента все исчезло изъ его памяти. Онъ очень испугался, когда, очнувшись, увидалъ себя въ совершенно незнакомомъ ему городѣ. Пробужденіе сознанія наступало всегда такъ же внезапно, какъ и потеря его. Быть можетъ, и исчезнувшая молодая дѣвушка, женщина-врачъ, подверглась такому же припадку; по крайней мѣрѣ, въ лондонской печати обнаруживается стремленіе именно такимъ образомъ объяснить ея странное исчезновеніе.

Недавно, по словамъ того же журнала, въ Лондонѣ произошелъ такой курьезный случай: жена одного отставного чиновника попросила своего мужа бросить письмо въ почтовый ящикъ, находившійся на другой сторонѣ улицы. Мужъ взялъ шапку и вышелъ изъ подъѣзда, но болѣе не возвращался. Прошелъ годъ и какъ разъ въ тотъ самый день и часъ, когда онъ такъ таинственно исчезъ, жена вдругъ съ изумленіемъ увидѣла его. Онъ вошелъ въ домъ, повѣсилъ шапку на гвоздь, гдѣ она всегда висѣла, и, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ своей женѣ: «Я положилъ письмо въ ящикъ, Марія». Откуда онъ явился и что съ нимъ было въ этотъ длинный промежутокъ времени,—на этотъ счетъ онъ не могъ дать никакихъ объясненій.

Англійскіе журналы въ этомъ мѣсяцѣ посвящаютъ много вниманія Македоніи. Въ «Contemporary Review» напечатана статья съ очень краснорѣчивымъ подзаголовкомъ: «Finis Macedoniae!» Авторъ рисуетъ чрезвычайно мрачную картину положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и бросаетъ въ лицо европейскимъ державамъ горькій и рѣзкій упрекъ. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—пусть убиваютъ консуловъ, подвергаютъ чуть ли не поголовному избіенію христіанское населеніе Македоніи, насилуютъ женщинъ, жгутъ деревни и т. д., и т. д., но державы не потерпятъ ни малѣйшаго измѣненія status quo на Балканахъ! Смѣшно говорить о реформахъ въ Македоніи, когда весь административный механизмъ Турціи никуда не годится. Кто будетъ вводить реформы и какія реформы могутъ удовлетворить измученное и доведенное до отчаянія населеніе, которое ведетъ теперь борьбу на жизнь и смерть и рвется къ свободѣ».

Душою революціоннаго движенія въ Македоніи является, по словамъ автора, Даміанъ Груевъ. Борисъ Сарафовъ глава этого движенія, «македонскій король», Груевъ же получилъ прозвище «македонскаго Гарибальди». Онъ, также какъ и всѣ почти вожди македонскаго движенія, былъ раньше школьнымъ учителемъ и пользовался большою популярностью. Ему достаточно было кликнуть кличъ, чтобы цѣлыя толпы вооруженныхъ людей пошли за нимъ и повиновались ему. Говорятъ, что онъ обладаетъ почти непреодолимымъ даромъ краснорѣчія и толпа его слушателей, какъ очарованная, готова слѣдовать за нимъ всюду. Онъ можетъ повести ихъ на вѣрную смерть и они пойдутъ, восторженно распѣвая воинственныя пѣсни. Ему удалось убѣдить многихъ, весьма упрямыхъ людей, покинуть свои дома, свои поля, свои семьи и рисковать жизнью въ послѣднемъ, отчаянномъ усиліи сбросить турецкое иго. Прозвище «македонскаго Гарибальди» вполнѣ подходитъ къ нему. Онъ обладаетъ неоцѣнимою способностью не только покорять души, но и заставлять своихъ

слушателей смотрѣть его глазами, слушать его ушами, и передаетъ имъ тотъ огонь, который сожигаетъ его душу. Македонцы говорятъ, что «его краснорѣчіе неотразимо, его призывъ непреодолимъ, ему нельзя не повиноваться».

Наружность «македонскаго Гарибальди», по словамъ автора лично знающаго его, очень симпатичная. Ему только 33 года, но его жизнь чрезвычайно богата всякаго рода приключеніями и онъ уже не разъ бывалъ на волоскѣ отъ смерти. Онъ знаетъ свою страну и свой народъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой изъ его соотечественниковъ. Народъ обожаетъ его и отъ него ждетъ спасенія.

Въ «Fortnightly Review» также напечатана статья, посвященная Македонія и описывающая положеніе македонскихъ крестьянъ. Это настоящіе крѣпостные въ рукахъ турецкаго сборщика податей. Турки обвиняютъ болгарскія школы въ томъ, что онѣ служатъ очагами революціоннаго движенія, и это до нѣкоторой степени справедливо, такъ какъ молодые люди, получившіе образованіе въ этихъ школахъ, не хотятъ уже возвращаться въ свои убогія хижины, переносить притѣсненія и алчность турецкихъ чиновниковъ и терпѣть постоянную и жестокую нужду. Каждая деревня должна содержать извѣстное число турецкихъ полицейскихъ, а это настоящіе паразиты, которые существуютъ не для того, чтобы защищать жителей, а чтобы обирать ихъ и покрывать преступленія, дѣлая ихъ безнаказанными.

Въ «Monthly Review» одна англійская леди, всего двѣ недѣли тому назадъ вернувшаяся изъ Старо-Сербіи, рисуетъ контрастъ, который существуетъ между освобожденными отъ турецкаго ига балканскими государствами и Турціей. Этотъ контрастъ бросается въ глаза каждому путешественнику, попадающему изъ этихъ государствъ въ Турцію. Ему невольно должно показаться, что онъ переселился изъ XX-го вѣка въ средніе вѣка, изъ цивилизованныхъ странъ въ дикую орду...

«ПАЛАТА ТРУДА» въ МИЛАНѢ.

Въ майской книжкѣ 1903 года журнала «Il. Secolo XX» выходящаго въ Римѣ, помѣщена интересная статья, принадлежащая молодому публицисту Моничелли. Моничелли описываетъ свое посѣщеніе «Палаты труда» (Camera del lavoro) въ Миланѣ. Эта рабочая организація насчитываетъ до 50.000 членовъ и принадлежитъ къ числу наибольшихъ въ Италіи. Первоначальная идея организаціи «Палаты труда» зародилась въ 1889 году въ средѣ общества типографскихъ рабочихъ въ Миланѣ. Мысль эта имѣла своего краснорѣчиваго истолкователя въ лицѣ Гноки-Віани, который въ талантливой статьѣ изложилъ цѣль этого учрежденія и намѣтилъ способы къ его осуществленію. Между тѣмъ два событія ускорили проведеніе въ жизнь этой идеи. Нѣсколько рабочихъ изъ Милана посѣтили парижскую всемірную выставку 1889 года, гдѣ имѣли случай ознакомиться съ устройствомъ «Биржи труда» въ Парижѣ; затѣмъ на выборахъ въ миланскій муниципалитетъ (городская дума), ра-

бочая партія провела многихъ своихъ кандидатовъ, а это дало возможность и въ этомъ учрежденіи ввести дѣятельную пропаганду.

Два наибольшихъ рабочихъ общества въ Миланѣ рѣшили, наконецъ, осуществить эту мысль; особенно горячо принялись за дѣло типографскіе рабочіе и вотъ въ декабрѣ 1889 г. представили 73 рабочихъ обществъ Милана на торжественномъ собраніи рѣшили учредить первую въ Италіи «Палату труда». Всѣ газеты Милана безъ различія партій посвятили этому вопросу сочувственныя статьи. Между тѣмъ, временный комитетъ занимался пропагандированіемъ идеи учрежденія «Палаты труда» путемъ публичныхъ лекцій и объявленій. Миланскій городской голова (il sindico) съумѣлъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ всю думу, которая и постановила выдать нарождающемуся учрежденію 15 тыс. лиръ ежегоднаго пособія и предоставить даровое пользованіе принадлежащими городу залами, пока молодое учрежденіе не обзаведется собственными помѣщеніями.

Въ числѣ организаторовъ общества, которымъ пришлось не мало потрудиться надъ распространеніемъ среди рабочихъ убѣжденія въ пользѣ быть членами «Палаты труда», отмѣтимъ одну русскую, г-жу Анну Кулешову, много потрудившуюся надъ привлеченіемъ въ члены «Палаты труда» работницъ. Первоначально число членовъ было 10.000, но число это быстро увеличивалось, и скоро помѣщенія, предоставленныя въ пользованіе муниципалитетомъ, стали тѣсны. Завѣтной мечтой устроителей было имѣть собственное помѣщеніе, и вотъ въ 1894 году, опять-таки при содѣйствіи муниципалитета, такое помѣщеніе было найдено. Въ одной изъ улицъ Милана былъ пріобрѣтенъ за 200 тыс. лиръ домъ. Число членовъ къ этому времени возросло до 20 тыс. Дѣятельность «Палаты труда» все расширялась, она пріобрѣтала довѣріе общества. На выставкѣ въ Миланѣ 1894 г. «Палата труда» получила золотую медаль и почетный дипломъ. Вотъ наглядная картина развитія «Палаты труда»:

1890	года	членовъ	10.000.
1893	»	»	15.000.
1894	»	»	20.000.
1894—1898	»	»	27.000.

1898—1900 — по случаю извѣстныхъ безпорядковъ въ Миланѣ, закрыта. Снова открыта въ 1900 году, членовъ 30.000.

Въ 1901—1902 » » 43.000. и, кромѣ того, болѣе 10.000 чел. въ 7 отдѣленіяхъ внѣ Милана и 127 деревенскихъ секціяхъ.

Моничелли въ сопровожденіи одного изъ организаторовъ общества посѣтилъ недавно «Палату труда» и вотъ какъ онъ описываетъ посѣщеніе: «Мы подошли къ дверямъ красиваго четырехъэтажнаго дома, у подъѣзда стояла большая толпа народа, и два швейцара пропускали только тѣхъ, кто имѣлъ удостовѣреніе, что онъ членъ «Палаты труда» (посторонніе не допускаются).

«Огромная толпа быстро разливалась по всѣмъ корридорамъ обширнаго зданія; мы вошли вслѣдъ за другими. Въ вестибюлѣ виситъ громадная доска, на которой записаны всѣ общества, входящія въ составъ «Палаты труда»; ихъ болѣе двухсотъ.

«У входа другая доска, поменьше, на ней написано, какія на сегодняшній вечеръ назначены засѣданія. Было 27 различныхъ засѣданій въ тотъ вечеръ, какъ мы посѣтили «Палату труда»; тутъ засѣдали общества портныхъ, телефонистовъ, маляровъ и т. п. Направо отъ входа замѣчаемъ надпись: «Бюро справокъ» (Ufficcio collocamento). Комната раздѣлена перегородкой на двѣ части. Въ одной служащіе выдаютъ справки, а въ другой рабочіе и работницы въ ожиданіи выдачи справокъ мирно бесѣдуютъ. Видимъ группу рабочихъ оживленно о чемъ-то бесѣдующихъ. Оказалось, что тутъ были два нѣмца, пріѣхавшіе искать счастья въ Миланъ. Одному изъ нихъ, какъ представившему удостовѣреніе отъ рабочаго союза въ Гамбургѣ, тотчасъ было выдано пособіе. Другой не имѣлъ такого удостовѣренія и по правиламъ не имѣлъ никакого права на пособіе; но тотъ же служащій, который отказалъ ему выдать пособіе, выйдя изъ комнаты, вернулся черезъ нѣсколько времени и далъ ему нѣкоторую сумму денегъ, собранную среди посѣтителей рабочихъ; это не было подаяніе, это ясно понимали и тотъ, кто давалъ, и тотъ, кто получалъ. Это была товарищеская поддержка».

Справки даются всѣмъ рабочимъ безплатно, безплатно же получаютъ справки и предприниматели всѣхъ странъ и иностранные рабочіе. Цѣль—устранить классъ посредниковъ и установить между хозяиномъ и рабочимъ непосредственныя сношенія. Всѣ рабочіе союзы (по ремесламъ) присылаютъ въ бюро свѣдѣнія о количествѣ незанятыхъ рукъ и такимъ образомъ всегда точно извѣстно количество свободныхъ рукъ въ той или другой отрасли труда. То же дѣлаютъ и рабочія организаціи подобныя этой «Палатѣ труда» и въ другихъ странахъ: Германіи, Франціи; такимъ образомъ, рабочій и за границей знаетъ, куда обратиться, и не остается безъ помощи и указаній. Бюро справокъ работаетъ очень успѣшно. Вотъ цифры поясняющія его дѣятельность: начало было плачевное: въ первый годъ обратилось въ бюро всего 27 человѣкъ! Но зато въ 1902 г. уже число обратившихся къ помощи бюро было болѣе 8.000, изъ нихъ до 50% получило работу. Сюда обращались и предприниматели не только Милана но и другихъ городовъ Италіи какъ-то: Флоренціи, Неаполя; кромѣ того при посредничествѣ бюро справокъ получали работу итальянскіе рабочіе и за границей, въ Стокгольмѣ, Петербургѣ, Алжирѣ, даже въ Каптоунѣ (южная Африка), куда понадобились 150 рѣзчиковъ по камню. Приведенныхъ свѣдѣній довольно, чтобы имѣть понятіе о теперешней дѣятельности бюро.

Интересны засѣданія рабочихъ обществъ. «Я бызъ,—говоритъ Моничелли, на засѣданіи союза каменьщиковъ. Это было обыкновенное очередное собраніе представителей этого класса. Обсуждался вопросъ о томъ, что нѣкоторые хозяева не хотѣли увеличивать заработной платы. Меня поразило съ какимъ спокойствіемъ и сознаніемъ собственнаго достоинства велись дебаты. Невольно обратилъ вниманіе и на то, что никто не былъ въ рабочемъ платьѣ. Всѣ были одѣты очень чисто и гладко выбриты. Надо замѣтить, что классъ каменьщиковъ отличается своей выдержкой и дисциплиной. Благодаря тому, что

онъ насчитываетъ многія тысячи членовъ, онъ могъ выдержать большую стачку и добиться значительнаго увеличенія заработной платы».

Посмотримъ теперь какимъ образомъ управляется эта сложная организація «Палата труда».

Уполномоченные всѣхъ 200 секцій, входящихъ въ составъ «Палаты труда», образуютъ «Общій совѣтъ». Ему принадлежитъ право устанавливать всѣ внутренніе распорядки, онъ выбираетъ коммиссіи для пропаганды, изученія условій труда и т. п. На немъ же лежитъ утвержденіе годового бюджета и производство экстренныхъ расходовъ; мало того, здѣсь же обсуждаются проекты законовъ, представленныхъ въ итальянскій парламентъ, съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ. Мнѣнія, высказанныя въ этомъ совѣтѣ, могутъ имѣть вліяніе на тотъ или другой законъ, касающійся рабочихъ. Вотъ что говоритъ Мончелли: «Когда мы вошли въ засѣданіе «Общаго совѣта», то депутатъ парламента Кабрини внимательно слушалъ рѣчь одного стекольщика, который обсуждалъ проектъ закона о наймѣ рабочихъ и доказывалъ, что нѣкоторыми статьями этого закона существенно нарушались интересы класса стекольщиковъ. Проектъ закона такимъ образомъ очень подробно разсматривался всѣми рабочими и ихъ замѣчанія и пожеланія передавались ими депутату парламента и служили ему матеріаломъ въ его рѣчахъ противъ тѣхъ или другихъ статей закона при обсужденіи ихъ въ парламентѣ».

«Общій совѣтъ» есть представительство «Палаты труда». Каждая секція (каменьщики, маляры и т. д.) избираетъ одного представителя на сто членовъ. Совѣтъ собирается два раза въ мѣсяцъ. Большинство членовъ — рабочіе; есть десять представителей отъ приказчиковъ и четыре отъ учителей начальныхъ школъ. Засѣданія бываютъ, конечно, особенно бурными, когда обсуждаются жгучіе вопросы, напримѣръ, объ устройствѣ стачекъ. Засѣданія затягиваются до глубокой ночи тогда, и неудивительно, что люди, утомленные тяжелымъ дневнымъ трудомъ, порой позволяютъ себѣ рѣзкія выраженія, вызывающія бурю протестовъ и вообще шумъ, но къ чести рабочихъ надо сказать, что до кулаковъ дѣло никогда еще не доходило.

Палата труда не только заботится о подъемѣ экономическаго благосостоянія рабочихъ, она заботится и объ умственномъ и нравственномъ ихъ усовершенствованіи; учреждены курсы для взрослыхъ. Проходится курсъ начальной школы, а кромѣ того техническое рисованіе, французскій языкъ и геометрія. Для работницъ есть школа кройки и дамскихъ нарядовъ. На этихъ курсахъ 900 учениковъ и 600 ученицъ. Въ 1894 г. основанъ театръ, гдѣ даются лучшія современныя драматическія произведенія. Школы и театръ пользуются поддержкой со стороны министерствъ нар. просвѣщенія и земледѣлія, Народнаго банка (Banca popolare), а также и со стороны многихъ частныхъ лицъ. Кромѣ начальныхъ школъ, существуютъ еще высшія, дающія коммерческое образованіе. Преподаются въ нихъ: счетоводство, корреспонденція, англійскій, испанскій, нѣмецкій и французскій языки, географія, исторія, математика. Народный университетъ въ Миланѣ (Universitato popolare) устраиваетъ для членовъ «Палаты труда» лекціи по разнымъ техническимъ вопросамъ, а также и музыкальные

вечера, есть и оркестръ, сопровождающій рабочихъ во время увеселительныхъ прогулокъ по озерамъ Ломбардіи и горамъ Швейцаріи. Есть и библіотека. Однимъ словомъ, цѣлый рядъ образовательныхъ учрежденій, стремящихся выработать «человѣка». Недаромъ на главной лѣстницѣ «Палаты труда» стоитъ статуя Діогена съ фонаремъ и подписью: «Hominem quaero!» («Ищу человѣка»). Штатъ администраціи «Палаты труда» невеликъ: всего 7 человѣкъ, не считая 4-хъ швейцаровъ. Кромѣ того, секціи, находящіяся въ Миланѣ, имѣютъ каждая своего секретаря. Штатъ служащихъ и ихъ содержаніе опредѣляются общимъ совѣтомъ. Всѣ служащіе получаютъ прибавку каждыя пять лѣтъ, пользуются отпусками лѣтомъ и въ случаѣ болѣзни сохраняютъ содержаніе до 6-ти мѣсяцевъ, а иногда до 2-хъ лѣтъ. Ежегодный расходъ на жалованье служащимъ, содержаніе дома и пропаганду доходитъ до 50.000 лиръ (около 19.000 руб.). Любопытно, что въ бюджетѣ «Палаты труда» нѣтъ ассигнованій на поддержку стачекъ. Такъ какъ число членовъ «Палаты труда» все увеличивается, то теперь уже особая коммиссія изучаетъ вопросъ о постройкѣ новаго обширнаго зданія, гдѣ могли бы помѣщаться всѣ секціи. Работницы также состоятъ членами «Палаты труда». Число ихъ доходитъ до 5.000. Организаторомъ женскаго рабочаго движенія въ Миланѣ была г-жа Анна Кулешова, о которой мы уже упоминали выше. Женщинъ, по замѣчанію организаторовъ дѣла труднѣе привлечь въ члены общества, но разъ они сознаютъ пользу дѣла, то становятся болѣе стойкими и преданными дѣлу, чѣмъ мужчины.

«Палата труда» имѣетъ отдѣленія во многихъ мѣстахъ, городахъ и деревняхъ Ломбардіи и такимъ образомъ вліяніе ея распространяется далеко за предѣлы Милана. Секціи «Палата труда» совершенно самостоятельны во внутренней жизни; многія имѣютъ собственные органы печати. При Миланской Палатѣ труда выходитъ до 15 профессіональныхъ журналовъ. Пропаганда производится путемъ журналовъ и брошюръ.

Распорядительными органами «Палаты труда» являются комиссіи.

Исполнительная коммиссія изъ 18 членовъ и 6 кандидатовъ. На ней лежитъ обязанность слѣдить за исполненіемъ устава «Палата труда» и за порядкомъ въ помѣщеніи. Два члена этой коммиссіи находятся постоянно въ домѣ «Палаты труда». *Контрольная* коммиссія ревизуетъ дѣла. *Посредническая* имѣетъ цѣлью устранять всѣ недоразумѣнія между «Палатой труда» и ея секціями,—а также улаживать отношенія между хозяевами и рабочими, наконецъ, коммиссія *пропаганды*, которая дѣйствуетъ въ миланской провинціи съ цѣлью помогать организоваться сельскимъ рабочимъ.

Миланская «Палата труда» является наибольшей рабочей организаціей въ Италіи. Всего въ Италіи 80 подобныхъ учрежденій; всѣ они соединяются въ «Союзъ палатъ труда». Рядомъ съ этимъ союзомъ существуетъ еще представительство рабочихъ организацій, называемыхъ «союзами борьбы» (federazione di resistenza») разсѣянныхъ по всей Италіи и насчитывающихъ до 500 тыс. членовъ. Это центральное учрежденіе, объединяющее всѣ эти союзы, называется: «Національный секретаріатъ борьбы» (Segretariato Nazionale di resistenza). Этотъ секретаріатъ дѣйствуетъ рука объ руку съ «Союзомъ палатъ труда».

«Союзы борьбы» и «палаты труда» самостоятельно обсуждаютъ и рѣшаютъ всѣ вопросы, волнующіе рабочій классъ. «Національный секретаріатъ борьбы» состоитъ изъ 8 членовъ. 4 выбираются «Союзомъ палатъ труда» и 4 «Союзами борьбы», назначеніе его объединять всѣ рабочія организаціи и давать направленіе ихъ дѣятельности.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о способѣ самопомощи, который практикуютъ пекаря въ Миланѣ. Одинъ день въ мѣсяцъ каждый рабочій отказывается отъ работы и его замѣняетъ одинъ изъ безработныхъ.

Кромѣ того нѣсколько безработныхъ всегда находятся въ помѣщеніи «Палаты труда» и хозяева нуждающіеся въ рабочихъ по телефону черезъ «Бюро справокъ» всегда очень скоро могутъ имѣть столько рабочихъ, сколько имъ надо.

Рабочіе союзы распространяются все болѣе и болѣе, хотя пропаганда и затрудняется, благодаря недостаточному развитію рабочихъ, а также недостатку средствъ. Клерикалы также дѣлаютъ не мало усилій, чтобы помѣшать развитію союзовъ; въ городахъ, гдѣ клерикалы составляютъ большинство, городскія думы относятся враждебно къ рабочимъ организаціямъ. Достаточно сказать, напр., что въ такомъ богатомъ городѣ, какъ Генуя, гдѣ рабочихъ многія тысячи, дума не даетъ никакой субсидіи «Палатѣ труда». Вообще итальянскимъ рабочимъ надо еще много поработать надъ своей организаціей; но при наличности въ итальянскомъ строѣ жизни главнаго условія развитія самодѣятельности общества—остальное придетъ со временемъ.

С. К.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

I.

О вліяніи нѣкоторыхъ астрономическихъ факторовъ на метеорологическія явленія.—О круговоротѣ атмосферы и объ обмѣнѣ теплоты на земномъ шарѣ.—О вращеніи, о температурѣ звѣздъ и о размѣрахъ вселенной.—О твердомъ фторѣ.

Намъ уже не разъ на страницахъ «Міра Божьяго» приходилось знакомить читателя съ изслѣдованіями, касающимся вліянія солнечныхъ пятенъ на атмосферныя явленія нашей планеты. За послѣдніе мѣсяцы появились работы французскаго астронома *Нордманна* и англійскаго *Локіера*, касающіяся этого же вопроса; но прежде чѣмъ перейти къ ихъ работамъ, мы дадимъ краткую историческую справку.

Связь такъ называемаго одиннадцатилѣтняго цикла солнечныхъ пятенъ, его максимума и минимума, съ различными явленіями земного магнитизма была установлена Сабиномъ, Вольфомъ и Готье въ 1852 г., вскорѣ затѣмъ Фрицъ подмѣтилъ подобную же періодичность въ сѣверныхъ сіяніяхъ, а Мельдремъ (Meldrum) въ 1878 г. показалъ, что среднее количество дождя, выпадающаго ежегодно на землѣ, нѣсколько больше въ годы максимумовъ солнечныхъ пятенъ и меньше въ годы минимумовъ. Объясненіе этой законности предложилъ Нордманнъ еще въ прошломъ году: онъ подмѣтилъ, что въ года максимальнаго развитія солнечныхъ пятенъ герцевскія (электрическія) волны, испускаемыя солнцемъ, вызываютъ въ нашей атмосферѣ образованіе катодныхъ лучей сѣверныхъ сіяній въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ въ годы минимумовъ; съ другой стороны, катодные лучи способствуютъ сгущенію паровъ, слѣдовательно, и водяные пары нашей атмосферы должны сгущаться и выпадать въ видѣ болѣе обильныхъ дождей въ періоды максимумовъ солнечныхъ пятенъ, чѣмъ въ періоды минимумовъ.

Уже болѣе 200 лѣтъ какъ была высказана мысль, что солнечныя пятна (а слѣдовательно, и періоды ихъ максимума и минимума) должны оказывать вліяніе и на температуру земной атмосферы, но доказать это съ цифрами въ рукахъ удалось только въ 1873 г. *Кеппену*, на основаніи изученія термометрическихъ данныхъ за періодъ 1820—1870 г.г. Кеппенъ показалъ, что солнечныя пятна, хотя и слабо, но все же вліяютъ понижающимъ образомъ на температуру нашей атмосферы и что это вліяніе сказывается всего рѣзче

и яснѣе въ тропическихъ странахъ, въ странахъ же умѣреннаго климата оно маскируется другими—мѣстными температурными возмущеніями.

Норманнъ предпринялъ подобную же работу; онъ собралъ и подвергъ соотвѣтственной обработкѣ термометрическія данныя за періодъ 1870—1890 гг. большого числа обсерваторій тропическихъ странъ — Сіера-Леоне, Пернамбуко, Порт-о-Прэнсъ, о-въ Троицы, Ямайки, Гаванны, Манильи, Гонъ-Конга, Ци-ка-Вея, Батавіи, Бомбея, о-ва Родригеца и Морица; какъ видитъ читатель, эти станціи опоясываютъ весь земной шаръ. Для каждой станціи Норманнъ вычислялъ отклоненіе температуры за каждый годъ сравнительно съ средней температурой большого числа лѣтъ, затѣмъ вычислялась «общая средняя» отклоненій для всѣхъ станцій (moyenne brute) для каждаго года (за періодъ 1870—1890 гг.). Получились таблицы отклоненій, которыя были представлены особой кривой. Эта кривая показываетъ поразительное совпаденіе съ обратной кривой, выражающей частоту солнечныхъ пятенъ за этотъ періодъ. Соотвѣтствіе періодовъ температурныхъ минимумовъ съ максимумами солнечныхъ пятенъ ясно видно изъ слѣдующей таблички:

Температурные минимумы.	Максимумы пятенъ.	Температурные максимумы.	Минимумы пятенъ.
1870 г.	1870 г.	1881 г.	1878 г.
1884,5 г.	1883 »	1889 »	1889 »
1893 г.	1893 »	1900 »	1901 »

Вообще Норманнъ приходитъ къ выводу, что «средняя земная температура подвержена періодичнымъ колебаніямъ, соотвѣтствующимъ таковымъ же колебаніемъ солнечныхъ пятенъ; воздѣйствіе послѣднихъ сказывается въ уменьшеніи средней земной температуры».

Изслѣдованія Зенкера въ 1895 показали, что, если бы солнце не посылало намъ своихъ лучей, поверхность земли имѣла бы температуру—73°, въ настоящее время средняя температура земной поверхности $= +15°$, слѣдовательно, солнечное лучеиспусканіе повышаетъ температуру поверхности нашей планеты на 88° Ц. Съ другой стороны, если вычислить величину поверхности, занимаемую солнечными пятнами въ теченіе года даже максимальнаго, то въ среднемъ эта величина не превыситъ 0,01 всей поверхности солнечнаго диска. Отсюда слѣдуетъ, что въ среднемъ пятна уменьшаютъ солнечное лучеиспусканіе для земли на $^1/_{200}$ всей величины, что вызоветъ приблизительно слѣдующее уменьшеніе температуры: $\frac{88°}{200} = 0°,44$ Цельзія. Числа, выведенныя изъ непосредственныхъ наблюденій и сведенныя въ таблицахъ Норманна, даютъ въ среднемъ величину, очень близкую къ этой (0°,44).

Но, кромѣ одиннадцатилѣтнихъ цикловъ, одинаковыхъ для многихъ метеорологическихъ явленій и для солнечныхъ пятенъ, были констатированы еще 35-лѣтніе періоды.

Первый *Эд. Брюкнеръ* установилъ такой циклъ для періодовъ «дождя» и «засухъ». Онъ указалъ, что въ теченіе XIX-го столѣтія средніе эпохи влажныхъ годовъ были 1815, 1846—1850 и 1876—1880 гг., таковыя же сухихъ—1831—1835 и 1861—1865 гг.

Затѣмъ, подобныя же изслѣдованія были сдѣланы и другими учеными, напр., Ганомъ и Локьеромъ и также съ ясностью были установлены 35-ти-лѣтніе періоды. Такъ, Локьеръ даетъ кривыя для Гринвича, Ротцезея (Rothesay), Британскихъ острововъ, Брюсселя, Мадраса, Бомбея, Капа и Верхняго Огіо, — и во всѣхъ этихъ кривыхъ можно замѣтить тридцатипятилѣтніе періоды; причемъ наиболѣе дождливые періоды соотвѣтствуютъ годамъ 1815, 1845 и 1878—1883, а наиболѣе сухіе—1825—1830, 1860 и 1893—1895. Послѣдній сухой періодъ находится на исходѣ и если указанная законность вѣрна, то скоро мы войдемъ въ болѣе влажный періодъ и повышеніе влажности будетъ продолжаться до 1913 г.—вершинной точки этого наступающаго влажнаго періода. Однако, нужно замѣтить, говоритъ Локьеръ, что, въ виду значительныхъ годовыхъ колебаній выпаденія дождей, это повышеніе влажности можно будетъ констатировать только сравнивая среднія двухъ различныхъ періодовъ («засушливаго» и «дождливаго»), за многіе года, такъ какъ отдѣльные засушливые года могутъ выпасть и во влажный періодъ.

Уже Брюкнеръ искалъ причину этихъ тридцатипятилѣтнихъ метеорологическихъ цикловъ въ соотвѣтственномъ измѣненіи солнечныхъ пятенъ, но установить для послѣднихъ подобные циклы ему не удалось. Только недавно Локьеръ, сдѣлавъ детальную сводку всѣхъ наблюденій, произведенныхъ надъ солнечными пятнами, начиная съ 1832 г. до самаго послѣдняго времени, съ несомнѣнностью доказалъ, что циклъ въ 35 лѣтъ существуетъ и для солнечныхъ пятенъ. При этомъ оказалось, что эпохамъ минимумовъ солнечныхъ пятенъ, т.-е. 1843 г. и 1878 г., соотвѣтствовали максимумы влажности установленные Брюкнеромъ и; въ будущемъ періоду наибольшей влажности, достигающему своего апогея около 1913 года, соотвѣтствуетъ на кривыхъ Локьера минимумъ солнечныхъ пятенъ, падающій также на 1913 г.

Въ средніе вѣка, да и теперь еще среди простонародья различныхъ странъ атмосферныя явленія на нашей планетѣ ставили и ставятъ въ зависимость не только отъ солнца, но также и отъ того или иного положенія на небѣ другихъ свѣтилъ, особенно нашего спутника — луны. Въ настоящее время мы такой астрологіей уже не занимаемся. Наука знаетъ только одно вліяніе луны на нашу атмосферу:—это воздушные приливы—одни. 12-ти-часового періода, другіе — 15-тидневнаго. Но за послѣдніе года снова появляются иногда въ средѣ ученыхъ попытки связать нѣкоторыя атмосферныя явленія съ движеніями луны. Такъ, недавно *Руссель* (H. C. Russel), директоръ обсерваторіи въ Сиднеѣ, отстаивалъ связь между количествомъ выпадающаго дождя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Австраліи и движеніемъ луны. По его мнѣнію періодъ болѣе богатый дождями въ этой мѣстности совпадаетъ съ движеніями луны къ югу, а засушливое время, длящееся отъ 7 до 8 лѣтъ, соотвѣтствуетъ тому времени, когда луна идетъ къ сѣверу. Руссель думаетъ, что здѣсь не простое совпаденіе, но что обоими этими явленіями управляетъ одинъ и тотъ же законъ, какая-то общая причина и движеній луны и періодовъ дождя и засухи въ Австраліи. Заключеніе конечно, довольно странное и немудрено, что научные журналы («Ciel et Terre» и «Monthly Weather Review») подвергли этотъ выводъ Русселя рѣзкой критикѣ.

Также неудачными должны считаться попытки установить связь между грозами и фазами луны. *В. Х. Пикерингъ* сдѣлалъ сводку наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ общей сложности въ теченіи 281 года. Оказывается, что во время новолунія было 721 гроза, во время же полнолунія—579, что составляетъ 55,5% на первую половину мѣсяца и 44,5%—на вторую. Конечно, изъ этихъ цифръ нельзя сдѣлать иного вывода, кромѣ того, что между фазами луны и грозами не существуетъ никакой связи.

Отъ этихъ астрономо-метеорологическихъ работъ перейдемъ къ чисто метеорологическимъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ наблюденіе и опытъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе.

До сихъ поръ метеорологи, желавшіе отдать себѣ отчетъ о движеніяхъ болѣе высокихъ слоевъ атмосферы, ограничивались незначительнымъ количествомъ наблюденій, извлекая изъ нихъ выводы путемъ математическихъ вычисленій или просто гипотезъ. Теперь впервые *) знаменитый упсальскій метеорологъ *Гильдебрандсонъ* разбираетъ этотъ вопросъ, основываясь на чистомъ наблюденіи, избѣгая какихъ бы то ни было гипотезъ и выводовъ à priori. Нѣтъ ничего удивительнаго, что полученные имъ результаты во многомъ отличаются отъ взглядовъ, господствовавшихъ раньше; остановимся на этихъ послѣднихъ, прежде чѣмъ перейти къ изложенію выводовъ Гильдебрандсона. Уже въ концѣ XVII-го вѣка былъ установленъ принципъ, что температура воздуха падаетъ по направленію отъ экватора къ полюсамъ и воздухъ на экваторѣ легче, слѣдствіемъ чего въ атмосферѣ должно существовать верхнее теченіе, такъ называемое «экваторіальное», идущее отъ экватора къ полюсамъ, и нижнее теченіе, такъ называемое «полярное», приносящее массы воздуха съ полюсовъ къ экватору.

Въ 1775 году для того, чтобъ объяснить, почему въ сѣверномъ полушаріи пассатные вѣтры дуютъ съ сѣверо-востока, а не прямо съ сѣвера, *Гадлей* замѣчаетъ, что движеніе земного шара вокругъ своей оси заставляетъ вѣтеръ отклонятся направо въ нашемъ полушаріи и налѣво въ южномъ.

Въ началѣ XIX-го вѣка *Роммъ* указалъ на сгущеніе воздуха въ тропикахъ, на юго-западные вѣтры умѣренныхъ странъ нашего полушанія и сѣверо-западные вѣтры южнаго полушарія, а четверть вѣка спустя другой ученый (Довъ) на основаніи этого утверждалъ, что контръ-пассаты (т.-е. вѣтры, которые дуютъ на высотѣ отъ 5 до 15 километровъ надъ областью пассатовъ) спускаются на поверхность земли вдоль тропиковъ и въ нашемъ полушаріи обращаются въ «нижніе контръ-пассаты», а въ южномъ полушаріи въ «нижніе экваторіальные вѣтры».

Въ 1855 году *Мори*, въ свою очередь, призналъ теорію опусканія контръ-пассатовъ надъ тропиками; но его контръ-пассаты, обратившись надъ поверхностью земли въ юго-западные вѣтры, направлялись вокругъ сѣвернаго полюса

---

*) „Rapport sur les observations internationales de nuages au comité international météorologique".

и возвращались верхними слоями къ тропикамъ, гдѣ они снова опускались къ землѣ, «перекрещиваясь, но не смѣшиваясь» съ опускающимися контръ-пассатами. Такимъ образомъ частица воздуха, поднявшись съ экватора описывала фигуру ∞ въ вертикальной плоскости до своего возвращенія назадъ.

Въ 1856 г. *Феррель*, подтверждая существованіе низкихъ давленій и поднимающихся круговоротовъ въ областяхъ полярнаго круга, отыскиваетъ еще вокругъ земного шара новый круговоротъ. По его словамъ, частичка воздуха въ области экватора поднимается прежде какъ контръ-пассатъ, опускается около тропика, идетъ надъ поверхностью въ умѣренный поясъ въ видѣ юго-западнаго вѣтра, поднимается около полярнаго круга, опускается, крутясь около полюса, удаляется отъ него, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ, подымается въ области полярнаго круга, проходитъ, какъ верхній вѣтеръ надъ умѣреннымъ поясомъ, опускается въ тропикахъ и становится пассатомъ. То же самое происходитъ и въ южномъ полушаріи.

Въ 1857 г. *Томсонъ* соединилъ обѣ теоріи—Ферреля и Галлея. Онъ призналъ высшее теченіе отъ экватора къ полюсу и возвратное отъ полюса къ экватору; но онъ утверждалъ, что это обратное теченіе идетъ въ нѣсколькихъ километрахъ надъ поверхностью земли, и что между этимъ обратнымъ теченіемъ и земною поверхностью возникаетъ скрещивающееся вертикальное движеніе.

Феррель въ 1860 г. и затѣмъ въ 1889 г. измѣнилъ свою первую теорію, принявъ во вниманіе взгляды Томсона на движеніе высокихъ слоевъ атмосферы. Взгляды этихъ метеорологовъ были сходны во многихъ существенныхъ пунктахъ: такъ, оба они признавали пояса минимальнаго барометрическаго давленія — на экваторѣ, и немного южнѣе полярнаго круга; пояса максимальнаго барометрическаго давленія на тропикѣ Рака; вѣроятность высокаго давленія надъ полюсомъ; сѣверо-восточное направленіе пассатовъ и юго-западное направленіе поверхностнаго вѣтра въ умѣренномъ поясѣ (обратное направленіе для того же явленія въ южномъ полушаріи).

Недостатокъ ихъ теоріи относительно воздушныхъ теченій въ высшихъ областяхъ атмосферы заключается въ недостаточномъ количествѣ доказательствъ, основанныхъ на непосредственномъ наблюденіи.

Подтвердитъ ли чистое наблюденіе теорію, основанную только частью на извѣстныхъ фактахъ, частью не гипотезѣ?

Вотъ вопросъ, заданный себѣ Гильдебрандсономъ и занимавшій его въ продолженіи тридцати лѣтъ. Первыя изслѣдованія обнародованы имъ въ 1885 г. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ собирать наблюденія, печатныя или въ рукописяхъ, которыя могли бы пролить свѣтъ на расположеніе облаковъ въ высокихъ слояхъ атмосферы. Полученные выводы не разрѣшаютъ еще всего вопроса, но съ этихъ поръ по крайней мѣрѣ собраны положительные факты, чрезвычайно важные, которые существенно измѣняютъ старыя теоріи. Разъ навсегда намѣченъ путь. По мѣрѣ того, какъ станетъ увеличиваться число наблюденій, мы получимъ болѣе точную среднюю годовую, затѣмъ полугодовыя среднія, а съ теченіемъ времени и ежемѣсячныя, которыя покажутъ намъ, въ какой степени общее движеніе атмосферы измѣняется по временамъ года и по мѣсяцамъ.

Уже въ 1878 года Гильдебрандсонъ просилъ метеорологическія станціи дѣлать наблюденія надъ движеніями какъ высокихъ (циррусъ), такъ и низкихъ (кумулусъ) облаковъ. Въ 1882 г. въ Копенгагенѣ постоянный международный комитетъ по метеорологіи поручилъ Капелло, Гильдебрандсону и Лею приготовить рефератъ по этому вопросу и прочесть его въ Парижѣ въ 1885 г. Было рѣшено напечатать цѣликомъ наблюденія, произведенныя во многихъ странахъ надъ направленіемъ и кажущеюся скоростью этисъ облаковъ. Но опытъ показалъ, что для точнаго представленія о массовыхъ движеніяхъ воздуха, надо слѣдить не только за двумя формами облаковъ, но за всѣми, такъ какъ каждая форма соотвѣтствуетъ опредѣленной средней высотѣ.

Задача очень сложная. Прежде всего надо было согласиться на счетъ общей терминологіи различныхъ формъ облаковъ, а также и самихъ формъ, которыя, помимо главныхъ видовъ, имѣютъ еще значительное количество промежуточныхъ.

Работы *Лауранса Ротча*, *Клейтона* и *Фергюссона* въ обсерваторіи Blue-Hill (Голубой Холмъ) въ Массачузетѣ, наблюденія англійскихъ моряковъ, наконецъ кругосвѣтныя путешествія *Ральфа Аберкромби* доказали, что на всемъ земномъ шарѣ формы облаковъ однѣ и тѣ же и что средняя высота для каждой изъ этихъ формъ мѣняется въ очень незначительныхъ границахъ, въ зависимости отъ средней температуры данной мѣстности.

Аберкромби и Гильдебрандсонъ изложили передъ лондонскимъ метеорологическимъ обществомъ въ 1887 г. классификацію облаковъ, которая съ тѣхъ поръ подверглась только очень незначительнымъ измѣненіямъ, а въ 1891 г. атласъ облаковъ, представленный Гильдебрандсономъ, Неймайеромъ и Кёпеномъ былъ признанъ за точку отправленія для классификаціи и обозначенія облаковъ. Вскорѣ затѣмъ былъ изданъ и международный атласъ облаковъ на трехъ языкахъ съ 28 раскрашенными таблицами, составленный Гильдебрандсомъ, Рипенбахомъ и де-Бортомъ. Важнымъ моментомъ въ исторіи даннаго вопроса является рѣшеніе мюнхенскаго метеорологическаго общества предпринять измѣренія движенія и высоты облаковъ впродолженіи цѣлаго года (съ 1-го мая 1896 г. по 1-е мая 1897 г.) въ различныхъ частяхъ земного шара. Срокъ этотъ былъ продолженъ до конца 1897 г. для тѣхъ станцій, которыя не были готовы въ маѣ.

Теперь сообщимъ результаты, полученные Гильдебрандсономъ при обработкѣ всѣхъ этихъ наблюденій.

1. Надъ экваторомъ (точнѣе надъ термическимъ экваторомъ и областью экваторіальныхъ «затишій») впродолженіи всего года дуетъ восточный вѣтеръ, средняя быстрота котораго была измѣрена очень простымъ способомъ. Еще памятны оптическія явленія (1883 г., августъ), сопровождавшія изверженіе Кракатау и обязанныя своимъ происхожденіемъ поднятію въ верхніе слои нашей атмосферы мелкой вулканической пыли, явленія эти обошли вокругъ земного шара, съ востока на западъ, надъ экваторомъ въ 12 и 13 дней. Слѣдовательно, вѣтеръ, переносившій эту пыль, имѣлъ среднюю скорость 37 метровъ въ секунду.

2. Надъ областью пассатовъ (между экваторомъ и тропиками) въ верхнихъ

областяхъ царствуетъ контръ-пассатъ—юго-западный въ сѣверномъ полушаріи и сѣверо-восточный въ южномъ.

3. Этотъ контръ-пассатъ отклоняется все болѣе и болѣе направо, дѣлаясь, наконецъ, западнымъ надъ гребнемъ барометрическаго максимума въ тропикахъ. гдѣ онъ и опускается.

4. Области, находящіяся на экваторіальной границѣ пассата, смотря по времени года, обращаются или въ области пассатовъ или экваторіальныхъ затишій Надъ ними находится верхній муссонъ: контръ-пассатъ зимою и восточный экваторіальный вѣтеръ лѣтомъ.

5. Начиная съ тропическаго высокаго давленія, давленіе воздуха падаетъ въ среднемъ безпрерывно по паправленію къ полюсамъ, по крайней мѣрѣ до областей полярнаго круга. Такимъ образомъ воздухъ умѣреннаго пояса увлекается въ громадный «полярный круговоротъ», который движется съ запада на востокъ. Это движеніе, повидимому, одного происхожденія съ обыкновеннымъ циклономъ: воздухъ нижнихъ слоевъ крутится къ центру, а воздухъ высшихъ слоевъ удаляется отъ него по направленію вверхъ надъ земною поверхностью до самыхъ высшихъ, доступныхъ нашему наблюденію, слоевъ (отъ 15 до 18 километровъ).

6. Уклоненія, встрѣчаемыя на земной поверхности, особенно въ областяхъ муссоновъ въ Азіи, исчезаютъ обыкновенно уже на высотѣ нижнихъ или промежуточныхъ облаковъ.

7. Слѣдуетъ совершенно отказаться отъ мысли о вертикальномъ движеніи воздуха между тропиками и полюсами.

Съ вопросомъ о круговоротѣ атмосферы имѣетъ нѣкоторую связь вопросъ объ *обмѣнѣ тепла*, происходящемъ въ почвѣ, водѣ и атмосферѣ. Этимъ вопросомъ въ послѣднее время занимались *І. Шубертъ* и проф. *А. И. Воейковъ*. Результаты работъ обоихъ ученыхъ могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ.

Энергія, доставляемая земной поверхности солнечными лучами, сообщается внизу почвѣ и водѣ, а вверху—атмосферѣ. Равнымъ образомъ потеря энергіи вслѣдствіе излученія производится за счетъ земли, воды и воздуха. Спрашивается, какъ велико количество энергіи, подвергающейся такому обмѣну въ теченіе дневного или годового періода?

Въ своихъ изысканіяхъ Шубертъ пользовался наблюденіями, сдѣланными на различныхъ почвахъ, на водахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и одного изъ внутреннихъ озеръ Восточной Пруссіи, а также наблюденіями воздухоплавателей, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Покрытая лѣсомъ почва способна къ обмѣну тепла въ меньшей степени, чѣмъ обнаженная. Влажная почва болотъ поглощаетъ гораздо меньше тепла, чѣмъ сухая земля; это объясняется тѣмъ, что въ верхнемъ, сильно нагрѣваемомъ слоѣ болотистой почвы большое количество теплоты расходуется на испареніе, а въ глубину проникаетъ ея сравнительно немного.

Весною и лѣтомъ вода поглощаетъ больше тепла, чѣмъ земля, и больше отдаетъ его зимою.

Въ теплое время дня или года твердая земля сообщаетъ своимъ нижнимъ слоямъ только небольшое количество тепла. Въ большинствѣ случаевъ она сильно нагрѣвается лишь съ поверхности и вслѣдствіе этого отдаетъ много тепла воздуху. Зимою твердая земля можетъ заимствовать изъ глубины лишь малое количество теплоты, поэтому ея поверхность и окружающій воздухъ сильно охлаждаются. Вода, наоборотъ, отдаетъ много тепла, чѣмъ предотвращается охлажденіе ея поверхности и воздуха.

Относительно годового хода содержанія теплоты въ различныхъ средахъ Шубертъ еще раньше установилъ такого рода правильность: въ твердыхъ, почти однородныхъ почвахъ максимумъ теплоты запаздываетъ сравнительно съ температурнымъ максимумомъ поверхности на $1^1/_2$ мѣсяца и приходится на первую половину сентября, минимумъ на мартъ. Въ водѣ и воздухѣ, гдѣ при уравниваніи температуръ главную роль играетъ движеніе, это запаздываніе меньше: максимумъ наступаетъ уже въ августѣ, минимумъ въ февралѣ.

Изслѣдованія проф. *Воейкова* касаются, главнымъ образомъ, вопроса объ обмѣнѣ теплоты во внутреннихъ озерахъ.

Какъ извѣстно, Форель раздѣляетъ всѣ прѣсноводныя озера на слѣдующіе три типа:

1) Озера, въ которыхъ благодаря господствующему климату температура воды ни на какой глубинѣ не понижается до 4° Ц. и правильно падаетъ съ увеличеніемъ глубины (тропическій типъ).

2) Если климатъ таковъ, что температура поверхности озера лѣтомъ бываетъ выше 4° Ц., а зимою ниже, то лѣтомъ наблюдается пониженіе температуры съ увеличеніемъ глубины, а зимою повышеніе (типъ умѣреннаго пояса).

3) Если климатъ настолько холодный, что поверхность озера даже лѣтомъ никогда не нагрѣвается свыше 4° Ц., то въ теченіе долгаго времени происходитъ повышеніе температуры съ глубиною (полярный типъ).

Распредѣленіе теплоты въ тропическомъ типѣ называютъ «прямымъ», въ полярномъ типѣ «обратнымъ», тогда какъ умѣренный типъ лѣтомъ обнаруживаетъ прямое распредѣленіе, а зимой обратное. Проф. Воейковъ замѣчаетъ слѣдующее. Какъ только весною на озерахъ полярнаго и умѣреннаго типа кончится таяніе льда, температура всей массы воды стремится быстро повыситься до 4° Ц. Это особенно рѣзко выражено на озерахъ полярнаго типа, гдѣ температура всѣхъ слоевъ воды остается ниже 4° Ц., тогда какъ почва и воздухъ нагрѣваются до гораздо болѣе высокой температуры.

Изъ источниковъ теплоты въ лѣтнее время нужно принять во вниманіе слѣдующіе, кромѣ солнца: 1) излученіе берега; 2) высшую температуру воздуха; 3) сгущеніе водяного пара воздуха на поверхности озера; 4) температуру дождя, которая въ этихъ условіяхъ значительно выше темиературы воды; 5) температуру притоковъ. Всѣ эти причины содѣйствуютъ нагрѣванію, которое распредѣляется по всей массѣ озера. Зимою ледяной покровъ сильно уменьшаетъ охлажденіе, въ особенности, если сверху лежитъ снѣгъ. Поэтому, пока мы имѣемъ дѣло съ «обратнымъ распредѣленіемъ», стремленіе къ температурѣ наибольшей плотности прѣсной воды способствуетъ нагрѣванію всей водной массы.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло подъ тропиками при «прямомъ распредѣленіи». Уже высшая температура водной поверхности способствуетъ большему излученію; притекающая теплота остается наверху, подвергаясь излученію и дѣйствію болѣе холоднаго воздуха; вмѣсто сгущенія водяного пара происходитъ охлаждающее испареніе; дожди, а иногда и вода притоковъ, въ большинствѣ случаевъ холоднѣе озерной воды. Всѣ эти обстоятельства, уменьшая нагрѣваніе, способствуютъ охлажденію. Они обусловливаютъ меньшее передвиженіе теплоты въ теченіе года. Второе слѣдствіе то, что въ этихъ озерахъ вся водная масса холоднѣе воздуха и почвы. Въ озерахъ типа среднихъ широтъ, въ которыхъ часть года бываетъ «прямое распредѣленіе», а часть «обратное», этимъ обусловливается значительное передвиженіе тепла въ теченіе года, потому что прямое распредѣленіе благопріятствуетъ охлажденію, а обратное нагрѣванію.

Въ заключеніе проф. *Воейковъ* останавливается на отношеніяхъ, имѣющихъ мѣсто въ морѣ. Нужно замѣтить, что температура наибольшей плотности соляныхъ растворовъ въ 3% и выше, какова морская вода, лежитъ ниже точки замерзанія. Это способствуетъ охлажденію водной массы, такъ что средняя температура тропическихъ океановъ, глубина которыхъ достигаетъ 4.000 м., лежитъ ниже 4° Ц.

Охлажденіе моря было бы значительнѣе, если бы въ высшихъ широтахъ этому не мѣшали два обстоятельства: 1. Въ полярныхъ моряхъ содержаніе солей въ верхнихъ слояхъ часто бываетъ гораздо меньше, чѣмъ въ глубинныхъ, что отвѣчаетъ условіямъ устойчиваго равновѣсія болѣе даже въ томъ случаѣ, когда температура верхнихъ слоевъ ниже. Поэтому охлаждается одинъ только тонкій верхній слой, а нижніе болѣе богатые солями слои не смѣшиваются съ нимъ. 2. Образованіе ледяного покрова сильно уменьшаетъ охлажденіе вслѣдствіе излученія.

Эти работы Шуберта и Воейкова имѣютъ громадное значеніе не только для «чистой» науки, но и для прикладной: агрономія, сельское хозяйство найдутъ въ выводахъ этихъ ученыхъ много важныхъ и полезныхъ для себя указаній.

Какъ ни близки, какъ ни важны для насъ, для нашей жизни, для нашего благополучія данныя метеорологіи, все же нашу теоретическую мысль, наше воображеніе сильнѣе возбуждаютъ и даже волнуютъ вѣчные вопросы мірозданія. И астрономія, несмотря на всю свою отвлеченность, на всю свою кажущуюся ненужность для повседневной жизни, всегда останется самою интересною отраслью знанія. Мы хотимъ подѣлиться здѣсь съ читателемъ нѣкоторыми «новостями», затрагивающими именно эту космологическую часть астрономіи.

Извѣстный астрономъ, директоръ капской обсерваторіи, *Дэвитъ Гиль* печатаетъ въ настоящее время новый каталогъ, содержащій въ себѣ 8.560 звѣздъ. До окончательнаго выхода въ свѣтъ этого замѣчательнаго труда авторъ познакомилъ публику съ однимъ важнымъ выводомъ, къ которому онъ пришелъ при сравненіи своего каталога съ болѣе старыми звѣздными катагогами. Оказывается, что звѣзды наиболѣе сильнаго блеска перемѣщаются въ опредѣленномъ направленіи по отношенію къ болѣе слабымъ и, слѣдовательно, болѣе удален-

нымъ отъ насъ звѣздамъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ лица, интересующіяся астрономіей, дальнѣйшихъ разъясненій Гиля, такъ какъ указанный выводъ говоритъ о какомъ-то общемъ вращеніи звѣздъ, до сихъ поръ ускользавшемъ отъ вниманія астрономовъ, и затрагиваетъ самые основные вопросы мірозданія.

Гакимъ же основнымъ является вопросъ о температурѣ небесныхъ тѣлъ. До самаго послѣдняго времени числа, которыми различные ученые оцѣнивали температуру солнца, сильно расходились; если мы возьмемъ крайнія, то увидимъ, что *Пульэ* и *Віоль* опредѣляли эту температуру въ 1.500°, а *Секки* и *Сорэ* больше, чѣмъ въ 5.000.000°.

Разница колоссальная, обусловливавшаяся коренными различіями и въ измѣреніяхъ, и въ вычисленіяхъ. За послѣднія 8—10 лѣтъ и по этому вопросу ученые начинаютъ приходить къ соглашенію. Эмпирическіе законы *Стефана* и *Вилли Вина* позволили вычислить теоретически температуру солнца, она опредѣлена между 5.800° и 6.700° Цельзія. Прямыя измѣренія *Вильсона* и *Грея* подтвердили вычисленія. Эти ученые употребляли для изслѣдованій такъ называемой дифференціальный радіометръ Бойса; на одно изъ отверстій этого радіометра они направляли пучокъ солнечнаго свѣта, отраженнаго геліостатомъ, на другое—лучи, испускаемые накаленной платиновой пластинкой опредѣленной температуры; сравненіями и вычисленіями они опредѣлили температуру солнца въ 6.200°—Цельзія. Послѣдующія работы *Вина*, *Луммера*, *Прингстрейма* и др. дали аналогичные результаты, и большинство ученыхъ принимаетъ теперь, что температура солнца лежитъ между 5.760° и 6.000° Цельзія. Конечно, всѣ эти цифры относятся къ температурѣ поверхности солнца, температура болѣе глубокихъ слоевъ неизвѣстна; можно только утверждать, что она гораздо выше поверхностной. *Гэркенги* (Harkangi) примѣнилъ тотъ же метотъ къ опредѣленію температуры звѣздъ и нашелъ, что бѣлыя (или синія) звѣзды (Сиріусъ, Вега) имѣютъ температуру около 6.000° Цельзія, а красныя и желтыя всего 3.000°.

Интересно будетъ сравнить эти данныя съ тѣми, которыя будутъ получены *Кайзеромъ* при помощи другого метода. Кайзеръ исходитъ изъ положенія Стокса, что накаленное тѣло по мѣрѣ возвышенія температуры испускаетъ все больше и больше лучей съ наиболѣе короткими волнами.

Для того, чтобы провѣрить эту мысль Стокса, хотя бы по отношеніи къ спектрамъ опредѣленныхъ газовъ, Кайзеръ поставилъ рядъ опытовъ и нашелъ, что въ спектрахъ водорода, гелія и литія интенсивность спектральныхъ полосъ, соотвѣтствующихъ наиболѣе короткимъ волнамъ, растетъ съ возвышеніемъ температуры *). Кайзеръ предполагаетъ примѣнить этотъ методъ къ опредѣленію температуры различныхъ звѣздъ.

Вопросы о движеніи и температурѣ звѣздъ невольно поднимаютъ другіе общіе космическіе вопросы и мы считаемъ небезинтереснымъ сообщить читателю относительно недавнія соображенія знаменитаго англійскаго физика лорда *Кельвина* (В. Томсонъ), о размѣрахъ видимой вселенной. Онъ исходитъ изъ слѣ-

*) Конечно, при предположеніи, что въ трубкахъ Гейслера температура повышается съ увеличеніемъ потенціала и напряженности тока

дующихъ отправныхъ пунктовъ. Часть вселенной, видимая нами, можетъ быть разсматриваема какъ бы находящейся внутри шара, радіусъ котораго равенъ разстоянію отъ насъ звѣзды съ параллаксомъ въ милліонную долю дуговой секунды. Это разстояніе равно приблизительно 30 милліонамъ милліоновъ километровъ,—свѣтъ пробѣгаетъ его въ 3.000 лѣтъ. Лордъ Кельвинъ считаетъ, что число звѣздъ какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ, наполняющихъ это пространство, равно приблизительно тысячѣ милліоновъ. Это число близко къ соотвѣтствующимъ цифрамъ Ньюкомба и Юнга, которые принимаютъ, что число видимыхъ звѣздъ равняется отъ 50 до 100 милліоновъ. Принявъ, что средняя масса каждой звѣзды равняется массѣ нашего солнца, можно вычислить, что общая масса видимой вселенной равна приблизительно 2×10^{36} тоннамъ. Если бы эта тысяча милліоновъ солнцъ была распредѣлена равномѣрно въ очерченномъ нами выше шарѣ и приведена въ движеніе 25 милліоновъ лѣтъ тому назадъ, то солнца эти, въ силу законовъ тяготѣнія, пріобрѣли бы скорости, подобныя тѣмъ, которыя онѣ имѣютъ нынѣ; или, если бы тысяча милліоновъ лѣтъ тому назадъ они были приведены въ движеніе отдѣльно другъ отъ друга, на разстояніяхъ неизмѣримо болѣе громадныхъ, чѣмъ радіусъ очерченнаго нами шара, то все же среднія скорости этихъ звѣздъ были бы тѣ же, которыя мы наблюдаемъ теперь. Но неравномѣрное распредѣленіе этихъ солнцъ должно было бы вызвать въ нихъ движенія съ гораздо большими скоростями, такой же эффектъ получился бы и при сильномъ увеличеніи числа звѣздъ, сравнительно съ предположеннымъ выше.

Поэтому лордъ Кальвинъ и приходитъ къ выводу, что общая масса нашей вселенной больше массы, которую представили бы 100 милліоновъ нашихъ солнцъ и менѣе массы 2.000 милліоновъ такихъ свѣтилъ.

Изъ всѣхъ послѣднихъ «новинокъ» въ области химіи безспорно наиболѣе интересной, особенно для неспеціалистовъ, является полученіе фтора въ твердомъ видѣ.

Въ 1897 г. Муассанъ и Дьюаръ сгустили фторъ при—187° и нашли, что при такихъ низкихъ температурахъ это вещество не реагируетъ съ кремніемъ, углеродомъ, боромъ и ртутью, но бурно соединяется съ водородомъ и твердымъ скипидаромъ. Недавно они продолжили свои опыты, примѣняя жидкій водородъ, температура котораго достигаетъ—252°,5 Ц. или 20°,5 абсолютной шкалы. Ихъ прежнее наблюденіе, что совершенно чистый фторъ не дѣйствуетъ на стекло, позволило имъ подвергать фторъ охлаждающему дѣйствію кипящаго жидкаго водорода, употребляя тонкостѣнные стеклянные сосуды.

Наполненная фторомъ запаянная стеклянная трубка была сперва погружена въ жидкій кислородъ, кипящій при атмосферномъ давленіи. При этомъ никакого сгущенія не произошло. Тогда трубку медленно погрузили въ сосудъ съ двойными стѣнками, наполненный жидкимъ водородомъ и постепенно охлаждали въ парахъ водорода. Скоро въ трубкѣ появилась желтая жидкость, которая испарялась, какъ только трубку поднимали на нѣсколько сантиметровъ надъ поверхностью жидкаго водорода. Когда трубку снова охладили и погрузили въ жидкій водородъ, опять было видно образованіе желтой жидкости,

которая скоро затвердѣвала. При вынимании трубки изъ жидкаго водорода твердое тѣло плавилось и образовавшаяся изъ него желтая жидкость испарялась.

Если совсѣмъ опустить трубку въ жидкій водородъ и оставить ее тамъ достаточно долго, чтобы она успѣла принять 20°,5 абсолютной, школы первоначально желтый твердый фторъ становится бѣлымъ. Подобная перемѣна цвѣта свойственна, какъ извѣстно, хлору, брому и сѣрѣ: они и многія другія тѣла теряютъ при низкихъ температурахъ свою окраску и становятся бѣлыми. Если наполненную фторомъ трубку погрузить въ жидкій азотъ, опредѣленное количество газа сгущается, не затвердѣвая. Даже если, уменьшая давленіе, еще болѣе понизить температуру, затвердѣванія фтора не происходитъ, слѣдовательно, можно принять, что еще при —210° онъ остается жидкимъ. Температура плавленія твердаго фтора была сравнена съ таковою для кислорода, и изъ нѣсколькихъ опытовъ была найдена равной 40° абс. или —233° Ц.

Особый интересъ представляли опыты надъ проявленіями химическаго сродства фтора при этихъ низкихъ температурахъ. Въ тонкую стеклянную трубку помѣстили около 40 куб. см. газообразнаго фтора, вполнѣ очищеннаго отъ фтористаго водорода. Въ одномъ концѣ этой трубки фторъ былъ вполнѣ замороженъ, послѣ чего трубку погрузили въ 100 куб. см. жидкаго водорода. Когда она приняла температуру среды, тотъ конецъ ея, гдѣ находился твердый фторъ, былъ сломанъ, и фторъ пришелъ въ соприкосновеніе съ водородомъ. Скоро произошелъ сильный взрывъ съ выдѣленіемъ такого количества теплоты, что вся масса раскалилась, и водородъ воспламенился. Стеклянная трубка и сосудъ съ двойными стѣнками были разбиты взрывомъ въ порошокъ.

Этотъ поразительный опытъ показываетъ, что у столь энергично реагирующихъ тѣлъ, какъ фторъ и водородъ, сродство проявляется даже при очень низкихъ температурахъ, и что при 20° абсолютной школы могутъ еще образоваться химическія соединенія.

Полученіе твердаго фтора является новымъ шагомъ впередъ на пути сгущенія газовъ и перевода ихъ въ твердое состояніе: въ настоящее время гелій остается единственнымъ газомъ, неизвѣстнымъ въ твердомъ состояніи.

II.

О жизнеспособности тканей и клѣтокъ, выдѣленныхъ изъ организма.—Температура и жизнь.—О неорганическихъ слояхъ въ процессѣ питанія.

Смерть организма—рядъ частичныхъ смертей, слѣдующихъ одна за другой черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки. Извѣстно, что различныя ткани обладаютъ различною степенью живучести, однѣ живутъ дольше, чѣмъ другія, будучи отдѣлены отъ живого организма. *Кристіани* изъ Женевы затронулъ этотъ вопросъ въ своей статьѣ, представленной недавно въ біологическое общество. Онъ дѣлалъ опыты надъ щитовидной железой, имѣя въ виду соединить научный интересъ съ практическимъ: въ терапіи приходится прибѣгать довольно часто къ подобнымъ прививкамъ. Кристіани поставилъ себѣ слѣдующій вопросъ: какой промежутокъ времени можно допустить между моментомъ отдѣленія частичекъ ткани для переноса ея и моментомъ положенія ея на новое мѣсто.

Тремъ молодымъ кроликамъ было сдѣлано 18 прививокъ, каждому изъ нихъ по одной прививкѣ въ возможно короткій срокъ отъ—1—2 секундъ. Другія прививки были сдѣланы медленнѣе: частичка железы оставалась на воздухѣ отъ 3—40 секундъ, ранѣе чѣмъ прививалась. Результаты у всѣхъ кроликовъ получались одинаковые: удачными оказались лишь тѣ прививки, при которыхъ прививаемыя частички оставались на воздухѣ не болѣе 10 секундъ, остальныя не удались. Исключеній не было. Обобщать этого, конечно, еще нельзя; можетъ быть, при другихъ условіяхъ температуры и влажности результаты будутъ и иными, но все же авторъ полагаетъ, что жизнь частичекъ, отдѣленныхъ отъ живого организма, можетъ считаться только секундами, равно какъ и способность ихъ прививаться къ новому мѣсту.

Насколько преждевременъ такой выводъ, показываютъ обстоятельные опыты *Габерландта* надъ культурами изолированныхъ растительныхъ клѣтокъ.

Г. Габерландтъ опубликовалъ результаты своихъ опытовъ надъ извлеченіемъ живыхъ клѣтокъ изъ растительныхъ организмовъ и культивированіемъ ихъ изолированно другъ отъ друга, совершенно правильно предполагая, что «результаты такихъ опытовъ культуры должны будутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на тѣ свойства и способности, которыя клѣтка скрываетъ въ себѣ въ качествѣ элементарнаго организма», и что черезъ это взаимныя отношенія и вліянія, которымъ клѣтки подвержены внутри многоклѣточнаго общаго организма, могутъ быть выяснены въ гораздо большей степени, чѣмъ при изученіи клѣтки въ ея клѣточной связи.

Естественно, что для опытовъ этого рода примѣнимы только такія растительныя клѣтки, которыя связаны въ тканяхъ не плотно и, слѣдовательно, легко могутъ отдѣляться другъ отъ друга. Для этой цѣли особенно удобна губчатая ткань, изъ которыхъ построены листья многихъ растеній, въ частности вершинныя листья извѣстнаго губоцвѣтнаго *Lamium purpureum*, листья *Eichhornia crassipes*, плавающаго растенія, происходящаго изъ Южной Америки и часто разводящагося въ бассейнахъ теплицъ, въ ботаническихъ садахъ, листья *Pulmonaria mollis sima*, южно-нѣмецкой родственницы извѣстной меду ницы; далѣе, раздѣленные жгучіе волоски большой крапивы, *Urtica dioeca*, тычиночные волоски *Tradesantia virginica* и рядъ другихъ растительныхъ клѣтокъ.

Изолированіе клѣтокъ выполнялось такимъ образомъ, что маленькіе обрывки листьевъ расщипывались подъ микроскопомъ иголками до тѣхъ поръ, пока въ питательномъ растворѣ, въ которомъ производилась операція, содержались лишь отдѣльныя, не связанныя клѣтки. Изолированныя клѣтки листовой ткани, паллисадныя и губчато-паренхимныя, культивировавшіяся сначала въ висящей каплѣ, переносились затѣмъ посредствомъ стеклянной трубки, вытянутой въ капилляръ (пипетки), въ стеклянную чашечку, содержавшую около 10-ти кубическихъ сантиметровъ питательнаго раствора. Когда работали съ необходимою осторожностью, иглы, предметныя стекла и т. д. передъ употребленіемъ постоянно прокаливались, то можно было, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое число культуръ сохранять чистыми относительно долго.

Какъ питательные растворы, примѣнялись: кноповскій питательный растворъ съ прибавленіемъ или безъ прибавленія тростниковаго, виноградnаго сахара, глицерина, пептона, аспарагина въ перемѣнной концентраціи, также чистая вода и 1—5-процентный растворъ тростниковаго сахара.

При данныхъ условіяхъ можно было сохранять живыми содержащія хлорофилъ клѣтки въ теченіе многихъ дней. Въ кноповскомъ питательномъ растворѣ, слѣдовательно, питаясь только неорганическими веществами, клѣтки оставались живыми иногда впродолженіи трехъ недѣль, въ растворахъ, содержащихъ сахаръ (1% тростниковаго сахара), еще дольше. Въ темнотѣ клѣтки отмирали большею частью уже послѣ 4—6 дней. Также и здѣсь небольшое прибавленіе тростниковаго сахара удлиняло продолжительность жизни на нѣсколько дней. Хлорофильныя зерна ассимилировали очень энергично. Поразительно, что содержащія хлорофилъ клѣтки въ кноповскомъ питательномъ растворѣ постепенно уменьшаются, блѣднѣютъ и, наконецъ, превращаются въ маленькіе безцвѣтные лейкопласты. Въ слабомъ растворѣ сахара (1%) они, хотя и уменьшались, но оставались зелеными, напротивъ, при болѣе сильной концентраціи (3—5% тростниковаго сахара) они совершенно не измѣнялись въ величинѣ, сохранялся также и цвѣтъ. При этомъ было безразлично, содержались ли клѣтки на свѣту или въ темнотѣ.

Это различное поведеніе хлоропластовъ хорошо объясняется тѣмъ, «что хлорофильныя зерна изолированныхъ клѣтокъ, если они представлены только ихъ собственно ассимиляціонной дѣятельности, не могутъ оставаться неизмѣненными, но должны постепенно хилѣть». Медленное отмираніе сводится къ тому, что хлоропласты отдаютъ всѣ свои ассимиляціонные продукты остальнымъ клѣточнымъ органамъ, которые, вслѣдствіе этого, растутъ на счетъ своихъ кормильцевъ. Когда же хлорофильныя зерна, благодаря притоку сахара, получаютъ подкрѣпленіе въ ихъ дѣятельности питанія, то они уже способны сохраняться.

Съ продолженіемъ дѣятельности питанія соединялся большею частію болѣе или менѣе рѣзкій ростъ изолированныхъ клѣтокъ. Объемъ клѣтокъ, проявлявшихъ по большей части тенденцію округляться и приближаться къ шаровой формѣ, увеличивался въ отдѣльныхъ случаяхъ въ 11 разъ сравнительно съ первоначальнымъ.

Одновременно съ увеличеніемъ изолированныхъ клѣтокъ, слѣдовательно при плоскостномъ ростѣ клѣточныхъ оболочекъ, Гиберландтъ наблюдалъ ростъ стѣнокъ и въ толщину; клѣточныя стѣнки достигали въ отдѣльныхъ случаяхъ двойной толщины сравнительно съ первоначальной. Часто появлялись мѣстныя подушкообразныя утолщенія оболочки. Давленіе воды внутри клѣтокъ также возростало съ ростомъ изолированныхъ клѣтокъ и было больше, чѣмъ въ нормальныхъ клѣткахъ, находящихся въ тканяхъ.

Когда клѣтки были готовы отмирать, то плазматическій мѣшокъ, сдѣлавшійся очень тонкимъ, начиналъ постоянно обнаруживать неправильныя острыя складки, во многихъ мѣстахъ отставалъ отъ клѣточной стѣнки и внѣдрялся довольно глубоко внутрь клѣтки. Это образованіе складокъ основывается, повидимому, на самостоятельномъ плоскостномъ ростѣ плазматическаго мѣшка, что, естественно, должно повести къ образованію складокъ, такъ какъ клѣточная стѣнка уже потеряла способность къ плоскостному росту.

Замѣчательно, что ни въ одной клѣточной культурѣ, несмотря на поразительный ростъ изолированныхъ клѣтокъ, ни разу нельзя было наблюдать дѣленій клѣтокъ. Можетъ быть дальнѣйшіе опыты выяснятъ тѣ условія, при которыхъ изолированныя подобнымъ образомъ клѣтки приступаютъ къ дѣленію.

В.. А. Сетчелль опубликовалъ въ журналѣ «Science» результаты своихъ наблюденій надъ организмами, живущими въ теплыхъ водахъ Соединенныхъ Штатовъ. Сетчелль вполнѣ основательно говоритъ, что въ наблюденіяхъ этого рода сдѣлано много ошибокъ. Очень часто довольствовались поверхностнымъ изученіемъ температуры наблюдаемыхъ водъ и, взявъ температуру одной какой-либо точки, дѣлали выводъ, что такова же температура и во всѣхъ остальныхъ пунктахъ, между тѣмъ какъ въ горячемъ источникѣ температура можетъ быть значительно выше въ центрѣ, чѣмъ по краямъ, и часто наблюдается разница отъ 10° — 15° въ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга не болѣе, какъ на нѣсколько сантиметровъ. Потому то Стечелль дѣлаетъ выводы только на основаніи тѣхъ наблюденій, гдѣ температура изслѣдовалась на мѣстѣ же. Вотъ его выводы. Замѣтимъ предварительно, что дѣло идетъ о теплыхъ водахъ, имѣющихъ свыше 43° Ц.

1. Теплыя воды, въ строгомъ смыслѣ этого слова, не содержатъ животныхъ.

2. Они не содержатъ также живыхъ діатомей. Встрѣчаются раковинки мертвыхъ діатомей, живыхъ же не бываетъ.

3. Теплыя воды содержатъ только бактерій (cyanophyceae).

4. Бактеріи встрѣчаются въ водахъ, имѣющихъ до 65°, 68° и даже 75° и 77° по Ц.

5. Шизомицеты, лишенные хлорофила, или бактеріи живутъ до 70°, 71° и встрѣчаются еще при 82° и 89° Ц.

6. Въ кремнистыхъ водахъ встрѣчены живые организмы при болѣе высокой температурѣ, чѣмъ въ известковыхъ водахъ. А именно: въ кремнистыхъ водахъ жизнь встрѣчается при 75° и 77° для организмовъ съ хлорофилломъ и при 89° для организмовъ, лишенныхъ его; въ известковыхъ же для первыхъ граница будетъ 60° и 63°, для вторыхъ 70° или 71° по Ц.

Въ теплыхъ источникахъ съ чисто кислой реакціей не встрѣчается организмовъ, но это еще требуетъ подтвержденія. Во всякомъ случаѣ, въ сѣрнокислой водѣ жизни нѣтъ.

Шизофиты теплыхъ водъ, волокнистые или одноклѣточные, окружены всегда студнемъ. Хлорофильныя формы почти всѣ принадлежатъ исключительно къ тепловоднымъ; формы, лишенныя хлорофилла, всѣ волокнисты и принадлежатъ къ низшимъ формамъ.

Сетчель задаетъ себѣ вопросъ, какова природа протоплазмы организмовъ, живущихъ въ теплыхъ водахъ. Почему она переноситъ безвредно температуру, которая убиваетъ протоплазму другихъ организмовъ? Не по тому ли, что она безводна? Неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, вода не отсутствуетъ въ ней совершенно, такъ какъ клѣтки эти могутъ все же уплотняться.

Одно можно утверждать, что строеніе клѣтки шизофитовъ представляетъ

нѣкоторыя особенности, напр. она менѣе дифференцирована. Здѣсь еще широкое поле для изслѣдованій.

Въ физіологіи и въ терапіи очень интересуются сложными органическими веществами, которыя мы вводимъ въ нашъ организмъ подъ видомъ пищи, и относительно очень мало обращаютъ вниманія на неорганическія соли, между тѣмъ какъ послѣднія не только полезны, но даже необходимы для питанія. Въ зависимости отъ возраста организмъ нашъ нуждается въ нихъ въ различной степени: больше всего ихъ надо ребенку. Обычная пища отвѣчаетъ обыкновенно этой потребности. Литръ коровьяго молока содержитъ 17 дециграммовъ извести, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ известковая вода, которая содержитъ ея всего 13 дгр. въ литрѣ, а мясо, составляющее пищу взрослаго, содержитъ приблизительно десятую часть того количества, что мы находимъ въ молокѣ. Коровье молоко богаче женскаго известью, такъ какъ ростъ теленка идетъ быстрѣе, чѣмъ ростъ ребенка. Обыкновенно къ своей пищѣ мы прибавляемъ одну только соль—поваренную (хлористый натрій). По теоріи же мы не нуждаемся въ ней, питаясь животной пищей. Мы животныя хищныя или почти таковыя, а хищныя животныя въ естественныхъ условіяхъ жизни не прибавляютъ соли къ своей пищѣ; только травоядныя имѣютъ эту привычку. Кошка и собака отворачиваются отъ пересоленныхъ кушаній; жвачныя въ дикомъ состояніи съ удовольствіемъ лижутъ встрѣтившуюся имъ соль; охотники пользуются солью, какъ приманкой. Вегетаріанцы употребляютъ очень много соли; вѣроятно они чувствуютъ потребность въ натріи какъ противовѣсъ калію, который имъ приходится поглощать въ громадномъ количествѣ вмѣстѣ съ растительной пищей. Дикія племена зачастую вели войны изъ-за поваренной соли, а жалованье римскимъ солдатамъ выдавалось частью солью. Мунго Паркъ говоритъ, что у африканскихъ племенъ, живущихъ далеко отъ морского берега, ребятишки лижутъ соль съ такимъ же удовольствіемъ, какъ наши ѣдятъ сахаръ. Вообще можно сказать, что при растительной пищѣ повышается употребленіе соли. За неимѣніемъ соли нѣкоторыя племена замѣняютъ ее золою, которая какъ извѣстно, содержитъ поташъ. Въ Европѣ рабочіе классы питаются по преимуществу растительною пищею, т.-е. богатою хлористымъ каліемъ. Картофель, горохъ, бобы богаты каліемъ и бѣдны натріемъ, а кая пища вредно дѣйствуетъ на почки. При смѣшанномъ режимѣ, т.-е. при употребленіи мяса и хлѣба, безъ прибавленія поваренной соли, выдѣленіе щелочей доходитъ до 6—8 граммъ въ сутки. Если же въ пищѣ преобладаетъ картофель, то количество выдѣляемыхъ организмомъ солей можетъ дойти до 100 граммъ въ сутки. Интересно, что при употребленіи риса въ видѣ основного пищевого продукта выдѣленіе солей опускается до 2 граммъ (замѣтимъ кстати, что рисъ можно рекомендовать при нѣкоторыхъ почечныхъ заболѣваніяхъ).

Слѣдовало бы вообще заняться изученіемъ роли минеральныхъ солей въ питаніи организма; полученныя научныя свѣдѣнія могли бы найти практическое примѣненіе въ жизни.

В. Агафоновъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Октябрь. 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Публицистика.—Исторія всеобщая и русская.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Подъячевъ. „Мытарства".—*И. Гриневская.* „Бабъ. Драматическая поэма".—*Боденштедтъ.* „Пѣсни Мирзы-Шаффи".—*Всеволодъ Гаршинъ.* „Разсказы".

С. Подъячевъ. Мытарства. Очерки московскаго работнаго дома. Изд. В. Раппа и В. Потапова. Харьковъ, 1903, 143 стр. Ц. 25 к. Появленіе «Мытарствъ» г. Подъячева, печатавшихся ранѣе въ «Русскомъ Богатствѣ», отдѣльнымъ изданіемъ нельзя назвать лишнимъ. Не потому, что «Очерки» блещутъ какими-либо особыми художественными достоинствами: это скорѣе фотографическій снимокъ, правда, очень удачный, сдѣланный искусною рукою, чѣмъ творческое созданіе; но именно эта точность и правдивость снимка, говорящія сами за себя, дѣлаютъ книжку г. Подъячева полезной и цѣнной, тѣмъ болѣе, что отдѣльныя фигуры и частности общаго фона подобраны и выдвинуты типично, живо, характерно, и облечено все это въ форму вполнѣ литературную. Интересъ къ босякамъ и золоторотцамъ, возбужденный въ читающей публикѣ произведеніями Максима Горькаго, найдетъ для себя новый матеріалъ въ «Мытарствахъ», матеріалъ тѣмъ болѣе, можетъ быть, любопытный, что онъ не окутанъ романической, «геройской» дымкой. Персонажи г. Горькаго прежде всего *герои*; г. Подъячевъ рисуетъ босяцкую *толпу*, если и выдѣляя изъ общей массы ту или иную фигуру, то лишь внѣшнимъ, даже, пожалуй, слишкомъ внѣшнимъ образомъ; индивидуальной золоторотческой психологіи вы у него не найдете; но зато мытарства, измывательства, страданія, претерпѣваемыя «золотой ротой» въ массѣ, изображены подчасъ достаточно рельефно; таковы, напримѣръ, сцены въ Ляпинскомъ ночлежномъ домѣ (стр. 15—20), у дверей Юсуповскаго работнаго дома (28—31), въ самомъ домѣ—въ спальнѣ и столовой; раздача хлѣба и мяса (стр. 83—6),—и за эти сцены можно сказать спасибо г. Подъячеву, съумѣвшему изъ-за личныхъ страданій разсказчика увидѣть, понять и гуманнымъ перомъ нарисовать эти картинки. Ни капли не идеализируя дѣйствующихъ лицъ своихъ «Очерковъ», авторъ никогда не забываетъ о томъ, что это все же люди, несчастные, оплеванные, озвѣрѣлые, но все же люди, не потерявшіе своего человѣческаго облика. Авторъ пытается на отдѣльныхъ лицахъ подробнѣе доказать эту мысль; но попытки эти врядъ ли можно назвать удачными: либо положенія и лица берутся слишкомъ исключительныя, какъ, напр., «звенигородскій мѣщанинъ», крестьянствовавшій въ деревнѣ, но говорящій литературнымъ, образнымъ языкомъ, какому позавидовалъ бы не одинъ интелигентъ; или же обрисованы эти лица

слишкомъ поверхностно и бѣгло. Психологіи толпы слишкомъ мало у г. Подъячева; зато, пожалуй, слишкомъ много занимаетъ мѣста личная психологія разсказчика, очень наивная и однообразная, что, въ концѣ концовъ, утомляетъ и производитъ впечатлѣніе чего-то пристегнутаго и ненужнаго.

Къ какимъ выводамъ приводитъ чтеніе книжки г. Подъячева, какой матеріалъ даетъ она общественной мысли,—подробно разбираться въ этомъ не дѣло рецензента. Отмѣтимъ только, что самъ г. Подъячевъ выводовъ не дѣлаетъ, такъ какъ нельзя же назвать «выводомъ» то, что авторъ видитъ причину, столкнувшую всѣхъ обитателей работнаго дома на послѣднюю ступеньку соціальной лѣстницы, «на дно»,—чуть ли не исключительно въ пьянствѣ... Но этакъ, пожалуй, и лучше: вдумчивый читатель самъ сдѣлаетъ нужные выводы. *А. Э.*

Бабъ, драматическая поэма изъ исторіи Персіи въ 5 дѣйств. и 6 карт. Изабеллы Гриневской. Спб. 1903 г. Въ общественной и религіозной жизни Персіи второй половины прошедшаго вѣка огромную роль сыграло движеніе, извѣстное подъ названіемъ бабизма, по прозвищу «Бабъ», которое принялъ его основатель, Али-Мохамедъ, и которое значитъ «дверь», т. е. подразумѣвается дверь истины. Ученіе Баба, полное возвышенной морали, проповѣдывавшее освобожденіе персидской женщины отъ лежавшаго на ней гнета позорнаго рабства, братскую любовь людей между собой, уничтоженіе кровавой мести, всепрощеніе и т. п. добродѣтели, стремившееся основать государство на теократическо-соціально-демократическихъ началахъ и энергически возставшее противъ многихъ язвъ, укоренившихся въ персидскомъ государственномъ тѣлѣ—нашло себѣ многихъ послѣдователей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно благодаря безпорядкамъ, вызваннымъ этимъ движеніемъ, вызвало сильныя и жестокія движенія персидскаго правительства. Основатель секты поплатился жизнью за свою благородную дѣятельность: онъ былъ казненъ въ 1849 году; но созданная имъ секта живетъ до сихъ поръ, неутомимо практикуя высокіе завѣты своего главы и учителя и, какъ еще очень недавно сообщили газеты, терпя гоненія, доходящія иногда до безумной свирѣпости.

Эти знаменательныя страницы изъ исторіи Персіи послужили г-жѣ Гриневской темою для ея «драматической поэмы», написанной вольнымъ, такъ называемымъ грибоѣдовскимъ стихомъ и прослѣдившей всю реформаціонную карьеру Баба, отъ выступленія его на это поприще до смерти. Авторъ, какъ видно, добросовѣстно изучилъ нѣсколько русскихъ и иностранныхъ источниковъ, и если дѣлаетъ отступленія отъ историческихъ фактовъ, то только тѣ, которыя вполнѣ позволительны въ историческомъ романѣ или исторической драмѣ, образцомъ которыхъ могутъ служить, напримѣръ, невѣрности, допущенныя Шиллеромъ въ его историческихъ трагедіяхъ, или—въ еще большей степени—Гёте въ его «Эгмонтѣ». Такъ напримѣръ, авторомъ ошибочно передано имя героини—Курретъ-Аль-Айнъ, а не Хуретъ-Аль-Айкъ; эта Курретъ была дочерью казвинскаго муджтехида, а не ширазскаго,—слѣдовательно, она жила въ сѣверной, а не въ южной Персіи, какъ представлено въ драмѣ; по преданію Курретъ была влюблена въ одного изъ учениковъ Баба, а не въ него самого, какъ въ пьесѣ г-жи Гриневской, и т. п. (См. Георгія Батюшкова, «Бабиды, персидская секта», Спб. 1897 г.). Центромъ произведенія г-жи Гриневской служитъ конечно самъ Бабъ; главные пункты его ученія изложены обстоятельно и поэтично въ рѣчахъ, съ которыми онъ обращается къ своимъ послѣдователямъ и своимъ противникамъ; къ этой основѣ присоединена часть романическая—взаимная любовь Баба и Хуретъ, любовь, оканчивающаяся ихъ разлукой вслѣдствіе противодѣйствія отца молодой дѣвушки, но разлукой только какъ любящей четы, какъ женнха и невѣсты: Бабъ становится реформаторомъ-проповѣдникомъ, Хуретъ — его горячей послѣдова-

тельницей и распространительницей его ученія. Обстановку этого центральнаго дѣйствія составляютъ народныя сцены, написанныя живо и съ соблюденіемъ мѣстнаго колорита. Стихъ г-жи Гриневской легкій и плавный; есть мѣста—особенно лирическія—безусловно хорошія. Благопріятное впечатлѣніе, производимое этою пьесой въ цѣломъ, къ сожалѣнію нарушается то тутъ, то тамъ отдѣльными погрѣшностями противъ стихосложенія, даже противъ русскаго языка (въ удареніахъ словъ), излишними повтореніями однихъ и тѣхъ же словъ и оборотовъ не для усиленія рѣчи, а для размѣра (чего было бы очень легко избѣжать при «вольномъ» размѣрѣ, которымъ написана вся драма), употребленіемъ рифмъ въ двойномъ, тройномъ и даже четверномъ количествѣ (напр. милъ, лилъ, отвратилъ, училъ, растилъ, или, на разстояніи двухъ десятковъ строкъ—ферраха, шаха, Аллаха, шаха, плаха, шаха, плаха, шаха, аллаху, страха и т. п.), наконецъ, такими неловкостями, какъ, напр. стихи:

„Прости, о, Боже,
Всѣхъ строже
Меня ты накажи!
Тутъ у межи
Міровъ двухъ я стою въ тоскѣ“.

Или:

„Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха,
Что Магометъ его пророкъ,
Что Али его вали...“

Но это недостатки, которые автору, при его умѣньи владѣть стихомъ, будетъ легко исправить (ради чего мы и указываемъ на нихъ) и которые съ избыткомъ покрываются многими достоинствами какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Недостаткомъ надо признать и излишнюю растянутость въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ—растянутость, ослабляющую, особенно въ лирическихъ мѣстахъ, силу впечатлѣнія и устраненіе которой необходимо вообще, главнымъ же образомъ въ томъ случаѣ, если пьеса появится на сценѣ.

Сценическое исполненіе ея вполнѣ желательно. Сцена не только у насъ, но и всюду въ Европѣ, давно перестала быть тою «трибуною», которою признавали ее Сервантесъ, Шиллеръ, Гюго и на которой они со своими произведеніями являлись глашатаями высокихъ началъ въ области политической, соціальной, вообще моральной. А между тѣмъ въ наше скверное время имѣть такой характеръ сценѣ, хотя отчасти, совсѣмъ не мѣшаетъ, даже, пожалуй, необходимо. Произведеніе г-жи Гриневской, независимо отъ его чисто литературнаго значенія и сценической живости, именно «трибунное». Мысли, высказываемыя главнымъ дѣйствующимъ лицомъ пьесы и вообще проходящія по ней красною нитью, будучи произносимы со сцены, несомнѣнно должны производить на зрителя облагораживающее и «подъемное» дѣйствіе.

Петръ Вейнбергъ.

Ф. Боденштедтъ. Пѣсни Мирзы-Шаффи. Перевелъ съ 160-го нѣмецкаго изданія И. С. Проданъ. 1 выпускъ. Юрьевъ. 1903 г. Небезполезно отмѣтить первый же выпускъ этого «литературнаго» предпріятія, характеръ котораго совершенно ясенъ. Уже предисловіе, написанное довольно развязно и довольно нелитературно и снабженное цитатами изъ перевода, заставляетъ предчувствовать, что «Пѣсни Мирзы-Шаффи», мало у насъ извѣстныя и то, какъ говоритъ г. Проданъ, «въ переводахъ по большей части очень слабыхъ и неточныхъ», врядъ ли много выиграютъ съ появленіемъ ихъ полнаго изданія въ новомъ переводѣ. Послѣдній, дѣйствительно, слабъ и неточенъ въ высшей степени, хотя переводчикъ увѣренъ въ противномъ и указываетъ страницы и №№ нѣмецкаго изданія—«для сличенія». Эта увѣренность не мѣшаетъ ему уже къ

первому стихотворенію сдѣлать примѣчаніе: «Первый и послѣдній стихъ нѣсколько измѣнены, согласно съ условіями русской жизни». Врядъ ли можно принципіально согласиться съ такимъ пріемомъ; здѣсь же онъ пущенъ въ ходъ такимъ образомъ: стихотвореніе начинается словами:

Höre was der Volksmund spricht...

Ихъ понадобилось такъ примѣнить къ условіямъ русской жизни:

Написано въ думѣ на кафельной печкѣ.

Послѣдніе два стиха:

Und doch singt Mirza-Schaffy:
Wer da lügt, muss Prügel haben

«примѣнены» слѣдующимъ образомъ:

А я приписалъ тамъ: „тотъ долженъ
Быть битымъ, кто лжетъ иль безгласенъ какъ печка!“ (Стр. 3).

Въ другихъ выноскахъ сообщается, что 2-е стихотвореніе «переведено строфами *съ прибавленіемъ трехъ послѣднихъ стиховъ*» (стр. 4); стихотвореніе № 7 (перваго отдѣла) есть «*свободная передѣлка* подлинника, *соотвѣтная* (sic) русскому стихосложенію» (стр. 10); въ № 23 «двустишія подлинника переданы четырехстишіями» (стр. 22).

Это все «вольности», такъ сказать, санкціонированныя самимъ переводчикомъ. Между тѣмъ, ими пестритъ вся брошюра. Не говоря уже объ искаженіи размѣровъ подлинника, о перестановкѣ отдѣльныхъ стиховъ и даже строфъ, о передачѣ цѣлой строфой двухъ-трехъ стиховъ подлинника, г. Проданъ до такой степени не стѣсняется дѣлать вставки «отъ себя», что иногда онѣ обширнѣе мѣстъ, взятыхъ изъ Боденштедта (напр., на стр. 38—39). Цитовать сполна было бы трудно. Вотъ примѣры отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ фразъ: «соловей-лѣнтяй», «пукъ кудрей—грача чернѣй», «эѳиръ дыханій», «зулейка-душка, «красотка» и рѣзвушка»; еще: «звѣздъ призванье—съ тобою знаться, перемигаться», «сердца муки—пѣвцы и слуги къ твоей услугѣ» и т. д. (Страницы, особенно бросающіяся въ глаза: 2, 3, 10, 11, 14, 27, 35, 38—39).

Такими прикрасами, конечно, опошливаются и обезцвѣчиваются пѣсни Мирзы-Шаффи. Къ этому нужно прибавить, что переводчикъ плохо владѣетъ стихомъ и риѳмой и даже—языкомъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень высокаго мнѣнія какъ о своей задачѣ, такъ и о ея выполненіи: эти пѣсни особенно важны для насъ тѣмъ, что онѣ «зародились на русской землѣ, на рубежѣ Европы и Азіи, гдѣ западъ просвѣщенный и неугомонный съ мудрымъ и покойнымъ востокомъ другъ другу подали руки для плодотворнаго сліянія двухъ разновременныхъ культуръ... Настоящій переводъ возвратитъ Россіи, что изъ нея извлекъ талантливый Боденштедтъ» (стр. V—VI). Послѣднія цитаты даютъ ясное представленіе и о прозаическомъ языкѣ и о всемъ «стилѣ» г-на Продана.

Можно держаться различныхъ мнѣній о достоинствахъ поэзіи Боденштедта, но, во всякомъ случаѣ, переводчикъ Пушкина и Лермонтова не заслуживаетъ такого безцеремоннаго отношенія. *Ю. Верховскій.*

Всеволодъ Гаршинъ. Разсказы. Изд. 9-ое. Изд. литературнаго фонда. Спб. 1903 г. Стр. 527. Цѣна 2 р. Новое изданіе сочиненій В. М. Гаршина въ одномъ томѣ заключаетъ все то, что раньше печаталось въ трехъ книжкахъ, а именно: разсказы, фельетоны, стихотворенія, а также «свѣдѣнія о жизни» безвременно погибшаго писателя, составленныя г. Скабичевскимъ, главнымъ образомъ, на основаніи сборниковъ «Красный цвѣтокъ» и «Памяти Гаршина». Мысль издать въ одномъ томѣ небольшое по объему, но очень цѣнное по содержанію литературное наслѣдство, оставленное намъ Гаршинымъ,—очень счастливая мысль. Но было бы еще лучше, если бы литературный фондъ, вмѣстѣ съ этимъ прекраснымъ, но нѣсколько дорогимъ изданіемъ,

нашелъ возможнымъ выпустить и дешевое изданіе сочиненій Гаршина. Въ это изданіе могли бы войти одни только разсказы съ краткимъ біографическимъ очеркомъ. Получилась бы въ компактномъ изданіи книжка страницъ въ триста, которая, при цѣнѣ не дороже рубля, несомнѣнно, получила бы широкое распространеніе. Подобное изданіе оказало бы большую услугу и русскому читателю, и памяти одного изъ самыхъ симпатичныхъ и гуманныхъ русскихъ писателей. *С. А.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

И. А. Шляпкинъ. „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина". А. С. Пушкинъ. „Труды и дни.—„Письма Пушкина".—Письма И. С. Тургенева".—Ев. Цабель. „Графъ Л. Н. Толстой".

Проф. И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903. Стр. XV+367. Цѣна 3 р. Счастливый случай доставилъ проф. Шляпкину бумаги П. В. Анненкова, издавшаго въ 1855 году собраніе сочиненій Пушкина. Среди этихъ бумагъ оказалось не мало рукописей, вполнѣ или частью не использованныхъ Анненковымъ и не бывшихъ еще въ печати. Раздѣляя мнѣніе Тургенева, что «каждая строка величайшаго русскаго поэта должна быть дорога всѣмъ его соотечественникамъ», проф. Шляпкинъ рѣшилъ издать доставшіяся ему рукописи и, говоря его словами, «вполнѣ исчерпать драгоцѣнную находку такъ, чтобы въ случаѣ исчезновенія подлинниковъ будущимъ изслѣдователямъ (печатное) изданіе могло бы хотя отчасти замѣнить ихъ».

Въ первомъ отдѣлѣ своей книги проф. Шляпкинъ напечаталъ сохранившіяся въ оригиналахъ Пушкина 23 стихотворенія, частью цѣльныя, частью неоконченныя или представляющія варіанты къ напечатаннымъ стихотвореніямъ. Среди стихотвореній, имѣющихъ вполнѣ законченный видъ, наибольшій интересъ представляютъ обращеніе, относящееся, по всей вѣроятности, къ А. П. Кернъ, обращеніе къ Греціи, изъ котораго до настоящаго времени печаталось только одно четырехстишіе, стихотвореніе на побѣды русскихъ въ Азіи, стихотвореніе, воспѣвающее

Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ,

юмористическая «Женитьба», перебирающая тогдашнихъ невѣстъ, и нѣк. др.

За стихотвореніями слѣдуютъ прозаическіе отрывки и отдѣльныя замѣтки. Особенный интересъ въ этомъ отдѣлѣ представляетъ программа «Исторіи села Горохина», заставляющая лишній разъ пожалѣть, что этотъ прототипъ «Исторіи одного города» остался неоконченнымъ. Между прочимъ, въ программѣ находится такая замѣтка: «Была богатая вольная деревня. Обѣднѣла отъ тиранства. Поправилась при отцѣ. Пришла въ упадокъ отъ нерадѣнія». Отдѣльныя замѣтки представляютъ отрывки или программы статей о Малороссіи, о Пушкиныхъ, объ исторіи русской литературы, о ходѣ цивилизаціи, о французской революціи, о земскомъ судѣ, о разработкѣ русской исторіи и др.

Второй отдѣлъ книги проф. Шляпкина занятъ собственноручными черновыми письмами Пушкина къ разнымъ лицамъ. Всѣ эти письма, числомъ тридцать два относятся къ тридцатымъ годамъ, и болѣе половины этихъ писемъ адресовано гр. Бенкендорфу. Въ нихъ находятся интересные факты для біографіи великаго поэта. Такъ, напримѣръ, въ 1835 году Пушкинъ проситъ объ отпускѣ его въ деревню на три-четыре года, жалуется, что «ни одинъ изъ русскихъ писателей не притѣсненъ болѣе», чѣмъ онъ, указываетъ, что

за четыре года супружеской жизни онъ задолжалъ болѣе 60 т. руб. Особенно интересно письмо, относящееся къ концу 1835 году, гдѣ поэтъ, не останавливаясь передъ клеветой на самого себя, пишетъ, что хотя ремесло журналиста всегда было ему противно, но, чтобы имѣть средства къ жизни въ Петербургѣ, онъ хотѣлъ бы быть издателемъ газеты во всемъ подобной («en tout pareille») «Сѣверной Пчелѣ». Указывая далѣе на нерасположеніе къ нему министра Уварова и предсѣдателя цензурнаго комитета кн. Дондукова-Корсакова, Пушкинъ проситъ Бенкендорфа назначить для его журнала особаго цензора изъ III отдѣленія (см. стр. 113—114).

Особенный интересъ представляетъ самый обширный по объему третій отдѣлъ книги, заключающій до сотни писемъ, обращенныхъ къ Пушкину или имѣющихъ къ нему отношеніе. Эти письма представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для біографіи великаго поэта, такъ какъ знакомятъ насъ съ отношеніями его къ своимъ современникамъ въ тридцатыхъ годахъ. Въ этихъ письмахъ передъ нами проходятъ десятки русскихъ людей, начиная съ родственниковъ и ближайшихъ друзей поэта и кончая невѣдомыми попрошайками. Такъ, напримѣръ, жена Карамзина поздравляетъ поэта съ женитьбой и выражаетъ надежду, что жизнь его станетъ тихой и спокойной на столько же, на сколько раньше она была бурной и мрачной. Вигель сообщаетъ о сочувствіи къ журнальнымъ предпріятіямъ Пушкина со стороны Уварова и тутъ же набрасываетъ ядовитую характеристику этого человѣка, сдѣлавшагося вскорѣ однимъ изъ злѣйшихъ враговъ поэта. Иванъ Кирѣевскій въ мартѣ 1832 года пишетъ Пушкину: «Не зная, въ какихъ вы отношеніяхъ съ Булгаринымъ, я боялся, чтобы онъ, оклеветавъ меня, не вздумалъ и васъ представить сообщникомъ моего карбонарскаго журнала («Европейца»), и слѣдовательно долженъ стараться, чтобы между нами было какъ можно меньше сношеній публичныхъ или почтовыхъ, что одно» (164). Погодинъ проситъ оказать содѣйствіе, чтобы россійская академія назначила Венелину содержаніе и представила его «къ чину или къ маленькому крестику». Левъ Пушкинъ, исключенный изъ военной службы, взываетъ о помощи: «одно слово Паскевича можетъ перемѣнить всю судьбу мою, а одно слово твое Паскевичу его къ сему расположитъ». Старая знакомая Пушкина по Одессѣ, графиня Воронцова, сыгравшая не малую роль въ его насильственномъ переселеніи въ псковскую глушь, проситъ поэта о поддержкѣ альманаха въ пользу бѣдныхъ. Денисъ Давыдовъ посылаетъ въ «Современникъ» свои военныя воспоминанія и отпускаетъ гусарскія остроты, не терпимыя печатной бумагой. Французскій посланникъ де-Барантъ проситъ о сообщеніи ему правилъ о литературной собственности въ Россіи и соображеній поэта объ этихъ правилахъ вообще. Либеральный цензоръ Никитенко увѣряетъ Пушкина, что его рука не подымется, чтобы обрѣзать крылья генію. Зато другой цензоръ, Крыловъ, пишетъ поэту: «я не могу убѣдиться ни въ позволительности отмѣчать точками цензурныя исключенія, ни въ томъ, чтобы такія точки могли быть нужны для сбереженія литературнаго достоинства». А третій цензоръ, Корсаковъ, просматривавшій «Капитанскую дочку», дѣлаетъ такой запросъ: «благоволите увѣдомить, существовала ли дѣвица Миронова и дѣйствительно ли она была у покойной императрицы». А тутъ «литературный попрошайка» Никаноръ Ивановъ на семи страницахъ расписываетъ Пушкину свои несчастія («ожесточилъ свое сердце, омрачилъ умъ сомнѣніями, юность запятналъ пороками, ожесточеніемъ и преступленіями»), цитируетъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ и наконецъ проситъ у своего «собрата по скорбной, печальной жизни» денежнаго пособія, «не превышающаго 550 рублей». И т. д. и т. д.

Крайне интересны также письма Осиповой и Павлищева, женатаго на сестрѣ Пушкина. Письма Осиповой проникнуты самой сердечной, чисто-мате-

ринской любовью и заботливостью о Пушкинѣ. Въ одномъ письмѣ она называетъ его «милымъ сыномъ своего сердца» и далѣе говоритъ: «если бы моя бумага представляла необъятное небо, а чернила—море, и тогда бы мнѣ не хватило достаточно мѣста, чтобы выразить вамъ мою дружбу». Интересны также письма Осиповой съ сужденіями ея о современныхъ вопросахъ. «Вы правы,—пишетъ она Пушкину о военныхъ поселеніяхъ—,говоря, что они ненужны. Но пока бравый Николай будетъ держаться военщины въ правленіи,—все пойдетъ изъ огня да въ полымя—вѣроятно, онъ не читалъ внимательно или и вовсе не читалъ исторію византійской имперіи Сегюра и кой-кого другого, кто писалъ о причинахъ паденія восточной римской имперіи». Въ другомъ письмѣ Осипова даетъ такой отзывъ о дворянскихъ выборахъ въ Псковѣ: «Если вы утомились отъ литературныхъ и политическихъ новостей, то мнѣ еще болѣе надоѣли глупые выборы. Правда, наше дворянство еще напоминаетъ вандаловъ, въ полномъ смыслѣ этого слова». Подобныя сужденія, повѣряемыя почтѣ, даютъ намъ представленіе о той политической атмосферѣ, которая окружала Пушкина въ Тригорскомъ въ срединѣ двадцатыхъ годовъ.

Совершенно въ другомъ родѣ письма Павлищева. Зять Пушкина жалуется, что, благодаря расточительности Льва Сергѣевича и нераспорядительности Сергѣя Львовича, онъ три года не получаетъ никакого пособія, и требуетъ выдѣла женниной доли, хотя бы для этого пришлось продать столь дорогое поэту село Михайловское. Въ одномъ изъ этихъ писемъ находится такая фраза о крѣпостныхъ крестьянахъ: «благо ихъ не въ вольности, но въ хорошемъ хлѣбѣ». Едва ли можно сомнѣваться, что эта фраза была противопоставлена мнѣнію Пушкина, думавшаго какъ разъ наоборотъ. Особенно много въ письмахъ Павлищева свѣдѣній объ экономическомъ состояніи села Михайловскаго.

Въ приложеніяхъ въ книгѣ проф. Шляпкина напечатаны документы о Ганнибалахъ по рукописямъ псковскаго археологическаго музея (рескрипты Екатерины II), біографія Абрама Ганнибала, составленная однимъ изъ его сыновей (по предположенію проф. Шляпкина) и использованная Пушкинымъ въ «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ» и въ «Арапѣ Петра Великаго»; старыя и новыя свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ лицеѣ (отзывы преподавателей и гувернеровъ) и пр. Вообще книга проф. Шляпкина представляетъ крайне цѣнный вкладъ въ русскую литературу о Пушкинѣ. Цѣнность этого вклада увеличивается еще болѣе подробными примѣчаніями, которыми снабжены напечатанныя въ книгѣ стихотворенія, замѣтки и письма. Издана книга очень хорошо. Къ ней приложенъ портретъ Пушкина, семь факсимиле и подробный указатель собственныхъ именъ. *С. Ашевскій.*

А. С. Пушкинъ. Труды и дни. Хронологическія данныя, собранныя Николаемъ Лернеромъ. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1903 г.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ «Скорпіонъ». Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Москва, 1903 г. По своимъ задачамъ книга г. Н. Лернера не представляетъ чего-либо новаго. П. И. Бартеневъ, Л. Майковъ, В. Якушкинъ много потрудились надъ изслѣдованіемъ творчества Пушкина, и собранныя ими хронологическія данныя несомнѣнно послужатъ однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для будущаго біографа поэта. Однако, изслѣдованія ихъ не исчерпываютъ вполнѣ всѣхъ пушкинскихъ матеріаловъ, какъ не исчерпываетъ ихъ и выдержавшая три изданія (послѣднее въ 1899 г.) «Хронологическая канва» Я. Грота, послужившая образцомъ для г. Н. Ленера. Послѣдній пересмотрѣлъ и провѣрилъ по первоисточникамъ данныя, сообщаемыя Я. Гротомъ, исправилъ многія изъ неточностей, вкравшихся въ его трудъ и пополнилъ его многими цѣнными свѣдѣніями. Имъ не остались неиспользованными и новинки пуш-

кинской юбилейной литературы: труды Гастфрейнда (Пушкинъ. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ». Спб. 1900), Леонида Майкова («Сочиненія Пушкина». Изданіе Императорской академіи наукъ. Спб. 1899), И. А. Шляпкина («1799—1899 г. Къ біографіи А. С. Пушкина» Спб. 1899 г.); не забыты также капитальныя и совершенно необходимыя для изученія жизни и творчества Пушкина изданія: «Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ» (изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб. 1899 г.) и замѣчательная работа Н. Барсукова («жизнь и труды М. П. Погодина». Спб. 1888—1901 г.). Благодаря такому исчерпывающему знакомству съ источниками и тщательному пересмотру хронологическихъ данныхъ, трудъ г. Лернера выгодно отличается отъ устарѣвшей, уже упомянутой «Канвы» Я. Грота и, несомнѣнно, займетъ видное мѣсто среди другихъ изслѣдованій о Пушкинѣ и его жизни.

Книга г. В. Брюсова интересна въ другомъ отношеніи: она даетъ кое-что новое, не появлявшееся ранѣе въ печати. Въ ней впервые помѣщены семь, до сихъ поръ неизвѣстныхъ писемъ и записокъ Пушкина: письмо къ кн. П. А. Вяземскому, относящееся, по догадкѣ В. Брюсова, къ 1823 г. и содержащее въ себѣ стихотвореніе «Христосъ Воскресе» и четыре эпиграммы, уже извѣстныя по другимъ источникамъ; къ С. А. Соболевскому отъ 1827 г. и къ нему же отъ 1828 г.; къ М. П. Погодину отъ 1830 г., къ А. И. Мордвинову отъ 1834 г., къ нему же отъ 1833 г. и къ неизвѣстному лицу отъ неизвѣстнаго года (на французскомъ языкѣ). Кромѣ того, въ два письма Пушкина (къ М. П. Погодину отъ 1830 г. изъ Болдина и къ виконту д'Аршіаку въ день дуэли) внесены существенныя поправки по копіи и подлиннику и два письма (къ А. А. Муханову отъ 1827 г. и къ В. И. Григоровичу отъ 1834 г.) печатаются лишь во второй разъ (впервые—въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», издаваемыхъ «Скорпіономъ», за 1901 и 1902 гг.). Въ остальномъ содержаніе труда В. Брюсова не ново и пріобрѣтаетъ цѣнность только благодаря подробнымъ и основаннымъ на провѣренныхъ данныхъ примѣчаніямъ редактора. Въ сборникъ вошли: оффиціальныя прошенія и расписки Пушкина, хранящіяся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и отчасти уже использованныя Л. И. Поливановымъ («Русская Старина» 1887 г.), и Н. А. Гастфрейндомъ («Пушкинъ» Спб. 1900 г.); оффиціальныя письма и бумаги къ Пушкину на русскомъ и французскомъ языкѣ отъ бар. Б. А. фонъ-Адеркаса, гр. И. И. Дибича, А. Х. Бенкендорфа, А. И. Мордвинова, гр. А. И. Чернышева, Б. В. Дуббельта и др. за періодъ времени съ 1826 по 1834 г., напечатанныя въ большинствѣ случаевъ непосредственно съ подлинника (о перепискѣ Пушкина съ Бенкендорфомъ см. П. В. Анненковъ. «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи» Спб. 1873 г., его же: «А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху», Спб. 1884 г., М. М. Поповъ. «А. С. Пушкинъ». «Русская Старина»: «1874, т. X, М. И. Сухомлиновъ» «Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина» «Историческій Вѣстникъ» 1884 г., № 1); частныя письма (двадцать два письма) къ Пушкину разныхъ лицъ, касающіяся, главнымъ образомъ, литературныхъ вопросовъ, и, наконецъ, напечатанныя съ автографовъ: отрывокъ изъ «Русалки» (впервые — въ «Русской Старинѣ» 1865 г.), программа Дубровскаго и примѣчанія къ «Евгенію Онѣгину». Кромѣ сего, сборникъ г. В. Брюсова снабженъ приложеніями послѣ текста, гдѣ помѣщены поправки и дополнительныя примѣчанія, сдѣланныя во время печатанія книги, и использованы данныя, собранныя И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб. 1903 г.), алфавитнымъ указателемъ, четырьмя fac-simile и пятью рисунками Пушкина. Бумаги, служившія г. В. Брюсову источниками находятся нынѣ въ распоряженіи В. И. Саитова.

Б. С.

Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечкинымъ. Одесса. 1903. Стр. 61. Цѣна 70 к. Одесская городская публичная библіотека нашла воз-

можность опубликовать нѣкоторые изъ своихъ рукописныхъ матеріаловъ и на первый разъ издала письма Тургенева къ двумъ русскимъ дамамъ, матери и дочери. Поводомъ къ этой перепискѣ, продолжавшейся около пяти лѣтъ, послужила повѣсть Стечкиной-дочери, представленная на судъ Тургенева, исправленная по его указаніямъ и даже его рукой и наконецъ, благодаря его же стараніямъ, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» подъ заглавіемъ «Варенька Ульмина». Переписка Тургенева съ Стечкиною-матерью касается здоровья ея дочери, лечившейся въ Италіи и получившей черезъ Тургенева деньги. Въ общемъ, вновь опубликованныя письма Тургенева очень бѣдны содержаніемъ. Главный ихъ интересъ заключается въ томъ вниманіи, съ которымъ великій писатель отнесся къ начинающей писательницѣ; но крайне внимательное и услужливое отношеніе Тургенева въ подобныхъ случаяхъ давно извѣстно. Извѣстно также, что Тургеневу нерѣдко приходилось жестоко ошибаться насчетъ таланта и литературной будущности своихъ протеже. Съ такого рода ошибкой мы имѣемъ дѣло и въ данномъ случаѣ. «У васъ талантъ несомнѣнный, оригинальный, живой и даже поэтическій», «у васъ несомнѣнный даръ психологическаго анализа», «изъ васъ можетъ выйти писатель очень крупный; у васъ на то всѣ данныя»—такого рода заявленія неоднократно встрѣчаются въ письмахъ Тургенева. Но особа, которой были адресованы подобныя аттестаціи, не оправдала предсказаній своего «крестнаго отца», котораго она пережила на семнадцать лѣтъ.

Изъ мелочей, касающихся Тургенева, въ письмахъ его къ Стечкинымъ, можно указать признаніе Льва Толстого «безспорно первымъ русскимъ писателемъ», преклоненіе передъ «замѣчательно вѣрнымъ критическимъ взглядомъ» Анненкова, плохо скрытая радость по поводу почести, оказанной Тургеневу оксфордскимъ университетомъ, протестъ противъ крайностей реализма. Но всѣ эти мнѣнія Тургенева не представляютъ ничего новаго, исключая развѣ только формы, въ которой они выражены. Такъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ Тургенева сказано: «Въ клиникахъ бываютъ такіе факты, что больной возьметъ да откуситъ фельдшеру носъ—что-жъ? и это «взводить въ перлъ созданія?»

С. А.

Евгеній Цабель. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Литературно-біографическій очеркъ. Переводъ съ нѣмецкаго Владиміра Григоровича. Кіевъ 1903 Стр. 180. Цѣна 80 к. Евгеній Цабель, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской литературы въ Германіи, между прочимъ, написалъ небольшую книжку о Львѣ Толстомъ, великолѣпно изданную Лотаромъ въ 1901 году. Въ этой книжкѣ, состоящей изъ шести главъ, сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія, заимствованныя главнымъ образомъ изъ книги Левенфельда, разбираются литературныя произведенія Толстого и наконецъ дается общая характеристика его личности и міросозерцанія. Для русскаго читателя, болѣе или менѣе знакомаго съ жизнью и произведеніями Толстого, книжка Цабеля не представляетъ особеннаго интереса и особенной цѣнности; но за нѣмцевъ можно только порадоваться, что у нихъ есть такъ хорошо написанная и такъ великолѣпно изданная книжка о величайшемъ изъ современныхъ писателей. Конечно, книжка г. Цабеля не свободна отъ недостатковъ. При пересказѣ произведеній Толстого встрѣчаются неточности и даже ошибки. Такъ напримѣръ, въ главѣ, посвященной «Войнѣ и миру», говорится, что Толстой описалъ сраженія при Аустерлицѣ, Фридландѣ (!) и Бородинѣ. Въ изложеніи романа «Анна Каренина» говорится, что Левинъ былъ выбранъ ландмаршаломъ, т.-е. предводителемъ дворянства. Вся послѣдняя глава книжки, посвященная характеристикѣ личности и міросозерцанія Толстого, не можетъ быть признана особенно удачной. Глава эта производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто она составлена изъ отдѣльныхъ замѣтокъ о Толстомъ, написанныхъ въ разное время

и соединенныхъ чисто механически. Тутъ подробно говорится и о педагогическихъ занятіяхъ Толстого, и о его отношеніяхъ къ Тургеневу, подробно пересказывается содержаніе «Крейцеровой сонаты» и «Воскресенія». Менѣе же всего говорится о публицистическихъ и религіозно-нравственныхъ сочиненіяхъ Толстого. Вообще, когда заходитъ рѣчь о міросозерцаніи Толстого, Цабель начинаетъ говорить уклончиво и неопредѣленно. Онъ цитируетъ отзывы Макса Нордау о Толстомъ, какъ объ одномъ изъ представителей «вырожденія», и не дѣлаетъ никакихъ возраженій противъ парадоксальныхъ мнѣній этого публициста. Далѣе уже отъ своего имени Цабель говоритъ объ односторонности и сбивчивости сужденій Толстого и о разрушительномъ и опасномъ вліяніи его ученія на толпу. «Восхваляемое Толстымъ счастье—говоритъ Цабель—лежитъ не на землѣ, а подъ землей, оно не въ борьбѣ и творчествѣ, а въ вѣчномъ снѣ. То, что далъ намъ Толстой, какъ философъ-моралистъ, во многихъ отношеніяхъ сомнительнаго качества; между тѣмъ пониженіе его литературной дѣятельности, безъ всякаго сомнѣнія, является огромной потерей для міра». (стр. 176 перевода). Но рядомъ съ этимъ Цабель не можетъ умолчать о все болѣе и болѣе растущей популярности Толстого, какъ моралиста, въ Россіи и за границей. Въ концѣ концовъ, «десница» и «шуйца» Толстого одинаково сильно поражаютъ нѣмецкаго критика, и онъ не рѣшается открыто сказать, на чьей сторонѣ перевѣсъ.

Не свободна книга Цабеля отъ странностей и курьезовъ. Странно, напримѣръ, читать, что Толстой «вполнѣ понятенъ» только въ крестьянскомъ нарядѣ и непремѣнно тогда, когда съ высоты Кремля «онъ охватываетъ однимъ взглядомъ безконечное море домовъ и золотыхъ шпицовъ большихъ и малыхъ церквей города, въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ несется мелодическій звонъ колоколовъ, а заходящее солнце осыпаетъ блескомъ золотые купола храма Христа Спасителя» (стр. 164 перевода). Странно также отношеніе Цабеля къ воспоминаніямъ г-жи Сейронъ. Онъ думаетъ почему-то, что «истинный характеръ Толстого вполнѣ понятъ и правильно освѣщается бывшей учительницей и воспитательницей» его дѣтей. На самомъ же дѣлѣ г-жа Сейронъ о своемъ пребываніи въ домѣ Толстого написала пустую и вздорную книжонку. Что касается разсказа Цабеля о посѣщеніи имъ московскаго дома Толстого въ маѣ 1896 года, то этотъ разсказъ болѣе чѣмъ наивенъ. Представьте себѣ, иностранецъ захотѣлъ осмотрѣть квартиру Толстого и, не испросивъ его позволенія, посредствомъ всемогущаго «на чай» пробирается въ его домъ, ходитъ по всѣмъ комнатамъ и въ концѣ концовъ обрушивается на моральную проповѣдь хозяина. «Прославленный писатель,—говоритъ онъ,—хочетъ воспитать въ людяхъ своими произведеніями простоту отношеній и отсутствіе потребностей, чтобы умертвить алчность и эгоизмъ. Но уже у людей, живущихъ на его счетъ, его трудъ терпитъ крушеніе; столь презрѣнная для него желтая бумажка съ двуглавымъ орломъ доставляетъ блестящій успѣхъ тамъ, гдѣ всѣ хорошія слова терпѣли неудачи» (стр. 162—163 перевода). Однимъ словомъ, Цабель совратилъ толстовскаго дворника «желтой бумажкой», а виноватъ оказывается Толстой.

Но всѣ эти недостатки книжки Цабеля искупаются его восторженнымъ отношеніемъ къ Толстому, какъ художнику. Не только «Войнѣ и Миру» и «Аннѣ Карениной», но также и юношеской трилогіи Толстого и его военнымъ разсказамъ Цабель посвятилъ рядъ восторженныхъ страницъ. Даже о такихъ произведеніяхъ, какъ «Семейное счастье» и «Поликушка», Цабель говоритъ съ такимъ восторгомъ, который не всегда можно раздѣлить и понять. Такъ, напримѣръ, повѣсть «Семейное счастье», по мнѣнію нѣмецкаго критика, «выполнена болѣе тонкою кистью, чѣмъ какое бы то ни было другое произведеніе нашего автора». А «Поликушка» для Цабеля—такое «произведеніе, которое

не только выдерживаетъ сравненіе съ подобными твореніями въ какой угодно другой литературѣ, но и безспорно превосходитъ большинство ихъ».

Русскій переводъ книжки Цабеля читается легко, но при сравненіи съ подлинникомъ въ немъ оказывается очень много сокращеній. Книжка Цабеля написана въ такомъ умѣренномъ, по отношенію къ Россіи, тонѣ, что вся она почти цѣликомъ могла бы появиться въ русскомъ переводѣ. Несмотря на это, переводчикъ пропустилъ все предисловіе, пропустилъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ предложеній и даже цѣлый рядъ страницъ. Особенно много пропусковъ въ послѣдней главѣ. Часто пропущены столь невинныя вещи, что подобные пропуски можно объяснить только желаніемъ сдѣлать объемъ книжки по возможности меньше. Сокращеніямъ подверглись даже отдѣльныя предложенія. Такъ, напримѣръ, Цабель говоритъ: «Вронскій со своей лошадью легко перескакиваетъ черезъ канаву, но потомъ на всемъ скаку дѣлаетъ непростительно неловкое движеніе, причемъ переламываетъ благородному животному хребетъ и самъ падаетъ на землю» (стр. 79). Переводчикъ же ограничился такой поредачей нѣмецкаго текста: «Вронскій дѣлаетъ фальшивое движеніе и падаетъ на землю» (стр. 109). Сокращеніе и неудачная перестановка отдѣльныхъ предложеній нѣмецкой книжки повели въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ извращенію подлинника. Такъ, напримѣръ, на стр. 46 перевода сказано: «И только въ 1859 году пришелъ конецъ его (Шамиля) дѣятельности, когда онъ увидѣлъ себя запертымъ въ аулѣ Гунибъ и былъ принужденъ отдаться въ руки князя Барятинскаго. *Въ это именно время и былъ на Кавказѣ Толстой*» (стр. 46). У Цабеля подчеркнутой фразы нѣтъ въ этомъ мѣстѣ, да и не могло быть, потому что онъ знаетъ, какъ видно изъ его книжки, что Толстой въ это время былъ за границей, а не на Кавказѣ. Переводчикъ же вмѣсто того, чтобы исправлять мелкія хронологическія и фактическія неточности, встрѣчающіяся иногда у Цабеля, приписываетъ ему грубую хронологическую ошибку. Это далеко не единственный случай искаженія переводимаго текста. Характерный примѣръ подобнаго искаженія находится на 108 стр. перевода. «Вслѣдъ за этимъ,—говорится тамъ,—Анна Каренина отдается соблазнительному Вронскому. Никакихъ заманчивыхъ картинъ и перспективъ не рисуетъ Толстой по этому поводу. Напротивъ! Онъ показываетъ намъ *Каренину* въ угнетенномъ состояніи; она чувствуетъ, что она согрѣшила, признаетъ себя виновной; она хочетъ молить о прощеніи и сравниваетъ *мужа* съ убійцей, который смотритъ на ея загубленную его рукой жертву—ея любовь». Читатель недоумѣваетъ, при чемъ тутъ мужъ, т.-е. Каренинъ, не могъ же Цабель назвать мужемъ Вронскаго. Обратившись къ подлиннику, мы поймемъ, въ чемъ дѣло. У Цабеля въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ ничего не говорится про Анну Каренину. У него говорится вообще, что Толстой показываетъ намъ *женщину*, которая, отдавшись *мужчинѣ*, сравниваетъ его съ убійцей и т. д. (стр. 73).

Издана книга хорошо, но изъ семидесяти прекрасно исполненныхъ иллюстрацій подлинника къ переводу приложены только четыре портрета Толстого.

С. Ашевскій.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Ю. Лавриновичъ. „Очеркъ французской общественности". — *А. Воскресенскій.* „Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье".

Ю. Н. Лавриновичъ (Надеждинъ). Очеркъ французской общественности. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к. Г. Лавриновичъ очень удачно выбралъ матеріалъ для характеристики французской общественности. Прежде всего онъ

остановился на самомъ мощномъ ея проявленіи—печати, остальные же отдѣлы посвятилъ очеркамъ самопомощи въ рабочей средѣ, объединенія интеллигенціи съ народомъ на почвѣ его просвѣщенія и заботъ французовъ о будущемъ націи въ лицѣ покинутаго и страдающаго дѣтства. Не всѣ эти очерки одинаково содержательны, но всѣ они читаются съ одинаковымъ интересомъ и удовольствіемъ. Авторъ обладаетъ достаточнымъ количествомъ свѣдѣній и проникнутъ вполнѣ опредѣленнымъ и яркимъ настроеніемъ, которое онъ умѣетъ облекать въ красивую и живую форму. Сила чувства и страстность желанія торжествуютъ надъ сдержанностью выраженій и невольно волнуютъ и увлекаютъ читателей. Въ особенности это нужно сказать относительно очерка «Журнализмъ и журналисты», посвященнаго исторіи и современному положенію французской печати и содержащаго много новаго для широкихъ слоевъ русской публики. Авторъ безспорными фактами опровергаетъ ходячее мнѣніе о журналистѣ, какъ человѣкѣ, способномъ на что угодно, котораго первый встрѣчный можетъ купить и заставить топтать въ грязь то, чему онъ вчера поклонялся. Отдѣльныя лица и отдѣльныя изданія, разумѣется, часто заслуживали и заслуживаютъ самыхъ тяжелыхъ упрековъ, но печать, какъ цѣлое, не даромъ сдѣлалась «вторымъ правительствомъ» Франціи. Она всегда жила насущными интересами страны и привлекала къ себѣ всѣ лучшія силы мыслящаго общества, всѣхъ передовыхъ борцовъ политическаго міра. Большинство самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей пришли къ парламентской трибунѣ отъ редакціоннаго стола. И среди нихъ, безъ сомнѣнія, не было и нѣтъ недостатка въ силѣ духа и сердца. Не одинъ изъ нихъ, оставаясь въ меньшинствѣ, шелъ за свои идеи на вѣрную смерть, но не уступалъ численной силѣ своихъ противниковъ и мужественно умиралъ съ перомъ въ рукахъ... Одна революція 1789 года привела къ гильотинѣ 12 писателей. А сколько ихъ погибло на каторгѣ въ Новой Каледоніи и Гвіанѣ, въ тюрьмахъ, въ изгнаніи. Знаменитый декабрьскій переворотъ потребовалъ отъ дѣятелей печати не менѣе жертвъ. Смерть, десятки лѣтъ изгнанія и тюремнаго заключенія не остановили журналистовъ, во главѣ съ В. Гюго боровшихся противъ Наполеона. Еще большихъ жертвъ стоила революція 1870 года и коммуна. Но дѣятели французской печати никогда не отступали передъ опасностью, и теперь, пройдя кровавую школу гоненія, французская печать пользуется завоеванною свободою, съ прежней энергіей защищая тѣ интересы, которые каждый журналистъ считаетъ наиболѣе законными и цѣнными. Враги печати видятъ въ ея свободѣ причину загрязненія прессы тѣми элементами, типичнымъ примѣромъ которыхъ является извѣстный Дюруа, изображенный Мопассаномъ. Но, совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Лавриновичъ, вся исторія развитія французской печати въ XIX-мъ столѣтіи «ясно показываетъ, что безчестная печать никогда не была стѣснена въ своей свободѣ. Она играла въ руку правителей, давившихъ въ печати только сильное и честное» (стр. 116). Наоборотъ, теперь, когда честная пресса вздохнула полною грудью и заговорила полнымъ голосомъ, борьба съ безчестными служителями слова, пользовавшимися ранѣе неограниченною свободою, становится возможной и обѣщаетъ успѣхъ...

Мы не можемъ разобрать болѣе подробно эту интересную и выдержанную статью, но полагаемъ, что она заслужитъ вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что, какъ и остальные очерки, она изложена вполнѣ доступно. Такой же значительный интересъ представляетъ и очеркъ о профессіональныхъ рабочихъ союзахъ во Франціи. У насъ, вообще, мало знакомы съ французскимъ рабочимъ движеніемъ, которому наша литература удѣляетъ мало вниманія. Г. Лавриновичъ жалуется, что и французскіе матеріалы по исторіи рабочихъ союзовъ крайне не разработаны, скудны и разбросаны. Но тѣмъ большій интересъ возбуждаетъ очеркъ, въ которомъ авторъ собралъ новыя и старыя данныя и

сгруппировалъ ихъ въ живую картину профессіональнаго движенія французскихъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, г. Лавриновичъ не остановился на отношеніи профессіональныхъ союзовъ къ политической дѣятельности. Онъ указываетъ, что французскіе союзы, благодаря организованной рабочей партіи, уже давно вступили на путь политической борьбы, но въ виду того, что вопросъ о соотношеніи профессіональнаго и политическаго рабочаго движенія является теперь, такъ сказать, сезоннымъ въ экономической наукѣ, мы въ правѣ желать большаго, чѣмъ далъ г. Лавриновичъ. Остальные очерки менѣе интересны, но также заслуживаютъ вниманія читателей. *Ник. Іорданскій.*

А. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Изданіе товарищества «Литература и наука». Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к. По мнѣнію г. Воскресенскаго, основною причиною всѣхъ бѣдъ и золъ русскаго народнаго хозяйства является недостаточность земельнаго фонда, находящагося въ распоряженіи крестьянскаго населенія. Малоземелье препятствуетъ развитію промышленности, угнетаетъ торговлю, удерживаетъ на низшей ступени сельскохозяйственную технику и даже подрываетъ государственный кредитъ и ослабляетъ политическое могущество Россіи. Однако, авторъ полагаетъ, что непосредственное расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія не разрѣшитъ вопроса, тѣмъ болѣе, что это расширеніе представляется ему невозможнымъ, такъ какъ оно угрожаетъ неприкосновенности крупнаго землевладѣнія, которое выполняетъ свои незамѣнимыя функціи и которое «нельзя тронуть» безъ серьезнаго ущерба для народнаго хозяйства. Аграрная реформа должна, поэтому, имѣть цѣлью созданіе такого порядка, при которомъ размѣры землевладѣнія сами собой оставались бы на желательномъ уровнѣ безъ увеличенія территоріи, принадлежащей крестьянскому населенію. Но всякая попытка въ этомъ направленіи разбивается, по утвержденію г. Воскресенскаго, общинною формою крестьянскаго землевладѣнія. Община, признавая право на земельный надѣлъ за каждымъ крестьяниномъ, неизбѣжно вызываетъ, при непрерывномъ возрастаніи населенія, массовое малоземелье. Защитники общины видятъ въ общемъ правѣ на землю ея главное достоинство. Они утверждаютъ, что община спасаетъ крестьянское населеніе отъ обезземеленія, а государство— отъ безземельнаго пролетаріата. Но это достоинство, какъ пытается доказать г. Воскресенскій, и составляетъ главный недостатокъ общинной формы землевладѣнія. Статистическія данныя показываютъ, что дробленіе земельныхъ участковъ, неизбѣжное при общемъ правѣ на надѣлъ, въ самомъ непродолжительномъ времени приведетъ крестьянъ къ полной невозможности вести какое нибудь хозяйство на тѣхъ клочкахъ, которые окажутся въ ихъ владѣніи. Конечно, дробленіе имѣетъ мѣсто и при подворномъ землевладѣніи на правахъ частной собственности, но тамъ процессъ дробленія земли уравновѣшивается процессомъ сосредоточенія ея въ рукахъ наиболѣе энергичной и работоспособной части населенія; община же нивеллируетъ всѣхъ своихъ членовъ и роковымъ образомъ приводитъ ихъ къ равенству въ нищетѣ. Всѣ земледѣльцы становятся малоземельными, всѣ впадаютъ въ пауперизмъ. Такимъ образомъ, предъ русскимъ крестьянствомъ стоитъ альтернатива: или обезземеленіе части земледѣльческаго населенія, или массовое малоземелье. Защитники общины якобы выбираютъ второй исходъ, и г. Воскресенскій не жалѣетъ красокъ, чтобы изобразить печальныя послѣдствія всеобщаго обѣднѣнія. Самъ же авторъ предпочитаетъ первый путь и требуетъ уничтоженія общины, чтобы обезземеленіемъ одной части населенія дать другой возможность увеличить земельную площадь и достигнуть обезпеченнаго положенія. При этомъ, г. Воскресенскій обѣщаетъ и обезземеленнымъ доходныя занятія въ торговлѣ и промышленности, которыя должны разцвѣсти послѣ уничтоженія общины. Впрочемъ, переходъ отъ нынѣшней формы землевладѣнія къ новой не можетъ быть совер

шенъ немедленно. Пока г. Воскресенскій предлагаетъ только воспретить общіе передѣлы земли, установить предѣлъ дробленія земли при семейныхъ раздѣлахъ и разрѣшить продажу надѣльной земли лицамъ всѣхъ сословій.

Этимъ исчерпываются всѣ практическія предложенія автора. Ничего новаго они не представляютъ. Недостатки современной общины достаточно выяснены русскими экономистами, но люди, обладавшіе надлежащими теоретическими познаніями, которыхъ не имѣется у г. Воскресенскаго, ясно понимали всю сложность крестьянскаго вопроса и никогда не сводили его исключительно къ той или иной формѣ землевладѣнія. Г. же Воскресенскій съ легкимъ сердцемъ сваливаетъ всѣ неурядицы нашей хозяйственной жизни на общину и, не касаясь ни одного изъ другихъ неблагопріятныхъ условій крестьянскаго хозяйства, увѣряетъ, что съ уничтоженіемъ общины рѣки потекутъ млекомъ и медомъ. Это недомысліе, которое не нуждается въ опроверженіи. Еще Чернышевскій указывалъ, что главное зло деревни и крестьянства заключается въ общемъ «азіатствѣ» строя русской жизни. И время, прошедшее съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, только подтвердило мысль глубокаго и проницательнаго публициста шестидесятыхъ годовъ. Г. Воскресенскій беретъ только одну, и притомъ второстепенную, черту сложнаго явленія и надѣется измѣнить цѣлый соціально-экономическій строй различными мѣропріятіями, долженствующими «установить», «воспретить», «разрѣшить» и т. п. Это опекунское реформаторство, разумѣется, не приведетъ ни къ чему. Крестьянство уже не разъ вынуждено было пробовать на себѣ скороспѣлые плоды бюрократическаго прожектерства въ духѣ г. Воскресенскаго. Теперь можно бы и отказаться отъ вѣры въ спасительное дѣйствіе докладныхъ записокъ. Общинная или частная собственность—это вопросъ, который можетъ и должно рѣшить само крестьянское населеніе. Усилія аграрной политики должны заключаться только въ томъ, чтобы крестьянство было поставлено въ наиболѣе благопріятныя условія для сознательнаго и свободнаго рѣшенія этого важнаго для него вопроса. Все остальное приложится. Г. Воскресенскій, повидимому, не понимаетъ вреда принудительнаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство и этимъ губитъ и небольшія зерна истины, разбросанныя въ его книгѣ. Его программа не имѣетъ никакой цѣнности, какъ и ея обоснованіе. Смѣшно думать, что указаніе на возможность безконечнаго дробленія земли наноситъ «неотразимый» ударъ сторонникамъ общиннаго землевладѣнія. Они были знакомы съ правилами дѣленія и до г. Воскресенскаго и, если отстаивали общину, то очевидно, надѣялись не на раздробленіе земли, а на сосредоточеніе ея, но не въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, а въ коллективномъ пользованіи всего общиннаго населенія. Надежды эти ошибочны, но не г. Воскресенскій указалъ ихъ ошибочность, какъ не г. Воскресенскій выразилъ мнѣнія противниковъ общиннаго землевладѣнія, боровшихся противъ утопической вѣры въ современную общину.

Н. І.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Лихачевъ. „Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Поссевина“.—„Великія реформы шестидесятыхъ годовъ“.—*А. Раевскій.* „Законодательство Наполеона III о печати“.—*В. Бузескулъ.* „Введеніе въ исторію Греціи“.—*Ю. Гессенъ.* „Евреи въ массонствѣ“.—*М. Помяловскій.* „Очерки русской исторіи“.

Н. П. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина. Спб. 1903 г. in 8-vo. Стр. 2 нен. + 150 + CX + VI таблицъ. Ц. не озн. Пріѣздъ въ 1581—1582 годахъ Антонія Поссевина въ московское государство, его

разговоръ съ царемъ Иваномъ Грознымъ о вѣрѣ—одинъ изъ характерныхъ и любопытныхъ эпизодовъ русской исторіи XVI вѣка. Въ московскомъ отдѣленіи главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ г. Лихачевъ нашелъ «Польскихъ дѣлъ столбецъ 1581 года», никѣмъ не использованный и представляющій собою смѣсь документовъ касательно пріѣзда А. Поссевина въ Москву; г. Лихачевъ издалъ эти документы полностью въ XI-мъ выпускѣ «Лѣтописи занятій археографической коммиссіи», написавъ къ тексту памятника обширное предисловіе. Это предисловіе—превосходная археографическая работа, которою съ благодарностью воспользуется любой изслѣдователь въ области русской исторіи XVI-го вѣка; она посвящена авторомъ П. О. Пирлингу, такъ много сдѣлавшему для разработки исторіи сношеній московскаго двора съ папскимъ престоломъ. Авторъ даетъ въ своей книгѣ «дипломатическій и палеографическій очеркъ столбца, содержащаго дѣло о пріѣздѣ Поссевина» (со стр. 101), затѣмъ «хронологическое обозрѣніе документовъ, касающихся пріѣзда А. Поссевина» (со стр. I-й), и, наконецъ, главу объ «историческомъ значеніи документовъ, содержащихся въ дѣлѣ о пріѣздѣ Поссевина». Четвертый раздѣлъ этой послѣдней главы «Къ характеристикѣ царя Ивана Грознаго» (стр. 62 и слѣд.) и заставляетъ насъ говорить о книгѣ г. Лихачева въ общемъ журналѣ. Личность царя Ивана IV-го пользуется въ нашей литературѣ чрезвычайною популярностью, передавшеюся и въ волны русской читающей публики; ея касались историки-спеціалисты, врачи, философы, художники слова, кисти и рѣзца, даже публицисты; о ней очень много спорили съ разныхъ точекъ зрѣнія и не безъ остроумія и справедливости проводили параллель между царемъ Иваномъ и императоромъ Петромъ. Вся эта литературная толкотня уже достаточно пріѣлась и надоѣла, особливо своею безпочвенностью: оторвутъ лицо отъ среды и момента и носятся съ нимъ нѣкоторое время въ безвоздушномъ пространствѣ, а потомъ совсѣмъ неожиданно психологическими особенностями оторваннаго отъ міра и превращеннаго въ ходульный призракъ лица начинаютъ объяснять ходъ русской исторіи XVI-го в. Мы, такимъ образомъ, очень далеки отъ мысли, что констатированная выше популярность давно поставила точку надъ изученіемъ реформъ XVI-го в. во всей ихъ совокупности; напротивъ, онѣ еще ждутъ спеціальнаго изслѣдованія, которое поможетъ въ свою очередь освѣтить надлежащимъ свѣтомъ и физіономію московскаго Нерона, неожиданно и эффектно бросившаго въ лицо Антонію Поссевину папу-волка. Не личностью Ивана IV-го можно объяснять ходъ русской исторіи XVI-го в., а наоборотъ, эту личность только и можно понять на фонѣ соціальнаго содержанія русской жизни этой эпохи. Въ своей характеристикѣ Грознаго г. Лихачевъ въ значительной степени держится прежнихъ пріемовъ, но намъ представляется цѣнной картинность, съ какой обширная эрудиція автора обнажаетъ наивность и невѣжество его противниковъ-психіатровъ. Начитавшись бабьихъ сказокъ, врачи рѣшили, что они не хуже историковъ могутъ расправляться съ прошлымъ. На сцену выступаетъ П. И. Ковалевскій: Ивана IV-го онъ объявляетъ помѣшаннымъ, а Петра—геніемъ; характеризуя перваго, то и дѣло сквернословитъ, а славословя второго, то и дѣло бьетъ въ литавры, доводя читателя до состоянія полной невмѣняемости. П. Ковалевскій въ брошюркѣ «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе», вышедшей въ свѣтъ десять лѣтъ тому назадъ и показавшейся многимъ чуть ли не либеральной, призналъ, что царь Иванъ IV-й страдалъ однопредметнымъ помѣшательствомъ. Этому соблазнительному утвержденію повезло. Докторъ Глаголевъ, поддерживая мысль о душевной болѣзни Грознаго, точнѣе опредѣлилъ форму послѣдней: однопредметное помѣшательство прирожденное, на почвѣ вырожденія и притомъ того типа, гдѣ не столько выступаетъ систематизація бреда, сколько сочетаніе бредовыхъ идей съ резонерствомъ и стремленіемъ преслѣдовать другихъ людей, которыхъ больные

*

считаютъ какимъ бы то ни было образомъ нарушившими ихъ интересы или обязанными для нихъ что-нибудь дѣлать. Г. Лихачевъ никакъ не можетъ согласиться съ діагнозомъ гг. Ковалевскаго и Глаголева, и мы всецѣло примыкаемъ пока къ точкѣ зрѣнія г. Лихачева, отвергая паранойю Грознаго; зато мотивы и результаты нашего отрицанія далеко не сойдутся съ таковыми же у почтеннаго автора. Главную силу своихъ критическихъ ударовъ г. Лихачевъ направляетъ на то, что врачи не могли доказать *прогрессирующаго слабоумія* Грознаго, а разъ не доказана наличность этого слабоумія, то нѣтъ и однопредметнаго помѣшательства. Авторъ такъ увлекся борьбой съ медиками, что на стр. 77 въ примѣчаніи самъ онъ, археографъ по спеціальности, рѣшается рискнуть на медицинскую гипотезу, а въ текстѣ, относясь съ большимъ вниманіемъ къ построеніямъ въ современной психіатріи, выставляетъ отъ себя такое положеніе: «Все ученіе о психопатическихъ конституціяхъ и наслѣдственномъ вырожденіи еще покоится на рядѣ гипотезъ, которымъ далеко до того, чтобы стать настоящими научными истинами». Намъ думается, что историку не слѣдуетъ vice versa повторять даже въ минимальныхъ размѣрахъ ошибки психіатровъ судить и рядить относительно того, въ чемъ разумѣешь только по-диллетантски. Мы не думаемъ также, чтобы стоило поднимать столь большую историческую артиллерію для пальбы по такому... историческому воробью, какъ П. И. Ковалевскій, котораго брошюры о Петрѣ и Грозномъ написаны безъ элементарнаго знанія русской исторіи и съ такою своеобразною логикою, что читатель никакъ не можетъ понять, почему это Грозный—параноикъ, а Петръ—геній, и не все ли это равно. Но бѣда не велика въ данномъ случаѣ: невѣжествомъ благородно возмущаться. А вотъ что непростительно у г. Лихачева, такъ это его фраза на стр. 68, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: «Психіатры, расходясь другъ съ другомъ въ деталяхъ, сходятся въ тяжкомъ приговорѣ относительно Грознаго. Если этотъ приговоръ будетъ признанъ въ исторической литературѣ, то предстоитъ полная переоцѣнка всей исторіи XVI-го в. Исторія пассивнаго сопротивленія бреду вѣнценоснаго маніака будетъ далеко не похожа на исторію царствованія, прославленнаго не только завоеваніями, но и широкимъ развитіемъ многихъ сторонъ культурной общественной жизни». Фраза—сильная, но неумѣстная въ устахъ историка XX-го вѣка. Неужели за Грознымъ не видать московскаго народа, неужели только Иванъ IV-го создавалъ исторію московской Руси? Подъ такимъ заявленіемъ нельзя подписаться; у кого бы гг. психіатры ни отыскали паранойю, отъ этого нисколько не измѣнятся и не могутъ измѣниться наши взгляды на русскій историческій процессъ; г. Лихачевъ напрасно спѣшитъ окоротить идеи современной психіатріи относительно разнообразныхъ формъ вырожденія и ненормальности, равнымъ образомъ напрасно подчеркиваетъ, что будто бы «историкъ долженъ прислушиваться къ голосу медиковъ», что будто бы историку «даже необходимо и прямо просить ихъ содѣйствія во многихъ случаяхъ» (въ какихъ же?). Г. Лихачевъ съ грустью замѣчаетъ «эффектныя попытки низвести едва ли не всѣхъ историческихъ дѣятелей въ разрядъ людей ненормальныхъ». Мы на этотъ счетъ совершенно спокойны; во-первыхъ, намъ рѣшительно все равно, куда низводятъ историческихъ дѣятелей медики, а во-вторыхъ, мы убѣждены, что подобныя низведенія ни на чемъ не основаны, ибо психіатръ обыкновенно не владѣетъ научнымъ историческимъ методомъ, а питается лишь тѣмъ, что преподнесетъ ему устарѣвшая популярная литература. У самого г. Лихачева въ примѣчаніяхъ на 72 и 73 стр. есть превосходная отповѣдь по адресу историческихъ увлеченій психіатровъ, а въ примѣчаніи на 83 стр. онъ обнаруживаетъ прямо недопустимое отношеніе къ дѣлу у такого спеціалиста, какъ В. М. Тарновскій: оказывается, что г. Тарновскій просто неознакомился даже съ тѣмъ вопросомъ, о которомъ онъ судитъ и вкривь и вкось... Но пора оста-

вить врачей и психіатровъ въ покоѣ, посовѣтуемъ имъ поменьше путаться съ *исторіей*, а г. Лихачеву—съ ихъ фантастическими разсужденіями.

Отмѣчая заслугу нашего автора въ смыслѣ яркаго изображенія всей той небылицы, какую наплели про Грознаго врачи, мы можемъ привѣтствовать г. Лихачева за его намѣреніе дать подробнѣйшій археографическій и библіографическій трудъ, посвященный эпохѣ Грознаго. Зная чрезвычайную эрудицію автора въ области отечественной библіографіи и археографіи, мы именно въ такомъ смыслѣ поняли его слова на стр. 83. «Можетъ быть, когда-нибудь, пишетъ г. Лихачевъ, мы подробно разберемъ жизнь и личность Грознаго, такъ плохо укладывающуюся не только въ современныя общественныя рамки, но и въ рамки людей XVI-го столѣтія». Укладывать царя Ивана Грознаго въ современныя общественныя рамки, конечно, нельзя и не слѣдуетъ (срв. стр. 96), а въ рамки людей XVI-го столѣтія онъ уложится съ честью, какъ нормальный заключительный аккордъ всей дѣятельности великихъ князей московскихъ Калитина рода. Каждый изъ нихъ былъ грозенъ въ мѣру принадлежавшей княженію территоріи. Грозный затмилъ ихъ всѣхъ не только потому, что онъ дѣйствительно былъ грозенъ, но и потому, что эта гроза проносилась уже по обширному лицу московскаго государства. Это московское государство возилось теперь не съ одною степью: папскій посолъ зоветъ царя на споръ о вѣрѣ, англійскій купецъ смущаетъ барышами; московскій государь уже не бродитъ съ ключикомъ вокругъ жалкой казны, у его ногъ сибирское царство и все теченіе Волги, онъ—потомокъ кесаря Августа и, не стѣсняясь, посылаетъ англійской королевѣ «пошлую дѣвицу», а папѣ «волка». Его пороки выросли тоже до крупныхъ размѣровъ, именно до такихъ, какими они могли явиться въ XVI-го столѣтіи. Были ли они чрезвычайными для XVI-го столѣтія? Это предстоитъ еще доказать и это совсѣмъ не такъ легко доказать, какъ обыкновенно думаютъ. Не даромъ же литература придумала параллель въ реформѣ начала XVIII-го столѣтія. Ее надо разработать потоньше, и густыя краски, которыми усиленно сдабривали портретъ Грознаго въ угоду боярской традиціи, сильно поблѣднѣютъ сами собой. Вѣдь надо твердо помнить, что современный историкъ вовсе не призванъ обѣлять, чернить или судить...

Вас. Сторожевъ.

Великія реформы шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей І. В. Гессена и пр.-доц. А. И. Каминка. І. К. К. Арсеньевъ. Законодательство о печати Спб. 1903. Ц. 1 руб. 25 коп. Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°. Шестидесятые годы прошлаго вѣка являются тою эпохою, откуда пошла есть современная русская земля. Тогда сложились тѣ идеалы, которые до сихъ поръ остаются цѣлью общественныхъ стремленій, тогда зародились тѣ силы, эволюція и ростъ которыхъ опредѣляетъ содержаніе современности. Но научное изслѣдованіе этой эпохи не соотвѣтствуетъ ея важному значенію. Оставленный ею богатый запасъ идей и фактовъ лежитъ въ сыромъ видѣ, почти неизвѣстный новымъ поколѣніямъ русскихъ общественныхъ дѣятелей, которые только стихійно воспринимаютъ опытъ поучительнаго прошлаго, не имѣя возможности сознательно воспользоваться благами громаднаго наслѣдства. Въ особенности сильно чувствуется этотъ пробѣлъ въ послѣдніе годы, когда русское общество, очевидно, снова вступаетъ въ творческій періодъ и нуждается не въ одномъ принципіальномъ, но и въ историческомъ обоснованіи своей работы. Подведеніе итоговъ становится насущною потребностью для всѣхъ, кто сознаетъ настоятельную необходимость дальнѣйшаго движенія. Поэтому трудно указать болѣе своевременне начинаніе, чѣмъ предпринятая г. Гершунинымъ серія изданій, посвященныхъ эпохѣ русскаго возрожденія и поставившихъ задачею собрать уцѣлѣвшіе обломки великихъ реформъ и опредѣлить, какіе изъ нихъ должны

быть положены въ фундаментъ предстоящей постройки. Первый выпускъ задуманной серіи въ настоящее время лежитъ предъ нами. Въ немъ г. Арсеньевъ далъ живой и содержательный очеркъ эволюціи нашего законодательства о печати въ связи съ измѣнявшимися правительственными и общественными настроеніями. И этотъ очеркъ, написанный человѣкомъ, лично пережившимъ всю пореформенную исторію русскаго печатнаго слова, ясно и неопровержимо показываетъ, какъ мало дали, въ дѣйствительности, великія реформы русской литературѣ и какъ мало онѣ могли дать при наличности господствующихъ общихъ условій. / Въ самые благопріятные моменты, когда русская мысль пользовалась относительною свободою выраженія, эта свобода всегда оставалась фактическою и никогда не пріобрѣтала полнаго юридическаго признанія. Это было попущеніе начальства, но не гарантированное право общества. Первый же законъ о печати 6-го апрѣля 1865 года, смѣнившій архаическую дореформенную систему, таилъ въ себѣ зародыши грядущихъ стѣсненій. Несомнѣнно, онъ былъ крупнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ тѣми положеніями, которыми опредѣлялась дѣятельнось печати въ послѣдніе годы царствованія Николая I, но такой шагъ сдѣлать было не трудно. Самостоятельное же значеніе закона 6-го апрѣля 1865 года весьма не велико. Онъ вышелъ изъ рукъ Валуева, который въ концѣ пятидесятыхъ годовъ одинъ изъ первыхъ указалъ на «господство бюрократіи» и «стѣсненія мысли», какъ на главную причину бѣдствій, постигшихъ Россію. Но на посту министра внутреннихъ дѣлъ Валуевъ не пошелъ дальше осторожнаго компромисса. Законъ 6-го апрѣля 1865 года, оставляя прежній разрѣшительный порядокъ основанія періодическихъ изданій, внесъ въ законодательство два существенныхъ нововведенія: 1) освобожденіе отъ предварительной цензуры выходящихъ въ столицахъ книгъ, заключающихъ въ себѣ не меньше опредѣленнаго числа печатныхъ листовъ (10—для оригинальныхъ и 20—для переводныхъ сочиненій), съ подчиненіемъ ихъ исключительно судебной отвѣтственности, и 2) освобожденіе отъ предварительной цензуры по усмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, съ подчиненіемъ ихъ отвѣтственности, какъ судебной, такъ и административной, въ формѣ предостереженій, возможнымъ послѣдствіемъ которыхъ является временная пріостановка или совершенное прекращеніе изданія. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ законъ предоставлялъ главному управленію по дѣламъ печати и цензурнымъ комитетамъ право налагать арестъ на книгу до осужденія ея судебными учрежденіями. Недостатки этого закона и стѣсненія, налагаемыя имъ на печать, весьма обстоятельно были указаны при разсмотрѣніи его въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, но, въ виду неустройства въ то время судебной части, совѣтъ одобрилъ законъ, какъ переходную мѣру. Г. Арсеньевъ думаетъ, что законъ 6-го апрѣля съ самаго начала имѣлъ характеръ временныхъ правилъ, подлежавшихъ измѣненію не въ смыслѣ стѣсненія, а наоборотъ, въ смыслѣ распространенія и расширенія свободы печати. Дѣйствительное теченіе законодательства не подтверждаетъ этого мнѣнія. Полномочія, предоставленныя административной власти первымъ закономъ о печати, непрерывно возростали, конечно, не въ пользу печатнаго слова. Развитіе журналистики, яркость настроенія, обнаруженная ею въ эпоху коренныхъ преобразованій вѣкового строя русской жизни, были слишкомъ необычныя для Россіи того времени, чтобы не возбудить опасеній администраціи. Взволнованное состояніе общества, скоро проявившееся рядомъ извѣстныхъ актовъ, укѣпило эти опасенія. Литература, въ теоріи всѣми признаваемая выраженіемъ общественнаго мнѣнія, на практикѣ превратилась въ причину этого мнѣнія. Въ борьбѣ съ «вредными» направленіями печати судебныя преслѣдованія вскорѣ показались слишкомъ невѣрнымъ и недостаточно послушнымъ орудіемъ и вышли изъ практики, между тѣмъ какъ система администра-

тивныхъ взысканій получила широкое развитіе. Въ 1868 г., по представленію министерства внутреннихъ дѣлъ Тимашева не въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, а чрезъ комитетъ министровъ было дано министру внутреннихъ дѣлъ право воспрешать розничную продажу періодическихъ изданій. Въ 1872 г. министеръ внутреннихъ дѣлъ получилъ право задерживать выпускъ въ свѣтъ книгъ и періодическихъ изданій, съ предоставленіемъ задержанныхъ произведеній въ комитетъ министровъ; въ 1873 г.—право запрещать къ обсужденію различные вопросы, признанные неудобными для публичнаго разсмотрѣнія. Законы 1872 и 1873 гг. не остались мертвою буквою и самымъ тяжелымъ образомъ отразились на русской литературѣ. Въ 1880 году передъ русскимъ обществомъ снова блеснула надежда на лучшее будущее. Графъ Лорисъ-Меликовъ провелъ цѣлый вечеръ въ бесѣдѣ съ редакторомъ и однимъ изъ сотрудниковъ «Вѣстника Европы», обсуждая нужды печати. Затѣмъ была образована коммиссія для пересмотра законодательства о печати, работы которой, однако, не имѣли практическихъ результатовъ. Г. Арсеньевъ объясняетъ такой исходъ вновь наступившей реакціей, но уже то обстоятельство, что предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ Валуевъ, авторъ закона 6-го апрѣля 1865 года, показываетъ, что и независимо отъ реакціи надежды на существенныя измѣненія судебъ печати были явно преувеличенными. Развитіе административныхъ полномочій совершалось приливами и отливами, но совершалось непрерывно и завершилось знаменитыми временными правилами 1882 года, которыя установлены комитетомъ министровъ «впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ узаконеній о печати», но которыя сохраняютъ свою силу и теперь, по прошествіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Эти правила окончательно сдѣлали возможнымъ изъятіе изъ вѣдѣнія судебныхъ учрежденій и передали печать въ распоряженіе административной власти въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ и особой коммиссіи изъ четырехъ министровъ. Казалось, правила 1882 г. являются послѣднимъ этапомъ. «Нашъ писательскій міръ,—пишетъ г. Арсеньевъ,—могъ быть увѣреннымъ, повидимому, въ одномъ: что новыхъ стѣсненій для печати установлено не будетъ — по той простой причинѣ, что дальше идти въ этомъ направленіи некуда. Невѣроятное, однако, оказалось возможнымъ». Въ 1897 г. послѣдовало положеніе комитета министровъ о томъ, что передача періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому должна происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1898 году состоялось распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, установившее опредѣленную нормальную величину печатнаго листа въ тридцать три тысячи буквъ.

Такова, въ главныхъ чертахъ, исторія нашего законодательства о печати. За всѣ тридцать восемь лѣтъ, въ которыя законъ 6 апрѣля эволюціонировалъ въ смыслѣ ограниченія свободы печати, состоялась только одна мѣра, для нея благопріятная: установлены въ 1901 году сроки дѣйствительности предостереженій, которыя до того времени считались безсрочными и висѣли надъ газетою, какъ постоянная угроза. Обширность и неопредѣленность административной власти надъ печатью, естественно, отражалась въ зависимости русскаго печатнаго слова отъ самыхъ мимолетныхъ и перемѣнчивыхъ настроеній. Г. Арсеньевъ собралъ чрезвычайно поучительный матеріалъ изъ исторіи нашей печати для иллюстраціи примѣненія на практикѣ различныхъ постоянныхъ и временныхъ правилъ. Уже въ шестидесятыхъ годахъ административныя взысканія получили широкое примѣненіе и распространялись на органы всѣхъ направленій. Съ 1865 по 1870 годы было объявлено 44 предостереженія и семь изданій пріостановлено на срокъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ. Въ 1870 и 1871 гг. было дано двадцать три предостереженія, пріостановлено шесть изданій и запрещена розничная продажа девяти изданій. Въ 1872—1877 гг. дано было

всего 72 предостереженія и 45 разъ запрещена розничная продажа; шестнадцать изданій подверглись пріостановкѣ на сроки отъ трехъ недѣль до шести мѣсяцевъ. Внѣ обычнаго порядка была прекращена въ 1876 г. газета «Кіевскій Телеграфъ». Въ декабрѣ 1877 г., по случаю взятія Плевны, были сложены всѣ предостереженія, но уже въ 1878 г. было снова дано 15 предостереженій и 19 разъ запрещена розничная продажа; въ 1879 г. дано 16 предостереженій и 6 разъ запрещена розничная продажа. Въ то же время совершенно запрещено одно изданіе и пріостановлено на срокъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ пять изданій. Въ первые мѣсяцы 1880 г., до поворота въ общей политикѣ правительства, дано четыре предостереженія, два раза запрещена розничная продажа, два раза запрещено печатаніе частныхъ объявленій и пріостановленъ на три мѣсяца одинъ журналъ. Въ особенности широко примѣнялись административныя взысканія послѣ утвержденія временныхъ правилъ 1882 г. Съ іюня 1882 г. по май 1889 г., т.-е. въ управленіе графа Толстого, было дано 24 предостереженія, пріостановленъ послѣ третьяго предостереженія «Наблюдатель», пріостановлены безъ предостереженій 14 изданій (въ томъ числѣ 9 провинціальныхъ); запрещеній розничной продажи въ тотъ же періодъ времени состоялось 34, запрещеній печатать объявленія—4. Въ это время даже «Гражданинъ» получилъ два предостереженія и два запрещенія розничной продажи. Тогда же прекратилось нѣсколько видныхъ изданій, не выдержавшихъ борьбы съ цензурнымъ гнетомъ. Съ 1889 по 1895 гг. совершенно прекращена газета «Русская Жизнь», предостереженій было дано одиннадцать, запрещеній розничной продажи двадцать четыре, случаевъ запрещеній печатанія объявленій—шесть; безъ предостереженій пріостановлено двѣнадцать изданій, изъ нихъ одиннадцать провинціальныхъ. Съ октября 1899 г. по апрѣль 1902 г. дано четыре предостереженія, состоялось восемь запрещеній розничной продажи и четыре временныхъ пріостановки; три изданія прекращены совершенно. Съ апрѣля 1902 г. по іюль 1903 г. предостереженій дано семь, временныхъ пріостановокъ—девять, запрещеній розничной продажи—восемь, запрещеній печатать объявленія одно. Этотъ подсчетъ ясно показываетъ, что русская журналистика не принадлежитъ къ тѣмъ, кому живется весело, вольготно на Руси. Но къ приведенному нами списку нужно для полученія полной картины прибавить и книги, уничтоженныя по постановленію комитета министровъ въ обозрѣваемый періодъ. Читатели найдутъ ихъ перечисленіе въ книгѣ г. Арсеньева.

Но, несмотря на тѣ или другіе пробѣлы и недостатки, значеніе работы г. Арсеньева очевидно. Она еще разъ подчеркиваетъ необходимость тѣхъ началъ нормальной общественной жизни, которыя г. Арсеньевъ защищалъ въ теченіе всей своей продолжительной литературной дѣятельности и которыя онъ такъ прекрасно формулировалъ въ заключительныхъ словахъ своей книги: «Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность—вотъ три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ растетъ въ ширь и глубь, съ одной стороны, уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой—сознаніе солидарности между гражданами. Тотъ видъ свободы, которому посвящена настоящая книга, играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимая завѣсу, отдѣляя правду отъ лжи, реальнее отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, свобода печати является незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неоцѣнимой охраной всякаго права, всякой другой свободы. До сихъ поръ мы видѣли только случайные, мимолетные, неполные ея проблески; хочется вѣрить, что приближается пора ея расцвѣта».

Ник. Іорданскій.

Законодательство Наполеона III о печати. А. А. Раевскаго и д. Э. орд. профессора томскаго университета. Томскъ 1903 года. Цѣна 2 р. 50 коп. Если бы проф. Раевскій могъ доказать, что тема, избранная имъ, дѣйствительно, нуждается въ особой научной разработкѣ, тогда вся его книга получила бы въ глазахъ читателя серьезный интересъ, котораго такъ заслуживаетъ вложенный въ нее трудъ. Но мы погрѣшили бы предъ истиною, еслибъ сказали, что авторъ уже доказалъ это неопровержимо. Вотъ что говоритъ онъ въ относящемся сюда мѣстѣ: «однимъ словомъ, изучая законодательство Наполеона III о печати, мы ясно видимъ въ немъ такой же постепенный переходъ отъ автократическаго режима къ болѣе либеральному, какъ и въ общемъ юридико-политическомъ строѣ второй имперіи... Прослѣдить этотъ постепенный переходъ отъ вполнѣ развитой административно-полицейской системы регламентаціи печати къ болѣе либеральному порядку, указать, отъ какихъ именно мѣръ воздѣйствія на печать долженъ былъ отказаться раньше всего законодатель при начавшемся разложеніи автократическаго строя второй имперіи,—все это представляется намъ заслуживающимъ серьезнаго научнаго изученія». Сопоставленіе текста нѣсколькихъ декретовъ, выпущенныхъ въ свѣтъ во Франціи въ теченіе 20 лѣтъ, по существу своему сводящееся къ пересказу этого текста своими словами,—дѣло довольно для науки ненужное, особенно, если оно уже разъ шесть сдѣлано французскими историками и публицистами, въ видѣ ли спеціальныхъ работъ или особыхъ главъ въ монографіяхъ по общей политической исторіи Франціи. Каемся, (мы не нашли въ разбираемой книгѣ ни единаго новаго факта, ни одного вывода, который давно уже не былъ бы трюизмомъ въ исторіографіи 2-ой имперіи. Это тѣмъ болѣе обидно, что серьезный и добросовѣстный трудъ, вложенный г. Раевскимъ въ свою книгу, совершенно очевиденъ и несомнѣненъ. Но что же дѣлать, если и матеріалы, т.-е. первоисточники (текстъ декретовъ) использованы давнымъ давно до послѣдней строки, и вся-то тема такого свойства, что она есть только привѣсокъ, аксессуаръ, подробность—въ сравненіи съ общимъ (тоже достаточно разработаннымъ и описаннымъ) сюжетомъ, т.-е. въ сравненіи съ политическою исторіею второй имперіи? Темы также habent sua fata: о рабочемъ вопросѣ, крестьянскомъ землевладѣніи, мобилизаціи земельной собственности, финансовой политикѣ временъ реставраціи, Луи-Филиппа февральской республики, второй имперіи—писать бы и писать, и все-таки даже послѣ двухъ десятковъ работъ понадобился бы, вѣроятно, еще третій десятокъ,—и это гнетуще нужно было бы для яснаго пониманія, для документальнаго опознанія подспудныхъ соціальныхъ силъ придавшихъ французской исторіи тотъ, а не другой характеръ, но объ этомъ пишутъ мало и рѣдко; чуть же дѣло коснется дипломатической исторіи или исторіи перемѣнъ политическихъ и т. п.,—и не оберешься монографій, часто вполнѣ самостоятельныхъ по своему происхожденію, но убійственно однообразныхъ и повторяющихъ другъ друга по существу, въ своихъ выводахъ.

Быть можетъ, работа г. Раевскаго отчасти любопытна вотъ по какому обстоятельству: выпущенная въ «юбилейный» годъ русской прессы, она напоминаетъ, съ какихъ образцовъ списанъ русскій законъ о «свободѣ» печати (1865 г.). Любитель патріотическихъ размышленій съ понятнымъ удовлетвореніемъ сообразитъ, что считавшееся во Франціи реакціоннымъ—въ Россіи, послѣ сугубо-консервативной переработки, все-таки было привѣтствуемо многими чуть ли не какъ эра новой жизни: «такъ отразилась и тутъ—русская доблесть—смиреніе».

Вслѣдствіе своихъ размѣровъ и сухости чисто юридически разработанной темы—книга проф. Раевскаго едва ли проложитъ себѣ дорогу въ широкій кругъ читателей. Но если этотъ трудъ попадетъ въ руки неспеціалистовъ,—

мы посовѣтуемъ имъ читать преимущественно тѣ мѣста, гдѣ описывается законодательная исторія излагаемыхъ декретовъ. Тамъ можно встрѣтить иногда кое-какія интересныя справки. Когда во время обсужденія одного реакціоннаго законопроекта во время преній Одиллону Барро сказали: «но вѣдь законы о печати никогда не спасали правительствъ», то онъ, не смущаясь, заявилъ: «это быть можетъ и такъ, но они, во всякомъ случаѣ, давали имъ жить нѣкоторое время». Такихъ поучительныхъ фактовъ г. Раевскимъ собрано не мало. Дикая реакція начала царствованія Наполеона III, лукавство и лицемѣріе второй половины этой эпохи,—все это отражалось на законодательствѣ, касающемся прессы, необыкновенно живо и полно. Характерны добровольцы, обращавшіеся время отъ времени къ правительству Наполеона III съ проектами вящаго обузданія прессы. Вотъ, напр., что предлагалъ одинъ изъ нихъ (Кервеганъ)... «всѣ совершеннолѣтніе французскіе избиратели, а также совершеннолѣтнія женщины и дѣвицы получаютъ право помѣщать въ газетахъ и политическихъ сборникахъ какія угодно статьи за своею личною отвѣтственностью и за опредѣленную плату (какъ платятъ, напр., за помѣщаемыя въ газетѣ объявленія). Дабы успѣшно удовлетворять этому новому праву публики, всѣ политическія изданія должны были печататься въ однообразной формѣ, оставляя вторую и третью свои страницы въ полное распоряженіе публики». (На 4-ой страницѣ должны были печататься объявленія, а на 1-ой редакція имѣла право печатать что-нибудь и сама отъ себя). «Съ цѣлью все того же обезпеченія правъ публики редакціи газетъ должны были имѣть особые корешковые регистры, прошнурованные и заштемпелеванные предсѣдателемъ соотвѣтствующаго коммерческаго суда. Корешокъ и отрывной листокъ этихъ регистровъ должны были заключать въ себѣ указаніе дня и часа, въ которые была представлена статья въ редакцію, внесенной за нее платы, имени и адреса лица, ее представившаго.» Всѣ статьи публики (кромѣ неблагонамѣренныхъ) *непремѣнно* должны были печататься, безъ отказа, на отведенныхъ для того 2-ой и 3-ей страницахъ. Такимъ образомъ, для крамольническихъ поползновеній самой редакціи оставалась лишь одна страница...

Да, всего тридцать пять лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ во Франціи подавались пресерьезно такіе щедринскіе проекты, шипѣли на литературу изъ всѣхъ угловъ ядовитые и сильные гады. Но—ударилъ громъ, прошелъ ливень—и безвозвратно унесъ гадовъ съ ихъ ядомъ и шипѣніемъ. А литература осталась.

Вообще, при большей краткости въ изложеніи книга г. Раевскаго могла бы для читающей публики явиться недурнымъ пособіемъ для ознакомленія съ вопросомъ: какія именно фатально-неизбѣжныя отношенія всегда и всюду устанавливаются между прессою и правительствомъ въ родѣ французскаго 50—60 гг. XIX-го столѣтія, и для кого именно—для прессы или ея враговъ эти отношенія оказывались гибельными въ концѣ концовъ.

Изъ внѣшнихъ погрѣшностей изложенія мы замѣтили лишь 4—5 неважныхъ. Напр., Тролона авторъ называетъ «Троплонгомъ» *); Фіески (покушавшагося на Луи-Филиппа) онъ называетъ «Фіеши», хотя въ итальянской фамиліи Fieschi, согласныя «sch» произносятся по итальянски, а не по нѣмецки; кое-гдѣ (напр., на стр. 69 въ третьемъ примѣчаніи) совершенно неправильно понятіе «*подстрекательство* путемъ печати» выражено словами «провокаторство путемъ печати» и т. п. Въ общемъ же изложеніе

*) О вѣрномъ произношеніи фамиліи Troplong могъ-бы дать автору указаніе, между прочимъ, и Pieter's Konversations Lexik., томъ XII, стр. 417 (изд. 1893 г.).

отличается точностью и литературностью, что лишній разъ заставляетъ пожалѣть о выборѣ темы. *Ев. Тарле.*

Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903. Цѣна 3 руб. Греческая древность сдѣлала такіе большіе вклады въ культуру новаго времени, ея вліяніе такъ безспорно, сознаніе людьми новаго времени благотворности этого вліянія было всегда такъ велико, что изученіе греческой исторіи съ той или иной точки зрѣнія не могло не сдѣлаться однимъ изъ самыхъ любимыхъ умственныхъ занятій. Интересъ къ греческой древности обусловливался различными причинами. Въ эпоху такъ называемаго возрожденія въ ней искали теоретическаго подкрѣпленія и обоснованія идеи личности, въ эпоху революціи—политическихъ уроковъ, въ наше время къ ней обращаются чаще всего руководимые запросами чистой науки, какъ къ типическому историческому процессу. Постепенно извлекались на свѣтъ исторической науки всякаго рода документы и памятники, освѣщающіе прошлое Эллады, постепенно росла и накоплялась литература по греческой исторіи, развѣтвлялось изученіе отдѣльныхъ сторонъ культуры древняго эллинскаго народа. Трудъ, положенный наукою на это изученіе, огромный. Изученіе исторіи Греціи имѣетъ свою собственную исторію, нерѣдко исполненную настоящаго драматизма, съ побѣдами, пораженіями, торжествомъ и неудачами. Это интересная страница не только въ исторіи науки, но, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Бузескулъ, и въ исторіи умственной жизни новаго времени. На изученіи исторіи Греціи отражались, какъ и на всякой литературѣ, запросы времени; съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ на исторію Аѳинъ и Спарты смотрѣли все съ новой точки зрѣнія, и напримѣръ такая книга, какъ «Исторія Греціи» Дж. Грота останется навсегда литературнымъ памятникомъ англійскаго радикализма середины XIX-го в.

Харьковскій историкъ проф. В. П. Бузескулъ задался трудной и съ литературной точки зрѣнія неблагодарной задачей—изобразить процессъ постепенной разработки греческой исторіи преимущественно въ XIX в. и дать сводъ того матеріала, которымъ располагаетъ наука для ознакомленія съ греческой стариною. Неблагодарна эта задача потому, что трудъ проф. Бузескула будетъ оцѣненъ лишь немногими. Такъ называемая большая публика его книги не прочтетъ. Зато тѣ, которые интересуются исторіей, какъ наукой, и въ частности исторіей Греціи, должны быть въ величайшей степени благодарны автору за его «Введеніе». Заглавіе книги далеко не исчерпываетъ ея богатаго содержанія. Это—цѣлая энциклопедія греческой исторіи, и составить ее должно было стоить автору большого труда. Въ предисловіи проф. Бузескулъ говоритъ, что въ западной литературѣ имѣются обзоры, соотвѣтствующіе первой половинѣ его книги, своду источниковъ, но тѣ сочиненія, на которые онъ указываетъ мало соотвѣтствуютъ его работѣ и по нашему мнѣнію значительно ей уступаютъ. Дѣло въ томъ, что нѣмцы, которыми преимущественно разрабатываются подобные вопросы, всегда больше склонны смотрѣть на нихъ скорѣе съ филологической, чѣмъ съ историко-литературной и исторической точекъ зрѣнія. Такова особенность большого труда Ваксмута, который одинъ можетъ идти на сравненіе съ трудомъ Бузескула. Нѣмецъ далъ что то въ родѣ учебника, въ одинаковой степени обнаруживающаго феноменальную эрудицію автора и его совершенную безпомощность тамъ, гдѣ нужно дать что-нибудь болѣе цѣльное, чѣмъ простой пересказъ источника или его внѣшнюю характеристику. Читатель тщетно будетъ искать въ его путанномъ, непропорціональномъ изложеніи выпуклыхъ портретовъ писателей, сколько нибудь связнаго очерка міровоззрѣнія; историки древности у него представляются совершенно независимо отъ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ отношеній, въ которыхъ они ушли и писали. У проф. Бузескула этихъ недостатковъ нѣтъ;

очеркъ греческой исторіографіи можетъ быть безъ преувеличенія названъ образцовымъ какъ по полнотѣ и пропорціональности изложенія, такъ и по выдержанной генетической связи и выпуклымъ характеристикамъ. Менѣе подробно, хотя такъ же основательно разобраны и другія категоріи источниковъ.

Второй отдѣлъ книги посвященъ разработкѣ греческой исторіи. Проф. Бузескулъ совершенно основательно опускаетъ убогія раннія попытки такой разработки, не имѣвшія ни научной цѣли, ни научнаго значенія и ведетъ свой обзоръ съ начала XIX-го вѣка. Эта часть его работы представляетъ еще бо́льшія трудности, чѣмъ первая, ибо тутъ приходилось систематизировать матеріалъ собственными силами, не имѣя предшественниковъ, а матеріалъ—такого свойства, что чуть не каждый нумеръ газеты приноситъ извѣстія то о находкѣ новаго гнѣзда папирусовъ гдѣ нибудь въ Файумѣ, то о новыхъ раскопкахъ, то о новомъ изслѣдованіи. И проф. Бузескулъ доводитъ свое изложеніе буквально до вчерашняго дня. Изъ крупныхъ археологическихъ раскопокъ въ книгу не вошла только послѣдняя кампанія Эванса подъ Кнозосомъ, во время которой англійскому археологу удалось открыть такъ называемый придворный театръ Миноса, да послѣднія открытія австрійцевъ въ Эфесѣ. По папирусамъ и черепкамъ изложеніе книги представляетъ пока послѣднее слово Литературный обзоръ отличается исчерпывающею полнотою. Мы бы указали только на отсутствіе ссылки появившейся очевидно послѣ написанія книги второй части труда Р. Шмидта «Allgemeine Staatslehre», гдѣ изображается общій ходъ развитія государства, и на работу Н. И. Карѣева «Государство—городъ античнаго міра», тоже оставшуюся незнакомой автору во время подготовленія книги къ печати. Но эти дополненія, конечно, будутъ сдѣланы авторомъ для новаго изданія книги, такъ какъ въ пропускѣ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ работъ, появившихся позднѣе, онъ не виноватъ. Но одинъ крупный пробѣлъ долженъ быть поставленъ въ большую вину автору. Въ своей книгѣ онъ очень снисходительно относится къ работамъ русскихъ ученыхъ, тщательно собираетъ журнальныя и другія статьи, хвалитъ плохія работы (nomina sunt odiosa) и при всемъ этомъ забываетъ сказать хотя бы по нѣсколько словъ о такихъ работахъ, какъ «Периклъ» и «Аѳинская политія Аристотеля» проф. В. П. Бузескула (послѣдняя впрочемъ раза 2—3 упоминается въ примѣчаніяхъ, да и то не въ обзорѣ литературы, а въ обзорѣ памятниковъ). Скромность конечно, вещь похвальная, но зачѣмъ скрывать отъ читателей, что русская наука обладаетъ такими солидными трудами. Вѣдь «Введеніе» должно служить и справочнымъ цѣлямъ. *А. Джаншіевъ.*

Ю, Гессенъ. Евреи въ масонствѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія Спб. 1903. Отмѣчаемъ интересный очеркъ г. Гессена какъ вслѣдствіе его обстоятельности и умѣлаго литературнаго изложенія, такъ и потому, что, по согласному съ истиной утвержденію г. Гессена, «ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ не существуетъ историческаго изслѣдованія по вопросу объ участіи евреевъ въ масонствѣ». Книжка г. Гессена, такимъ образомъ, является самостоятельною попыткою заполненія этого пробѣла въ культурной исторіографіи. Евреи принимали съ XVIII-го вѣка участіе въ жизни масонства (особенно въ Англіи и Германіи); это время (конецъ XVIII-го вѣка) совпадало съ реформаціоннымъ движеніемъ въ самомъ еврействѣ, что и объясняетъ отчасти сочувственное отношеніе нѣкоторыхъ образованныхъ евреевъ той эпохи къ религіозно-моральнымъ ассоціаціямъ, отнюдь не исключавшимъ христіанство изъ своего кругозора и часто даже подчеркивавшимъ свою близость къ христіанской религіи. Г. Гессенъ объясняетъ это также тѣмъ, что «подъ христіанствомъ въ масонствѣ понималось не религіозное ученіе, а выс-

шая этика, не чуждая, конечно, и іудаизму, которая должна была соединить все человѣчество во взаимной братской любви». Нетерпимость къ евреямъ коегдѣ проявлялась въ масонствѣ, но она встрѣчала сильный отпоръ въ масонской средѣ со стороны лицъ, лучше и глубже понимавшихъ основные моральные завѣты своего ученія. Въ свою очередь, и евреямъ-масонамъ приходилось считаться съ подобною же узостью и нетерпимостью въ средѣ единовѣрцевъ, неодобрительно смотрѣвшихъ на космополитическія тенденціи масонскихъ ложъ.

Теперь (съ послѣднихъ десятилѣтій XIX-го в.), за единичными исключеніями, въ масонскія ложи принимаютъ евреевъ: и тутъ, какъ и въ другихъ сферахъ соціальной жизни, идея вѣротерпимости и равноправія всѣхъ религій проявила одержанную ею на Западѣ побѣду самымъ наглядным образомъ.

Если бы книжка г. Гессена преслѣдовала исключительно цѣли популяризаторскія, то ее можно было бы упрекнуть за отсутствіе общаго введенія, которое давало бы читателю главныя свѣдѣнія о масонствѣ вообще; но, удовлетворяя требованіямъ научной разработки сюжета, эта работа, при своихъ, вообще, незначительныхъ размѣрахъ, могла удовлетвориться 2—3 вводными страницами, которыя мы въ ней и находимъ. *Т.*

Помяловскій, М. Очерки русской исторіи. Элементарный курсъ среднихъ заведеній. Спб. 1903. Толки о крайней непригодности нашихъ историческихъ учебниковъ начались давно; нѣсколько лѣтъ тому назадъ была наглядно демонстрирована вся пошлость и нелѣпость учебниковъ проф. Иловайскаго, пользовавшихся наибольшимъ распространеніемъ и наложившихъ свою печать и на другіе учебники. Необходимость новыхъ учебныхъ руководствъ сознана давно, и по всеобщей исторіи за послѣдніе годы появилось нѣсколько хорошихъ учебниковъ, написанныхъ извѣстными спеціалистами (учебники профессоровъ Виноградова, Виппера, Карѣева). Очередь за учебникомъ русской исторія; давно пора внести въ школу свѣтъ исторической науки, замѣнить ветхія страницы Иловайскаго человѣческимъ разсказомъ о прошломъ Россіи, воспользоваться, наконецъ, тѣми пріобрѣтеніями русской исторической науки, которыхъ учебникъ чуждается чуть ли не со временъ Карамзина. Насколько намъ извѣстно изъ отчетовъ с.-петербургскаго университета, г. Помяловскій начинающій ученый; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ оставленъ при петербургскомъ университетѣ по каѳедрѣ русской исторіи; онъ не чуждъ и педагогической практики: на обложкѣ его книги значится, что онъ состоитъ преподавателемъ въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій имп. Маріи. Казалось бы, обладая опытомъ научнымъ и педагогическимъ, переживая пору молодости, которая всегда такъ богата бодростью, искренностью и свѣжестью, г. Помяловскій могъ бы написать хорошую книжку для школы. Но это только мечты, которыя разлетаются при первомъ знакомствѣ съ его «Очерками». Даже молодость измѣнила г. Помяловскому: душой онъ оказался слишкомъ старъ. На первой страницѣ читаемъ посвященіе благодарнаго автора его сіятельству графу Николаю Алексѣевичу Пратасову-Бахметеву (гр. Пратасовъ-Бахметевъ стоитъ во главѣ вѣдомства учрежденій имп. Маріи)) Изъ предисловія мы узнаемъ, что «его сіятельство графъ П. А. Пратасовъ-Бахметевъ благосклонно указалъ автору на желательность составленія подобнаго учебника». Въ предисловіи авторъ приноситъ сердечную благодарность всѣмъ, кому обязанъ онъ помощью въ работѣ: и изъ того, къ кому авторъ пришелъ за помощью, видно, что онъ пережилъ свою молодость, что онъ слишкомъ зрѣлъ. «М. М. Захарченко пишетъ г. Помяловскій, добрымъ словомъ и совѣтомъ поддерживалъ бодрость составителя, приступавшаго къ трудному и отвѣтственному дѣлу. Т. Н. Френевъ и Л. С. Севрукъ приняли самое теплое участіе въ изданіи книги, устраняя всѣ затрудненія, помогая дружескимъ совѣтомъ». Изъ «Всего Петербурга» мы узнаемъ, что всѣ названныя въ предисловіи лица занимаютъ начальственныя

посты по учебнымъ заведеніямъ вѣдомства учрежденій имп. Маріи, но мы должны сознаться, что мы ничего не знаемъ объ авторитетности названныхъ лицъ въ русской исторіи, но молодой ученый, конечно, лучше насъ знаетъ всѣ авторитеты своей науки. Впрочемъ, нужно сказать, что въ предисловіи г. Помяловскій не забылъ и своего университетскаго профессора, С. Ѳ. Платонова, которому, по его словамъ, онъ «обязанъ всѣми своими познаніями». Г. Помяловскій чрезвычайно неосмотрителенъ, а вдругъ книжка обнаружитъ отсутствіе историческихъ познаній? Поблагодаритъ ли тогда проф. С. Ѳ. Платоновъ своего ученика за вѣжливую благодарность? Грустное чувство овладѣваетъ читателемъ, по прочтеніи предисловія книги; вспоминаются вступительныя страницы книжекъ XVIII-го вѣка съ многословными, унизительными посвященіями меценатамъ и т. д.

Посмотримъ же, какъ г. Помяловскій выполнилъ свое «трудное», отвѣтственное дѣло. Въ школьномъ учебникѣ мы должны обратить вниманіе на стиль книги, на изложеніе фактической стороны исторіи и на сущность тѣхъ нравственныхъ уроковъ, которые преподаетъ школьная исторія. Начнемъ съ фактовъ въ книжкѣ г. Помяловскаго. Извѣстно, что многіе историческіе факты въ учебникѣ опускаются или по недоступности ихъ для пониманія учащихся, или по ихъ ничтожности, но разъ извѣстный фактъ введенъ въ учебникъ, онъ долженъ быть изложенъ правдиво и понятно. Въ подборѣ и систематизаціи историческихъ фактовъ г. Помяловскій—увы!—слѣдуетъ незабвеннымъ книгамъ г. Иловайскаго; все движеніе исторической науки прошло мимо г. Помяловскаго. Неужели же онъ не почувствовалъ необходимости освѣжить обиходъ школьныхъ знаній, уничтожить мертвенность опредѣленій и формулъ г. Иловайскаго? Жутко становится отъ этой, какъ бы высѣченной на память исторической трафаретки: русскіе всегда мужественны, войско храбро, враги коварны, всѣ правленія отличаются или мудрыми дѣлами, или славными побѣдами, дѣятели—манекены для героевъ, а не люди и т. д. Да вѣдь нужно же, наконецъ, показать дѣтямъ людей, нужно сказать, что исторія,—не побѣдное шествіе, а рядъ человѣческихъ страданій и человѣческаго горя! Но г. Помяловскій превзошелъ даже проф. Иловайскаго въ этой односторонности и трафаретности изложенія; не говоримъ о выборѣ фактовъ, коснемся только ихъ передачи. Нельзя же пускать ложь въ учебникъ, а г. Помяловскій сообщаетъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія. Возьмемъ наудачу нѣсколько примѣровъ. «Вступая на престолъ, императоръ Николай заявилъ, что будетъ царствовать, какъ царствовалъ Александръ Благословенный, и дѣйствительно вся жизнь, все правленіе имп. Николая I были подтвержденіемъ этого великаго обѣта»,—пишетъ г. Помяловскій (стр. 128). Но говорить такъ значитъ оставить безъ вниманія всю литературу объ имп. Николаѣ! Неужели г. Помяловскій думаетъ, что царствованіе имп. Александра I и Николая I одинаковы по своему характеру? «Славяне разселились очень широко; потому трудно было имъ всѣмъ соединиться... и вотъ жители сосѣднихъ поселковъ, почти всегда переродившіеся между собою, рѣшали за всякое дѣло браться сообща, *жить однимъ родомъ*»... (стр. 2). Но вѣдь это перлъ своего рода... Рѣшили жить родовымъ бытомъ! Вѣдь это же ложное представленіе о возникновеніи родового быта, а г. Помяловскій даетъ его въ учебникѣ. Въ своемъ усердіи, какъ бы не сообщить чего-либо лишняго г. Помяловскій заходитъ слишкомъ далеко: онъ излагаетъ, напр., Ивана Грознаго такъ, что всякій, даже неособенно сообразительный мальчикъ спроситъ преподавателя: «а за что царя Ивана Васильевича прозвали Грознымъ?» Но г. Помяловскій совершаетъ подвигъ, кажется, еще никѣмъ не совершенный: мы вполнѣ напрасно искали въ страницахъ объ имп. Николаѣ I, да и во всей книжкѣ сообщенія, что русскіе потерпѣли пораженіе въ Крымскую кампанію. По учебнику г. Помяловскаго оказывается даже, что никакого пораже-

нія и не было: просто, «видя успѣхи русскихъ, истомленные борьбой враги заговорили о мирѣ» (стр. 133). Пусть не подумаетъ читатель, что мы шутимъ: да, если ученикъ средняго учебнаго заведенія ограничится въ своемъ чтеніи только книжкой г. Помяловскаго, то онъ такъ и не узнаетъ о гибельномъ Крымскомъ пораженіи, развѣ только разскажетъ кто-нибудь со стороны. Приведенные примѣры завѣдомо ложныхъ сообщеній далеко не единственные, есть еще поразительнѣе: «Въ глухой степи умеръ Святополкъ.—Окаяннымъ назвалъ его народъ, и разсказываютъ люди, что даже земля не захотѣла держать его; когда опустили тѣло братоубійцы въ могилу, разсѣлась земля, и въ бездну провалился гробъ!..» (стр. 18). Неужели г. Помяловскій вѣритъ въ разверзшуюся бездну? И эти фразы онъ преподноситъ въ своемъ учебникѣ! Предлагаемъ читателю составить опредѣленное мнѣніе о смерти царевича Дмитрія по слѣдующему отрывку изъ книжки: «Однажды раздался въ Угличѣ набатъ; сбѣжался народъ и съ ужасомъ увидалъ царевича съ перерѣзанной шеей; *думали*, что царевичъ убитъ, подозрѣніе пало на нѣсколькихъ пріѣзжихъ изъ Москвы, и ихъ перебили. Пріѣхали изъ Москвы посланные Борисомъ бояре разбирать это дѣло, добрались до того, что царевичъ давно страдалъ падучей болѣзнью и *будто* теперь въ припадкѣ *самъ* случайно *перерѣзалъ* себѣ горло. Такъ и донесли царю. Но враги Бориса пустили въ народѣ молву, что онъ виновникъ смерти царевича». Это изложеніе въ родѣ загадочной картинки: требуется отвѣтить, что же или кто былъ причиной смерти Дмитрія царевича? Читатель, быть можетъ, поинтересуется узнать, какъ же изложилъ г. Помяловскій, напр., освобожденіе крестьянъ. Строчекъ 30, не больше, ушло на это въ его учебникъ, а весь смыслъ реформы онъ разъяснилъ въ слѣдующихъ, не требующихъ комментарій строкахъ. «Видѣли крестьяне, что какъ они ни работаютъ, а лучше имъ отъ того не живется, и пропадала у нихъ всякая охота къ труду; немного дѣлали помѣщики, привыкнувъ жить крестьянскимъ заработкомъ. Такъ, крѣпостная зависимость тяжела была для крестьянъ и въ то же время приносила прямой вредъ странѣ, населеніе которой отвыкало отъ труда. Всему этому злу и положилъ конецъ имп. Александръ II» (стр. 135). Очевидно, г. Помяловскій держится того взгляда, что не стоитъ забивать голову дѣтей излишними разсужденіями, а при случаѣ не забывать о пользѣ труда и прилежанія. Но оставимъ фактическую сторону учебника. Вотъ теперь то приходитъ на умъ неосторожность составителя: поблагодарилъ онъ проф. С. Ѳ. Платонова, которому «обязанъ всѣми своими историческими познаніями», а вѣдь г. профессоръ-то можетъ, чего добраго, и обидѣться. Не на то онъ читаетъ университетскіе курсы, чтобы объемъ всѣхъ историческихъ познаній былъ равенъ объему познаній г. Помяловскаго.

Какіе же нравственные уроки можетъ вынести ученикъ изъ книжки г. Помяловскаго? Жестокій онъ человѣкъ! У него нѣтъ жалости къ врагамъ русской земли; съ какимъ, напр., злорадствомъ пишетъ онъ о половцахъ, подвергнувшихся нашествію татаръ: «Отлились волку овечьи слезки: на себѣ пришлось извѣдать половцамъ, каково бываетъ, когда налетитъ степной врагъ», и т. д. Всѣ враги русскихъ, кто бы они ни были, у г. Помяловскаго оказываются обладающими человѣческими недостатками. Мы прочли книжку г. Помяловскаго, и намъ стало ужасно жаль русскихъ: всю доблесть русскихъ, весь смыслъ ихъ внѣшнихъ отношеній г. Помяловскій видитъ въ томъ, что постепенно они внушали къ себѣ страхъ, сначала въ ближайшихъ государствахъ, а потомъ и во всѣхъ остальныхъ. Дошли, наконецъ, до того, что западныя державы, видя могущество Россіи, не смѣли нарушать мира: всѣ знали, что Россія готова обуздать всякаго зачинщика (стр. 141). Но какой же это ужасъ жить среди людей и вызывать въ нихъ къ себѣ только одно чувство страха; ну пусть г. Помяловскій вообразилъ бы себѣ, что онъ такой страшный человѣкъ и что всѣ его

боятся. Неужели онъ предпочелъ быта кому положенію даже положеніе счастливаго автора, написавшаго удивительный учебникъ? Жестокостью и холодомъ вѣетъ со страницъ г Помяловскаго: вся кровь и всѣ ужасы исторіи находятъ здѣсь оправданіе, оказываются нужными то для культуры, то для государственности, но маленькій читатель его книжки спроситъ автора, а какъ же по человѣчеству-то все это хорошо? За то, что бояре ослушивались, Иванъ Грозный ихъ казнилъ; иногда онъ казнилъ и невинныхъ, но въ такихъ случаяхъ онъ всегда каялся... и больше нѣтъ никакихъ словъ у г. Помяловскаго, все кажется ему въ порядкѣ вещей.

Итакъ, пошлость и ложь изложенія, отсутствіе этической оцѣнки вотъ особенности книжки г. Помяловскаго. Но читатель много потерялъ бы, если бы мы не упомянули о стилѣ книжки. Видите ли, авторъ хотѣлъ быть доступнымъ для ученика и поддѣлался подъ народную рѣчь... и получился стиль «патріотическій» или стиль «на страхъ врагамъ»). Одного примѣра совершенно достаточно: въ немъ «и громъ побѣды раздавайся», и «штандартъ скачетъ» и т. д. «Велика и могуча,—такъ начинаетъ славный молодецъ сынъ Помяловскій,—земля русская. Широко отъ моря и до синяго моря раскинулась она; богатые, красивые густо населенные города усѣяли ее, изъ конца въ конецъ прорѣзана она дорогами, зеленѣютъ распаханныя нивы, дымъ валитъ изъ высокихъ, заводскихъ трубъ, изъ края въ край идутъ товары; сильное войско стоитъ на рубежѣ земли нашей, охраняетъ отъ враговъ церкви Божіи, царя православнаго, города и деревни»...

Но довольно объ учебникѣ начинающаго ученаго... Скверно становится на душѣ послѣ чтенія подобныхъ элементарныхъ курсовъ. *П. Щеголевъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го августа по 15-е сентября.

О. Н. Ольнемъ. «Очерки и разсказы». Изд. Товарищества «Общественная польза». Спб. Ц. 1 р. 50 к. 1903 г.

Мысли мудрыхъ людей на каждый день, собр. гр. Л. Н. Толстымъ. Изд. «Посредника». Москва. 1903 г. Ц. 80 к.

Тоже. Ц. 30 коп.

Максимъ Горькій въ каррикатурахъ и анекдотахъ. Спб. 1903 г. Ц. 60 к.

А. Чивонибаръ. Каторга. Тюрьма. Голодъ. Очерки и разсказы. Одесса. 1903 г. Ц. 50 к.

А. Ягодинъ. «Изъ древняго Рима». Трилогія. Другъ Калигуллы. Силій и Мессалина. Пѣвецъ Неронъ. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25.

Ф. С. Шкулевъ. Не всѣмъ счастье и друг. разсказы и стихотвор. Москва. 1902 г. Ц. 20 коп.

Его же. Кто виноватъ и друг. разсказы и пѣсни. Москва. 1903 г. Ц. 50 коп.

Я. Самъ. Не женись на русской и друг. разсказы. Т. I. Владикавказъ. 1903 г. Ц. 60 коп.

Борисъ Лазаревскій. Повѣсти и разсказы. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Березинъ. Три кругосвѣтныхъ плаванія. Джемса Кука. Спб. 1903 г. Ц. 50 коп.

А. Амфитеатровъ. Въ моихъ скитаніяхъ. Изд. И. В. Райской. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Его же. Страна раздора. Изд. И. В. Райской. Спб. 1903. Ц. 1 руб.

Его же. Женское нестроеніе. Изд. И. В. Райской. Спб. 1904. Ц. 1 р.

А. Бахтіаровъ. Отпѣтые люди. Изд. Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Развиватели. Ром. Спб. 1903 г. Ц. 75 к.

М. Коцюбинськый. Оповидання. Т. I. Кіевъ. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Вольный. Разсказы. Спб. 1903. Ц. 80 коп.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Вып. II, III и IV. Изд. «Трудъ». Москва. 1902 г. Ц. по подпискѣ 5 р.

Большая энциклопедія. Томъ XIII вып. 1—10. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1903 г. Ц. 200 вып. по 50 коп. или 20 том. въ роск. полук. переп. по 6 руб.

Промышленность и техника. Т. IV, VII. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1903. Ц. кажд. вып.—50 к. или 5 р. за томъ, все сочиненіе 60 р.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Изд. П. Юргенсона. Москва. 1903. Вып. XIII. Ц. по подпискѣ 6 руб.

К. К. Арсеньевъ. Великія реформы 60-хъ годовъ. Вып. I. Законодательство о печати. Изд. Гершунина и К°. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Мукаловъ. Записки по методикѣ ариѳметики. Кіевъ. 1903. Ц. 90 коп.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной (род. 1758 г., † 1828). Модзалевскаго. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Руководство къ устройству и веденію публичныхъ народныхъ чтеній. Изд. 2-ое, сост. Харьковской Коммиссіей по устройству народн. чтеній. Харьковъ. 1903 г. Ц. 25 к.

Алоизъ Риль. Введеніе въ современную философію. Переводъ съ нѣмецкаго С. Штейнберга. Изд. Т-ва «Общественная польза». Спб. 1904. Ц. 80 к.

Э. Ѳ. Эрдманнъ. Пролегомена къ общей теоріи «понятій» на эмпиріокритическомъ основаніи. Варшава. 1903.

В. И. Добровольскій. Бракъ и разводъ. Очеркъ по дѣйствующему брачному праву и по проекту новаго гражданскаго уложенія. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Г. В. Хлопинъ. Каменноугольныя краски. Юрьевъ. 1903. Ц. 2 р. 75 к.

Отчетъ о дѣятельности педагогическаго общества, состоящ. при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, за 1901—1902 гг. Годъ IV. Москва. 1903.

Статистика по казенной продажѣ питей. 1901 г. Изд. Главн. Управленія неокл. сбор. и казен. продажи патей. Спб. 1903 г. Вып. III.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Выпуски V и VI. Изд. Департ. неоклад. сборовъ. Спб. 1903.

Гр. Л. Н. Толстой. Великій писатель земли русской. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Вып. I. Спб. 1903 г. Ц. 60 коп.

Экспедиція для научно-промысловыхъ изслѣдованій у берег. Мурмана. Отчетъ о ея дѣятельности за 1902 г. Спб. 1903 г. Изд. Комитета для помощи поморамъ русскаго сѣвера.

Ала Негри. Стих. въ переводѣ Ф. С. Шкулева. Москва. 1904. Ц. 10 к.

Альб. Герщ. Постъ. Зачатки государственныхъ правовыхъ отношеній. Переводъ Теплова. Москва. 1901 г. Изданіе Научно-образовательной библіотеки.

Роско. Химія. Серія начальныхъ курсовъ. То же изданіе.

Гексли. Введеніе въ науку. То же изданіе.

Ал. Плетневъ. Еще о газетахъ. Спб. 1903 г. Ц. 20 коп.

І. А. В-въ. О томъ, какъ защищать себя на судѣ. Изд. Вятскаго товарищества. Вятка. 1903 г. Ц. 15 коп.

Ал. Плетневъ. Максимъ Горькій. Спб. 1903. Ц. 20 коп.

Д-ръ Э. Бернадскій. Медицина, врачи и публика. Перев. съ польскаго д-ра Лешкевича. Москва. 1903 г. Ц. 80 к.

Р. Орженцкій. Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности. Одесса. 1903 г. Ц. 2 р.

Александръ II., Царь освободитель. Изд. графъ Милорадовичъ. Спб. 1903 г. Ц. 25 к.

Генрикъ Ибсенъ. Полное собраніе сочиненій. Т. V. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

М. О. Толмачевъ. Крестьянскій вопросъ по взглядамъ земства и мѣстныхъ людей. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

М. И. Покровской. Какъ я была городскимъ врачемъ для бѣдныхъ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

Ал. Харузинъ. Жилище словинца верхней Крайны. (Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ). Спб. 1903 г.

Эдуардъ Карпентеръ. О бракѣ (Marriage). Пер. Брусяниной. Спб. 1904. Ц. 25 коп.

Уилльямъ Джемсъ. Зависимость вѣры отъ воли. Перев. съ англійск. С. И. Церетели. Изд. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

С. А. Меликъ-Саркисянъ. Ферганское землетрясеніе 3-го декабря 1902 г. Москва. 1903 г.

Новѣйшія таблицы для быстраго вычисленія на письмѣ или на счетахъ, сост. А. А. Талалой. Спб. 1903 г. Ц. 35 к.

Н. И. Коробка. Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ нач. XIX вѣка. Изд. Товарищества «Литература и наука». Спб. 1903 г. Ц. 60 коп.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя граждан. ская община. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.

З. Евзлинъ. Коммерческая корреспонденція. «Самопомощь». Библіотека коммерческихъ знаній. Спб. 1902 г. Вып. I. Ц. 50 к.

Его же. Конторская практика. Той же библіотеки. Спб. 1903 г. В. II и III. Ц. 1 р. 25 к.

В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверского, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. Спб. 1903.

В. М. Нохратскій. Русская азбука. Казань. 1903. Изд. А. А. Дубровина. Ц. 20 к.

Пермская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Вып. III. Пермь. 1903. Статистич. отд. Пермск. Губерн. З. Управы.

Альбертъ Метенъ. Аграрный и рабочій вопросъ въ Австраліи и въ Новой Зеландіи Изд. Нѣмчинова. Москва. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Внѣземледѣльческіе промыслы Вологодской губерніи. Изд. Вологодскаго Губернск. Земства. Вологода. 1903 г.

Высочайше утвержденное 22-го марта 1903. уголовное уложеніе. Изд. Д. В. Чичинадзе. Спб. 1903 г.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Пер. Соколова 2-е изд. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. 1800—1900 гг. Т. I. Подъ ред. проф. Л. Пти-де-Жильвилля. Изд. маг. «Книжное дѣло». Москва. 1904. Ц. 4 руб.

Аксель Арсталь. Семья и ея задачи, пер. А. и П. Ганзенъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Шарлотта Стетсонъ. Экономическое рабство женщины. Переводъ съ англійскаго и изд. М. Мамуровскаго. Москва. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ Георгъ Еллинекъ. Право современнаго государства. Переводъ подъ ред. В. М. Гессена и Л. В. Шалланда. Изд. Т-ва «Общественная польза». Спб. 1903. Ц. 3 р.

Проф. Г. Геффдингъ. Философія религіи. Изд. Т-ва «Общественная польза». Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

М. Н. Анзимірова (Маранъ). Причины нрав

ственной физіономіи женщины. Истор. очеркъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

Картины. Типы народовъ. 4 выпуска. Изд. Вятскаго Губернскаго Земства. Вятка. 1903.

Ив. Печковскаго. Откуда нѣтъ возврата. Драм. этюдъ въ 2 карт. Новочеркасскъ. 1903. Ц. 30 к.

Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Кн. 31-я. Какъ ухаживать за огородомъ. И. Елина. Кн. 33-я. Какъ ухаживать за цвѣтами. Его же. Книжка 35-я. Какъ сдѣлаться богатымъ. Селивановскаго. Москва. 1903 г. Ц. 12 к.

Двоеженецъ. Разсказъ для взрослыхъ. Съ англійскаго. Изд. «Посредника». Москва. 1904 г.

Эмиль Марріотъ. Въ защиту животныхъ. Очерки и разсказы. Изд. «Посредника». Москва. 1904.

А. Симонова. Какъ я устроила акваріумъ. Ц. 10 к. Новгородъ. 1903 г.

А. Плетневъ. «Сѣятель». Вып. 2. Врачебно-полицейскій комитетъ и его роль. Спб. 1903. Ц. 20 к.

П. Д. Перновъ. Жители крайняго сѣвера. (Эскимосы). Изд. Кудряшова. Москва. 1903 г. Ц. 15 к.

Е. Волкова. Бояринъ Матвѣевъ. Москва. 1903 г.

П. Кондо. Разсказы. Бѣлый голубь. Спб. 1903 г. Ц. 10 к. Любовь. Спб. 1903 г. Ц. 25 к. У пылающаго камина. Стихотвор. Ц. 5. Жизнь. Спб. 1903. Ц. 10 к. Минуты одиночества. Поэзія. Ц. 10 к.

Три смерти. Разск. Л. Н. Толстого. Изд. маг. «Книжное дѣло». Москва. 1903 г. Ц. 5 к.

Вьюга, р. Тимковскаго. Изд. то же. Ц. 20 к.

На нивѣ народной, р. Н. Н. Блинова. Изд. то же. Ц. 10 к.

Изданіе журнала «Кіевской старины»: «Въ клуни». Ц. 5 к. «Не такъ ждалося, да такъ склалося». Ц. 2 к. «Рыбалка Панасъ Круть». Ц. 5 к. «Старци. Дзвонарь». Ц. 4 к.

Всеобщая библіотека Г. Ѳ. Львовича. Разсказы Г. И. Успенскаго. Идиллія. Обстановочка. Невидимка. Авдотья. Богъ грѣхамъ терпитъ. Пришло на память. Невидимки. Слѣпой пѣвецъ. Чуткое сердце. Отцы и дѣти. Выпускъ по 10 коп.

В. И. Массальскій. О положеніи и нуждахъ наемнаго труда въ сельскохозяйственной промышленности. Москва. 1903. Ц. 50 к. Изд. Музея содѣйствія труду.

Кн. Г. М. Тумановъ. Разбои и реформа суда на Кавказѣ. Спб. 1903.

Отчеты санитарныхъ врачей. Спб. Губ. Земства за 1901 г. Спб. 1903 г.

Годовой статистическій отчетъ за 1901 г. Псковской Городской Общественной Библіотеки. Псковъ. 1903 г.

Сельскохозяйственный обзоръ. Псковской губ. за 1903 г. Псковъ. 1903 г.

Геленджикъ, какъ лечебное мѣсто для грудныхъ больныхъ: Д-ра М. Ф. Сульжинскаго. Спб. 1903. Ц. 35 к.

Сопротивленіе воздуха и воздухоплаваніе. К. Ціалковскаго. Калуга. 1903 г. Ц. 25 к.

Война. Разсказы дяди Жоржа. Переводъ съ француз. Н. И. Живаго. Москва. 1904 г. Ц. 45 к.

Подъ громомъ пушекъ. Разсказы и воспоминанія изъ франко-прусской войны 1870 г. Карла Клейна. Москва. 1902 г. Ц. 80 коп.

Щировскаго. По пути жизни. Сборн. разсказовъ. Владикавказъ. 1903 г. Ц. 1 р.

Н. А. Лейкинъ. По сѣверу Дикому. 4-ое изд. Ц. 75 к. Спб. 1904 г.

В. И. Немировичъ-Данченко. Подневольные странники. 15 разсказовъ. Изд. Сойкина. Спб. 1903. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Les indiscrétions de l'Histoire*» *par le D-r Cabanès* (*Albin Michel*). (*Нескромность исторіи*). Исторія всѣхъ народовъ изобилуетъ разными, очень любопытными фактами, изъ которыхъ многіе извѣстны съ точностью только ученымъ, изучающимъ историческіе документы, въ толпѣ же распространяются одни лишь обрывки легендъ или искаженные разсказы и преданія. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью познакомить читателей съ нѣкоторыми фактами, относящимися къ личностямъ, игравшимъ ту или иную роль во французской исторіи и обычаямъ и нравамъ французской имперіи. (Mercure de France).

«*Patriotism under Three Flags*». *A Plea for Rationalism in Politics by Ralph Lane* (*Fisher Unwin*). *6 s. London.* (*Патріотизмъ подъ тремя флагами. Защита раціонализма въ политикѣ*). Въ этомъ философскомъ очеркѣ авторъ доказываетъ, что не одни только англичане обладаютъ характерною особенностью дѣйствовать скопомъ совсѣмъ иначе, нежели каждый въ отдѣльности, такъ какъ, напр., англійскія корпораціи могутъ слѣдовать такой политикѣ, какую никогда не придетъ въ голову усвоить себѣ отдѣльнымъ индивидамъ, входящимъ въ составъ корпораціи. Но это свойство присуще не только англичанамъ, какъ говоритъ авторъ, и составляетъ общую характерную черту всѣхъ народовъ. Онъ приводитъ философскія доказательства, что мотивы, вдохновлявшіе Кливиленда въ его венецуэльскомъ посланіи, вызвавшіе испано-американскую войну, дѣло Дрейфуса и южно-африканскую войну, по существу одинаковы, и во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ называемый «патріотизмъ» представлялъ лишь форму національнаго тщеславія, которое по словамъ автора, стоитъ гораздо ниже индивидуальнаго тщеславія. Изучая, въ качествѣ журналиста и философа, подобныя явленія общественной и политической жизни въ разныхъ странахъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что всегда въ основѣ этихъ явленій заложены ирраціональныя побужденія, сущность которыхъ почти всегда одна и та же. (Truth).

«*The Woman who Toils*» *by M-rs John von Vorstand Marie von Worst* (*Grant Richards*). (*Женщина-мастеровой*). Обѣ авторши этой книги, желая изучить положеніе рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, рѣшили на опытѣ познакомиться съ жизнью этихъ рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Одна изъ нихъ поочередно служила на фабрикѣ пикулей въ Питсбургѣ, на бумаго-прядильномъ заводѣ въ Перри и Нью-Іоркѣ и въ мастерской платья въ Чикаго. Другая работала сначала въ башмачной мастерской, а затѣмъ на бумаго-прядильной фабрикѣ въ южныхъ штатахъ. Каждая отдѣльно описываетъ свои приключенія и впечатлѣнія, вынесенныя ею отъ близкаго соприкосновенія съ женскими рабочими классами и знакомства съ условіями труда въ Соединенныхъ Штатахъ. (Athaeneum).

«*Doubts about Darwinism*» *by a Semi-Darwinian* (*Longman*). *3 s. 6 d.* (*Сомнѣнія относительно дарвинизма*). Это интересная книга, авторъ которой называетъ себя «полударвинистомъ», можетъ навести эволюціонистовъ и др. на многія серьезныя размышленія и побудить къ новому критическому изслѣдованію дарвинизма. (Daily News).

«*Histoire des croyances, superstitions, moeurs, usages et coutumes*» *par Ferdinand Nicolay. 3 vol.* (*Victor Réteaux*). *Paris.* (*Исторія вѣрованій, предразсудковъ, нравовъ, обычаевъ и привычекъ*). Авторъ задался цѣлью написать нравственную исторію человѣчества, выражающуюся въ его вѣрованіяхъ и предразсудкахъ. Этотъ серьезный и интересный трудъ заслуживаетъ полнаго вниманія образованныхъ читателей и ученыхъ. (Journal des Débats).

«*Chez les cannibales*» *par le comte Rodolphe Festities de Tolna. Un vol., richement illustré* (*Plon éditeurs*) *20 fr.* (*У каннибаловъ*). Авторъ этой книги описываетъ чрезвычайно интересное путешествіе, которое онъ совершилъ вмѣстѣ со своею женою. Онъ отправился на другой же день послѣ свадьбы въ Тихій океанъ, на своей маленькой яхтѣ въ 76 тоннъ. Путе-

шествіе продолжалось восемь лѣтъ, причемъ онъ посѣтилъ почти всѣ острова Океаніи и хорошо ознакомился съ нравами ихъ обитателей и природой острововъ. Книга прекрасно иллюстрирована.

(Journal des Débats).

«*Der ästaetische Genuss*» *von Karl Groos. Giessen* (*Rickersche Verlagsbuchhandlung*). (*Эстетическое наслажденіе*). Желающимъ уяснить себѣ главные вопросы эстетики предлагаемъ этотъ новый трудъ гиссенскаго философа, который, послѣ своихъ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій игръ у человѣка и животныхъ, снова возвращается теперь къ своему исходному пункту—къ эстетикѣ. Въ названномъ трудѣ онъ изслѣдуетъ общія условія эстетическаго наслажденія, обѣщая въ слѣдующихъ томахъ перейти къ проблемамъ художественнаго творчества, психологіи генія, понятіямъ о красотѣ и т. п.

(Francfurt. Zeit).

«*Die Naturkräfte*». *Ein Weltbild der physikalischen und chemischen Erscheinungen von D-r Wilhelm Meyer. Leipzig und Wien* (*Bibliographisches Institut*). (*Силы природы*). Чрезвычайно солидный трудъ, авторъ котораго развертываетъ передъ читателемъ великую міровую картину физическихъ и химическихъ явленій природы. Книга состоитъ изъ трехъ неодинаковыхъ частей. Въ первой разсматриваются физическіе явленія и законы, но не въ сухомъ изложеніи учебника физики, а въ остроумной и занимательной разговорной формѣ, причемъ картины служатъ наилучшимъ поясненіемъ къ словамъ. Вторая, небольшая часть посвящена явленіямъ неорганической и органической химіи, а въ третьей, подъ заглавіемъ «Stufenfolge des Naturvorgänge», излагается исторія происхожденія вселенной на основаніи отдѣльныхъ фактовъ, съ которыми читатель ознакомился въ предшествующихъ частяхъ. Такимъ образомъ, получается стройная и грандіозная картина вселенной, набросанная смѣлою рукою автора. Конечно, въ этой части, также какъ и въ другихъ, авторъ приводитъ много гипотетическихъ взглядовъ, но всюду онъ старается обратить на это вниманіе и указать на гипотетическій характеръ изложенныхъ имъ теорій, такъ чтобы читатель не могъ быть введенъ въ заблужденіе и принять гипотезу за аксіому. Книга снабжена превосходными иллюстраціями и чертежами. (Francfurt. Zeit).

«*Mont Pelée and the tragedy of Martinique*» *by A. Heilprin. Philadelphia und London* (*Lippincott C°*). (*Лысая гора и трагедія Мартиники*). Президентъ геологическаго общества въ Филадельфіи, Анджело Гейльпринъ, издалъ прекрасную книгу, представляющую литературное и научное описаніе грандіознѣйшаго явленія природы. Авторъ рисуетъ яркую картину страшныхъ событій на Мартиникѣ и разрушенія прелестнаго города Сенъ-Пьера, описываетъ прежнюю жизнь и безпечность жителей, не вѣрящихъ, что имъ угрожаетъ опасность, затѣмъ наступившую панику и гибель. Когда Гейльпринъ 25-го мая высадился на Мартинику, то глазамъ его представилась черная пустыня, облитая лучами палящаго солнца, въ которой царствовало страшное безмолвіе смерти. (Daily News).

«*Mankind in the Making*» *by H. G. Wells.* (*Chapman and Hall*). *6 s.* (*Человѣчество въ своихъ дѣлахъ*). Въ этомъ своемъ новомъ сочиненіи талантливый авторъ, хорошо извѣстный читающей публикѣ, уже не вдается ни въ какія предположенія и гипотезы и не рисуетъ яркихъ и фантастическихъ картинъ будущаго, какъ въ своихъ предшествующихъ сочиненіяхъ, а говоритъ только о настоящемъ и стремится составить себѣ понятіе, на основаніи этою настоящаго, о цѣляхъ и стремленіяхъ человѣчества, о его внутренней волѣ и создать новую теорію и программу соціальнаго и политическаго поведенія.

(Daily News).

«*Das Land der Zukunft*» *von Wilhelm v. Polenz. Berlin* (*Fontane*). (*Страна будущаго*). Въ книгѣ собраны очерки недавняго путешествія автора въ Америку. Они написаны такъ занимательно и такъ ярко рисуютъ американскую жизнь и современное положеніе Соединенныхъ Штатовъ, что у читателя можетъ составиться вполнѣ ясное представленіе о томъ, что это дѣйствительно страна будущаго. Беллетристическій талантъ автора, конечно, отразился и въ этихъ очеркахъ и придалъ имъ особенную живость и картинность.

(Francfurt. Zeit).

«*The Strength of the People*» *a Study in Social Economics, by M-rs Bosanquet* (*Macmillan and C°*). *8 s. 6 d.* (*Сила народа*). Авторъ этой книги посвящаетъ главное вниманіе вопросамъ, касающимся положенія рабочихъ и неимущихъ классовъ населенія и подвергаетъ анализу современныя филантропическія схемы и законы о бѣдности, существующіе въ Англіи. Одна изъ главъ книги посвящена изслѣдованію источниковъ бѣдности.

(Morning Post).

«*The Coming of the Colonist*» *by C. D. Brownfield* (*Dent*). *4 s. 6 d.* (*Приходъ колониста*). Въ лицѣ колониста авторъ изображаетъ совершенно особенный типъ человѣка, преисполненнаго глубокаго негодованія по поводу условій, существующихъ на его родинѣ, но въ то же время питающаго глубокую привязанность къ имперіи и гордящагося его. Охваченный жаждой дѣятельности, онъ стремится расширить тѣ узкія рамки, въ которыя его ставятъ соціальныя условія страны, и, сбросивъ съ себя всѣ путы, отправляется со-

здавать имперію въ далекихъ странахъ. Его привлекаютъ широкіе горизонты, свѣжій воздухъ полей и отсутствіе условностей, составляющихъ характерную черту городской жизни. Однако, авторъ ничего не имѣетъ общаго съ шумнымъ, вульгарнымъ и матеріалистическимъ имперіализмомъ, который повергнулъ въ прахъ всѣ самые возвышенные идеалы націи, и типъ колониста, изображеннаго имъ, является типомъ будущаго, которое создастъ новый идеалъ имперіи и загладитъ многія несправедливости современной соціальной жизни и исторіи. (Daily News).

«*La Morale et la Science des Moeurs*» *par L. Levy-Bruil, prof.* (*Felix Alcan*). (*Нравственность и наука о нравахъ*). Авторъ поставилъ себѣ задачей объективное изслѣдованіе науки о нравахъ и заимствуетъ у физики и біологіи ихъ способы изслѣдованія и методы. Онъ объясняетъ, какимъ образомъ наука о нравственности вошла въ область соціологическихъ наукъ, и указываетъ на это, какъ на логическое и историческое послѣдствіе процесса эволюціи наукъ за послѣднія три столѣтія. (Journal des Débats).

«*Primer on Teaching, by John Adams. M. A.* (*T. Clark*). (*Азбука преподаванія*). Авторъ этой книги—профессоръ педагогики въ лондонскомъ университетѣ, излагаетъ свой взглядъ на различные методы преподаванія, природу ребенка, устройство классовъ, обращеніе съ дѣтьми и т. д. Въ девяти главахъ его книги нѣтъ ни одной страницы, которая не была бы прочтена съ пользою и интересомъ, не только профессіональными учителями, но и всѣми, интересующимися психологіей школьнаго возраста и вопросами, связанными съ воспитаніемъ дѣтей. (Bookseller).

«*Economic Ideals*» *by James Dundas White. M. A.* (*Henderson*). (*Экономическіе идеалы*). Интересная маленькая книжка по заключающейся въ ней критикѣ многихъ экономическихъ учрежденій и взглядамъ на тѣ или другія реформы. Авторъ является послѣдователемъ идей Спенсера и Генри Джорджа. (Bookseller).

«*The South African Problem*» *by M. C. Mallik* (*King and son*). (*Южно-африканская проблема*). Авторъ этой небольшой книжки излагаетъ современное политическое положеніе южной Африки и тщательно изслѣдуетъ южно-африканскую проблему, разрѣшеніе которой составляетъ современную задачу Англіи. (Bookseller).

«*Last Days of Great Men*» *by W. Quartesnaine East.* (*Sampson Low and C°*). (*Послѣдніе дни великихъ людей*). Кромвель, Наполеонъ и Магометъ—вотъ тѣ великіе люди, о которыхъ говоритъ авторъ. Интереснымъ добавленіемъ къ этимъ біографическимъ очеркамъ является дневникъ, касающійся одного эпизода кампаніи 1812 года. (Bookseller).

«*Ireland und her story*» *by Justin M. C. Carthy* (*Horace Marchall*). (*Ирландія и ея исторія*). Въ этомъ прибавленіи къ серіи изданій «The Story of the Empire» авторъ разсказываетъ въ двѣнадцати главахъ исторію Ирландіи, съ древнѣйшихъ временъ до настоящей эпохи. Несмотря на сжатое изложеніе, авторъ даетъ полную и яркую картину историческаго процесса, совершавшагося въ Ирландіи. (Daily News).

«*Elements of Political Economy*» *by James Bonar* (*John Murray*). (*Элементы политической экономіи*). Книга заключаетъ въ себѣ очеркъ руководящихъ принциповъ современной политической экономіи, отличается простотою и ясностью изложенія, такъ что даже начинающій читатель въ области экономической науки не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, читая главы о капиталѣ, заработной платѣ, таксированіи и т. д. Притомъ же авторъ несомнѣнно обладаетъ умѣніемъ заинтересовать своимъ предметомъ читателя. Особенно содержательны главы, касающіяся протекціонизма. (Bookseller).

«*The Law of Mental Medicine*» *by Thomas Jay Hudson* (*Putnam's Sons*). (*Законъ духовной медицины*). Задача этой книги, какъ говоритъ самъ авторъ, установить твердыя научныя основанія для терапіи души и сдѣлать доступными для большинства наиболѣе дѣйствительные методы леченія душевныхъ болѣзней. Первыя девять главъ посвящаются психологическимъ принципамъ, на которыхъ основывается леченіе и изслѣдуется связь между психологическими и физіологическими явленіями. Теоріи и аргументы, приводимые авторомъ, особенно должны представлять интересъ для обыкновенныхъ читателей, такъ какъ тутъ они могутъ найти весьма важныя для себя указанія и предостереженія. (Bookseller).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

AP 50 MIR OZHII
.M67 Oct 1903
v.12
no.10

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

BOUND BY HNM

U of Chicago
55015035